

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★

ГАЛАКТИКА БЕЗ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

ГАЛАКТИКА БЕЗ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

НОВОСИБИРСК 1994

ББК 84.4 Ин
Г 15

Г $\frac{4703010100-10}{Ю22(03)-94}$ Без объявл.

ISBN 5—85513—010—X

- © Молокин М. А., 1994,
составление.
- © Заплавный А. А., 1994
оформление.

ДУГЛАС ХИЛЛ

ОХОТНИК

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Перевод с английского

Часть первая

ДЕВСТВЕННЫЙ ЛЕС

Пролог

Для Джошуа Феррала выдался прекрасный день. Встало теплое солнце и прогнало прохладу из октябрьского воздуха, но он остался бодрящим, свежим и ароматным. Большинство деревьев в густом лесу окрасились в свои самые яркие цвета и, казалось, что все богатства девственного леса, как и его прелесть, с готовностью предлагали себя человеку. Большой кожаный рюкзак Джошуа был полон свежим мясом, и несколько кусков он отложил для себя и своей семьи — жене Уайре, чтобы той было с чем поколдовать на кухне.

Это был человек среднего роста и среднего возраста, тощий и загорелый, в его темных волосах уже блестела сединой парочка прядей. Одет он был в просторную рубаху и штаны из оленьей кожи, а на ногах имел низкие ботинки из белой крепкой кожи. На боку у него висел остро отточенный нож, а в руках — длинная тонкая жердь, с заточенным и обожженным на огне острием, что делало ее копьём. Шел по лесу он легким шагом, почти бесшумно, если не считать шороха палой листвы. И чувствовал он себя в лесу совершенно как дома.

И, как это частенько бывало, Джошуа чувствовал признательность — ни к кому-то конкретно, а просто признательность за то, что дикий лес столь щедро предлагал свои богатства. За то, что он способен был взять эти богатства.

Конечно, все это предполагало заботу и частенько трудную жизнь для него, ведь вся деревня благодаря его искусству время от времени могла разнообразить свое меню свежим мясом. Таким образом, он был обособлен от остальной части поселян.

Но уж это почти не беспокоило его. Это был недалекий и приземистый народ, закопавшийся в своих клочках грязи, которую они скребли, чтобы прокормиться, не зная, или не желая знать, что лежит за околицей деревни и боящиеся даже своей собственной тени. Они не желали ничего знать. Да.

«Что ж, — думал Джош, — были причины бояться, были. И не своей тени боялись они, но той тени, что распростерлась над всем миром, тени, накрывшей все человечество. И то, что осталось от человечества».

Но не было времени думать о тенях и страхах в этот прекрасный октябрьский день, когда и охота была удачной. Страна была большой — Джош лучше многих знал, какая это большая страна — в молодости он немного путешествовал, хотя это и считалось слишком рискованным. Он сам видел, как далеко простиралась дикая природа, девственный лес, которого совсем не понимают жители маленьких, жмущихся друг к другу деревушек, в которых сохранились остатки человечества. Человек может прожить всю свою жизнь в покое, без теней и без страхов, в глубине девственного леса. Если счастье от него не отвернется, если он не будет совершать ничего глупого и безрассудного.

Джошуа Ферралу случалось рисковать, но он никогда не совершал ничего глупого или безрассудного.

Вот и сейчас, когда шел себе неспешно среди деревьев, глаза его не знали покоя. Лист ли шелохнулся, веточка вздрогнула ли — все подметит его острый глаз.

Всегда есть возможность столкнуться с медведем, дикой кошкой или росомахой. Но он знал, что почти всегда эти звери оставят человека в покое, если он не будет трогать их, и Джош всегда был готов уступить им дорогу.

Именно поэтому, когда он обогнул полосу бурелома и увидел кустарник, покрытый спелыми красными ягодами и сотрясаемый кем-то невидимым, он тут же остановился.

«Не медведь, — подумал он про себя, внимательно приглядевшись. — Слишком маленький. Может быть, енот. Наверное, он не будет возражать, если я наберу немного ягод для Уайры».

Он бесшумно скользнул вперед, взяв на всякий случай копьё наизготовку. Острием копья он мягко отодвинул ветки кустарника. И рот, и глаза его широко раскрылись от удивления.

Не медведь и не енот. Ребенок.

«Где-то между двумя и тремя годами», — решил он. Пухленький, здоровенький и голенький, словно только что родился. Он весь вымазался в грязи и ягодах и его совершенно не беспокоит, что он абсолютно один оказался в самой глухомани.

Ребенок увидел Джоша, перестал жадно обрывать ягоды и уставился на него круглыми, любопытными, серыми и начисто лишенными страха глазами. Джош подошел поближе, встал на колени, чтобы лучше рассмотреть измазанное ягодами личико.

— Но, чтоб я так жил, — прошептал он наполовину про себя, — откуда ты взялся здесь, дружочек?

Услышав его голос, ребенок улыбнулся, протянул ему кулачок, полный давленных ягод, из которого капал яркий сок.

— Очень мило с твоей стороны, — улыбнулся в ответ Джош. — Я вижу, хорошо ты здесь живешь.

Он огляделся. Между двумя большими кустами ягодника лежала куча сухих листьев, которая, как понял Джош, не сама по себе здесь появилась. И несколько листьев, застрявших в густой копне соломенных волос ребенка, показали, что листья эти — его постель. Джош озадаченно покачал головой. Хотя этот мальчик провел прохладную осеннюю ночь совершенно нагим, что было очевидно, и кроме кучи сухих листьев у него ничего не было, он не казался больным. Но сам ли он собрал листья? И был ли он уже обнажен, когда попал сюда? И в конце концов, как он попал сюда?

Не упуская ребенка из виду, он внимательно изучил почву вокруг ягодного кустарника. Ему удалось обнаружить один-два отпечатка босой ножки. Но никаких других следов не было. Если земля не таит от него секретов, казалось, только здесь он научился, начал ходить, и сразу нашел себе место для гнездышка.

Внезапная мысль поразила его, будто льдинка скользнула по спине. Неужели ребенка *уронили* в лес? *Они?*

Но эта мысль не имеет смысла. *Они* не бросают людей в лес, *они* забирают людей отсюда. Но ребенок был здесь, и он не мог уйти и оставить его здесь.

Он протянул руку ребенку.

— Что ж, пойдём, таинственный человек, — сказал он с улыбкой. — Лучше нам с тобой отправиться домой. Посмотрим, может быть, Уайра найдет тебе кой-какую одежку.

Какое-то время ребенок внимательно смотрел на него, словно взвешивая. Его ясные серые глаза потемнели. Потом он улыбнулся, засмеялся и протянул свои ручонки.

Джош тоже ухмыльнулся и обнял его. Подняв ребенка на руки, он обратил внимание на странную метку, проступившую на детской руке у самого плеча. Кучка маленьких черных точек явственно проступала на гладкой коже и расположение их казалось не случайным. Но эта картинка ничего не говорила Джошу.

Он старательно потер эти точки большим пальцем и опять беспричинный холодок пробежал по его спине. Но мальчик беззаботно захохотал и запрыгал на его руках, словно торопя отправиться в путь.

И Джош повернулся и пошел по лесу домой. «Кое-кто в деревне забеспокоится, — сухо подумал он. — Но я считаю, что Уайре он понравится с первого взгляда. А уж беспокоиться о том, что его настоящие соплеменники будут его разыскивать, будем потом».

Но он-то знал, что это нежелательно. Многие годы его деревня не посещалась чужаками, а ближайшая деревня находилась более чем в пятидесяти километрах, гораздо дальше, чем то расстояние, на которое отваживались путешествовать большинство людей тех дней.

— Я так решил, дружок, — сказал он вслух, — у тебя появится новый дом и новые соплеменники. И добро пожаловать — и я, и Уайра всё хотели завести ребеночка, да нам никак не везет в этом. И я решил — теперь мы завели одного, хотя и странным образом.

Он улыбнулся ребенку, который не сводил с него своих любопытных блестящих глазенок.

— Бьюсь об заклад, — продолжал Джош, — Уайра захочет назвать тебя в честь своего дедушки — Финн. Подходит тебе? Финн Феррал...

1. Утрата

Легкий порыв ветра пронесся по верхушкам тополей и вплелся в пение птиц и жужжание насекомых — так лес вечно бормочет про себя, подремывая под ласковыми лучами утреннего солнца в начале лета. С макушки

высокой сосны взлетел сокол, вспыхнул красным и коричневым на безупречной голубизне неба и стрелой помчался на запад, туда, где девственный лес тянулся за горизонт, и даже сокол своими острыми глазами не видел ему конца. А внизу, на испещренном солнцем крае полянки стоял олененок с бархатистыми рожками, стоял настороже, задрал нос и прядая ушами.

С подветренной стороны полянки, в лиственном полумраке пробирался среди деревьев молодой человек — пробирался легким поспешным шагом, но в полной и сверхъестественной тишине, так что даже пугливый олененок не подозревал об его присутствии. Но он-то заметил олененка, как заметил промелькнувшего сокола. Впрочем, он мог выделить и опознать любой звук из слитного шума леса.

Молодой человек был плотно сбит, худощав и гибок, как сильный волк, с копной соломенных волос и серыми глазами под нависшими густыми бровями. Он носил простые кожаную куртку и штаны, а также низкие мягкие башмаки; на одном бедре висел тяжелый нож, на другом — кожаная сумка. А вокруг левого запястья была обмотана широкая полоска более темной прочной кожи.

Ему еще не было двадцати лет, но он уже стал охотником, кормившим свою деревню, расположенную километрах в двух к востоку. Но сегодня он не охотился. Увидев олененка, он вначале соблазнился, и его правая рука потянулась было к полоске кожи, обмотанной вокруг запястья, это была грубая, но действенная праща, но потом он снова намотал пращу и оставил олененка в покое. Недавно он наигрался в свое удовольствие, и деревенские кладовые ломились от запасов мяса, так что большинство жителей были заняты засолкой мяса впрок и выделкой шкур.

Поэтому молодой человек мог уйти в лес и предаться своему любимому занятию — гулять, бродить, лениво перелистывать страницы бесконечной и вечно изменчивой книги девственного леса. Его звали Финн Феррал — и он изучал эту книгу всю свою недолгую жизнь.

Когда он собирался уйти из деревни, его отец, Джошуа Феррал (на самом деле — его приемный отец, хотя Финн редко думал о нем так), попросил его найти прямую ветку ясеня или клена, чтобы сделать новую рукоятку для мотыги. Но прежде всего он хотел поискать в низинах ранних лесных фиалок, от чего радостью вспыхнут глаза дочери Джошуа — Джены, которая была на шесть лет моложе его.

Но в чаще леса он забыл и о рукоятке для мотыги, и о цветах — несмотря на спокойствие, что окружало его, несмотря на то, что он знал эту часть девственного леса так же хорошо, как свою собственную комнату, он чувствовал себя беспокойно.

Лес как-то изменился. Что-то было не так, какое-то зловещее предчувствие витало вокруг, будто тень листьев таила в себе какую-то угрозу. Он мельком подумал, что олененок тоже ее чувствует — животное казалось необычно настороженным и напряженным. Возможно, и сокол почувствовал это, поднявшись в воздух. Однако он не видел и не слышал ничего необычного, чем можно было бы объяснить возникшее чувство, да и легкий ветерок не доносил никаких новых запахов.

Но лесные жители, казалось, доверяли не только своим пяти чувствам. А Финн был настолько же обитателем леса, насколько и человеком.

Он двинулся по крутому откосу, который поднимался к возвышенному и открытому месту — оттуда перед ним откроются лесные просторы. Он поднимался по мелколесью в полнейшей тишине и почти невидимый: постоянно вертел головой, изучая каждый кусочек листвы и почвы, его постоянная бдительность и наблюдательность усилились из-за нестихающего беспокойства. Вскоре он поднялся к открытому всем ветрам, покрытому дерном бугру на вершине горы и там ему бросились в глаза струйки серого дыма, лениво поднимающегося вдаль из очагов его деревни.

Затем он заметил еще кое-что, и волосы его встали дыбом.

Издали они казались совсем крошечными, но глаза Финна, не менее острые, чем глаза сокола, заметили их. Два существа с крыльями летучих мышей кружились и пикировали среди струек дыма. Он видел таких существ только дважды за свою жизнь и всегда издали, но знал, что это такое.

Он быстро пробежал остатком склона до вершины и застыл. У него внезапно перехватило дыхание.

Теперь он видел всю деревню, с такого расстояния выглядевшую кукольной — кучка маленьких жилищ. В центре деревни, огражденной деревянным забором и укрытой навесом, стоял общественный колодец. Рядом с колодцем лежало нечто, что, как он знал теперь без всяких объяснений, было источником его ощущения зловещей угрозы.

Яйцевидный металлический предмет, и достаточно большой, чтобы вместить четырех человек, злобно сверкал на солнце.

Такую штуку Финн никогда не видел раньше. И все же он знал, что это такое и что означает его присутствие.

В деревню явились *они*.

Финн вряд ли осознавал, что заставило его броситься вниз по склону.

Он не думал, почему он бежит и что собирается делать. Но он уверенно мчался в сторону деревни, коричневым пятном мелькая меж древесных стволов.

И все равно много минут у него ушло, чтобы преодолеть это расстояние. Когда он добежал до кучки домов, металлическое яйцо уже улетело, существ с крыльями летучих мышей тоже не было видно. Казалось, вокруг вообще ничего не изменилось. Дома — большинство хижин были сделаны из ошкуренных бревен с низкой тростниковой крышей — стояли так же прочно, как и всегда, из труб все еще струился дымок.

Но двери большинства хижин были распахнуты, а в дальнем конце деревни собралась кучка людей. До Финна донесся плач.

Наконец, он взглянул на ближайшую хижину, стоящую у края деревни — дом, где он жил всегда, насколько мог помнить. Ее дверь была тоже распахнута, но внутри не было заметно никакого движения, не поблескивала сединой серебряная голова Джоша и не доносился ясный голосок Джены.

Они должны быть среди толпы деревенских жителей, сказал он себе. Он не позволил себе думать о том, что могло случиться что-то другое.

Толпа повернулась к Финну. Большинство лиц было искажено страхом и он увидел слезы на глазах у многих — и мужчин и женщин. В глазах у других он увидел горечь и гнев.

— Что здесь случилось? — крикнул он.

Дородный бородатый мужчина вышел вперед, рот его был злобно искривлен:

— Смерть здесь была, вот что! И вина за это падет на тебя, Финн Феррал!

Финн застыл, удивленный и потрясенный, а высокий мужчина в толпе протянул руку:

— Это безумие, Хокер! Не вини мальчика.

Он повернулся к Финну:

— Злой день, парень. Рабовладельцы были.

— И сожгли мою Бетти! — проревел бородатый мужчина, которого звали Хокером.

Только тогда Финн заметил скомканное женское тело, лежащее в пыли и полускрытое толпой. Это зрелище тисками перехватило горло.

— Почему? — прошептал он. — Почему они это сделали?

— Потому что тебя здесь не было, Финн Феррал! — продолжал реветь Хокер.

Снова вмешался высокий мужчина.

— Рабовладельцы забрали маленького Лайла, — угрожающе сказал он. — Бетти попыталась помешать им — он же был ее единственным сыном. Они сожгли ее.

Финн, потрясенный, посмотрел на Хокера.

— Просто...

— На тебя горя тоже хватит! — крикнул Хокер. — И ты не будешь жить беззаботно, когда моего мальчика забрали, а Бетти сожгли, — слезы полились из глаз мужчины, но в них, кроме горя, сверкала и ярость.

Безмолвный удивленный Финн повернулся к высокому мужчине, который пожал плечами и вздохнул.

— Не твоя вина, Финн, — толпа забормотала, соглашаясь или нет.

Финн ничего не мог понять.

— Хокер просто считает, что будь ты на месте, рабовладельцы забрали бы тебя вместо Лайла.

Финн устался на него, все еще ничего не понимая. Высокий мужчина мрачно глядел на него.

— Так ты все еще ничего не знаешь?

— Знаю... что? — спросил Финн. Но даже прежде, чем высокий мужчина начал объяснять, осознание случившегося копьем пронзило юношу.

— Видишь, в чем дело, парень. Работоторговцы пришли за тремя — ведь они и забрали троих. Ты мог быть вместо Лайла — ведь первыми они забрали старого Джоша и Джону.

2. Порабощенный мир

Финн покачнулся, в его глазах помутилось. Снова вопил Хокер, а остальные жители деревни разом заговорили, но их голоса доносились откуда-то издалека. Тело Финна оцепенело, заledenело от потрясения. Полуослепнув

от внезапно наворачнувшихся слез, он повернулся и, спотыкаясь, побрел прочь.

Позади него ревел Хокер:

— Кровный долг лежит на тебе за этот день, Финн Феррал.

А потом он бросился вслед за Финном — в его руке появился нож.

Даже несмотря на глубину мучений и ужаса, какой-то инстинкт предупредил его. Он повернулся, встречая бросок Хокера, и, хотя он был отброшен огромным весом налетевшего мужчины, рука его метнулась и вцепилась в мясистое запястье руки, державшей нож. Затем Финн твердо встал на ноги, а Хокер обнаружил, что остановлен на бегу и хватает от боли воздух ртом, а стальной захват на его руке сжимается все туже.

Нож, сверкнув, упал в пыль.

— Где был твой нож, Хокер, когда Рабовладельцы были здесь? — голос Финна был резок, неузнаваем. — Какой кровный долг лежит на них?

Без видимого усилия он отбросил дородного мужчину и тот растянулся на земле, широко раскрыв глаза. Потом он взглянул на остальных и увидел правду на их лицах. Некоторые были угрюмы, некоторые испуганы, некоторые просто насторожены. Но почти все они были настроены против него. После этого ужасного дня им было нужно кого-то ненавидеть. И он стал козлом отпущения — поскольку он был чужаком, никому не приходился родней и не являлся частью их маленькой, наполненной страхом жизни.

Он отвернулся и ушел, пошел к хижине, которая была его домом. Когда он закрыл за собой дверь, то позволил себе прислониться спиной к стене и пустота сомкнулась вокруг него, холодная и безысходная. Пустота — и воспоминания.

Раньше хижина была всегда полна любовью и теплотой, заботой и сплоченностью. Так было с того самого дня, когда Джошуа принес его домой из леса. Финн ничего не помнил из того, что было прежде, но хорошо помнил, как Уайра окутала его теплотой своего участия, как Джош и Уайра приняли его за родного. Все последующие годы они растили его с любовью, получали бесконечное удовольствие от его постоянного бодрого веселья, от его острого любознательного ума, который, казалось, всегда готов был изучать все обо всем.

Больше всего в те далекие годы Финн хотел учиться у Джоша образу жизни в окружении дикой природы.

И учился он так быстро, что Джош поверил: между этим ребенком и дикой природой есть какая-то особая, почти мистическая связь: может быть, возникающая именно тогда, когда ребенок заблудился в диком лесу и чудесным образом избежал всех его опасностей.

Прошли годы, мальчик вырос и стал сильным юношей и, вполне естественно, стал преемником Джоша в качестве деревенского охотника. Это стало необходимым еще и потому, что Уайра заболела, родив дочь — Джону. Такую болезнь когда-то можно было вылечить несколькими таблетками, но в мире, где они жили, не было лекарств. Меньше, чем через год она умерла. Тогда Джош, постаревший, утративший живость движений, вынужденный ухаживать за ребенком, решил остаться дома и предоставить охоту искусству юного Финна.

— Я учил этого мальчика, но теперь он может поучить меня, — говаривал Джош соседям, — он может сосчитать перья у сокола, а мы и не увидим его в вышине. Он слышит, как мышь дышит в норке, выследит бобра под водой. Ничего подобного я не видел.

Соседи кивали и улыбались, но мельком бросали взгляды друг на друга — не потому, что не верили Джошу, они знали, что тот говорит чистую правду, а потому, что было нечто такое в Финне Феррале, что беспокоило их.

А старый Джош посмеивался про себя и говорил:

— Отличный он парень, хотел бы я, чтобы он всегда был со мной, но когда он дома, я чувствую себя в чем-то виноватым. Все равно, что держать дикого орла в клетке. Он должен быть на свободе.

Тогда соседи снова обменивались взглядами и расходились в тревоге — в их мире немногие позволяли себе пользоваться такими словами как «свобода».

Но Джош был себе на уме, говорил он все, что вздумается, не отворачиваясь от туманных страхов, которые таились за границей монотонной деревенской жизни. У него даже было несколько книг, сохранившихся с Забытого Времени, истрепанных и разрозненных, но их хватило, чтобы научить Финна немного читать и писать. Из этих книг и того, что знал Джош — информация поколениями передавалась из уст в уста, Финн пополнял свое образование знаниями о прошлом.

Большинство из того, что он узнал, было разрозненным, полупонятным, переполненным загадками и тайнами. Но все же он знал гораздо больше, чем многие из живущих, о Забытом Времени и том ужасе, что пришел после него.

По-видимому, в Забытое Время — давным-давно, возможно, лет триста назад, а может быть, и больше, мир был переполнен людьми, их были миллиарды. Они строили огромные города из металла и камня, прокладывали на земле каменные дороги, жили, работали, путешествовали, всегда огражденные от окружающего каменным или металлическим барьером. Они жаждали богатства и власти, те люди. Это их страстное желание отравляло землю и воздух, преграждало реки и океаны, вырубало леса и уничтожало диких животных.

И в конце концов те люди уничтожили сами себя.

Каким-то образом они предали огню весь свой мир. Потом, когда огонь угас, большинство огромных городов превратилось в руины, и из всех миллиардов остались лишь несколько миллионов человек.

Выжившие скрывались в руинах и мечтали заново отстроить старый мир. Они, вероятно, и приступили бы к этому, но такой возможности им не представилось.

Никто не знает точно, сколько это продолжалось — несколько поколений после разрушения, может быть, столетия. Но однажды, без предупреждения, с ужасающей внезапностью в небесах появились огромные, угловатые металлические тела. Они сотнями медленно опускались на опустошенную землю.

Они пришли — и то был первый день теперешнего мира.

Они распознали по миру с холодным чуждым безразличием. Они были гуманоидами, но не людьми — тонкорукие и тонконогие, с раздутыми, как у насекомых, телами, их безводосые головы были совершенно гладкими, если не считать разреза рта и прямоугольных желтых фасеточных глаз. И остатки человеческой расы разбежались и попрятались, завывая от ужаса.

Но не все. Некоторые смельчаки попытались изучить чужаков, войти с ними в контакт. Но не преуспели в этом. Стало ясно, что человек, который подойдет слишком близко к чужакам, пусть даже и случайно — это уже мертвый человек. У чужаков были полые металлические палки, из которых извергались малиновые лучи огромной энергии. Они направляли свое оружие на людей так же небрежно, как люди мимоходом убивали мух.

Каким-то образом остатки человеческой расы собрали свое мужество, раздобыли немного оружия из остатков своей цивилизации и восстали против чужаков. Их мятеж продолжался лишь несколько дней. При первых признаках сопротивления корабли чужаков поднялись в воздух.

Человеческое оружие было бессильно против их металлических корпусов, а на кораблях оказались более мощные источники энергетических лучей. Холодно, методично чужаки уничтожали человечество.

Ни одно человеческое поселение не убереглось от убийственных лучей. Даже выжженные руины старых городов были сожжены вновь, бесследно расплавлены. И во второй раз мир оказался опутанным пламенем, и человечество сгорело в нем.

Чужаки высылали свои странные создания с крыльями летучих мышей на разведку — те вынюхивали, где скрываются мятежники, чтобы продолжить бойню. И в конце концов уцелели лишь немногие — может быть, всего несколько тысяч во всем мире — скрывшись в те районы, где девственная природа, которой они некогда избегали, теперь предлагала им убежище.

Там они и остались, так как чужаки после своей тотальной победы не стали преследовать нескольких выживших. Таким образом, перед лицом столь подавляющего превосходства чужаков, их холодной кровожадности, что-то исчезло из души человечества.

Несколько все еще втайне лелеяли в душе ненависть, но то была пустая, бессильная ненависть, порожденная ужасом и безнадежностью. Гордость, мужество, дух мятежа, надежда — все это исчезло из сердца человечества. Не осталось ничего, кроме слепого животного инстинкта самосохранения.

И все же они выжили, прожили годы и поколения. Они жили в неудобном, примитивном сосуществовании с дикой природой, вернувшись к образу жизни своих диких предков. А девственная природа восстановила себя, вновь привольно раскинувшись по лику земли, укрыв и похоронив страшные шрамы двух опустошений.

Пока природа восстанавливала свой мир и укрывала прячущиеся остатки человечества, чужаки занимались своими непостижимыми, холодными и безразличными делами. Они в нескольких местах построили странные, замысловатые строения, испещрили землю там и тут запутанными приспособлениями, присвоив Землю и остатки ее богатств.

Никто так и не знал: зачем. Никаких отношений между землянами и новыми хозяевами Земли не было. Словом, как сказал однажды Джош Феррал Финну: «Люди тоже не больно-то разговаривают с мышами в стогу сена».

Несомненно, так оно и было.

Род людской жил сам по себе в маленьких, грубо построенных деревеньках, в глуши простиравшихся во все стороны лесов. Они расчищали маленькие поля и возделывали их примитивными инструментами. О чужаках говорили редко, словно этим можно было помочь. Но осознание присутствия чужаков не покидало людей.

В первые годы после мятежа человечество осознало, что существуют некие границы, которые запрещается преступать. Они усвоили, что запрещается строить слишком большие деревни, что нельзя их строить слишком близко друг от друга и что запрещается пользоваться даже смутным воспоминанием о науке, индустрии и технологии. Не должно быть прогресса никакого рода, никакого стремления к чему-либо подобному той цивилизации, о которой большинство из них едва помнили.

Они усвоили эти уроки жестоким методом проб и ошибок. Крылатые шпионы, как называли люди крылатые создания, могли посетить деревню в любое время — парили над крышами, прицеплялись снаружи к окнам. Если деревня слишком вырастала или кто-либо изобретал какое-то полезное устройство или процесс, крылатые шпионы сразу обнаруживали это. Тогда появлялись чужаки. И не в одном из своих огромных кораблей, а в странных яйцевидных машинах, которые легко парили над землей. Вспыхивали энергетические лучи, и все запретное стиралось с лица земли. Вместе с людьми.

Были и другие, еще более безжалостные уроки. Время от времени чужаки появлялись беспричинно, без предупреждения, и забирали с собой людей. Выбирали людей, казалось, случайным образом, и никто не знал, для чего, и что с ними происходило там, куда их увозили.

Это было окончательным утверждением новой роли человека на его собственной планете. Угнетенные, деградировавшие, невежественные, перепуганные люди стали не более чем зверьками для своих правителей-чужаков. «Мыши в стоге сена» — их не замечали и держали под контролем, их мучили и походя убивали.

И все-таки человечество каким-то образом продолжало существовать. А поскольку нельзя вечно находиться в страхе, иначе можно погубить рассудок, люди научились гнать от себя прочь мысли о таких вещах. Они научились позволять ежедневной отупляющей работе завладеть телами и мыслями, находя слабое удовлетворение в том, что просто продолжают жить. Они отвернули мысли

и сердца от туманных мечтаний о свободе, мире, счастье и редко говорили о таких понятиях.

Если этого можно было избежать, люди старались не произносить вслух мысли, имена, которые их предки дали своим жестоким хозяевам.

Они называли их... Рабовладельцами.

Финн Феррал с трудом отбросил от себя холодный туман воспоминаний и огляделся. Все вещи, которые когда-то составляли понятие «дом» — радушные и привычные — теперь, когда Джош и Джена исчезли, потеряли для него всякое значение... Снова слезы угрожающе подступили к глазам, в горле застрял комок.

Но где-то глубоко внутри у него росло другое чувство. Нечто прочное, как железо, острое, как кремь, твердое и непоколебимое. Решимость, может быть, решение, смешанное с диким гневом.

Если дом перестал быть домом, то он покинет его. Он часто мечтал покинуть деревню и отыскать ответ на загадку своего происхождения. Но он так ничего и не предпринимал: ему необходимо было заботиться о Джоше и Джене; и в любом случае у него не было ни малейшей идеи, откуда начинать поиски и что искать.

Джош и Уайра сначала думали, что ключом к отгадке может послужить тот странный рисунок из черных точек, что был на левом плече Финна. Но, как они ни пытались, они не смогли увидеть смысла в этом рисунке и в конечном счете заключили, что это просто необычное родимое пятно.

Пальцы Финна бессознательно поглаживали отметину, пока он еще раз осматривал хижину. Затем он встряхнулся, как собака, и повернулся к двери. Дом будет оставлен таким, какой есть, ему ничего отсюда не нужно. И было бы отлично, если бы все осталось на своих местах, когда они вернутся. Ведь он не планировал путешествовать бесцельно. Если он вернется, то вернется не один.

Там, снаружи, толпа разбрелась по своим домам, вместе со всеми ушел и Хокер. Но высокий мужчина стоял перед дверью Финна и спокойно смотрел на него из-под кустистых бровей.

— Финн?

Финн кивнул.

— Устер Коллис. Ты не должен обижаться на Хоке-ра, — сказал Коллис. — То, что случилось, слегка повредило его рассудок. Он переборет себя.

Финн безразлично пожал плечами.

— Каким путем они улетели?

Коллис моргнул, а потом понял.

— На северо-запад, — сказал он и его длинный подбородок дернулся. — Зачем? Ты решил пойти за ними?

Коллис снова моргнул, в его глазах появился страх.

— Тебя убьют.

Финн, как и прежде, пожал плечами и повернулся, чтобы уйти.

— Право же, ты ошибаешься, мальчик, — сказал Коллис. — Ни один человек не выживет, сделав то, что собираешься сделать ты. Они убьют тебя наверняка. Ты не сможешь даже приблизиться к ним.

Финн повернулся, дикий огонь вспыхнул в его глазах.

— А когда в последний раз кто-то пытался?

— А как же деревня? — сказал Коллис. — Кто будет нашим охотником?

— Пусть Хокер и другие научатся, — ответил Финн, безрадостно улыбаясь. — Лес не даст вам голодать. Некоторое время я буду охотиться сам по себе.

Потом он окончательно отвернулся от Коллиса и двинулся через деревню на северо-запад.

3. Погоня

Финн окунулся в лес, не оглядываясь на деревню, и как только зелень сомкнулась вокруг него, поселение исчезло из вида. Он передвигался полусогнувшись, его путь был зигзагообразным и он изучал неровную почву.

Хотя он раньше никогда не видел ни одного из летающих аппаратов Рабовладельцев — «вихревые сани», как люди называли их, — он кое-что знал о них из рассказов старого Джоша. «Как большие металлические яйца, — описывал их Джош, — только сверху у них стекло, или что-то вроде этого, а снизу они слегка плоские. И снизу все крутится, трудно рассмотреть. Вроде оно, это крутящееся вещество, поддерживает их в воздухе и они скользят надо всем гладко-гладко».

Финн и представления не имел, что же поддерживает летательные аппараты подвешенными в воздухе и оставляет ли машина, плывущая над землей, какие-нибудь следы на своем пути. Но он не хотел и думать, что за вихревыми санями невозможно проследить. Если какая-то сила поднимает вихревые сани, то эта сила должна оставлять отметины... где-то и как-то.

Он упрямо продолжал прочесывание, продвигаясь все глубже в лес, на северо-запад.

Скоро он нашел то, что искал. Он увидел следы такого рода: пучок длинной травы изогнулся и лежал непараллельно своим коротким соседям; пыль на клочке земли лежала странным завитком; веточки то тут, то там были погнуты и сломаны, как будто какое-то тяжелое тело двигалось в метре от земли.

Такие следы большинство глаз и не увидело бы, но для него они были как яркие флаги. Они указывали ему, что искать, дали направление и являлись достаточно часто, чтобы двигаться по следу бегом.

И он побежал — расслабленной рысцой, как мог бежать час за часом. След шел прямо, лишь изредка отклоняясь, чтобы обогнуть большое дерево или слишком густую чащобу. Однако он не прекращал изучать почву под ногами и то, что было над головой. Он не мог рисковать потерять след, если сани свернут на другой курс. Кроме того, огромная концентрация усилий позволяла ему держать в узде некоторые мысли и ощущения, которые жалили его, как осы.

Основным среди этих ощущений был чистейший злобный страх, усугубляющийся, отчасти, и его неведением. Он почти ничего не знал о Рабовладельцах. У него были лишь самые общие представления, как и у любого другого человека, страшные рассказы, которые иногда можно было услышать в деревне. Конечно, он не имел представления, что делают Рабовладельцы после посещения деревень, куда направляются, как живут, какого рода жилища делают.

Потому он сознавал (если бы позволил себе думать об этом), что, скорее всего, бежит прямо навстречу своей смерти или неволе. Он не останавливался, чтобы спросить себя, что он собирается делать, если и нагонит вихревые сани. У него не было даже туманного плана, как отбить Джоша и Джену у чужаков.

Он просто шел по следу и говорил себе, что подумает обо всем этом, когда побольше узнает о том, в какой ситуации оказались его родные.

Он знал лишь одно — что оба они, и особенно маленькая Джена, оказались во власти гораздо большего ужаса, чем он мог себе представить. Когда он думал об этом, в его мозгу проносились вспышки гнева, подавляющие его собственный страх, он должен был подавлять

з себе желание броситься бежать с дикой, выматывающей скоростью.

Время от времени, не прекращая своего неумолимого движения вперед, он приостанавливался, чтобы набрать горсть воды из горного ручья, или пригоршню диких плодов и пожевать их. Но больше ни для чего он не останавливался и даже не сбивался со своей находки, пока длился день. Он просто продолжал бежать. Это все, говорил он себе, что оставалось делать.

Ближе к вечеру девственная природа вокруг него стала слегка изменяться. Из довольно густого леса с плотным подлеском он перешел в широкий пояс вечно-зеленых растений. Их стволы, взметнувшиеся вверх, были лишены ветвей до самых вершин, а там они взрывались зелеными иглами и образовывали плотный зеленый полог.

Легкий ветерок промчался по вершинам с прозрачным свистящим вздохом, но его не беспокоил ни этот жуткий звук, ни полумрак, сгущающийся под пологом леса. Солнечные лучи не могли пробиться сквозь крону вечнозеленых, и земля была почти голой, если не считать кустиков легких папоротников, низких цветковых растений и толстого ковра сухих иголок.

Путь вихревых саней был отмечен перемещенными иголками и образовывал — как раньше пыль на земле — странные спиральные завитки. По такому следу мог легко идти любой человек, и Финну он казался просто мощеной дорогой.

Однако он не ускорил своего легкого волчьего бега. В ногах его скопилась усталость, а тенистый полумрак стал еще плотнее — день подходил к концу. Скоро в полной темноте он вынужден будет остановиться: след больше не будет виден.

Он старался не думать, как далеко от него могут быть чужаки, или какое расстояние они смогут покрыть, если не остановятся на ночь.

Хотя, в крайнем случае, ему будет не трудно найти след с утра. Так он полагал, пока не добежал до полянки.

Это было пятнышко голой земли среди стволов могучих пихт, но иглы и пыль на полянке поведали ему нечто такое, что переполнило его безнадежностью.

След, по которому он шел, переплелся с двумя другими, точно такими же, пришедшими на поляну с двух других сторон.

Глаза Финна автоматически отобрали все значащее из хаоса следов и отметок, сейчас едва видимых в

сгущающейся тьме. Как он только ни пытался найти ответ, хоть какой-нибудь, его не было.

Трое вихревых саней появились на полянке, сблизились, остановились ненадолго, а затем разлетелись своими дорогами — одни на северо-запад, другие на север, а третьи — прямо на запад.

Не было ни малейшего признака, по которому он мог бы отличить одни от других, или узнать, на которых из трех Джош или Джена.

Что было еще хуже, по некоторым признакам можно было предположить, что несколько людей — или Рабовладельцев — на короткое время покидали сани во время этой встречи. Он так и не смог установить, зачем они это делали. Существовала и такая возможность: они могли обмениваться пленниками.

Финн стоял неподвижно, уставившись в землю, уже почти ничего не различая из-за сгустившейся тьмы, да и из-за влаги, набухшей в глазах. Наконец, он повернулся и пошел, медленно и устало, словно все пережитое им напряжение дня навалилось на него сразу. Не обращая внимания на терзавший его голод, он нашел углубление под вывороченными корнями ближайшего дерева и свернулся в нем, обхватив себя руками, спасаясь от надвигающегося холода. Закрыв глаза, он лежал неподвижно. Но сон пришел к нему не сразу.

Финн открыл глаза, когда первые серые лучи рассвета с трудом пробивались сквозь полог деревьев и даже не разбудили еще птиц... Он встал, потянулся, как кошка, прогоняя остатки ночной прохлады и вновь вышел на поляну. Долго-долго он стоял неподвижно, вглядываясь в землю, надеясь усмотреть какой-то другой смысл во встревоженных иголках.

Но его не было. Наконец, он поднял голову, глаза его выражали мрачную решимость. Он должен был выбрать один шанс из трех. И выбор был очевиден. Вихревые сани, которые он преследовал, двигались точно по прямой, строго на северо-запад. С большей вероятностью именно они продолжали двигаться в том же направлении.

Остались ли на них Джош и Джена — это другой вопрос. Он проследует за ними и узнает, это все, говорил он себе, что осталось сделать.

Он снова побежал ровной, пожирающей расстояние рысцей, не сбиваясь с нее и не останавливаясь. Поздним утром он выбежал из пояса вечнозеленых растений и попал в район парков — широкое пространство лугов,

пересыпанных купами высоких деревьев, как островами в море травы. Снова стало трудно распознавать следы саней, но слабые, легчайшие следы все еще оставались, и Финну этого было достаточно.

Он бежал опять весь день. Как вчера, он время от времени останавливался то для глотка воды, то для пучка грубых волокнистых корней. Они лишь самую малость облегчали голод, но он старался не замечать усталости в ногах и растущую боль в легких.

Вечером этого дня бег его больше походил на шаг. Но он все еще шел, пока тьма не заставила его искать места для ночлега. В эту ночь он заснул гораздо быстрее.

Следующим днем и следующим за ним все повторялось. Он теперь больше походил на жертву, чем на преследователя — как олень, окруженный волками, который бежит и бежит, пока позволяют его могучие ноги и большое сердце, потом падает весь в поту и пене, продолжая перебирать ногами, все стараясь убежать. Финна никто не гнал, как оленя, кроме его собственного решения и страхов. Но в те дни он все бежал и бежал с безрассудным отказом впадать в отчаяние.

В конце четвертого дня преследования почва стала подниматься, ведя к безлесным травянистым холмам. К тому же прошел холодный пронизывающий дождь, смывающий слабые следы. Но все же Финн заставлял себя продвигаться вперед по неровной почве холмов, его грудь и ноги горели огнем, но со следа он не сбивался.

Однажды он упал, отчасти от изнеможения, и некоторое время лежал неподвижно, несмотря на дождь. Но, в конце концов, он заставил себя встать и, спотыкаясь, еще медленнее, пошел к вершине холма. А там он резко остановился, адреналин пробежал по его жилам и усталость прошла.

Земля под его ногами круто падала в ущелье, а с другой стороны это ущелье ограничивал такой же крутой склон. Но Финн больше не смотрел на местность.

Долина была занята. Два металлических строения странного облика тускло мерцали под дождем, вставая на дыбы из грязной травы на дне долины.

Финн быстро скользнул за укрытие. Он видел несколько человеческих фигур, медленно тащившихся по грязи около строений. Но он отлично знал, что это не человеческие поселения.

Он нашел базу Рабовладельцев.

4. Долина страха

Скрываясь из вида, Финн ползком подобрался к какому-то низкому широколиственному кустарнику, разросшемуся у обрыва. Там он лежал неподвижно, под покровом листьев, забыв про дождь, не сводя глаз с узкой долины, пытаясь уловить смысл в тех странностях, что он увидел, и не похожих ни на что из того, что ему приходилось видеть раньше.

В самой середине долины, вырастая из почти круглого пятна обнаженной грязной земли, стояло сооружение, выглядевшее так, словно пыталось, без особого, впрочем, успеха, походить на дерево. Это было веретенообразное строение, похожее на тонкую башню, угловатое и коленчатое по всей длине: человеческому глазу оно казалось тревожаще неправильным. Из его вершины, придавая отдаленное сходство с деревом, вырывались тонкие металлические прутья, некоторые из них изгибались, другие давали ростки из более тонких и маленьких прутьев.

Из подножия строения высывался пучок более толстых прутьев и зарывался в грязь, как насмешка над корнями. И еще он видел, что прямо перед башней земля была выкопана и высверлена, так что оставалась темная яма, глубины которой он не мог определить.

Позади башни и над ней, на крутом склоне дальней стороны долины стояло другое сооружение — более громоздкое и плоское, похожее на коробку, которую сделал некто, не подозревавший о существовании прямых углов. Самый дальний от Финна конец лежал прямо на — или, возможно, в скалистой поверхности склона. Другой его конец, выдававшийся из холма, поддерживался несколькими металлическими подпорками. Они казались слишком тонкими, чтобы поддерживать вес строения, и были также странно угловатыми, как и стены.

Вдоль этих стен шла узкая платформа или пешеходная дорожка. На стенах были какие-то отметки, которые могли быть краями отверстий в таинственном ряду труб, прутьев и выпуклостей, выраставших то тут, то там из металлических поверхностей.

Финн заметил еще две металлические конструкции. Одна была набором тонких металлических столбов, стоящих прямо на земле около башни и образовавших почти прямоугольное ограждение, как ни удивительно, но они стояли довольно далеко друг от друга, так что между

ними мог свободно пройти человек, и не ограждали ничего, кроме голой земли.

Другая была сплюснутым яйцом вихревых саней, которые стояли пустые у одной из подпорок коробкообразного строения.

По крайней мере, он знал, что это такое. Но подобное знакомство не было приятным. Он дрожал, по его телу ползли мурашки — не из-за холодного дождя, который продолжал беспрерывно лить, а из-за привкуса чуждой угрозы, которая окружала таинственные строения.

Он оставался неподвижно лежать и наблюдать. Рабовладельцев видно не было, насколько он мог рассмотреть из своего выгодного укрытия, но вокруг строений двигалось достаточное количество других живых существ. И только некоторые из них были людьми.

Финн насчитал около двадцати человек различного возраста и роста. Все — полуобнаженные, в лохмотьях и тряпье, которое когда-то было одеждой. Все были грязными и делались все более испачканными от жидкой грязи, которую уныло месили под непрерывным дождем.

Некоторые были изранены — волочили ноги, рука болтается или прижата к боку, полоска грязной ткани обмотана вокруг головы или конечности, с бледными нездоровыми лицами, двигались медленно, словно несли тяжелую ношу без всякой надежды на избавление. Горло его перехватила горькая смесь гнева и жалости, Финн чувствовал себя так, словно он смотрит на самую смерть.

Очень скоро он понял, что несчастные даже не двигались бы, не будь рядом других существ — порождений ночных кошмаров.

Обликом они слегка напоминали людей, но были так же перекошены и деформированы, как перекошенные подпорки строений. Некоторые были низенькими, некоторые высокими, но все — массивными и крепко сбитыми. У большинства вокруг чресел были обмотаны куски ткани, на некоторых грубые ботинки. Все остальные не были одеты, но все их тело было сплошь покрыто плотным, опутанным мехом одеянием, напоминающим мех животных.

Финн не мог рассмотреть их лица, укрытые спутанными волосами и бородами, но они производили впечатление чего-то звериного — выдающиеся надбровья, грубые, жесткие черты лица, поблескивали слишком большие зубы, большие, похожие на клыки.

Финн насчитал полдюжины таких зверолодей. Они, очевидно, были надсмотрщиками и вели людей на работу.

У некоторых зверолов было примитивное оружие — столь же уродливое, как и они сами, узловатая дубинка, заткнутая за пояс, длинный, страшного вида нож. И все они, кроме того, держали в руках короткие толстые стержни.

Когда человек поскальзывался, спотыкался или приостанавливался, не в силах брести дальше, из одного из таких стержней вырывался красный световой луч около метра длиной. Звероподобный надсмотрщик свирепо хлестал этой нитью нарушителя, и до Финна доносился сквозь потоки дождя высокий слабый вопль безнадежности и агонии.

Каждый мускул на теле Финна напрягался от ярости. Но он все же не шевелился. Он оставался на краю обрыва, наблюдая, а день медленно шел к концу, дождь стих, а потом совсем прекратился: клонящееся к закату солнце разорвало облака, чтобы пролить немного тепла на эту картину мучений и ужаса.

Он наблюдал и пытался понять. Он видел, что люди были просто тягловым скотом, многие из них таскали в грубых корзинах землю и битые камни из ямы под башней, другие, понукаемые звероловками, носили странную ношу — пучки удивительно перепутанного металла, завернутые во что-то блестящее, из коробкообразного строения к башне и заносили их внутрь, передавая кому-то или чему-то, ожидавшему там.

Было ясно, чем бы она ни была, башня еще каким-то образом устраивалась. Но несколько часов наблюдения не просветили Финна в отношении ее назначения.

И все же он смог, по крайней мере, предположить, что большое строение было чем-то вроде жилища. Рабовладельцы из вихревых саней должны были куда-то деваться. Уже почти в сумерки его предположение подтвердилось — одна из панелей коробкообразного строения, похожая на дверь, открылась, как глаз, и на платформу вышел Рабовладелец.

Финн, едва дыша, изучал его высокую тонкую фигуру. Неестественно вздутый торс и тощие конечности, желтые фасеточные глаза — все было, как ему рассказывали. Но рассказы — лишь слабый отзвук того, что можно увидеть собственными глазами. Он внимательно изучал каждый дюйм чудовища, которое было его смертельным врагом.

Джош и другие рассказывали об огненном копье — длинной и убийственной трубке, которая сожгла так много

людей. Но у этого чужака не было ничего в его трехпалых клешнях. По-видимому, чужак на своей базе чувствовал себя в полной безопасности и не считал необходимым ходить вооруженным.

Рот-щель Рабовладельца открылась и раздалось нечто среднее между щелчком и приглушенным воплем. Но зверолоды поняли. Красные огни вспыхнули в сгущающихся сумерках, сгоняя людское стадо в кучу, и погнали их к тому странному ограждению из тонких, широко расставленных столбов. В загородке люди сгрудились, большинство сразу опустились на землю в позах, выражающих изнеможение и крайнее уныние.

Зверолоды двинулись к дальнему концу коробчатого строения, что-то ворча и рыча друг другу низкими голосами, а из башни выбрался второй Рабовладелец, прошагал за ними следом и исчез внутри второго строения.

Даже тогда, когда они исчезли из вида, Финн не сдвинулся с места. Лишь когда полная темнота опустилась на склоны холмов и принесла с собой влажный режущий ветер, он вышел из укрытия.

Низко пригнувшись, чтобы его не было видно на фоне неба, он потянулся, выгоняя неподвижность из тела. Ни на одном из строений огней не было, но сквозь клочья облаков проглядывало достаточно звезд, чтобы осветить ему путь.

Он не видел Джоша или Джены среди жалкой группы людей. Но он не мог рассмотреть каждое опущенное, измазанное грязью лицо. В любом случае где-то на базе могут быть и другие люди, возможно, в большом сооружении. И был только один способ проверить это.

Осторожно, тихо, как охотящаяся кошка, он начал спускаться вниз по склону к базе чужаков.

Он не заметил, что возле большого строения тоже что-то двигалось. Тихо, как тени, невидимые на фоне темного неба, взмахнули крылья, похожие на крылья летучих мышей.

Один из крылатых шпионов Рабовладельцев спиралью поднимался в небо, чтобы начать воздушное патрулирование долины.

5. Столкновение

Финн несколько минут сидел на корточках перед загородкой, прежде чем кто-то из людей заметил его неподвижную фигуру. Над дальним краем долины появи-

лась луна, и в ее неверном свете, прорвавшемся через ключья облаков, он перестал быть невидимым. Первой его заметила одна из девушек и сжалась в комок, вскрикнув от ужаса. Тогда и другие повернулись к нему, и страх пронесся по их чумазым, искаженным лицам. Финн встал во весь рост, чтобы все видели, что он не зверочеловек и не Рабовладелец.

Даже тогда страх не покинул их. Сама мысль о свободном человеке, вольно разгуливавшем по базе Рабовладельцев, не могла уложиться в их головах. А все непонятное ужасало.

— Кто ты? — прошептал пожилой мужчина, высокий и скорченный от непосильной работы. — Что ты здесь делаешь?

— Я... — Финн умолк. Отчего-то он не хотел, чтобы чужие люди узнали его имя. — Я ищу двух людей — мужчину и женщину, юную девушку. Рабовладельцы схватили их и, может быть, привезли сюда.

Старик придвинулся поближе, вглядываясь в него сквозь тьму. Но откликнулась та девушка, которая первая заметила его.

— Ты пришел искать людей, которых забрали? Хочешь помочь нам?

— Конечно, нет, — проскрипел старик, — помочь не сможет. И никто не поможет. Мальчишка дурак — он умрет до восхода солнца. Все мы умрем, если он не уберется.

Финн удивленно взглянул на него.

— Похоже, что ты хочешь остаться здесь. Почему бы тебе не взять, да не уйти?

В ответ старик подобрал веточку и сунул ее между прутьями. Финн услышал свист, потрескивание и увидел, как вокруг веточки заплесали красные искры, потом почуял запах горящей древесины. Веточки уже не было — на землю осыпался пепел.

— Между этими столбами Рабовладельцы поставили убивающий огонь, — проскрипел старик. — Как на вихревых санях или силовых кнутах, которыми их дикари хлещут нас. Между столбами нельзя пройти, пока их не отключат.

Финн моргнул, принял к сведению новую информацию.

— Как насчет людей, которых я ищу?

Старик отвернулся и опустил на землю, бормоча что-то про себя. Ему ответила девушка:

— Был только один новичок. Вчера это было. Его звали Лайл. Он умер.

Казалось, сердце у Финна замерло, и он перестал дышать. Не из-за гибели Лайла. Конечно, он жалел сына Хокера, но деревня и все ее население оставалось далеко позади, в другом времени. Нет, он был потрясен тем, что пошел по ложному пути. Он потерял так много времени... А другие следы теряют свежесть, может быть, уже затерялись из-за ветра и дождя.

Крушение надежд могло сломить его волю, поколебать решимость. Но та, наиболее сильная сидящая в нем часть существа, что принадлежала девственной природе, не была затронута.

Каким-то образом он почувствовал постороннее присутствие: как дикое животное с уверенностью осознает опасность, еще ничего не видя и не слыша. Он вскинул голову, девушка тоже машинально подняла глаза.

Услышав ее испуганный вскрик, и другие повернулись и посмотрели, и тихий стон ужаса прокатился по загородке.

Крылатый шпион Рабовладельцев, похожий на летучую мышь, силуэт которого обрисовывался в лунном свете, лениво кружа в ночном небе, спускался к сбившимся в кучку людям.

— Убирайся, мальчишка! — прошипел старик. — Они накажут нас.

Финн вряд ли слышал эти слова. Он не имел представления, видел ли его крылатый шпион и что случится, если увидит. Он уже разматал сыromятный ремень пращи, освободив левое запястье, и достал из висевшей на поясе сумки тяжелый яйцеобразный ремень.

Праща трижды прокрутилась, кружа над его головой, а затем высвободилась.

Он сбивал пернатую дичь с помощью пращи почти всю свою сознательную жизнь, и в детстве его меткость считали чуть ли не чудесной. В жутком молчании крылатый шпион накренился в воздухе и по спирали упал на землю всего в нескольких шагах от загородки.

Финн подошел поближе взглянуть и остановился, волосы на его затылке встали торчком от ужаса и омерзения.

Камень распорол тело проклятого шпиона, своими размерами не превышавшего размеров крупной летучей мыши... Но из раны лилась не кровь — водянистая зеленоватая жидкость. И не мясо и кости сокрушил камень — в ране поблескивал металл.

Даже глаза крылатого шпиона — непропорционально большие, выпуклые и фасеточные — не казались живыми, а больше походили на стекло.

Из-за его спины донесся задыхающийся от ужаса голос старика:

— Этот мальчишка умрет, еще солнце не встанет. И мы вместе с ним, хотим мы того или нет.

Но Финн, быстро наматывая прашу на запястье, не обратил на него внимания. Его острый слух зато обратил внимание на приглушенные звуки, доносившиеся с другой стороны здания, прилепившегося к обрыву. Случилось ли это из-за крылатого шпиона, или по какой-то другой причине, но появились зверолюди и они обходили кругом квадратное строение.

Времени бежать обратно по склону к укрытию не оставалось. Вместо этого он прыгнул к стене здания, к его дальнему углу и теням между поддерживающими стойками в надежде обогнуть это строение и держаться так, чтобы оно всегда оставалось между ним и зверолюдьями.

Но когда он оказался во мраке рядом с подпорками, звуки шагов начали доходить с разных направлений. Зверолюди обходили здание с обеих сторон.

Готовый впасть в панику, Финн затравленно огляделся. Он оказался в ловушке и не стоило рассчитывать, что темнота спрячет его надолго, если зверолюди действительно ищут незваного гостя. Но у него не останется ни одного шанса, если он выскочит и бросится бежать, он достаточно много слышал об оружии Рабовладельцев, чтобы знать, насколько оно эффективно на расстоянии.

Оставался лишь один путь. Вверх. За несколько секунд до того, как из-за угла показалась первая группа зверолодей, он вскарабкался вверх по одной из страшно изогнутых подпорок, ухватился за край узкой платформы, бегущей вокруг здания, подтянулся и оказался на ее влажной металлической поверхности.

Группа зверолодей прошла под ним, перерывкаясь и перехрюкиваясь между собой, и соединилась с другой группой, обошедшей здание с другой стороны.

Они вместе направились к загородке, очевидно, в действительности, уничтожение крылатого шпиона выгнало их наружу. Финн осторожно поднял голову и насчитал шесть массивных фигур и все спиной к нему. Это-то ему и было нужно.

Он бесшумно встал на четвереньки — тень среди теней. Он собирался по платформе обогнуть здание и пробраться к той его стороне, которая покоилась на откосе. Оттуда короткий рывок к вершине холма — и он в безопасности.

У загородки голоса зверолодей переросли в рыкающий крик. Очевидно, они нашли поверженное тело крылатого шпиона и это им не понравилось. Пронзительные крики, вырывающиеся из людских глоток, показали, что люди за загородкой хорошо знали, как эти звери выражают свое неудовольствие.

Сейчас Финн ничего не мог сделать для людей-заключенных. Но сострадание и гнев заставили его приостановиться и оглянуться. Автоматически, как это он делал всегда для большей безопасности, он прижался к стене здания.

Но механизм, о котором он не имел и понятия, пришел в действие от легчайшего нажима его спины. Без всякого предупреждения кусок стены позади него мягко скользнул в сторону и Финн, потеряв равновесие, спиной вперед ввалился через отверстие внутрь здания.

Он моментально вскочил на ноги и повернулся. За время между двумя ударами сердца его глаза успели обождать внутренность помещения. Он отметил жуткий ровный свет, изогнутые стены, заставленные раздражающе чуждыми предметами — металлическими выступами, стержнями, трубками, шишками и шарами, экранами, сиявшими желтым светом или неритмично жужжащими и шелкающими. Перед экранами прямо из пола вырастали два грибообразных предмета; в конце концов, он решил, что это — кресла. Потому что с одного из них вставал Рабовладелец, поворачивая к нему лицо. Его глаза потемнели, меняя цвет от желтого через оранжевый и красный до ледяного пурпура.

На какое-то время два существа замерли и устали друг на друга. Финна охватил сковывающий ужас. Рабовладелец тоже казался скованным огромным удивлением. Позже Финн узнает, что изменение цвета глаз выражает эмоции — удивление, переходящее в негодование, как человек был бы удивлен и возмущен, обнаружив у себя на кухне мышь.

Но через мгновение его неподвижность кончилась. Тонкий шрам рта чужака раскрылся и произвел скрежещущую серию шелчков, а трехпалая клешня протянулась к огненному копы, ловко прикрепленному к стене поблизости.

Финна охватила паника. Дверь позади него закрылась, и он не имел ни малейшего понятия, как снова открыть ее. Он видел что-то, похожее на другую, внутреннюю дверь, но она была слишком далеко, с другой стороны комнаты.

А чужак перед ним уже крепко сжимал свое убийственное оружие.

Но у попавшего в ловушку животного, пойманного силой или хитростью, часто паника и ужас преобразуются в свирепую, безумную агрессивность. Финн оскалил зубы и решительно прыгнул, целясь прямо в глотку Рабовладельца.

Дикое безумие нападавшего захватило Рабовладельца врасплох. Не успел он поднять огненное копьё, как Финн напал на него. Руки Финна сомкнулись на оружии, яростно выворачивая его, а чужак, отброшенный нападением, впечатался спиной в экран.

Финн краешком глаза отметил, что тощие веретенообразные руки чужака оказались неестественно слабыми и тот почти не сопротивлялся, когда он выворачивал оружие из его рук. Острия его клешней ударили Финна по лицу, глаза стали еще более багровыми, почти черными, а приглушенный треск щелчков из приоткрытого рта стал высоким и оглушительным.

Финн ускользнул от клешней и яростно ударил концом копьё во вздутую грудь чужака. Но тело оказалось твердым, словно закованным в броню, и удар не причинил вреда. Снова метнулись клешни, хлестнули по рукам Финна, оставляя на дубленой коже красные полосы.

Но тут Финн изменил объект нападения. Он перехватил огненное копьё двумя руками и ударил твердым металлом древка поперек тощей шеи.

Финн со страшной силой отдавливал голову чужака назад, и шелкающий крик прервался. Тощие руки и ноги слабо хлестнули Финна, впрочем, без всякого эффекта, а глаза потемнели еще больше. Раздался металлический хруст, и обмякшее тело опустилось на пол, голова повисла под странным углом, шея была сломана.

Финн осторожно отошел, тяжело дыша, и чувствуя, что все его тело покрыто ледяным потом. Все еще сжимая огненное копьё, он уставился на мертвого чужака, лежавшего на полу. Глаза Рабовладельца утратили все цвета и походили теперь на два угловатых вздутия из грязного стекла. А струйка водянистой зеленоватой жидкости стекала из уголка приоткрытого рта.

Из любопытства Финн ударил по туловищу концом копьё. Несмотря на податливость веретенообразных рук и ног, туловище чужака было твердым и жестким и напоминало похожий на скорлупу покров некоторых насекомых. Вспомнив, что он видел внутри распоротого тела

крылатого шпиона, он заинтересовался. Было бы время, он непременно всадил бы нож в тело чужака и посмотрел, что там внутри.

Но времени не было.

Шестое чувство опасности уже заставило его наполовину повернуться к двери, когда мерзкое создание наполнило комнату и жгучая полоса боли от огня обожгла его левую руку.

Два зверочеловека ворвались через внутреннюю дверь, их лица были искажены яростью, силовые хлысты потрескивали и распространяли злое сияние.

6. Опустошение

Финн увидел потрясение и смертельную ненависть в глазах зверочеловека, идущего первым. Яростное рычание было ужасным, но стало еще ужаснее, когда из клыкастого рта раздалась внятная человеческая речь.

— Здесь червяк! — послышался гортанный голос. — Он осмелился войти, осмелился убить хозяина!

— Впервые вижу такого наглого человека, — пророкотал второй зверочеловек.

Первый вновь поднял свой силовой хлыст.

— Мы выьем из тебя эту наглость, червяк! Выжжем, вырежем. Ты будешь умирать по кусочкам, *долго!*

Силовой хлыст свистнул, страшилище сделало выпад.

Финн отшатнулся. Сейчас он паники не испытывал, они много раз сталкивались со зверями в лесу, а эти чудовища выглядели не страшнее разъяренного медведя. Он перехватил огненное копьё, которое так и не выпустил из рук, собираясь использовать его как пику, чтобы отталкивать, отпихивать, держать на расстоянии противника.

Но тут его большой палец случайно попал в неглубокую канавку, опоясывающую гладкий металл на одном из концов металлического стержня. Наконечник огня хрустнул, и тугой энергетический луч выпрыгнул из копьё, маленькая точка света заплескала в малиновом пламени.

Первый зверочеловек, оказавшийся на пути луча, завопил. Он откинулся назад, его свалившийся мех вспыхнул, а посредине грудной клетки образовалась дымящаяся впадина.

Второй успел только схватиться рукой за нож, но Финн, продолжая давить большим пальцем, повернул огненное

копье, и второе существо с обуглившимся лицом рухнуло на неподвижное тело первого.

Финн, ослабив нажим большого пальца, изумленно смотрел на смертоносные разрушения, которым он послужил причиной. Но тут из-за двери донесся щелкающий крик второго Рабовладельца, и большой палец Финна снова стал нащупывать спусковую точку.

Вновь вспыхнул луч, выжигая куски раскаленного металла из дверной рамы. А чужак, должно быть, счел за благо ретироваться, следующий его крик казался глуше, доносился уже издалека. Несомненно, он созывал подкрепление.

Краем глаза Финн уловил движение — внешняя дверь открылась. Он лишь мельком увидел косматое тело, тут же повернулся и повел огненным лучом. Но луч вонзился в пустой ночной воздух, а зверочеловек за дверью бросился назад. Финн услышал тяжелые шаги на металлической платформе и без колебаний выпрыгнул через приоткрытую дверь на вольный воздух. Как и всякое дикое животное, он испытывал отвращение к битве в замкнутом пространстве...

Когда Финн выскочил, убегавший зверочеловек как раз обернулся и получил огненный луч прямо в грудь. Рыча в агонии, он свалился с платформы, его волосатое тело вспыхнуло. Финн тут же легко спрыгнул на хорошо знакомый затемненный дерн.

Его глаза не совсем привыкли к темноте, но он засек движущуюся тень и снова выпалил. Блеснул огненный луч, но зверочеловек скорчился за одной из стоек, поддерживающих строение — Финн поспешил от неопытности, плохо прицелился и не попал в него, луч глубоко врезался в металл. Но все равно, зверочеловек спрятался за укрытие, а Финн повернулся и бросился бежать.

Но ему не удалось удрать. Из-за угла здания, с мерным жужжанием вылетели вихревые сани чужаков.

Лунный свет позволил ему увидеть через верхний прозрачный сегмент яйцевидной машины силуэт чужака. Поудобнее перехватив огненное копье, он прицелился и выстрелил. Но луч отразился от поверхности саней и не причинил им вреда. А из выступавшего стержня на носу саней вырвался ответный луч и пронесся всего лишь в нескольких сантиметрах от щеки Финна.

Он бросился в сторону, упал и быстро вскочил на ноги. На ходу он выстрелил еще дважды, но снова огонь не подействовал на вихревые сани. И снова оружие

вихревых саней полосовало ярко-алым лучом воздух вокруг Финна, а он отступал и уворачивался.

Сани медленно двинулись вперед, видимо, их водитель собирался поймать Финна в поле зрения и не отпускать его. К тому же Финн знал, что оставшиеся зверолоуды перебегают в темноте за подпорками и ищут случая напасть на него сзади.

Но он все бился и палил, изгибаясь, уворачиваясь, скользя неуловимой тенью. Еще один человек выскочил и упал у подпорки здания: стремительное огненное копье хлестнуло его по ногам. А вихревые сани все так же неумолимо ползли вперед, и он знал, что эта неравная битва может иметь лишь один конец. Но все равно он продолжал сражаться, и дикая ярость заставляла его продолжать битву до последней капли крови.

Он отступил, в темноте попал ногой на пятно мокрой грязи, поскользнулся и упал на колено.

В это мгновение двое оставшихся зверолоудей выпрыгнули из темноты, а вихревые сани метнулись к нему: внезапное ускорение подняло их более чем на метр над землей.

Финн, обезумев, выстрелил. Но он потерял равновесие и вместо того, чтобы зажечь зверолоудей, в которых он целился, огненный луч поразил открывшуюся нижнюю поверхность саней как раз в том месте, где гладкий металл изгибался и переходил в потрескивающее энергетическое облако, которое двигало машину.

Вихревые сани сделали вираж, накренились и явно вышли из-под контроля.

Все ускоряясь, они резко завалились на бок. Двое зверолоудей бросились прочь от машины, несшейся прямо на них, и тут машина со звоном врезалась в одну из подпорок здания — как раз в ту, которую незадолго до того Финн повредил огненным копьем.

Вихревые сани исчезли в оглушительной вспышке пламени, а поврежденная подпорка переломилась и смялась.

Вначале медленно, а потом все быстрее здание начало оседать. Остальные подпорки приняли на себя вес здания, и металл завизжал от непереносимой перегрузки. Подпорки одна за другой начали гнуться и лопаться.

Финн увидел силуэты двух зверолоудей, пытавшихся выбраться из-под здания и даже выпалил в них. Но поздно.

Подпорки сломались. С ревом и скрежетом здание накренилось и рухнуло. Вся его огромная масса обрушилась на зверолоудей и обломки вихревых саней.

Тут и Финн на четвереньках бросился бежать. Металлический бугор здания упал на землю, но дальний его конец все еще держался за обрыв и теперь начал соскальзывать. Величественно, неотвратно, как могучая металлическая лавина, здание прогрохотало по скользкой, мокрой от дождя траве и грязи склона. Чуть не задев перегородку, где визжали от ужаса люди, здание помчалось прямо к башне чужаков, уходявшей своей вершиной во тьму.

Оно добралось до края ямы под башней и перевалилось через край, яростно разбрасывая осколки искореженного металла. Башня смялась, как бумага. Пламя лизнуло края ямы, а затем его оранжевые языки взметнулись выше самой башни. И громче того взрыва, что сопровождал пламя, Финн ничего в жизни не слышал.

В конце концов спокойствие вернулось в долину. Из ямы еще то и дело появлялись языки пламени, но ничего другого не двигалось. Не было движения и на склоне холма, где раньше стояло коробкообразное здание.

Финн, не двигаясь с места, огляделся, не в силах поверить случившемуся, не в силах осознать тот факт, что остался жив и победил. Но он многому научился во время этой короткой битвы.

Он узнал, что с Рабовладельцами, их прислужниками и машинами можно биться. И побеждать.

Ему еще предстояло долго обдумывать то, что он увидел: ведь каждый кусочек информации порождал сотни безответных вопросов. Но сам факт налицо: он лицом к лицу столкнулся с чужаками, бился с ними и выжил.

Финн медленно нагнулся, подобрал веточку и, едва передвигая ноги, пошел к загородке, где люди-заключенные все так же сгрудились в кучу и всхлипывали. Он просунул между столбами веточку и с ней ничего не случилось. Чем бы ни был «смертельный огонь», он больше не действовал.

— Вы свободны, — сказал он просто.

— Свободны? — то был голос старика. — Мы мертвы.

Но кое-кто уже с изумлением вставал, протискивался с опаской между столбов и выходил из загородки. Некоторые бросились к яме, заглядывали в нее, покачивали головами и что-то потихоньку бормотали. Девушка, которая уже разговаривала с ним, подошла к Финну и с любопытством смотрела на него.

— Сколько здесь было Рабовладельцев? — спросил он ее.

Она немного подумала и подняла два пальца.

— А сколько волосатых?

Тут она, не задумываясь, подняла шесть пальцев.

— Тогда опасаться нечего, — сказал Финн, — они все мертвы.

— Да и мы тоже, мальчик, — уныло сказал старик, отделившись от группы людей, все еще боязливо жавшихся к перегородке. — Придут другие Рабовладельцы, и нам конец.

Финн удивился.

— Вас не найдут. Бегите, забирайтесь как можно глубже в лес. Лес спрячет вас. Дикий лес не любит Рабовладельцев.

Старик фыркнул.

— Дикий лес убьет нас так же быстро, как Рабовладельцев, не выжить нам. Не охотники мы, — из-за его спины доносилось одобрительное бормотание.

— Научитесь, — огрызнулся Финн, — а что же еще? Ждать, пока придут Рабовладельцы и их звери и сожгут вас? Бегите! Учитесь! В лесу можно жить!

— Да сможем мы жить там, — внезапно сказала девушка, — если с нами будет охотник и покажет, что к чему. Идем с нами. Научи нас.

— Не могу, — покачал головой Финн. — Я должен найти своих. В этом моя охота.

— Твои родственники уже умерли, или чего еще похуже, — настаивала девушка, — не найдешь ты их, да если и найдешь — не сможешь помочь. Помог бы лучше нам.

— Не могу. Я должен идти своим путем, продолжать поиски, что бы ни ждало меня в конце концов.

— Так иди же, — проскрипел старик, — но учти, мальчик, ты убиваешь нас так же верно, как убил бы своим ножом.

— Я вас не убиваю, — спокойно ответил Финн. — Уже до того, как я пришел сюда, вы были практически мертвы. Здесь, — он указал за загородку. — А если вы не сможете жить в лесу и жить свободно, — продолжал он и глаза его потемнели, — что ж, тогда можно считать, что вы были мертвы до того, как попали сюда.

Тут он повернулся и покинул людское стадо. Он ни разу не оглянулся, не бросил за спину взгляда: взбежал по склону, выбрался из долины, и темнота сомкнулась над оставшимся позади.

Часть вторая

БРАТ ПО КРОВИ

7. Незванный гость

Финн лежал на животе и всматривался с травянистого берега в прозрачную воду лесного озера, образованного извилистым ручейком. В одной руке он держал ровную палку, ствол деревца которого он срубил и отрезал ветви. Он расщепил толстый конец палки и вставил в расщеп рукоятку своего ножа, туго обмотав кожаной прашой. Получилась грубая острога — грубая, но действенная, на что указывали две довольно крупные рыбы, лежащие рядом с ним на траве.

Но он был очень голоден и двух рыб, понятно, ему не хватило бы. Он, не мигая, уставился на воду, держа острогу наготове. Мелькнула подводная тень и стала приближаться к тому берегу, на котором он лежал. Даже ресница у него не дрогнула, а потом острога с такой скоростью метнулась, что просто исчезла из виду, погрузившись в воду и вынырнув с рыбиной, нанизанной на лезвие. Не очень большая, решил он, но хватит.

Он снял рыбину с ножа, положил рядом с другими и разобрал острогу. Пращу он положил на траву сушить. Потом он почистил рыбу, а голову и внутренности швырнул обратно в реку. Наподалеку в неглубокой ямке, вырытой в дерне, почти бездымно горел костерок из сушняка. Через несколько мгновений от костра осталась только кучка ярких углей, а поблизости лежала решетка из зеленых ветвей, достаточно пристроить ее над углями и получится что-то вроде гриля.

Меньше чем через минуту куски рыбы уже лежали над огнем и начинали шипеть. Финн сидел рядом, мирно смотрел на угли, спину ему жгло заходящее солнце. Он казался целиком поглощенным удовольствием и отдыхом.

Но мысли его были далеко не мирные.

Несколько дней прошло с тех пор, как он повернулся спиной к обломкам базы Рабовладельцев и тем людям, которые боялись свободы так же сильно, как и неволи. Тогда он, не давая себе ни минуты отдыха, вернулся по своему следу на полянку в вечнозеленом лесу, где трое вихревых саней Рабовладельцев встретились и разошлись.

Он хорошо понимал, как трудно будет теперь, после дождя, уловить хотя бы один след из двух. Но если он и не сможет это сделать, ему может попасться неверный след и он потратит дни и даже недели, прежде, чем обнаружит ошибку. Но делать ничего не оставалось. Джош и Джена должны быть вместе, в одних из двух других саней, а он не может раздвоиться.

Однако, вернувшись на полянку, где солнце лило свой туманный свет сквозь кроны вечнозеленых растений, он без колебаний сделал выбор — идти за санями, которые направились почти точно на запад. Он нашел один или два слабых полустертых следа на толстом ковре из опавших иголок и они дали ему общее направление. Поэтому он и пошел на запад.

По крайней мере он знал, что Рабовладельцы стараются вести свои машины почти по прямой линии. Он рассчитывал на это их свойство, надеясь, что сможет обнаружить более четкий след где-нибудь дальше. Поэтому он, как и раньше, двигался зигзагом вдоль того направления, которое выбрал, и исследовал землю так же тщательно, что вряд ли хоть один лист или травинка избежали его внимания.

Таким образом, он несколько дней шел на запад. Теперь он уже не бежал, сломя голову, как в первый раз. Теперь он знал, что нет смысла загонять себя до упада. Он понятия не имел, как долго ему придется искать, как далеко придется ему зайти. Поэтому он путешествовал более мудро, заставляя себя — хотя и глубоко жалел потерянное время — искать пищу для плотного ужина в конце каждого дня.

Но шли дни, и он все больше и больше терял надежду. Несмотря на все свое мастерство и предельную концентрацию, он не мог найти ни единого признака, который показал бы, что по лесу прошло что-то вроде вихревых саней в том направлении, в котором он следовал.

Даже если он преследовал те вихревые сани, что ему были нужны, он потерял след.

Несколько раз в день, когда разочарование и горе болью отдавались в его душе, он перебарывал в себе порыв броситься бежать сломя голову по лесу куда-нибудь в сторону той линии, что он выбрал, в надежде, что какой-нибудь счастливый случай подарит ему те следы, которых он так жаждал. Но он знал, что это было бы бесполезно: нельзя надеяться на удачу, когда в лесу идешь по следу.

Единственной его надеждой было держаться прямой линии первоначального направления и смотреть, куда она его выведет. Если не к базе Рабовладельцев, то, возможно, к деревне, где живут люди и где он сможет узнать, есть ли поблизости Рабовладельцы.

А поскольку надежда была слишком слабой, хуже всего было на исходе дня. Пока он шел, усиленное изучение окружающего оставляло мало умственной энергии для грустных размышлений об утрате и неудаче. Но когда он останавливался, его захлестывали мысли: мысли о том, что могут испытывать Джош и Джена в этот самый момент. Если они еще живы...

Финн встряхнулся и сжал зубы, пытаясь прогнать черные мысли, вызывающие омерзительное оцепенение и чувство безнадежности. Он наклонился и перевернул ножом рыбу, подбросил несколько сухих веточек. Рыба пахла восхитительно, но он знал, если поддаться отчаянию, которое охватывало его каждый вечер, то рыба будет казаться не вкуснее золы.

Он снова откинулся назад и замер, словно обратившись в камень.

Кто-то шел по лесу за ручьем. Кто-то большой, хруст веток и сучьев выдавал его сущность: большое и не боящееся нарушить тишину.

Он наострил уши и насторожился, заинтересовавшись, но не встревожился. В лесу живет много животных, в том числе и большие. Он несколько раз видел на стволах отметки, которыми медведи помечают свою территорию. Судя по звуку, это и был медведь, возможно, привлеченный запахом жареной рыбы.

Вне всякого сомнения, он подойдет поближе, чтобы хорошенько принюхаться и внимательно рассмотреть Финна, и может даже останется поблизости в надежде, что еда еще останется, когда Финн заснет. И пока Финн не станет опасным для медведя, зверь не станет опасным для него.

И все-таки, ведь в лесу нужно быть осторожным. Он потянулся к огненному копыю и подтащил его поближе.

Он взял огненное копьё с собой. С тех пор он каждый вечер изучал его и упражнялся — не такое уж великое искусство нужно было, чтобы прицелиться смертельным сжигающим лучом. Но до сих пор он пользовался им только для тренировки и для того, чтобы быстро разжечь костер. Когда он добывал себе еду на вечер, он пользовался своим собственным оружием: у него было такое ощущение,

что это будет неправильно, неестественно, охотиться на жителей дикого леса оружием чужаков.

Медведь, или что это там, подошел ближе и теперь обходил маленький пруд. Рыба была готова. Финн снял ее с огня и отставил в сторону немного охладиться, и снова внимательно взгляделся в листву в том направлении, откуда доносился треск.

Ну вот... кусты слегка задрожали. Он не смотрел прямо на них, но уголком глаза продолжал следить, а сам наклонился, чтобы взять кусок рыбы.

А когда он наклонился, существо, столь шумно пробиравшееся через лес, наконец, полностью вышло из кустарника.

Не медведь. И вообще не животное.

Это был массивный полуобнаженный зверочеловек Рабовладельцев и в его глубоко посаженных глазах, казалось, сменяются любопытство и ярость.

На какое-то мгновение Финн, потрясенный, оцепенел. Зверочеловек тоже не двигался и изучал Финна.

Он был невысок, но неестественно широк и силен, слегка сутул, на толстой шее и спине буграми вздымались могучие мускулы. На нем были мешковатые штаны и высокие, до колен, башмаки; за спиной в кожаных ножнах висело оружие с длинным лезвием, похожее на мачете, так что его рукоятка выдавалась из-за широкого плеча. Обнаженное туловище было покрыто длинными свалевшимися волосами, довольно светлыми, почти желтыми, а лицо почти скрывалось в большой темной бороде. Тяжелые валики надбровных дуг делали глазные впадины похожими на пещеры, однако его лоб был на удивление высоким и казался еще выше от того, что волосы на голове были редкими и далеко отступали назад.

Этот лоб покрылся морщинами, когда зверочеловек осторожно шагнул вперед.

Финн вскочил на ноги и вскинул огненное копье. Зверочеловек увидел оружие, и глаза его расширились. Он остановился, согнулся, словно собираясь броситься назад. Финн направил на него огненное копье, и его большой палец скользнул в неглубокую выемку.

Металл на кончике копья засветился алым. Но больше ничего не произошло. Из копья не вылетели убивающие лучи.

Финн, обезумев, все нажимал и нажимал на выемку. Ничего. Что бы ни случилось с оружием, разбираться ему было уже поздно.

Со скоростью, удивительной для такого массивного существа, зверочеловек выхватил мачете из ножен. Блеснуло ужасное лезвие, и враг бросился вперед на него со звериным рыком.

Нож Финна лежал на траве у огня, и схватить его он бы уже не успел. Перехватив бесполезное копьё, как дубинку, он сжался в комок и собрал все свои силы, чтобы выдержать чудовищный натиск. Они сошлись, как два диких зверя — Финн, быстрый, проворный и жестокий, как ягуар, и зверочеловек, массивный и сильный, как взбесившийся медведь.

Мачете свистнуло над головой Финна и оглушительно зазвенело, наткнувшись на копьё, отразившее удар. Снова мелькнуло мачете, казавшееся невесомым в огромном кулаке зверочеловека. Финн нырнул в сторону и нанес ответный удар, слегка задев ребра зверочеловека.

Так они фехтовали, атакуя и защищаясь, но большей частью защищаться приходилось Финну от смертоносного лезвия мачете. Куртка из грубой кожи, в которую был одет Финн, уже была прорезана в нескольких местах, как бумажная. Но Финн был очень быстр, и чаще всего ему удавалось уклониться от мелькающего клинка. И несколько его ударов тоже оставили свои отметины, хотя, казалось, зверочеловек никак не реагировал на глухие удары копьё по животу или ноге.

Битва длилась всего несколько мгновений, они ходили по кругу, атакуя и защищаясь от ударов. Первым сменил тактику зверочеловек. Рубящий удар оказался ложным выпадом, и последовал свирепый пинок. Но Финн увернулся от огромного башмака и неистово хлестнул копьём по руке, в которой было зажато мачете.

Металл ударился по волосатому запястью, зверочеловек взревел и выронил мачете. По-змеиному быстро и гибко Финн развернул копьё и нацелился в голову зверочеловека. Но со стремительностью зверочеловека не смог бы сравниться никто. Он схватился голый рукой за копьё, с ужасающей силой вывернул его из рук Финна и отбросил его прочь.

Зверочеловек бросился на Финна. Финн сражался, как взбесившаяся дикая кошка кулаками, коленями, ногами. От некоторых его особенно ужасных ударов зверочеловек только хрюкал, но не более того. У Финна было такое чувство, словно он лупил кулаками по древесному стволу.

Ужасные руки вцепились в куртку Финна. Они вывели его из равновесия и они оба упали, сцепившись, на землю — Финн оказался под зверочеловеком.

Всем своим огромным весом зверочеловек рухнул на Финна и вышиб из него весь дух. Полуоглушенный, Финн мог только корчиться и извиваться, прижатый к земле огромными руками и ногами.

Наконец, он понял, что спасения нет, расслабился и взглянул в звериное лицо, ожидая смерти.

Но, к его удивлению, на лице зверочеловека не было написано победного выражения или жажды убийства. Напротив, на губах, виднеющихся под густой бородой, было нечто странное — вроде кривой улыбки, и что-то вроде насмешливого огонька в глубоко посаженных глазах.

— Ну, вот.

Финн удивленно моргнул. Голос зверочеловека не походил на хрипящие и лающие голоса чудовищ, с которыми Финну уже приходилось сражаться. Голос был глубоким и богатым, словно мелодичный гром перекачивался в бочкообразной груди.

— Ну, вот, — повторил он, — если тебе надо еще попытаться прикончить меня, может быть, потолкуем немного?

8. Медведь

Финн почувствовал, что его челюсть по-дурацки отвалилась. А зверочеловек улыбнулся и обнажил не клыки, а обыкновенные человеческие зубы, разве что великоватые и слегка желтые.

— Здорово я перепугался твоего огненного копья, — это прозвучало почти как извинение. — Я решил, что чуть не потерял свою голову, и собрался вместо того снести твою голову с плеч.

Глухой грохочущий смехок.

— Вот так и подрались. Ну, если я отпущу тебя, ты будешь сидеть спокойно, вести себя прилично, и мы немного поговорим? А ты можешь говорить?

Финн моргнул несколько раз, будто не веря, что все это происходит на самом деле, и обрел голос:

— Да, — сказал он хрипло.

— На оба вопроса? — ухмыльнулся зверочеловек. — Хорошо.

Он освободил Финна и встал, осторожно отошел назад, но скрашивая эту осторожность улыбкой. Финн сел,

ошеломленный, растирая синяки, оставшиеся на теле от огромных рук зверочеловека.

Финн напрягся, когда его бывший противник подошел к своему мечу, но клинок тут же скользнул в ножны за широкой спиной. Потом зверочеловек поднял огненное копье. Он что-то там повертел, и, к удивлению Финна, копье распалось на две половинки. Зверочеловек заглянул в трубку.

— Кончился заряд, — сказал он. — К моему счастью. Запасной есть?

Финн в замешательстве покачал головой.

— Я так и думал. Подобрал где-то?

Финн был слегка удивлен, и у него снова прорезался голос:

— Я отобрал его у Рабовладельцев.

— Вот как? — зверочеловек с новым интересом взглянул на Финна своими глубоко посаженными глазами. — И что же случилось с Рабовладельцами?

— Сдохли, — сказал Финн, слегка вздрогнув от гордости. — Их было двое... и шестеро... ну, других.

На бородатом лице появилась мрачная, но одобрительная улыбка.

— Ах, как мне нравится слышать такое! — Тут ему в голову пришла какая-то мысль. — Так это ты устроил ту шумиху? Я что-то слышал, так было много дыма и огня — вон там, в том направлении, в нескольких днях пути? — и он махнул рукой в сторону долины, где Финн получил свое боевое крещение.

Финн кивнул.

— Там жили Рабовладельцы, в двух таких больших штуковинах, вроде домов. Они сгорели.

— Я так и думал, — снова сказал зверочеловек. — Я был поблизости и видел, что там происходило что-то веселенькое.

Все это время он внимательно изучал Финна.

— Это что-то новенькое, мальчик. Никогда не слышал, чтобы кто-нибудь из вас поднял руку на Рабовладельцев. И уж, конечно, не видел никого, кто бы сделал это и остался в живых.

Финн слегка покраснел.

— Я не совсем понял, что случилось тогда. Мне повезло.

— Да, удача помогает, если схватишь ее за хвост, — дружелюбно сказал зверочеловек. — Но и ты должен быть ловким и стойким, чтобы сразиться с Рабовладельцами.

Похоже, ты такой и есть... — Снова вспыхнула кривоватая улыбка. — Я уже понял, что ты сильнее, чем кажешься.

Финн почувствовал, что эта грубая похвала ему, как ни странно, нравится.

Зверочеловек подался вперед и протянул свою огромную руку.

— Пожмем руки, мальчик, и помиримся. Похоже, что мы с тобой одного поля ягоды. Как тебя зовут?

— Финн Феррал, — сказал Финн, осторожно протягивая руку, и его руку так энергично пожали, что он тут же вскочил на ноги.

— Зови меня Медведем, — сказал зверочеловек и тут же его глаза блеснули, когда он увидел, как Финн пытается сдержать улыбку. — Чего смешного?

— Не обижайся, — сказал Финн, пытаюсь согнать с губ улыбку, — но я... я думал, что ты и был медведем, когда услышал, как ты идешь. А когда я увидел тебя, я...

— Подумал, что я похож на него, да? — сказал Медведь со смешком. — Я понял. А ты слышал, как я шел, да? А я-то думал, что я иду очень тихо и осторожно. — Он удрученно покачал большой головой. — Не везет мне в этом проклятом лесу. Но ты-то, Финн Феррал, тебе-то, кажется, здесь хорошо?

— В своей деревне я был охотником, — сказал Финн просто. — Лес для меня — дом родной.

— Вот как? — с интересом сказал Медведь. Он пнул что-то носком башмака и Финн увидел, что это были куски жареной рыбы, которую они втоптали в землю во время своей яростной схватки. — Похоже, что ты раздобыл хорошую еду, — продолжал Медведь. — А я вот так и не помню, когда мой живот был полон. Как ты думаешь, можно еще наловить рыбы?

Финн смешался. Уж о еде-то он думал сейчас в последнюю очередь.

— Там ее много, можно наловить, — сказал он, указывая на пруд. — Но...

— Не знаю, — перебил Медведь, поднимая руку. — У тебя на языке вертится куча вопросов — мне тоже любопытно узнать побольше о тебе, как и тебе обо мне. Но моя голова говорит мне, что для разговоров у нас впереди целая ночь и чуточку времени перед тем, как станет слишком темно для рыбалки. А мое брюхо говорит мне, что я могу беседовать с тобой куда с большим толком, если я сначала набью его.

Финн огляделся. Солнце почти село, тени были очень длинными.

— Хорошо, я приготовлю ужин. Только нужен хворост для костра.

— Уж с этим-то я справлюсь, юный Финн,— пророкотал Медведь.— Две вещи может сделать старый Медведь...— он выразительно погладил рукоять своего мачете...— рубить дрова и убивать Рабовладельцев.

Под эти зловещие слова, эхом прокатившиеся по лесу, Финн вернулся к пруду. У него в голове все перепуталось. Странный гость казался ему слегка нереальным.

Они еще не кончили есть, когда на лес опустилась кромешная тьма. Финн принес к костру гору рыбы и с удивлением наблюдал, как Медведь управился с большинством из нее. Когда они поели, Финн по просьбе Медведя рассказал о себе. Медведь оказался чудесным слушателем: слегка наклонившись над огнем, он напряженно вглядывался в лицо Финна, словно опасаясь пропустить хоть одно слово, и издавал ворчание и рычание в знак понимания, сочувствия и симпатии. Финн и не заметил, как выложил ему все, начиная с подробностей своего странного появления в деревне, до последних событий, приведших к яростному преследованию вихревых саней и ужасающему столкновению в долине.

Когда отзвучали последние слова в его повествовании, наступило долгое молчание, прерываемое только хрустом пережевываемой большими зубами Медведя рыбы.

— Ну, вот,— сказал, наконец, Медведь,— такие истории я называю достойными рассказывания. Слушать было так же хорошо, как есть эту рыбу.

Финн озадаченно покачал головой.

— Я до сих пор не могу поверить, что все это происходит со мной,— сказал он.— Совсем недавно я дрался за свою жизнь с... как я думал, с одним из монстров Рабовладельцев. А теперь я сижу рядом с ним, ем рыбу и рассказываю ему о себе.

Медведь кивнул и перебил:

— Звучит забавно. Но я не монстр Рабовладельцев, как ты говоришь, уже много долгих лет.

— Теперь твоя очередь,— сказал ему Финн,— рассказывать, кто ты и что здесь делаешь.

— Так я что — просто Медведь. И делаю то, что делал уже несколько лет. Брожу, гуляю по этому миру, стараюсь остаться живым,— голос его стал глубже, задрожал, подобно отдаленному грому,— и убиваю Рабовладельцев.

— Почему? — настороженно спросил Финн.

— Сам знаешь, почему. Потому что они — монстры. Потому, что одно из двух: ты убиваешь их, или они убивают тебя. Ведь они убивают людей гораздо больше лет, чем я могу сосчитать.

— Но ты же... — Финн запнулся, скрывая смущение.

— Не принадлежишь к роду людскому? Не человек? — глаза Медведя сверкнули в свете костра. — Может быть, и не похож. Может быть, те, другие, похожие на меня, поступали не как люди. Но мы существуем. Мы, как и вы, происходим от доброго людского корня.

— Не понимаю, — начал Финн.

— Как же, — сказал Медведь. — Да можешь ли ты понять? Эти твои люди прятались в своих деревеньках, крепко зажмурив глаза и думая, что пришлые пугала не тронут их. Люди слишком перепуганы, чтобы даже защитить себя, слишком напуганы даже для того, чтобы разузнать что-нибудь о врагах и попытаться защищаться. Все они такие — перепуганные и невежественные. — Он взглянул на Финна со своей кривой усмешкой. — Кроме старого Медведя. Теперь в это исключение попадаешь и ты, я думаю.

На лице Финна было написано смятение.

— Я такой же невежественный и перепуганный, как и любой из них. Я видел Рабовладельцев, сражался с ними, но узнал лишь, как много я не знаю. А мне нужно знать.

Медведь обсосал косточки последней рыбы и швырнул их в огонь, после чего уселся поудобнее и удовлетворенно отрыгнул.

— Ага, нужно. Или ты не выживешь и месяца. А старый Медведь как раз тот парень, который научит тебя. Как ты заметил, теперь моя очередь рассказывать. — Снова кривая усмешка. — Но не жалуйся, если после моего рассказа тебе целый месяц будут сниться кошмары.

Медведь оказался таким же хорошим рассказчиком, как и слушателем. Время шло, наступила глубокая ночь, луна своим серебряным светом смягчила тени вокруг костра, а Финн сидел неподвижно, едва дыша, словно загипнотизированный рокочущей басовой мелодией голоса Медведя. Он всецело обратился в слух и не пропускал ни единого слова.

Медведь сначала рассказал о себе.

— Начнем с малого, — сказал он со своей кривой усмешкой, — и оставим мировые проблемы на потом.

Он действительно был рожден и рос как один из «монстров Рабовладельцев» далеко на западе, в одном из главных Центров Рабовладельцев, окруженном высокой горной цепью. Это был один из главных Центров, сказал он Финну, возможно, самый большой из всех: он занимал большую площадь и был густо населен.

Как и все, подобные ему, он служил «хозяевам». Когда он вырос, то, как и его соплеменники, стал сторожить — или пасти — большую группу людей-рабов. Но тот факт, что Медведь продолжал исполнять свои обязанности, не помешал ему увидеть, как безнадежно и беспомощно они жили.

Медведь видел, как люди, ковыляя, выполняли работу, будто тягловый скот, каковыми они и стали. Он видел, как людей изучают и жестоко гоняют зверолюди — включая его самого. Он видел, как люди слабели и умирали с ужасающей легкостью, а их заменяли другими — такими же беспомощными, жалкими и обреченными.

Но с самого начала Медведь знал, что в нем есть какое-то отличие, отделявшее его от диких соплеменников. Возможно, более высокий уровень интеллекта, возможно, зарождающиеся зачатки сострадания. Как бы то ни было, он почувствовал вину по отношению к людям-рабам. И он задал себе вопрос, которого никто никогда не задавал. Вопрос — *почему?*

И еще он понял, вопрос этот будет терзать, пока он не найдет ответа. Втайне, украдкой, он начал изучать Рабовладельцев.

Несколько лет он подсматривал, подслушивал, учился, копил информацию — медленно складывал ее частички воедино, он строил подробную картину того, кем и чем являются Рабовладельцы, почему они появились на земле, каковы их долгосрочные планы. Никто не замечал, что позиция Медведя изменилась, никто и на мгновение предположить не мог, что он делает.

— Так я потерял осторожность, — пророкотал Медведь. — Я выбрал время и проскользнул в те помещения Центра, куда не пускают таких, как я. Многое я там узнал. Там меня и поймали.

За преступное проникновение в запретную зону Рабовладельцы приговорили его к смерти. А зверолюди — его братья и товарищи — решили для забавы медленно забить его силовыми кнутами.

— Когда все кончилось, они швырнули меня со склона горы, куда сваливали мусор, — голос Медведя стал скорб-

ным и глубоким, как похоронный звон, — но я одурачил их. Я не умер. Я лежал там несколько дней. Без воды, без пищи, раны мои загнили, я лежал неподвижно, лишь только страдал от боли. Но я не умер. Со временем я смог шевелиться и стал рыться в отбросах в поисках кусочков еды. Позже, когда мои раны стали заживать, я уполз в лес, где и живу до сих пор.

Но даже когда я совсем выздоровел, остались внутренние рубцы, которые никогда не заживут. Они породили глубоко укоренившийся гнев, дьявольскую жажду наносить ответные удары, и только это позволило мне выжить, когда я лежал, истекая кровью, на груде отбросов.

— Так я объявил войну Рабовладельцам, — пророкотал Медведь, — смешно звучит? Старый Медведь, совершенно один объявил войну целой расе завоевателей, со всем их заульным оружием и машинами. Но я их знаю. Я знаю их слабости, их уязвимые точки. Я знаю, как укрываться от них и как убивать их. Вот чем я занимаюсь с тех самых пор. Вот чем я буду заниматься до своего последнего дыхания. Убивать Рабовладельцев.

— А своих, таких, как ты? — колебавшись, спросил Финн.

— Ага. Не прорвешься через того — не убьешь этого. Но я больше не держу их за подобных себе. Знаешь, они считают себя существами иной породы, чем люди. Называют себя *братья по крови* — будто все они кровные братья. Они только и умеют, что выполнять приказания Рабовладельцев — делают это так жестоко и уродливо, как только они и умеют. А что до меня, так я считаю себя человеком, хотя большинство людей бросится бежать со всех ног, если увидят меня.

Финн нахмурился:

— Но как ты... Как они стали такими? Откуда они появились?

Медведь некоторое время внимательно смотрел на Финна. И ответ, который Финн понял только наполовину, встревожил его еще больше оттого, что он был произнесен ровным, холодным тоном:

— Видишь ли, мой мальчик, нас СОЗДАЛИ. Вырастили специально Рабовладельцы.

Медведь ухмыльнулся своей кривой усмешкой, увидев, как Финн сидит, словно пораженный.

— Ты, наверное, так и не понял. Я не имел в виду, что нас создали так, как они делают своих соглядатаев. Братья по крови из мяса, крови и костей, как и ты.

Происходят они от людей, рождаются, как и все. Только... задолго до их рождения, когда они не больше булавочной головки, завязавшейся во чреве их матери, Рабовладельцы их вытаскивают и что-то с ними делают.

Потрясенный Финн слушал рассказ об огромной лаборатории, которую Медведь обнаружил в Центре. Там человеческие вибрионы — не больше оплодотворенных яйцеклеток оперируют странными и тонкими инструментами. Прodelав над ними неизвестную операцию, Рабовладельцы вновь помещают их в утробу матерей, где они естественным образом растут до рождения.

— Правда, — добавил Медведь, — многие не доживают до рождения, или, родившись, живут недолго. Все родившиеся не похожи на людей.

— Некоторые из них скрючены, деформированы или еще чего похуже, — сказал Медведь, — и Рабовладельцы таких убивают. Большинство оставшихся получают похожими на меня — и Братья по крови получают несколько новых мальчиков.

— Мальчиков? — спросил Финн.

Медведь сплюнул в огонь.

— Рабовладельцам нравятся большие, сильные и злобные Братья по крови. Девочек они убивают.

Финн невидящим взором уставился во тьму, пытаясь осознать всю глубину бессердечной жестокости, которую он едва мог вообразить. А потом еще более ужасная мысль поразила его.

— Медведь, — начал он, — а матери...

— Юные женщины, которых Рабовладельцы забирают у людей, — сказал Медведь, — и Братья по крови заставляют их спариваться с мужчинами-рабами, — его глубокий голос смягчился. — Я знаю, о чем ты думаешь, Финн. И, вероятно, ты прав. Взгляни правде в лицо. Может быть, как раз сейчас твоя маленькая сестричка становится матерью одного из Братьев по крови.

— Нет!!! — вырвался из горла Финна полный муки крик. Он посмотрел на Медведя затуманенным взором. — Почему все это творится? Почему?

— Боюсь соврать, мальчик, — мягко сказал Медведь. — Рабовладельцы не объясняют своих поступков Братьям по крови. Но мне всегда казалось, что они пытаются сделать что-то особенное. Пытаются создать новый сорт людей. И я думаю, Братья по крови, скорее всего бракованные экземпляры; хотя Рабовладельцы и нашли им применение.

— Какой же сорт людей им нужен? — спросил Финн. Медведь начал было отвечать, но внезапно остановился, словно что-то невидимое сразило его. Когда он снова заговорил, голос его звучал почти обыкновенно.

— Не могу сказать тебе, Финн. Откуда мне знать.

Поглощенный своими мучительными мыслями Финн не заметил ни паузы, ни изменившегося тона. Он не заметил, как изменился взгляд Медведя, когда глаза его скользнули по россыпи маленьких темных точек на левом предплечье Финна.

9. Два путника

Много долгих минут Финн сидел неподвижно, как статуя, уставившись в темноту, весь поглощенный мыслями и видениями, которые были почти невыносимы. Наконец, Медведь беспокойно зашевелился.

— Не рви ты себя на части, Финн,— пророкотал он.— Я понимаю, тяжело. Но ведь весь наш мир тяжел и мерзок. Он стал таким с тех пор, как появились Рабовладельцы. И этого не изменить.

Финн медленно повернулся к Медведю, глаза его сузились. Костер бросал тени на его лицо, казавшееся высеченным из гранита.

— Кое-что я изменю,— сказал он резким и мрачным голосом.— Если не убьют. Я выручу Джоша и Джону, где бы они ни были.

Медведь помрачнел и держал себя за бороду.

— Я почти уверен, убьют тебя, мальчик. Если ты вообще найдешь их, мальчик. Но черт меня возьми, если я не хочу присоединиться к тебе, если ты возьмешь меня с собой.

Финн с удивлением взглянул на него.

— Почему?

Медведь пожал плечами:

— Потому что мне ничего не остается делать. Потому что мне любопытно посмотреть, как ты справишься. Потому что тебе, возможно, понадобится кто-нибудь, кто умеет убивать Рабовладельцев,— в его бороде снова промелькнула кривая усмешка.— Потому, что я несколько раз чуть не подыхал от голода, а ты здорово готовишь.

Выражение лица Финна не изменилось, пока он раздумывал. Наконец, он кивнул.

— Почему бы и нет? Если мне не придется из-за тебя идти медленно.

— Я могу идти быстро, если постараюсь,— уверил его Медведь.

— Тогда отправимся с рассветом. А пока будем идти,— добавил Финн запоздалое соображение,— ты расскажешь мне еще немного о Рабовладельцах — и как с ними бороться.

На следующий день, к концу дневного перехода, Финну не на что было жаловаться. Медведь казался неутомимым. Большая часть дня маршрут, который выбирал Финн, вел их по широкой полосе низины, влажной и болотистой, покрытой обильным переплетенным подлеском. Как и всегда, Финн находил проходы и бреши там, где их, казалось, вовсе не существовало, совсем, пока он в них не проскальзывал. Поэтому Медведю казалось, что ветви расступаются перед человеком. У него самого таких способностей не было, но он компенсировал свой недостаток огромной силой и выносливостью, напролом продираясь сквозь заросли, и в крайних случаях прибегая к помощи острого, как бритва, мачете, которым прорубал проходы для своего громадного туловища.

Днем они разговаривали мало,— Финн, как обычно, далеко отклонялся в обе стороны от выбранного направления, все еще надеясь отыскать какие-нибудь следы вихревых саней. А Медведь, со своей стороны, строго держался прямой линии, которую ему указал Финн. А когда сумерки начали робко ощупывать землю, они уже прошли существенное расстояние.

На этот раз Финн не жалел, что ему приходится прервать дневной поход и заняться поисками пищи. Он предвкушал вечернюю беседу. Весь день ушел на раздумья: он пытался свыкнуться со страшным откровением прошлой ночи и судьбой, которая, вероятно, ожидает Джэну. Но кроме того, он думал и о том, какой полезной может оказаться компания Медведя как источника информации о врагах.

Его голова жужжала от вопросов.

И этой ночью, когда они уже плотно набили желудки мясом каких-то водяных грызунов, которых Финн наловил в силки и приготовил на вертеле, он стал требовать ответов у Медведя.

Медведь откинулся назад, почесал бороду и, как всегда, охотно заговорил:

— Ты должен понять, — начал он, — что Рабовладельцы много не разговаривают между собой. Братья по крови получают приказы и не задают вопросов. Поэтому над многими вещами я и не думал.

Среди неразгаданных загадок был и вопрос о происхождении Рабовладельцев — с какого другого мира они появились. Но для Финна, который ничего не знал о космических полетах и других планетах, это был бессмысленный вопрос. Его гораздо больше интересовало то, что Медведь все-таки узнал, что именно привело Рабовладельцев на Землю.

— Им чертовски нужны металлы, — сказал Медведь. — Видимо, большинство маленьких баз Рабовладельцев построены поблизости от источников каких-то специальных металлов, оставшихся от Забытого Времени. Не естественные руды, а те металлы, которые были выработаны или созданы древними людьми, которые создали ту блистательную цивилизацию, а потом разрушили ее.

— Тут вокруг куча такого металла, — продолжал Медведь, — только он покрыт девственным лесом и нужно покопаться, чтобы достать его. Это-то Рабовладельцы и делают большую часть своего времени — копают. С помощью своих машин или рабов, или того и другого.

Возможно, подумал Медведь, на закладку такой шахты и наткнулся Финн в этой долине.

Дальше Медведь рассказывал об остатках Забытого Времени, которые он видел.

Обширные пространства, которые были опустошены в ходе последней разрушительной бойни, куда даже дикий лес не смог прорваться — и даже Рабовладельцы держатся от них подальше. Редкие травы, которые растут в тех местах, причудливо изуродованы и даже ядовиты, а животные, которые бродят по тем пугающим областям, почти так же уродливы и еще более смертоносны.

Эти растения заинтересовали Финна, но не так, как те подробности, с которыми Медведь описывал Рабовладельцев. Как он никогда не видел, чтобы они ели и он предполагал, что они никогда не спят, и хотя ночью держатся подальше от Братьев по крови, и потому Медведь не был уверен в этом. Как изменение цвета их глаз выказывает их чувства, но в очень ограниченных пределах, не более чем внезапное удивление или гнев. Как эти фасеточные глаза обладают особой способностью видеть слишком маленькие или слишком удаленные от человека предметы и видеть совершенно отчетливо в почти полной темноте.

Финн стал особенно внимательным, когда Медведь заговорил о слабостях Рабовладельцев.

— В их тощих руках и ногах почти нет силы, — грохотал Медведь, — и в шее тоже.

Финн мрачно кивнул. Он и сам знал об этом.

— Но их тела... ничто не может пробить эту броню. Ни клинок, ни даже огненное копье.

Финн пожал плечами.

— Какое это имеет значение, если их можно убивать по-другому?

— Не очень большое, — согласился с ним Медведь. — Но просто любопытно. Ты сам знаешь, на что похожи изнутри крылатые шпионы. Что, если Рабовладельцы выглядят так же?

— Ты хочешь сказать, машины... — спросил Финн, вспомнив металлический блеск внутренностей крылатого существа, которого он сбил.

— Ага, или отчасти, во всяком случае, — Медведь задумчиво подергал бороду. — И если они... если их как-то сделали, как они делают крылатых шпионов,... то кто или что сделало их?

Да, это вопрос, подумал Финн. Но еще он подумал, слегка задрожав, несмотря на тепло костра, что не хотел бы он узнать ответ на этот вопрос.

В течение нескольких следующих дней пути и ночных разговоров, Финн продолжал слушать и познавать. Медведь особенно любил рассказывать о своих приключениях с тех пор, как он удрал из Центра Рабовладельцев и вел свою одинокую войну против чужаков. Но он всегда был готов вставить в рассказы побольше фактов и подробностей, которых жаждал Финн.

— Вот что еще забавно у Рабовладельцев, — сказал он как-то вечером. — У них нет воображения. Они, конечно, сообразительны, сообразительнее людей, вне всякого сомнения. Но их мозги всегда работали по прямой, шаг за шагом. И это делало их весьма уязвимыми в отношении людей, вроде нас с тобой.

— Каким образом? — с интересом спросил Финн.

— Потому что они не могут предвидеть, что мы сделаем, или почему. Я сам убил Рабовладельца и удрал. Вышел другой Рабовладелец и увидел мертвого. Он не смог понять, кто или что убило его. Он огляделся, не увидел никого, просто повернулся и ушел домой. Никакого воображения, — глубокий басистый смешок выкатился из могучей груди. — Чтобы перемудрить их, нужно

лишь воспользоваться своим воображением. Делать что-то слегка безумное, чуточку невиданное, и они не поймут, кто их убьет.

Так шли дни, полные тяжкого пути и нови, полные разговоров. В ходе их Финн начал сознавать, что происходит нечто необычное.

Финн и Медведь были настолько различными, насколько могут быть различными два индивидуума. Их свел вместе случай, и остаются они вместе по почти непреднамеренному и, видимо, временному соглашению. В других обстоятельствах они могли бы стать смертельными врагами, но каким-то образом в течение этих дней и ночей между ними возникли какие-то узы. Что-то большее, нежели просто чувства попутчиков, большее, чем просто товарищеские отношения. Как ни странно, они становились друзьями.

Если бы его спросили, Финн мог бы сказать, что в его жизни нет места дружбе. Свиристая, стальная решимость, которая овладела им, потерявшим Джоша и Джону, решимость, ставшая более холодной и твердой во время мрачной погони, полностью захватила его. Оцепенение, поразившее его, когда Медведь открыл, что происходит с юными девушками, попавшими к Рабовладельцам, все еще отражалось в его глазах и накладывало отпечаток отчужденности, которого раньше не было.

В то время Финн был молодым человеком, который оказался один-одинешенек в мире, которого почти не знал, столкнулся с врагами, которых знал еще меньше и нес на себе тяжелую ношу боли, горести и утраты. Сам того не сознавая, он очень нуждался в друге. И Медведь, Брат по крови или нет, идеально подходил для этой роли.

Их растущая близость стала особенно очевидной Финну, а может быть, и Медведю на пятую ночь их совместного путешествия. Медведь вспомнил о днях своей молодости, и Финн внезапно спросил его, откуда взялось его имя и что оно, собственно, означает.

Медведь подергал себя за бороду, неуверенно поерзал и попытался сменить тему. Но Финн, заинтересованный, нажал на него.

— Да, глупая это история, — пробормотал Медведь. — Наверное, ты будешь смеяться до колик.

— Я не буду смеяться, — пообещал Финн.

Медведь взял палочку, наклонился и написал на земле МЕДВЕДЬ.

— Ты читаешь? — спросил он.

— Немного, — ответил Финн. — У Джоша было несколько книг Забытого Времени и он чуть-чуть научил меня.

Медведь хмыкнул:

— Похоже, отличный парень твой папа. Нашему миру нужны такие, как он. А я никогда не учился читать. Братья по крови не умеют. Но иногда Рабовладельцы выкапывают старые книги и вещи, и я украл несколько штук, прежде чем Братья по крови пустили их на растопку. Выучил я несколько букв, и как писать свое имя.

— Так что же твое имя? — настаивал Финн.

Порывистый вздох.

— Видишь ли, Братья по крови сами дают имена своим малышам. Большей частью по их облику и поступкам, и чаще всего, не очень-то изящные. Я знал одного по имени Рваное Брюхо, и Редкозубого знал, такая вот ерунда. Со мной тоже, — он уныло почесал бороду. — Ты уже заметил, что я довольно-таки волосатый. А когда я был моложе, то был еще более желтый, чем теперь. Все другие смеялись, пока я не вырос и не начал бить им морды. И все же имя мне дали из-за этих желтых волос. Только когда я стал старше, я укоротил его и получилось МЕДВЕДЬ.

— Так все-таки, какое же было имя? — не отступал Финн.

— Если хочешь знать, — проворчал Медведь, — меня звали Медвяноголовый.

Довольно долгое время Финн честно смотрел на Медведя и на его лице ничего не было написано. Но постепенно его лицо побагровело, зубы сжимались все крепче, и он уже не мог сдерживать странную дрожь, сотрясавшую все его тело. Наконец, он уже не смог сдержаться. Финн взорвался заразительным смехом.

— Медвяноголовый! — задохнулся он и хохотал, пока слезы не полились из глаз, а ребра не заболели, как переломанные.

Потом засмеялся и Медведь, его бас словно исходил из большого барабана. Лесные зверюшки застыли в изумлении, наблюдая из темноты, как двое людей катаются по земле, ухватившись за бока, а девственный лес вторит незнакомому звуку смеха.

Наконец, хохот начал стихать. Финн судорожно старался взять себя в руки, а громкий смех Медведя перешел в звучный хохот.

— Сынок, — сказал Медведь, наконец, — мне было бы очень приятно, если бы все, что я тебе рассказал, исчезло из твоей памяти.

— Я постараюсь, — отвечал Финн все еще сдавленным голосом. — Или я разможжу себе башку.

— Да, смех помогает при таких страданиях, как у тебя, — пророкотал Медведь. — И я думаю, тебе нужно было такое лекарство как раз сейчас.

Он был совершенно прав, думал про себя Финн следующей ночью. Вспышка веселья, казалось, смягчила тени, уменьшила внутреннее напряжение. Боль и чувство утраты все так же оставались с ним, как и его свирепая решимость. Но они больше не висели на нем непосильной ношей, не грозили вытянуть из него всю душу и сердце и превратить его лишь в холодную, горестную и пустую скорлупу, идущую к своей цели, как машина. Или, подумал он мрачно, как подобие Рабовладельцев.

И именно Медведь дал ему первый толчок к выходу из тяжелого состояния. Он снова становился нормальным человеком. Медведь — его друг.

Начинало смеркаться. Финн бежал трусцой по пустому кустарнику и нес трех жирных перепелок, которые обеспечат им ужин.

В течение этого дня, как и во все предыдущие, они двигались на запад и оставляли за собой кусок дикого леса, но не видели ни малейшего следа ничего присутствия — ни чужаков, ни людей. Но постоянная настороженность Финна, ставшая такой же частью его натуры, как, скажем, кожа, не ослабла.

Поэтому от его внимания не укрылась легкая тень, мелькнувшая высоко над головой и едва различимая сквозь листву.

Волосы у него на голове встали дыбом. Почти не прерывая бега, он подпрыгнул, ухватился за сук и вскарабкался на дерево с легкостью белки.

Возле верхушки дерева ему уже ничто не мешало смотреть, и в пламенеющем от заката небе он с замиранием сердца увидел, что его первое предположение оказалось верным.

Похожий на летучую мышь крылатый шпион Рабовладельцев не спеша, по прямой линии летел прямо на север.

Финн, не отрываясь, следил за ним. Он знал, что пышная листва дерева укроет его. Но холодные пальцы

сжали его сердце, как только он увидел, что линия полета крылатого шпиона внезапно изменилась.

Существо сделало вираж и начало снижаться по широкой пологой кривой, словно ловчий сокол кружил над ничего не подозревающей жертвой.

Интуитивное чувство направления у Финна усилило его озноб. Он знал, что крылатый шпион кружит над маленькой, заросшей травой поляной, на согретом садящимся солнцем западном склоне невысокого холма.

Там он оставил Медведя.

Он сломя голову бросился вниз, перелетая с ветки на ветку, прыгнул на землю и побежал. Но уже тогда он знал, что опоздал.

Крылатый шпион завершил осмотр находящейся под ним земли и стрелой полетел на север.

10. Ловцы

Когда Финн добежал до полянки, Медведь спокойно сидел, наслаждаясь вечерним теплом и очищал своим тяжелым мачете кожу с тонкой зеленой палочки.

— Ты видел его? — закричал Финн.

Медведь вздрогнул всем телом, чуть не уронил мачете и повернулся.

— Проклятие, мальчик, — прорычал он, — ты бы хоть ногами шаркал, что ли. А то подойдет бесшумно, да завопит, как сейчас, я себе чуть палец не отрезал.

— Ты его видел? — настойчиво повторил Финн.

— Кого его? — Медведь нахмурился, но потом лицо его приняло виноватое выражение. — Ничего я не видел. Даже и не подумал взглянуть вверх. Но, надо понимать, он-то меня увидел.

Медведь пожал плечами.

— Ничего. Если он что-то увидел, то то же самое увидели и Рабовладельцы, где бы они ни были. Эта штука каким-то образом посылает картинки на свои базы. Я думаю, вскорости несколько Рабовладельцев сами придут сюда посмотреть, что делает одинокий Брат по крови в лесу.

Финн бросил взгляд на западную часть горизонта, на тени сумерек, сгущавшиеся среди деревьев.

— Они явятся ночью?

— Ага. Для них нет разницы, светло или темно.

Зубы Финна сверкнули, но это была не улыбка.

— Тогда подождем их здесь и посмотрим, что произойдет. Сколько их может появиться?

— Наверное, один или двое,— Медведь улыбнулся со свирепым одобрением.— Вряд ли они посчитают, что нужно больше, если они видели меня одного.

— Тут мы их и увидим,— сказал Финн.

— Увидим,— согласился Медведь, взвешивая в руке мачете.— Только я надеюсь, они явятся после того, как сготовится ужин.

И в самом деле: три птички, насаженные на прутики, очищенные Медведем, были изжарены и обглоданы до костей и уже наступила глубокая ночь, а чужие звуки все еще не тревожили тишины леса.

Финн посмотрел во тьму.

— Может быть, я пройдуь немного на север, разведаю.

— Я так и думал,— сказал Медведь со своей кривой усмешкой.— Крылатый шпион видел только меня, и поэтому ты собираешься оставить меня одного. Как приманку.

Медведь захохотал.

— Нет, это хорошая мысль. Не очень-то мне улыбается продираться отсюда в темноте. Но я очень надеюсь, что ты не позволишь им попрактиковаться в стрельбе по мне в цель из огненного копья.

— Не позволю,— пообещал Финн.

А потом он исчез, а Медведь моргал, покачивая головой и всматриваясь туда, где Финн растворился во тьме.

— Этот мальчик появляется и исчезает, как клуб дыма,— пробормотал он про себя и наклонился к огню, чтобы рассмотреть лезвие своего мачете.

Финн вошел в лес и скользил между деревьями скорее как тень, нежели как клуб дыма. Он никогда не смотрел прямо в огонь, и его ночное зрение не было повреждено. Там, где он проходил, вряд ли и листок шевелился. Семейка кроликов, щипавшая травку, даже не насторожила уши, а он прошел всего лишь в нескольких шагах от них. Сова, парившая между ветвями, и не моргнула глазом, не шарахнулась в сторону, хотя и пролетела на расстоянии ширины ствола от него. А Финн шел быстро, резко увеличивая расстояние между собой и Медведем.

Через несколько минут он внезапно остановился и, казалось, превратился в часть ствола, к которому при-

жался. Какая бы интуиция не заставляла его войти в лес, сейчас он был ей признателен.

Где-то впереди, едва различимо сквозь заросли, он услышал, как что-то тяжело с треском продирается среди деревьев и увидел слабый отблеск жуткого вертящегося люминесцентного сияния.

Вихревые сани Рабовладельцев.

Вскоре яйцевидная машина пролетела около того места, где замер Финн. Она летела медленно, ее задерживали заросли и ей все время приходилось огибать деревья. Но водитель явно держался строго по курсу, который вел туда, где ждал одинокий Медведь.

Сани прожужжали сквозь тьму. Их обитателю или обитателям не было ни малейшего шанса заметить почти невидимую тень, которая была Финном и неслышно неслась следом за ними.

Рядом с полянкой, на которой сидел Медведь, деревья стали расти ниже, и вихревые сани увеличили скорость, с жужжанием метнулись вверх по склону и резко остановились всего в нескольких шагах от костра, где Медведь холодно следил за их приближением.

Верхушка машины откинулась и появились двое Рабовладельцев. У обоих были огненные копья, но они небрежно повисли в их клешнятых руках. Они были ни капельки не встревожены, думал Финн, наблюдая за пришельцами из темноты. Как и говорил Медведь, они не могут и вообразить, что им может грозить какая-то опасность.

Чужаки подошли к костру, из их безгубых ртов брызнула какая-то шелкастая речь. Очевидно, они потребовали объяснений, почему Медведь оказался здесь. И тут, к своему удивлению, они услышали довольно сносное, хотя и более низкое подобие шелкающей речи чужаков, которое издавал Медведь, медленно поднимающийся на ноги. Вот уж чему Финн не удивился, так это тому, что мачете Медведя было воткнуто в мягкий дерн у его ног, словно он только что вонзил оружие в землю.

Рабовладельцы снова заговорили, жестикулируя огненными копьями. Медведь пожал плечами и коротко ответил. Финн не знал, что сказал Медведь, но после его слов огненные копья строго уставились в широкую грудь Медведя.

Следующее слово Медведь произнес спокойно, но с нажимом и не на языке Рабовладельцев.

— Финн?

— Вот он я, — произнес Финн. Он уже размотал прашу и вложил в нее самый тяжелый камень из своей сумки.

Оба Рабовладельца повернулись на его голос, их желтые глаза мгновенно стали темно-малинового цвета. Огненные копья вспыхнули, блистающие струи огня метнулись сквозь тьму на звук голоса Финна.

Но оба луча не попали в Финна; закончив фразу, он тут же скользнул в сторону.

Финн на ходу раскрутил прашу, выпустил граненый камень и тот врезался прямо в глаз ближайшего чужака.

Чужак отшатнулся назад, высокий щелкающий вопль раздался из щели его рта. Второй чужак, глаза которого стали темно-пурпурными, угрожающе повернул огненное копье, разыскивая скрывающегося противника.

Но выстрелить он не успел. Мачете блеснуло оранжевым в свете костра и срубило голову Рабовладельца, как яблоко с дерева.

Финн с ножом в руке прыгнул вперед, но прежде чем он добежал до костра, мачете в руках Медведя совершило второй смертоносный полет, и голова второго Рабовладельца с выбитым глазом жутко покатилась по земле.

— Хороший выстрел, — сказал Медведь Финну, вытирая мачете пучком травы.

Финн рассеянно кивнул, рассматривая обезглавленные тела, зеленую жидкость, сочащуюся из разрубленных шей и казавшуюся черной в свете костра.

Медведь вложил мачете в ножны.

— Будет лучше, если мы уберемся отсюда. Утром на поляне Рабовладельцев будет кишмя кишеть.

Финн с любопытством посмотрел на него.

— Другие Рабовладельцы узнают, что эти мертвы?

— Ага. Черт знает, как, но, кажется, они всегда это знают.

— Значит, другие Рабовладельцы, — сказал Финн задумчиво, — узнают, что случилось на базе в той долине.

— Обязательно, — сказал Медведь. — По крайней мере, они узнают, что что-то произошло. Но они не смогут понять, что и как, они не смогут даже предположить, что это сделал человек. Если только они не найдут кого-нибудь из тех людей, что ты освободил и не отдадут их Братьям по крови, а те не заставят их говорить.

Финн рефлекторно взглянул вверх, в темное небо, и Медведь проследил за его взглядом.

— Время у нас есть,— пророкотал он.— Если бы они взяли с собой крылатых шпионов, то те были бы уже здесь. Мы успеем скрыться до прихода других саней.

Он перевел взгляд на поверженные тела.

— Хочешь взять копье? Мне они никогда не нравились, а у тебя уже было одно.

Финн кивнул и подобрал одно из огненных копий, а Медведь подошел взглянуть в пустые вихревые сани. Потом, покачив головой, отошел.

— Мало кто из Братьев знает, как обращаться с этой штукой,— объяснил он.— И я не принадлежу к их числу. А жаль. Прокатились бы, не шарахались пешком. А они даже не захватили с собой запасных снарядов для копий.

Финн невозмутимо пожал плечами.

— Я тут подумал,— сказал он,— может быть, пройдемся немного на север?

— Я так и знал,— ухмыльнулся Медведь.— Хочешь пройти по следу саней и взглянуть на базу Рабовладельцев, откуда они прилетели?

— За все это время мы так ничего и не нашли,— подчеркнул Финн,— я просто не могу идти дальше и не взглянуть.

— Меня это устраивает,— сказал Медведь.— Если сможешь найти это место, а не ходить несколько дней кругами и не вынюхивать.

— Я найду его,— пообещал Финн.— И на всем пути смогу укрыть нас от крылатых шпионов и Рабовладельцев.

Поздним утром следующего дня они растянулись во весь рост на сырой земле в чащобе — новое огненное копье лежало под рукой у Финна. Медведю не понравилось, что они залезли в заросли «сплошь клопы да колючки», как он выразился, но Финн знал, что Рабовладелец должен почти наступить на них, чтобы обнаружить. А листва скроет их от крылатых шпионов.

Как раз такое укромное место и было нужно им. Мимо их укрытия медленно прожужжали двое вихревых саней, направляясь к той поляне, на которой они оставили результаты ночной схватки.

Сани исчезли из виду, но они все еще молча и неподвижно лежали на месте. Чуть раньше, как раз перед тем, как Финн нашел укромное местечко, он взглянул вверх, сквозь тесно стоящие деревья и увидел вдали крылатого шпиона, лениво совершающего большой круг в безоблачном небе. Соглядатай сохранял свой плавный

полет, пока не появились сани и пока не исчезли, все еще продолжал свой полет.

— Если еще одна маленькая зараза укусит меня, — сказал Медведь громким шепотом, — то я уж лучше выйду сразиться с Рабовладельцами.

Финн толкнул его плечом, призывая к молчанию. Ни насекомые, ни бездеятельность не беспокоили его. Если он собирался взглянуть на базу Раболадельцев на севере, то лучше это сделать, не имея на хвосте вихревых саней. Поэтому он сохранял спокойствие, ожидая с нетерпением сидящего в засаде хищника.

К тому времени, когда солнце уже далеко уклонилось от зенита, вихревые сани появились снова — возвращались по своему следу на север. Много бы дал Финн, чтобы узнать, что думали чужаки о телах, найденных на лесной поляне, — если, конечно, они вообще что-то думали. Но было не похоже, что они склонны проводить интенсивные поиски в этом районе: через некоторое время крылатый шпион тоже прервал свой плавный круг и медленно скрылся из виду на север.

На всякий случай Финн настоял на получасовом ожидании, не смотря на гулкое возражение Медведя. Но ни сани, ни крылатые существа не вернулись.

— Ну, что я говорил, — сказал Медведь, когда они выбрались из чащобы. — У Рабовладельцев нет ни капли воображения. Голые факты — вот все, что они знают. И они не могут предположить, что случилось, потому что не знают, как предполагать.

На этот раз Финн без труда взял след. Ему нужно было проследить трое вихревых саней, причем двое последние прошли по одному маршруту туда и обратно. Тем не менее Медведь дивился тому, что Финн знает, куда идти. Несколько раз Финн показывал ему знаки, которые для него громко кричали — согнувшаяся ветка молодого кустарника, легкая ссадина на коре молодого деревца. Но Медведь только озадаченно хлопал глазами. Насколько он мог видеть, все ветки росли в самых различных направлениях, а на древесных стволах были самые разнообразные отметины. Для Медведя то, что делал Финн, носило легкий привкус магии — особенно, когда тот проделывал это, не снижая легкой трусцы, скользя по подлеску, словно того вовсе не существует.

Через несколько часов их бег замедлился. Пошли широкие открытые, залитые солнцем пространства, где

лишь изредка встречались рощицы деревьев, большей частью вечнозеленых, да кустарник, сбившийся в кучки то тут, то там среди грубой травы. Хотя деревья теперь не мешали, идти легче не стало. Земля была грубой и неровной, дыбилась холмами и буграми, а сквозь грязь проступали выходы скальных пород.

Солнце клонилось к западу, на небе не было ничего, кроме редких клочков облаков, и девственная природа оставалась нетронутой машинами чужаков. Финн вприпрыжку взбегал на пологий склон, испещренный обломками камней и купами елей, по согретой солнцем траве, и на него вдруг снизошло какое-то спокойствие, умиротворенность, расслабляющее чувство.

Но на вершине холма мирная передышка кончилась.

Там, вдали, сквозь деревья, в солнечном свете блеснул металл.

Медведь увидел тот же блеск. Безо всякого предупреждения он упал, а Финн прижался к земле и последовал за Медведем в укрытие. Около километра они продвигались украдкой. Финн держал свое огненное копье наготове и старался, чтобы между ними и источником вспышек всегда были деревья.

Наконец, они доползли до довольно большой рощицы деревьев и смогли рассмотреть другой, более пологий и поросший травой холм.

— Вот она, база, — пробормотал Медведь.

Финн кивнул, изучая здание. Но потом его взгляд метнулся в сторону. С дальней стороны холма, из-за здания появилась группа людей.

С такого расстояния даже острые глаза Финна не могли рассмотреть лица. Но безо всякого труда он разглядел, что часть из них были людьми, а остальные принадлежали к дьявольскому племени, которое называлось «Братья по крови». Тут еще одна толпа перевалила через холм. На первый взгляд там было 60—70 человек и не менее двух дюжин Братев по крови.

Обе толпы двигались по направлению к металлическому строению. Шли медленно, потому что люди, как обычно, тащились с трудом — ведь они несли презренную ношу полностью сломленного духа. Открылась дверь, скользнув в сторону.

— Их слишком много для такого маленького дома, — сказал он с удивлением.

— Это только верхушка, — ответил Медведь. — Чаше всего Центры, а этот, похоже, довольно-таки большой, —

Рабовладельцы строят под землей. Всего лишь одна дверь, но изнутри этот холм, должно быть, похож на муравейник.

У Финна вертелись на языке и другие вопросы, но он забыл о них, когда увидел какую-то суматоху в арьергарде толпы. Несколько Братьев по крови повернулись и поспешили туда и Финн увидел оранжево-красные вспышки их силовых хлыстов.

— Что-то случилось? — пророкотал Медведь.

— Подойду поближе, — решил Финн.

— Финн... — начал Медведь, предупреждая.

— Меня не увидят, — успокоил его Финн, — жди меня здесь и не вставай.

Он скользнул в сторону, бесшумно, как падающий лист, и исчез среди деревьев. Медведь вздохнул и снова начал смотреть на дальний холм. Вспышка активности все еще продолжалась — люди беспорядочно столпились, посреди толпы вспыхивали силовые хлысты. Медведь озадаченно смотрел во все глаза, пытаясь понять, что же произошло, — и потому ему показалось, что прошло всего несколько мгновений, а рядом с ним снова материализовался Финн, будто выросший из-под земли. Медведь оглянулся на юношу, и тревога глубокими морщинами избороздила его широкий лоб. Выглядел Финн ужасно. Даже его бронзовая кожа не могла скрыть смертельной бледности, кулаки сжались так крепко, что костяшки пальцев побелели. Руки его дрожали. Губы растянулись в волчьем оскале, а в диком взгляде было нечто такое, от чего по спине Медведя пробежала дрожь.

— Они убили его, — голос Финна был странным и хриплым. — Мужчина упал, а звери — Братья по крови — хлестали его своими плетьюми, хлестали и хлестали, он просто скорчился и лежал, а они хлестали его и улыбались. Они все улыбались.

— Успокойся, — мягко сказал Медведь, протягивая Финну руку.

— Я подполз ближе, — продолжал Финн, будто не расслышав, — и рассмотрел их лица. Они улыбались, но выглядели безумными. Мужчина на земле истекал кровью, а они от этого впадали в еще большее безумие. Они не могли остановиться. Они убивали его.

Финн уставился своими дикими глазами на Медведя.

— А потом толпа немного сдвинулась, и я смог лучше рассмотреть того мужчину на земле. Я увидел его лицо. Медведь, это был Джош.

Часть третья

ВРАЖЬЕ ЛОГОВО

11. Туннель

Финн слегка успокоился, бледность его прошла, руки больше не дрожали. Но что-то дикое осталось в его глазах, и даже усилилось в ярком свете луны, появившейся с приходом ночи. Под его взглядом Медведю хотелось поежиться, хотя ночь была теплой.

Они залегли среди деревьев и в мрачном молчании наблюдали, как Братья по крови загоняли людей в металлическое здание. Двое рабов согнулись под тяжестью человеческого тела — тела избитого человека, который, вне всякого сомнения, был Джошем Ферралом. В этом-то Медведь не сомневался: он знал остроту глаз Финна. Но он сильно сомневался кое в чем другом.

— Я пойду, — сказал Финн.

— Не стоит, Финн, — в сотый раз сказал Медведь. — Ты, может быть, даже не сумеешь открыть дверь. А если и сможешь, то не успеешь сделать и двух шагов, как тебя засекут и угробят.

— Может быть, и нет, — упрямо сказал Финн.

Чертыхаясь про себя, Медведь ухватился за бороду. Хотел бы он придумать неотразимые доводы. Хотел бы он, чтобы этой ночью они по-прежнему сидели у живого огня и уплетали на ужин то, что добыл Финн. Но этой ночью не было ни огня, ни еды.

— Черт возьми, мальчик, — пророкотал Медведь, — как сможешь ты помочь своему папе, если тебя там убьют?

— А как я смогу помочь ему отсюда? — вспыхнул Финн.

— Тем, что ты жив, вот как, — ответил Медведь. — Ты можешь думать, наблюдать, оценивать то, что произойдет. Может быть, нам и повезет.

— А может быть, в это самое время Джош умирает.

— Сынок! — взорвался Медведь, — ты ведь не знаешь, может быть, его сразу забили до смерти.

— Это верно, — огрызнулся Финн, — я этого не знаю. Не знаю, жив он или нет, здесь ли Джена. Именно поэтому я собираюсь пойти и посмотреть. Сейчас. Ночью. — Он встал. — Медведь, именно это я и собираюсь сделать. Именно за этим мы и шли через дикий лес

все это время. Я должен попытаться. И я пойду один. Нет смысла рисковать обоим.

Медведь схватил Финна своей огромной рукой за плечо и, ворча, поднялся на ноги.

— Постой-ка, постой, маленький Финн. Не исчезай в темноте, как ты любишь это делать. Ты думаешь, старый Медведь позволит тебе перебить всех Рабовладельцев в одиночку?

На мгновение тень улыбки показалась в уголках рта Финна. Потом он молча повернулся и ушел в ночь, а Медведь топал за ним по пятам.

Они шли по широкому кругу, держась подальше от базы Рабовладельцев. И они шли — по мнению Финна — чертовски осторожно и медленно. Финн знал, что как бы Медведь не старался, он никогда не сможет идти по дикому лесу крадучись, как кошка. А решающим условием была осторожность. Несмотря на то, что все существо Финна жаждало немедленно выжечь огненным копьем дверь здания, он все же оставался лесным жителем. Его желание изучить каждый сантиметр территории, на которой придется сражаться, было инстинктивным.

Медленно и осторожно они продолжали идти по кругу. Через каждые несколько минут Финн покидал Медведя, предупреждая его, чтобы тот стоял тихо, а сам исчезал во тьме, стараясь подползти поближе и изучить залитое лунным светом здание с разных точек. Потом он снова появлялся, и они продолжали двигаться.

После нескольких таких набегов Медведь, наконец, поверил, что Финн не собирается рисковать своей шеей и врываться, очертя голову, на базу. Но вскоре Финн осмотрел базу с тыла и вернулся с новостями, которые Медведь не считал хорошими.

— Они что-то там копают, — прошептал он, — на южном склоне холма. Пойду, взгляну.

— И я тоже, — тотчас сказал Медведь.

— Там практически нигде укрыться, — сказал Финн. — Крылатый шпион сразу же засечет тебя. Жди меня здесь.

— Нет, Финн, — начал Медведь.

Поздно... Там, где только что стоял Финн, остался лишь прохладный ночной воздух.

Медведь рискнул пройти вперед, стараясь ступать медленно и осторожно, шаг за шагом, надеясь не шелестеть травой или не задеть веточку. Через некоторое время он почувствовал, что начался подъем. Опустившись на

четвереньки, он осторожно прополз несколько шагов и выглянул из укрытия.

Широкий пологий склон холма, как и говорил Финн, был почти обнажен — всего несколько невысоких деревьев, да жалкие клочки глубокой тени — возможно, низкорослые кустарники. И никакого следа Финна. Медведь приглядывался, пока у него не заболели глаза, прислушивался, пока ему не показалось, что уши растянулись, как резиновые. Но ночь оставалась такой же беззвучной, как сама луна.

Потом что-то промелькнуло. Движение длилось не более мгновения ока, и поэтому Медведь не был уверен, что он что-то видел. Но то, что он видел, походило на голову и плечи человека, высунувшегося на краткое мгновение из травы на полпути до вершины холма: лунный свет засиял на соломенной копне волос. Финн каким-то образом ухитрился проскользнуть по голому склону, не задев ни травинки.

Медведь, как ему показалось, через несколько часов все еще лежал, скорчившись, за елью и скрежетал зубами от разочарования и безысходности. Как это уже бывало раньше, он чуть не взревел во всю мочь от неожиданности, когда Финн коснулся его плеча.

— Наверное, я никогда не привыкну к этому, — проворчал он, пытаясь успокоить расхолодившиеся нервы.

Финн, казалось, не слышал его.

— Они вырыли солидный туннель, — сказал он быстро. — Но вход в него заложен листами металла.

Медведь повел своими гигантскими плечами.

— Хочешь, чтобы я пошел и сдвинул их?

— Нет, тебя там увидят. Но есть обходной путь. Кусок скалы с краю раскрошился. Может быть, я проскользну между скалой и металлом.

Медведь подавленно кивнул, сообразив, куда клонит Финн.

— Но он слишком узок для старого Медведя, верно? Я так и знал.

— Не волнуйся, — сказал Финн. — Если туннель никуда не ведет, я скоро вернусь.

— И ты хочешь, чтобы я просто сидел здесь, — прогрохотал Медведь, — и гадал, что с тобой случилось?

— Если я не вернусь завтра к полудню, — сказал Финн, — можешь считать, что я не вернусь вообще.

— И тогда, — прогудел Медведь, — мне останется только снести верхушку холма и смахнуть несколько голов?

Он с надеждой взглянул на Финна.

— А ты уверен, что не управиться до рассвета?

— В полдень, — повторил Финн твердо. Он сжал кулаки и ткнул Медведя в массивное плечо. — Будь осторожен.

— Финн... — И снова Медведь обнаружил, что обращается к пустому клочку тьмы. — Ты тоже, мальчик, — мягко сказал он. — Ты тоже.

И снова Финн, распластавшись на животе и заткнув за пояс на спине огненное копье, скользил по омытому лунным светом склону холма. Казалось, он продвигался только с помощью пальцев рук и ног, продвигаясь по нескольку сантиметров за раз, находя естественные канавы среди тонкой травы. Ни одно неестественное движение травы не выдавало его присутствия: даже в обманчивом свете луны крылатый шпион должен был парить над самой землей, чтобы заметить его.

Но даже если крылатые шпионы и совершали патрулирование, они не смотрели на южный склон холма. Финн добрался до входа в туннель без инцидентов. Как он и говорил Медведю, туннель был вырыт недавно, и вход в него прикрывала временная крыша, укрепленная на каменистом склоне.

Финн скользнул к тому месту, которое он заметил раньше. Ему пришлось приподнять голову и плечи, чтобы вытащить куски растрескавшегося камня. Камень крошился под его сильными пальцами, узкий проход постепенно становился шире, пока не достиг нужного размера. Медленно и осторожно он протиснулся головой вперед. Огненное копье он теперь держал наготове.

Ствол туннеля слегка загибался вниз и уходил в глубины холма. Он был достаточно широк, чтобы два человека стояли в нем бок о бок, но достаточно узок, чтобы заставить их согнуться. Прозрачный свет луны просачивался сквозь отверстие, в которое проник Финн, и он мог разглядеть грязные стены и пыльный пол туннеля. Кроме того, он уже мог видеть и другой пол в дальнем конце туннеля — плоскую, твердую металлическую поверхность.

Глубоко под поверхностью холма туннель вливался в искусственную пещеру с металлическими стенами и высоким потолком — в подземное хранилище.

Лунный свет стал еще тусклее, но его хватило Финну, чтобы рассмотреть силуэты металлических коробок и ящиков, некоторые высотой с него самого, расставленные вокруг стен хранилища так, чтобы в центре оставалось пустое пространство. Хотя Финн и не обладал опытом

такого рода, но он сразу почувствовал, что это хранилище не является частью базы Рабовладельцев. Его строили люди, это — остатки Забытого Времени.

Он подумал, что Рабовладельцы могли найти хранилище случайно, когда строили свою базу, или наоборот: они построили здесь базу именно потому, что обнаружили хранилище. Финн не знал, как это произошло на самом деле, да это его и мало интересовало. Вот что действительно важно для него, так это то, что хранилище оказалось тупиком.

Он молча двинулся вокруг хранилища, внимательно рассматривая ящики, забираясь на них, чтобы исследовать металлические стены скорее прикосновением, чем взглядом. Ящики сами по себе были таинственными и тайна не проявилась, когда луч лунного света скользнул в туннель и осветил едва различимое слово, написанное на крышке одного ящика -- ВВС США.

Это слово ничего для него не значило. Как и содержимое одного из ящиков, крышка которого проржавела. Длинные тяжелые цилиндры из темного металла, на которых были написаны другие странные слова. Что, в самом деле, — мимоходом удивился он, — могло означать: «Термический ружейный гранатомет» для людей отдаленного прошлого?

Но времени размышлять над древними тайнами не было. Бегло осмотрев хранилище, он понял, что течение времени вряд ли благотворно сказалось на нем. Металл стен и ящиков был покрыт ржавчиной и прогнил, да и потолок не выглядел надежным.

Финн стоял неподвижно и думал. Туннель шел с юга на север, так что он знал, в каком направлении должна находиться база Рабовладельцев по отношению к хранилищу. Он знал длину туннеля и ширину хранилища и мог предполагать, что два подземных строения не могут находиться далеко друг от друга. Он подошел к стене, за которой по его расчетам должна была находиться база Рабовладельцев. Внизу у стены он обнаружил то, что ему было нужно — узкую трещину в проржавевшем металле. Он сунул в щель лезвие ножа, ожидая нащупать за стеной слежавшуюся землю или скалу. Но лезвие прошло в щель беспрепятственно, в пустоту.

Финн осторожно ввел в самую широкую часть трещины тонкую трубку огненного копья. И когда копьё исчезло во всю свою длину, его торец уперся в преграду — со слабым, но несомненным клацаньем металла о металл.

Он выдернул копьё обратно. Несомненно, он наткнулся на внешнюю сторону стены подземной базы Рабовладельцев. Но не насторожил ли этот слабый звук кого-то или что-то внутри базы?

На мгновение его охватило желание удрать из подземного хранилища. Он вовсе не желал быть пойманным в ловушку ордой вооруженных Братьев по крови, которые могут обойти его с тыла и напасть из туннеля.

Он подкрался к выходу из туннеля и скрючился там, прислушиваясь к ночной тишине. Долгое время он неподвижно ждал. Его острый слух мог бы уловить дыхание мыши в траве на склоне холма, но звуков шагов приближающихся Братьев по крови он не услышал. Ночь была так же тиха, как и раньше.

А, кроме того, она быстро шла к концу, как он понял, отметив угол, под каким падал лунный свет. Если он еще надеялся попасть на базу под покровом ночи, то нужно торопиться, слишком много времени потеряно.

Но это означало, что он должен выбрать одно из двух: либо сделать нечто невообразимое, либо сделать нечто еще более невообразимое — признать свое поражение и убраться из хранилища и туннеля, оставив Джоша в беде.

Стало быть, выбора не было.

Он, крадучись, вернулся к дальней стене хранилища, где его ожидала трещина в металле. Он долго и внимательно на нее смотрел, чувствуя, что его пробирает холодный пот и пытался унять легкую дрожь в руках. Если бы он мог придумать какой-то другой способ пробраться на базу, он бы ухватился за него, но другого способа не было. В его глазах снова появился тот мрачный и диковатый отблеск: он поднял огненное копьё и направил его луч на трещину в стене хранилища.

12. Подземные поиски

Неистовый тепловой луч быстро справился с проржавевшим металлом стены. Через несколько мгновений Финн вырезал достаточно большую брешь, чтобы проскользнуть в нее, но за брешью лежало полметра пустого пространства и полной чернильной мглы. За этим пространством...

Вторично руки его онемели, будто обрели разум и сопротивлялись тому, что он намеревался сделать. Но он заставил их шевелиться и снова поднял огненное копьё.

Это был безумный риск. Он не имел ни малейшего представления, что лежало за стеной базы — какого рода чуждый ужас может ожидать его там, привлеченный неизбежным шумом, который будет сопровождать его вход. Но пути назад не было.

Снова вспыхнул луч, на сей раз врезааясь в гладкий металл стены базы.

Расплавленный металл брызгался и шипел и каждый звук казался Финну сотрясающим небо громом. Он каждую секунду ждал, что туннель за его спиной эхом отразит чудовищную ярость Братьев по крови. Или Рабовладельцы сдерживаются и ждут, чтобы наброситься на него внутри базы?

Все эти и куда более худшие картины кишели в воображении Финна подобно дьявольским видениям. Но мощный луч все так же упорно вгрызался в чуждый металл, и брешь в стене становилась все шире.

Наконец, она стала достаточно большой, чтобы пропустить его. Не позволяя себе раздумывать и колебаться, он пронесся через пустое пространство, разделяющее подземное хранилище и базу, и оказался в логове Рабовладельцев.

А там не было ни шороха, ни движения, ни малейшего намека на опасность в том месте, где он оказался.

Это была крохотная комнатка, ее металлические стены были так изогнуты, что получилось слишком много углов. Тусклое сияние исходило, похоже, от самих стен, так что он мог ясно видеть. А увидел он, что комната была чем-то вроде продуктового склада, причем складировалась здесь пища, явно предназначенная Братям по крови — среди продуктов были большие куски мяса, сложенные у одной из стен и мерзко вонявшие... Но Финн со своим тонким обонянием смог различить, что в зловоние этого места вплетался смрад самих Братьев по крови и слабо, но явственно улавливал запах человеческого пота и душок человеческого страха.

Часть этого страха, подумал он, конечно, его собственная. Но не смотря на то, что его конечности словно окунули в холодную воду, он, крадучись, пошел вперед. В дальней стене была секция, которая выглядела так, что могла быть дверью. Так оно и оказалось — как только он приблизился к стене, заслонка скользнула вверх, словно веко на глазу.

Дверь выходила на середину короткого, широкого коридора, у которого тоже были тускло светящиеся ме-

таллические стены. Коридор был абсолютно пуст и тих, но не был прямым, а изгибался в манере Рабовладельцев, которые, казалось, не признавали прямых углов. Финн увидел еще две двери-века, по одной в каждом конце коридора. Он осторожно пошел вперед, шаг за рвущим нервы шагом.

До сих пор до него не доносилось ни звука деятельности или поднятой тревоги. Каким-то образом шум, с которым он проделывал свой проход (а этот шум казался ему тогда ужасным громом), был заглушен и не вышел за пределы продуктового склада. И база оставалась тихой и непотревоженной.

Финн шел вперед легко и беззвучно, как перышко: ноги его, казалось, едва прикасались к полу.

Через некоторое время он не смог бы сказать, какое именно, но ему казалось, что прошли столетия, ему стало проясняться внутреннее строение подземного сооружения. Медведь был прав, когда сравнивал его с муравейником.

Каждая из этих многоугольных, странной формы комнат вела в другие комнаты, либо через связывающие их двери, либо через короткие пустые коридоры. По крайней мере, несколько дюжин таких комнат осталось уже позади. Финн старался запечатлеть в голове общий план их расположения и надеялся, что чувство направления выведет его обратно к бреши в стене продуктового склада.

Чувство направления также указывало ему более или менее точно, как глубоко он находился под землей. Так он понял, что база должна иметь еще один уровень над тем, в который он вошел. Но он не имел ни малейшего понятия, как на него взобраться.

Он не видел ни лестницы, ни пандусов, никаких путей сообщения между разными уровнями. В некоторых коридорах он видел вертикальные столбы яркого света, вившихся из не вполне круглых отверстий в металлическом потолке. Отверстия были достаточно большими, он вполне мог бы пролезть. Но он не пытался. Яркий свет был желтоватым, а не красным, но все же напоминал ему искрящее свечение под вихревыми санями. А он не имел ни малейшего желания испытать, как оно действует на человека.

В любом случае нужно было исследовать еще несколько нижних уровней. Насколько он мог понять, путь его шел вдоль комнат, прилегавших по внешней стороне базы. Помещения эти были ему малоинтересны и в них он

ничего не мог узнать. Продуктовые склады, хранилища таинственных машин чужаков или частей машин, третьи казались мастерскими какого-то сорта, совершенно непонятными для Финна. Он никогда не видел человеческих лабораторий или научно-исследовательских организаций и, конечно, не имел возможности понять, каким целям служит техника чужаков, которую он увидел.

Что было гораздо более важным для него, так это то, что во внешних комнатах он не видел ни одной живой души. А так же не было ни малейшего намека на то, что обитатели базы опасались незваных гостей или они прячутся, чтобы напасть на него.

К тому времени, когда он рискнул перейти в комнаты другого ряда, он уже почти жаждал встречи с хозяевами базы.

То, что он увидел, прогнало теперь весь страх и он уже дрожал от гневной ярости, которая угрожала превратить его в берсеркера.

Одна из внутренних комнат тоже была складом, но на сей раз в хранящихся здесь предметах не было ничего загадочного. Большие прозрачные емкости, стоящие вдоль всех стен, заключали в себе части человеческих тел. Головы, кости, руки, внутренние органы — все это плавало в какой-то сохраняющей жидкости, будто экспонаты призрачного музея массового убийства.

И если эта комната потрясла Финна, то в другой он чуть не заплакал. Комната эта была до отказа забита низкими грубыми лавками, покрытыми соломенными тюфяками, которые превращали их в грубые неудобные лежа. И они были заняты юными женщинами — их было больше дюжины, грязных, в лохмотьях и болезненно худых. Некоторые женщины, судя по их вздувшимся животам, были в последней стадии беременности. Другие прижимали к себе крошечных спящих детей.

У детей были большие конечности, крупные зубы, а тела покрыты толстым слоем слежавшейся шерсти.

Преодолев ярость и тошноту, он тихо вошел в комнату. Несколько женщин не спали и при виде Финна сжались от ужаса, как и те пленники в долине. Глаза их были широко раскрыты и остекленели от ужаса.

Финн остановился, огляделся и почувствовал себя виноватым, когда осознал, что с его гневом и ужасом смешалось и чувство облегчения. Среди этих женщин его сводной сестры не было.

Он наклонился к одной из женщин.

— Ты знаешь девочку по имени Джена? — прошептал он. — Джена Феррал. Она здесь?

Но женщина, вернее, и сама еще девочка, вжалась в стену, стараясь держаться как можно дальше от него, лишь изредка дрожащими от страха губами издавала низкий стон.

Финн быстро отшатнулся. Менее всего он хотел, чтобы эти измученные создания подняли крик. Погруженные в свои страдания, они уже не могли отличить друга от врага. Каждое мгновение их теперешней жизни сохраняло лишь ужас, боль и отчаяние — а у Финна не было времени доказывать им, что его приход не принесет им новых страданий.

Он выскользнул из комнаты, стараясь сдержать ярость, которая чуть не сводила его с ума. В эти мгновения его наблюдательность слегка притупилась и он чуть не врезался в следующую дверь-перегородку, закрывающую конец короткого коридора, прежде чем он осознал, что в отличие от других дверей, она сама не открывалась при его приближении.

Он остановился, вся его осторожность вернулась к нему. В этой двери было еще кое-что странное. Она слабо светилась, как и весь металл внутри базы, содержала встроенные источники света. Но эта дверь, кроме всего, искрила — маленькие малиновые пятнышки танцевали в воздухе прямо перед входом-веком.

Снова ему вспомнилась силовая подушка, на которой двигались вихревые сани, а, кроме того, он вспомнил загон для людей в долине, где он дал первый бой Рабовладельцам. Инстинктивно он отшатнулся и взгляд его obeжал стену по обе стороны двери. С одной стороны возле двери ему бросился в глаза небольшой почти квадратный выступ металла на гладкой поверхности, со странной впадиной посередине. Он ощупал пальцами желобок на огненном копье, который нужно нажать, чтобы вызвать огонь.

Финн робко поднял копье и слегка коснулся его концом впадины на металлическом квадрате. Малиновое сияние перед дверью угасло и дверь отворилась.

Финн заглянул внутрь, в большую пещерообразную вонючую комнату. Она была битком набита людьми. Одни мужчины — во сне они растянулись или скрючились на полу.

Но не все. Увидев движение двери, один из пленников быстро и настороженно сел. Он был высок, широкоплеч,

лицо от бровей до челюсти пересекал глубокий шрам. От потрясения его глаза и рот открылись во всю ширину.

— Ну, жги меня! — сипло сказал он. — Если ты мне не снишься.

Финн не стал ни смотреть, ни слушать его. Несколько человек стали поднимать головы с испуганным удивлением или ужасом, разглядывая свободного и вооруженного человека, стоявшего в дверном проеме. И одна из этих голов была седой, с морщинистым дубленным лицом, измазанным кровью, с многочисленными порезами, покрывшимися коростой и исполозовавшими лицо и худое полуобнаженное тело.

— Джош... — едва слышно прошептал Финн.

Старик выглядел ужасно ослабевшим, он едва мог поднять голову из-за ужасных ран, оставленных силовыми хлыстами. Но по его морщинистому лицу проползла улыбка, и его глаза, такие же карие, как всегда, светились выражением, в котором смешались удивление и неопи-сываемая радость.

Финн быстро вошел в комнату, и мужчина со шрамом поднялся на ноги.

— Дружище, — сказал он хриплым голосом, — если это все-таки СОН, то дьявольски жестокий.

— Не сон, — грубо бросил Финн, — я пришел за Джо-шем.

— Тогда ты Финн, — сказал мужчина. — Старый Джо заливал что-то там про тебя. Только, похоже, говорил он чистую правду.

Финн, не слушая, проскользнул мимо него и встал на колени перед Джошем. Старик лежал на тощей горке лохмотьев, которые, видимо, совсем недавно прикрывали спины других людей и люди эти трогательно пытались облегчить боль несчастного. Джош протянул дрожащую руку и ухватился за запястье Финна.

— Сынок... — говорил он слабым шепотом. — Я знал, что ты придешь за нами. Проклятый дурачок, сумасшед-ший...

— Джена здесь? — быстро спросил Финн.

— Нет, — старые глаза затуманились. — Нас... разлу-чили. Ее забрали в другие сани. Она пропала, сынок.

Хотя боль этих слов пронзила Финна, как копьем, он постарался, чтобы его голос оставался тихим и спо-койным.

— А как ты, Джош? Сможешь идти?

Призрак хмурой улыбки появился на его лице.

— Попытаюсь. Пусть это даже убьет меня... Но мне лучше умереть где-то в другом месте, а не здесь.

— Что ты собираешься делать? — Мужчина со шрамом подошел к ним. — Как ты собираешься вынести Джоша? И как, черт возьми, ты вошел?

К этому времени уже все пленники проснулись и смотрели на Финна со смесью страха и дикой надежды в глазах.

Финн коротко взглянул на человека со шрамом.

— Нет времени для разговоров. В любую минуту могут налететь Рабовладельцы и Братья по крови.

— Только не сейчас, — к его удивлению ответил тот. — Рабовладельцы и их звери остаются наверху до рассвета. Братья по крови любят поспать. Кроме, может быть, охранников у внешнего входа. А Рабовладельцы ничуть не беспокоятся о нас, когда мы находимся за огненной дверью, — он довольно ухмыльнулся. — Так что хватит времени, чтобы выбраться наружу всему нашему стаду.

Финн внимательно посмотрел на него. Как все просто. Как сказал Медведь: я так и знал. Ни Рабовладельцам, ни Братьям по крови и в голову не может прийти, что какой-то человек попытается проникнуть на базу, а поэтому нет никакого смысла быть настороже. Это чувство безопасности и превосходства, а также отсутствие воображения, о котором говорил Медведь, позволили ему захватить Рабовладельцев врасплох.

Он свирепо улыбнулся человеку со шрамом.

— Отлично, идем. Но только быстро и тихо. — Он торопливо рассказал новому знакомому о входе, который он прорезал в стене, примыкавшей к хранилищу.

Тот высоко поднял брови:

— Черт возьми, ты смелый парнишка. Показывай дорогу. Но послушай... Ведь это мы копали этот туннель. Мы знаем об этом хранилище, оно в любой момент может обрушиться.

Финн пожал плечами.

— Это единственный путь.

— На этом пути нас ждет смерть, — пробормотал какой-то мужчина в толпе, и несколько других голосов одобрительно загудели. Но все мгновенно умолкли, когда мужчина со шрамом повернулся и поглядел на них.

— Кто хочет, оставайтесь подыхать здесь, ваше дело! — прорычал он. — А кто пойдет, заткнитесь и делайте то, что скажет этот паренек — или я сверну кому-нибудь шею, не успеет и ночь кончиться!

Он отвернулся от испуганных людей.

— Меня зовут Граттон, — сказал он Финну. — Ты говори, что нам надо делать, а мы уже все, что нужно, сделаем. — На его лице вновь вспыхнула широкая улыбка. — Черт возьми, дружок, но у свободы привкус пота. Мы будем у тебя в неоплатном долгу, уж и не знаю, как мы с тобой рассчитаемся.

— Мы еще не вышли, — сухо сказал Финн. — Помоги мне взять Джоша.

Быстро, но осторожно, они вдвоем подняли старика. Ноги Джоша дрожали и было ясно видно, как он сдерживается, чтобы не закричать от боли. Финн напрягся, чтобы принять на себя большую часть веса Джоша и повернулся к двери.

Тут еще одна мысль пришла ему в голову — он протянул огненное копьё Граттону.

— Бери и посматривай назад. Если мы попадем в неприятность, у тебя будет возможность начать выплачивать долги.

На изуродованном шрамом лице Граттона отразился чистый восторг и он схватил оружие.

— Почти надеюсь, что кое-кто из этого зверья спустится пониже.

— Спустится, — сказал Финн, — если мы не поторопимся. Скоро рассвет.

Он пошел к двери, наполовину волоча слабого, спотыкающегося Джоша. За ними пошло большинство мужчин, в глазах которых теперь сверкал свирепый энтузиазм. Несколько человек осталось, забившись в угол, истекая потом от ужаса. Граттон остановился перед ними, сверля их презрительным взглядом. Потом он только пренебрежительно плюнул и вышел вслед за другими из комнаты.

Финн сосредоточился на грубой мысленной карте пройденного им ранее маршрута. И все же он с трудом мог поверить в то, что случилось — как легко оказалось проникнуть на базу, найти Джоша и начать удирать, не встречая препятствий. Сейчас ему оставалось лишь вернуться к пролому в стене, так быстро и бесшумно, как он только сможет это сделать, когда за ним по пятам идет пятьдесят человек.

Но не успели они выйти в коридор, как безмолвие кончилось.

На верхнем уровне, но так громко, что, казалось, всего в нескольких метрах, раздался взрыв ужасающего крика и шума. Звон металла о металл, тяжелое топанье

бегущих ног, и, покрывая все это, дикий звериный рев разъяренных Братьев по крови.

13. Открытие

Пока Финн обыскивал базу, Медведь послушно оставался в темноте среди деревьев у подножия холма. Это было нелегко — ждать и прятаться, не в характере Медведя. Ночь была наполнена неприятными звуками — скрипом сучьев, почти неслышным шуршанием каких-то маленьких существ в траве. А еще более неприятными были те образы, что заполняли голову Медведя, — что может случиться с Финном внутри базы чужаков.

Много раз он приподнимался, чувствуя, что должен был пойти с Финном и проследить за ним, а не сидеть в безопасности под деревом. Но каждый раз он садился и вспоминал с беззвучным ревом, что его могучая грудь не позволит воспользоваться тем путем, которым прошел Финн.

Так он ждал, и его нервы совсем истрепались от тревоги. К тому времени, когда рассвет окрасил восток в розовое, его терпение — и в лучшие-то времена весьма небольшое — совсем истощилось.

Он стал думать. Все же он пойдет, разведает, оглядится. Если Финн вернется, когда его не будет, они, конечно, смогут разыскать друг друга. А если Финн не вернется, то уж, конечно, нет никакого смысла прятаться ему, Медведю, тут среди деревьев — в любом случае это укромное место станет куда менее безопасным, когда настанет день.

Изо всех сил стараясь идти тихо, он начал описывать осторожный круг, направляясь ко входу в базу.

Он не знал, да и не мог знать, что в этот момент Финн входил в большую комнату, наполненную множеством напуганных людей.

И еще он не мог знать, что на вершине холма, как раз за дверью главного входа базы, зевая и потягиваясь, окончательно просыпался Брат по крови.

Этот Брат по крови спал у двери, как всегда кто-то делал из них, просто на случай каких-нибудь технических неполадок, которые могли позволить кому-то из рабов посмелее попытаться удрать. На этот раз Брат по крови спал беспокойно, но принял свое беспокойство просто за предутренний сон: ведь все внутри базы было спокойно.

Он зевал, потягивался, чесал свой волосатый живот и очень хотел еще спать.

Но он все же встал, коснулся механизма, открывающего дверь и собрался подышать свежим воздухом. Это было огромное, очень мощное существо с покатыми плечами и таким же покатым лбом, что ясно говорило, что умом он не блещет. И только от безделья он выбрался на поверхность, чтобы бездумно постоять в первых лучах солнца.

Медведь был на краю опушки под холмом, когда увидел его появление и поспешил нырнуть обратно в заросли. Он двигался быстро, но не достаточно скрытно, так как Брат по крови успел заметить какое-то движение.

И даже тогда в его затуманенном мозгу не зародилось тревоги. Сама мысль о том, что у подножия холма может находиться неприятель, не посетила его. Врагов не было. Были лишь одни хозяева, которых он боялся и боготворил. А еще были Братья по крови, да люди-червяки. Так что этот гигант никогда в жизни не испытывал страха и тревоги ни перед теми, ни перед другими.

Там, между деревьями, должно быть, бегало какое-то животное. И всего лишь из смутного любопытства гигантский Брат по крови стал неуклюже спускаться вниз по склону.

Медведь подавленно следил за его приближением. Финну не понравится, что он ушел со своего места и его заметили. И еще Медведь знал, что у него не хватит мастерства, чтобы просто ускользнуть в лес и удрать от огромного Брата по крови. А еще он знал, если гигант рассмотрел его, то от этого никому не будет хорошо — и в первую очередь Финну.

И все же... чему быть, того не миновать.

Когда огромный Брат по крови подошел поближе, Медведь вышел из-за деревьев. Он тоже всего лишь прогуливался и, несомненно, не замечал гиганта. Затем он совершенно случайно поднял голову и остановился, донельзя удивленный.

Гигант тоже, но он-то, действительно, удивился.

— Эй! — рев его был грубый и гортанный. — Кто ты? Как вышел сюда?

Очевидно, совсем не обеспокоенный, Медведь лениво направился к нему.

— Привет. Я — Медведь. Помнишь? Прибыл на прошлой неделе с востока. А ты...

— Башка, — машинально ответил гигант. Морщины, выдававшие удивление и усиленную работу мысли, избороздили его низкий, заросший волосами лоб. — Не помню я тебя. На прошлой неделе?

— Конечно, — ответил Медведь, приближаясь. Они были уже достаточно близко друг от друга, чтобы в сером рассвете разглядеть лица друг друга. — Вспомни, Башка, когда я приехал сюда, один из ваших парней дал мне вот это.

«Это» было мачете, к которому не спеша двинулась рука Медведя. Он уже крепко сжал в руке рукоятку мачете, когда на лице Башки удивление начало сменяться чем-то вроде тревоги.

Но было уже слишком поздно — и для тревоги, и для силового хлыста, который держал в руке Башка. Мачете по рукоятке вонзилось в выпуклое брюхо гиганта, направленное снизу вверх, чтобы достать до сердца.

Огромное тело рухнуло, кровь обагрила траву. Медведь наклонился, чтобы вытереть окровавленное лезвие о густую шерсть на груди Башки.

— Никогда еще не видел никого, — сказал он с удовлетворением, — кому больше бы подходило собственное имя.

Он отвернулся и взглянул на холм. Внешняя дверь базы оставалась открытой, словно приглашая войти. Стыдно, подумал Медведь, не воспользоваться таким приглашением, особенно когда оно открывает дорогу к Финну. Как раз такой случай и нужен был ему.

С мачете в руке и со счастливой улыбкой на лице Медведь бросился наверх по склону.

Ворвавшись в дверь, он остановился. Коридор перед ним со слабо светящимися стенами был пустынен. Но он знал, что где-то рядом просыпаются другие Братья по крови. И тоже поблизости скоро появятся Рабовладельцы — появятся откуда-то сверху, где проводят ночные часы.

Медведь страстно надеялся, что Финн уже выбрался из базы. Но он знал, что Финн должен был спуститься на нижний уровень и удостовериться. А времени у него было крайне мало, если он собирался выйти той же дорогой, которой вошел.

Стараясь осторожно ставить свои огромные башмаки на металлический пол, он быстро двинулся по коридору.

Но тут его время вышло. Сразу и позади него, и перед ним открылись двери.

Позади него в коридор вышел Рабовладелец. Он взглянул на Медведя и глаза его остались нормального желтого цвета. Очевидно, он не испытывал удивления, увидев Брата по крови и, столь же очевидно, он не распознал в Медведе чужака.

Но через другую дверь, прямо перед Медведем, в коридор вывалились два Брата по крови. Они были не так глупы, как Башка, и сразу заметили, что они не знают Медведя, что у него в руках обнаженное мачете, а не силовой хлыст, и что внешняя дверь на базу за его спиной открыта.

Они взревели, как звери (впрочем, таковыми они и являлись), один угрожающе вскинул свой хлыст, а другой потянулся к тяжелому ножу с длинным лезвием, висевшим у него на пояске.

Медведь не колебался. Вскинув вверх сверкающее мачете, он бросился на них, проревев свирепый боевой клич.

Это и был тот самый знобящий шум, который услышал Финн и остальные беглецы, только что покинувшие подземную темницу на нижнем уровне. Многие люди побледнели и чуть не ударились в панику, но Граттон, который блестя глазами шел позади, не дал никому остановиться и погнался за колебавшихся вперед.

— Иди, Финн, — прошептал он, — выводи нас!

Финн, согнувшись под тяжестью тела Джоша, пошел вперед по коридору, примыкавшему к темнице, а все остальные боязливо жались к нему, наступая на пятки.

Медведь на верхнем этаже бился изо всех сил. Двое Братьев по крови уже пали под его свирепым натиском, хотя один успел ударить его силовым хлыстом, оставив болезненный лиловый рубец на боку. Рабовладелец успел выпалить ему вслед из огненного копья — но Медведю повезло и смертоносный луч лишь спалил волосы на его левом предплечье.

Тут он добежал до двери-века в конце коридора и пролетел в нее. Дверь вела в узкую длинную комнату, уставленную неподвижными зловещими телами крылатых шпионов. Эти твари, по-видимому, не были активированы, но их выпуклые глаза, казалось, следили за Медведем, пока он несея по узкому коридору.

Медведь знал, что отсрочка будет короткой. Он слышал приглушенный рев Братьев по крови отовсюду — часть их скопилась в коридоре, который он только что покинул, а другие мчались по прилегающим комнатам.

Финн уже сходит с ума, подумал он кисло, прыгая в следующую дверь.

Он услышал гневный свист силового хлыста раньше, чем увидел его, но сориентировался и отразил удар своим мачете. Острый, как бритва, клинок, глубоко вонзился в волосатую руку, хлынула кровь и рев нападающего сменился криком боли. Но Медведь уже промчался мимо — к желтому пятну яркого света в полу коридора. Не останавливаясь, он шагнул в отверстие, в столб света. Он знал о почти магическом умении чужаков использовать энергию, в молодости он много раз катался в таких лифтах. Тело его тут же было заключено в твердые невидимые силовые объятия — и он перенесся вдоль светового столба на нижний уровень, словно на крыльях.

Он вышел из столба света в коридор как раз в то время, чтобы увидеть, как четверо Братьев по крови и один Рабовладелец, вне себя от ярости, вырвались из дальней двери коридора.

На другом конце нижнего уровня Финну тоже приходилось тяжело. Беглецы не успели уйти далеко. Путь им был прегражден. Братья по крови, которые бросились вниз, чтобы найти Медведя, вместо него нашли толпу бегущих рабов. Взревев от ярости, они подняли силовые хлысты и атаковали.

Большинство людей в панике бросились беспорядочно бежать, и вместе с ними Финн. Он слышал гневные крики Граттона и видел вспышки огненного копья, но не мог остановиться и вступить в сражение. Прежде всего он должен был позаботиться о Джоше. Страх придавал силы ногам Джоша, они бросились обратно и нырнули в первую попавшуюся дверь.

Это была дверь в комнату, где содержались женщины, которые, перепуганные еще больше, сгрудились у дальней стены. На сей раз Финн не обратил на них внимания. Другая дверь вела из этой комнаты в следующую, где он еще не был.

По крайней мере, там никого не было. Просто еще один склад таинственных механизмов чужаков, включая какой-то сложный и тонкий прибор, подвешенный над широким металлическим столом, поверхность которого покрывали какие-то неприятные пятна. Он не обратил на это внимания. Сознание Джоша туманилось, он едва не валился с ног от боли и напряжения, и Финн понимал, что старик должен немного отдохнуть, несмотря на риск, прежде чем продолжить бегство.

Он осторожно положил Джоша на стол, подумав мимоходом, много ли людей разбежалось и блуждает теперь по подземным лабиринтам в панике, пока не наткнется на разъяренных Братьев по крови. Он знал, что, по крайней мере, Граттон остался и дерется, может быть, к нему присоединился и еще кто-нибудь. Финн очень хотел быть с ними вместе, чтобы дать выход накопившейся ярости и ненависти.

Но тут и ему пришлось вступить в бой.

Открылась дверь, через которую вошли они, там стоял Брат по крови, он ужасающе рычал и в руке у него полыхал силовой хлыст.

Монстр сделал выпад, Финн, как дикий зверь, защищающий свое логово, прыгнул навстречу. Он поднырнул под силовой хлыст — тот свистнул над головой — и вот уже охотничий нож оказался в руке Финна, и его лезвие вонзилось глубоко в грудь Брата по крови.

Тот завопил и повалился навзничь. Дверь за его спиной закрылась и умирающий перевалился через порог, унося в своей груди нож Финна. Не успел Финн потянуться за ним, как дверь закрылась.

Финн метнулся обратно, предпочитая потерять нож, нежели комнату, в которой лежал Джош. Острый взгляд показал ему, что тот впал в обморочное состояние, так как лежал спокойно, как спящий, на запятнанном столе. Финн обежал взглядом комнату, отыскивая одновременно и что-нибудь такое, что могло бы послужить оружием; ведь теперь у него не было ни ножа, ни огненного копья.

Но ни дверь и ни оружие остановили его внимание, заставив замереть, превратившись в ледышку.

В дальнем углу комнаты стояли три больших и прозрачных контейнера, похожих на те, в которых хранились части человеческих тел. Но в этих содержались целые тела. Совсем маленькие и совсем мертвые.

Плавающая в сохраняющей жидкости, в каждом контейнере лежало по крошечному скрюченному тельцу новорожденного человеческого детеныша.

Финн сразу увидел, что это не маленькие Братья по крови, а нормальные дети. Он увидел еще кое-что, и именно это потрясло его так, что чуть не прервалось дыхание и не остановилось сердце.

На левом предплечье каждого тельца были странные отметины. Странные... Но знакомые...

Какой-то узор, образованный выпуклыми черными точками.

Правая рука Финна произвольно двинулась вверх, чтобы потрогать такой же узор на собственной руке. Кроме этого движения никакого другого он сделать не мог. Время для него остановилось, он стоял потрясенный, парализованный.

Его бедный разум старался откинуть все, что увидел, отказывался понимать, что это может означать. Охваченный столбняком, он вряд ли заметил, как полуоткрытая внутренняя дверь отворилась.

Не заметил он и фигуру, появившуюся на пороге. Высокую тощую фигуру с фасеточными глазами, сиявшими оранжево-красным пламенем, сжимавшую в трехпалой руке огненное копьё.

14. Хранилище смерти

Медведь вышел из лифта-столба света и, бросив взгляд на несущуюся на него и жаждавшую крови орду, в поисках спасения нырнул в ближайшую дверь. Он пропустил со всех ног из комнаты в комнату, из коридора в коридор. Пару раз те места, которые он пробегал, не были пустыми, там были Братья по крови, которые не были готовы встретить подобного себе, ревушего, как дикий зверь, несущегося, как одержимый, взмахивающего запятнанным кровью мачете. След Медведя через лабиринты нижних ярусов был отмечен изрубленными и окровавленными телами.

В результате этого безудержного бега Медведь заблудился. Вскоре ему пришлось остановиться в одной из комнат, где никого не было, в одной из отвратительных лабораторий Рабовладельцев — чтобы осмотреться.

Остановившись, он услышал знакомые звуки. Не очень хорошо слышные, приглушенные, но вполне узнаваемые. Звуки битвы.

Перехватив поудобнее рукоятку мачете, он пошел на звук. Но как только дверь-веко открылась, он остановился, потрясенный тем, что увидел.

Еще одна лаборатория чужаков. Старик, выглядевший мертвым или спящим на голом столе. А Финн валится на пол, на его груди яркая кровавая полоса, а над ним склоняется чужак, протягивая свои жуткие клешни.

Когда Рабовладелец вошел в дверь, то сквозь туман, окутавший мозг Финна, проявились инстинкты дикого животного. Он бросился в сторону как раз тогда, когда из огненного копья вырвался малиновый луч. Бросок спас ему жизнь, но луч все же зацепил его, скользнув по ребрам. Финн запнулся и упал, запах собственного горелого тела ударил ему в ноздри.

Оцепенев от шока, вызванного раной, а может быть, и еще от того невероятного ужаса, который он испытал перед приходом чужака, Финн не почувствовал боли. Его взор казался неестественно ясным, он лежал, истекая кровью, и смотрел, как Рабовладелец подходит к нему. Все это происходило как бы замедленно.

Широкие шаги тощих ног чужака, медленно поднимающиеся, чтобы оборвать жизнь Финна. Огненное копье. Он смотрел на врага, парализованный, как птица, смотрящая на подползающую змею.

Но чужак остановился. Красное сияние его глаз перешло в пурпурное, а потом в холодное и сверкающе-голубое. Огненное копье опустилось, чужак протянул свою клешню, схватил Финна за левое запястье, выворачивая руку.

Он осмотрел отметину на предплечье Финна.

Чужак повернул голову, и поток скрежета, шелкающих звуков вырвался из его рта — будто он звал кого-то из смежной комнаты. Но ответа не последовало — эта тварь повернулась к Финну, схватила за руку и резко дернула, будто пытаясь поднять на ноги.

Финн слабо сопротивлялся, но сил не оставалось в его теле. Но и чужак в одиночку не мог его поднять. Он попытался еще раз, но без толку. Тогда он отпустил руку человека и угрожающе поднял копье. Но если он и намеревался стрелять, то не успел.

Финн лишь заметил, как что-то сверкающее, металлическое, пролетело в воздухе, лениво вращаясь, и погрузилось своим острым, как бритва, лезвием в тощее горло чужака.

Мачете. А следом за ним и Медведь яростно ворвался в комнату.

Подобрав свое оружие, медведь склонился над Финном и проворчал с облегчением, что луч всего лишь едва прижег мясо и кожу.

— Найдем что-нибудь, чтобы остановить кровь, — прокотил он. — Встать можешь?

Но Финн едва видел его. В его глазах сохранялось

все то же удивление, отсутствующее выражение, будто он вглядывался в отдаленный, непознаваемый ужас.

— Финн, пошли, — с нажимом сказал Медведь. — Их тут много вокруг — мы должны идти.

Финн слегка пошевелился, будто какая-то часть его тела старалась откликнуться. Его удивленные глаза остановились на чем-то в углу комнаты. Медведь настороженно повернулся и увидел три крошечных, вызывающих жалость тельца, плавающих в прозрачных сосудах.

Некоторое время он вглядывался, а потом осознал, что случилось. Он повернулся к Финну и увидел, что его взгляд оставался удивленным. Причем теперь взгляд Финна сместился — он смотрел на левую руку Медведя — где пламя огненного копья спалило шерсть, и обнаружился тот же самый странный узор из выпуклых черных точек.

Одним движением Медведь сграбастал Финна за куртку, рывком поднял на ноги и от всей души отвесил ему такую оплеуху, что голова Финна чуть не повернулась на пол-оборота.

Удар рассеял ту часть ужаса, шока и боли, что затуманили разум Финна. В его глазах снова появилось осмысленное выражение, а вместе с ним и страдание, с которым не могли справиться ни раны на груди, ни пощечина.

— Медведь... — сдавленно произнес Финн. — Эти отметины...

— Нет времени, мальчик! — рявкнул Медведь. — Нам нужно удирать!

Нетвердыми шагами Финн двинулся к трем страшным контейнерам.

— Но что... — начал он.

— Эти метки ничего не означают, Финн, — разъярился Медведь, — слышишь меня? Ничего, — огромная рука выхватила у мертвого чужака огненное копье и сунула его Финну, — возьми и выметываемся отсюда! Возьми себя в руки!

— Но Джош! — слабо сказал Финн.

— Я понесу его. Идем же!

Подгоняемый отчаянием в голосе Медведя, Финн подошел к двери, а Медведь сгреб Джоша, который все еще был без сознания, и поспешил за ним.

Дверь вела обратно в комнату, где содержались женщины, и Финн слегка удивился, отметив, что в ней никого нет. В коридоре за этой комнатой тоже не было ни одной

живой души — но он не был пуст. Весь пол был залит кровью, в которой плавали тела Братьев по крови и вдвое больше людей.

— Если кто-то из людей остался в живых, — пророкотал Медведь из-за спины Финна, — то они рассыпались в разные стороны. И, может быть, мы сможем кое-кого подобрать по пути, если ты найдешь выход отсюда.

Кровавая бойня в коридоре и необходимость бежать, похоже, гальванизировали Финна. Он огляделся, стараясь собрать разбегающиеся мысли и восстановить свой путь через лабиринт нижнего уровня. Он услышал приглушенный грозный хор воя и рева — значит, Братья по крови собрались где-то поблизости. Этот шум встряхнул его еще больше. Финн быстро повел Медведя к двери в дальнем конце коридора.

Комната за комнатой, коридор за коридором, они неслись по лабиринту нижнего уровня и не встречали сопротивления. Рев Братьев по крови остался далеко позади и ослабел. Но когда они вбежали в следующую комнату — Финн узнал ее: они уже были недалеко от выхода, и вот здесь-то они наткнулись на преграду.

Но не Братьев по крови. Комната была забита доведенными до отчаяния людьми с сумасшедшими глазами, у большинства из них из порезов и ожогов текла кровь и все сжимали в руках оружие. Больше двух дюжин, прикинул Финн. Среди них были и женщины. Те, у кого были дети, все так же прижимали к себе крохотные волосатые тела, но большинство женщин сжимало в руках оружие Братьев по крови, и выглядели они такими же дикими и опасными, как и мужчины.

Во главе их стоял высокий и сильный Граттон, шрамов на нем прибавилось, но он также сжимал огненное копьё. Граттон с удивлением повернулся, когда Финн ворвался в комнату, а затем его взгляд изменился, он вскинул копьё, целясь поверх плеча Финна, в Медведя.

— Нет! — закричал Финн, и прыгнул вперед, вскидывая свое копьё. Оружие со звоном столкнулось, и луч, вырвавшийся из конца копья Граттона, лишь расплавил металл на стене.

— Это друг! — завопил Финн. — Он несет Джоша.

Граттон, изумленный, опустил копьё.

— Если ты так говоришь, Финн...

— Если ты так жаждешь убивать, — раздался глубокий бас Медведя, — то через несколько минут ты получишь это удовольствие.

Он был прав. За короткое время орда Братьев по крови приблизилась. Зловещий хор воплей и рычания раздавался не далее, чем в паре комнат от них.

Несколько мужчин одновременно начали выкрикивать различные предположения, но голос Финна нетерпеливо прорезался сквозь этот шум:

— Медведь, бери Джоша и беги... И все время сворачивай налево и ищи продуктовый склад с дырой в стене. Мы за тобой.

Медведь кивнул и двинулся к двери в задней части комнаты. Люди боязливо отступали, расчищая ему проход.

— А вы все, — продолжал Финн, — идите за ним и держитесь вместе. Мы с Граттоном останемся ненадолго здесь и задержим Братьев по крови.

Толпа недолго беспокойно потолкалась, а затем устремилась вслед за Медведем. Граттон смотрел им вслед, на лице его смешались гнев и жалость.

— Немного осталось, — сказал он Финну. — Но я рад, что мы могли взять с собой женщин. Им тут было хуже всего.

--- Так позволим же им выйти! — огрызнулся Финн.

Он осторожно подошел к двери, через которую пропик в комнату. Дверь открывалась в один из коротких коридоров, а с другой стороны у открытой двери уже толкалась кучка Братьев по крови. Граттон и Финн выстрелили одновременно — и два волосатых тела свалились на пороге. Шерсть на них дымилась.

Другие Братья по крови отшатнулись назад, вопя от испуга и ярости, а Финн и Граттон повернулись и побежали.

Еще несколько раз они повторяли этот прием: прятались за дверью комнаты или коридора, ожидая, пока Братья по крови попытаются войти с другой стороны. Не все их выстрелы попадали в цель, иногда и они сами служили мишенями: среди орд преследователей были и Рабовладельцы со своими огненными копьями. Но чужаки старались прятаться за массивными телами своих монстров и поэтому не могли точно целиться. Финн и Граттон продолжали свое медленное отступление невредимыми.

Толпа людей стояла в пустом коридоре, люди боязливо жались друг к другу и, похоже, не знали, что им делать дальше. Не было видно лишь Медведя, но Финн был уверен, что дверь посередине коридора ведет в продуктовый склад, который они разыскивали.

И будто в подтверждение одна из женщин указала на эту дверь:

— Он там, — сказала она неуверенно.

Финн рассердился. Конечно, люди слишком боялись Медведя, чтобы проследовать за ним в тесный продуктовый склад. Но прежде, чем Финн или Граттон успели заговорить, дверь широко открылась и показался огромный Медведь, ухмыляющийся во весь рот.

— Я нашел твою мышиную нору, — прогрохотал он. — Когда ты, наконец, вдолбишь этим типам, на чьей я стороне?

— Уматывай в хранилище, — сказал ему Финн и, несмотря ни на что, почувствовал, что почти улыбается.

Медведь хмыкнул и отвернулся. Когда он исчез в дыре, прорезанной Финном в хранилище, толпа, подгоняемая Финном и Граттоном, с неохотой последовала за ним. Финн и Граттон проследовали последними, но предварительно дали по предупредительному выстрелу, отогнав Братьев по крови, рискнувших открыть дверь в конце коридора.

Через мгновение они оказались в хранилище, где люди либо настороженно смотрели на Медведя, либо боязливо рассматривали стены и груды больших странных ящиков.

Финн, взглянув мимо Медведя, увидел Джоша, прислонившегося к одному из ящиков. Его глаза были закрыты, но дышал он почти нормально.

— Один раз он очнулся, — пророкотал Медведь, — поглядел на меня и снова ослаб. Оклемается!

Финн благодарно кивнул и вернулся к людям.

— Граттон, води своих людей через туннель. Прорежешь пошире дыру в металлической крышке своим огненным копьем, а когда выйдете, бегите по склону в лес. Идите на юг. Мы с Медведем найдем вас.

— Надеюсь, дружок, — весело сказал Граттон, — уж наши люди припасут для тебя кучу благодарностей.

— Это еще не все, — напомнил Финн, — снаружи вас могут поджидать Рабовладельцы.

— Вряд ли, — неожиданно сказал Медведь. — Они скорее думают, что мы здесь в ловушке и вскоре полезут за нами.

Финн понял, что Медведь, скорее всего, прав. Чужаки, лишенные воображения, вряд ли подумают, что люди могут выбраться через продуктовый склад. И продлится это некоторое время. Возможно, достаточно долгое время.

— Заставим их думать, что мы действительно попа-

лись, — решил Финн. — Будем биться здесь. Медведь, пойдешь с остальными, понесешь Джоша?

— Нет, — твердо сказал Медведь. — Если ты останешься драться, то я остаюсь тоже. Эти люди заберут твоего отца.

— Мы позаботимся о нем, Финн, — быстро сказал Граттон.

Тут же двое мужчин подхватили Джоша под руки и почти волоком утащили его в туннель. Все остальные, толпившиеся в хранилище, столь же поспешно исчезли в глубине туннеля.

Не успели Финн и Медведь пошевелиться, как шипящий малиновый луч вырвался из бреши в стене хранилища и пронесся между ними, не задев никого.

— Ну вот, опять война, — заметил Медведь.

А Финн скользнул к краю пролома, просунув в него конец своего копья, и выпалил. Раздался предсмертный крик и поток ответных сверкающих лучей залил пролом малиновым светом. Затем наступила тишина — Финн осторожно выглянул в пролом и увидел, что атакующие временно отступили из продуктового склада, оставив за собой мертвого Брата по крови.

— Кстати о войне, — спокойно продолжал Медведь, как будто ничего не случилось, — тут у меня кое-что твое. — Он протянул руку к поясу и вытащил нож, охотничий нож Финна. — Я нашел его там, воткнутым в какого-то типа.

Финн с благодарностью принял нож, но тут же его внимание было отвлечено от пролома. Дверь продуктового склада отворилась, в него боязливо вошли несколько Братьев по крови, подгоняемые тремя Рабовладельцами.

Снова Финн повел огненным копьем, и упало два Брата по крови, а остальные торопливо откатились назад.

Во время затишья Финн увидел, что Медведь шляется по хранилищу, изучая груды ящиков. А еще Финн впервые заметил, насколько светло стало в хранилище. Теперь уже свет солнца, а не луны лился из дальнего конца туннеля.

— Интересные штуки, — бормотал Медведь. — Интересно, какие такие вещи так заботливо складываются в таком месте?

— Хотел бы я, чтобы это было оружие, — откликнулся Финн. — Не знаю, насколько нам хватит еще этого копья.

— Тогда нам, наверное, пора идти, — сказал Медведь. — Отойди-ка немного.

Удивленный Финн отошел, но тут же все понял, увидев,

как Медведь, не прилагая больших усилий, тащит один из больших ящиков к дыре в стене. Также без усилий он взгромоздил затем второй ящик на первый, соорудив солидную металлическую баррикаду.

— Надолго это их не задержит, — пророкотал он, — но заставит думать, что мы еще здесь.

Они вместе побежали по туннелю. Из пролома лился яркий свет. Граттон вырезал солидный кусок металла из кромки туннеля — даже Медведь свободно пролезет.

— Башковитый мужик, — отреагировал на ходу Медведь.

Какой-то инстинкт заставил Финна остановиться на бегу и оглянуться. И как раз вовремя, чтобы увидеть, как могучие руки Братьев отшвыривают два тяжелых ящика. Сквозь отверстие полилась ревущая толпа, по крайней мере, пятнадцать Братьев по крови.

Они сразу же увидели, что хранилище пусто. И еще они увидели одинокого Финна, съезжившегося у входа в туннель. Появилось еще больше Братьев, а за ними показались тощие фигуры Рабовладельцев и дикий рев перешел в ужасающее крещендо.

Воздух тут же заалел от шипящих вспышек огненных копий, лучи скакали вокруг Финна, вжавшегося в стену туннеля. Но когда основная масса Братьев бросилась через хранилище, суматоха стала мешать Рабовладельцам прицеливаться, и ни один из лучей не попал в цель. А Финн попал. Луч из его копья пропахал лицо Брата по крови, бегущего первым, и приостановил натиск, так как остальные попадали, споткнувшись о поверженное тело. Снова и снова палил Финн, впавший в отчаяние, потому что понимал, что теперь он не осмелится побежать и подставить спину под огонь Рабовладельцев.

Он палил без разбора и один из его лучей попал в другую цель. Он попал в больший из ящиков, которыми Медведь затыкал пролом, проплавил ящик, который вспыхнул вместе со всем его содержимым.

Финн никогда так и не узнал точно, что же содержалось в хранилище в этих ящиках, помеченных буквами... Но без всяких сомнений его желание — чтобы в нем, в ящике, оказалось оружие — исполнилось.

Полурасплавленный ящик разразился, подобно вулкану, вспышками света и огня.

Взрывная волна швырнула Финна назад, глубоко в туннель и живописной грудой повалила Братьев по крови и Рабовладельцев на пол хранилища.

А потом они исчезли во мраке.

Сила взрыва завершила разрушительную работу времени. С громopodobным ревом хранилище взорвалось, похоронив и Братьев по крови, и Рабовладельцев под многими тоннами земли и искореженного металла.

15. Монстр

Две певчие птички с разных концов лесной полянки обменивались трелями вечерней мелодии, и им не мешал ни легкий моросающий дождь, ни странно подобранная толпа людей, собравшихся под деревьями.

Под высоким хвойным деревом на одной стороне поляны сидели у затухающего костра оставшиеся в живых люди с базы Рабовладельцев. Они были еще более оборваны, чем в плену, у многих были раны, перевязанные тряпьем. Но их взоры светились, чего не было несколько дней назад, в голосах появилась живость, когда они перешептывались.

Но даже теперь время от времени то один, то другой умолкал, впирался взором в пустоту и начинал дрожать — отнюдь не из-за легкого летнего дождя.

На другой стороне полянки сидели Граттон с Джошем. Спина и грудь Джоша были перевязаны драными тряпками, но было видно, что он выздоравливает. Оба казались оживленными и явно наслаждались разговором.

Поблизости вышагивал взад-вперед Медведь, который уже никак не был доволен собой. Он мог бы присоединиться к Джошу и Граттону, они, по крайней мере, относились к нему нормально, так как остальных все еще раздражало и пугало его присутствие. Но у Медведя не было настроения вести пустую болтовню.

Его сильно беспокоил Финн. Он знал, что Финн так полностью и не вышел из шокового состояния, в которое его ввергло увиденное и осознанное в лаборатории Рабовладельцев. Теперь, когда они оказались в безопасности и могли немного расслабиться, это знание жестоко терзало разум Финна. Жизненные силы покинули его: он погрузился в себя, стал молчаливым, угрюмым, его окутала какая-то внутренняя тень, которая становилась все гуще с каждым днем.

Медведь знал, что это — его дело: попытаться вырвать Финна из тени, ведь только он понимал, откуда она. Но до сих пор он не имел возможности сделать ничего

с тех самых пор, как они вышли из туннеля, ведущего в обрушившееся хранилище.

Было раннее утро, сияющее и яркое. Как казалось, битва и побег с базы заняли удивительно короткое время. Травянистый склон был пустынен, когда Медведь и Финн сбегали по нему, значит, Медведь был прав. Чужаки считали, что в хранилище люди оказались в ловушке и не смогли предвидеть, что им удастся удрать через туннель.

Но Медведь знал, что передышка будет короткой. На базе еще оставались живые Рабовладельцы и они соберут все свои вооруженные отряды и подготовят вишневые сани для преследования во имя мести.

Финн также понимал, что они еще не в безопасности, но он был отчасти рад этому обстоятельству. Необходимость быть в напряжении, бежать, может быть, еще дрались, предохраняла его от размышлений. А он еще не готов был думать о том, что он видел и понял в лаборатории чужаков. И вряд ли когда-нибудь будет готов.

Между прочими делами он был занят тем, что шел по следу людей, ведущему на юг. Меньше, чем через километр они с Медведем догнали беглецов. Люди распластались на мягком дерне в полном изнеможении, некоторые от усталости и страха плакали. Многие ужасно ослабли от ран, полученных в битве. И, конечно, все женщины, так или иначе, — несли детей.

Только Граттон нашел в себе силы встать и радостно приветствовать Финна, в то же время настороженно поглядывая на Медведа.

— Люди дошли до ручки, — сказал Граттон. — Они не могли бежать. Это их убьет. И твоего отца тоже.

— Ну хорошо, — холодно сказал Финн. Он взглянул на лежащего в полубессознательном состоянии Джоша. — Можете остаться здесь. Немного подлечиться и отдохнуть, а когда отдохнете, идите на юг. Я вернусь и попытаюсь отвести чужаков в сторону.

— А он? — спросил Граттон, бросив на Медведа взгляд.

Глаза Финна вспыхнули.

— Я уже говорил тебе, это мой друг. Меня бы здесь не было, если бы не он. Как, впрочем, и большинства этих людей.

Граттон сдержанно кивнул и тут из кучи людей раздался слабый, но полный решимости голос:

— Если это так, то я обязан ему больше, чем кому-либо.

Это был Джош, который очнулся, услышал голос Финна и теперь пытался сесть. Финн подбежал к нему.

— Не думай о долгах,— сказал он.— Отдохни. Медведь присмотрит за тобой.

Медведь, сердито смотревший на Граттона, при этих словах расстроился.

— Лучше бы я с тобой пошел, Финн,— сказал он.— Ты же ранен.

Финн взглянул на свою рану. Хотя она все еще болела, он почти забыл о ней, да и кровь уже почти не текла.

— Со мной все в порядке, и... мне нужно побыть одному,— губы его искривились, тень внутренних мучений явно отразилась в глазах.— Я вернусь.

Потом он повернулся к лесу и исчез.

Вскоре Финн стоял в хвойном лесу у подножия склона, который вел к базе Рабовладельцев. Слегка пригнув траву, он увидел то, что ожидал. Двое вихревых саней и четыре крылатых шпиона над ними. Финн знал, что смертоносные машины могут догнать людей через несколько минут, и тогда никто не выживет.

Он спокойно вышел на открытое место.

Затем притворно испугался, будто только что увидел вихревые сани, повернулся и бросился бежать в лес, но прихрамывая, словно раненый. Он побежал на запад, далеко в сторону от следа, оставленного беглецами.

Финн бросил взгляд назад и увидел, что вихревые сани и крылатые шпионы изменили курс и направились в его сторону.

Несколько часов подряд он заставлял гнаться за собой чужаков и их слуг. Он сосредоточился на своей тактике, и тень внутреннего ужаса забила куда-то в дальние уголки его сознания. Время от времени он будто случайно показывался среди деревьев: чужаки и их крылатые наблюдатели бросались в атаку. Тогда Финн растворялся в лесу, заставляя преследователей метаться в поисках туда-сюда, пока не приходилось вновь появляться и поддразнивать их своим видом.

За эти часы он увел преследователей далеко на запад, в заросшие и болотистые районы дикого леса. Там он оставил их, занятых механическими, по своему обыкновению, поисками, и невидимый, скользнул на юг.

Тем временем Граттон и остальные, подгоняемые свирепым нетерпением Медведя, перевязали самые серьезные

раны — с помощью целебных трав, собранных по указанию Джоша — и нашли в себе силы продолжить поход.

Медведь предложил свою мощную руку для поддержки, и вскоре они целиком ушли в беседу. Ни боль, ни слабость не мешали Джошу желать узнать все, что произошло с его сыном с тех самых пор, как в их деревню прилетели Рабовладельцы. А Медведь, со своей стороны, хотел рассказать кому-нибудь о том зловещем эффекте, которое произвело на Финна открытие, сделанное в лаборатории Рабовладельцев.

Больше всего он хотел потолковать с Финном. Но когда в конце дня Финн присоединился к ним, уверенный, что теперь они в безопасности, времени для разговоров не оставалось. Финном овладела такая усталость, что он едва дождался, пока Медведь перевяжет его рану, и уснул.

В следующие дни, когда маленькая группа людей продолжала изнурительное путешествие, времени для разговоров тоже не было. Финн проводил все дни без отдыха, странствуя по дикому лесу, разведывал, что ждет впереди, охотился, чтобы накормить людей. И к ночи он становился молчаливым, отчужденным, погружался в свои мрачные мысли. Все остальные наслаждались обретенной свободой и, поглощенные утомительным путешествием, ничего не замечали. Но Джош беспокоился, и Медведь явно был взволнован.

Итак, дождливым вечером на лесной полянке Медведь раздраженно вышагивал туда-сюда, ожидая возвращения Финна. Когда Граттон оставил Джоша и присоединился к остальным, Медведь подошел к старику. Жилистое тело Джоша почти обрело прежнюю силу, но в его глазах было такое же беспокойство, как и у Медведя.

— Попробуем поговорить с ним сегодня? — спросил Джош.

— Если удастся насесть на него, — пророкотал Медведь. — Он гложет себя изнутри — скоро совсем ничего не останется.

— Эти проклятые отметины... — начал Джош.

— Не отметины. Эти отметины просто опознаватель — Рабовладельцы помечают ими всех людей, родившихся на базе. — Медведь взглянул на узор из точек на своей руке, менее заметный теперь, когда сожженные волосы слегка отросли. — Финна убивает то, что они означают. Он не может жить с сознанием того, что он...

— Один из Монстров, которых сотворили Рабовладельцы, — произнес чей-то голос из-за спины Медведя.

Медведь повернулся. Финн тупо смотрел на них, его глаза потемнели от боли и ужаса, словно перед ними стояло какое-то кошмарное зрелище, не видимое остальным.

— Ага,— сказал Медведь таким же бесцветным голосом.— Один из нас, монстров.

Финн резко сел, лицо его искривилось.

— Я не хотел обижать тебя, Медведь. Ты тот, кто ты есть. Но я... я-то думал, что я — человек...

Он умолк, уставился в темноту. Джош с надеждой посмотрел на Медведя, а тот поскреб бороду, собираясь с мыслями, и глубоко вздохнул.

— Финн,— начал он,— мы уже довольно давно путешествуем вместе и я думал, что между нами есть доверие. Теперь я буду говорить, а ты будешь слушать. Ты увидишь, я говорю правду, почувствуешь это своим нутром — и перестанешь думать о смерти.

Он перевел дух, воодушевленный тем, что Финн обратил свой измученный взгляд на него.

— Так вот, правда в том,— продолжал Медведь,— что ты родился от какой-то несчастной девчонки в Рабовладельческом центре. Рабовладельцы чего-то там наколдовали в своей лаборатории и ты родился таким, какой ты есть,— его голос усилился и перешел в презрительный рев.— Но если ты остановишься только на этой правде, мой мальчик, ты, черт возьми, гораздо глупее, чем я думал.

Финн моргнул и нахмурился, но Медведь продолжал:

— Что бы ни делали Рабовладельцы, они это делают, чтобы обуздать людей. Твои настоящие отец и мать были такими же людьми, как и Джош. И это делает тебя тоже человеком. Любой так и скажет, глядя на тебя. Только две вещи отличают тебя от других молодых парней. Первое: ты носишь на руке какие-то непонятные отметины. Второе: у тебя какой-то естественный дар жить в лесу, в диком лесу, можно подумать, что тебя вырастили волки, а не люди.

— Уж это точно,— вставил Джош,— никто не может сравниться с ним в лесу.

— Знаю,— сказал Медведь.— Поэтому ты и остался в живых, Финн, пока Джош не нашел тебя. Природный дар. И в этом-то большая правда, мальчик. В то же самое время, когда Рабовладельцы наградили тебя отметинами на руке, они дали тебе кое-что еще!

Финн подпрыгнул, словно его укололи. Глаза его расширились, но Медведь его успокоил и продолжал:

— Правда это, правда! Видишь ли, насколько я слышал, нормальные человеческие дети, рождающиеся от рабынь, всегда умирают. Поэтому я решил, что ты — редкость. Только маленькие Братья по крови выживают. Может быть, ты — единственный такой, кто родился нормальным и выжил. Вот почему тот Рабовладелец так разволновался — тот, что стрелял в тебя. Когда он увидел твои отметины, он понял, что ты — нечто особенное.

— Но... — начал Финн.

— Умолкни, — сказал Медведь. — Я еще не закончил. Почему я так решил? Да потому, что я знаю, чего пытаются добиться в своих лабораториях Рабовладельцы.

Он немного помолчал, подыскивая подходящие слова.

— Когда мы впервые с тобой встретились и разговорились, я сказал тебе, что Рабовладельцы пытаются вывести новую породу людей. Я не сказал тебе, что за породу, потому что как раз тогда заметил твои отметины и не представлял, как много ты знаешь о себе. Так вот в чем дело. Рабовладельцы не собираются использовать разум человека. Этот разум способен думать, предполагать, а возможно, и находить пути к борьбе, сопротивлению. Рабовладельцам нужны люди спокойные, которые бы делали только то, что им приказывают, как стадо овец или любой другой домашней скотины.

Под нахмуренным лбом Финна стали поблескивать вспышки понимания.

— Понимаешь? — спросил Медведь... — Рабовладельцы пытаются разводить безмозглых людей. Они пытаются вернуть людей в животное состояние!

— Братья по крови... — сказал Финн и вспыхнул.

— Конечно, — ответил Медведь со своей кривой усмешкой, — большей частью они получают Братьев по крови, которые чертовски близки к животным, хотя и не все из них, если уж говорить обо мне. Но Братья по крови кроме драки ни на что не годны. Я думаю, что Рабовладельцы на самом деле пытаются превратить людей в животных, не изменяя их внешнего облика.

Медведь расхохотался басом.

— Хотя, похоже, им не очень-то везет. Чаще всего нормальные дети умирают. А когда один все же выжил, он удрал. Как — мы, наверное, этого никогда не узнаем. Но все равно, даже и у этого одного по-настоящему хороший разум, и только одно у него от животного: у него есть знания и инстинкт для жизни в диком лесу,

как у любого дикого обитателя леса. Эти знания родились вместе с ним, вошли в его плоть и кровь.

Финн сидел молча, запутавшись в переплетении мыслей и ощущений. Медведь ткнул своим толстым пальцем в точки на его руке:

— Ты должен гордиться этими отметками! — пророкотал он. — Они означают, что ты — нечто особенное. Ты должен был бы стать одной из удач Рабовладельцев, а стал вместо этого их величайшим провалом. — Блеснула кривая улыбка. — Как и я. Они сделали меня Братом по крови, но при рождении у меня оказалось на капельку больше человечности. И потому я — чуть ли не худшее, что может случиться для Рабовладельцев.

Он ухватил Финна за плечо и слегка его встряхнул.

— Только теперь я понял, что худшее для них — это, наверное, ты. Ты полностью человек — и разумом, и телом, сердцем и душой... Но ко всему этому примешался и зверь, который принадлежит дикому лесу. Финн, большую часть этой проклятой страны занимает дикий лес. В нем никто — и уж, конечно, не Рабовладельцы — не сможет даже найти тебя, если ты не захочешь быть обнаруженным. Так вот... Обрати свой гнев и ярость на Рабовладельцев.

Усмешка Медведя стала почти безумной.

— Когда они сделали тебя и меня, Финн, они выковали ножи, которые перережут им глотки.

16. И снова в путь

Разговор шел долго, почти всю ночь. И потом, когда все уснули, Финн не спал. В его голове все перемешалось.

Слова Медведя и содержавшаяся в них истина глубоко потрясли его. Тень ужаса все-таки осталась у него в мозгу и могла оставаться еще долго, но он чувствовал, что она больше не сможет овладеть им полностью.

Несмотря на то, что перед ним раскрылась потрясающая правда о его рождении, Медведь заставил его понять, что на самом деле ничего не изменилось. Он остался таким же, каким и был раньше. Он все еще был Финном Ферралом — человеком и охотником.

Хотя он полностью осознал ошеломляющую простоту этого факта, тени начали рассеиваться.

А потом он со стыдом вспомнил о другом. Погрузившись в глубины страданий и ужаса, он почти забыл о той сложной задаче, которую поставил перед собой в тот день,

когда покинул деревню. Старый Джош был уже свободен, но его задача была выполнена лишь наполовину. И решение этой половины отняло слишком много времени.

На рассвете, так и не заснув, Финн чувствовал странную свежесть и цельность — будто к нему вернулась какая-то его часть, которую он, казалось, утратил. Даже Граттон, который ничего не знал о внутренних мучениях Финна, заметил перемены, когда подошел к нему по какому-то делу.

— Ты, похоже, хорошо выспался, — сказал Граттон.

— Что-то в этом роде, — улыбнулся Финн. — Что тебя заботит?

— Да народ, — слегка виновато сказал Граттон. — Мы немного беспокоимся, куда мы идем и что ты решил по нашему поводу.

Тут настала очередь прийти в замешательство Финну.

— Я... я почти не думал об этом. Я всего лишь собирался удрать подальше от Рабовладельцев.

— Конечно, мы тоже, — кивнул Граттон. — Только видишь ли, в чем дело. Люди слегка растерялись. Они не хотят возвращаться в свои деревни, ведь туда снова могут прийти Рабовладельцы. Да и женщины... люди вряд ли будут им рады, особенно их возвращению с этими детьми.

Финн мрачно согласился, он уже знал кое-что о подлой трусливости деревенских.

— И мы знаем, что ты не собираешься оставаться с нами навсегда. Мы решили пойти куда-нибудь туда, где сможем защитить себя и отделаться от Рабовладельцев.

— Где же это? — прогрохотал грубый голос подошедшего Медведя. — На Луне?

— Нет, — решительно ответил Граттон. — Видишь ли, я — из деревни, которая далеко на Западе, и мы слышали о месте, которое лежит еще западнее. О Пустоши. Похоже, Рабовладельцы не больно-то туда суются — и люди, которые там живут, свободны.

Медведь хмыкнул:

— Мистер, я бывал в той Пустоши. Она как раз рядом с теми горами, откуда я родом. Там сплошь песок да пустыня, сухая, как старые кости. И есть там такие местечки, по сравнению с которыми и пустыня выглядит оазисом. И животные, будто удравшие из чьего-то кошмара. Но вот одного я там не видел — я не видел и следа людей.

Старый Джош подошел как раз вовремя, чтобы услышать слова Медведя и тыркнуть:

— Даже если там и есть люди, вряд ли им понадобится выходить и здороваться с тобой.

Все засмеялись, а Граттон быстро продолжал:

— Я знаю, это суровые земли. Но если люди живут там, то, может быть, и мы сможем выжить и не бояться Рабовладельцев.

— Если вообще выживите, — проворчал Медведь.

Финн увидел, как у Медведя упрямо выдвинулась челюсть и перебил:

— Медведь прав, для вас настали трудные времена. Но и ты прав тоже — вам нужно найти себе место. Если бы я был на вашем месте, то тоже пошел бы туда.

— А может быть, — с надеждой спросил Граттон, — пойдем вместе?

Финн покачал головой.

— Я собираюсь доставить Джоша в какое-нибудь безопасное место и заняться тем, что должен сделать. Может быть, я отправлюсь на запад, но я бы хотел идти со своей, присущей мне скоростью.

— Да, что там про меня? — Джош наклонился и ухватил Финна за руку. — Я знаю, тебя тянет пойти на поиски Джены. Я хотел бы пойти с тобой, но теперь самое меньшее, что я могу, так это не сдерживать тебя.

Прежде чем ответил Финн, Джош повернулся к Граттону:

— Дружище, я знаю кое-что о жизни в лесах. Вся жизнь я был охотником. Не таким хорошим, как Финн, но все же и не дурным. Что скажешь, если я пойду на запад с тобой?

На изуродованном шрамом лице Граттона появилась широченная улыбка.

— Скажу тебе — добро пожаловать и все такое прочее. Подожди, расскажу народу об этом. — Кивнув Финну, он поспешил к своим людям.

Финн взглянул на Джоша:

— Ты действительно этого хочешь?

Джош пожал плечами:

— Сынок, чего я действительно хочу, так это того, чтобы каким-нибудь магическим образом Джена оказалась тут сию же минуту. Но это все чепуха, а я слишком стар, чтобы разыскивать ее вместе с тобой, и поэтому я пойду с этими людьми. Я буду рад это сделать. Тогда, может быть, ты сможешь пойти и сделать все необходимое.

— Пойду, — сказал Финн и ему перехватило горло. Долгое время они молча смотрели друг на друга с любовью и уважением, более того, с тревогой и печалью.

Оба они понимали, что если расстанутся, то, возможно, навсегда. Оба понимали, что так оно и должно быть.

Стоявший рядом Медведь нетерпеливо прогудел:

— Не люблю вмешиваться, но, может быть, кто-нибудь из вас, диких людей, имеет хоть малейшее представление, где искать вашу девочку?

Джош печально покачал головой:

— Я знаю только, что когда нас разлучили, сани, на которых была Джена, свернули, кажется, на запад.

Финн согласился:

— Именно эти сани я и постараюсь проследить, Медведь. Если только мы не заблуждаемся. И ты сам говорил, что ее могли отвезти в большой центр Рабовладельцев в горах.

Медведь вздохнул:

— Конечно, может быть. А еще может быть, они свернули на юг или вернулись на восток, или черт знает его куда. Это большая, огромная страна, Финн.

Но глаза Финна блестели, чего не было вот уже много дней.

— Я знаю. Но я не могу идти в два места одновременно. И поэтому я иду на запад. Посмотрим, что там.

— Я так и знал, — ухмыльнулся Медведь. — Но в одном ты ошибся.

— В чем? — сухо спросил Финн.

Глаза Медведя весело поблескивали.

— Сынок, мы тут хорошенько взбаламутили мутную водицу. Теперь Рабовладельцы повсюду будут знать, что случилось. Такого ведь раньше не случалось: пришли люди и освободили рабов. Теперь они станут осторожничать в ожидании новых неприятностей. А это значит, что произойдут увлекательные вещи: кучи Рабовладельцев протянут свои длинные шеи, чтобы старый Медведь срубил еще несколько голов. — Неудержимый смех распирает его грудь. — И поэтому не ты пойдешь на запад, мой юный Финн. *Мы.*

Толпа людей, сгрудившаяся вокруг Граттона, с удивлением глядела через полянку, гадая, что же заставило огромного Брата по крови и юного охотника разразиться таким неудержимым хохотом.

СТЕФАН ВЮЛЬ

ЛОВУШКА НА ЗАРКАСЕ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Перевод с французского

Глава первая

1

Наконец-то!

Пропустив последние экраны листвы, люди очутились перед чудовищем, тем самым, что в течение трех ночей смущало их сон, глухо кашляло в небесной тюрьме, а его дыхание краснело на северо-западе.

Сгорбившись в глубине, на фоне пестрых лесов, вулкан закрывал своей массой весь горизонт. Это он, Сафасс-Тин! Он медленно выплевывал в облака кровь.

Туземцы бросились на землю, закрывая лицо. Из их горла вырывалось с хрипом монотонное и непонятное ритуальное пение.

Двое мужчин стояли неподвижно. У их ног кудрявилась масса зелени долины; из нее то тут, то там доносились звуки — смех карликовых обезьян, чирикание птиц.

Дарсель прервал очарование, кивнув подбородком на вулкан:

— А пасть у него!

Он сказал это с убеждением, его серьезность придавала некоторую комичность лицу, заросшему рыжим пухом, и оттопыренным ушам. Лоран скрыл усмешку в своей черной бороде и облизал губы, припудренные пылью.

— Красота, мой друг. Ничего нет более прекрасного!

Но Дарсель не заметил насмешки и, вытирая грязной рукой пот со лба, пробормотал:

— Хм... я не понимаю, что заркасцы его обожают... он... прекрасен!

Лоран чуть не подавился глотком из фляжки. Взрыв его смеха заставил взлететь длинноклювых птиц, тяжело рвущих воздух взмахами крыльев. В лесу кто-то запищал и удрал в шуме сломанных веток.

— Согласен с твоими эстетическими эмоциями, дружище, но как поэт ты не стоишь и гвоздя!

Туземцы один за другим поднимались, обмениваясь криками на своем языке, сжимая свои заячьи губы. Их дряблая кожа дрожала при малейшем жесте.

Гигант Сафасс-Тин решил немного пошутить. После утробного урчания он тяжело выпустил пар, и горячая слизь заблестела на его боках.

Заркасцы снова упали ничком. Дарсель покачал головой:

— Зря они боятся. Активность Сафасс-Тина одинакова уже сто тысяч лет.

— Ты уверен? — сыронизировал Лоран. — Наше пребывание на этой планете длится всего столетие. Я, как тебе известно, не доверяю геологическим приближениям.

— Все-таки! Различные извержения легко датировать, хотя данные экспедиции Рэндсона нуждаются в дополнении... — Он указал пальцем на юг. — Мелкозернистый базальт на известняке миоцена. — Он указал на север. — Холмы Шантага усеяны прахом крылатых рептилий плиоцена. Мы найдем там сенсационные ископаемые. — Он повернулся к западу и замер с открытым ртом. Лоран проследил за его взглядом...

Твердая обсидиановая колонна тяжело поднималась к небу. Две другие следовали за ней, взламывая почву. Затем просвечивающие колонны стали подниматься повсюду группами, без труда поднимая по четверти холмов или небрежно снося над долиной большие группы деревьев.

Грохот конца мира покрыл панические вопли животных, в то время как сверкающие колонны, выталкиваемые теллурическим феноменом из нутра Заркаса, появлялись на глазах со всех сторон. То одиночные, с капителями из листвы, то сформированные в портики, в нечеткие перюстили, в гигантские пропилен, они занимали большие участки пейзажа и поднимались на невообразимую высоту.

Растерявшиеся мужчины увидели, как расщепляются ближайшие холмы. Когда они почувствовали вибрацию, отдававшуюся в ногах, то сломя голову понеслись за туземцами, которые сбежали несколькими минутами раньше.

Темный, подавляющей мощью Сафасс-Тин бросал в пространство величественный фейерверк...

Они пустились в смехотворный галоп, как крысы пытаются спуститься по поднимающемуся эскалатору. На их пути появлялись террасы с кустарником, и их ноги теряли равновесие. Резкий крик Лорана перед образовавшейся трещиной, длинный прыжок Дарселя — они столкнулись в кустах, чудом удержавшись на ногах, съехали, как пьяные, по мускусной траве и врезались головами в теплый бок гусеницы-льва.

Занятое собственными проблемами спасения, животное даже не обернулось и бежало, топча попавшихся на дороге мелких грызунов.

Целый гектар цветов поднялся налево от них: это было последнее, что они видели: поднялось непрозрачное облако пыли. Их «спасайся-кто-может» стало удушающим серым кошмаром, они бежали вслепую, практически не чувствуя, как они падают и поднимаются...

Лоран обнаружил, что стоит на коленях в маленьком болотце, что глаза его полны слез и пыли, а бронхи разрываются от хриплого безудержного кашля. Наконец, он кое-как отдышался, вымыл лицо в грязной воде и осмотрелся вокруг. Пыль по-прежнему падала вниз, но уже менее плотная, позолоченная лучами солнца.

Горы позади него носили следы разрушений: вырванные с корнями деревья, обрывы недавнего происхождения. Но дальше, кроме небольшой полянки, ошетилившейся короткими обсидиановыми цилиндрами, не было больше видно нового окружения Сафасс-Тина. А у Лорана не было никакого желания вернуться и полюбопытствовать.

В густой мускусной траве неподалеку раздался кашель. Лоран пополз туда на четвереньках и нашел своего товарища, задыхающегося и судорожно сжимающего грудь. Грязные и покрытые кровоподтеками, они минут десять сидели, успокаивая дыхание.

Лоран почувствовал жжение на лопатке, ощупал спину и коснулся маленького, теплого и бархатистого шара. Он не мог оторвать его от рубашки и хрипло спросил: — Что это?

Дарсель дал ему знак повернуться и осторожно снял карликовую обезьянку, вцепившуюся когтями в ткань. Животное, как видно, упало с дерева и теперь держалось за рубашку, как за якорь спасения. Лоран погладил пальцем шелковистую шерстку на крошечной мордочке. Животное было мертвым. Оно умерло, без сомнения, от страха. Заркассские охотники заставляли этих обезьянок

падать с веток от разрыва сердца, просто неожиданно хлопнув в ладоши.

Как раз когда Лоран подумал о туземцах, свистки и носовые звуки слышались с берега реки.

2

— Эй, мсье Лоран! Эй, мсье Дарсель!

— Это Зинн, — сказал Дарсель. — Эй, сюда, дружище!

Послышался характерный и странноритмичный шелест. Лоран улыбнулся.

Они ведут гусеницу.

Дарсель встал, ощупывая руки и ноги.

— Гусеница — самое лучшее... Я ничего не сломал, но очень охотно позволю везти себя до лагеря.

Метрах в тридцати толстомордая голова раздвинула листву; за головой следовало цилиндрическое желтоватое тело с шестью когтистыми ногами и восемью ногами-присосками. Зинн сидел на спине животного, небрежно пропустив ногу в пряди его гривы. Он поднял руку, приветствуя землян.

Опираясь на хвост, гусеница-лев воспользовалась этим, чтобы выпрямить тело под прямым углом, чуть не сбросив своего наездника. Она издала довольно неприятную трель, и ее морда потеряла свой львиный характер, когда пасть раскрылась, как распускающийся цветок, только вместо тычинок там была опасная и влажная коллекция ножниц.

Ругаясь на своем языке, Зинн ткнул остроконечной палкой в ямку между глазами животного, и оно послушно опустилось на ноги.

— Вот как? — сказал Лоран. — Ты не можешь уже ее удерживать?

Зинн глупо рассмеялся.

— Она очень испугалась, мсье Лоран. Она одна осталась в живых. Все остальные погибли от великого гнева Сафасса.

— Мы и сами-то... Раненых нет?

— Все в порядке, — сказал туземец, ставя ногу на землю, чтобы помочь двум мужчинам устроиться.

Они взобрались в корзину, сплетенную из жесткой шерсти той же гривы, со спинкой из шнуров и ремней с помпонами — терпеливой работой горных женщин в разном для каждого племени стиле.

Дарсель коснулся ногой грязной перевязки на груди гусеницы.

— Она ранена?

— Нет, — сказал Зинн, — просто у нее чесотка. Я приложил гудрон.

Он уселся перед ними и заставил гусеницу повернуться, потянув ее руками за антенны. Они поехали в лес. И Лоран снова восхищался службой животного, которое, благодаря ногам-присоскам, перелезало через группы поваленных деревьев, переходило через овраги сильными изгибами, прорубало дорогу в занавесе из лиан тремя кусками челюстей.

Никакая машина, изобретенная человеком, не могла бы... может быть, танк... но он шумный, неуклюжий и, во всяком случае, абсолютно нерентабельный.

Между двумя качаниями Дарсель что-то пробормотал.

— Что?

— Я о колоннах расплавленного стекла в старых кратерах вулканов. Они вытолкнуты из своих базальтовых футляров, как телескопы, давлением лавы.

— А мне, — недовольно бросил Лоран, — плевать на твою геологию. Мы не... — он прикусил язык, недоверчиво косясь на спину Зинна. Нет, весьма мало вероятно, что старина Зинн — агент Столицы, шпионящий за ними, но ему не обязательно знать, что оба землянина — опереточные геологи, и что эти горные исследования скрывают гораздо более важную цель. Магнитные отметки, коллекции камней? Простой предлог!

Речь идет обо всем будущем Заркаса, далекого протектората Земли!

Охваченный новой и странной страстью к геологии, электронщик Дарсель излишне часто забывал, что он здесь для битвы. И Лоран необразованный, Лоран проворный, Лоран — человек грубых ударов, не раз напоминал ему об этом.

— Нам бы только добраться до холмов Шантаг, — сказал он, — вот что меня интересует.

Дарсель открыл рот для ответа, но получил удар по лицу целым пучком листьев, потому что гусеница без предупреждения стала продираться сквозь заросли алепака — весьма странного названия этой растительности со скверным характером, которое фамильярно называли дерево-оплеуха.

Полусмеясь, полузлясь, они двигались под ливнем жестоких ударов, защищая лицо руками. Все тело гусеницы резонировало от порки, которой она подвергалась с полнейшим безразличием. Она даже остановилась по-

щипать травы, но Зинн снова пустил ее в ход резкими ударами палки между глаз. Скоро они очутились в самой гуще такой звучной трепки, что начали считать шутку излишне продолжительной, но внезапно оказались на свободе, с гудящей головой и красными ушами.

Лоран повернулся, чтобы обругать шлепаков, но деревья, изгнав непрошенных гостей, снова застыли в презрительном молчании и неподвижности.

Подбодренная массажем, гусеница шагала, выгибая спину и вытягиваясь, по шести метров зараз. Она поднималась на головокружительный отвесный пик, возвышающийся над джунглями и рекой!

— Ох ты, шлюха! — сказал Дарсель. — Останови ее, Зинн!

— Заткнись и закрой глаза, — сказал Лоран. — Иди себе, девочка, не обращай внимания на этого хлюпика.

Рыжий лихорадочно стал обматывать плети гривы кругом тела, подражая Лорану, которому его юмор не мешал быть осторожным.

Гусеница достигла края пустоты и выплюнула на скалу коричневую слюну.

Затем она опрокинулась в сторону и повисла на клейком кабеле, тянувшемся из ее горла. Они без толчков опустились к кронам деревьев, слегка поворачиваясь вокруг своей оси, как груз на резинке, пронесли над растительным куполом, запутались в венчиках дуба-цветка и снова очутились на земле. Гусеница, щелкнув челюстями, оборвала липкий кабель. Он взлетел, как кнут, и обрушился в кустарник на половину высоты скалы.

Лагерь был там, на красном пляже на берегу реки. Заркасы уже выкрикивали приветствия. Запах жира карликовых обезьян поднимался к деревьям, которые в охряном вечере выглядели непонятными иероглифами.

Лоран поднял глаза. Театральный купол над джунглями, громадное солнце Альфа, продырявленное желто-розовыми ранами.

— Притворщик! — сказал ему Лоран и полез под тент, спасаясь от москитов.

3

Резкий укол в основание черепа заставил Лорана застонать во сне. Он повернулся на бок. Второй укол заставил его рывком сесть на матрасе. Он ошеломленно смотрел на пустое ложе Дарселя, который встал раньше.

Третий укол вырвал у него приглушенное ругательство. Это не комар, это вызов по радио.

Он сделал вид, что ковыряет в зубах, и слегка повернул фальшивый клык, включив таким образом селектор, который он носил в челюстной пазухе.

Он услышал серию цифр, взял булавку и снова стал ковырять в зубах. Контакт булавки с металлической пломбой малого коренного зуба посылал кодированный сигнал за тысячи километров: «Повторение, повторение, повторение...»

Далекий оператор передал еще два раза серию цифр. Лоран незаметно записал их в записную книжку, прочитал записанное и снова коснулся булавкой коренного зуба:

— Один, семь, три, два, четыре, девять, двенадцать, пять. Спасибо.

Сигнал конца передачи, слышимый ему одному, болезненно отозвался в черепных костях.

Он лег на живот в благодетельной тени палатки и развернул карту. Он несколько раз сверил цифры с картой и ткнул черным от тропической грязи ногтем в северную часть района, рядом с Низкими Лесами.

Вполголоса ругаясь, он вырвал страницу из записной книжки, разжевал ее и проглотил, сложил карту и вышел из палатки, жмуря глаза от яркого послеполюденного солнца. Он потянулся, зевнул и пошел к реке, пиная по дороге испорченные консервные банки, валяющиеся вокруг лагеря.

Дарсель вымыл в реке свои сапоги и медленно возвращался к берегу, внимательно рассматривая в лупу овальный камешек.

Лоран почесал растрепанную черную бороду, положил руки на бедра и крикнул:

— Дарсель!

Рыжий поднял голову и заторопился вперед, подкидывая камешек на ладони. Когда он подошел поближе, Лоран спросил:

— Ты нашел там что-нибудь интересное?

Дарсель насмешливо ответил, подняв брови:

— Хо, хо! Очень любопытно, очень, очень любопытно! — и сунул Лорану под нос свою находку.

Лоран чуть не разразился хохотом, но сказал вполголоса:

— Брось ты это, ради Бога! Даже туземцы будут хохотать. Это же помет спокса.

— Это камень...

— Нет же, помет спокса содержит известь, которая твердеет от влажности. В некоторых районах его употребляют для строительства.

— Вот как! — Дарсель бросил камешек в вонючий ил пляжа.

— К тому же, — добавил Лоран, — после твоего провала по поводу вулканических извержений...

— Знаю, знаю!..

— ... тебе следует обуздать свои геологические претензии... И замкнуться в электронике, умник!

— А пока у меня нет работы по специальности, должен же я что-нибудь делать, чтобы не умереть со скуки! Проходят недели, а мы все ждем...

Лоран с таинственным видом положил руку на локоть Дарселя и скосил глаза вниз по течению реки. В бухточке купались два туземца, плеща в лицо себе и размахивая руками наподобие мельницы. Они громко смеялись, то есть выпускали звуки, удивительно напоминающие плач младенца. Пятеро других сидели кружком в тине. Время от времени они поднимали руку или обе, склоняя свои большие головы, или колотили кулаками по земле, следуя сложным правилам их обычной игры.

Один был исключен из игры и покинул круг. Он вышел на берег своей тяжелой походкой. По розовому цветку его кожи видно было, что он скоро начнет линять.

Лоран obeжал глазами окружающее пространство. Лес-галерея обрывался метрах в двадцати от них. Кругом было много свободного пространства, и мужчины не боялись быть подслушанными.

— Я получил сообщение, — сказал Лоран.

— Уголком глаза я видел, как ты трогал свой зуб. Наконец-то.

— Треугольник упал в Низких Лесах.

Лицо Дарселя приняло неожиданно восхищенный вид ребенка перед елкой. Он заорал:

— Юпиинин!

Семейство рогатых батрасов выскочило из тростникового островка и бросилось в воду. Гусеница-лев, спавшая в тени, подпрыгнула в воздух метра на три. Заркасы повернули свои большие головы к людям и залились смехом. Один только Лоран не увидел в этом ничего смешного.

— Идиот! — сдержанным голосом сказал он, вернулся в палатку и бросился на свой пневматический матрац. Успокоившись, сюда же пришел и Дарсель с пристыженным видом. Лоран пожал плечами:

— Ты что, не можешь контролировать свои реакции? Нам еще придется лодырить до отъезда, иначе носильщики установят прямую связь между твоим радостным криком и нашим отъездом.

— Ты придаешь им слишком большое значение...

— Да? Я не удивлюсь, если между ними находится хотя бы один образованный заркасец, специально представленный следить за нами.

Он бросил подозрительный взгляд на туземцев, продолжавших свою игру, и потом на густые джунгли с зубчатыми драпировками лиан в десять метров высотой, и еще больше понизил голос:

— К тому же, я не нахожу, что есть из-за чего поднимать флаги. Твои коллеги, наверное, уже послали группу в холмы Шантага. Он упал в Низких Лесах. Ошибка в шестьдесят километров.

Смесь энтузиазма и негодования окрасила щеки Дарсея.

— Ты отдаешь себе отчет в исключительных трудностях, которые они преодолели. Мы почти ничего не знаем о Треугольниках. Нужно быть гением, чтобы блокировать Треугольник в полете. А ты придираешься к шестидесяти километрам. Наоборот, это чудесно! Изумительно малое расстояние!

— Я вижу только одно, — прервал его Лоран, почесывая бороду, — что аппарат, по всей вероятности, разлетается на куски на скалах холмов. А в Низких Лесах он погружается в тину болот. Как ты подойдешь к членам экипажа, если они выжили? С белым флагом?

— Ох, ты же знаешь, какие у нас сведения! Неизвестно даже, из чего у них машины — из хромированной стали или из пирога с клубникой. Известно только, что они треугольные. Может, они живые? Может это не аппараты, а большие глупенькие ушки, способные перелетать с планеты на планету...

— И исчезать, как мыльные пузыри, в субпространстве, как только к ним приблизятся на... сколько там?

— На двести восемьдесят километров. Без сомнения, это соответствует круглой цифре по их системе счета... — и Дарсель сделал широкий идиотский жест: — Ох, дружище, подумай только! Это приключение с большой буквы! Они научат нас куче всяких вещей!

— Они научат! — передразнил его Лоран. — Не забывай, что они наши враги. Во-первых, они никогда не отвечали на наши авансы за сорок лет, как мы

встретили их в космосе; во-вторых, заркаское правительство не удовлетворится отказом от нашего протектората, намекая на таинственные мощные связи; в-третьих, мы знаем от наших агентов, что Треугольники высаживаются на поверхности Заркаса совершенно спокойно, с согласия заркасцев, а для землян зона полюсов запретна; в-четвертых, за восемь месяцев у нас исчезло двенадцать аппаратов с командой и оборудованием и без всякого стоящего объяснения.

— Что ж, я только хотел сказать...

— А ты, инженер-придурок, собираешься подойти к ним и выламываться: «Мои дорогие собраты, мы в восторге от достижений вашей техники. Я буду вам бесконечно признателен, если вы сообщите, какими математическими данными вы располагаете, чтобы по желанию исчезать в субпространстве...» Это война, дружище!

Дарсель запустил обе руки в нечесанные волосы, как возбужденный мальчишка.

— Все это я знаю. Но, может быть, удастся договориться с ними по доброй воле... Ну, я хотел сказать, что мы подбираемся до исключительно интересной штуки.

Лоран жестко улыбнулся и пожал плечами.

— Ты уверен, что мы доживем до этого момента? — он потер сапоги один об другой, чтобы отодрать комки грязи. — По доброй воле!.. Человек всегда хочет убедить себя, что в конце концов разум, доброта, справедливость, братство должны вытекать одно из другого. Даже перед лицом реальности мы подсознательно рохли. Как Треугольники могут дышать, скажем, азотом и гелием, если они дышат — так и их мораль может быть основана на прекрасной агрессивности, на добром страдании... — он перебил себя с удивлением. — Я, кажется, сошел с рельсов!

— Я как раз это хотел сказать.

— Возможно. Но я и сам это заметил. В этом моя сила. Слова, знаешь ли, это ноты и музыка. Красиво, но уводит в неопределенность. Я не создан для логики, у меня только интуиция. И моя интуиция говорит мне, что мне необходимо выпить глоток...

4

К вечеру Зинн сообщил, что гусеница-лев больна. Мужчины раздвинули полукруг туземцев, державшихся от животного на почтительном расстоянии. Гусеница извивалась на земле, ее тело было наполовину покрыто

красной чесоточной сыпью. Из-за ее мощных скачков к ней нельзя было подойти. От нее пахло прогорклым жиром.

Лоран спросил, не может ли он чем-нибудь помочь.

— Нет, — сказал Зинн. — Я думал вчера, что это зеленая чесотка, а оказывается, красная.

— Так что?

— При красной чесотке гудрон не помогает.

— Она умрет?

— Нет, если ее разрубить. Останется только голова... с передним мостом. — Довольный тем, что ему удалось вернуть столь элегантно-техническое слово, он подобрал хворостину и коснулся середины туловища гусеницы. — Третье кольцо! Рубить надо здесь.

— А зачем нам гусеница без тела? — спросил Дарсель.

Туземцы залились смехом.

— Оно вырастет, мсье, быстро вырастет, за три дня.

Привыкшие ничему не удивляться, оба землянина не шелохнулись. В конце концов, если земные черви, разрубленные пополам, могут регенерировать, то почему бы не сделать того же и заркассской гусенице? Но три дня! Учитывая местное время, это составит девяносто часов.

— Мы не можем ждать так долго! Завтра утром мы идем пешком. Вы понесете ящики.

— Все равно ее надо разрубить, мсье Лоран, и сжечь все дурное. С утра выходим, если вы хотите, но половину гусеницы потянем на поводке. Это куда лучше, чем целую. А через три дня у нас будет совершенно новенькая красавица.

Обходя вокруг гусеницы, чтобы иллюстрировать свои объяснения, он прошел под большой веткой шлепка на краю леса. Находясь в очень благоприятном положении, дерево отвесило ему такую пощечину, что он отлетел метра на два. Товарищи Зинна застонали от радости. Зинн встал в ярости, и люди стали свидетелями странной сцены.

Зинн посмотрел прямо в глаза одному из смеющихся, и тот упал, обхватив голову руками. Зинн смерил взглядом другую жертву, и она тоже упала рядом, как сбита хлыстом. Остальные удрали к пляжу.

Дарсель удивился.

— Ты не знал этого? — спросил Лоран. — Это их трюк. Я уже видел подобное, но ничего не понял. Как ты это делаешь, Зинн?

Полностью обретая свое достоинство, заркасец соблаговолит улыбнуться.

- Я убиваю взглядом, но только немного.
— Ты добрый. А можешь убить и совсем?
Зинн покачал головой:
— Нет! Нужны многие против одного.

Они выбрали неподалеку два молодых сросшихся дерева, с силой развели их и согнули до земли с помощью веревок, кольев и блинных объяснений. Затем они подвели веревки под гусеницу и сообща затянули ее между деревьями. Когда животное оказалось на нужном уровне, Зинн крикнул; удар топора освободил согнутые стволы, и они зажали гусеницу поперек тела. Она извивалась, как могла. Хвост ее стучал по земле, обдирая кору с деревьев и раскидывая веером кустарник. Морда ее раскрылась, выплевывая липкую слюну. И запах гусеницы стал совершенно непереносимым.

Лоран попросил выстрелить из карабина позади торакса, чтобы разъединить рудиментальный пучок. Методу не хватало точности, потому что гусеница затихла только после пятой пули. Она как бы уснула от изнеможения. Только задняя часть ее тела, запачканная грязью и увядшими листьями, вздрагивала, когда на нее сыпались пули.

Туземцы целый час выбирали лианы в лесу, еще час сплетали из них опасно шершавую веревку. Встав по обе стороны гусеницы, как дровосеки, они обмотали руки тряпками и стали тянуть веревку взад и вперед мощными усилиями. Распиловка гусеницы длилась до вечера. Гигантский обрубок был заклеен глиной и свежими листьями.

Решив не сжигать остаток тела, его откатили к реке. Оно медленно скатилось в бухту, и на него тут же набросились хищные птицы и челюсти невидимых рыб.

В течение ночи земля дрожала дважды, но не очень сильно, заставляя только кричать обезьян. Как будто Верхняя Страна была огромным животным, возмущавшимся запахом людей, гнездящихся на его спине.

5

На рассвете обнаружилось, что вся вчерашняя работа пошла насмарку. Глаза ампутированной гусеницы потускнели. Торакс был твердым, как ствол дерева, местами обглодан и покрыт маленькими речными крабами. Пришлось идти без транспортного средства.

Покидая высоты, Лоран бросил взгляд сожаления на север, в направлении холмов Шантаг, которые начинались в джунглях в двух днях пути отсюда. Затем он покорно повернулся к холмам, ведущим к Нижней Стране, пытаясь что-то разглядеть за горизонтом в утреннем тумане. Он со вздохом пробормотал:

— Шестьдесят километров! — и посмотрел на колонну носильщиков, на ящики, качающиеся над высокой травой, как флотилия лодок на море. Он поднял оружие на плечо и ускорил шаг, не обращая внимания на раковины горных ежей, хрустевшие под его ногами. Он догнал Дарселя, шевелюра которого пламенела на ветру. Тот отгонял мух, размахивая шляпой.

Внизу, на извилистой тропинке, носильщики размеряли свой шаг свистками. Один из них вдруг остановился, положил свой груз на траву и стал чесать руку узловатыми пальцами. Он сорвал сначала лоскут, и потом всю кожу от локтя до кисти, как чулок, и бросил на землю, словно это была кожура банана. Он снова сунул в зубы костяной свисток, висевший у него на груди, поставил ящик на широкую плоскую голову и догнал остальных. Его свист включился в общий концерт. Одна его рука была тускло-розовой, а другая блестела новой коричневой кожей.

Лоран по дороге споткнулся о брошенную кожу. Через плечо он окликнул туземца:

— Эй!

Туземец замедлил ход и повернул голову. Это был Зинн. Лоран крикнул:

— Если ты будешь линять передо мной, я дам тебе пинка в зад!

Туземец заторопился на тяжелых толстокожих ногах, складки толстой кожи мягко болтались, свисая с половины бедер, как короткие штаны, у которых оборвались бретели.

— Не могу видеть, — продолжал Лоран. — Противно. Хоть бы они прятались, проделывая эту гнусность.

Дарсель перевел разговор.

— Как по-твоему, где мы будем сегодня вечером?

— Фу! — плюнул Лоран. — Внизу плато, только и всего. Если повезет, сможем остановиться на берегу Реки Бога. А завтра нам болота!

Дальше они шли не обменявшись ни словом в течение двух или трех часов. Перед ними слабый уклон плато, казалось, все время обрывался в пустоту. Травы, позолоченные утренним светом, выделялись, как солнечная грива, на темно-синих глубинах, еще тонувших в тени.

Но по мере их продвижения край отступал. Очень постепенно плато спускалось к Нижней Стране.

Размеренный свист носильщиков таил в себе что-то гипнотическое, и волей-неволей люди соизмеряли свой шаг с шагом заркасцев. Маленькая колонна двигалась с регулярностью тысяченогого робота.

Дойдя до противоположного края плато, туземцы прекратили свой свистковый концерт. Один за другим они ставили ящики на землю и закрывали лица руками.

— В чем дело? — спросил Лоран, но затем остановился и придержал Дарселя за рукав. Его палец указывал на что-то. Метрах в двадцати они увидели, как травы сами собой сминаются, словно на них танцевали невидимки.

— Что это? — спросил Дарсель.

— Духи! — шепнул Лоран.

— Какие духи?

Лоран жестом велел ему замолчать и повернулся к Зинну, который со страхом наблюдал за феноменом сквозь пальцы, закрывающие лицо.

— Зинн!

— Да, мсье Лоран? — плаксиво отозвался Зинн.

— Прогони их!

— Трудно, мсье Лоран. Их много. — Его заячья губа дрожала на желтых деснах.

— Гони их, черт поberi!

— Я бы рад, мсье Лоран. Но нужно действовать очень осторожно. Я не хочу рассердить их.

Он наклонился и сорвал две горсти травы. Держа по пучку в каждой руке, он стал медленно вертеть ими в воздухе, тяжело и хрипло дыша. Затем он откашлялся, запел ритуальную песню и медленно пошел вперед, делая два шага, а затем на шаг отступая.

Другие смотрели на него, слегка раздвинув пальцы у глаз, и тоже тяжело дышали. Видно было, как вибрируют их адамовы яблоки, заставляя дрожать двойной подбородок и жирные щеки. А Зинн все продвигался: два шага вперед, один назад, осторожно и медленно.

— В чем тут дело? — тихо спросил Дарсель.

— У них большое воображение и невероятной силы психика, — объяснил Лоран. — Достаточно одному увидеть, как шевелится трава, и если ему придет в голову, что тут действует дух, он невольно сообщит свои предположения другим. А сила убеждения их всех заставит траву двигаться. Они сами творят феномен, но ничего не знают об этом.

— А если мы пойдем туда и докажем, что тут нечего бояться?

— Мы упадем на месте мертвыми. С этим шутить нельзя. Они будут так уверены в нашей немедленной смерти, что вызовут ее.

Их убеждение вызовет зловредное поле, которое нас быстро убьет. Но они возложат вину на духов. Пошли, посмотришь! — он повлек Дарселья по следам Зинна, который продолжал свое кривляние и дышал все так же хрипло. — Только не обгоняй его.

Рекомендация была излишней. Впечатлительный Дарсель шел весьма неохотно. Постепенно они стали чувствовать, как их охватывает безымянный ужас. Идя следом за Зинном, они подошли почти к самому краю водоворота трав. Таинственный ветер колыхал сухие стебли во всех направлениях.

Водоворот, казалось, отступал при приближении Зинна, удаляясь на несколько метров. Зинн осмелился поставить ногу в середину примятых, но теперь неподвижных трав. Водоворот пошел вкось, затем направился к западу и потерялся вдали за грядой земли.

— Уф! — сказал Дарсель.

Лоран бросил на него иронический взгляд.

— Шекочет нервы?

Дарсель пожал плечами и указал на Зинна, который вытирал пот со лба горстью травы.

— А он? — спросил Дарсель. — Насколько я понимаю, он убежден, что его мельничные движения смогли отогнать феномен.

— И он прав, — заключил Лоран, дружески хлопая по плечу Зинна. — Недаром говорят, что вера творит чудеса, не так ли, парень?

Зинн бросил свои горсти травы. Он показался совсем истощенным от умственных усилий и не ответил на фамильярное обращение Лорана, а только пробормотал что-то своим плаксивым голосом.

— Что он говорит? — спросил Дарсель.

— Что духи съели у него половину мозга, но он чувствует, что все уже восстанавливается, а духов удалось отогнать.

— Да, да, мсье Лоран, духов отогнали, — подтвердил уземец, растянув рот в усталой улыбке.

Они вернулись к остальным, которые уже снова подыали ящики. Зинн украдкой куснул себя за плечо и порвал кусок кожи. Лоран отвернулся.

К вечеру они увидели в глубине долины мерцающие извилины Реки Бога.

Они вошли в фантастическую страну, где деревья с черными ветвями магическими силуэтами вырисовывались на перламутровом небе. На краю болот клохтали длинноклювые. Со всех сторон слышалось пение насекомых, иногда такое сильное, что напоминало шум большого пожара. По черным стволам ползли фосфоресцирующие улитки, как светящиеся капельки. Носильщики на ходу проворно хватали их и отправляли в рот. Когда они выплевывали голову и кожу, казалось, что они плюются искрами.

Люди, однако, не чувствовали очарования декорума, поскольку были слишком заняты отпугиванием moskitov, безжалостно объедавших их лица и руки. Лоран поднял воротник, туго застегнул его булавкой и безостановочно хлопал себя по затылку, лбу и рукам. Что касается Дарсея, то он упростил проблему, обвязавшись платком и сунув руки в карманы.

В декоруме было что-то дьявольское. Из-за этих сверкающих телес, как бы висящих в воздухе, рукава реки, болота и лужи казались раскаленным горном, где переливались желтые, оранжевые и красные огни, а когтистые руки больших деревьев как бы взывали к демонической власти, чтобы освятить проклятую жидкость. Освещенные снизу усталые лица землян выглядели морщинистыми трагическими масками.

Болота все более и более сжимались, становились прудами, сообщающимися между собой рукавами реки, куда люди погружались до пояса.

Лоран выбрал островок посуше и поставил палатку. Совершенно разбитые, они залезли в спальные мешки и погрузились в сон. Туземцы воспользовались свободой и принялись пожирать моллюсков, а затем зажгли факелы, сели кружком и пели до поздней ночи, хлопая в ладоши. Затем они тоже уснули прямо на земле, прижавшись друг к другу. Постепенно из прудов поднялся вонючий туман, растушевавший контуры островка. Даже насекомые замолчали.

Плеск текущей воды, хор мощных водоворотов, волны, вырывающие глыбы глины с берегов и фантастический поток мертвого дерева с островов — все эти звуки наполняли ночь. Это был громовой голос Реки Бога, которая с ворчанием неслась к Нижним Землям.

Дарсель был разбужен среди ночи страшным свистом. Он вскочил и дернул спальный мешок Лорана, но оказалось, что Лоран уже стоял среди туземцев. Все смотрели на небо, откуда лился голубоватый свет.

Дарсель подбежал к ним. Очень высоко, над точкой, расположенной на юго-востоке, кружились три сверкающих треугольных пятна. Дарсель увидел, что рот Лорана произносит слов «Треугольник». Оглушенные, они прижали руки к ушам и наблюдали за маневрами космических кораблей. Аппараты шли по спускающейся спирали. Шум усилился. Треугольники исчезали за деревьями. После минутной вспышки страшного света на лес снова упала ночь. Шум стал более низким и затем резко смолк.

Пока туземцы тараторили меж собой, Лоран увел Дарселя в палатку. Там он зажег лампу, и Дарсель увидел, как тот гримасничает и тербит свой фальшивый зуб.

— Вызов?

Лоран ответил жестом, медленно и тихо повторяя сообщение.

Затем он коснулся острием булавки коренного зуба легкими, почти незаметными движениями.

Наконец он воткнул булавку в воротник рубашки и потянулся со вздохом.

— Ну? — спросил Дарсель.

Лоран раздраженно хмыкнул.

— Нас официально извещают, что треугольники приземлились в интересующем нас районе, на тот случай, если мы сами ослепли. Приказано подойти к ним как можно близко и проследить за их поведением и поведением их команды, если таковая окажется. Точные рекомендации: оставаться в укрытии и наблюдать, не показываясь им...

Дарсель возбужденно шелкнул пальцами.

— Наконец-то мы узнаем, на кого они похожи!

Лоран пожал плечами.

— Дурак, мы решительно ничего не узнаем. У нас весьма мало шансов найти их там через восемь дней. Возможно, нам понадобится и больше дней, чтобы добраться до того места. Кроме того, есть еще одна вещь... — он немного помолчал и добавил: — Теперь я уверен, что среди носильщиков есть один развитый.

— Не может быть, ты же сам их выбирал.

— И выбрал одного плохого. Когда развитый стоит голышом и выглядит идиотом, его трудно отличить от

местных обезьян. К тому же он, наверное, заставил себя выбрать. Заркасцы в какой-то мере способны внушать свою волю. В этом их превосходство над нами.

Дарсель задал сразу два вопроса:

— А как ты узнал его? И кто он?

Лоран улыбнулся.

— Он слишком старается играть дикаря. Его смех чересчур глуп. Он едва скрывает свое отвращение, когда хрустает моллюска. Он все время качается под тяжестью ящика, без сомнения, из-за недостатка тренированности. И, наконец, когда сегодня утром Зинн отгонял духов, мой подозреваемый спрятал лицо, как все остальные, но забыл гудеть горлом. Его больше интересовали наши разговоры, чем духи. С его стороны было неосторожно поместиться рядом со мной, поэтому я и заметил, что он не ворчал. Он маленький, худой, его зовут Гозо. Уж поверь мне, он здесь не для того, чтобы таскать ящики, а для того, чтобы следить за нами.

Не ожидая комментариев своего товарища, Лоран погасил лампу и полез в спальный мешок. Дарсель потряс его за плечо в темноте:

— Лоран!

— Ну?

— Ты намереваешься его ликвидировать?

Зевнув, Лоран ответил:

— Лучше не надо. Я думаю, это было бы нетрудно, но... А! Посмотрим! Спи и не думай об осложнениях. Завтра у нас тяжелый путь.

Они зарылись в мешки с головой, чтобы не слышать грохота двух громадных деревьев, которые дрались, как тряпичники, в двухстах метрах от палатки. Сражение длилось, наверное, не один год. Деревья-близнецы, теперь два гиганта, сделали врагами. Случайно они росли на небольшом расстоянии друг от друга. Затем из ветви стали соприкасаться, и они обменивались ударами листвы, обламывая сучья. Дальнейший рост позволил им почти обняться, и они боролись, стараясь вырвать друг друга с корнями, их гибкие деревянные мышцы хрустели, размахивающиеся ветви производили громоподобные звуки. Отдохнув часок, они начали борьбу снова...

Вероятно, они и умрут вместе лет через десять, но сначала дадут поколение молодых отпрысков, которые будут бороться в свою очередь и сделают эту часть леса непроходимой.

На следующий день носильщики собирали орехи аказа. Они залезали на деревья и пробирались вдоль ветвей, сгибающихся под тяжестью. Там каждый выбирал орех приличного размера, длиной и шириной с человеческое тело, обвивал его руками и давил на него всем телом, сильно тряся. Орех отрывался и падал вместе с туземцем в заросли папоротника или в воду лагуны. Гозо явно было трудно выполнять эту гимнастику.

Затем туземцы раскалывали орехи по длине, съедали часть ореха, а остальное бросали. Таким образом, у каждого оказывались по две крепкие лодочки из скорлупы. Они вставляли свои большие ступни в эту необычную обувь и, вооружившись сломанной веткой вместо шеста, испытывали их на воде. Они легко скользили по поверхности воды, все, кроме Гозо, который делал замысловатые пируэты и затем плюхнулся в воду. Все его товарищи покатывались со смеху, но Дарсель и Лоран только многозначительно переглядывались.

Лоран подошел к краю, где неуклюже поднимался Гозо. Туземец сыграл единственно возможную в этих обстоятельствах комедию: он потерял тело и, закатив глаза, сказал:

— Гозо очень болен. Гозо не может держаться на орехах аказа.

— Разве ты не можешь говорить, как все, — упрекнул его Лоран. — Говорят «Я болен», «Я не могу».

— Я Гозо болен. Я Гозо не могу... — послушно повторил заркасец.

Лоран пожал плечами.

— И так самый глупый в банде, да еще схватил лихорадку. У тебя лихорадка?

— Да, да, мой я Гозо имею лихорадку, одну, две, три.

Лоран улыбнулся и подумал: «Да, он явно переигрывает. Я точно не ошибся.»

— Ладно, — сказал он вслух, — твои товарищи перевезут тебя.

В это время Зинн заботливо обирал беловатую пленку, покрывающую орех внутри. Он скатал ее в виде сигареты и сунул в ноздрю. Лоран заметил это и крикнул:

— Нет, Зинн, брось это мне.

Зинн с сожалением повиновался.

— Если они станут курить эту гадость, они отупеют на несколько часов. Это страшный наркотик.

Зинн присоединился к остальным, которые готовили ореховые скорлупки для двух людей и для багажа.

Странная была флотилия. Зинн шел впереди, ловко маневрируя шестом и удивительными водными лыжами. Укрепленная на его талии лиана тащила за ним два больших ящика, поставленных на двух спаренных скорлупах. За ним шли два туземца в тех же условиях. Четвертый переправлял один ящик и Гозо, который трясся в хорошо разыгранной лихорадке. Два последних носильщика тянули двух землян.

Этот вид транспорта, если не считать хорошей пловчей гусеницы, был самым быстрым в этой стране, насыщенной водой. Сначала Дарсель нашел эту прогулку восхитительной. Сидя верхом на ребре двух связанных скорлупок, но с удовольствием смотрел на свои наконец-то разутые ноги, покрытые волдырями. Но через четверть часа он стал искать другое положение: у него болела поясница, и острый край перепиливал промежность. Он встал на колени и стал страдать другим манером: узлы дерева впивались в коленные чашечки, в бедрах начались судороги. Он попытался занять третье положение, опершись на борта руками, но скорлупка угрожающе закачалась и это вызвало упрекающий взгляд заркасского персонала.

Позади него Лоран стоически переносил плавание. Он положил под зад сложенную куртку, а свой карабин пристроил поперек колен.

Пейзаж становился все более водяным. Пространство блестело, как зеркало. Большие корни затонувших деревьев образовали лабиринт аркад, где неистовали тропические мухи. Время от времени из глубины лагуны поднимались клубы гнилостного газа, высвобождаемые ударами шестов туземцев. Кучи мертвых деревьев и водорослей кружились в борозде лодочек. Иной раз Лоран замечал среди них лоскуты кожи, которые Зинн, не боясь упреков, поскольку находился далеко, с увлечением сдирал с себя.

Полуящерица, полурыба — гавиак следила за экспедицией, перепрыгивая с корня на корень. Она кричала «хаха» почти человеческим голосом, крутя большими глазами, затем нырнула и выскочила прямо перед скорлупой Лорана. Она снова крикнула «хаха», три раза ударила изогнутым клювом по полной личинок оре, поймала некоторых и снова прыгнула в лагуну, выныривая на поверхность там, где ее меньше всего ожидали. Она даже рискнула забраться на нос скорлупы и опять сказала

«хаха», искоса поглядывая на Лорана. Он хотел смахнуть ее дулом карабина, но гавиак оказался проворнее, нырнул и больше не появлялся.

Они долго плыли в этом нереальном мире, где везде было небо — и сверху, и в отражении в воде. Далеко впереди Лоран видел согнувшегося над шестом Зинна, исчезающего под аркадой и через некоторое время возникающего снова. Против света туземцы казались китайскими тенями.

Постепенно возникло глухое ворчание, усилилось, стало оглушительным. Лодочки поплыли быстрее, заркасы ударили шестом только раз за двадцать метров.

Они на полной скорости прошли под театральным занавесом лиан и ловко съехали на внутренний уровень воды, в обширную котловину, окруженную низкими водопадами, певшими на разные голоса.

Эта игра возобновлялась много раз. От одного уровня воды к другому они вышли, наконец, в грохочущий рукав. Измученные тряской люди держались с трудом. Дарсель неуклюже повернул голову, чтобы бросить хилую улыбку своему товарищу. Но туземцы, благодаря долгой практике, отлично сохраняли равновесие и вопили от возбуждения, как дети. Тот, кто тащил Лорана, добрых пять минут не опускал шест в воду. Он пользовался им, как балансиром, и только наклонял тело вправо или влево, чтобы не столкнуться со скалами, как слаломист. Издавая торжествующие вопли, он обогнал экипаж Дарселя. Лоран увидел странно искаженное лицо Дарселя и хотел крикнуть своему вознице, чтобы уменьшить его рвение.

— Послушай-ка, ты... — но из-за грохота водопада не услышал собственного голоса, покорно стиснул зубы и закрыл глаза.

Через несколько минут он открыл глаза и увидел себя среди бушующего моря. Над ними широко распахнулись глубины неба. Деревьев не было. Течение крутило мышцы воды вокруг лодочек. Они дошли до Реки Бога.

Лоран сосредоточил свое внимание на стиснутых руках и ждал смерти. Но смерть задерживалась, минута, еще минута... Смерть не пришла.

Через какой-то долгий промежуток времени лодочка пошла спокойнее, и Лоран поднял голову. Он снова увидел деревья, под листвой вилоь спокойное течение. Он с изумлением оглянулся.

— А где же остальные?

Лодочник повернул к нему свое лицо и скорчил радостную мину.

— Все позади, мсье Лоран! Даже Зинн! — Он затянул песню победы своим удивительным гнусавым голосом и замахал шестом над головой. Его импровизированные куплеты говорили, что Зинн ничего не стоит, что Зинн слишком стар, что он не навигатор, что он держит шест по бабьи...

— А Гозо? — прервал его Лоран, воспользовавшись тем, что их было только двое, и надеясь вырвать сведения у наивного заркасса.

— Ффф! — презрительно фыркнул тот. — Гозо не человек Реки, Гозо вообще ничей, мсье Лоран. Гозо еще глупее гавиака. Он господин из города, мсье Лоран, но он не хочет, чтобы об этом говорили. Ему очень стыдно. Но ведь он богатый, очень, очень. Он дал деньги, чтобы никто не говорил, что он из города. Хи, хи, смешно! «Вы скажите, что я из деревни», — сказал он. Но ты, мсье Лоран, не скажешь ему, что я сказал тебе, что он говорил? Он даст нам еще денег по возвращении, он сам сказал. Ты ему не скажешь?

— Нет, будь спокоен, — уверил его Лоран.

Издалека слышались крики. На излучине реки появились лодочки, груженные жестикулирующими силуэтами.

— Зинн — старая баба! — орал лодочник через плечо. Он плюнул в воду и пустился вперед.

8

Палатка была поставлена на берегу золотого озера. Озеро окаймлялось мелкими плоскими волнами, лизавшими берега.

Туземцы обсуждали навигацию, купаясь в золотой от закатного солнца воде. Раздраженный своим провалом Зинн говорил громче других. Линька его закончилась, он сверкал прекрасной новой кожей. Время от времени он плескал водой на победителя, не скупясь на проклятия.

Улегшись ничком у входа в палатку, Дарсель и Лоран разглядывали карту. Лоран сказал вполголоса:

— Пересечь озеро — сущий пустяк по сравнению с сегодняшней одиссеей. Иначе придется идти пешком.

— Я предпочитаю идти пешком, — сказал Дарсель.

— А я нет. Пешком дальше. Я вот думаю, почему Треугольники не взлетели снова. Может, нам повезет прибыть туда до их отправки. — Он положил палец на карту. — За озером саванна, легкая территория. Мы можем идти ночью и выиграть время.

— Мы даже можем обогнать носильщиков. На твердой почве они вообще менее проворны, чем мы.

— Тем более, что вес ящиков замедляет их ход. В сущности, какой же идиотский предлог для этой экспедиции! Геология, видали вы? Мы заставляем их таскать ящики с бесполезными булыжниками. Нужно было бы выбрать ботанику.

— Земные власти должны быть сейчас особенно тверды. Требования заркасцев граничат с раздражением. Нас лишили механических устройств!

— Не жалуйся! Они могли бы вообще запретить экспедицию. Посланник совершил чудеса низости, чтобы вырвать разрешение.

Дарсель вздохнул.

— Не заставляйте меня думать о подобных вещах! Посланнику плевать. Не ему ведь шлепать по грязи в Нижних Землях. Он пьет прохладительные напитки в салонах, выгибает ноги и пожимает руки. Мне надо было выбрать дипломатическую карьеру.

Продолжая ворчать, Дарсель что-то чертил пальцем на песке. Лоран наклонился.

— Что ты рисуешь?

Дарсель закончил свой рисунок и только потом сказал:

— Треугольник.

Он изобразил что-то вроде обезьяны с коровьей головой и антенной между рогами, приделывая длинный хвост колючком, но идея, как видно, ему не понравилась, и он стер рисунок ладонью.

— Смерть Треугольникам!

— Смотри! — прервал его Лоран, указывая на заркасцев. Они вышли из воды и воткнули в землю ветку. Перестав спорить, Зинн и его противник сели рядом метрах в десяти от ветки. — Они готовятся к дуэли огня, — пояснил он.

— Что это? Я никогда не слышал об этом.

— Они будут смотреть на оконечность ветки. Один будет стараться ее зажечь, а другой — погасить.

— Зажечь?

Мужчины встали, подошли к туземцам и сели рядом со зрителями.

— Кто зажигает? — спросил у одного из них Лоран.

— Зинн.

Оба противника подняли яростные глаза. По их лицам катились крупные капли пота. Дарселю показалось, что он увидел, как верх ветки слегка задымился. Он закрыл

глаза и снова резко открыл. Неужели он стал жертвой миража? Нет, дерево дымилось. Кора по краю мало по-малу стала сворачиваться. Появился маленький огонек и тут же погас, как бы задутый невидимым ртом...

Внезапно противник Зинна, потеряв силы, упал на землю, поддерживая руками голову. Зрители заволновались, в то время как ветка вспыхнула, как факел.

Зинна поздравляли, хлопали по плечу, а его противник освежал голову в озере. Земляне медленно вернулись в палатку.

— Что скажешь? — спросил Лоран.

— Удивительно! Но...

— Что?

Дарсель улыбнулся.

— Со вчерашнего дня я кое-что обдумал. Этот феномен аналогичен феномену «духов», которые шевелили траву.

— И что?

— Я думаю, что их взгляд излучает поток нейтронов. Даже у человека есть разность потенциалов между внешними и внутренними полюсами глазного яблока. Можно сознательно выключить электромагнитное излучение. Несоющая волна сфокусируется хрусталиком. Пройдя через зрачок, она произведет поляризацию электрического вектора...

— Избавь меня от деталей. Ты думаешь, что поток нейтронов может шевелить траву и зажечь ветку? А как ты объяснишь, что трава не загорелась?

— Не знаю, — вздохнул Дарсель. — Это всего лишь тень теории о сложном феномене. Я не знаю характеристик флоры Заркаса. Может, дерево ветки особо воспламеняемо, а трава огнеупорна. Думаю также, что Зинн смотрел на край ветки, а его противник фиксировал точку чуть позади, чтобы опрокинуть на пути взгляд Зинна.

— А если ты...

Громкое жужжание прервало их разговор. Оно доносилось откуда-то издалека и быстро усиливалось.

— Вот они! — закричал Лоран, показывая на горизонт. В небе появились три Треугольника, прибывшие накануне. Они сделали несколько кругов и потерялись на севере в адском шуме.

— Они... — начал Дарсель, но не кончил, так как увидел Гозо, идущего мелкими шагами по берегу озера, незаметно приближаясь к землянам.

Лоран вспылil:

— Гозо, ты же больной! Больные не ходят туда-сюда, а лежат. Не должен ли я понять так, что тебе требуется хороший пинок в некоторое место?

Гозо посмотрел в глаза Лорану, повернулся и, не сказав ни слова, медленно поплелся к своим товарищам.

— Он начинает действовать мне на нервы, — проворчал себе в бороду Лоран. — Так ты говорил?

— Их было три, — сказал Дарсель. — Я до последней минуты воображал, что мы увидим четвертый Треугольник, что они нашли способ починить первый.

— Может, они оставили им гаечный ключ. Если они хорошие механики, то мы увидим сегодня ночью, как поднимется четвертый.

Дарсель хотел стукнуть Лорана кулаком, но промахнулся. Посмеиваясь, Лоран полез в глубину палатки.

В эту ночь Лоран увидел свой первый исключительный сон. Он должен будет увидеть много других снов такого же рода, прежде чем будет вырван из этого мира силами, превосходящими человеческое понимание.

Сон? Скорее всего приступ сомнамбулизма, потому что все происходило именно так.

С закрытыми глазами, с тяжелыми жестами Лоран сел в темноте палатки и неуклюже выбрался из спального мешка. Казалось, он повиновался какому-то чужому принуждению, как марионетка, которую дергают за ниточку.

Когда он, наконец, открыл глаза, он стоял на пляже, его босые ноги тонули в теплом песке, лицо гладил свежий ветер с озера.

У него не было времени подумать, как он тут очутился, потому что перед ним вырос высокий темный силуэт, расставив ноги и положив кулаки на бедра. Это был заркасец, роста значительно выше среднего, и благородство его осанки давало впечатление необыкновенной мощи.

Лоран не видел черт лица таинственного персонажа: заркасец стоял спиной к свету, так что детали расплывались, и только глаза казались отверстиями холодного света.

Лоран хотел заговорить, но странный паралич сковал его губы, и силуэт уже сделал повелительный жест к неподвижной воде, отливающей перламутром в лунном свете. На руке заркасеца зазвенели два золотых браслета. Этот слабый чистый звук разбудил Лорана, и он перестал думать, что это сон. Его охватило глубочайшее оцепенение, в то время, как неизвестный повторил свой жест и

внезапно исчез в клубах странных запахов, где смешивались ароматы джунглей, саванн и вод планеты, как бы пришедших отовсюду.

Лоран повиновался безмолвному приказу и пошел к озеру. Он вошел в воду удивительно легко и поразился тому, что он не погружается в воду. Он двинулся по зеркалу озера, которое приятно холодило его босые ноги, и чувствовал, что его толкает дальше всемогущая вода, и побежал к перламутровой линии горизонта.

Странная мускульная эйфория облегчала его шаги по эластичной поверхности. Он чувствовал, как ветер играет его волосами и ласково гладит его обнаженную кожу. Он бежал прямо к луне, медленно опускавшейся к горизонту, и ее свет давал ему сияющую дорогу на воде.

Каждая маленькая волна была для него трамплином. Прыжки его удлинялись и превратились в полет.

Внезапно из озера возникла гигантская рука, и тьма закрыла отражение луны. Охваченный страхом, Лоран остановил свой прыжок и упал на влажные складки озера. Оглушенный, он лежал на животе, протянув руки на колеблющейся поверхности, его убаюкивал фантастический пульс колоссальной массы воды. Он поднял глаза к распростертой руке, каждый палец которой был величиной с колонну храма и, казалось, указывал на созвездие в небе.

Он услышал шелест, такой сильный, как будто рот, выговаривающий его, имел космические пропорции. И этот голос сказал:

— Не бойся.

Лоран встал и снова побежал.

Потом он встречал другие похожие руки и заметил, что они вырезаны из камня. Спокойные волны мягко бились о кисти рук.

Внезапно появилась другая скульптура: голова заркасса с широко раскрытым ртом, похожим на грот пристани. И снова Лоран испугался, но таинственный голос опять сказал ему:

— Не бойся.

По-прежнему увлекаемый странной силой он пошел к гроту, где два гигантских столкитита изображали клыки.

Лоран на минуту потерял сознание и вошел в темноту рта, как автомат. Затем он пришел в себя и увидел, что спускается по каменным ступеням лестницы, а перед ним кто-то невидимый несет дымящийся факел.

Спускался он долго и, наконец, вошел в огромный зал, весь обшитый золотом с розовым оттенком. Он остановился в центре этого зала и ждал, сам не зная чего, стоял неподвижно и стиснув зубы. Он не понимал, стоит ли он еще, как часовой, или упал навзничь, затылком на плиты пола. В голове его мелькали светящиеся фантастические образы и круги отражений. У него было неопределенное ощущение, что он лежит на столе и подвергается сложному массажу, в то время как тихий, но гигантской мощи голос говорит ему на ухо:

— Твой путь скрестился с моим, человек с Земли. Твоя кровь будет моей кровью, и я спасу свой народ.

Он очнулся на маленьком пляже, незнакомом ему; медленно накатывающиеся волны лизали его ноги.

Он встал и ошеломленно огляделся. Он заметил, что маленький пляж окружает затылок колоссальной каменной головы, выступающей из озера. Шатаясь, он прошел по влажному песку и тут же почувствовал, как по всему телу пробегают укрепляющие волны, как будто он получил какой-то неведомый стимулятор. Побуждаемый каким-то инстинктом, он пошел по водам озера в другом направлении. Он отошел от каменного лица, прошел мимо островков в форме рук, которые, казалось, были вежами на его пути в лагерь.

В лагере он проснулся окончательно, потряс головой, чтобы прогнать туман этого кошмара, который, в сущности, не был кошмаром, и с некоторой злостью сказал:

— Я должен проверить это.

Он начертил пяткой на песке большой крест, вошел в палатку и улегся рядом с Дарселем, который не шевельнулся. Затем он уснул и сон стер все его воспоминания.

9

На следующее утро они проснулись от грохота ярмарки. Они открыли глаза и увидели потолок своей палатки, освещенный восходящим солнцем. Видно было, как снаружи по полотну скатываются капли росы.

Снаружи был концерт радостных голосов, шума весел на лодках, плеска воды и звуков свистков.

Лоран поднял всклокоченную голову.

— Пробуждают фанфарами! — сказал он хрипло. — Что еще там придумали?

Дарсель выглянул и ответил:

— Гости. Большой плот, груженный арбузами и двумя десятками заркасцев. И все громко разговаривают.

Они вышли и спустились вниз, к лагерю туземцев.

На пляже Лоран увидел нарисованный на песке большой крест. Он показал на него Дарселю:

— Еще одна магия туземцев. — Он небрежно затер крест и позвал: — Зинн!

Гордый своей новой кожей, Зинн разглагольствовал в группе новоприбывших и сделал почти снисходительный знак рукой в сторону землян. Не обращая внимания, Лоран раздвинул туземцев и подошел к Зинну.

— Ну, Зиннзинн? — добродушно сказал он.

Зинн испытал ужас к такому фамильярному уменьшительному обращению, Лоран знал это и употребил его намеренно. Средство подействовало. Заркасец раздраженно взглянул на него, но покинул своих собратьев и пошел за Лораном в сторонку. Он знал, что землянин не пощадит его и будет повторять свое смешное «Зинзин» до тех пор, пока остальные не зальются смехом. А Зинн больше всего боялся быть смешным.

— Что рассказывают эти ребятки? — спросил Лоран. — Я не понимаю, когда они говорят все вместе.

— У меня с ними дело, мсье Лоран, — ответил Зинн с комичным достоинством.

— Какое дело?

— Орехи аказа в обмен на их плот. Аказы здесь редки. Их можно найти только на берегу Высокой Реки.

— А они не соглашаются?

Зинн довольно улыбнулся.

— Согласятся.

Лоран рассеянно взглянул на него и на плот.

— Но они же не смогут сложить свои арбузы и твои орехи аказа. Куда они едут?

— Напротив, в Тег-Рег.

— Предложи им простой обмен действий. Пусть они обуются в скорлупы ореха и перевезут нас на плоту через озеро. Вечером они придут на другой берег и сохраняют все. Скажи им это!

— Да, мсье Лоран, и как раз я хотел предложить им это. — И заркасец направился к группе спорящих.

— Постой, — сказал ему снова Лоран. — Естественно, во время путешествия для нас вволю арбузов!

— Да, да, я так думал!

— Встретились великие умы, — сказал Лоран, направляя Зинна на торговый путь добрым толчком в спину, и взглянул на Дарселя. — Ты слышал?

Дарсель кивнул.

— Они потащат нас, как можно быстрее, чтобы уменьшить расход арбузов. Еще до ночи мы будем на другом берегу.

Тем временем Зинн развернул все свои ораторские способности. Его толстый палец указывал на озеро, на плот, на орехи аказа. Земляне поняли, что он выиграл, когда увидели, что пришлые обуваются в скорлупы, а Зинн командует своей группе таскать ящики на плот.

Легкие волны, плещущие вдоль плота, убаюкивали лежащих рядом Лорана и Дарселя. Аппетит носильщиков усилился, благодаря бесплатности пищи, и они ели со скоростью приблизительно равной двум арбузам в час. Этот расход подхлестывал энергию гребцов, стоящих на волнах.

— Гозо почти не ест, — сказал Дарсель. — Он только делает вид.

— У этих городских маленький желудок, — сказал Лоран уголком рта, и тут же закричал. — Давай, Гозо, давай! Арбузы — отличная вещь против лихорадки. Ты к завтрашнему дню должен поправиться.

При этих словах гребцы повернули головы к плоту и усилили размах. Земляне едва сдерживали смех. Лоран включился в игру:

— Я что-то страшно проголодался. А ты? Давай-ка отведаем арбузов. Я, кажется, способен ликвидировать целую пирамиду один! — Он взял фрукт обеими руками и запустил в него крепкие зубы. Вкус жженного алкоголя заставил его скривиться, но он мужественно жевал волокнистую мякоть, удовлетворенно поглядывая на плывущую запряжку заркасцев. Плечь быстрее было просто невозможно.

Во время путешествия гребцы несколько раз меняли курс. Лоран удивлялся, зачем, и, наконец, понял, что они используют скорость некоторых течений и стараются избегать больших поверхностей, заросших тальником, который появлялся время от времени то слева, то справа.

Зинн довольно часто вставал на ящик и вглядывался вдаль, прикрыв глаза ладонью. Он разыгрывал капитана корабля. Он несколько раз облизывал палец и подставлял

его ветру, и прикидывал воображаемые трудности плавания.

Лоран беззлобно бросил ему в шею арбузное семечко и крикнул:

— Готовится шквал, капитан Зинзин!

Зинн спустился, скрывая свое недовольство улыбкой, которую он старался сделать ироничной и снисходительной.

К середине дня они увидели на горизонте гигантскую руку. Она торчала из воды с открытой ладонью, как будто тонущий титан просил помощи у неба. Это была настоящая скала, каменный островок, искусно вырезанный предками заркасцев, вероятно, по обету или чтобы умиротворить Бога озера.

Рука увеличивалась на глазах и становилась все более страшной. Подъехав ближе, они увидели, как зеленая вода танцует вокруг нее, как большая змея, и делает ей из пены подвижный манжет. Между пальцами, на высоте пятидесяти футов, гнездились птицы. На ладони были выгравированы линии, наполовину съеденные временем.

Проходя мимо, туземцы затянули хриплую песню и замахали в направлении руки веслами. Земляне попросили у Зинна объяснение, но вытянули из него всего лишь одну уклончивую фразу:

— Это рука короля.

Дальше они встретили архипелаг из трех одинаковых рук, появляющихся из озера, на одной из них не хватало двух пальцев, отбитых, без сомнения, давней бурей. Зинн сказал опять:

— Руки короля.

— Четырехрукий король, — засмеялся Дарсель.

Затем появилось полузатопленное лицо с ртом-пещерой, в которой гневно ворчали волны. Каменный гигант, казалось, полоскал горло — гротескное действие, однако, величина стерла весь комизм.

— Это голова короля, — сказал Зинн.

— Какого короля?

Зинн пожал плечами и глупо засмеялся.

Плот обошел препятствие. Обернувшись назад, земляне увидели затылок колоссальной статуи. Ее украшал маленький песчаный пляж, как золотой шарф на шее короля. На пляже виднелось несколько хижин.

— Там кто-нибудь живет?

— Иногда, мсье Дарсель, рыбаки.

— А король не сердится?

Но Зинн только покачал головой и закрыл рот, не желая выдавать фольклорные тайны. Дарсель повернулся с ироническим видом к Лорану, но вздрогнул, увидев, что его друг бледен, как смерть, прислонился головой к ящику и стучит зубами.

— Лоран, ты болен?

Лоран постарался улыбнуться, но его растерянный взгляд блуждал.

— Нет, ничего. Эта статуя...

— А что статуя?

— Она пугающая... Ты не находишь?

Дарсель наклонился к нему.

— Не говори мне, что ты испугался статуи, дружище. У тебя что-то есть. Минуту назад ты шутил, а сейчас ты вот-вот закатишь глаза.

Лоран положил ему руку на лицо и сказал:

— Я немного посплю. Наверное, я устал.

Он говорил совершенно искренне. Он ничего не помнил о том, как посещал статую прошлой ночью.

Потом встречались остатки камыша, все более и более многочисленные, потом плот пошел извилистым путем по желобам волнующейся воды, где длиннохвостые амфибии пели на листьях кувшинок. Гребцы трансформировались в бурлаков, и земляне были вынуждены взяться за дело. Без принуждения носильщиков господ не шевельнули бы и пальцем, уважая границы контракта, который не включал их мускульную работу.

После нескольких часов усилий они вытолкнули плот в более широкий желоб, который вывел их, наконец, в свободную воду. Наверстывая упущенное время, они мчались со страшной скоростью, и прежде чем солнце опустилось за горизонт, в виду показался поселок Ter-Peg.

Со своими силосными башнями поселок издали походил на набор бильбоке.¹

На берегу виднелись пироги, плоты и балансиры. Путешественников встретили звуки свистков и приветственные крики, далеко разносившиеся в золотистом воздухе.

¹ бильбоке — старинная игра. На деревянном стержне с острием на одном конце привязан на длинном шнурке деревянный шар с выемкой. Встряхивая стержень, подкидывают шар, чтобы он упал выемкой на острие. (Прим. переводч.)

Плот быстро причалил, подхваченный туземцами, они вопили и настолько полны были добрых намерений, что чуть не утопили его. Лоран и Дарсель на минуту повисли над водой, залившей их сапоги, и чувствовали, как доски пола ускользают из-под их ног. Вокруг них толпа пела, смеялась, ныряла и спорила. Лоран, наконец, повысил голос:

— Ящики, черт побери! Мы погубим ящики! — сказав это, он стал толкать одного заркасца за другим. Но плот был взят на буксир усилиями десятков добровольцев и потянулся к поселку, в то время как другие заркасцы ловили плывущие арбузы.

В грязной бухточке плавали ребяташки, и их становилось все больше по мере приближения путешественников к поселку.

Плот был вытащен в грязь, и земляне соскочили на набережную. Жирный заркасец подошел встретить их. По многочисленным браслетам на руках и ногах Лоран узнал в нем вождя. Металлические кольца оттягивали мочки его ушей. Он произнес маленькую приветственную речь своим скрипучим, гнусавым голосом со множеством гнусавых согласных. Он предлагал им устроиться на ночь в его жилище — простой соломенной хижине на сваях, увенчанной тотемом из раскрашенного дерева.

Радостная толпа провожала маленький караван до жилища. Носильщики поставили ящики между сваями. Дарсель и Лоран взобрались по лестнице до дощатой площадки. Прежде чем войти в жилище, Лоран обернулся.

— Зинн, — крикнул он, — ты отвечаешь за ящики.

Зинн кивнул и с важным видом отдал приказ.

10

На заре Лоран разбудил Дарселя. В деревне все спали. Лоран повесил на видном месте свисток с компасом — подарок гостеприимного вождя. Они спустились по скрипучей лестнице и растолкали носильщиков, спавших между ящиками. Через десять минут караван двигался по саванне, держа путь прямо на юг.

Легко было идти по этой твердой и сухой земле, поросшей шелковистой травой. Хорошо отдохнувшие на плоту, земляне пошли быстро, и носильщики часто переходили на рысь, чтобы догнать их.

Их шаги заставляли прятаться в траву странных заркасских зверей, большинство которых, похоже, были

клейкими. Лоран должен был пристрелить моллюска, ростом с собаку, который загородил им проход и пытался кусать их за ноги. Высоко в небе кружились с криком птицы.

Земляне обогнали туземцев на добрые пятьдесят метров и могли разговаривать без опасений.

— Гозо начал линять, — сказал Дарсель. — У него такой вид, словно он носит розовую куртку, проеденную молью на локтях и на манжетах.

— Из наших парней всегда кто-нибудь да линяет.

— Да, я кое-что подумал насчет Гозо: не геолог ли он?

Лоран захохотал. Он был весел, шел большими шагами, сбивая на ходу палкой головки высоких маргариток.

— Ничего невозможного в этом, в конце концов, нет, — сказал он. — Когда просили разрешения, уточнили: геологическая экспедиция, и нам вполне могли подставить какого-то типа из геологической партии. Вероятно, он спрашивал себя, что именно мы ищем, потому что наши коллекции камней не дадут ему никакого намека на нашу профессиональную ценность. — Он сшиб две маргаритки за раз и добавил. — К тому же, сейчас это абсолютно не важно. Возможно, скоро придется играть более крепко, но я не собираюсь ломать голову заранее.

Далеко позади раздались свистки.

— Ну, вот, — сказал Дарсель. — Уже начали!

Носильщики, видимо, настраивали свои инструменты. Скоро они согласились с ритмом и начали свой бесконечный походный концерт.

— Нельзя иметь все, — заметил Лоран, подумав о неудобстве навигации, вчерашнем комфорте и этой радости для ушей. — Придется тебе примириться.

Дарсель склонил голову.

— Кстати, как ты классифицируешь камни?

— В порядке величины, мой друг, а также и по форме. Овальные с овальными, остrokонечные с остrokонечными и так далее, и никогда не поднимаю ничего крупнее ореха. Иначе чересчур утомительно.

— Я большой художник, чем ты, — шепнул Дарсель, — я учитываю еще и цвет.

— А как насчет этикеток?

— Это несложно. Я ставлю цифры и буквы, — он наклонился и, не теряя шага, выпрямился, подкидывая на руке блестящий камешек, пронизанный крошечными дырочками. — Вот прекрасный образец EX 113,35.

Оба рассмеялись.

— Самое смешное, — бросил Лоран, — что такого рода комедии могут стать хорошей иллюзией для Гозо, особенно, если он геолог. Он ничего не поймет и вообразит, что мы ведем неизвестно какие поиски, основываясь на совершенно новых методах.

— Хм! — промычал Дарсель. — Не будь чрезвычайно оптимистичным. У меня впечатление, что он извивается от смеха.

Лоран повернулся к туземцам, которые понемногу нагоняли их.

— Извивается, говоришь? Во всяком случае, не так, как я, когда вижу, как он потеет под своим ящиком. Кстати, это как раз ящик с образцами. По-моему, это особенно комично.

— Не люблю культурных. Предпочитаю настоящих дикарей, вроде Зинна. Образованные одеваются по-земному, гнут из себя больших людей и презирают свою древнюю цивилизацию. Когда-то у них была блестящая цивилизация, основанная на магии и эмпиризме, а теперь они больше не хотят слышать об этом, и это очень жаль. У них нет дара к науке, и они изо всех сил стараются подражать нам.

Концерт свистков замолк и тут же сменился криками:

— Мсье Дарсель! Мсье Лоран! Обождите! Берегитесь!

— Чего беречься? — спросил Дарсель, оглядываясь вокруг. — Что они еще нашли, чтобы отравить наше существование?

Лоран отбросил палочку и снял с плеча ружье, бросая подозрительные взгляды на окружающие кусты. Туземцы кричали во всю глотку и размахивали руками. А когда они кричали все вместе, понять их было невозможно.

— Чего беречься? — повторил сквозь зубы Дарсель.

Он хотел сделать шаг к носильщикам, остановился на приличной дистанции и чуть не упал. Если бы Лоран не удержал его за плечо, он покатился бы в траву.

— Главное — не двигайся, — сказал Лоран.

Дарсель взглянул на землю. Его сапоги были оплетены крепкой красной травой, стебли которой медленно вползали на штурм его коленей.

— Теперь понял? — спросил Лоран, поднимая ружье к плечу и указывая на свои сапоги, оплетенные таким же образом. Дарсель нахмурился и спросил:

— Это плохо?

Лоран, не отвечая, повернулся к носильщикам, которые поставили ящики и спокойно ждали продолжения событий, и крикнул:

— Зинн, что делают в таких случаях? Могу я их сорвать руками?

Зинн сделал предупреждающий жест.

— Ох, нет, мсье Лоран, это жжется и объедает кожу.

— Так что делать?

— Часто поджигают... — сказал Зинн с неуверенным жестом.

— Ладно, вопросов нет, друг! Мы должны зажариться, чтобы избавиться от этой гадости. Ладно, я вижу, что на них нечего рассчитывать. Дарсель, я буду тебя держать, а ты постарайся вытащить ноги из сапог.

— А потом что?

— Увидишь.

Дарсель прислонился к Лорану, который держал его подмышками. С осторожностью и не без труда он вытащил одну ногу.

— Я же не могу поставить ее на землю, — сказал он, оглядываясь вокруг. — Что мне делать?

— Внимание! — предупредил Лоран. — Сейчас я присяду, а ты сядешь ко мне на плечи. Не упали только!

Одной рукой держа друга, он снова взял карабин другой рукой и, воткнув дуло в землю, воспользовался карабином, как тростью. Затем он медленно согнул колени, поглядывая на красную траву, которая уже оплела дуло. Он почувствовал на согнутой спине вес Дарселя.

— Готово! — сказал тот.

— Хорошо. Теперь встань на меня и прыгай за пределы красной травы. К счастью, мы не слишком углубились в нее. Ты можешь прыгнуть на полтора метра?

— Попробую. С такого положения это не слишком удобно.

Лоран почувствовал, как инженер надавил ему пятками на лопатки, затем, после предупреждения, Дарсель прыгнул. Напряженное тело Лорана сразу получило разрядку, и он чуть не упал.

Опираясь на карабин, он встал, потирая почки. В двух метрах от него Дарсель подплясывал от боли: острый шип ему вонзился в подошву. Лоран расхохотался.

— Ты удачно отделался, — сказал он. — Давай выдерживай шип и займись своим дружком, если желаешь. Стебли уже добрались до верха моих сапог. Самое время потопиться. Можешь ли ты пронести меня на полтора метра?

— Нет, — сказал Дарсель, — но я сделаю лучше.

Он опустил в небольшую впадину и вытащил два камня величиной с голову. Он уложил их возле красного пятна и пошел за другими.

— Теперь хватит, — сказал он, кладя камни в траву, как кладут их в воду для перехода.

Остальное было легко. В последний момент Лоран выстрелил в землю, одновременно сильно дернув оружие, на гладком металле стебли держались плохо, однако Лорану пришлось еще дважды повторить маневр.

Они вернулись к носильщикам, и те громко восхваляли их мужество. Зинн обезоруживающе сказал от имени всей группы:

— Если бы мы не кричали так громко, вы бы зашли бы вглубь!

— Спасибо, — сказал Лоран с горечью. — Мы не забудем этого доброго жеста.

Зинн, казалось, был удовлетворен: по его мнению, это было справедливо.

— Достань нам сменные сапоги! — резко рявкнул Лоран.

Зинн бросился открывать ящик, не скрывая удивления перед столь резкой переменой тона.

11

Прошло много дней. Земляне шептались в тени палатки.

— Ты уверен в дозе? — спросил Дарсель.

— Из предосторожности я положил две таблетки в каждый арбуз. Теперь носильщики набиты наркотиком. Сейчас посмотришь.

Он выполз на четвереньках из палатки и сделал несколько шагов к костру туземцев. Те храпели перед красноватыми углями. Лоран обернулся, чтобы посмотреть, следует ли Дарсель за ним. Дарсель остался позади, но не сводил глаз с товарища.

Лоран подмигнул и поднял руку и изо всех сил шлепнул по выпуклой ляжке Зинна. Шлепок прозвучал, как удар хлыста, но Зинн не пошевелился.

— А Гозо? — прошептал Дарсель издали.

— Что? Ты можешь говорить громко.

— А Гозо? — громче повторил Дарсель.

— Ах, этот! — сказал Лоран, возвращаясь к палатке. — На его счет я спокоен. Ну, для гарантии... — он

взял свой карабин. — Для гарантии я сейчас его ликвидирую, — сказал он громко.

Дарсель схватил его за руку. Лоран опять подмигнул и вернулся к туземцам. С карабином в руке он подошел к Гозо, правильное дыхание которого заставляло дрожать лоскуты кожи, едва державшиеся на его плече. Лоран повторил, что собирается ликвидировать Гозо, приставил дуло карабина к его виску, а другой рукой вытащил из-за пояса пистолет и выстрелил в небо.

Гозо даже не дрогнул.

— Путь свободен! — объявил Лоран. — Пошли?

Через несколько минут они покинули лагерь и углубились в лес. Кроме оружия, каждый нес рюкзак.

Пройдя первый километр, они думали только о заркасах, один из которых мог проснуться и пойти за ними. Но это означало бы, что туземцы способны на очень тонкую игру.

Немного позднее Лоран вышел из своей задумчивости и полностью осознал, что эта ночная прогулка имеет точную цель, что потерпевший аварию Треугольник находится всего в нескольких километрах и они вот-вот подойдут к нему. Легкий трепет, сладостный и одновременно неприятный, пробежал по его телу.

Как если бы мысли Дарселя шли по тому же курсу, он спросил:

— Увидим ли мы моих обезьян с котовой головой?

Лоран молча улыбнулся, а Дарсель заявил, что по его мнению, потерпевшие кораблекрушение должны были сесть на борт трех последних Треугольников, так что первая машина должна быть абсолютно пуста.

Лоран покачал головой.

— Они наверняка оставили часовых, — сказал он. — Они не могли оставить Треугольник без охраны, чтобы на него глазел первый встречный. По-моему, они собирались поднять его на воздух, но чего-то ждут.

Он вдруг резко остановился, так что Дарсель налетел на его спину.

— Почему ты остановился? — спросил инженер.

— А что, если... — начал Лоран, но не закончил.

— Что если? — допытывался Дарсель.

Лоран снова пошел вперед.

— Нет, ничего, дурацкая мысль.

Дарсель не настаивал. Он не мог видеть складку на лбу Лорана. А Лоран думал: «А если машина охраняется бомбой? И если она взорвется?» Он решил,

что не стоит беспокоить товарища такими предположениями.

Между деревьями появился свет, похожий на свет луны. Люди шли на четвереньках по вонючей грязи. Между ними и источником этого света оставалось два или три черных ствола, последняя защитная решетка.

Они миновали одно дерево, потом другое. Вжав голову в плечи, Дарсель перенес свои иллюзии защиты на простые кусты. Он непрерывно повторял с идиотской настойчивостью:

— Там еще много кустов, там еще много кустов...

Эти литении помогли ему без большой тревоги миновать последнее дерево.

Они проползли чуть дальше. Внезапно Лоран остановился.

— Смотри!

Стиснув зубы, Лоран и Дарсель медленно просунули голову между листьев и увидели...

Гигантская трапедия желтовато-розового цвета высотой в сотню метров наискось стояла в мягкой земле среди поляны, которую, без сомнения, она сама же и расширила, потому что окрестные деревья были повалены и на них по диагонали шли крупные фестоны лиан.

Земляне стояли, как бы загипнотизированные присутствием этой машины. Наконец, Дарсель выдохнул:

— Что будем делать?

Лоран провел языком по губам.

— Подождем, — сказал он. — Носильщики проспят до завтрашнего вечера, нам нечего спешить. — И подумал: «Если внутри есть мина замедленного действия, то мы проиграли. Да и в самом деле! Не для того они играли в великую тайну в течение полувека, чтобы оставить эту машину для наших рук! Конечно, они ее взорвут. Или же кто-то есть на борту... а, может быть, поблизости.»

Он огляделся, стараясь уловить мимолетное движение, угадать присутствие невидимого часового, но видел только освещенную розоватым светом листву и черные стволы, толстые, как колонны.

«Еще одно предположение, — подумал он, — что, если эти существа громадны, как... — Он посмотрел в небо, стараясь представить себе какого-нибудь гигантского мамонта с Арктура. — В таком случае, — думал он, — мы, возможно, прошли под брюхом этого часового, не видя его. Может, эти черные деревья — его ноги.»

Он недоверчиво посмотрел на стволы и пожал плечами. Затем коснулся локтем Дарселя и указал на корабль.

— Как по твоему, какой металл?

Дарсель махнул рукой.

— Не могу сказать. Отсюда он выглядит похожим на хром. Но странная люминесценция. Ох!

— Молчи!

Они застыли, увидев темную тень, медленно спускавшуюся по кораблю, держась за приставшие к нему лианы. У тени были почти человеческие пропорции, только уменьшенные. Тень скользнула на растительный кабель, перескочила на другой, не зашумев листьями. Затем она повисла на руках, и на сверкающем экране машины отчетливо вырисовывались ее формы. Она пронзительно закричала.

— Это кви,— облегченно вздохнул Дарсель.

На крик ответили другие, и на вершине аппарата появилось множество силуэтов. Кви, маленькие безобидные обезьянки, казалось, опередили людей с визитом к машине.

— Это успокаивает,— сказал Дарсель,— поскольку с ними ничего не случилось, значит и нам нечего бояться.

12

Они пошли в открытую, без всяких предосторожностей. При их приближении кви стали перепрыгивать с лианы на лиану и исчезли.

Подойдя совсем близко, они увидели широкую траншею, вырытую в земле аппаратом, который проехал по ней, как гигантский сошник, прежде чем остановиться. На металле не было никаких царапин, видимо, он ничуть не пострадал при падении. Он был весь прочерчен тонкими бороздками, равномерно размещенными.

— А что, если все это вот-вот взорвется,— подумал Лоран и поднял глаза к вершине Треугольника, вернее сказать, к его основанию, поскольку машина воткнулась носом в землю.

— Как туда входят? — спросил он.

Они обошли аппарат кругом, обдирая одежду о колючий кустарник. С одной стороны он казался слегка выпуклым, а с другой — плоским.

— В сущности, Треугольник — это часть конуса,— заметил Дарсель и погладил пальцами бороздки на металле.

— С ума сошел! — сказал Лоран.

Дарсель пожал плечами.

— Нет. Нужно же немного рискнуть. Нельзя осмотреть эту машину, не касаясь ее. Полагаю, что мы должны залезть наверх, как кви, с помощью лиан.

Он взялся обеими руками за стебель и с трудом подтянулся, затем просунул колени в петлю и сел на высоте двух метров от земли. Лиана слегка качнулась, сапоги Дарселя загремели на металлическом корпусе. Внезапно он сделал гримасу и почесал спину.

— В листьях полно кусачих насекомых, — сказал он, — и они нападали мне за ворот.

Он погрузил руки в растительность повыше и потянул. Что-то хрустнуло, и Дарсель спустился на несколько сантиметров. Он ускорил свои усилия и все-таки поднялся выше.

— Теперь я, — сказал Лоран и полез вслед за товарищем.

После утомительного часового подъема они взобрались на верхний борт шириной метра в четыре. Дарсель хихикнул от удовольствия.

— Что там? — спросил Лоран.

Дарсель показал ему на маленькие круглые отверстия, расположенные венком.

— Тяга? — спросил Лоран.

— Не знаю.

Они проползли дальше и обнаружили прямоугольную поверхность, ограниченную чуть заметными бороздками. По размерам она приближалась к обычной человеческой двери — два метра на шестьдесят сантиметров.

— Где замок? — засмеялся Лоран.

Дарсель ударил кулаком по металлу и чуть не упал: дверь повернулась на своей оси, так что одна ее половина погрузилась внутрь под кулаком инженера, а другая выступила наружу.

Лоран не переставал думать о бомбе, но скрывал свое беспокойство, шутливо восхищаясь инженером.

— Bravo! Естественно, это не просто удар кулаком: к нему был приложен твой мозг, набитый гипотезами... короче говоря, ты дал этой двери толчок, рассчитанный с помощью корня кубического из диагонали створки, помноженного на...

Дарсель ругнул его.

— Какая досада, что такой великий техник так плохо воспитан! — зубоскалил Лоран. — Но я убежден, что

ты не мог открыть эту машину простым ударом кулака.

Дарсель вынул из кармана фонарик и наклонился над трапом. Он осмотрел интерьер и, кажется, был удовлетворен. Он сел и спустил ноги в отверстие.

— Мы можем войти, — сказал он. — Это просто металлическая комната, от которой расходятся множество цилиндрических коридоров. Интересно, что внутри металл не светится. — Он скользнул внутрь, и Лоран тот час же последовал за ним.

В металлическом помещении не было ничего удивительного. Все перегородки были испещрены отверстиями, по-видимому, не служившими ни для чего. Лоран открыл свой рюкзак и для порядка сфотографировал каждую перегородку, пол и потолок.

— Пойдем по среднему коридору, — сказал Дарсель.

— Слушаюсь...

Коридор, ставший теперь вертикальным из-за положения корабля, казался скорее шахтой. Они осторожно стали спускаться, держась за стены. К тому же, спуск был значительно облегчен сотнями маленьких отверстий — круглых, овальных, треугольных, ромбических, квадратных. Из этих отверстий свисали кусочки проволоки, гибкие, как волос, и толщиной с крепкий шнур. Дарсель осмотрел их.

— Оборваны, — сказал он. — Я думаю, они все поломали, прежде чем перейти на борт трех Треугольников, которые мы видели. Они вырвали все, что могло дать какие-либо указания о них. Похоже, что мы видим пустую раковину... Однако, это не мешает тебе все сфотографировать.

Говоря это, он вырывал проволоки и набивал ими карманы. Они прошли через многие квадратные залы, спотыкаясь о многочисленные обломки всякого рода. Можно сказать, это была свалка железного лома и битого стекла.

Лоран осветил фонариком по углам.

— Именно так, — сказал он сквозь зубы. — Они все взорвали.

Он присел на корточки и стал подбирать крошечные диски, погнутые оси, сложные деревянные шайбы, стержни, оканчивающиеся сферами или трезубцами, весь странный мусор, из которого он надеялся вытянуть что-нибудь по зрелому размышлению, а если на размышления времени не будет, то действием. Дарсель тоже набивал карманы.

Затем Дарсель вооружился плоским листом металла и, пользуясь им, как лопатой, вырыл в железном ломе дыру, где и исчез, в то время как Лоран фотографировал.

Через некоторое время края отверстия готовы были обрушиться на Дарселя, и Лоран помог ему выбраться.

— Не беспокойся,— сказал Дарсель.— Это всего лишь железный лом. Хорошо поработали! Я надеялся найти центр взрыва, но он слишком далеко.

— Что ты думаешь обо всем этом? — спросил Лоран.

— Ничего. Абсолютно ничего! Можно сказать, бесполезные предметы, сделанные дураками. Я уверен, что ничего бы не понял, даже если бы нашел все нетронутым. А уж в таком состоянии...

— Не думаю. Все это сделано сознательно. Во всяком случае, взрыв не подействовал на корпус... — Он вдруг замолчал и навел лампу на край вырытой им ямы.

— В чем дело? — спросил Лоран.

Не отвечая, Дарсель подобрал изогнутую пластину и выпрямил ее, стоя на коленях. Пластина была усажена изогнутым рядом маленьких отверстий и стержней. Нахмурившись, Дарсель размышлял.

— Я нашел,— сказал Лоран,— подбитую гвоздями обувь, точнее сказать, подметку. На этом корабле были артурианские полицейские.

— Не болтай вздор. Вот первая интересная вещь, которую мы до сих пор обнаружили.

— Чем она интересна?

— По расположению стержней я вижу, что на них был предмет в форме... да, они держали что-то вроде ленты Мёбиуса.

— Какую ленту?

— Ленту Мёбиуса. Это геометрическая форма, над которой много работают по поводу субпространства. Сейчас объясню: возьми полоску бумаги и склей оба конца, ты получишь...

— Кольцо.

— Да. Но если ты вывернешь край полоски перед тем, как приклеить его к другому концу, ты получишь скрученное кольцо. Это и есть лента Мебиуса... сфотографируй это, пожалуйста.

Лоран повиновался, а инженер в это время рылся вокруг, как собака, почуявшая след.

Через узкое отверстие они прошли в боковой коридор треугольного сечения. Три стороны его были окрашены в желтый, синий и красный цвет.

— Три основные цвета,— сказал Лоран.

— Да. Но есть кое-что более интересное: этот коридор странно изогнут. Идем.

Они прошли по галерее, которая была закручена спиралью, так что они, пройдя метров двадцать пять, вернулись к исходной точке.

— Перегородки! — воскликнул Дарсель. — Это три ленты Мёбиуса, соединенные вместе! Это становится увлекательным, дружище! И смотри!

Его палец указал на завитки геометрических форм и арабесок декоративного вида, избороздивших цветные стены. Он пустился в технические комментарии, в которых Лоран мог ухватить лишь несколько понятных слов.

Наконец, Дарсель сел на пол, вытащил записную книжку и стал чертить сложный план. По мере работы он отдавал каждый листок, покрытый иероглифами, своему другу, который фотографировал его.

— Ты обнаружил их фокус? — поинтересовался Лоран.

— Нет. Не говори глупостей, — ответил Дарсель, пожав плечами. — Но все это дает мне потрясающую идею. С помощью наших научных учреждений из этого удастся кое-что извлечь. Я уверен, что мы здесь в самой машине, и удивляюсь только, почему они не разрушили до конца свои устройства. Ведь они, без сомнения, могли ожидать нашего визита. Может быть, они считают нас слишком глупыми, чтобы понять хоть что-то?

Говоря это, Дарсель гладил рукой левую перегородку; в середине ее палец остановился на мелкой трещине, которую он еще не заметил. Он нахмурился и быстро провел пальцем по трещине. Лоран нервно спросил:

— Что ты делаешь?

— Я нашел продольную бороздку и хотел бы знать... — он придвинул фонарик и продолжал: — Это что-то вроде направляющей, которая выходит на трубку. Направляющая к трубке параллельна. Надо посмотреть на это поближе.

Он пошел по галерее, ведя пальцем по перегородке, не теряя контакта с желобком. Мало помалу левая перегородка искривилась, поднялась и стала потолком, в то время как пол занял ее место и стал левой перегородкой. Затем она медленно склонилась направо и стала с другой стороны...

— Черт побери! — воскликнул Дарсель.

— Что?

— Ты ничего не заметил? Ты согласен со мной, что три перегородки окрашены соответственно в синий, желтый и красный цвет?

— Да, ну и что?

— Это не так, дружище! Обман зрения: каждая перегородка проходит все цвета радуги. Фиксируя внимание на этой перегородке, я увидел, как она постепенно переходит из зеленого в желтый. Посмотри напротив: стенка стала оранжевой. Последим еще немного.

Они подошли ближе.

— А теперь она красная! — торжествовал Дарсель. — В то время, как другие следуют такой же градации, на сдвинутой на треть на классической спектральной полосе...

— Остановись, — сказал Лоран, — ты забил мне голову своей тарабарщиной. Но, во всяком случае, я понял.

— Это легко понять.

— Не сказал бы. Я считаю себя очень умным.

— В любом месте коридора, — уточнил Дарсель, — слияние цветов перегородки дает белый цвет. Ни одна перегородка не окрашена в определенный цвет, но представляет ленту Мёбиуса и проходит все цвета радуги. Понял?

— Ну и что?

— А ничего. Полагаю, что это очень важно, но не знаю, почему. Пройдемся еще по желобку.

Лоран слегка вскрикнул:

— Эй! В середине этой перегородки тоже есть бороздка, а наверху, — он указал на потолок, — другая.

— Я нашел лучше! — ликовал Дарсель. — В моей трубке маленький металлический шарик с куском цепочки, входящей в желобок. Я уверен, что мы найдем то же самое и в других трубках! Самое удивительное, что три шарика следуют по одному пути, это бороздка общая для всей циркуляции и...

Через час, оглушив Лорана неистовыми теориями, Дарсель прикрепил проволоку к каждому металлическому шарiku. Три проволоки соединялись на половине высоты галереи и крепились к фонарику инженера, пожертвованному для опыта. Фонарик напоминал сверкающего паука в центре весьма схематичной паутины.

— Я убежден, — сказал Дарсель, — что есть средство заставить шарики бегать в трубках. Должно существовать какое-то магнитное поле, которое заставляет двигаться очень быстро.

Под недоверчивым взглядом Лорана, он долго ощупывал и прилаживал проволоочки, испуская то разочарованную воркотню, то торжествующие крики. Комедия закончилась его радостным прыжком. Он объяснил Лорану свое открытие, но тот ровно ничего не понял и, как практик, предложил инженеру «сыграть свой трюк».

Они вышли из галерей. Дарсель коснулся проволоочки отверткой, и фонарик бешено закрутился. Он дважды промелькнул мимо них, а затем послышалось нечто вроде взрыва. Три проволоочки висели, чисто отрезанные там, где они были прикреплены к фонарику. Но сам фонарик исчез. Его искали повсюду, предположив, что он оторвался и упал на пол, но так и не нашли.

— Куда он мог деться? Как ты думаешь? — спросил Лоран.

Глаза Дарселя возбужденно блестели. Он ответил:

— В субпространстве! И я не советовал бы тебе бегать по галерее гимнастическим шагом — ты исчезнешь, как фонарик, я думаю.

Дрожь пробежала по спине Лорана.

— Давай-ка пойдем отсюда, — сказал он таким тоном, что Дарсель разразился смехом.

Еще через полчаса они безо всяких инцидентов вышли из Треугольника и пошли обратно в лагерь.

Глава вторая

1

После своего двухсоткилометрового обхода вокруг саванн Река-Бог течет прямо на восток. Течение ее величественно-мощное и медленное. Можно сказать, что река собирается с силами, чтобы войти в цивилизованную землю, хотя современная жизнь побережья еще далеко.

Приобщение к культуре начинается с маленького городка с труднопроизносимым названием Зарешчеш-ле; название это, без сомнения, произошло от слишком многих названий деревень, слившихся в один городок. Обычно его упрощают в Зарес или в Зарес-ле.

Зарес еще был соломенным на сваях и имел силосные башни в форме бильбоке, но там было также и несколько домов, вытянувшихся в линию прямых улиц.

Лоран и Дарсель прибыли туда в базарный день.

В течение многих дней они лениво шли вниз по реке. Они приобрели плот с соломенной хижинной посредине и круглой обшивкой.

Убаюкиваемые капризными волнами течения, они путешествовали, как туристы среди песчаных островов с исключительной флорой и фауной. Река как бы оказывала им честь, открывая перед ними голубоватую и золотистую дорогу среди джунглей. На каждом повороте тяжелая завеса джунглей, казалось, раздвигалась, чтобы показать им новый аспект страны.

Потом стали чаще появляться деревни на берегах бухточек, узкие пироги на пляжах. Все чаще стали слышаться песни, барабаны, доносились запахи жареного жира.

А потом появился Зарешчеш-ле над лагуной, замусоренной плывущими арбузными корками и пятнами мазута. Туземные плоты, нагруженные корзинами, обожженной глиной и сахарной коркой, соседствовали с судами и лопастями, шлепающими на границе навигационных вод.

Местечко гудело тысячами криков на сотне диалектов, колокольчиками тотемов, звоном кузниц, стуком тележек с каменными колесами, зазываниями торговцев сахаром. Ко всему этому добавлялось жужжание мух.

Зарес-ле сверкал на солнце, шлепал грязью и шумел весельем.

Прибытие двух землян и их свиты прошло почти незамеченным. Они прошли через толпу заркасцев, безумолчно болтающих вокруг порта среди своих лотков, прошли по главной улице и добрались до одного из двух отелей города, выстроенного из досок на цементных сваях.

При их появлении хозяин бросился к ним с поклоном. Это был толстый заркасец, заячья губа которого показывала выщербленный режущий край пластинки зубов.

Лоран справился о цене комнат.

— Шестьдесят лун за ночь, мсье.

Лоран сознавал, что его обманывают, но, путешествуя с королевскими издержками, заплатил без спора за две ночи вперед. Он протянул крупный билет хозяину, но тот сделал гримасу.

— Я вижу, мсье прибыл с другой стороны гор. Эти деньги здесь не ходят. Не пожелает ли мсье, чтобы я их обменял в банке?

— Идет, — сказал Лоран и вытащил из-за пояса связку билетов, — раз вы уж там будете, то обменяйте все.

Хозяин ловко взял деньги и повел обоих мужчин к комнатам. Они вошли в большую четырехугольную комнату, освещенную десятком окон, выходящих на авеню. Под каждым окном был положен матрац прямо на пыльный пол.

— Вот, — сказал заркасец, — господа могут устраиваться, где хотят, но пусть не открывают окон утром. От рынка слишком много пыли.

— Простите, — сказал Лоран, — я полагал, что мы имеем право на комнату, а не на кусочек комнаты.

Хозяин потрясенно поднял руки.

— Мсье имеет в виду отдельную комнату. Я не понял. Господа будут довольны, — добавил он и исчез.

Вскоре он вернулся, неся кучу тканей, молоток и гвозди. С поразительной быстротой он прибил занавески к потолочным балкам, отгородив таким образом два матраца от остальной комнаты.

— Вот, — повторил он, — но отдельная комната дороже. Я удержу из билетов мсье на двадцать лун больше. — Он поклонился и вышел, добавив: — Туалет в конце коридора, налево. Вот!

— Вот! — передразнил Лоран. — Давненько мы не видели одетых заркасецев. У них мания напяливать на себя земную одежду. Это гротеск.

Сев на матрац, Дарсель снимал сапоги.

— К счастью, мы не слишком много ходили в последние дни, — заметил он. — Эти железяки с Треугольника тяжеловаты. — Он дернул сапоги, которые издали звук разбитой посуды.

Лоран поднял занавеску.

— Я займусь ящиками, — сказал он, — и избавлюсь от носильщиков.

Он прошел через общий зал, где туземцы пили на деревянных ступеньках из стаканчиков, и спустился на улицу. Там он раздал деньги туземцам, добавив к оговоренной при отъезде сумме щедрую премию, а потом указал на один ящик.

— Зинн, отнеси этот ящик в комнату, я оставляю его у себя. А остальные вели послать в здание дипломатической миссии Земли в Столице.

— Да, мсье.

Они стояли внизу лестницы, и Лоран увидел возвращающегося хозяина отеля.

— Я был в банке, мсье, вот сдача с вашего билета и остальная сумма, обмененные на местные деньги.

— Черт побери! — сказал Лоран и снова созвал носильщиков:

— Эй, подойдите-ка!

Он исправил свою забывчивость и заменил деньги, которые дал им раньше. Он смотрел, как они уходят по одному и думал, что они спустят за неделю это маленькое состояние на игру и выпивку и вернутся домой за горы такими же бедными, какими были.

«Кроме Гозо, — подумал он. — Постой!» Он вдруг вспомнил, что не платил Гозо и даже не видел его с тех пор, как они прибыли в отель.

— Где Гозо? — спросил он Зинна.

— Не знаю, мсье Лоран.

— Ты не видел, как он уходил?

— Нет... Ах, да, теперь вспоминаю. Он поставил ящик и сразу пошел к площади. Он сказал, что вернется. Лоран закусил губу.

— Ладно, — сказал он безразлично. И, поскольку Зинн, похоже, собирался спросить, почему же столько волнений из-за десятиминутного отсутствия Гозо, Лоран добавил: — Сделай, что я тебе сказал насчет ящиков.

Он бегом поднялся к Дарселью. Но того не было на матрасе. Только его сапоги, казалось, несли стражу в комнатке за занавесками. Лоран, ругаясь, взял сапоги и побежал к туалетам. Из-за двери пробивался шум текущей воды.

— Дарсель! — позвал он.

Шум воды стих. Дверь открылась, выглянуло лицо Дарселья, побелевшее от мыльной пены.

— Я принимаю душ. В чем дело?

— В том, — прошептал яростно Лоран, — что ты оставил свои сапоги и то, что в них, для всяких любопытных.

— Ах, черт! — воскликнул Дарсель. — Ну, раз ты их взял, то инцидент исчерпан. И потом, приключение, кажется, закончилось?

— Оно еще только начинается, — сказал Лоран. — Гозо исчез. Возьми свои сапоги, а я постараюсь узнать, что он там замышляет.

2

Лоран снова спустился по ступенькам и чуть не сбил с ног Зинна, тащившего на плече ящик. Затем он вышел на площадь, окутанную облаками пыли в конце улицы, и погрузился в шумную толпу, где он увидел несколько

землян в шортах, лавируя между лотками, стоявшими прямо на земле, и деревьями, на которых кудахтали подвешенные за лапы куры. От запаха кожаных изделий, тяжелых духов и жира ему хотелось чихать.

Заркаские ребятишки возбужденно толпились вокруг водителя гусениц-львов. Их было две, они были запряжены в плетеный экипаж и стояли у края тротуара. Ничего общего с прекрасными образцами гор. Эти были гораздо меньше, с чешуйчатой кожей, с рахитичным видом. Они печально жевали сухие листья и трясли гривами, полными мух.

Где-то на улице продавец играл свистком, привлекая покупателей.

Лоран искал Гозо среди почти одинаковых лиц, и надеялся узнать его по наготе и по законченному состоянию его трехмесячной линьки. В городе редко встречались голые заркасцы. Большинство их скрывало ноги в штаны, полученные пряником от земной армии. Многие носили рубашки, но застегивали их на спине, что более соответствовало анатомии заркасцев.

Лоран попытался догнать туземца, похожего на Гозо. Он неохотно проследовал за ним в туалет с отвратительным запахом, в последний момент заметил свою ошибку и поспешно удалился под удивленными взглядами двух заркасцев, входивших туда.

Он вышел на площадь, где у общественных фонтанов были привязаны упряжки давалей. Давали, род страусов, заменявшие лошадей, засунули головы под брюхо, отыскивая в перьях блох. Глаза Лорана быстро бежали по площади. Чтобы лучше видеть, он встал на ящик овощей. И он увидел Гозо: на этот раз это был действительно он!

Гозо вошел к местному зурю, мэру и одновременно шефу полиции Зарес-ле. Лоран узнал официальное здание по его более новому виду и муниципальному новому гербу над входом. Он выругался сквозь зубы и пошел по маленькому переулку, куда выходили окна зурю — их легко было узнать по решеткам. Он подумал, не забраться ли ему на второй этаж, а затем спуститься к двери, откуда он мог бы подслушивать разговор Гозо с чиновником, но на краю тротуара сидела заркастка и кормила грудью ребенка. Лоран повернулся и переулками пошел к себе в отель.

Лоран решил, что отныне его девизом будет как можно меньше обращать на себя внимание. Он ускорил шаг и замешался в уличную толпу, когда вышел на авеню.

Дарсель был занят чисткой сапог от грязи.

— Вот как, ты даже побрился!

— Да,— сказал Дарсель.— Носить бороду полезно, только если кусаются москиты.

Лоран перешел к другой теме.

— Я видел Гозо. Он вошел к зурю.

— Ну и что? Это подтверждает мои предположения. Ты что от него хочешь?

— Мне это не нравится. Он может сделать нам кучу неприятностей. Он вставит нам палки в колеса, чтобы помешать нам вернуться в столицу.

Говоря это, он оторвал двойную подметку с сапога Дарселя и перевернул его под матрацем: оттуда посыпались железки.

— Что ты делаешь? — забеспокоился инженер.— Ты спятил?

— Отнюдь нет,— сказал Лоран, доставая свой фотоаппарат. Он обстрелял вспышками сотни обломков, взятых с Треугольника, вырвал из рук Дарселя второй сапог и сделал то же самое с его содержимым.

Затем он вытащил пленку, оборвал ее ногтем и ввел между двумя слоями своего пояса, к другим. И он потянул пуговку на куртке Дарселя.

— Крепко? А? — спросил Дарсель.— Придется заключить торговое соглашение с Треугольниками: они дадут нам свою проволоку, чтобы пришивать наши пуговицы.

— А что ты дашь им в обмен? — спросил Лоран и, не дожидаясь ответа, добавил: — фотографий и образцов проволоки достаточно. От остального, по-моему, надо избавиться.

— Ты с ума сошел!

Не видя негодования, внезапно окрасившего щеки Дарселя, Лоран смотрел в окно. Внезапно он наклонился, вынул из кармана платок, собрал весь железный лом, завязал в платок и взял в руку небольшой сверток.

— Но послушай,— взорвался Дарсель,— что ты задумал?

Лоран взял его за плечо и повернул к окну. Он указал пальцем на Гозо, идущего к отелю в сопровождении толстого заркасса в униформе с золочеными пуговицами и в шапке с металлическим краем.

За ними следовало четыре туземца, тоже в униформе, но босых.

— И они вооружены! — подчеркнул Лоран.— Как тебе это нравится? Они явно идут за нами... Послушай,

дружище, позволь мне действовать. Даю тебе слово, что не выброшу твой передвижной базар. Я придумал, где его спрятать. Если меня спросят, я в душе.

Он бросил последний взгляд на пузатого зурю, который ставил своих стражей перед отелем и посылал двух других следить позади дома.

— Хо, хо,— сказал Лоран и вышел.

Лоран закрылся в душевой кабинке и сел там, как дурак, на табурет, держа в руке узелок. Затем он наклонился и посмотрел в замочную скважину на прибытие чиновника.

Он узнал плаксивый голос хозяина отеля, клявшегося своей честью порядочного коммерсанта в своем полном неведении относительно того, что двух землян ищет полиция.

— Нет, нет,— отвечал ему скрипучий голос, видимо, принадлежавший зурю,— полиция вовсе не ищет их, как ты выражаешься, это просто маленькая проверка.

Заскрипели сапоги, и Лоран увидел в скважину, что зурю вошел в комнату. Он насторожил уши и услышал голос Дарселя.

— Вот как, солдат!

— Нет, мсье, не только солдат. Разрешите представиться: зурю Чеша из Зарешчеш-ле. Как представитель заркассских властей, я приветствую вас в моем городе, мсье...

— Дарсель.

— Очень рад... Но я думаю, что вас двое. Где ваш товарищ?

— Он принимает душ. Сейчас вернется.

Лоран поспешил дернуть цепочку и отскочил, чтобы дождь не хлынул ему на одежду, но зацепился сапогом за решетку и упал носом к двери, а душ поливал его панталоны. Он чувствовал себя все более и более смешным и очень беспокоился, кроме всего прочего.

Судя по всему, зурю минут через десять заставит обыскивать багаж и весь отель, а пребывание под душем не может длиться часами.

Лоран выключил на минутку душ и встал на табурет, чтобы выглянуть в небольшое окошечко наверху. Он увидел двор и большое дерево с красными цветами.

Спрятать сверток на дереве? Лоран прикинул размеры окошка и решил, что ему никак не перелезть в узкое отверстие.

Он спустился с табурета и снова заглянул в замочную скважину. И тут вдруг понял, что нужно сделать! На стене коридора висели доспехи дикого заркасса — комплект для военного танца, с луком и стрелами, шнуром со свистками и браслетами с перьями. Эта фольклорная декорация составляла пестрое пятно на полпути между душем и комнатой.

Лоран тихонько открыл дверь и на цыпочках подошел к щиту. Он услышал резкий голос зурю, обращавшегося к Дарселю:

— Это официальные бумаги, мсье, но они не дают вам право спускаться по Реке Бога. Мне очень жаль, поверьте, но я раб правил...

Лоран заскрипел зубами, слушая этот нецивилизованный пафос. Он предпочитал простоту Зинна и носильщиков. Больше он не слушал, убежденный, что зурю, не показывая открытой враждебности, собирается затормозить их путешествие любыми средствами.

Он снял со щита лук и стрелы и вернулся в душевую. Там он быстро оторвал полу рубашки и скрутил шнурок, далеко не совершенный, но достаточно длинный для задуманной им цели. Он разорвал также и платок и сделал четыре свертка, вместо одного. К каждому свертку он привязал стрелу. Сунув стрелы, кроме одной, в карман, он встал на табурет. В десяти метрах от него дерево с красными цветами протягивало обширную поверхность толстой ветки.

«Детская игра!» — подумал Лоран, натягивая лук и спуская тетиву. Хлоп! Стрела без труда воткнулась в кору. Лоран сделал то же самое с двумя другими стрелами. С последней оказалось труднее, потому что на видимой части ветки не осталось места. Тогда Лоран возложил надежды на другую ветку, более тонкую и расположенную выше. Если он промахнется, последняя стрела опишет кривую над деревом и воткнется в пирамиду арбузов на улице или в зад продавца... Очень неудобно!

Он глубоко вздохнул, вытер об штаны потные пальцы и выстрелил, не ожидая больше и подумав, что лучшее — враг хорошего. Стрела попала в ветку.

Лоран с удовлетворением посмотрел на четыре свертка : драгоценным железным ломом, покачивающихся на ветру. Кто не знает, не различит ничего среди листвы и солнечных пятен.

В одних плавках, перекинув через руку грязную одежду, Лоран шел по комнате. По дороге он вытирал полотенцем мокрые волосы и посвистывал. Входя, он крикнул:

— Дарсель, куда ты положил шлепанцы? И дай ножницы, я хочу подстричь бороду.

Подняв занавеску, он столкнулся нос к носу с заркаским офицером и изобразил величайшее изумление. Дарсель представил их друг другу:

— Лоран, мой компаньон — зурю Чеша, зурю Зарешчеш-ле... Похоже, что наши бумаги не в порядке.

— Не может быть!

Зурю прочистил горло и выпятил грудь.

— Господа,— сказал он,— я вынужден задержать вас здесь до получения инструкций на ваш счет. Кроме того, я велю обыскать ваш багаж и прошу вас отдать мне ваше оружие. В городе оно вам не понадобится. Не выходите из отеля, выходы охраняются моими людьми. Хозяин отеля снабдит вас всем, что вы пожелаете, на время вашего затворничества, которое, я надеюсь, не будет продолжительным.

Он снял висящие на стенке карабины. Лоран смотрел на него, раскрыв рот, с видом самого что ни есть чистосердечного изумления. Смущенный полицейский избегал его взгляда и поклонился, рисуя круг большим пальцем на уровне пупка. Лоран показал ему длинный нос с неподражаемой серьезностью, словно так было принято на Земле. Зурю, кажется, был польщен, повернулся и скоро слышался скрип его сапог в коридоре, а затем на лестнице.

Лоран со смехом сел на матрац.

— Ну и ну! — сказал он.

— Где железяки? — беспокоился Дарсель.

— Не порть себе кровь. Висят на дереве во дворе.

Гомон перекрыл шум рынка. Лоран бросил взгляд в окно и сказал:

— Посмотри-ка.

Дарсель подошел к окну. Часовые в металлических касках не шевелились, но добрый десяток других полицейских вошел в отель, вызвав возбужденное бормотание в толпе.

Почти сразу же в комнате закишали униформы. Заркасцы вскрывали матрацы под скорбными взглядами

хозяина отеля; они тщательно обыскали обоих землян, не заподозрив пояс Лорана и проволоку, которая держала пуговицы Дарселя; они вывалили на пол содержимое последнего ящика и взяли чуть ли не все, оставив только одежду и предметы туалета. Земляне увидели, как исчезает фотоаппарат и различные геологические инструменты, назначения которых они так и не поняли. И этот грабеж не принес им никакого огорчения.

Поздно ночью Лоран тронул Дарселя за плечо и сказал ему на ухо:

— Стражники у дверей комнаты страшно не хотят спать. Мне жаль этого раба долга, я ему помогу. Не шевелись.

Лоран поднял занавеску и бросил взгляд в другой угол комнаты. Там, освещенный пробивающимся из коридора светом, спал единственный клиент отеля. Он повернулся лицом к стене и похрапывал. Лоран на цыпочках пошел к коридору. Под светом единственной лампы сидел на полу стражник, склонив голову на плечо. Металлический край его шапки оставил его лицо в тени. Спит он или нет? Во всяком случае, он не реагировал на приближение Лорана.

Землянин знал хрупкие нервные центры заркасской анатомии. Он взглянул в лицо полицейскому, увидел, что тот спит и решил укрепить его сон. Он медленно провел рукой под широким краем шапки и дал энергичный шелчок между глазами спящего. Тот сразу же свалился на бок, твердый, как кол. Лоран едва успел подхватить каску, чтобы та не зазвенела на полу.

Успокоившись с этой стороны, Лоран вернулся в комнату, подошел к спящему клиенту и проделал с ним то же самое. Храп сразу же прекратился. Теперь оба заркасса вырублены на много часов, а проснувшись, ни о чем не вспомнят. Лоран вернулся к Дарселю.

— Оба готовы, — возвестил он. — Сейчас я сниму со стражника униформу и схожу посмотрю, что делается у зурю.

— Но тебя остановят часовые на улице.

— Не думаю. В униформе и в шапке, затеняющей лицо, я пройду. Позаимствую их слоновую походку, и меня примут за своего. А на это время положи это животное на мое место. На всякий случай.

Через четверть часа Лоран медленно спускался по лестнице. Он набил каску бумагой, чтобы она не падала на глаза, и привязал к животу подушку, имитируя полноту стражника. Он прошел в тени свай и едва не налетел на лодку, видимо, брошенную там со времени сезона высокой воды. Он прижался к цементному столбу и выглянул на улицу, освещенную старинным фонарем. Там он увидел блеск на каске стражника, который спал, сидя на тротуаре и прислонившись к дому напротив.

Лоран решил добраться до площади переулками. Он тихо отступил и прошел во двор, где росло дерево с красными цветами. Перейдя двор по диагонали, он наткнулся на забор. Он быстро обнаружил, что одна доска плохо прибита, и тихонько толкнул ее плечом. Гвозди заскрипели, и этот звук показался ему оглушительным. Наконец, ему удалось отодвинуть препятствие и просунуть голову в отверстие.

У него оборвалось сердце: он встретился нос к носу с заркаским полицейским, и едва имел время подумать, достаточно ли затенено его лицо. С улицы шел тусклый свет. Лоран быстро спрятал руки за спину — руки заркасцев были гораздо крепче и с характерными утолщениями. А полицейский уже обратился к нему:

— Кеоршеч...

Лоран понимал почти все и при нужде мог вести разговор на этом языке, но его земной акцент и ошибки в синтаксисе быстро выдали бы его, поэтому он решил ограничиться только односложными словами.

— Ты поправил изгородь? — спросил заркасец.

— Да...

— Ты не остался наверху?

— Нет... — Лоран кашлянул.

Полицейский наклонился к нему, и Лоран опустил нос пониже. Его «коллега» продолжал:

— Похоже, у тебя болит горло.

— Да, именно.

— Слишком много куришь аказа, — заключил полицейский и ушел.

Лоран чуть не упал. Наступившее облегчение было почти болезненным. Он проводил взглядом полицейского, мирно шествующего по улице, покачивая оружием. Когда заркасец исчез за углом, Лоран перевел дух и пошел в переулок. Он пробежал на цыпочках через участок, заваленный кучами отбросов, нырнул в другой переулок и пошел его прихотливыми изгибами на юго-восток.

После пятнадцатиминутного марша Лоран начал беспокоиться: давно пора было выйти к площади. Переулок завел его слишком далеко. Он почувствовал, что сбился с дороги и вернулся. Под ноги ему попала консервная банка и с грохотом покатила по земле. Из окна донесся плач разбуженного шумом ребенка, и окно осветилось, бросив желтый свет в ночь.

Лоран прижался к углу. Послышались голоса заркацев, споривших по поводу детей, которые спят. Он подождал некоторое время, пока ссора не затихла, и рискнул выйти на свет, льющийся из окна.

Он так и не нашел мусорной кучи, от которой начал свой поход, и даже вспотел при мысли, что будет крутиться целые часы в этом лабиринте. Ему казалось, что город стал гораздо больше, чем был днем.

Он неожиданно наткнулся на другой земляной вал, засыпанный отходами досок, и узнал место, где проходил утром, возвращаясь с площади. Он пошел в обратную сторону и очутился перед зданием полиции.

В зарешеченных окнах нижнего этажа горел свет. Лоран прислушался, но ничего не услышал. Он удостоверился, что переулок пуст, и взобрался по решетке на второй этаж. С трудом удержав равновесие на узком карнизе, он обошел здание, ища подходящее отверстие. Наконец, он нашел слуховое окно и протиснулся в него, чуть не потеряв каску.

Без света, в незнакомом месте, он рисковал попасть в катастрофу. Где он? В кабинете? Есть ли кто-нибудь в комнате?

Держась рядом с возможным выходом, он все-таки кашлянул, чтобы заинтересовать тех, кто мог быть здесь или в соседней комнате, но не настолько громко, чтобы его услышали внизу. Затем он подождал минут десять. Все спокойно. Этаж казался совершенно пустым.

Он осторожно вытянул руки и пошел.

Нашупал стену, дверцу шкафа, обошел его, сосредоточив все свое внимание на кончиках пальцев, которые должны были заменить зрение.

Он нашел дверь, вышел в коридор и пошел к светлому пятну, находившемуся в другом конце коридора. Свет падал с нижнего этажа. Шуря глаза, уже привыкшие к темноте, он медленно опустился по лестнице. Из одной комнаты отчетливо слышался разговор. Лоран узнал голос

зурю. Он спрятался под лестницей среди тряпок и метел и стал слушать.

— Не могу я их арестовывать! — жаловался зурю. — Если земное посольство заявит протест, правительство сделает меня козлом отпущения.

Голос его собеседника был смутно знаком Лорану.

— Земляне не сочтут долгом чересчур громко протестовать из-за каких-то двух геологов, зурю Чеша. Кроме того, если даже правительство для пользы дела выразит вам неодобрение, вам не придется жаловаться: в накладе вы не останетесь. Вас официально сместят... и переведут на более важный пост, и земляне об этом не узнают.

Некоторое время по кабинету ходили взад и вперед. Затем голос заговорил снова:

— В ящиках мы ничего не нашли, однако я убежден, что они прячут что-то на себе. Во-первых, они сменили маршрут в Нижних Лесах: очень любопытное совпадение. Во-вторых, они просили Зинна вести их прямо на место несчастного случая...

— Они его просили? — удивился зурю.

— Не разыгрывайте идиота. Конечно, они не просили его прямо и не говорили о Треугольниках. Но я констатировал, что их маршрут автоматически клонился к тому направлению. И, наконец, в-третьих, я спал, как скотина, в ту ночь, когда мы разбили лагерь в нескольких километрах от места падения. Все это случайно, естественно, но я всегда отношусь с подозрением к каскаду случайностей. Обычно у меня очень легкий сон, а тут меня, бесспорно, напичкали наркотиками, и у землян была ночь, чтобы дойти и увидеть машину. Вообще в этой экспедиции было слишком много подозрительного, но, читая в последнее время газеты, я сопоставил все и все понял. Я увидел дату несчастного случая, место падения, сверился с картой: все совпало.

В своем темном углу Лоран сощурился и тихонько свистнул. Теперь он узнал голос Гозо.

— Теперь, — продолжал Гозо, — вы можете спокойно арестовать их за нарушение маршрута, указанного в их разрешении. Я понимаю, так никогда не делалось, потому что за смену маршрута не судят, а лишь делают замечание, но легально вы имеете право. Мы их как следует обыщем, а через два часа с извинениями выпустим. Мы их также просветим...

«Ого», — сказал себе Лоран, подумав о приемо-передатчике, спрятанном в челюстной впадине.

— В вашей лаборатории есть все необходимое? — спросил Гозо.

— Отнюдь нет! — прогудел зурю. — Не забывайте, что я всего лишь маленький деревенский шеф полиции. Радио! Рентген! Вы, ей Богу, сумасшедший! Мы же в Зарес-ле, мой друг!

— Ну ладно! У кого-нибудь в этом городе есть рентгеновский аппарат?

— Только у доктора Кебера.

— Землянин?

— Конечно.

— Досадно. Вам придется его тоже убрать в тень, чтобы он не испортил аппаратуру.

— О чем вы думаете? Доктор Кебер персона здесь. Будет скандал.

— Ладно, тогда придумайте средство удалить его из дома завтра утром, и мы воспользуемся его аппаратурой в его отсутствие. Я хочу знать, что есть в брюхе его соотечественников. Нельзя пренебрегать никакими средствами.

Лоран рассудил, что с него достаточно, осторожно покинул свой тайник и поднялся по лестнице, сняв по пути со стены лампу. Вернувшись в кабинет второго этажа, он поискал и нашел звуковой справочник. Он набрал на экране имя доктора Кебера и убавил звук. Аппарат прозвенел и выдал:

«Доктор Кебер, Авеню Флев, 83»

Лоран выключил контакт и дважды повернул экран, чтобы стереть копию последней справки. Затем он снова пролез в окно и легко спрыгнул на землю.

Авеню Флев было легко найти: она шла к реке от площади, где стоял отель.

Лоран быстро отыскал номер 83, дом довольно нового вида, перед домом был садик, слегка защищенный низеньким заборчиком. Лоран перешагнул ограду и осмотрел магнитный замок в двери. Очень жаль, что у него не было при себе хотя бы карманной батарейки. Он с отвращением посмотрел на лампу заркассского производства, которую держал в руке: вольтаж был явно недостаточен для того, что он хотел сделать. Пришлось идти пробовать окна.

К счастью, одно окно открылось. Лоран удовлетворенно улыбнулся, влез на подоконник и включил свою лампу.

Он оказался в богатом кабинете. На стене висела большая карта Заркаса, сделанная из разноцветных птичь-

их перьев. Другую стену занимало панно из драгоценного дерева, на котором заботливо, с наивностью древних времен, была вырезана заркасская анатомия в разрезе. Это произведение искусства, вероятно, стоило очень дорого. Но Лорану не пришлось долго восхищаться им.

— Руки вверх! — раздался за его спиной твердый негромкий голос, и вспыхнул свет.

Он повиновался и медленно повернул голову. На лице молодого человека с седеющими волосами выразилось удивление. Лоран заговорил первым.

— Доктор Кебер? — спросил он с апломбом.

Врач оправился от удивления.

— Черт побери! Я думал, что поймал вас врасплох, а вы... Но что вы здесь делаете? Я принял вас сначала за заркасса. Что это за маскарад? Кто вы такой?

— Как много вопросов! — вздохнул Лоран. — Доктор, прошу прощения, что вошел без вашего разрешения. У меня есть для этого оправдание, и нет дурных намерений. К тому же, я очень спешил... — Он взглянул на маленькое черное оружие, которое доктор по-прежнему держал в руке, и добавил: — Мы выиграем время, если вы уберете эту штуку.

Врач поджал губы.

— Ладно, — сказал он, — но не пытайтесь играть со мной, потому что у меня отличные рефлексy. Оставайтесь в том конце комнаты и объясняйтесь побыстрее.

— Не задержите ли вы занавеси, док?

— Сколько требований! Разрешаю вам сделать это самому.

Лоран охотно сделал это и сел.

— Ну вот, — сказал он, — я не собираюсь крутить вокруг да около. Завтра зурю найдет предлог удалить вас из дома. За ваше отсутствие воспользуются вашей аппаратурой, чтобы просветить двух землян без вашего ведома: меня и моего друга.

— Что?

— Разрешите мне продолжить, — сказал Лоран, поднимая руку. — Я — специальный агент, власти подозревают меня, и не без оснований, в преступных действиях в пользу Земли. Я буду играть с вами в открытую, потому что имею доказательства вашей полной независимости от властей: они хотят удалить вас, боясь, что вы станете помогать соотечественнику. Признаюсь вам, что для меня чрезвычайно важно не подвергаться рентгенизации, потому что в правой челюстной пазухе у меня передатчик.

Лоран продолжал развивать свои доказательства еще несколько минут. Врач был нем, как рыба. Наконец, в лице его появился веселый блеск, и он остановил излияния Лорана.

— Не говорите больше ничего, я понял. Можете на меня рассчитывать. Моя аппаратура не будет работать ни завтра, ни в последующие дни. Ничего нет легче, как «нечаянно» сжечь некоторые детали и стонать в ожидании запасных.

Лоран посмотрел врачу в глаза.

— Спасибо, док, спокойной ночи. Извините меня и поймите, что лучше было бы мне самому испортить аппарат: я не знал вас.

— Вы и сейчас знаете меня не больше, — улыбнулся доктор Кебер. — А если я вас выдам?

— Только сумасшедший выдаст своих братьев по расе. Но если бы вы были сумасшедшим, вы уже пристрелили бы меня двадцать минут назад. Вернее сказать, попытались бы сделать это, — Лоран достал из кармана оружие, угрожавшее ему недавно, и, повернув его рукояткой вперед, с улыбкой протянул врачу.

Врач не мог поверить своим глазам.

— Как вы его взяли, что я и не заметил этого?

— Ба! — сказал Лоран. — Этим маленьким фокусам учат в специальных школах. До свидания, доктор.

5

Лоран вернулся той же дорогой, сумел обмануть бдительность стражей и вошел во двор через дыру в заборе. Там он снял пояс, бормоча:

— Теперь мои штаны будут держаться только на честном слове.

Он влез на дерево и привязал пояс с кинофотолентой рядом со свертками драгоценных железок, а затем вернулся в комнату, где Дарсель грыз кулаки от нетерпения и беспокойства.

— Ну, что? — спросил инженер.

— Сначала помоги мне снять эту униформу и снова одеть охранника.

Они кое-как натянули штаны на спящего заркасса и снова уложили его на площадке. Тот продолжал храпеть с регулярностью машины.

Лоран, наконец, растянулся на матрасе и рассказал о перепитиях своей ночной вылазки.

— Все надежно спрятано на дереве, — закончил он, — кроме проволоки, которой пришиты пуговицы твоей куртки, но я думаю, что это пройдет совершенно незаметно. Эти проволоочки имеют ценность?

— Сами по себе — никакой, особенно с моими комментариями. Я запомнил места, где они были в Треугольнике, и почти убежден, что проволоочки на верхней левой пуговице содержат кобальт и...

— Ладно, ладно, — прервал его Лоран. — Не трудись объяснять то, что я все равно не пойму. Я понял только одно: эти проволоочки очень важны, чтобы представить себе некоторые секреты Треугольника, когда его захватят. Так?

— Точно.

— Но человек неискушенный не обратит на них никакого внимания. Правильно?

— Именно.

— Тогда, — сказал Лоран, поворачиваясь на матрасе, — мы можем спокойно спать. А завтра предстанем перед всеми придирками зурю с чистой белоснежной совестью.

Зурю не терял времени. В сопровождении десяти полицейских в униформе он явился в отель еще до рассвета.

— Пусть господа соблаговолят извинить меня, — сказал он вежливо, — но я узнал, что в Верхних Землях свирепствует эпидемия. Так как вы прибыли оттуда, я вынужден представить вас на освидетельствование как можно быстрее: это в интересах общества.

— Какая эпидемия? — спросил Лоран.

Зурю, казалось, не слышал вопроса и погрузился в свои бумаги, пока земляне одевались.

«Неглупо, — подумал Лоран. — Он не арестует нас, а отдаст под медицинское наблюдение. Он, наверняка, заставит дезинфицировать нашу одежду. Как хорошо, что я повесил свой пояс на дереве. Только бы какой-нибудь пацаненок не забрался на это дерево, играя в прятки или еще во что-нибудь.»

Окруженные полицейскими, они пошли по авеню до дома № 83. Лорану хотелось взглянуть на Дарселя, но он благоразумно удерживался. Ирония его взгляда могла насторожить зурю.

Они вошли к врачу, без сомнения, вызванному к постели больного. Зурю попросил их раздеться, поставил их за

экраном и сам включил аппарат. Но экран не светился. Лоран мысленно поблагодарил доктора Кебера за быстрые действия и позволил себе роскошь спросить:

— Что-нибудь не так, зурю Чеша?

Чиновник не успел ответить: снаружи послышался раздраженный голос доктора Кебера, прерываемый робкими извинениями. Врач с шумом ворвался в комнату и разыграл страшное возмущение.

— Вот как! Зурю, — сказал он резко, — это что такое? Пользуетесь моим отсутствием и вторгаетесь сюда? У вас есть мандат?

— Нет, доктор, — забормотал зурю, — я... При чем тут мандат, я сам выписываю их по всему округу.

— Вы мне не рассказывайте! Я землянин, это мой личный титул. Но как лицо официальное, я назначен для общественного здоровья всего района, а вы толкуете об округе! Хотя я представитель человеческой расы, я — заркасский чиновник более высокого ранга, чем вы, и прийти ко мне с обыском...

— Нет, не с обыском, док. Просто, чтобы ненадолго позаимствовать ваш аппарат в ваше отсутствие и...

— Еще того лучше! — загремел доктор. — Для этого нужна бумага с моей подписью. Вы пользуетесь без моего разрешения аппаратурой Государства. К превышению власти вы прибавляете злоупотребление... Кто эти люди? — Он указал на Лорана и Дарселя.

Зурю заикался все больше и больше и внезапно стал тем, чем был: едва отесанным туземцем под лакировкой земной цивилизации.

— Ну? — настаивал доктор. — Кто они?

— Мне сообщили об эпидемии в Верхних Землях... А они приехали оттуда... и, поскольку вас не было...

— Эпидемия чего?

Заркасец смущенно провел толстыми пальцами по зубам.

— Подождите-ка... болезнь, которая... Гм! Я оставил официальную бумагу в кабинете.

— Что же вы предполагаете увидеть в аппарат, если вы даже не знаете названия болезни? Вы что, спятили, зурю?

— Аппарат не работает, — прогнусавил заркасец.

Лицо врача стало угрожающим. Он сказал опасно-ласковым голосом:

— Из двух одно: либо вы не умеете им пользоваться, либо вы его испортили. Вы ведь трогали его, так?

Чиновник совершенно растерялся. Лицо его покрылось зеленоватыми прыщами, что у заркасцев служит признаком крайнего волнения. Но тут послышался другой голос, и все повернули головы к худошавому туземцу, Гозо!

Гозо уже не выглядел дикарем-носильщиком: он был в приличном комбинезоне с магнитными застёжками.

— Вы позволите? — сказал он. — У меня есть что сказать насчет этого дела. — Он говорил уверенно, но миролюбиво. — Разрешите представиться: Гозо, чрезвычайный агент государства. Зурю действовал по моему приказу. Извините нас, доктор. Признаюсь, что по моей вине вещи приняли неприятный оборот. Но в исключительных случаях и меры исключительные, не так ли? Сейчас я объясню. — Он взглянул на полицейского: — Зурю Чеша, велите вашим людям выйти.

Полицейский сделал жест. Все униформисты исчезли в коридоре, и Гозо закрыл дверь.

— Вы врач, док, — продолжил он, — но вы не можете знать все болезни, какие есть на чужих планетах. Такая болезнь, совершенно новая, угрожает вашим двум соотечественникам. В некоторых симптомах ошибиться нельзя.

— Я не получал никаких сведений на этот счет, — сказал врач, — а ведь я, сами понимаете, на хорошем счету. Нельзя ли узнать, что это за таинственное заболевание и каковы его симптомы?

Гозо покачал головой.

— Увы, нет, даже вам, доктор. У государства есть на это причины. Не обижайтесь. Как бы там ни было, эти двое людей должны подвергнуться рентгеновскому просвечиванию.

— Гозо, возможно ли? — воскликнул Лоран, разыгрывая удивление. — Ты говоришь, как цивилизованный.

Мнимый носильщик бросил на него ироничный и недоверчивый взгляд.

— Буду очень обязан, если вы не будете обращаться ко мне на «ты», мсье Лоран.

А врач гнул свою линию.

— Не может этого быть, — возмущался он. — При любых обстоятельствах вы должны были первым делом известить меня! — говоря это, он нервной рукой проверил включение аппарата и начал громко ругаться. — Клянусь спутниками Заркаса, зурю ухитрился сжечь десять ламп! Государственный материал! Вы посмотрите: даже запасные лампы, и те перегорели одна за другой! Раз уж

вы не врач, то и держитесь подальше, зурю. Я подам на вас рапорт!

Гозо пытался утихомирить врача.

— Я только выполнял свой долг, док, клянусь вам...

— В чем вы мне клянетесь? Покажите мне официальный приказ, больше мне ничего не нужно. У вас нет его с собой? Тем хуже для вас. Я оставлю этих двух людей у себя под своим наблюдением. И не забывайте, что я гражданин Земли. А если вы захотите снова взять их без письменного приказа, вы вызовете дипломатический скандал.

Он говорил так резко, так громогласно, что его собеседники не могли вставить ни слова, и через десять минут вынуждены были выйти за дверь.

6

Когда земляне остались одни, доктор Кебер открыл все окна и вздохнул:

— Наконец-то!

— Спасибо, док! — сказал Лоран.

Врач добродушно оглядел обоих.

— Не за что! Я сыт по горло Заркасом и заркасцами. Я говорю не о бедных туземцах, а только об официальных лицах. Мою свободу обрезают с каждым днем. С тех пор, как они связались с Треугольниками, они стали считать себя высшей расой. Вы дали мне случай говорить громко. Этого давно не случалось, и это было очень приятно.

— А теперь? — сказал Дарсель. — Конечно, они получают письменное разрешение через несколько дней. Что нам делать?

— Я вас выведу из Заркас-ле, — сказал Кебер, хлопнув инженера по плечу. — Нельзя терять времени.

Лоран задумчиво почесал подбородок.

— Скажите-ка, док... насчет этой эпидемии... Вы считаете, что...

Доктор громко расхохотался.

— Успокойтесь. Ей-богу, они вас почти убедили. Признаюсь, что и сам я на какую-то минуту заколебался. У этого Гозо удивительный апломб и большой дар комедианта, но его рассказ неправдоподобен. Сейчас я вам объясню суть для порядка, а затем надо спешно искать средство уехать отсюда, пока они не придумали что-нибудь еще.

После часового осмотра, пункций и взятия крови, доктор окончательно их успокоил.

— У вас абсолютно ничего нет,— сказал он.— Я так и думал. Но у меня есть для вас сюрприз.

— Приятный?

— Вы, конечно, заметили, что я коллекционирую заркассские древности. У меня есть одна вещь, которая вам доставит огромное удовольствие.

Он повел их в комнату, где стены были увешаны коврами и древним оружием. Два длинных ларя были уставлены странными скульптурами. Доктор взял причудливые статуэтки и любовно погладил гладкое пестрое дерево. Затем он спросил:

— Как по-вашему, что это?

— Не знаю,— сказал Дарсель.— Сундук.

Кебер вопросительно взглянул на Лорана.

— Это... ларь,— ответил Лоран.

— Нет, господа,— врач широким жестом раскрыл ларь.— Это саркофаг. Древний саркофаг Заркаса,

— Не понимаю, к чему вы ведете,— сказал Лоран.— Конечно, это очень красиво, но зачем он нам?

— Саркофаг? Естественно, не нужен. Вам больше пригодится хорошая пирога, чтобы спуститься по Реке Бога. Но дело в том, что этот саркофаг не пустой. Именно его содержимое и должно вас интересовать. Подойдите, подойдите!

Мужчины сделали несколько шагов вперед... и отскочили. В глубине широко раскрытого ларя лежал заркасец. Глаза его, казалось, с особой яростью разглядывали потолок.

— Успокойтесь, он мертвый,— поспешил сказать доктор.— Глаза стеклянные. Это мумия. В другом саркофаге лежит его жена, тоже, естественно, мумифицированная. Это король-колдун Красный Плато, Сафасс-Тин, и его жена Элан. Вы слышали о них?

— Вы сказали — Сафасс-Тин? Но ведь это название вулкана!

— А главным образом имя короля, мумию которого вы видите. Он оставил большой след в истории Заркаса. Не приходится удивляться, что туземцы называли его именем несколько гор и некоторые крупные местности. Оно деформировалось в Зафест или Сифтен в некоторых топонимах. Я нашел текст третьей династии, в котором есть пророчество:

«И когда король Софтен издаст свой мужественный крик, проспав несколько тысячелетий, от его голоса возникнут стеклянные храмы...»

Дарсель непристойно выругался и тут же покраснел.

— Простите меня, док, но этот текст просто исключительный...— И он рассказал об извержении вулкана и выходе гигантских обсидиановых колонн, чему был свидетелем. В глазах врача вспыхнул интерес. Он пожаловался:

— Какая досада, что поэма, которую я цитировал, очень фрагментарна. Пергаменты, которые у меня есть, рассыпаются, и мне очень трудно расшифровывать их. Но ваш рассказ о вулкане потрясающ. Он может дать мне нить Ариадны для этого лабиринта слов, в которых я теряюсь уже много месяцев. «И когда король Софтен испустит свой крик...» Тут совершенно явное отождествление вулкана и короля. Я не могу себе этого представить. Теперь двери раскрылись... Вы и в самом деле не знали, что Сафасс-Тин был королем?

Дарсель и Лоран обменялись взглядами. Они чувствовали себя невежественными, как плохие школьники. Лоран покачал головой.

— Не стыдитесь,— сказал врач, очень любовно склоняясь над мумией.— Не все так увлекаются заркасской археологией. Посмотрите на красоту татуировки на руках и ногах. Вы знаете, я нашел их сам. Никто не в курсе. У меня есть, чем заткнуть пасти членам Культурного Общества, утверждающим, что Сафасс-Тин никогда не существовал. Пирамида находится точно в центре Красного Плато. Она похожа на любой другой холм, но я узнал ее, основываясь на старинных текстах.

— Руки! — вдруг закричал Дарсель. — Руки и каменная голова, торчащие из озера!

Врач улыбнулся.

— Вы проходили там! Впечатляющее зрелище, не так ли? Ну да, скульптурные острова изображают Сафасс-Тина. Потому что статуи почти разрушены водой. Уровень озера поднялся с античных времен.

— Мы видели архипелаг из трех рук, что это значит?

— Король и его жена рядом, с поднятыми руками, только и всего. Но одна рука сломана... Посмотрим другой саркофаг.

И он показал на королеву Элан с ее многочисленными ожерельями и зажимами для сосков из резного серебра. Пораженные мужчины не открывали рта. Лоран первый обрел дар речи и спросил не слишком вежливо:

— Ну и что?

— Что? — улыбнулся доктор. — Разрешите мне сначала прочесть вам лекцию. Она не будет долгой, но вы все-таки садитесь и послушайте.

Они были удивлены, но повиновались. Врач бросился в кресло и скрестил ноги.

— В те времена очень богатые люди и известные могли заказать свою мумию при жизни.

Он сделал небольшую паузу. Дарсель вздохнул.

— Не понимаю.

— Объясню: заркасцы регулярно линяют, вы это знаете? Так вот, вместо того, чтобы обрывать кожу кусками, как делает простой народ, благородные приглашали специалиста, который, с забытым сегодня умением, без сомнения, основанным на особых массажах и ваннах из соков растений, ухитрялся снимать с них кожу целиком. Интересно, не правда ли?

— Оставалось только набить ее и раскрасить?

— Да, но, конечно, не соломой. Обе мумии, которые я вам показывал, набиты листьями неньюфар, без сомнения, из-за некоторых бальзамических свойств этих растений.

Лоран наклонился вперед.

— Вы сочтете меня нетерпеливым и вульгарным, но я опять спрошу вас: ну и что?

— Не догадываетесь? Для людей секретной службы у вас мало воображения, друзья. Вы просто-напросто переоденетесь в заркасцев с помощью этих старых кож. Я уже пробовал: может это и святотатство, но мы не будем входить в такие соображения.

Два друга некоторое время ошеломленно молчали. Наконец, Лоран сказал:

— Но, док, вы же надеваете на нас целое состояние.

— Конечно. И я надеюсь, что вам не трудно будет доставить его в целости и сохранности до столицы и доверить там нашему милому посланнику. Если заркасские власти узнают о существовании этих мумий, они немедленно отнимут их.

— Поставьте себя на их место, — несколько смущенно сказал Лоран. — Эти мумии — часть их истории. В сущности, это воровство.

— Где у вас голова? — запротестовал врач. — Власти отобрали бы их у меня только для того, чтобы сжечь. Можно подумать, что вы ничего не знаете об официальном иконоборчестве. Цивилизованные хотят уничтожить все корни древних верований, так что вы спасете эти реликвии. Это уникамы.

— Уникум? Но я думал, что король-колдун заказывал себе такую мумию после каждой линьки.

— Конечно, но предшествующую каждый раз приказывал сжечь. Легенда о Сафасс-Тине еще жива в простом народе и в горных племенах. Они убеждены, что он вернется, и это воскрешение откроет новую великую эру для всей их цивилизации. Я бы советовал вам скрыть татуировку на руках и ногах. Представьте себе, что опытный глаз узнает ритуальные знаки — вас примут за призрак Сафасс-Тина.

7

Дорога из Зарес-ле в Тибор была долгой и пыльной. Два землянина ехали верхом на давалях, больших бегающих птицах. Наряженные в кожу королевских мумий, они полностью походили на двух образованных заркасцев в увеселительном путешествии.

Кожа была чуть-чуть коротковата для рослых землян, так что пришлось обрезать ее выше колен и оставить прогал до середины бедра, но он был скрыт под одеждой. Врач сделал им, кроме того, зубные протезы, имитирующие крупные резцы заркасцев. Что касается отверстий для глаз, то несовершенная подгонка их краев на лицах землян маскировалась черными очками.

Эти неудобства покрывались одним преимуществом: ширина и эластичность кожи позволяла устроить внутренние карманы, в которых лежали драгоценный железный лом из Треугольника и документальный фильм, без труда снятые с ветвей дерева.

Лоран повернул голову к своему компаньону:

— Не устала ли моя дорогая королева? — смеясь, спросил он.

Дарсель вздохнул, явно находясь в дурном настроении.

— Твоя королевская супруга велит тебе заткнуться. Ей жарко в ее коже, а ее зад весь разбит от прыжков ее верхового животного.

— Ты хочешь повторить, что птицы не идут ни в какое сравнение с хорошей гусеницей. Ты говорил об этом, когда мы спускались по Плато, ты ворчал насчет этого, плывя на орехах аказа. Но даже если бы мы могли спасти ту гусеницу, мы не смогли бы привести ее сюда. Местный климат ей не подходит.

— Все равно я о ней жалею.

— Потерпи, дружище, сегодня вечером мы будем в Тиборе. Мы возьмем прямую ракету в столицу. — Он задумался на минуту и добавил. — Это неглупо — ехать на Тибор. Осторожный обход. Другие аэродромы, конечно, уже насторожились. Я голосую за поздравления.

— Хвастун с претензиями! — рассудил Дарсель. — Как бы мы выпутались из этого дела без доктора Кебера?

— Ты забываешь, что именно я подумал включить его в дело. Если бы я не предпринял прогулку, нас отличным образом просветили бы рентгеном, и хорош был бы я со своим приемо-передатчиком! Я считаю себя ответственным за успех нашего побега.

Дарсель застонал от болезненной тряски, вызванной капризным прыжком давала. Он нетерпеливо дернул поводья. Птица закудаhtала.

— А я, по-твоему, хорош с женскими грудями, оканчивающимися бельевыми прищепками.

— Ох, кокетка, ты предпочла бы зажать их серебряными аграфами?

Дарсель пожал плечами. По всему его телу стекал пот, слишком длинные резцы резали губу, и он плевался внутрь своей мумии.

Безрадостная монотонная дорога вилась между белыми от пыли пальмами. Дальше она полезла на штурм облезлого холма, усеянного желтоватыми камнями. Лоран взял поводья в одну руку и достал карту. Минут десять он смотрел на нее, затем неуклюже сложил, словно на руках у него были слишком большие перчатки, и положил в карман.

— Если быстро поедem, то будем в Тиборе до пяти, — сказал он. — Но через десять километров надо дать отдых давалам. Там есть вода.

Они добрались до предместьев Тибора с большим опозданием против намеченного расписания: им пришлось проходить огромные сады арбузов и аказа. Они вошли в город уже ночью, пешком, ведя в поводу усталых давалей, спотыкающихся на неровностях улиц.

— Нам надо избавиться от птиц, — сказал Лоран. — В городе на нас обратят внимание.

И так уже редкие прохожие оборачивались на запыленных путешественников. На небольшой пустынной площади со стертой за века мостовой они нашли общественный фонтан. Они стряхнули с себя пыль, умылись прохладной водой и оставили там верховых птиц.

Тибор кичился своей транспортной сетью, в общем-то скопированной со столичной. Дойдя до пояса бульваров, напоминающих очертания древних укреплений, земляне быстро нашли станцию монорельсовой дороги.

— Говори поменьше, — рекомендовал Лоран. — К тому же, тебе полагается хранить сдержанность, свойственную женщине, моя нежная голубка.

Дарсель вполголоса ругался, в то время как они смешались с толпой, ожидавшей на перроне.

Они ничем не отличались от цивилизованных заркасцев, только черные очки в столь поздний час немного удивляли, но многие цивилизованные носили очки без надобности, для стиля и из подражания землянам, так что это не было серьезным.

Никто не обращал на них внимания, даже те земляне, что попадались в толпе.

Вопрос языка был более сложным. Но в крупных центрах очень многие образованные туземцы старались говорить на земном языке, а уж если по-заркаски, то с земным акцентом. Лоран решил не употреблять слова, произношение которых не давалось человеческому горлу. Он попросил два билета нейтральным тоном, и служащий выдал их с полным безразличием. Лоран вздохнул облегченно. Куда труднее было бы в Заресс-ле или в местах, близких к джунглям, где цивилизованные встречаются редко.

С чувством раздражения они сели в заркасский вагон, видя, как другие земляне набиваются в вагон для чужих рас.

«Мы с ними так не обращались в прошлом, — подумал Лоран. — Им доставляет удовольствие унижать нас. Неужели они воображают, что их союз с Треугольниками придает им право на такую дискриминацию?»

Они несколько раз меняли поезда во время путешествия. Лоран старался поменьше спрашивать и разбирался сам в планах, вывешенных на станциях.

Таким образом они проехали через весь город. Поезд перешагнул освещенные улицы и серебряные воды Реки Бога. Затем они подъехали к аэродрому, истинному городу-спутнику Тибора, с его открытыми всю ночь ресторанами, магазинами и аптеками, где можно было купить терки для кожи и помаду для линьки.

Они спустились на экспланаду конечной станции. Там их окружили оборванные заркасские ребятишки, предлагая им корзинки с едой, газеты и проспекты отелей. Один

из них схватил Лорана за рукав и выкрикнул гортанную фразу. Более предприимчивый, чем другие, он предлагал выкрасить в зеленый цвет руки «Мадам и мсье». Зеленый цвет был модным в больших городах. И мальчик размахивал маленьким несессером для раскраски. Лоран освободился от него, односложно отказавшись. Мальчик осмелел и схватил за руку Дарселя. Дарсель молча отступил назад, но мальчишка уже воскликнул:

— У мадам мягкая кожа. Она скоро будет линять. — И вытащил из своих лохмотьев флаконы с помадами разных марок.

— Пошел вон! — раздраженно закричал Лоран и потащил Дарселя к кассам.

Там они облились холодным потом, увидев, как мимо касс прохаживаются полицейские и проверяют бумаги у всех землян. Лоран заставил себя подойти к офицеру.

— Что происходит?

Офицер бросил на него хмурый взгляд человека, который выполняет приказ, не понимая и не интересуясь его основаниями.

— Приказ! Ищут двух землян, больных заразной болезнью. Берите ваши билеты и проходите, не загромождайте проход.

Лоран взял билеты и сделал знак Дарселю идти за ним к взлетному полю.

— Они не теряют времени! — сказал он сквозь зубы.

В конце длинного перрона столпились вагонетки, и группы пассажиров направились к ракете. Задрав нос к черному небу, она сверкала под огнями прожектора.

В ракете Лоран уселся рядом с Дарселем в удобное глубокое кресло и шепнул:

— Я чертовски устал. Посплю немного до отправки.

Он тотчас уснул. Ему приснился сон.

Он стоял на безмерной сверкающей плоскости. Как и в первый раз, перед ним появился темный призрак с браслетами на руках и ногах. На этот раз Лоран узнал его и прошептал:

— Сафасс-Тин.

Призрак медленно наклонил голову и заговорил знакомым Лорану голосом:

— Наши пути должны были скреститься, Человек с Земли. И вот теперь ты в моей коже.

Сытый своей первой встречей с королем, Лоран позволил себе улыбнуться:

— Это правда, Сафасс-Тин, что я позаимствовал твою мумию. Но, поскольку тебе известно все, ты должен знать, что я сделал это с благородными намерениями.

— Я знаю,— сказал король и положил ему руки на плечи.

Лоран испытал фантастический шок, словно его тело было пронизано тысячами вольт. Он кружился в пространстве сотни измерений, видел множество взрывов, танец пламени, взрывающиеся кометы, разбегающиеся галактики и огненные круги звезд.

А затем он падал в темноту, все ниже и ниже, в бездонную пропасть.

Он проснулся в объятиях Дарселя, который шептал ему в ухо:

— Что с тобой, дружище?

— В чем дело? — спросил Лоран, еще в тумане сна.

Затем он заметил, что другие пассажиры на них смотрят и оттолкнул Дарселя.

— В чем дело? Что я делал? — спросил он шепотом.

— Ты стонал и потом так осел, как будто неожиданно умер. Ты болен?

Лоран медленно покачал головой.

— Нет, нет. У меня был кошмарный сон. Мне снилось... — Он нахмурился, потряс головой и совершенно искренне признался: — Не могу вспомнить.

Прозвенел сигнал отправки, и все путешественники занимались проверкой своих привязных ремней.

Через десять минут ракета приземлилась в столице.

Глава третья

1

Столица представляла из себя нечто огромное. Две цивилизации объединились там в чудовищный конгломерат. Громадные здания из стекла и стали соединялись между собой мостами через озера и гигантские шоссе. Башни из пластика соседствовали с золотыми храмами древней заркасской религии. Вращающиеся фонари царили среди деревьев-деревень, где заркассские рыбаки все еще гнездились, как птицы. На нижних улицах у портов запряжки давалей позвякивали рядом с автомо-

билем на воздушной подушке, а движущиеся тротуары проходили мимо куч мусора.

В озерных предместьях на востоке по форваторам и лагунам еще ходили парусные плоты, которые мешали проходу гидротанков полиции. Песни гребцов перекликались с ревом сирен. В грязной воде плавали орехи акажа и разноцветные банки из-под консервов среди отходов заводов и отбросов местных рынков. Допотопные ветряные мельницы крутились еще в тени заводских труб.

Центр города тонул в шуме возбужденной толпы и машин, криках животных и рекомендаций на двух языках, исходящих из репродукторов на перекрестках, и заливался светом многоцветных реклам, которые бросали красные, голубые и желтые пятна то на лицо нищего, съедаемого черной язвой, то на сияющую улыбку жены земного дипломата, то на искаженные черты бродячего фокусника, выплевывающего огонь, или на непроницаемое лицо полицейского.

Двое переодетых землян погрузились в водоворот этого Вавилона. Более анонимные теперь, чем в джунглях Верхних Земель, они взяли такси и поехали по сети гигантских туннелей.

Тут не было повозок с каменными колесами, колясок, запряженных давалями; только автомобили бесшумно скользили в холодном свете хрустальных фонарей. Только изредка слышалось глухое ворчание — не то от вагонов метро, не то от подземных вод Реки Бога.

— К центральному Скверу! — скомандовал Лоран.

Шофер-туземец склонил голову, свернул вправо и стал подниматься по спирали ската, освещенного голубоватыми огнями. Он поднялся на триста метров над землей и понесся по головокружительному мосту над нижним городом, над его грязью, над его жемчужинами древней архитектуры. Теплый ветер приносил запахи гнили или антисептики. Они поднимались выше под тысячью сияющих взглядов зданий и на полной скорости атаковали спираль, опоясывающую одну из Четырех Башен; она привела их на квадратное плато в две тысячи гектаров сада — Центральный Сквер на высоте шестисот метров.

Они вышли из такси в большую аллею.

Разворачиваясь, шофер-туземец крикнул:

— Счастливо вам, влюбленные! — и добавил заркаскую шутку дурного тона. Лоран не отказал себе в удовольствии перевести ее Дарселю, и тот задохнулся от злости под древней кожей королевы Элан.

В этот час гуляющих было мало. Голоса большого города доносились сюда лишь приглушенным бормотанием. Все еще смеясь над негодованием инженера, Лоран потащил его на террасу в пустынной аллее. Они сели на скамейку.

Лоран несколько секунд трепал свой клык, а затем выбил булавкой на коренном зубе определенный ритм. Это означало:

«Все хорошо. Вернулись. Оставляю контакт на пять минут, чтобы облегчить вам проверку. Заезжайте за нами. Три и два, повторите, три и два».

Через несколько секунд в костях черепа прозвенел сигнал. Лоран сморщился и прервал связь.

Они ждали. Время от времени небо вибрировало от прохода гелиобуса. Издалека долетал звон храмового колокола, потом истощный вопль заводской сирены. На севере они видели оранжевое пламя космической ракеты, медленно спускавшейся в аэропорту. Она скрылась за горизонтом, за зубцами пилонов и радарных башен.

Затем прилетел маленький вертолет и закружил над ними — три раза в одну сторону, два в другую. Лоран достал фонарик и просигналил в установленном ритме: один, два, три, один, два, один, два, три, один, два.

Вертолет удалился, затем вернулся с погашенными огнями. К ногам мужчин упал конец металлической лестницы, и они полезли в черноту неба.

Дарсель захлопнул дверцу, и в кабине снова вспыхнул свет.

Пилот, землянин с выбритым черепом, испуганно взглянул на них и мгновенно выхватил оружие.

— Стоп! — скомандовал Лоран. — Это же мы, друг!

Пилот заколебался. Лоран отогнул манжет старой кожи и показал часть своей руки.

— Да... — сказал бритый пилот. — Это потрясающе! Еще немного — и я бы пристрелил вас.

— Это потрясающе, Жюль, — сказал Лоран. — Но не очень удобно, а мы таскаем эту кожу восемь дней. Ну, давай жми. Мне нужна ванна.

Вертолет взял курс на восток. Он летел над большими артериями центра, которые расходились лучами от сквера, затем над плоскими крышами и террасами жилых кварталов, слегка отклоняясь к северу, и затерялся в волне воздушного движения, где смешивались роскошные машины и старые вертолеты. Он нырнул в Золотой Туннель,

вынырнул в тошнотворный дым фабрик, миновал Древний Центр и пошел над улицей между двумя громадами Океанской Двери.

Наконец, он медленно спустился по вертикали к куполу земной дипломатической миссии. Купол открылся и поглотил его, как муху.

— Спасибо, малыш! — бросил дружески Лоран, выскакивая на цементный пол гаража.

Дарсель выскочил следом.

Навстречу им шагнул офицер и застыл, ошеломленно глядя на них.

— Как ты находишь этот маскарад? — спросил Лоран, сердечно хлопнув офицера по плечу. — Надеюсь, что все-таки узнаешь мой голос?

— Это... Это... — заикался офицер.

— Потрясающе, — дополнил Лоран. — Нам это уже говорили. Ну, быстрее: комнату и ванну! — и, не ожидая ответа, направился к лифту. Офицер схватил его за рукав.

— Патрон хочет видеть тебя немедленно.

— Подождет.

— Но это очень важно и...

— Мне наплевать. Для меня самое важное — снять эти отрепья, — сказал Лоран, увлекая Дарселя к лифту. — Ты знаешь, что это?

Офицер печально развел руками.

— Он сказал только, что желает тебя видеть.

— Да я не о том! — запротестовал Лоран, нажимая кнопку. — Я спрашиваю, знаешь ли ты, что на мне надето? Мумия неисчислимой ценности; вроде бы мумия короля Сафасс-Тина. — Он показал на Дарселя и добавил: — А это королева Ээлан. Что ты об этом скажешь?

Кабина остановилась, и они вышли в коридор.

Запах земного комфорта приятно щекотал ноздри обоих путешественников. В нем слышался намек на озон, слабые эманации мебельного плюша и стен, одетых в пластик под дерево.

— Это не серьезно, — спорил офицер. — Я вас встречал и шеф будет в ярости.

Лоран, не слушая, вошел в ванную и сел на стул. Он снял «перчатки» с рук, вытащил изо рта фальшивые клыки и бросил их в умывальник. Затем снял заркассскую одежду, обнажив татуировку на торсе покойного короля. Затем он стал снимать маску с лица и застонал.

— Эта гадость приклеилась к щекам и к подбородку! Помогите-ка мне, Дарсель! Да, а куда девался лейтенант?

— Он звонит шефу, — сказал инженер.

— Помогите мне, — повторил Лоран. — А ты чего ждешь и не вылезаете?

Офицер вернулся и сказал:

— Начальник сейчас придет.

Шеф пулей выскочил из лифта, маленький, краснолицый, нервный, с белыми растрепанными волосами. Вид у него был разъяренный.

Он открыл наугад первую попавшуюся дверь, обнаружил пустую комнату и завопил на весь коридор:

— Лоран! Где вы, черт возьми!?

Офицер вышел из ванной и поклонился.

— Он здесь, полковник, но он...

Проворный старик почти оттолкнул его и ворвался в ванную, когда он увидел лицо Лорана.

Лоран все еще сидел. Кожа мертвого короля облежала его тело, как кираса, а лицо его было в крови. Щеки были как бы обложены сырой ветчиной, на голове и щеках виднелись безобразные проплешины. Наклонившийся над ним Дарсель держал вату, пропитанную антисептиком.

Шеф оглядел обоих и выпалил сразу два вопроса:

— Вы ранены? Что это за бабенка?

— Это Дарсель, переодетый в заркаску, — морщась, ответил Лоран, — но эту маскировку трудно снимать. Видите, с ней вместе сходит и моя кожа.

Несколькими словами он ввел патрона в курс истории с мумиями. Он показал ноги Сафасс-Тина, лежащие на полу, как мягкие сапоги, пошарил под взятой взаймы кожей на теле, морщась и повторяя, что «везде приклеилось», достал мешочки с фильмом и железяками Треугольника.

Шеф повернулся к лейтенанту:

— Отнесите это в лабораторию и позовите врача.

— Подождите, — сказал Дарсель, — у меня тоже есть кое-что для вас.

Он опасливо начал раздеваться. Затем он осторожно снял часть мумии, которые носил неделю, в то время, как другие внимательно следили за ним и его действиями. Однако, он справился без всяких затруднений.

— Счастливчик! — бросил Лоран. — Наверное, старый король был чем-то болен, или... Черт возьми! Верите ли, это жжется!

Лейтенант взял мешочки и фильм, поклонился и вышел сказав:

— Я вам пришлю врача.

Лоран проснулся в чистой постели, первой за долгое время, и вспомнил, что лежит в частной клинике миссии. Он ощупал грудь и лицо: чуть не все было забинтовано. Он огляделся и увидел санитаря, сидевшего на стуле у окна. Санитар встал, улыбаясь.

— Все в порядке?

— Да. А вы что, дежурите тут, как возле умирающего?

— Вы бредили всю ночь и распевали древние заркассские песни... Извините меня, я скажу доктору, что вы проснулись.

Санитар исчез, а Лоран нахмурился. Древние гимны? Он был уверен, что не знал ни одного. Его знание заркассского языка ограничивалось хорошей практикой в обычном разговоре, но не больше. Только то, что необходимо в путешествии, в отеле, в ресторане.

В комнату вошел высокий, худощавый человек. Лоран узнал врача, перевязывавшего его накануне вечером, и сказал:

— Ну, док?

Врач сел у изголовья постели.

— Ничего, дружище. Мы изучили ваши раны и нашли мелкие одноклеточные организмы, убитые антисептиком. Вы просто стали жертвой внешней инфекции. Но эта инфекция, как видно, весьма уязвима, и я думаю, их больше не будет. Сегодня ночью, пока вы спали, мы много раз осматривали вас. Вы страдаете только банальными изъязвлениями, очищенными от всяких микробов.

— Говорят, я бредил.

— Да. Вы пели целые строфы древнего ритуала, по словам одного археолога-любителя, работавшего у нас.

— Но, послушайте,— протестовал Лоран,— я отроду не слышал о вашем старом Ритуале.

Врач уклончиво пожал плечами.

— Вполне возможно,— сказал он,— что вы слишком впечатлительны, и слышали распевających туземцев, но не обращали на это внимания, но ваше подсознание зарегистрировало все.

— Может быть.

— Ну, конечно, дружище. Да это и не имеет никакого значения.

— А когда я смогу снять это? — спросил Лоран, указывая на бинты.

— Я смазал раны митозаксом. К вечеру они должны зарубцеваться. Прошу вас до тех пор не вставать. В шесть я приду и освобожу вас.

Они обменялись рукопожатием, и Лоран с удовольствием снова улегся.

Через пять минут он заметил, что лежать скучно, и попытался заснуть. Он начал считать воображаемых баранов. На сорок шестом баране дверь открылась и вошел шеф с фальшиво-сочувствующим видом. Лоран бросил на него черный взгляд из бойниц, образованных бинтами.

— Ну как, бедняга? — сладко спросил шеф.

Лоран заметил, что глаза его близкого врага странно блестят.

«Он ликует, — подумал он. — А почему? Железки с Треугольника, наверное, еще исследуют. Но лаборатория, конечно, выяснила кое-какие тайны.»

Шеф сел на кровать.

— Вы раздавите мне ноги, — резко сказал Лоран.

— Ох, извините, — сказал полковник и пересел.

«Какая любезность, — подумал Лоран. — Мне это не нравится. Он хочет о чем-то просить меня.»

Шеф задал несколько вопросов насчет здоровья Лорана, а затем поздравил его с результатами его миссии.

— Люди в лаборатории нашли фантастические вещи, мой дорогой, и это благодаря вам. Да, да, не спорьте, вы очень хорошо справились.

— Я и не спорю. Что они нашли?

Полковник наклонился над ним.

— Субпространство! Теперь мы его держим! Просто неслыханно, чтобы удавалось столько извлечь из нескольких железок и осколков стекла. За шесть месяцев, самое большее за год, мы построим серию кораблей, способных проделать перелет Земля-Заркас за один час! — Он схватил руки Лорана и патетически закончил: — Спасибо, мой дорогой мальчик!

«Переигрывает, — подумал Лоран, высвобождая руки. — Но, ей-богу, у старого паяца слезы на глазах!» Он чуть не рассмеялся под своими повязками и сразу понял ловкую игру своего начальника. Шеф был хитер, как обезьяна, этого нельзя было забывать. Шеф прекрасно знал, что делает, и не строил никаких иллюзий насчет того, что его отеческий тон может обмануть: он умышленно вызывал тайный смех Лорана, чтобы в этом смехе оттаяли недоверчивость и враждебность Лорана. И это сработало: обезоруженный Лоран не мог не восхищаться им.

Но старик уже печально покачивал своей белоснежной нечесанной головой.

— Какая досада!

Лоран воздержался задать вопрос, естественно вызываемый этим скорбным восклицанием. Он молча ждал. Старик печально взглянул на него.

«Сбой!» — подумал Лоран, а старик продолжал:

— Какая досада! Нам не хватает несколько важных мелочей. Техники утверждают, что Треугольные очень малы, не более двух сантиметров. Эти тысячи ячеек, сотни крошечных отверстий, которые видны на вашей пленке, являются коридорами, дверями и проходами. Не знаю, на какие данные они опираются, но они уверены.

— Ну и что?

— А то, что это не вяжется с тем, что мы уже знаем об этих существах. Пока вы ходили по джунглям, мы работали здесь. Мы знаем, что Треугольные есть в самом городе, и заметьте, точно подобны заркасам. Тот же рост, та же анатомия. Отсюда такая братская симпатия, которая объединила их с нашими старыми протеже. Так что между этими двумя фактами противоречие.

— Треугольные в городе! — воскликнул Лоран, откидывая простыни. — Ладно, полковник, выкладывайте! Я в вашем распоряжении.

— Нет, нет, — лицемерно протестовал старик. — Отдыхайте, мой мальчик. К тому же, я не имею права рисковать жизнью моего лучшего агента. Хватит и того, что Санчес и Смит...

— Что? — спросил Лоран, собираясь встать. — Смит и Санчес...

— Вероятно, уже погибли. Уже восемь дней мы не можем их найти. И я не имею права...

Забыв всякое уважение, Лоран схватил полковника за ворот.

— Постыдитесь, старый прохвост! Вы выиграли, не так ли? Вы сказали как раз то, что нужно, чтобы я пожелал лично заняться этим делом.

Непочтительность подобного рода нередко встречается в Специальных Службах. С агентов спрашивают так много, что в качестве компенсации разрешают некоторую фамильярность — без свидетелей, естественно. И Лоран был сейчас один на один с шефом, и этот последний вдруг заговорил откровенно.

— Вы думаете, я делаю это для развлечения? Это полезная профессиональная информация. Не будь на

протяжении истории типов, вроде меня, мы никогда не перешагнули бы границ солнечной системы. А что касается риска, он неизбежен, и вы хорошо это знаете. Я ведь так же много рисковал в молодости. Я был маленьким агентом, вроде вас, во время войны с Плутоном.

— Ладно, — вздохнул Лоран, смягчаясь. — Выкладывайте все.

Шеф говорил долго.

3

Уже две недели Лоран снова носил кожу покойного короля. Из предосторожности он надел под нее толстое белье, как защитный экран между своим телом и мумифицированной кожей, которую, к тому же, продизенфицировали внутри. В течение этого времени он следил за заркасцем, который был не заркасцем, а Треугольным. Тем самым, за которым следили Санчес и Смит до своего исчезновения.

Но в этой работе у Лорана было преимущество перед предшественниками: его переодевание позволяло ему следовать за Треугольным в такие места, где присутствие землянина если и не запрещалось, но обратило бы на себя внимание: курильни аказа, подозрительные заведения и общественные бани.

Уже несколько месяцев Специальные Службы отмечали усиленный приток праздных заркасцев в столицу; заркасцев, которые несколько отличались от других более напряженной походкой, редким и резким миганием глаз, замедленной речью со странной артикуляцией.

От своего недавнего полного владычества на Заркасе земляне сохраняли некоторые преимущества: они отлично знали подвластную им систему управления и наличие досье, постоянно подновляемых. Так что они без труда обнаружили, что эти странные приезжие не имеют гражданского состояния и бумаги их фальшивые. Лишь немногие из этих заркасцев вроде бы выполняли регулярную работу, но, как ни странно, это всегда были граждане без семейных связей и жили в отеле. Тот, за кем следил Лоран, относился как раз к этой категории и официально числился инспектором полиции, что давало ему возможность легко проникать почти повсюду.

В течение двух недель Лоран видел, как тот приходит в полицейский пост северного квартала, проводит там около часа и выходит в бесконечную прогулку по улицам.

Он посещает заводы, портовые учреждения и даже главный аэропорт, и все это, конечно, под официальным предлогом.

О такого рода деятельности подозреваемого уже сообщали Смит и Санчес. Благодаря переодеванию, Лоран мог завести свою слежку более далеко.

Однажды Лоран зашел вслед за подозреваемым в общественную баню; тот, как всегда, ограничился тем, что бросил рассеянный взгляд на бассейн, но погружаться в него не стал. Как обычно, он выбрал столик в стороне и смотрел, как купаются другие. Когда слуга предложил ему выпивку, он принял ее и небрежно расплатился.

Лоран уселся неподалеку и развернул газету с неприятным чувством, что ему придется добрый час просидеть тут без дела. Он удивился, как Треугольный до сих пор не заметил, что ему чуть ли не наступают на пятки. Чтобы сбить его с толку, Лоран применил одну из своих многочисленных уловок. Он сделал вид, что уходит ленивым шагом и заперся в туалете. Там он взглянул в зеркало и подмигнул изображению старого короля, снабженного небольшими усами и завитым париком. Он снял усы и парик и сунул в карман. Он вынул из эластичной кожи лица комки ваты, раздувающие его щеки, и убрал один клык. Дополнив свою трансформацию перевернутой одеждой, он вернулся в зал, слегка сгорбившись. Если Треугольный заметил толстого заркасса, завитого и в голубом пиджаке, то теперь увидел худощавого, лысого индивидуума без одного зуба, в коричневом костюме. Никакого сходства между этими двумя типами нельзя было установить. У Лорана в запасе было еще с десятков сменных личностей и он осторожно пользовался ими во время своего расследования.

Он сел на другое место и, казалось, заинтересовался купальщицами, но незаметно наблюдал за Треугольным.

«Эта скотина начинает меня утомлять, — думал он. — И все это ничего не дает. Здесь я уже третий раз, и все зря. Попозже он выйдет и начнет свою долгую прогулку по городу. Когда он спит? Я уже пятнадцать дней не ложился. Без докторских пилюль я бы уже давно свалился. Он загоняет целый полк, этот проклятый Треугольный. Ей-богу, у него такой вид, будто он спит с открытыми глазами. Видимо, ему достаточно трех часов отдыха за три дня. Но мне-то недостаточно! Но до чего шикарны эти докторские пилюли! За пять минут поднимают. Но когда все это кончится, меня, без сомнения,

будут собирать ложкой!» И он выговорил про себя длинную цепочку отборных ругательств. Исчерпав свой репертуар, он перешел на особо гнусные заркаские выражения, но и это не облегчило его. Да и вообще ругань на чужом языке не может облегчить мужчину. Это эрзац. Он злобно взглянул на Треугольного, неподвижно сидевшего на стуле, и ненавидел его от всей души. Затем его мысли вошли в более спокойное русло.

«Как эти парни ухитряются быть одного роста с заркасцами? По мнению наших специалистов, их корабли построены для очень мелких индивидуумов. Это никак не клеится. Может быть, у них есть методы для уменьшения или... Постой! Интересно, приведет это меня куда-нибудь или... сам не знаю. Берлога на сборном пункте. Я замечу место и вернусь в миссию. Я не спал две недели!

Сердце его внезапно забилося. Треугольный зашевелился, встал и направился своей деревянной походкой к выходу.

Лоран дал ему уйти и затем вышел сам, и пошел за ним по улице.

Наступила ночь и хрустальные фонари сияли ярким светом. Треугольный шел среди болтающейся толпы, как слепой. Он пошатывался и едва не наткнулся на столбы.

«Он болен,— подумал Лоран,— или пьян. Но с чего бы? Он не притронулся к своей выпивке. И куда он идет?

Треугольный и в самом деле пошел в том направлении, куда раньше никогда не ходил: в жилой квартал. Лоран увидел, что он останавливает такси, выругался про себя и бросился искать другое. Такси с подозреваемым уже удалялось. Лоран прыгнул на подножку частной машины, открыл дверцу и сел рядом с водителем.

— Это еще что? — возмутился водитель и испуганно свернул к тротуару.

— Спокойно, парень,— сказал Лоран, выпрямляясь.— Я не хочу тебе зла. Езжай за тем голубым такси, и с тобой ничего не случится.

Заркасец боязливо взглянул на оружие, которое уперлось ему в живот, и, ни слова не говоря, повиновался. Обе машины нырнули в восточный туннель, но такси мало-помалу выигрывало расстояние. Лоран сказал сквозь зубы:

— Смотри, не упусти его. Худо будет!

Вспотевший заркасец творил чудеса акробатики и разом обогнал три машины.

Такси остановилось. Лоран освободил своего подневольного шофера. Длинная улица жилого квартала была почти безлюдной. Уже настала ночь.

Лоран шел за своим Треугольным на расстоянии одного дома, но ведомый, кажется, не замечал слежки. Он шатался все больше и больше. Он вдруг исчез в переулке, и Лоран побежал бегом. Завернув за угол, он увидел, что Треугольный входит в большой дом, сверкающий хромом.

«На этот раз я у цели,» — подумал Лоран и с равнодушным видом прошел мимо здания. Это был роскошный отель для богатых заркасцев. Три весьма дорогие машины были припаркованы на частной стоянке. Лоран дошел до конца улицы, не оборачиваясь, и вошел в сквер, ярко освещенный цветными фонарями. Зайдя в тихую аллею, он снова надел парик и зуб, вывернул наизнанку пиджак и вынул из кармана расшитые золотом перчатки. Приняв таким образом вид солидного, хорошо одетого заркасца, он вернулся, уверенно постукивая по тротуару подошвами новых ботинок.

4

Он легко поднялся на три ступеньки крыльца и вошел в холл отеля. Заркасец в ливрее преградил ему дорогу.

— Что вы желаете, мсье?

Голос, медленно выходящий из глубины горла, тут же показал Лорану, что этот фальшивый холуй тоже Треугольный.

— Апартаменты на несколько дней, — ответил Лоран. — Я из провинции. У меня есть кое-какие дела в столице. — И он заранее знал, что ему скажет портье.

— Нам очень жаль, мсье, но отель переполнен.

— Досадно. Придется спускаться в нижние кварталы, чтобы найти кров. А в нижних кварталах так воняет! Неужели у вас нет хотя бы одной комнаты на эту ночь?

— Абсолютно ничего, мсье. У нас заказывают за месяц вперед.

Лоран бросил взгляд вокруг. Холл был великолепен, украшенный металлическими статуями и тяжелыми занавесями. Но что-то неуловимое в окружении, странная атмосфера сводила на нет усилия декораторов. Ну-ка, ну-ка... Вот что: тут должен быть шум приглушенных разговоров, тихие смешки в уголках, немного музыки. Однако, несколько клиентов, утонувших в креслах, каза-

лись отдыхающими марионетками. Никто не разговаривал, не мял небрежно газету, не смотрел на часы. Только одна заркаска расхаживала взад и вперед перед пустым баром. Заркаска с мужской, почти военной походкой.

Лорана охватила тревога. Он вдруг заметил, что эти фальшивые заркасцы скроены как бы по одной модели. Конечно, у одних были рыжие волосы, у других — седые, были и лысые, но все детали волосяного покрова или одежды казались различными аксессуарами, приложенным к одинаковым манекенам. Заркаска, ходившая туда-сюда, была двойником портье в ливрее. Она отличалась от него только длинными косами, отсутствием бороды, румянами на лице и скромными выпуклостями под платьем.

Лоран сделал шаг назад и пробормотал:

— Ладно... что ж... пойду в другое место.

Портье поклонился и церемонно открыл ему дверь. Почти не шевеля губами, он сказал:

— До свидания, мсье. Еще раз приношу извинения.

Лоран подумал, что у портье голос трупа. Выйдя на улицу, он пожал плечами: «Как можно иметь голос трупа?» И чуть не засмеялся, но тут же понял, что смех этот не от веселости, а просто признак нервной разрядки.

Стараясь не бежать, он вернулся в сквер, нашел спокойный уголок за кустами, сел на траву и пошевелил свой клык, как бы ковыряя в зубах. Затем заговорил:

— Нашел, ребята! Роскошный отель. Шесть двенадцатая Восточная, номер 213. Настоящее гнездо Треугольных. По-моему, там нет ни одного настоящего заркасца. Мой подозреваемый, по-видимому, заболел около шести часов: он шатался. Я ехал за его такси до этого места. Я в первый раз видел, что он взял такси. Теперь я возвращаюсь. Конец.

Во время его пребывания в клинике его приемо-передатчик усовершенствовали: теперь он мог передавать и получать сообщения открытым текстом, но в эфир они шли автоматически зашифрованными.

Он встал, отряхивая панталоны, и вдруг застыл: две тревожные тени шли к нему с двух концов аллеи. Он медленно повернул голову и взглянул на другую аллею за кустом. Там неподвижно стояли две другие тени.

«Попался!» — подумал он и достал из кармана оружие. Два силуэта оставались перед ним. Женская тень заговорила тем механическим голосом, который он уже знал:

— Отдайте мне это оружие, мсье. Оно вам не поможет, поверьте мне.

--- Возьмите! — сказал Лоран.

Тень сделала шаг вперед. Лоран выстрелил. Полоса света ударилась в грудь заркаски и рассыпалась безобидными искрами, а заркаска продолжала двигаться вперед, ее равнодушное лицо осветилось маленьким фейерверком, который ожог ее одежду. Лоран узнал золоченые пуговицы и куртку портье. Отскочив назад, он попал в руки двух Треугольных с другой аллеи.

Его крепко, как клещами, схватили за руки, ударили по голове и он выронил оружие. Он почувствовал удивительно болезненное головокружение и успел еще подумать: «Вот что произошло со Смитом и Санчесом». Какая-то непонятная сила овладела его мышцами, нервами, способностями, а в мозг входило горделивое, безмерное бездумие. Все его тело изогнулось, одушевленное убийственной силой, и металлические тиски вражеских кулаков разжались.

Он обнаружил, что стоит, рыча, на аллее между двумя телами, упавшими направо и налево от него, в то время, как первые нападавшие спешат им на помощь. Он ждал их, сжав кулаки. Ненависть его была так сильна, что он почти чувствовал, как она вылетает из его злобноприщуренных глаз. Нечто в этом роде случилось, когда Треугольный зашатался под его взглядом.

И эти зашатались тоже, повернулись и побежали к выходу из сквера, хромая, как разладившиеся роботы.

Приступ ярости Лорана вдруг прекратился. Он устало прислонился к дереву, бормоча что-то бессмысленное. Потом запоздалый страх вернул ему его нормальные силы, и он со всех ног бросился в противоположном направлении.

Он долго бродил по незнакомым переулкам и внезапно выскочил на большую освещенную улицу, кишашую народом. На него смотрели, как на пьяного. Он кое-как поправил разорванную одежду и пошел спокойнее, стараясь не обращать на себя внимания прохожих. Он заметил, что держит в руках какой-то предмет. Не свое оружие, нет, это было...

Он быстро сунул предмет в карман и крикнул такси.

Он дал шоферу адрес тайного отделения миссии. Погрузившись в мягкое сидение позади, он вынул предмет из кармана и внимательно оглядел его. Это было ухо. Видимо он бессознательно оторвал его у одного из врагов во время борьбы. Поддельное заркасское ухо, сделанное из какого-то гибкого материала, удлиненное извилистым слухопроводом. Лоран подумал, что это протез, и утратил

восхищение своей физической силой: искусственный орган не так уж трудно сорвать. Он снова положил ухо в карман, подумав, что специалисты, может быть, получают хоть какие-нибудь сведения о Треугольных.

Через полчаса такси доставило его по указанному адресу. Лоран расплатился и неуверенно шагнул на тротуар.

— Не помочь, мсье? — предложил шофер. — Вы, видно, накурились аказа?

— Спасибо, не надо, — ответил Лоран. — Пройдет.

Совершенно обессиленный, он отошел от машины и затерялся в портовых переулках.

Он дал три коротких удара и два долгих в закрытую дверь лавочки электронных материалов. Дверь открылась, и он упал в объятия торговца-землянина, который ударом ноги захлопнул дверь.

Землянин отнес Лорана в заднюю комнату, уложил на стол и снял с него пиджак, чтобы сделать укол. Он хотел также снять и кожу Сафасс-Тина, резко потянул ее у локтя и обомлел, увидев кровавую ссадину в локтевом сгибе. Лоран взвыл и сел.

— Черт побери, — сказал человек, — у вас опять все сначала. А ведь врач принял все меры предосторожности. Но, во всяком случае, вы пришли в себя.

Лоран выругался и сказал:

— Быстро в центр!

Человек помог ему встать и отвел в другую комнату. Там он открыл трап и посадил Лорана в вагонетку.

— Счастливо! — сказал он и нажал кнопку. Вагонетка пустилась в путь по бесконечному коридору, ведущему в самую миссию, а Лоран опять потерял сознание.

5

Когда он очнулся на койке в клинике, у него было ощущение, что он вернулся на две недели назад. Зату-маненными глазами он посмотрел на обеспокоенные лица, окружавшие его. Врач, полковник и кто-то незнакомый.

— О, хэлло, братцы! — слабо сказал он.

— Слава Богу! — воскликнул старый полковник. — Наконец-то вы говорите, как человек.

— То есть, как это?

Полковник указал на незнакомца.

— По словам этого человека, вы выдавали тирады из древних заркассских книг за время своего бреда.

— Я бредил?

— В течение трех часов, — сказал врач. — Профессор уверяет, что вы восстановили пропуски в древних пергаментях, и он без ума от радости.

— Какой профессор?

— Профессор Клаус, — представился незнакомец. — Послушайте, дружище, где вы научились всему этому? Лоран засмеялся.

— Я достаточно знаю заркасский, чтобы не бросаться в глаза на улицах, профессор, и только, так что это вы зря.

Клаус назидательно поднял палец и произнес нараспев:

— Заркин'вез аллоузен тзинастан... это вам ничего не говорит?

— Вызывает смех, — зубоскалил Лоран. — Можно подумать, что вы полощите горло.

— Это извлечение из Книги Пророчеств, том III, стих 10. Приблизительно переводится так: «Не плачьте, о мои дети, в этом мире, я вернусь к вашим сыновьям».

— Никогда не слыхал ничего подобного, — вздохнул Лоран, вытаскивая руки из-под простыни.

Он посмотрел на руки, коснулся лица и рывком сел.

— Вы все еще не сняли эту гадость?

Врач смущенно развел руками.

— Не смогли, дружище. Пришлось бы вас самого обдирать кусками. Мы сняли кожу с вашего локтя, и видите, он забинтован. Кожа Сафасс-Тина — как бы сказать — укоренилась в вашей, попутно растворив ваше белье. Теперь ее труднее снять, чем в первый раз.

— Веселенькое дело! — проворчал Лоран, хмуро заворачиваясь в простыни. — Как же эти проклятые заркасцы выделали эту старую кожу, чтобы она таким образом приклеивалась? Это хоть не опасно, по крайней мере?

— Нет, нет, — быстро ответил доктор. — Не думаю, чтобы это было опасным.

— Придется мне терпеливо нести свой крест. Тягостно, потому что вот уже пять минут, как я чувствую себя много лучше. Я готов танцевать. Вы меня напичкали наркотиками, или как?

— Очень немного.

— Ладно, — вмешался полковник. — Мне нужно поговорить с ним о серьезных вещах, док. Он может это выдержать?

— Думаю, что да.

— Тогда оставьте нас ненадолго одних, пожалуйста. До свидания, профессор.

Врач кивнул и вышел с Клаусом. За дверью профессор сказал:

— Постарайтесь бережно обращаться с кусками этой мумии. Мы, без сомнения, сможем восстановить бесценную вещь... — последние слова его повторялись в коридоре.

— Видели вы эту свинью? — возмутился Лоран. — Он думает только о мумии! Он разрубил бы меня на куски, лишь бы снять с меня ее неповрежденной!

— У каждого свои недостатки, — мягко сказал полковник, придвигая стул к кровати. Он бросил на простыни привезенное Лораном ухо и спросил:

— Что это?

— Ухо, — улыбнулся Лоран.

— Я и сам вижу это, идиот, — загремел старик, усаживаясь. — Я спрашиваю, где вы его нашли.

Лоран вкратце рассказал о своем приключении и добавил:

— Вероятно, парень потерял ухо в несчастном случае, вот и сделал фальшивое.

— Как же! — сквозь зубы сказал полковник. — К сожалению, этот протез не для заркассской головы. У заркасцев слуховой проход более широкий и прямолинейный, с другим завитком. По крайней мере, мне так сказали анатомы. И еще кое-что странное.

— Что именно?

Полковник взял предмет, подкинул его в руке и сказал, прищурившись:

— Эта извилистая трубка — приспособление для трансформации азота в водород.

— Трансформации?

— Именно.

— Глупость какая-то.

Полковник покачал головой.

— Вот что я думаю: Треугольники вовсе не похожи на заркасцев. Они принимают такой вид, чтобы приятнее выглядеть. Они так же переодеты, как вы сейчас.

Лоран недовольно спрятал свои затянутые в чужую кожу руки и сказал:

— Я уже думал об этом. Так что?

— Можно предположить, что это накладное ухо предназначено не для слуха, а для дыхания. Возможно, Треугольные дышат водородом и не могут переносить азот.

Это служит им фильтром, если можно так выразиться. Я уверен, что они очень отличаются от заркасцев.

— Я тоже так думаю, — сказал Лоран, — и вот почему: они все выкроены по одной модели, если не считать различных аксессуаров — париков, усов, одежды. Видимо, они достаточно малы, чтобы без труда влезть в подобный маскировочный костюм.

Старик кивнул.

— Да. Это соответствует выводам наших специалистов, вы помните? Если судить по деталям корабля, который вы засняли, эти существа очень малого роста. Заркасцы дураки: видимо, они позволили этим Треугольным постепенно разлагать их. Подумать только, что ваш подозреваемый является совершенно официально заркасским полицейским! Полагаю, что Треугольные держат в руках все заркасскую администрацию. Не удивляйтесь, если и глава правительства из них же. Посланник уверял меня, что нет, но в таких вещах я несколько не доверяю дипломатам. — Он хлопнул себя по ляжкам и продолжал: — Короче говоря, они малы, внешности не установленной, действуют переодетыми, дышат водородом и боятся азота, теоретически, по крайней мере. Добавим, что они чувствуют себя плохо, когда им смотрят в лицо... Это очень странно! Нужно будет сказать об этом нашим лысым черепам...

— Эти сведения могут пригодиться. Что вы предполагаете делать?

Полковник встал и небрежно дунул в ухо, как в трубку. Лоран недовольно поморщился. Старик заметил это, сунул ухо в карман и сказал:

— Мы уже действуем, парень. Дарсель снова надел кожу и наряд королевы Ээлан. Он в некотором роде сменил вас. Отель, который вы указали нам в своем последнем сообщении, примыкает сзади к пустому дому из другой улицы. Ваш приятель уже отправился туда с великолепным снаряжением взломщика.

— Вы с ума сошли! — закричал Лоран и так подскочил, что пневматический матрац чуть не лопнул. — Как можно доверять подобные трюки Дарселю! Он не создан для грубых ударов.

— Зато он создан для того, чтобы хорошенько подумать после визита на космический корабль. И он единственный, кроме вас, привык носить на себе мумию. А вы не годитесь для научных вопросов. Кроме того, я не думаю, чтобы там были грубые удары. Просто любительская работа.

— Но ему нужно было дать сопровождающих, по крайней мере!

— Ну да! Топот тяжелых сапог в квартире, чтобы спугнуть дичь! Не говорите глупостей, мой друг.

Лоран спустил голые ноги на коврик и сказал:

— Я вернусь туда!

— Нет! — рявкнул полковник. — Слишком поздно. И хорош вы будете, если во время действия вас снова настигнет криз ясновидения. Вы временно непригодны. Отдыхайте спокойно. Это приказ!

Лоран снова уселся на кровати, сжимая кулаки.

— Кстати, — сказал полковник, желая сменить тему разговора, — как вы объясните свой ученый бред, ваши заркассские песнопения и прочее?

— Не знаю! — буркнул сквозь зубы Лоран.

Старик улыбнулся и пошел к двери. Открыв ее, он бросил через плечо:

— Посланник собирается лично приколоть Особую Медаль на вашу доблестную грудь.

— Плевал я на это! — крикнул Лоран, но дверь уже закрылась.

Он подумал о Дарселе с чувством жалости и зависти.

6

Дарсель со странным чувством прошел мимо закрытого отеля. Над входом, скрипя, покачивалась табличка: «Закрыто на ремонт».

Уже? Треугольные скоры на решения! Дарсель размышлял, даст ли что-нибудь его экспедиция. Если враг почувствует запах жареного, он тут же переселится. Дарсель почти желал этого и завернул к скверу. Затем он еще раз повернул в первый переулок налево и оказался с другой стороны квартала. Он пошел более медленно и узнал по описанию пустой дом. Он остановился у двери и достал из сумки маленький аппарат-отмычку. Прижав край аппарата к замочной скважине, он осторожно повернул рукоятку реостата. Пластинка замка вибрировала, но дверь не открывалась.

Дарсель выбрал ключ побольше и возобновил операцию. Дверь почти сразу же отошла. Это было удивительно легко. Дарсель сделал кошачий прыжок в здание, закрыл за собой дверь и включил фонарик. Он увидел, что его окружает толпа неподвижных призраков и чуть не вскрикнул. Вся мебель пустого дома была покры-

та чехлами, которые придали ей вид угрожающих силуэтов.

«Еще два или три таких волнения, и меня хватит инфаркт», — подумал Дарсель. Он пошел к лестнице и по дороге осторожно приподнял два или три чехла. Он увидел безобидную мебель, старинный светильник и местную арфу, струны которой слегка вздохнули, задетые тканью.

Ступенька за ступенькой он мял толстый ковер на лестнице, добрался до баллюстрады вокруг второго этажа и толкнул дверь, инкрустированную слоновой костью. Он очутился в громадном салоне и подумал, что дом, должно быть, принадлежал банкиру, уехавшему в отпуск. Все пахло пышной роскошью, от плит из редких металлов до карниза из цветного хрусталя. Потолок был украшен драгоценными камнями, представлявшими звезды на звездной карте.

Каждая плита заметно прогибалась под ногами Дарселя, и он радовался, что ток включен. Он знал этот род богатых причуд, знал, что в обычное время каждая плита выпускала тихую ноту органа. Это был танцевальный зал, где ноги танцующих сами производили музыку, точно соответствующую ритму танца. Он вздрогнул от мысли, что мог бы поднять целую бурю звуков, и поспешил пройти в другую комнату. Там он снова занялся делом, едва взглянув на пышность предметов искусства. Он подошел к дальней стене и развернул план, который ему дали. Так и есть: за этой стеной отель. Дарсель отделен был от врага только пластобетонным экраном. Он бессознательно повторил принципы, которые в него вдалбливали для такого рода миссий: «Сначала слух, потом зрение».

Он достал из сумки инструмент вроде стетоскопа, оканчивающийся раструбом, воткнул наконечники в уши и стал прослушивать всю стену метр за метром, сознательно выбирая места, покрытые металлическими пластинками.

Сначала он ничего не слышал, не привыкший к особой тишине своего аппарата. Ему казалось, что у него уши заткнуты ватой. Потом он заметил жужжание, такое слабое, что сначала принял его за шум собственной крови. Он убрал аппарат и заткнул уши пальцами: жужжание прекратилось.

Он снова стал слушать, медленно продвигаясь вдоль стены. Он отметил точку, где жужжание было сильнее всего и вернулся к сумке. Он достал нечто вроде прямоугольного экрана, полированного и сероватого, как зеркало без амальгамы, включил батарею и приложил

экран к стене. Появилось световое туманное изображение, как на экране видео до настройки.

Мало-помалу он добился более ясного изображения. Экран стал окном, через которое Дарсель мог видеть соседнее помещение, сам оставаясь невидимым.

Он смотрел прямо в холл отеля. С бьющимся сердцем он смотрел на заркацкий силуэт у двери, застывший в легком наклоне, словно он собирался униженно раскланиваться перед невидимым посетителем. Тяжелые занавеси были задернуты и только одна лампа горела на конторке. Других Треугольных не было видно.

Дарсель сложил свое оборудование и провел рукой по лбу. Он тут же вспомнил, что на нем кожа королевы Ээлан, так что беспокоивший его пот мог беспрепятственно стекать по его носу внутри мумии.

Он вернулся на галерею и поднялся на следующий этаж. Он успешно миновал маленькие комнаты, украшенные, как бонбоньерки, вошел во внутренние комнаты и возобновил свои маневры.

Здесь жужжание было сильнее. Он пристроил экран и увидел пустую комнату с пыльными следами на полу, с голыми стенами, запачканными разноцветными пятнами и брызгами.

Он перешел в другую комнату и долго смотрел на что-то вроде чулана со множеством полок. На полках стояли в полном порядке и подобранные по категориям крошечные предметы старинной формы. Некоторые напоминали катушки, другие — стеклянные шарики, третьи походили на булавки с красной головкой, четвертые еще на что-то... Он сделал трансфото и пошел дальше. Он вошел в туалетную, где над умывальником стоял аппарат для соскабливания кожи и смягчающие средства. Он бросил неодобрительный взгляд на обшитые пластиком стены: лучи его аппарата не пройдут сквозь пластик. Но у него было кое-что в сумке. Через четверть часа микродрель вырезала отверстие, достаточное, чтобы приложить экран прямо к бетону.

Сначала он решил, что увидел морг или пыточную камеру. Безногий Треугольный висел на шнуре, перекинутом через блок на потолке. Ноги его валялись отдельно на полу. Подальше висел другой каркас, обезглавленный. Стены были увешаны руками, ногами, изуродованными торсами, повешенными на крючьях, как мясо в лавке. Все было покрыто тучей голубых мух.

Зрелище было так ужасно и навязчиво, что Дарселю

показалось, что он чувствует запах разложения, но после минутного размышления понял, что все эти анатомические детали искусственные. Там, где они были покрыты кожей, они ничем не отличались от настоящих, но раны были чистыми и в них отчетливо различались внутренние механические детали.

«Роботы,» — внезапно пронеслось в голове Дарселя. — «Но тогда почему там мухи?»

Стиснув зубы, Дарсель начал понимать ужасную реальность. Вытаращив глаза, он смотрел, как собираются кабели, перекинутые через блоки, видел, как собираются из кусков ноги, как части их входят одна в другую.

Тело, повешенное за шею, спустилось ниже, ноги, подтягиваемые кабелями, поднимались к нему. Мало-помалу воссоздалась высокая марионетка-девушка с невыразительным лицом и пустыми орбитами глаз. В эти орбиты влетали и вылетали мухи, деловитые и старательные, как пчелы в улье. Некоторые составляли цепочку и протаскивали крошечные металлические шайбы, другие тянули проволоочки внутрь черепа, в квадратные отверстия на груди собираемого манекена.

Очевидность поразила Дарселя, как удар кулака: эти мухи и были Треугольными! Эта раса разумных насекомых отлично понимала, что в своем истинном виде они не завоеуют доверия заркасцев. Муха — посланник! Муха — военный министр! Бронированный отряд мух-солдат! Сначала это вызывало смех, а потом ужас. И от ужаса к ненависти...

Каждый Треугольный, прогуливающийся по городу, являлся бесподобным аппаратом, приводимым в действие экипажем в несколько сот индивидуумов.

У Дарселя закружилась голова при одной мысли о решенных технических проблемах синхронизации движений, передачи речи, моргании век, мимики, мельчайших жестов.

Теперь он понял несколько скованные движения мнимых заркасцев, которые были настоящими ходячими взводами.

Обливаясь потом, он делал снимок за снимком и остановился только, когда израсходовал все свои бобины. Затем он собрал инструменты, стараясь не производить ни малейшего шума, и пошел обратно. Ему нужно было еще кое-что сделать.

Он выбрал замеченный ранее чулан и начал с помощью микровибрационного бура просверливать крошечное отверстие в стене.

Лоран метался в жару. Услышав шаги, он открыл один глаз.

В комнату вошел на цыпочках Дарсель, улыбаясь другу.

— А... королева? — пролепетал Лоран.

— Что? — спросил Дарсель, садясь в ноги постели.

— А... королева? Она не пристала к твоей коже?

— Нет. Наверное, потому, что я мужчина, а женская кожа может пристать только к женщине. Ну а ты? Что говорит док?

Лоран провел языком по губам. По его заркасскому лицу стекал пот. Он задыхался и рассказывал отдельными фразами, что врачи ничего не понимают, толкуют о восстановлении активности кожи, о мигрирующих клетках и еще о чем-то таком. И добавил:

— Эти чертовы древние заркасцы... Вся их наука была эмпирической... Они хорошо знали свое дело. Эта мумия... ловушка, захлопнувшаяся на мне...

Постепенно он пришел в себя и обрел свои способности к красноречию. Но он говорил очень быстро, и его лицо дергалось от гнева. Внезапно его глаза изменились, он выпрямился и сказал:

— Сзебалон актон аллон Нэке!

Дарсель схватил его за руки и встряхнул:

— Что ты говоришь? Лоран!

Но Лоран уже удивленно говорил:

— Что ты меня трясешь? Даже в голове отдается!

— Что ты сказал?

— Сказал, что ловушка захлопнулась на мне.

— А потом?

— Больше ничего.

Дарсель не стал настаивать и спросил:

— У тебя болит рот? Ты словно кожу жуешь.

— У меня... у меня выпали все зубы, один за другим.

И растут заркассские.

Затем он сказал, что ему жарко, и скинул простыни. Дарсель снова укрыл его.

— Тебе не нужно открываться.

— Вон что! Ты знаешь, что нужно и что не нужно? — ядовито заметил Лоран. — Тебе-то повезло. Никто... не знает. — Он показал забинтованную руку. — Док облупил мне всю верхнюю часть руки. И знаешь, что растет? Заркасская кожа, ничто не упущено, даже татуировка

Сафасс-Тина возобновляется. И знаешь, меня просвечивали. Мои кости деформировались. Они размягчились и изменили форму, уверяю тебя.

— Помолчи, не утомляйся понапрасну. Если не перестанешь, я уйду.

— Нет, останься! — умоляюще сказал Лоран, хватая Дарсея за руку.

— Не переживай, дружище, скоро мы вернемся на Землю, там найдут что-нибудь, чтобы избавить тебя от этого.

— На Землю, говоришь? Почему?

— Да, ты ведь не знаешь! — охнул Дарсель, достал из кармана газету и протянул больному.

— Полная эвакуация в течение восьми дней, — прочитал Лоран. — В случае отказа или дурного умысла глава заркасского правительства обратится к своим союзникам Треугольным... Это же форменный ультиматум! Постой! Где же у меня голова? И я не спросил тебя, как прошла твоя экспедиция. — Он крепко сжал локоть Дарсея и яростно потряс его. — Что ты там видел, ну? Они не напали на тебя? Как ты выбрался оттуда?

Дарсель рассказал о своем визите в пустой дом и о своем шпионаже за отелем. И закончил так:

— Я просверлил стену и взял пробу воздуха. Они дышат смесью с высоким содержанием водорода, и их температура комфорта приблизительно минус шестьдесят. Мы знаем, что они уже имеют фантастические базы на полюсах Заркаса. Я думаю, вся эта история и дала взрыв. Они чувствуют, что им наступают на пятки и не без основания боятся, что их секреты начнут просачиваться. И они надавили на заркасцев, чтобы добиться ультиматума. Посланник был принят президентом. Президент выглядел нервным, агрессивным и чрезмерно грубым — ясно, что эта грубость была ему внушена.

Лоран встревожился.

— Но ведь Заркас очень важен для нас! Конечно, это далеко от Солнечной системы, но это единственная планета, где можно дышать без маски. За Заркас я отдал бы Плутон, Сатурн и Нептун, это бесполезные камни. Мы должны бороться! Но какой интерес им в планете, где атмосфера непригодна для них?

— Откуда мы знаем?

— И потом, у нас приоритет. У нас были отличные отношения с заркасцами до вторжения Треугольных. Это просто неслыханное дело!

— Будь реалистом, Лоран. Они хотят иметь Заркас, и мы ничего не можем сделать.

— Напротив! А субпространство? Что там наши ученые мудрят с ним, не скажешь? Зачем мы тогда гнили в джунглях?

— Но на Заркасе у нас нет оборудования, чтобы строить субпространственные корабли. Но мы все передали по радио. Все формулы были посланы кодом в Солнечную систему. Они там занимаются этим.

— Но будет слишком поздно! У нас только восемь дней. Нужно добиваться отсрочки.

— Посланник пытался, но безуспешно. Они уперлись на этой дате. А на полюсах есть запрещенные зоны, куда Треугольники доставляют тонны и тонны материалов.

Ярость отчаяния охватила Лорана.

— Нужно будет... нужно... — и он вдруг зарыдал. — Все напрасно... эта поганая мумия... не стоило труда... Ни к черту!

Эта сцена была тяжела для Дарселя. Он знал закалку своего товарища и ему было тяжело видеть его в таком состоянии.

Но Лоран тотчас же овладел собой и теперь молча размышлял, уставившись в одну точку.

— О чем ты думаешь? — спросил Дарсель.

— Вот о чем: когда их марионетки пытались захватить меня, я чувствовал их силу, чувствовал, что не могу бороться с ними мускульной силой. И внезапно что-то меня подхлестнуло, флюид какой-то, или не знаю что... и они стали, как солома в моих руках. Насколько я помню, я их даже и не тронул. Двое упали под моим взглядом. Только от одного взгляда, понимаешь? Тут есть, над чем подумать.

— Ну, слушай, ты, наверное, ошибаешься!

— Нет! Помнишь, как от взгляда Зинна загорелась палка? Как действуют эти манекены? У тебя есть с собой фото?

— Нет, — признался Дарсель, — над ними работают в лаборатории. Но у меня есть некоторые идеи на этот счет. — Он достал записную книжку и карандаш, вырвал листок и стал делать наброски. — Ты сейчас поймешь. И, основываясь на некоторых деталях, которые я заметил, и на том факте, что они живут при очень низкой температуре... и о водороде, что тоже важно.

Под его карандашом набросок быстро обретал форму. В стилизованном рисунке легко было узнать общий силуэт

манекена. Странно, но Лоран почувствовал взрыв ненависти к этому изобретению врага. Он ненавидел это тупое лицо, мертвые глаза, чудесно переданные талантом Дарселя.

— Я считаю, — сказал Дарсель, — что в черепе есть приспособление... — Он слегка вскрикнул и отбросил листок бумаги.

Оба мужчины молча смотрели на листок, догоравший на полу.

Лоран вздрогнул и сказал:

— Я думаю, что это я... Глазами! Эта мумия передала мне ужасающие способности.

Дарсель открыл рот, но ничего не сказал.

— Что ты хотел сказать? — спросил Лоран.

— Ничего. Продолжай.

— Во время битвы в сквере... ты только не смейся, я почувствовал, как из моих глаз льется лютая ненависть. Мои глаза, видимо, испускали... не знаю... ну, словом, то, что пережгло некоторые устройства манекенов... Я думаю...

Он вдруг щелкнул челюстями и напрягся. Взгляд его загорелся. Дарсель даже испугался этого безумца, который был уже не Лораном, а...

Сафасс-Тин соскочил с кровати, и Дарсель отступил вглубь комнаты. Его схватили волны благоговейного страха, и он потерял сознание. А Сафасс-Тин в ореоле света пошел к двери.

8

Из деревень и самых отдаленных джунглей собирались орды фанатичных туземцев и пробирались к городу, осаждаемые и отталкиваемые полицией и стражей.

Босоногие крестьяне, распространявшие запахи мускусной травы, рыбаки с гарпунами и в колючих браслетах из рыбьей кости, даже красные варвары, прибывшие на пирогах со второго континента, с духовыми трубами и в набедренных повязках из раскрашенной травы — все они составили живое море, готовое сокрушить старые укрепления. Их вели индивидуумы с безумными глазами, утверждавшие, что настало время, что во сне им явился Сафасс-Тин.

Кочевые племена, прибывшие из степей на спинах давалей, неслись по предместьям с хриплыми криками, размахивая над головами длинными копьями.

На заре на горизонте показалась туча лучников и метателей камней. Над толпой возвышались высокие

силуэты горных дворян, идущих впереди своих кланов, в шлемах с забралами, и едущих на гусеницах-львах, покрытых металлической попоной.

Они затопили Северные Порты. Неудержимые, прибывающие орды смешивались с рабочими в кожаных лохмотьях, со студентами в нарукавных повязках, сталкивающихся на перекрестках, в то время, как нижние кварталы распухли и лопались, как нарывы, выпуская бесчисленный плебс.

Волны одержимых поднялись на штурм золотых храмов. Они лавиной перекатывались через ограды и толпами падали ниц перед алтарями и деревянными изображениями.

При их приближении стражники отводили в сторону оружие, срывали свои эмблемы и пели с ордами гимны, которые считались забытыми.

Но другие стражники пытались преградить путь этому приливу. Они падали под лучами ненависти, и их растоптанные металлические обломки высвобождали рой голубых мух, которые тут же умирали. Но у фанатиков не было времени удивляться этому.

Воодушевленные своим пением в храмах, они разливались во все стороны, как морская зыбь, ошестинившаяся пиками, алебардами, знаменами и разномастным оружием, захваченным в музеях. Они сняли защиту правительственного дворца, сотнями падая под заградительным огнем полиции и тысячами наплывая снова.

Дворец был захвачен и разграблен. Политиков выбрасывали из окон. Микрофоны, выкрикивающие слова официальных приказов и от имени науки возмущавшихся против суеверия, замолкали один за другим. Годы антирелигиозной пропаганды были сметены жестоким возвратом древней Веры.

Большое солнце Альфа, как мирный наблюдатель, медленно поднимало огромную голову на горизонте, чтобы посмотреть на город сквозь дым пожаров, а затем робко осветило улицы и площади. Дворянчик дернул поводья гусеницы и крикнул:

— К Старому Дворцу!

Этот крик был подхвачен и повторен на разные голоса, он летел от квартала к кварталу. И живая волна покадилась к улицам и садам Старого Дворца на холме.

Сафасс-Тин дематериализовался в коридорах миссии. Два земных чиновника закричали, увидев бесшумную

вспышку на этаже клиники. А все, занимавшие этот этаж, оказались необъяснимым образом без сознания.

Сафасс-Тин снова обрел себя перед запечатанными дверями Старого Дворца. Под его взглядом печати соскочили, тяжелые створки медленно повернулись на петлях, повинаясь мысленному приказу, формулу которого король-колдун знал века назад.

Ему были знакомы все ходы и выходы, и эхо его шагов торжествующе звучало от одного пустого зала к другому. И все двери бесшумно раскрывались перед ним.

В тронном зале два ночных стражника застыли от ужаса, увидев его высокий силуэт, и не могли шевельнуться.

А Сафасс-Тин поднялся по ступеням и сел на скамью, ножки которой представляли когтистые лапы, вцепившиеся в мрамор и оникс помоста.

И Сафасс-Тин заговорил на древнем языке с давно вышедшими из употребления оборотами:

— Сыны, возьмите таблички для письма. Возьмите стило и пишите на табличках утерянные великие Принципы.

Два стражника повиновались, как автоматы. Они послушно стали писать под диктовку короля-колдуна:

Когда заря окрасила стекла, Сафасс-Тин сказал:

— Достаточно, о сыны. Мы возобновим книгу. Отдыхайте.

Стражники выпустили орудия для письма из рук и упали по обе стороны трона, истощенные смертельной усталостью.

Сафасс-Тин встал и, не глядя на стражников, вышел из тронного зала и прошелся, как хозяин, по всему пустому дворцу.

Проходя мимо зеркала из полированного металла, он заметил, что он голый. Он прошел к сундукам, открыл их, выбрал тунику Главного Жреца и надел ее. Она позволяла видеть его татуировку на руках и половину на груди. Он надел священные браслеты и диадему. Эти украшения давно было решено отдать в переплавку, но никто не осмеливался дотронуться до них.

Король прошел на террасу, выходящую на столицу, облокотился на баллюстраду и ощутил растущий шум в нижних кварталах. Легкая улыбка заиграла на его лице, когда он увидел горящий вдали Новый Дворец.

К нему обратился тихий голос внутри. У этого голоса не было слов, он в них не нуждался, он оперировал

точными образами. И король понимал малейшие нюансы этого голоса, его смесь почтительности и фамильярности, страх и мольбу, умеряемые мужественным достоинством. Голос говорил:

— Сафасс-Тин, или великий король, или... не знаю, как полагается тебя именовать.

— Зови меня Господин, но вообще это не имеет значения.

— Ладно, как хочешь: Господин, я отдал тебе свое тело, свою кровь и все остальное. Меня зовут Лоран и я землянин. Твоя мумия буквально пытается меня, мой Господин Сафасс-Тин. Извини меня, но мы отвыкли обращаться к королям.

— Я понимаю.

— Вот и отлично. Черт побери, и подумать только, что это случилось со мной, Лораном, простым парнем, любящим жизнь, опасность, девушек и искреннее веселье! Я просто не могу этому поверить. Может, я сплую? Сафасс-Тин, скажи, не сплую ли я?

— Ты не спишь.

— Ясное дело! Но я хотел бы спросить, при чем я во всей этой истории? Я уже сыт по горло всей этой историей. Я все отдал тебе, Сафасс-Тин. Всего себя без остатка. Должен признаться, не по своей воле — надо быть сумасшедшим, чтобы добровольно согласиться на такую вещь. Что ты хочешь со мной сделать?

— Ничего, иноземец.

— Как это — ничего? Объясни, пожалуйста.

— Ты... ты исчез из этого мира, иноземец. И я ничего тут не могу поделать. Тебя выбрал случай, чтобы сыграть эту тягостную роль. Ты вернешься в космос. Я ничего не имею против тебя и, если бы я мог, я вернул бы тебя к своим. Но это невозможно. Но успокойся, смерть не страшна. Ее, в сущности, не существует. Просто ты войдешь в другую жизнь.

— Так говорят... А как там, с другой стороны?

— Нельзя, собственно, говорить о другой стороне, потому что их тысячи... Поверь мне, ты не пожалеешь ни о чем. Ты сам увидишь, что в твоей судьбе нет ничего страшного.

— Ах, черт... Мне это вовсе не улыбается, заешь ли! И как такое могло случиться со мной? Я знаю, что повторяюсь, но пойми меня: я никогда не верил в магию.

— Магия — это наука, только она еще не сведена к уравнениям. Ты веришь в науку?

— Да... Ладно, не будем больше говорить обо мне. Раз уж я пропал, так пропал, ничего не вернешь? А земляне, а Треугольники? Что произойдет? Ей-богу, исчезну с легким сердцем, если Земля возьмет верх.

— Ты мне нравишься, чужеземец, потому что сказано: тот, кто делает свое дело до конца, достоин всяческого уважения. Успокойся: Треугольники покинут Заркас и более никогда не появятся в этой части Галактики. А теперь помолчи: мой народ идет ко мне, и я должен говорить с ним.

— Еще одно слово, Сафасс-Тин. Я хотел бы проститься со своим старым товарищем Дарселем. И потом... Я знаком с одной девушкой, она ждет меня на Земле. Я хотел бы...

— Я понимаю, ты будешь удовлетворен насчет своего друга и землянки, которая тебя ждет. Сафасс-Тин держит свое слово. Ты увидишь своего друга и попрощаешься с ним. А что касается девушки, она пойдет с тобой в большой Космос и даст еще тебе радость.

— Как? Нет, подожди, Сафасс-Тин, я не хотел бы...

— Молчи, чужеземец. Мой народ идет.

9

Толпа поднималась на холм. Слишком многочисленная, чтобы удовлетворяться дверями, она опрокидывала решетки и шла по лужайкам. Крича, она сгрудилась на огромном пространстве под террасой. Один жрец поднял глаза и закричал, указывая пальцем:

— Сафасс-Тин!

Толпа упала на колени. Все головы склонились одна за другой, как колосья, поваленные ветром, и восторженно бормотали.

Небо вибрировало. Тучи Треугольников затмили дневной свет.

И тогда поднялся громкий голос Сафасс-Тина. Он наполнил пространство, он покрыл шум Треугольников. Он несся дальше таинственными путями, и каждый туземец на своем Заркасе, в глубине джунглей и в затерянных деревнях Плато, слышал этот голос в своей голове. Голос говорил:

— Я, Сафасс-Тин, вернулся в час опасности, как было сказано в пророчестве. И мой народ узнал меня и пришел ко мне. О, мой народ, ты слишком долго шел за дурными пастухами! Почему вы хотите выгнать людей Земли

и почему вы доверяете этим? — он указал пальцем в потемневшее от космических кораблей небо. — Сказано: тот, кто дышит моим воздухом и протягивает мне руки, тот, кто уничтожает мои верования и разделяет со мной знания, тот мой брат. И сказано еще: тот, кто придет давать мне советы насилия и будет стараться отделить меня от моего брата, тот, кто приносит мне лстивые слова и ничего больше, тот, кто хочет строить города далеко от меня, там, где замерзает море, тот мой враг, даже если он принял мою внешность, потому что эта внешность всего лишь ложь и обман.

О, мой народ! Ты принял знание, которое предложили тебе Земляне. И это было правильно, и это было хорошо. Но ты отказался от своего древнего знания, и это плохо. И земляне не требовали от тебя этого отказа. Зачем отказываться от одного знания ради другого, почему не сохранить то и другое? Наука ваших братьев берет все снизу и деталями, а ваша — сверху и ансамблями. Две дороги скрестились и сказано, что это приведет вас к вашему благополучию.

Король говорил еще долго, и народ понимал не все его слова. И хотя не все было понятно разумом, оно было одобрено сердцем.

И, наконец, король сказал:

— Мой народ не нуждается в железных машинах, чтобы изгнать врага. Мой народ не нуждается в больших скоплениях материала. Разве мой народ не умеет сражаться разумом? Разве мой народ разучился сражаться так, как бывало во времена его славы и величия?

— Нет, — выкрикнул жрец, — мы все еще умеем!

И вся толпа разразилась грохотом восклицаний:

— Мы еще умеем, Сафасс-Тин. Мы еще умеем сражаться, как сражались наши отцы! Мы умеем!

Один за другим они подняли глаза к небу и устремили свои взгляды на Треугольники. И их ненависть выходила через глаза.

И все увидели, как один Треугольник вдруг загорелся, потом два, потом сотни... А остальные внезапно исчезли. Они бежали через субпространство.

И король приказал народу сосредоточиться и перенести свою ненависть на полюса. Он приказал им и многое другое. И неподвижная битва длилась многие часы.

Потом он велел жрецу подняться к себе. Это жрец сказал:

— Я Хезум, сын Хезума, и сын, сын, и сын того Хезума, который был твоим жрецом в древние времена. И слово передавалось от отца к сыну до этого дня. И я один признавал себя жрецом, и никто этого не знал, потому что я вел себя как простой человек, чтобы избежать дубины дурных пастухов.

И Сафасс-Тин передал ему власть и надел на него диадему и священные браслеты. И, протянув руки к толпе, Сафасс-Тин сказал:

— Я возвращаюсь во дворец и вы меня больше не увидите. Но духом я буду с вами навсегда. Я приказываю, чтобы дворец открылся. Но меня там больше не будет. И вы будете повиноваться разуму.

И он удалился, а толпа пела Великий Гимн.

10

Посланник и полковник сидели друг против друга, усталые, с растерянными взглядами.

— Вспомните индийских йогов, — говорил посланник. — Вспомните чудеса и тайны Египта времен фараонов и все те старые рассказы, которыми полны все наши земные религии.

— Рассказы, которые мы принимали за позолоченные легенды. Я начинаю верить, что мы промахнулись, не направив наши исследования в эту сторону.

— Я думаю об ученых девятнадцатого века, таинственно умерших после насильственного проникновения в пирамиды. Они тоже упрямо не верили в ловушки, поставленные много веков назад. — Посланник вздохнул и бросил на стол газету, где была напечатана речь Сафасс-Тина. — Я думаю, мы можем многому поучиться у них. Они победили Треугольников, в то время, как мы ничего не могли сделать... Просто не могу поверить. Этого не может быть.

Полковник ядовито засмеялся.

— Не может быть, я знаю. Наши ученые заверяют в один голос, что все это абсолютно не научно, с точки зрения разума невозможно. Однако, эта история плюет на то, что она невозможна, ей хватает того, что она реальна.

В кабинете раздался звонок. Посланник включил контакт и сказал:

— Да?

— Ваше превосходительство, — сказал голос, — инженер Дарсель просит разрешить ему посетить вас. Он

говорит, что это все очень важно. Он... нет, он хочет сказать вам сам об этом.

— Впустите.

— Слушаюсь, Ваше превосходительство.

Голос умолк. Мужчины некоторое время молча смотрели друг на друга. Наконец, полковник пробормотал:

— Что еще случилось?

В дверь постучали.

— Сейчас узнаем,— сказал посланник и нажал педаль, открывающую дверь.

Вошел бледный, пошатывающийся Дарсель. Секретарь поддерживал его под руку.

— Я... я видел Лорана,— выдохнул он.— Я увидел его перед собой, живого. На нем не было больше заркассской мумии. Это был именно он, во плоти, и улыбался, как всегда. Он сказал мне: «Прощай, старый товарищ», и исчез, как пламя свечи на ветру.

Кто-то появился на пороге и постучал в открытую створку двери. В руках у него была бумага.

— Ваше превосходительство,— сказал он,— Двери Старого Дворца раскрылись сами собой, и толпа вторглась в тронный зал. На троне лежала еще дымящаяся кучка пепла. Хезум велел собрать пепел в золотую чашу и сел на еще теплый трон. Он сделал заявление, весьма благоприятное для Земли. Он говорил о взаимопомощи, о культурной связи, о вечной солидарности...

Где-то на Земле среди улицы вдруг остановилась девушка. Лицо ее исказилось. Она вскрикнула:

— Лоран зовет меня!

И упала на мостовую. Мертвая.

КАРЛ ХЕРБЕРТ ШЕЕР

ГАЛАКТИКА БЕЗ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Перевод с немецкого

Глава 1

— Теперь ему конец! — Глаза Лизы гневно засверкали.

— Псч, — донеслось изнутри металлического корпуса, который еще минуту назад был дефектным, но все же способным говорить роботом.

— Послушай же наконец! — требовательно воскликнула Лиза. — Раньше я хотя бы могла говорить с ним, а теперь он больше не может произнести и пары слов.

— Я хотел тебе помочь, однако теперь...

— Да, я знаю, — резко прервала она своего брата. — Я знаю твои намерения. Но я все время должна на тебя сердиться. Брат моей школьной подруги Фронты служит в Космофлоте, и он не уничтожает роботов, если они слегка неисправны. И он настоящий инженер, а ты только зря носишь мундир. Это большая разница. Ты слишком неуклюж. И все делаешь не так. Ты даже не можешь отремонтировать робота, вся неисправность которого заключалась в неумении двигать правой ногой. Ну а теперь он даже задымился! Брат Фронты — настоящий инженер, а ты — нет!

Она так порывисто топнула ногой, что от сотрясения задняя панель робота задрезбужала и открылась.

Внутри огромного устаревшего корпуса робота что-то зашевелилось. Показалась верхняя часть тела молодого человека, который медленно вылезал из отверстия на спине робота.

Лиза Боулдер язвительно усмехнулась, не обращая внимания на огорченный взгляд своего брата. Он стоял возле машины расстроенный и беспомощный, опустив голову.

— Извини, — произнес он смущенно. Лицо его покраснело.

Услышав тихие всхлипывания, он сокрушенно опустил голову.

— Лиза, пожалуйста, не плачь. Я же действительно хотел тебе помочь и пока что не причинил большого вреда.

Молодая девушка постепенно успокаивалась.

— Я понимаю это, — подавленно сказала она. — Однако только глупец будет покорно переносить все и не протестовать. Ты поймешь или нет, что мне это вовсе не нравится. Благодаря твоим выдающимся способностям Бумс, — она с яростью указала на робота, — теперь полностью выведен из строя. Нет ничего странного в том, что Космофлоту ты больше не нужен. Тебе нечего ответить мне?

— Но, Лиза, что мне ответить? — запинаясь, произнес он. — Посмотри, робот лишь немного поврежден. Через полчаса он будет в полном порядке. Конечно, из него идет небольшой дымок, потому что я, видимо, накоротко замкнул гипернитовую проводку, ведущую от аккумулятора к распределительному блоку. У меня здесь нет инструмента, которым я мог бы разрезать этот материал. Но мне нужно было отсоединить кабель, потому что контакты на механизме, приводящем робота в движение, были сильно загрязнены. Я отсоединил кабель мощным ударом тока. Потом я зачистил контакты и приладил кабель как можно крепче, пока мне не удастся добыть новую гипернитовую проводку. Конечно, теперь ток не поступает в его электронный мозг, и, естественно, он не может говорить...

— Фи, — пренебрежительно прервала она его. — Я ничего в этом не понимаю. Кроме того, мне кажется, что ты понимаешь в этом еще меньше... Ты только прикидываешься, что понимаешь. Я слышала от Фронты, что ты и на Флоте устраивал такие же безобразия. Так как Бумс не функционирует, мне теперь придется помогать отцу во время приема. Кто-то же должен встречать пациентов и ассистировать, если Бумса нет. Конечно же, это буду я! Сегодня нас будут обучать оказанию первой помощи при несчастных случаях вдали от города. Если я, как руководитель группы, не явлюсь, чтобы сделать инъек-

цию, ее сделает Фронта, хотя ее рыжие волосы и беспокоят пациентов. Это я проходила на курсе прикладной психологии.

— Пожалуйста, извини,— подавленно произнес юноша.— Но в ближайшие полчаса робот снова будет в полном порядке.

— Ну да, ты же не виноват, что ты таким уродился! Однако тебе не надо лгать мне. Я и так об этом никому не скажу, потому что ты мой брат. И, конечно же, я никогда не зайнусь об этом Фронте. Потому что она обязательно наябедничает своему братцу. Он уже Третий Инженер. Я скажу им, что на ремонт Бумса тебе понадобилось всего лишь пять минут. О'кей?

— Большое спасибо,— заикаясь, проговорил он.— Но я на самом деле не лгу.

— Избавь меня от своих заверений. Я не хочу больше ничего слышать об этом! — воскликнула четырнадцатилетняя девушка в порыве гнева.

— Лиза! — прозвучал требовательный зов.

Девушка испуганно обернулась. В дверях стоял высокий мужчина с белоснежными волосами. Он произнес энергичным недружелюбным тоном:

— Мать ждет тебя. Пожалуйста, сейчас же поднимайся вверх.

Доктор Боулдер отступил в сторону. Позади него была коробка грузового лифта, служившего единственным путем сообщения между подвалом и верхними этажами дома.

Лиза без ворчания и возражений направилась к лифту. Она вполголоса пробормотала одно-единственное слово, которым выразила свое неудовольствие, а потом лифт унес ее вверх.

Отец подождал несколько мгновений, пока Фискус не восстановил свое душевное равновесие. Доктор Энграй Боулдер, главный терапевт Центрального Госпиталя в Норвенире на Огненной Земле, был неплохим психологом, кроме того, он неплохо знал молодежь.

— Ну, сынок, робот, которому Лиза дала имя Бумс, должен быть восстановлен как можно быстрее. Скоро время приема. У меня есть несколько случаев, во время которых Бумс должен мне ассистировать. Хотя это и устаревшая модель, однако руки здесь, как мне кажется, сконструированы просто великолепно. Их вполне можно сравнить с руками хирурга. Тебе так не кажется?

Фискус постарался взять под контроль разбегающиеся мысли.

— Да, я тоже так думаю. Я могу встроить в него систему смазки: это устранил легкие скрипы, возникающие от трения. Эта система не требует ухода. Если ты решишь, отец, я немедленно займусь этим.

Энграй Боулдер прикусил губу. Сможет ли сын сделать это? После всех его неудач это было в высшей степени сомнительно.

Он подумал и отрицательно покачал головой.

— Это едва ли возможно. Бумс мне очень нужен. Или ты сможешь справиться с этим за оставшееся время?

— Конечно, нет, отец, — тихо ответил сын. Его воодушевленная улыбка погасла. — Но большое спасибо, отец. Я... я понял. Ты мне не доверяешь, так же как и все остальные. Все дело в Лизе... Я думаю...

— Чушь! — Ответ был немного резковат. — Она еще ребенок. Да, она еще ребенок, даже если и ощущает себя взрослой. Ты не должен воспринимать ее слова всерьез.

— Теперь я это понимаю.

— Слишком поздно, сынок. К сожалению, многие вещи и обстоятельства ты замечаешь слишком поздно. Не сердись на меня, я не хотел причинять тебе боль.

Фискус понимающе улыбнулся.

— В этом виноват только я, — продолжал доктор Боулдер.

— И что же теперь, отец?

Терапевт правильно понял реакцию своего сына. Конечно, Фискус готов взять на себя всю вину.

— Я имею в виду мой метод воспитания. Я не защищаю тебя, сынок, это так. Я должен был давно указать тебе, что понимается под словами «осуществленные возможности». Для психологов ты — открытая книга. Твой взгляд на порядочность похвален, однако ты задыхаешься под гнетом комплекса неполноценности. И стараешься никому не сделать больно. Ты работаешь для других людей всю ночь напролет, а получаешь в благодарность лишь брань и крики. Твои взгляды не позволяют тебе отвечать грубостью на грубость. Твой становящийся все сильнее и сильнее комплекс делает тебя беспокойным существом, знания которого трудно верно понять и оценить, потому что ты в отличие от других людей боишься раскрывать свои лучшие возможности. Это я должен был своевременно предвидеть.

В помещении, где доктор Боулдер оборудовал небольшую мастерскую, воцарилась гнетущая тишина. У доктора было хобби изготавливать из дерева древние предметы обихода. Он очень гордился изготовленной им табуреткой с резными ножками.

— Тебе уже двадцать семь лет. Из Космофлота тебя уволили. Ты стал специалистом только потому, что выдержал экзамены, но выдержал их с большим трудом. Почему с большим трудом? Почему?

Фискус смущенно опустил голову.

— Я в свои юные годы был врачом на кораблях Космофлота. У меня еще остались там друзья. Я знаю это! Ты же незадолго до выпускных экзаменов делал для всех своих друзей контрольные работы. Из-за этого, конечно, ты не успел как следует подготовиться. Поэтому тебе пришлось выезжать на устных ответах и знании теории. Во время этого ты очень близко подошел к самым границам человеческой выносливости и почти потерпел неудачу. Никто из нормальных людей не может усвоить гиперпространственные уравнения и сразу же после этого систему многомерных координат. Поэтому ты сильно переутомился, а в результате все это чуть не пропало зря. Потом, во время твоего первого полета в качестве инженера в составе экипажа крейсера «Энрима», произошел тот случай. Ты взорвал половину двигателя, хотя сделал лишь одно переключение.

Доктор Боулдер покачал головой.

— Они так смотрели на мои руки, отец, — подавленно ответил Фискус.

— Как врач, я это понимаю, сынок. Однако от капитана и офицеров ты и не должен был ожидать ничего другого. Ну, ладно, не будем больше упоминать об этом. Итак, когда Бумс будет готов?

— Через полчаса, — заверил его Фискус.

Доктор Боулдер вошел в лифт и поднялся наверх. Когда Фискус остался один, лицо его моментально преобразилось. Теперь глаза его смотрели пытливо. Он больше не выглядел робким молодым человеком, которому по требованию его дедушки и бабушки дали имя Фискус Элиас.

Он легко поднял восьмидесятикилограммового робота и водрузил его на верстак.

К этому времени доктор Энграй Боулдер заказал в центральном распределителе робота для медицинской помощи новейшей конструкции. Для гарантии!

Глава 2

— Ужасная еда, — пожаловалась Лиза. — Я не могу есть этот синтебифштекс. Фронта говорила вчера, что ела настоящее мясо. Может ли это быть?

Она взглянула на окружающих. Фискус как обычно молчал, так как не чувствовал никакого желания говорить.

Доктор Боулдер потерянно сидел над своей пластмассовой тарелкой. Он, казалось, вообще не замечал окружающих.

— Две девочки из моего класса эмигрировали, — продолжала Лиза. — Это значит, что для землян прибавилось еще восемь годовых рационов. Сколько из этого достанется нам?

— Лиза! — оборвала ее темноволосая женщина с узким лицом.

— Я же только высказала предположение, мама. Население Земли сейчас составляет примерно двенадцать миллиардов человек. Фискус может подсчитать, сколько миллиграммов продовольствия придется на нашу долю, если мы получим восемь добавочных рационов. Ты можешь сделать это, Фис?

— Ты мешаешь мне спокойно поесть, — вмешался отец. — Все эти расчеты бессмысленны. Только новая культура водорослей может существенно улучшить положение.

— В системе Калозы есть две пригодные планеты с кислородной атмосферой, которые до сих пор видели только экипажи исследовательских звездолетов, — вставил Фискус.

Доктор Боулдер медленно отодвинул тарелку.

Под жгучими лучами высоко поднявшегося атомного солнца автоматика притемнила стекла. Прозрачные стены вращающегося домика изменили свой цвет, так что вода Магелланова пролива внезапно приобрела синеватый оттенок. Механизмы повернули дом примерно на полградуса, и дополнительное солнце обрушило вниз горячие лучи.

— Система Калозы, — задумчиво произнес доктор Боулдер. — Я слышал о ней. Ты имеешь в виду, что мы тоже должны эмигрировать?

Фискус лихорадочно пытался подобрать ответ. Лиза бросила на него насмешливый взгляд.

— Лучше не надо, папа, — с иронией произнесла она. — Если Фис появится там, это может грозить планетам полным уничтожением.

— А тебя не спрашивают,— оборвала ее реплику мать.

— Ну да. Я имею в виду, что условия жизни на Земле становятся все хуже и хуже. Может быть, ты задумаешься над этим?

— Я, конечно, не останусь здесь,— упрямо сказала Лиза.

— Твое образование еще потребует некоторого времени,— ответил доктор Боулдер.— У тебя квота девять. И тебе никогда не будет разрешено гипнообучение. Ты должна учиться. Подожди еще немного. Сынок, твои родители слишком стары для галактических путешествий. Мы все это очень хорошо понимаем. И, тем не менее, мы живем в своем собственном доме. Разве это не так?

Быстрым движением руки он указал на прозрачную южную стену. На побережье Магелланова пролива было много таких домов. Далеко на востоке в безоблачное небо вздымались небоскребы Норвенира.

— Извини, отец.

Требовательно загудел зуммер видеофона. Доктор Боулдер включил прибор, и на экране появилось лицо пожилого человека.

— Центральный распределитель роботов, доктор. Мы можем хоть сейчас послать вам модель Тозах. Исполнять заказ?

Пластиковая ложка в руках Фискуса переломилась пополам. И молодой человек, побледнев, склонился над своей тарелкой.

— Отцу нужен помощник, сынок,— мягко сказала мать.— Ты не должен переживать из-за этого.

— Да, мама.

Когда заказ был подтвержден, экран потемнел. Прежде чем доктор успел что-либо сказать, круглая дверь скользнула в сторону. В проеме появилась знакомая фигура домашнего робота.

— Бумс, откуда ты явился? — удивленно воскликнула Лиза.

Бумс не мог смеяться, как были обучены этому последние модели. На его лице не было никакого выражения, и оптика, управляемая электронным мозгом, взирала бесстрастно.

Зато сам электронный мозг, словно переключившись, ответил механическим голосом с металлическими нотками:

— Из подвала, мисс Лиза.

Доктор Боулдер заметил, как его всегда робкий сын вдруг засмеялся.

— Ты действительно опять в полном порядке, Бумс? — смущенно спросила Лиза. — Твоя нога... ты вновь можешь двигаться?

— Так точно, мисс Лиза, — монотонным голосом ответил робот.

— Пройдись по комнате.

Домашний робот исполнил приказание. Его толстые пенорезиновые подошвы издавали едва слышный шорох.

— Великолепно, Бумс, — сказал доктор Боулдер. — Все прекрасно. Приготовь глубинный излучатель. Я приду через полчаса.

— Так точно, доктор.

Робот бесшумно исчез. Фискус Элиас снова уставился в свою тарелку. Слегка подрагивающие кончики его пальцев ясно указывали, что он не в себе.

Все присутствующие молчали.

Так продолжалось до тех пор, пока Лиза медленно не произнесла:

— Вот это да! Бумс опять функционирует! Кто тебе помогал?

Ее брат медленно поднял глаза. Его сильно побледневшее загорелое лицо показывало, что вопрос Лизы попал в самое больное место.

— Ты вообще не доверяешь мне, не так ли? — ответил он. — Ты хоть раз задумывалась над тем, что я изучал целых восемь лет?

— О трех годах космических полетов я знаю: специализация по лучевым двигателям для межзвездных перелетов. Это все мне известно. Потом обучение параастронавтике. Но это также единственная тема, о которой я могу говорить с Фронтой. Итак, кто же отремонтировал Бумса?

Доктор Боулдер внезапно поднялся. Фискус последовал за ним в маленькую мастерскую, сквозь прозрачные стены которой были видны горы Огненной Земли. До нынешнего времени полностью незаселенная оконечность Южно-американского континента, обогретая горячими лучами искусственного термоядерного солнца, теперь быстро заселялась.

— Гм, задала она вопросик, — пробормотал доктор. — Это на самом деле сделал ты? Мне кажется, что Лиза — полная твоя противоположность, не так ли?

Фискус, удобно устроившись в раковинообразном кресле, взглянул на него. Его беспокойные руки застыли на коленях. Тело еще больше напряглось.

— Ты один привел в порядок этого робота?

— Конечно, отец, — покорно ответил сын.

Боулдер угрюмо посмотрел на юношу, затем продолжал:

— Будет лучше, если ты в чем-то самоутвердишься. Сынок, тебе необходимо измениться или тебе все будут наступать на ноги.

Неожиданно изменив тему, он деловито произнес:

— У тебя есть диплом инженера по двигателям для сверхсветового полета, не так ли? Таким образом, ты в любое время можешь приступить к выполнению обязанностей Главного Инженера космического корабля дальнего радиуса действия, предполагая, что найдется экипаж, который доверит тебе эту должность. Диплом тебе выдан Академией Космофлота.

Фискус ничего не ответил, только дыхание его вдруг участилось.

— Хорошо, сынок, предположим, что ты таким образом найдешь мое предложение приемлемым. Конечно, ты не захочешь все время оставаться на Земле, не так ли?

Боулдер верно понял грустную улыбку своего сына.

— Конечно, решительно нет. Стоило ли мне об этом спрашивать. Хотя, как ты сам понимаешь, едва ли найдется какой-либо достаточно известный космонавт, который захочет тебе помочь. Я тут кое-что предпринял в этом направлении, так как не могу больше выносить твою улыбку, полную разочарования. Ты слышал что-либо об «Алголе»?

— «Алголь»? — повторил его сын. — Я слышал о нем. Старый космический корабль, находящийся в личном владении космических торговцев. Ну, и что с того?

— Наконец-то один хороший вопрос, — буркнул доктор Боулдер. — «Алголь» не только старый корабль, он к тому же списанный пережиток времен второй волны сверхсветовых перелетов. Я знаю такие корабли по своей прежней службе. Что ты можешь сказать о кораблях этого типа?

— Я думаю, это гравитационный прыгун.

— Точно сказано, сынок. «Алголь» именно таковой и есть. Ему принадлежит честь быть одним из трех последних кораблей класса Вильсон. Мне не нужно говорить тебе, что сверхсветовые полеты на кораблях класса Вильсон постепенно становятся проблемой. До сих пор ты устраивал на Флоте только безобразия, все твои действия получили соответствующую оценку, и тебя взяли на заметку. Твое дело, конечно, передано в Главное

управление Флота Солнечной системы, и каждому капитану космического корабля дозволено заглядывать в него. Это могло явиться основанием для того, чтобы отклонить все мои многочисленные запросы. Однако я все же позволил себе вмешаться в твою судьбу.

— В самом деле? — смущенноотреагировал Фискус.

— Ну, если повезет, ты сможешь устроиться на один из дальних сверхсветовых кораблей младшим инженером-механиком. Большого тебе не доверят. Но у тебя все же есть диплом офицера, от этого так просто не отмахнешься.

— Жалко, отец, что я буду всего лишь младшим офицером. Я думаю, что не обижу тебя, однако у меня уже...

— Мой сын не отправится в полет в качестве младшего офицера, — прервал лепет своего сына доктор. — Боулдеры всегда очень щепетильно относятся к своей чести. Ты не даром учился восемь лет. Я говорил с Исмондом Кестером. Мы раньше были дружны. Ему крайне необходим Третий инженер-механик. Третий, потому что на кораблях типа «Алголь» нет Четвертого. На кораблях класса Вильсон это разрешено. Ну, что ты об этом думаешь?

Заметив лучащийся радостью взгляд молодого человека, он медленно повернулся и подошел к письменному столу. После короткой паузы он продолжал:

— Я знал это. Еще кое-что, сынок! Исмонд Кестер находится примерно в таком же положении, как и ты. У него нет хороших специалистов, так как «Алголь» — гравипрыгун. У тебя не будет хорошего корабля, потому что ты позволил себе несколько несообразностей и ошибок. Я сознательно направил тебя на старый корабль. Я делаю это потому, чтобы ты обрел спокойствие и уверенность. Примерно через год ты сможешь оставить службу на «Алголе». Его путь всегда протекает вблизи населенных планет. Это требования Кестера. Сообщи о себе в Галакто-Пойнт. Там тебя зарегистрируют и направят на «Алголь». Однако ты еще можешь отказаться. Большого я ничего не могу для тебя сделать.

Потом произошло то, чего доктор Боулдер никак не ожидал.

Его сын преодолел свою робость и застенчивость и, стремительно поднявшись, обнял отца.

— Удивительно, — пробормотал седовласый мужчина. Несмотря ни на что, он не смог скрыть дрожь в своем голосе.

— Когда же мне отправляться, отец?

— Сегодня же. Нужно спешить. Впрочем... — Он с секунду поколебался. — Впрочем, мать не знает, как обстоят дела и что за корабль «Алголь». Я сказал ей, что это новейший грузовик.

— Я понимаю, отец. — Фискус улыбнулся. — Она очень косо смотрит на это, не так ли?

— Ты, конечно, можешь взять мою практику. Но если подумать о том, что живой организм после грубейшей ошибки отремонтировать не так легко, как механизм, то мне кажется, что будет лучше, если ты будешь держать свои руки как можно дальше от жителей этой планеты. Ты, конечно, не сможешь больше носить мундир Космофлота. Но мундир офицера вольных торговцев выглядит не хуже. На нем ведь тоже видны знаки отличия офицера.

Фискус развил лихорадочную деятельность, которая так не соответствовала его обычному полулетаргическому состоянию.

Его багаж, весивший едва ли больше восьми фунтов, состоял только из самых необходимых вещей. Он по своему горькому опыту знал, что на Флоте на громоздкий багаж смотрят весьма косо.

Лиза обрадовалась, узнав о новом назначении своего брата. Даже Третий Инженер, вот как!

Двумя часами позже Фискус Элиас Боулдер улетел на рейсовом ракетоплане Норвенир — Нью Йорк — Лос-Анджелес.

В Нью-Йорке он с большим трудом попал на корабль, связывающий этот город с самым большим и важнейшим космопортом Земли. Галакто-Пойнт был построен не только для космонавтов и переселенцев, но и для подрастающего поколения, для тех, кто бредил космосом. Академия Галакто-Пойнта являлась для них отправным пунктом. Было почти невозможно миновать ее священные аудитории, тем более что европейская школа космонавтики в обществе частного предпринимательства не особенно ценилась.

Чем ближе приближался Фискус к этому гигантскому городу, тем сильнее колотилось его сердце. Там он начинал еще восемь лет назад! Теперь на его пути, казалось, вновь появились многочисленные стартовые и посадочные установки.

Глава 3

— Воспользуйтесь великолепным киберкоптером компании «Казинга», сэр. Вы никогда не найдете лучшей машины. Коптер «Казинга» управляется автоматически. Он надежен и прост.

Слова доносились из жестяного динамика электронного автомата-блокировщика, в щель которого Фискус сунул свою полетную карточку.

— О нет, спасибо, — учтиво произнес молодой человек. В глубине его подсознания какой-то другой голос сказал ему, что этот ответ для автомата является совершеннейшей бессмыслицей. Он услышал хихиканье стоящей возле него девушки, и кровь ударила ему в лицо. Он торопливо подхватил выпавшую из щели полетную карточку и неловко поправил рюкзак на своих широких плечах. И при этом нечаянно толкнул спешащего мимо него пассажира.

— Вы не можете быть поосторожнее, — услышал он недовольный голос. — Эти молодые люди так невнимательны.

Прежде чем он успел извиниться, тучный господин, которого он нечаянно толкнул, уже исчез. Фискус вошел в огромный зал ожидания, за широкими стеклами которого виднелись элегантные обзорные площадки высотных зданий Галакто-Пойнта, уходящих в безоблачное небо.

Два малыша, дети только что прибывших переселенцев, вертелись у него под ногами. Фискус терпеливо сносил это. Осторожные шаги бритоголового юноши вызывали у них только смех.

Сетовавшая на жару мать крикнула несколько сердитых слов. Секундой позже Фискусу пришлось выслушать печальную историю этой семьи. Ему еще хотелось узнать, как побыстрее и проще пройти к посадочным площадкам галактических кораблей.

Фискус не знал этого, и ему пришлось обратиться за помощью к ближайшему информационному автомату. Когда он снова вернулся к барьеру, семья уже исчезла.

В этом окружении он чувствовал себя невероятно чужим. Аэродром для атмосферных самолетов был ему ненавистен еще восемь лет назад. Он увидел старт самолета аэродинамической формы, потом заметил, как отвесно вверх устремился космический корабль.

Фискус поправил свой рюкзак и неуклюже ступил на ленту транспортера. Он осторожно переходил на все более быстрые полосы, которые стремительно несли его по залу ожидания.

Перед ним стояли и разговаривали о чем-то своем служащие ОГП — Общества Галактических Перелетов. Из их разговора он узнал, что эти мужчины и женщины поступили на работу на новейший «Гипрэм». Уже сегодня они должны были стартовать к системе Веги.

Он с тоской исподтишка рассматривал их зеленые комбинезоны со светящимися знаками различия. Как только эти люди перешли на более медленную полосу, он понял, что аэродром для самолетов остался далеко позади. Космопорт находился еще дальше на запад.

Он спрыгнул на землю и вытер со лба пот. Солнце Невады было в этот день особенно жарким.

Он медленно шел мимо площадок с ожидающими пассажирами и стоящими тут же автоматическими коптерами компании «Казинга». В его кармане была довольно значительная сумма — тысяча долларов. Фискус был щедр по отношению к другим людям, однако ни в коей мере не был расточительным и отказался от автоматического коптера. Тихо вздохнув, он вступил на ленту транспортера «В», которая доставила его прямо в вестибюль, находящийся глубоко под землей. Автомат разменял одну из маленьких однодолларовых банкнот, выдал мелочь, и барьер перед ним открылся. Через мгновение из шлюза с ревом вылетел веретенообразный вагон. Раздвижные двери с шипением открылись. Фискус с трудом протиснулся в середину вагона. Большинство людей ехало с аэродрома, это были пассажиры самолетов и служащие аэропорта, которые так же, как и он, предпочитали добираться до города этим дешевым видом транспорта.

Когда вагон опять въехал в шлюз, вспыхнула красная предупредительная лампа. Через несколько секунд в шлюзе уже был вакуум. Затем внутренний люк шлюза скользнул в сторону, и гигантское веретено, несомое мощным силовым полем, устремилось в туннель.

Фискус Элиас Боулдер вместе со своим рюкзаком опустился на мягкий пол, потому что вакуум-вагон, как обычно, разгонялся с ускорением в два «же». Сидеть ему было очень неудобно, и тут в его голову пришла мысль, что в этом случае весьма помог бы поглотитель энергии. Но это ускорение продолжалось не больше двух секунд, а потом вновь установилась нормальная сила тяжести.

— Может быть, вы уберете свой рюкзак с моих ног! — воскликнул маленький лысый человечек. — Невежливо! Для чего же здесь вмонтирована красная лампа, а?

Фискус вежливо извинился, снова и снова заверяя лысого человечка, что у него не было намерения причинять кому-либо вред. Затем на световом табло вспыхнуло название следующей станции.

— Галакто-Пойнт Внешний Восток, — прозвучал механический голос. — Пересадка к космодромам от номера один до номера три.

Поезд попал в магнитное поле и начал резко замедлять свою скорость. Фискус стал лихорадочно соображать.

Согласно информации, полученной им от автоинформатора, «Алголь» находится на космодроме номер три, на котором располагались и все другие корабли небольших компаний, а также корабли вольных торговцев. В его кармане лежала заявка Исмонда Кестера, в которой указывалось не только его полное имя, но также и его альфа-коэффициент и коэффициент интеллектуальности.

Этот документ ему дали на всякий случай, чтобы он мог посетить центр космических полетов. В крайнем случае, с капитаном Кестером можно было связаться по видео.

Мысли Боулдера были четкими и ясными. Он знал, что каждый мало-мальски разумный человек, перед тем, как заключить контракт, прибудет на «Алголь», чтобы по крайней мере увидеть корабль и познакомиться с экипажем. При этой мысли Фискус почувствовал, как по его спине пробежал холодок. Он знал, как смотрели на корабли класса Вильсон. Для их экипажей существовали только две возможности: или перебиваться случайными контрактами, на которые не шел никто другой, или вообще отказаться от полетов.

Что-то удерживало его от поспешного прибытия на «Алголь». Фискус знал свои глаза, от которых не могла ускользнуть никакая мелочь, он полагался также и на свою сообразительность. Несмотря на то, что он все выражал таким беспомощным образом, он хладнокровно оценивал свои возможности с точностью, которая соответствовала психической реакции номер один. Физическая реакция у него была порядка 4.13 — это он смог выяснить еще во время тренировок и поэтому знал об этом. Эта оценка улучшалась, когда он был один.

Он знал все свои способности и все свои слабости. Поэтому и не стал вставать. Вскоре вагон опять двинулся вперед. Пересадочная станция к космодромам от одного до трех осталась позади.

Вагон остановился еще раз, а когда на табло появилось название следующей станции, он понял, что достиг цели.

Смущенно поклонившись, он прошмыгнул мимо дорожной женщины.

В самый последний миг он проскользнул между закрывающихся с шипением дверей. Ему даже удалось уберечь от повреждения свой рюкзак. Потом он вышел в огромный зал центральной станции.

Зал был ярко освещен и выглядел знакомым. Фискус побывал здесь еще восемь лет назад в бытность свою абитуриентом Академии. Он возился здесь со всем своим объемистым багажом, а еще через два часа его принял офицер приемной комиссии. Он все еще помнил его слова, которые глубоко запали в его душу...

Голос контрольного автомата оторвал Фискуса от его мыслей. Что-то жестко ударило его по ноге. Он инстинктивно отпрыгнул назад и испуганно уставился на вздрагивающую электроплеть.

— Доплатите, — донеслось из динамика. — Вы проехали на две станции дальше, чем это указано в вашем билете.

Когда шоковый контакт вновь начал угрожающе приближаться к нему, Фискус предусмотрительно отступил еще на шаг назад. Он торопливо обшарил карманы в поисках нужных монеток, однако его поиски были тщетными.

Автомат угрожал все настойчивее. Секундой позже Фискус оказался запертым в узком пространстве между автоматическим барьером и второй электроплетью.

Наконец, во внутреннем кармане он нашел немного мелочи. После того, как две монетки исчезли в щели автомата, тот стал более покладистым. Фискус с покрасневшими щеками и влажными от пота руками устремился прочь. Тяжело дыша, он направился к транспортеру, который вскоре снова вынес его на свет солнца.

Его поглотила суматоха города с миллионным населением. Гигантская башня Академии, казалось, венчала Галакто-Пойнт. Здание космоцентра Солнечной системы намного выступало над плоскими крышами соседних небоскребов.

Фискус вышел из гравитационного лифта, который вознес его наверх, над сумасшедшим хаосом наземного движения. На второй террасе он опять обрел спокойствие.

На высоте более чем тридцать метров над уровнем улицы он начал свое путешествие по переплетению террас. Далеко позади раздался вой полицейской сирены. Сразу

же после этого мимо пронесся полупрозрачный цилиндр, влекомый силовым полем. На лицах столпившихся людей появилось выражение неудовольствия. Полицейские заметили эти взгляды, но намеренно игнорировали их.

— Невероятно,— произнес кто-то, обращаясь к Фискусу.— Денебийцы требуют все больше и больше прав. Это уже невозможно терпеть. Или вы иного мнения?

Фискус распознал в старой женщине, стоящей подле него, неофитку секты Джунзаль. Эти люди намеревались огнем и мечом истребить все другие разумные формы жизни.

— Ну... я думаю, что он, как посол...

— Бесстыдство! Джунзаль обращается к тебе!

Боулдер молча смотрел вслед удалявшейся разгневанной женщине. Потом он вновь воспользовался транспортером, который перенес его в другую половину города.

Комплекс космопорта приближался с пугающей быстротой. Чем больше появлялось в поле его зрения уступчатых зданий, тем больше становился ком в его горле. Как лунатик, он перешел на боковой транспортер, который по узкой спирали возносил его все выше и выше, пока, наконец, Фискус не соскочил с него под огромным порталом пятой террасы.

Он вошел внутрь здания с элегантностью медведя. В вестибюле было тихо и спокойно. Все здесь дышало бесконечностью Вселенной. Здесь даже не нужно было присутствовать многочисленным членам экипажей космических кораблей, чтобы поддерживать это впечатление.

Фискус вспомнил о том, что ему нечего больше искать в этом отделе. Он как можно незаметнее исчез в лифте, который доставил его в отдел «Внутригалактические линии связи».

Здесь он встретил людей в невзрачных одеждах мелких бедных компаний. Минутой позже он стоял перед равнодушно взирающим на него служащим. Магнитная лента с записанной на ней заявкой капитана Кестера была положена на плоскую крышку стола.

— Минутку,— сказал служащий и сунул ленту в манипулятор робота, который за несколько секунд перевел машинный язык в понятные всем буквы. Из щели выползла пластмассовая пластинка с данными об Элиасе Боулдере.

Движения служащего стали более оживленными.

— Вы что, хотите поступить на «Алголь»? — недоверчиво спросил он.— Вы, офицер Флота! У вас же есть диплом Галактической Академии!

Фискус, вытянувшись, стоял перед маленьким окошком. Он молча кивнул. Во взгляде служащего появились не только враждебность, но и откровенное презрение.

— Как угодно, мистер Боулдер. Пожалуйста, присядьте. Я сейчас затребую ваши документы.

Фискус направился к удобному креслу. Пальцы служащего заиграли на клавишах автомата. Неслышные импульсы понеслись к мозгу центрального компьютера, в котором хранились данные обо всех космонавтах. Потребовалось всего несколько секунд, чтобы гигантская машина нашла все данные об офицере Флота Фискусе Боулдере. Из автомата выскользнула лента с результатами проверки и подтверждением личности Фискуса.

— Ах так, — сказал человек по ту сторону окошечка, прочитав первые строчки. — Так вы погорели?

Фискус покраснел. Пока он подыскивал нужный ответ, в глазах его появилось выражение, которое словно предупредило служащего об опасности. Тот озадаченно смотрел на молодого офицера, сразу становясь учтивее.

— Хорошо, лейтенант. Это меня не касается. Вы знаете содержание заявки? Я думаю, вы должны это подтвердить. Это одновременно и договор, который необходимо завизировать. Вам все ясно? В этом году четыре участника получили довольно приличную прибыль, и эта прибыль была получена за пределами Солнечной системы.

— Я информирован об этом, — предупредил его Фискус.

— Тогда я должен попросить ваши документы. Результаты последней проверки на пригодность, диплом, документ о соответствии полетным требованиям. А также вашу медицинскую карту.

Микропластовая карточка с записанной на ней информацией перешла из его бумажника в руку служащего. Автомат прочитал невидимые значки и сравнил их с документами космоцентра.

— Все в порядке. Вы Фискус Элиас Боулдер. Имеете право носить звание инженера-механика в чине лейтенанта. Возможное повышение в чине зависит от вашего теперешнего командира. Я обращаю ваше внимание на то, что вам теперь будет довольно трудно устроиться в Космофлот.

Фискус кивнул. Последние формальности заняли еще полчаса. Потом он получил специальный пропуск, который давал ему право, как офицеру вольных торговцев, в любое время приходить в космопорт базы номер три и уходить

оттуда по собственному желанию. Он стал Третьим Инженером на «Алголе», так ни разу и не увидев этого корабля.

Затем он покинул прохладный зал с гудящими автоматами. В его сознании так ярко вспыхнула одна мысль, что он вынужден был остановиться и побороть легкую дурноту.

Почему он до сих пор не связался с капитаном? По крайней мере, с капитаном!

Однако он успокоил себя тем, что напомнил себе, что его предназначение было в открытом космосе, а другой такой возможности у него нет.

Затем довольно спокойно он вошел в кабину видеофона и вызвал базу номер три. Его связали с «Алголем». Камера показала внутренность маленькой каюты. Он узнал некоторые предметы, которые и должен был знать благодаря своей профессии.

На экране появилось изборозженное морщинами лицо мужчины, неухоженные волосы которого свисали из-под изрядно потрепанной фуражки.

Фискус встал перед экраном видеофона по стойке смирно.

— Что случилось? — сердито донеслось из крошечного динамика.

— Я прошу извинить меня, — запинаясь, проговорил Фискус. — Но, быть может, вы можете... Я имею в виду, что не могли бы вы связать меня с капитаном Кестером?

— Конечно, вы звоните не из Главного административного центра, — констатировал его собеседник. — Вы хотите что-нибудь продать?

— Нет, нет, — заверил его Фискус. — Я хочу только поговорить с капитаном.

— Чтоб меня шлепнули из гамма-лазера! — удивился неизвестный. — Где вы научились такой вежливости? Может быть, вы служили во Флоте, а?

— Так точно, сэр! Теперь я могу попросить...

— Старик в городе. Я не могу себе даже представить, где он находится, — прервал Фискуса неизвестный. — Не спешите так, юноша. И что вам, собственно, нужно от капитана? Я Леффо, Главный Инженер «Алголя». Кроме меня, из офицеров здесь больше никого нет. Итак?

— О, это чудесно, сэр, — сказал Фискус. — Моя фамилия Боулдер. Капитан Кестер затребовал меня по срочной связи. Из Норвенира, сэр. Я...

— Достаточно, — простонал Главный Инженер. — Я информирован об этом. Только не говорите, что мо-

жете показать мне предписание. Где вы сейчас находитесь?

Фискус объяснил.

— Ну и как? — спросил Лефло. — Вы подписали договор?

— Так точно, сэр, — подтвердил Фискус. Он заметил, что от волнения его прошиб пот. Поэтому почувствовал, что необходимо упомянуть о плохо работающем кондиционере в кабине видеофона.

Боб Лефло почти вышел из себя.

— Юноша, кондиционер меня не интересует, — вскричал он. — Послушайте, Боулдер! Немедленно расторгайте договор! Я сейчас же передам наше согласие. Я уполномочен сделать это. На «Алголе» не нужен инженер на должность Третьего. Да будьте же благоразумны, Боулдер! Я приглашаю вас осмотреть корабль. И накормлю вас. Будет любая выпивка, какую вы захотите, только порвите договор! О'кей?

Фискус быстро понял все, что надо, однако не мог выразить всю свою боль и нахлынувшее на него возмущение словами. Он скрыл все это за завесой гробового молчания. Одновременно с этим он так ожесточенно тряхнул головой, что с его лба покатались капли пота.

— Что, не хотите? — рассерженно воскликнул Лефло. — Вы действительно не хотите этого? Вы настаиваете на этом договоре?

Последние слова он произнес резким дискантом. Фискус должен был собрать всю свою волю, чтобы не смалодушничать.

— Но, сэр, почему я должен расторгать этот договор? Капитан Кестер настойчиво искал Третьего Инженера. Мой отец...

— Перестаньте, — снова прервал его Главный Инженер. — Ваш отец, ха! Конечно, мы искали Третьего Инженера. Однако не такого, как вы! Вы понимаете, Боулдер, я знаю вашего отца. И не хочу огорчать доктора, применяя к вам насилие. И мне также неинтересно из-за вашей гениальности взлететь на воздух, попасть в цистерну с кислотой или задохнуться где-нибудь между Землей и Юпитером по причине испорченного регенератора воздуха. Мы получили весьма отвратительное и опасное задание, для выполнения которого нам нужны мастера своего дела. Но только не вы, мой дорогой! Я видел вашу характеристику и после этого едва не потерял самообладание. Порвите договор!

— Нет, — простонал Фискус, и сам сильно удивленный своим мужеством.

Главный Инженер онемел. Он, казалось, был сильно разочарован.

— Хорошо, — неожиданно тихо сказал он. — Итак, нет? К сожалению, я ничего не могу поделать с этим. Что вы сейчас делаете? Что намереваетесь делать дальше?

Фискус почувствовал нескрываемое облегчение.

— Спасибо, сэр, большое спасибо. Я очень благодарен вам. Если вы позволите, я пока достану себе мундир.

Лефло стал похож на разъяренного быка.

— Зачем вам понадобился мундир, юноша? — донесся из динамика угрожающий голос. — Завтра утром ровно в шесть часов свяжитесь со мной. Ясно?

— Так точно, сэр, — радостно подтвердил Фискус. — Извините, сэр. Мне не надо беспокоиться о мундире.

— Да приобретайте хоть пять штук, солнечный вы ди-карь! Но избави вас бог попадаться мне на глаза пьяным.

— Но, сэр! — вскричал Фискус, возмущенный до глубины души. При этом взрыве чувств ошарашенный инженер впервые улыбнулся.

— Ну, если я вас обидел, беру свои слова назад. Итак, завтра в шесть.

Фискус механически вышел из кабины и вдруг услышал смех. Смеялся высокий темноволосый человек.

— Умник Фис, это действительно ты! — загремел голос офицера в белом мундире Флота. — Откуда ты здесь взялся? Или, быть может, тебя взяли в какой-нибудь экипаж?

Фискус утвердительно кивнул. Инженер-лейтенант Майн заключил его в свои объятия.

— Это нужно отпраздновать, Фис. Ты уже знаешь, что мы на старике «Энри» уже все расследовали?

— Гоунт, я... мне очень жаль. Однако мне еще многое нужно сделать. Кроме того, я должен выспаться и завтра утром явиться на борт корабля. Я...

— Не будь некомпанейским человеком и веди себя как мужчина, — ответил Майн. — Я прохожу спецобучение в Академии. Завтра экзамены. Может быть, мне удастся, наконец, попасть на межзвездный крейсер. Эх, Фискус, я тут сел на мель. Ты не выручишь меня долларами так пятьюдесятью? Понимаешь, до завтра.

Фискус, смущенно улыбаясь, полез в карман. Гоунт Майн поблагодарил его за любезность.

Минутой позже он рассеял задумчивость Фискуса. Лифт опустил их вниз.

Глава 4

Автомат открыл дверцу маленького коптера. Фискус поспешно выскочил наружу, на поле космодрома, покрытое пластиком и сталью. Висящее высоко в небе солнце заливало своими лучами пространство, которое, казалось, было ограничено только контурами подсобных помещений и башен небоскребов вдаль. Даже находящиеся здесь космические корабли не сглаживали впечатление, производимое этой технифицированной пустыней. Многочисленные грузовики и воздушные транспорты казались игрушками по сравнению с космическими кораблями.

Фискус нервно глянул на часы. Он страдал от похмелья, вызванного непривычной дозой алкоголя, и других вещей, о которых он раньше знал только понаслышке. Несмотря на это, он не ругал Гоунта Майна, не ругал даже в мыслях.

Никто не принуждал его вместе с Гоунтом Майном совершать рейд по значным местам Галакто-Пойнта.

Его также не беспокоили ни потеря почти всех своих денег, ни испачканный мундир. Его угнетала только мысль о почти двухчасовом опоздании, которое даст новую пищу для его и так старательно подмоченной репутации.

Боулдер огромными прыжками помчался к «Алголю», возвышающемуся на фоне утреннего неба. Он едва обратил внимание на устаревшую форму обводов его корпуса, который, как и у всех кораблей класса Вильсон, в последней трети длины корабля, перед острием носа, сужался. Он также не обратил внимания на темные пятна и бесчисленные заплатки на корпусе, который был изготовлен еще из облегченной бельтонитовой стали с упроченной конструкцией поверхностного слоя. Новейшие корабли теперь изготавливались из стали с перестроенной кристаллической структурой.

Запахавшись, он обогнул тяжелый грузовик на антигравитационной подушке, на платформе которого покоился огромный механизм.

Потом перед ним на фоне неба выросли четыре массивных кормовых стабилизатора «Алголя». На концах их находились каплевидные корпуса вспомогательных двигателей, которые на кораблях этого типа представляли собой атомные реакторы с синхронизированной системой впрыскивания, выбрасывающие из дюз плазму.

«Алголь» покоился на дополнительно выпущенных посадочных опорах над газоотводной шахтой. Нос его

поднимался на высоту почти ста тридцати трех метров. «Алголь» был маленьким кораблем, который ни в коем разе не мог конкурировать с новейшими кораблями Флота и даже с кораблями ОГП.

Хотя внутри Фискуса все бушевало, его ни на секунду не покидало чувство безграничной гордости. Пусть космический корабль мал и неказист, но это все же корабль! Если к нему приглядеться повнимательнее, можно заметить, как он прекрасен.

Боулдер промчался мимо двух кормовых стабилизаторов. Его взгляд невольно остановился на кажущемся неровным отверстию кормовой дюзы, которая располагалась высоко над полем и над зияющим отверстием газоотводной шахты. Однако «Алголь», конечно, был оснащен и сорианским импульсным двигателем, работающим по принципу каталитического слияния.

На новейших кораблях использовался синтезирующий реактор, работающий по другому принципу. Катализ там достигал абсолютного максимума, так что тяжелый ускоритель для получения мощного потока мезонов был не нужен.

Фискус знал, что сорианский импульсный двигатель имел как преимущества, так и большие недостатки. С этими мыслями он подошел к опущенной грузовой платформе, которая собиралась подняться к зияющему грузовому люку в тридцати метрах над землей.

Только что прибыл грузовик на антигравитационной подушке с огромным, весом не менее десяти тонн механизмом-монстром, назначение которого Фискус никак не мог определить на глазок. Вспотевший мужчина удивленно взглянул на Фискуса, когда тот подошел поближе и спросил:

— Извините, капитан на борту? Или мистер Лефло?

Мужчина что-то сказал в микрофон маленького интеркома, затем губы его изогнулись в широкой улыбке.

Взгляд его скользнул по испачканному мундиру Фискуса.

— Вы лейтенант Боулдер? — коротко спросил он.

Фискус побледнел. Итак, имя его уже всем известно! Он поспешно кивнул.

— Эй, наш Главный Инженер хочет любезно поприветствовать вас. Но хочу дать вам совет: ползите вверх лучше со следующими партиями груза. Или нет, сделайте лучше вот что. Идите в пассажирский лифт. Меня зовут Джосс Ипстал, я Второй Суперкарго. Где же вы были до сих пор?

Фискус почувствовал облегчение, что нашел так понимающего его коллегу. Он порывисто протянул стройному молодому человеку свою руку. Ипстал внезапно стал серьезным.

— Да идите же! Я спущу вам лифт. И будьте готовы ко всему. Лефло — самый главный человек на борту после Первого Офицера. Без него «Алголь» не сможет стартовать. Вам понятно?

— Все ясно, — ответил Фискус, — большое спасибо. Я тут поддался некоторым соблазнам. Мне очень жаль.

Ипстал провел его под тяжелой грузовой платформой к небольшой площадке пассажирского лифта, которая медленно начала подниматься вверх, как только они встали на нее.

Казавшийся невзрачным «Алголь» внезапно превратился в гигантское сооружение. Машины и люди остались внизу. Средний люк корабля становился все больше и больше. Сильно вздрогнув, лифт замер неподвижно. Фискус ловко ухватился за длинный выступающий конец шлюза; он никогда не смог бы так сделать под взглядом постороннего человека, наблюдавшего за ним.

Он потерянно стоял в безлюдном коридоре верхней палубы. Загудел центральный лифт, однако Фискусу пришлось ждать несколько минут, пока на его пути не появился офицер из экипажа.

— Эй? — недоверчиво спросил высокий парень. — Что вы здесь ищете?

Как только Боулдер ответил, парень тотчас же стал деловитым.

— Ах, так это вы наш новый Третий? Да, Главный Инженер внизу, в машинном отсеке. Там, внизу, вы осмотритесь. Я Кисслинг, кок и специалист по гидропонике.

Его лицо едва заметно изменилось, когда Фискус торопливо исчез в люке. Планировка «Алголя» не представляла собой загадки для него, и он быстро спустился вниз. Но на этот раз он оказался глубоко в чреве корабля.

Он встретил техников корабельного экипажа, которые смотрели на него более или менее равнодушно. Наконец, он нашел Главного Инженера в центральном отсеке, где этот широкоплечий пятидесятилетний мужчина стоял перед занимающим почти все помещение сверхтяжелым импульсным конвертером.

Три человека казались маленькими и ничтожными перед машиной, с помощью которой только и можно было

получить структурное искривляющее поле для поглощения четырехмерных энергетических временных линий внутри нормального пространства.

Фискус молчал, затаив дыхание. Почти против своей воли он услышал слова глубокой озабоченности и поэтому продолжал молчать и дальше. Его еще не заметили.

— ... Я говорю вам, Киленио, что конвертер проработал, по крайней мере, две эпохи космических перелетов. Он окончательно вышел из строя, да и неудивительно, если учесть его почти пятидесятилетний стаж работы, одиннадцать капитальных ремонтов и чудовищных перегрузок, выпавших на его долю. Эта модель не только совершенно устарела, но и стала абсолютно непригодной для эксплуатации. Во время последнего прыжка я едва успел наложить структурное искривляющее поле на наш корабль. Очень легко может произойти так, что однажды мы повиснем между звездами. Вот собственно и все, что я хотел сказать вам. Как Первый Навигатор, вы сами должны понимать, как далеко мы сможем улететь на этом конвертере.

Фискус непроизвольно вздрогнул. Он вспомнил имя «Киленио». Несколько лет назад это имя было на устах каждого космогатора. Несомненно, Первый Навигатор «Алголя» был одним из самых талантливейших людей. Что же могло привлечь его на борт этого корабля? «Конкурентная борьба в ОГП», — мелькнула у него мысль, прежде чем он услышал звучный голосок маленького, казавшегося щуплым мужчины:

— Комиссия приняла конвертер.

— Конечно, — жестко усмехнулся Леффо. — Так же, как и конвертер, у нас устарели двигатель, ускоритель, главное поле дюз и вся силовая установка. Однако замена всего этого стоила бы только малую часть того, чего стоит замена конвертера. Это стоило бы около миллиона долларов. Вам это известно?

— Заказ покроет это более чем наполовину. Думаю, стоит рискнуть.

— Я все еще колеблюсь, — яростно сказал Главный Инженер. — Эти жадные...

— Кто вы? — услышал Фискус вопрос, произнесенный резким тоном. Первый Офицер, он же Первый Навигатор корабля, теперь заметил Фискуса.

Леффо ответил ему:

— О, это всего лишь наш Третий. Вы знаете, это сын дока Энграя Боулдера. Разве вы не должны быть здесь

в шесть часов, Боулдер? Извините! Или вы предпочитаете, чтобы вас величали по званию.

Насмешка в его глубоком голосе вызвала краску на щеках Фискуса и сильно смутила его.

— Ну, а теперь оставьте нас. Я все здесь обнюхаю, — небрежно сказал Лефло. — Можете идти в свою каюту и ждите меня там. Кок укажет вам ее. Еще что-нибудь?

— Нет, сэр, — тихо ответил Фискус. Взгляд Первого Инженера, полный сожаления, ранил его еще больше.

На него больше не обращали внимания. Он опустил плечи и повернулся. Он все еще слышал голос Киленио, который настойчиво просил Главного Инженера подготовить конвертер с помощью подручных средств. От этого контракта зависело существование корабля, а может быть, и всего экипажа.

Фискус бегло подумал о том, что маленький корабль вольных торговцев все время будут преследовать вот такие затруднения. Механизмы были невероятно дорогими, а выгодные контракты захватывали большие компании по их более чем дешевым тарифам. Капитан Кестер относился к немногим владельцам кораблей, которые снова и снова пытались выжить, отбиваясь от козней своих конкурентов.

Весь опустошенный и внутренне кипя, Фискус позволил отвести себя в маленькую каюту. Она находилась наверху, на восьмой палубе, под которой был расположен гидропонный сад. Кисслинг, незаметно усмехнувшись, поинтересовался названиями алкогольных напитков, которые пил Фискус. На того этот вопрос подействовал как нокаут. Итак, именно поэтому Лефло и сказал, что обнюхает все.

Глава 5

Старик вернулся на борт час назад. В своем качестве суперкарго и офицера по снабжению «Алголя» я непосредственно перед ним отвечал за тяжелые погрузочные механизмы.

Когда он пришел вчера после переговоров, его широкие плечи напоминали обвисшие листья вяющих растений. Однако через час он был таким же, как и всегда, словно ничего не произошло. Он так экспансивно хлопнул меня по плечу, что я едва не упал на колени.

— Ну, как далеко мы продвинулись, мой дорогой Ипстал? — спросил он к еще большему моему смущению.

Его картофелеобразный нос и хищные глаза все еще сверкали от азарта спора, а его короткие подстриженные волосы, казалось, слегка топорщились. Действительно, Исмонд Кестер был в великолепном настроении.

Я послал ему вниз маленькую платформу.

Как только представился случай, я проинформировал его о прибытии нашего нового Третьего.

— Так, так, прекрасно, прекрасно, — только и произнес он, устремляясь наверх. Кисслинг, наша, так сказать, «бортовая газета», проинформировал меня о дилемме нашего Третьего. Не надо было Лефло поступать так. Юноша произвел на меня хорошее впечатление. Тем более, что у меня сложилось мнение, что за его робкими, как у овцы, глазами скрывается недюжий интеллект.

Конечно, я был единственным человеком на борту, который смог уловить скрытые гениальные способности нашего Умника Фиса за его невзрачной внешностью и поведением. Великий Юпитер, кто только мог дать этому парню имя Фискус Элиас! Из-за одного этого он должен был страдать комплексом неполноценности — а теперь, ко всему прочему, он еще попал на зуб такому злобному насмешнику, как наш Главный Инженер.

Пока я еще раз проверял загрузку и устанавливал экран с клеймом своей проверки, Старик уже отдал приказ о начале общего совещания всех офицеров.

У меня осталось только пятнадцать минут, чтобы сменить комбинезон на синий мундир.

Через мгновение я уже оказался в просторной каюте капитана. Капитан ходил по каюте взад и вперед. Лефло уже тоже торчал здесь. Два навигатора, Киленио и Джоэль Батчер, тихо беседовали о чем-то своем. Лефло изредка бросал ворчливые реплики Второму Инженеру. Итак, здесь уже собралось пять офицеров. А если кто и отсутствовал, так это Умник Фис.

— Ну, все здесь? — прохрипел Старик, искоса глянув на присутствующих.

Тут кое-кто из моих коллег стал утверждать, что согласно голословным сплетням у нас появился новый инженер. Я был готов защищать нашего Третьего, чтобы избавить его от новой взбучки за неявку на общее собрание офицеров, когда мгновение спустя зазвенел дверной звонок.

Однако это был только доктор Бильзер, наш корабельный врач и бортовой психолог, который протиснул в дверь свое массивное тело.

— Разрешите? — очень вежливо спросил он. Он, хотя и не принадлежал к команде корабля, тоже был офицером.

--- Конечно, дорогой доктор, конечно, — с неподдельной сердечностью, грудным голосом проговорил Старик. — Вы опять выглядите сильно поправившимся, ха-ха!

Кестер внезапно замолк, никто не поддержал его шутки. Наш Длинный Пайперс, Второй Инженер и одновременно специалист по дальней связи, непонимающе уставился на Старика. Потом он откашлялся.

Я тоже скрыл свою улыбку приступом кашля.

Вероятно, вы думаете, что я на «Алголе» пережил все? С этими людьми, включая и Старика, никто не знал, что нужно делать в данный момент — смеяться или плакать. Однако, несмотря на это, я принадлежу к экипажу «Алголя», а экипаж этот был самым дружным в Галактике. Это была тесно спаянная кучка безумно храбрых космических бродяг и продувных торговцев. В течение пяти лет мы плутовали и преодолевали всяческие козни. До сих пор нам всегда удавалось найти выход, чтобы поддерживать корабль в приличном состоянии и с его помощью даже зарабатывать кое-что.

Как только я подумал об этом, я увидел стоявший в дверях ходячий сосуд с несчастьями. Таким образом, Умник Фис тоже присутствовал в каюте капитана.

У переборки стоял сильный, как медведь, парень. Тело его было напряжено. Казалось, он одним рывком мог вырвать дерево вместе с корнями.

Увидев это, Длинный Пайперс усмехнулся. Фискус Элиас, конечно, заметил этот взгляд, и его щеки покраснели.

Когда Старик сделал ему благосклонный жест, Умник Фис смутился еще больше и попытался скрыть это классическим способом — обычной вежливостью.

Капитан Кестер польщенно улыбнулся.

— Может быть, вы войдете внутрь? — яростно воззвал Лефло к Третьему.

Умник Фис сорвал с головы фуражку, прежде чем войти в каюту.

Лисьи глаза нашего врача сделались ожидающими. Эта реакция Фиса, вероятно, представляла для него большой практический интерес.

Фискус представился охрипшим голосом. Потом он вновь надел фуражку. Я потрясенно закрыл глаза. Что же теперь должно было обрушиться на нашего Третьего, особенно от Лефло. Он был единственным человеком

на борту корабля, который в каюте капитана позволял себе снимать, а потом надевать головной убор.

Я бросил на Умника Фиса заклиняющий взгляд, значение которого, как ни странно, он тотчас же понял и моментально снял фуражку.

Потом на протяжении двух минут он был занят тем, что бесконечно бормотал бессмысленные извинения, лицо его непрерывно меняло цвет, и он беспомощно искал наиболее темный угол.

Ситуация эта действовала мне на нервы и, видимо, не только мне, так как за это время никто не проронил ни слова.

Его спас врач, сказав весьма прискорбные слова:

— Скажите, мой дорогой, вы нанялись сюда в качестве бортового клоуна?

Фискус окаменел.

— Скромность юности, — довольно фальшиво усмехнулся Старик.

Внезапно безо всякого перехода он начал говорить нам о цели этого собрания. Умник Фис снова обрел самообладание. Это было великолепное зрелище. Ничего странного в том, что этого молодого человека поперли из Флота.

— Друзья, — громко начал Кестер. — Это может быть последним полетом нашего «Алголя». По совести говоря, корабль давно выработал свой срок, и теперь ему прямая дорога в музей Космического Флота, потому что мы после этого полета, возможно, получим новейший, только что построенный корабль дальнего радиуса действия.

После этого введения он взглянул на нас, выстроившихся перед ним. Представлял ли он, как попало в точку это его слово «мы»? Конечно, он не мог купить в одиночку новый корабль. Он планировал, используя все сбережения экипажа, основать нечто вроде микрокомпании космических перевозок. Лично он мог вложить в это дело около пятидесяти процентов общей суммы, что означало, что и в будущем он останется нашим шефом.

— Но подробнее об этом поговорим позднее, — сказал он, выпрямляясь. — Мои вчерашние переговоры прошли успешно. Нам невероятно повезло: мы должны лететь на только что заселенную планету, находящуюся на самом краю Галактического Союза. Этот заказ принесет нам почти три четверти миллиона долларов, и мне впервые разрешено загрузить свой корабль грузом парaponиума,

а всю выручку, полученную от его продажи, перевести на наш счет.

Тон его голоса казался довольно необедительным. Но все же мы догадывались, что это дело обещает нам самую большую прибыль за все время существования.

Парапониум был веществом необходимым для легирования стали. Вещество это встречалось крайне редко. Даже если мы получим полмиллиона прибыли, все наши финансовые затруднения будут разрешены.

Продолжая говорить, Старик остановил свой взгляд на Главном Инженере.

— Это задание очень взволновало меня, друзья. Нам нужно лететь к Толиману, второй луне огромной безжизненной планеты. Расстояние до нее составляет четыре тысячи световых лет. Толиман находится в рассеянном скоплении 885 Персея. Он открыт восемь лет назад находившимся в том районе кораблем с пассажирами, принадлежащим ОГП. Тамошняя колония насчитывает около трехсот человек, и ее необходимо обеспечить техникой, самым лучшим снаряжением и прочими вещами. Это определено нашим договором. ОГП отвечает за это. У наших коллег к данному моменту нет в наличии свободных кораблей, и поэтому это задание поручено нам. Таким образом, мы доставляем на Толиман уже погруженные механизмы и, кроме того, захватим с собой еще тридцать пять новых поселенцев. В обратный путь нас загрузят добытой там рудой. В качестве задатка «Алголь» будет снаряжен и запущен. Однако сначала мы направимся к Дзете Персея. На Дзете-3 нас ждут поселенцы, которых мы и захватим с собой. Ну, есть еще вопросы?

Он сделал паузу и подождал нашей реакции. Все молчали. Мы давно уже знали об этом. Это была сумасшедшая идея лететь на таком древнем корабле, как «Алголь», на расстояние в четыре тысячи световых лет. В рассеянное скопление, значащееся в новом Генеральном Каталоге под номером 885. До сих пор в тот сектор космоса были отправлены всего лишь три корабля, которые наряду с самыми мощными двигателями обладали к тому же и мощным вооружением.

Секретом полишинеля было также и то, что дирекция ОГП горько раскаивалась, заключив контракт с поселенцами Толимана. В течение восьми лет они были предоставлены самим себе, потому что до сих пор считалось нецелесообразным посылать туда корабль. Даже теперь она не решалась послать в тот район спецкорабль сто-

имостью в пятьсот миллионов долларов. Дешевле было потратить миллион на снаряжение «Алголя», который все же был способен преодолеть это расстояние, и оплатить труд его команды. Если мы погибнем — это наше горе. С другой стороны, дирекция ОГП окончательно решила, что отказ от контракта может вызвать значительные осложнения в отношениях с Галактическим Союзом. От людей на Толимане нельзя было отмахнуться просто так.

Наш Старик мгновенно принял это заманчивое предложение. Теперь у нас на борту были спецмашины, медикаменты, продовольствие и прочие необходимые вещи общей стоимостью в 26,3 миллиона долларов. Это все нужно было забросить на далекую луну безжизненной планеты.

Я живо представил себе, как тоскливо смотрят в небо тамошние обитатели. И вот через восемь долгих лет к ним, наконец, придет долгожданная поддержка.

Господа за конференц-столом в Красном Зале ОГП рассчитали, что ранее этого срока поселенцы не успеют заготовить необходимое количество парापониума. Им необходимо было, по крайней мере, пять лет, чтобы разработать открытое правительственным кораблем месторождение руды. Сначала они должны были обеспечить свою безопасность и свой прожиточный минимум.

Однако теперь настало время послать помощь этим людям, а потом, после разгрузки, забрать добытую ими руду. Это была та цена, которую поселенцы платили за транспорт, доставленные им механизмы и все прочее.

Наш Старик гоже знал это. В конце концов, мы все здесь были торговцами и мы уже не раз шли на огромный риск. Если смотреть по-деловому, в этом полете не было ничего опасного или необычного. Конечно, очень даже может случиться, что мы никогда не достигнем этого звездного скопления, тем более что до этого мы должны слетать еще к Дзете Персея. Все это не особенно обнадеживало.

— За груз руды мы получим три четверти миллиона, — еще раз повторил Кестер. — Таким образом, нам некуда больше отступать. Я подписал договор.

Я бросил быстрый взгляд на нашего Третьего. В глазах Боулдера, казалось, вспыхнул какой-то свет. Он позволил себе задать чудовищный вопрос:

— Как?.. Извините! Куда мы направляемся? Вы говорите, четыре тысячи световых лет?

— Вы боитесь? — язвительно спросил Лефло. Он не скрывал насмешки в своем голосе.

— Нет, — ответил Умник Фис так спокойно, что я даже удивился. — Я думаю о почти непригодном импульсном конвертере, сэр. На нем мы никогда не доберемся туда. Я знаю это.

— Черта с два, вы знаете! — бушевал Лефло. — По-заботьтесь лучше о своих делах, а конвертер предоставьте моим заботам!

Фискус больше ничего не сказал, тем более что Старик уничтожающе посмотрел на него. Но на лице юноши отражалось что-то, отчего у меня на лбу медленно выступили крупные капли пота. Я уже знал молодых людей этого типа. Не быть мне Джоссом Ипсталом, если он не учудит еще чего-нибудь.

И, действительно, я не ошибся!

Пятью минутами позже пришли два человека из ОГП. Один из них, одетый в мундир, был техническим инспектором. Прежде чем Старик успел открыть рот, удостоверение о пригодности «Алголя» и разрешение на старт были уже у него в кармане.

Другим человеком был Эммануэль Тарфуни, один из влиятельнейших директоров ОГП. Его лучезарная улыбка, казалось, действовала на нервы не только мне.

Еще раз были обговорены все подробности. Скоро больше не осталось никаких сомнений, что нам можно стартовать к Дзете Персея, забрать переселенцев, потом лететь к Толиману, выгрузиться, забрать груз руды и вернуться обратно гигантским прыжком сквозь пространство. Это было все! За эту услугу ОГП снаряжало и заправляло «Алголь». К тому же после возвращения мы получим семьсот пятьдесят тысяч долларов.

Директор Тарфуни хотел точно объяснить, когда именно это произойдет. Я глубоко вздохнул и уставился на Старика.

— Пожалуйста, минуточку, — прозвучал спокойный голос человека, от которого никто не ожидал этого.

Директор ОГП запнулся. Он взглянул на Умника Фиса и, казалось, почувствовал опасность. Несмотря на это, он оставался вежливым и дружелюбным.

— Боулдер, Третий Инженер, — представился Фискус скучным голосом.

— Очень приятно, очень приятно, — ответил Тарфуни. — Я что-нибудь могу сделать для вас?

Лефло медленно стискивал кулаки. Старик не изменил своей позы.

— Конечно, — продолжал Фискус. — Я заявляю о том, что мне никто не сказал, что цель нашего полета так далека. Я три года летал на крейсерах Флота. Импульсный конвертер «Алголя» годен только для музея. С ним я не осмелился бы лететь даже к системе Альфа Центавра. Итак, когда мы получим новый конвертер?

— Боулдер! — в отчаянии вмешался Старик.

Лефло, по поведению которого можно было предполагать, что еще несколько секунд назад он собирался убить юношу, остановился, не выполнив своего намерения. Глаза его сузились в изучающем взгляде.

— Может быть, я ослышался, — произнес директор, качая головой. В нем уже не было прежней жизнерадостности. — Новый конвертер? Где это отмечено? В каком договоре? Мы не отказываемся. Однако капитан Кестер уже подписал договор.

Фискус спокойно улыбнулся.

— Я знаю это. Я также не имею ничего против этого, сэр. Я только обращаю ваше внимание на то, какие в результате этого могут быть последствия. Я ссылаюсь на параграф восемнадцать Закона о Космической Безопасности Галактического Союза. Он запрещает совершать межзвездные перелеты с неполным экипажем. В экипаже должно быть, по крайней мере, три инженера, окончивших Академию. Как только космический корабль с устаревшим двигателем или другим важным для безопасности полета механизмом направляют для перевозки пассажиров, ему требуется для этого специальное разрешение центра космических полетов. В противном случае, капитан может лишиться своего патента. А здесь нет такого распоряжения, сэр. Инспектор местный, с базы, а не из центра. При таких обстоятельствах я вправе немедленно расторгнуть договор. Смотрите параграф восемнадцать, пункт 3. Когда мы получим новый конвертер?

— Грязная свинья! — проревел капитан. — Вы останетесь на борту, даже если мне придется заключить вас в магнитное поле!

— Незаконное ограничение свободы, сэр, — скромно объявил Фискус. — На вашем месте я бы не делал этого.

— Вы же подписали, что «Алголь» годен к полетам, — вскричал между тем инспектор. — Годен к полетам!

— Надувательство, — возразил Умник Фис. — Я докажу, что здесь все наоборот. Мистер Ипстал, пожалуйста,

выгрузите мой багаж. Я немедленно отправлю сообщение в центр. Моя совесть офицера не позволяет мне согласиться с тем, что двадцать восемь человек из-за вашей алчности — я имею в виду вас, мистер Тарфуни, — будут посланы на смерть. «Алголю» нельзя стартовать, и вы прекрасно отдаете себе в этом отчет.

Старик бушевал. Вообще невозможно было описать, какие «любезности» сыпал он на голову нашего Третьего Инженера.

Фискус играючи, одним движением руки, отделался от инспектора. Потом он исчез. Схватка на борту между директором и Исмондом Кестером продолжалась.

— Позаботьтесь о том, чтобы подобрать себе другого инженера, и немедленно, — выйдя из себя, потребовал представить ОГП. — Позвольте этому трусу бежать на все четыре стороны. Я настаиваю на вашем договоре. Вы еще сегодня стартуете к Дзете Персея.

— Откуда я так быстро возьму нового инженера, — вскричал Старик. Он чувствовал себя загнанным в угол. — Откуда, ха! Да я рад, что раздобыл хоть этого! «Алголь» ведь не лайнер класса «люкс», а простой гравипрыгун.

— Тогда намыльте парню шею, — вскричал инспектор. — По своей зловредности он может уничтожить всех вас. Но, конечно, если экипаж не полон, стартовать вы не можете.

Внезапно вспыхнул экран. Из динамика донесся слишком спокойный голос Фискуса:

— Мистер Ипстал, сколько мне еще ждать? Я не согласен с вашими запрещенными методами. Прошу вас, позаботьтесь о моем багаже. Конец.

Я заметил, как директор перебросился несколькими словами с инспектором. Вслед за этим, бормоча угрозы по поводу нарушения космических законов и договора, оба человека ретировались. Инспектор забрал с собой наше разрешение на старт, предупредив капитана, чтобы он не предпринимал никаких запрещенных действий.

Кестер, жестикулируя, бросился вдогонку за уходящими, но они даже не остановились.

Когда Старик снова вернулся в каюту, в правой руке его был парализатор.

— О боже! — пробормотал док Бильзер. — Уйдите с его пути!

Кестер помчался по коридору, и имя Боулдера было у него на устах. Я начал опасаться за здоровье юноши,

однако капитан напрасно искал его. В тот день мы так и не узнали, где скрывался Умник Фис.

Старик, в конце концов, получил успокаивающую инъекцию и сердечный стимулятор. Лефло вообще считал, что Фискус выбрался из корабля и удрал домой.

— Удрал! — подавленно простонал капитан. — Этот подонок! Но я же должен был это знать!

Внезапно в каюту ворвался один из младших офицеров экипажа и доложил:

— Сэр, что нам делать? Они прибыли с тяжелой антигравитационной платформой. Когда нам отправляться на верфь?

Исмонд Кестер вздрогнул.

— Что-о-о?

— Так точно, сэр, на верфь. И как можно скорее. Мы немедленно должны начать демонтаж конвертера. Специалист по перевозкам сказал мне по интеркому, что мы получим новый импульсный конвертер с тройной мощностью. Почему, сэр? Я думал, мы стартуем еще сегодня.

Старик выбежал из каюты, словно за ним мчались все фурии ада.

Что мне еще сказать. Часом позже «Алголь» уже покоился на антигравитационной платформе. Еще часом позже на нашу старую жестянку обрушились все специалисты ОГП. Мы получили новый структур-конвертер, при одном взгляде на который Лефло от радости стал словно невесомым.

Умника Фиса мы нашли двадцатью четырьмя часами позже, после того как весь экипаж «Алголя» обыскал корабль сверху донизу.

Когда я опять увидел его, он был насквозь мокрый и полумертв от голода. На его коже были ясно видны следы разъедающих веществ. Я и предположить не мог, что Боулдер решится искупаться в питательном солевом растворе гидропоники, играя роль полезного растения.

Старик потчевал «блудного сына» изысканнейшими деликатесами и отечески обращался к нему — «мой милый юноша».

От волнения я так обессилел, что только слушал, как Умник Фис, потев от смущения, доложил о том, что он готов приступить к выполнению своих служебных обязанностей.

Тремя днями позже отверстие во внешней обшивке было заделано. Теперь мы располагали конвертером новейшей конструкции.

Глава 6

— Силовая централь, где вахтенный инженер? — прогремело в динамиках бортового интеркома. На экране появилось узкое лицо дежурного офицера -- Первого Навигатора. Фрейцер Киленио, казалось, был слегка возбужден.

— Минуточку, сэр, лейтенант Боулдер сейчас будет, — доложил младший офицер.

Он украдкой кивнул Фискусу и торопливо прошептал:

— Будьте осторожны, сэр. Киленио прекрасный парень, однако, когда он находится на вахте, от него можно ждать всяких неприятностей.

Прежде чем глянуть на светящийся экран, Фискус неуверенно оглядел централь управления. Он догадывался, по какой причине его мог вызвать Первый Навигатор.

Десять минут назад Лефло передал обычные данные по управлению корабельными двигателями. И соринанский импульсный двигатель тоже должен был быть в безукоризненном порядке. «Алголь» мог развить ускорение порядка 980,6 метра в секунду, что соответствовало ста «же», принимая за точку отсчета ускорение свободного падения на Земле на сорок пятом градусе широты.

Поэтому кораблю необходимо было пустое пространство и отсутствие всяких сильных гравитационных полей. Ему требовалось примерно восемьдесят четыре часа по земному времени, чтобы достичь скорости света.

Эта цена была незначительной. Вот и Фискус назвал ее «чрезвычайно прискорбной». Это рассмешило Второго Инженера.

Старт после потери времени, связанной с установкой нового конвертера, произошел в большой спешке. Через несколько мгновений «Алголь» уже пересекал просторы Солнечной системы, однако, он еще не достиг ее границ, и Плутон пока еще находился далеко впереди.

Хотя полет и проходил с довольно заметным ускорением, проявление астроинженерии, по словам Фискуса, было почти незаметным фактором. Новейшие крейсера Флота достигали скорости света за восемь часов. «Алголю» же на это требовалось почти в десять раз большее время.

Эта весьма существенная разница была осмыслена Фискусом, который уже три дня занимался расчетами.

Когда космический корабль, несомый мощным главным двигателем, приблизился к орбите Урана, Фискус подошел к экрану.

Он тихим голосом передал свое сообщение, и ему показалось, что при этом лицо Первого Навигатора стало угрожающим.

— А, так на вахте сейчас вы? — крикнул Первый Офицер. — А где же мистер Пайперс, лейтенант?

— Я... я сменил его час назад. Сейчас он спит.

— Я это заметил, — усмехнулся навигатор.

Фискус едва мог разбирать слова, так как позади него, за толстой прозрачной стеной, гремел мощный термоядерный двигатель главной силовой установки. Эта стена была сделана из антирадиационного пластика. Опушенные трубы энергетического трансформатора недвусмысленно указывали, что силовая установка развивает сейчас 95% мощности, на которую она была рассчитана. Четыре мощных проектора силового поля тяготения при ста «же» забирали столько мощности на поглощение инерции, сколько потреблял на свои нужды небольшой город.

— Вы, по-видимому, даже не заметили, что производительность поглотителей ускорения упала, а? — громко крикнул Киленио, чтобы его можно было услышать через рев реактора.

— Вы также должны были заметить, что мы мчимся с наивысшим ускорением. Производительность же проекторов упала на двадцать процентов. Сейчас же устраните это. Мы готовимся к сверхсветовому прыжку. Главный электронный мозг не может делать расчеты при повышенной гравитации. Что там вообще произошло?

Последний вопрос прозвучал особенно обеспокоенно. В конце концов, Киленио начал подозревать, что устранить все это не так уж и просто.

От Фискуса не ускользнуло, что цвет лица Первого Навигатора несколько изменился. Киленио тотчас же задал следующий вопрос:

— Неисправность поглотителей? Да говорите же!

— Нет, сэр, ни в коем случае, — торопливо заверил его Фискус. Лоб его покрылся потом. — Все в порядке, сэр, — добавил он. — Реактор работает безупречно. Проекторы создают внутренний экран. Но тут... мне кажется... мне показалось необходимым... ненадолго забрать часть мощности реактора. Я думаю, она должна быть снижена, потому что новый конвертер еще не опробован в условиях полета со сверхсветовой скоростью. Я... ага... я рассчитал что...

— Вы сошли с ума, — бушевал Первый Навигатор. — Сейчас же восстановите прежнюю мощность! Ради всего святого, Боулдер, что вы сделали с конвертером?

— Ничего, сэр. Уравнения — я имею в виду вот эти — недвусмысленно показывают, что характеристики нового конвертера во время сверхсветового прыжка не похожи на те, что были у старого конвертера. Поэтому я решил провести небольшое испытание...

Крик безмерно испуганного навигатора пронесся по всему кораблю. Сразу же после этого заревел сигнал тревоги.

— Теперь ваше дело швах, — сказал младший офицер-механик Фискусу. — Лейтенант, если мы только нырнем в парапространство и у нас не будет исходных данных для возвращения обратно... я уже вижу обугленные останки вашего трупа.

— Это бессмысленно, Мак-Ильстер, — возразил Фискус. — Это испытание совершенно безопасно. С помощью энергии, взятой у реактора, структурное поле не может быть создано. А мощность, потребляемая конвертером, показывает, что линейное смещение по отношению к старому конвертеру достигает нескольких тысячных долей процента. Я рассчитал, что...

Казалось, судьбой Фискуса являлось то, что ему никогда не давали закончить начатую фразу. Через бронированный люк в централь управления втиснулось массивное тело. Оно протиснулось с силой, которая была весьма значительна.

Фискус упал на пол, а пальцы Главного Инженера забегали по клавишам и кнопкам. Мощный рев термоядерного реактора не изменился, но зато исчезла страшная тяжесть, которая несколько минут назад давила на всех людей. Проекторы поля вновь получили достаточно энергии, чтобы, несмотря на огромное ускорение «Алголя», тяжесть внутри корабля не превышала одного «же».

В большом помещении рядом с третьим грузовым трюмом находилась огромная машина. Светящиеся стрелки на его пульте застыли на нулях. Аварийная установка была отключена.

Теперь Боб Лефло обернулся. Фискус сидел на полу в такой несчастной позе, что в обычном состоянии он не выдержал бы и рассмеялся. Однако и теперь этого зрелища оказалось достаточно, чтобы спасти Фискусу жизнь.

— Я знал, что делал, сэр, — с огромным трудом произнес юноша. Отчаянная мольба в его голосе остановила этого огромного человека. Лефло овладел собой до такой

степени, что Мак-Ильстер задрожал от возбуждения. Он поспешил вмешаться:

— Шеф, он не имел в виду ничего плохого. Выслушайте хоть раз его объяснения. Он что-то говорит о более высоком уровне потребления энергии новым конвертером.

— Я вас не спрашиваю, младший офицер, — едва внятно пробурчал Леффо и снова повернулся к Фискусу.

— Вы, комедиант! Разве я не приказал вам не прикасаться к главному переключателю? И разве вы не представляете, что могли привести «Алголь» к гибели только потому, что вы с хитростью вшивого сопляка-мальчишки начали манипулировать с новым конвертером. Кто дал вам указание забрать у реактора столько энергии, что гравитация внутри корабля увеличилась примерно на двадцать процентов? Как это вам в голову пришла такая дурацкая идея переключить конвертер? Дружок, да знаете ли вы вообще, что могло произойти в результате этого? Мы находимся почти у самого светового барьера. Импульсный генератор уже создал довольно мощное защитное четырехмерное поле.

— Но, сэр, все это мне известно! — возмущенно вмешался Фискус. — Сэр, поверьте мне. По моим расчетам, постоянная поля в новом конвертере...

— По вашим, что? — вмешался Леффо. — Вы говорите — по вашим расчетам? Дружок, по мне, рассчитывайте на здоровье извилины вашего мозга, только не трогайте кривизну пространства. Через три минуты я хочу видеть вас в вашей каюте, понятно? Мак-Ильстер, вы будете нести вахту до момента прыжка, ясно?

Фискус шатаясь побрел по централи, что-то бормоча о сложных уравнениях и результатах расчетов.

— При прыжке будьте опять в централи, — крикнул ему вслед Леффо. Я хочу, чтобы вы были поблизости, когда мы нырнем в гиперпространство. Вы хорошо поняли меня, или я должен объяснить вам, что под понятием «нырок» я имел в виду сверхсветовой полет?

Фискус вышел из централи.

— Так точно, сэр, — прошептал он и тяжело направился к главному лифту, который быстро понес его по шахте вверх.

Грузовые трюмы и залы с гидропоникой уплывали вниз. Через восемьдесят метров он остановил кабину лифта и пошел дальше пешком.

Кисслинг вышел из своего камбуза, однако, глянув на лицо Третьего, быстро скрылся за дверью.

Минутой позже Джосс Ипстал, офицер-суперкарго и офицер по снабжению, запросто мог стать жертвой Фискуса Боулдера. Вздыхая, он смотрел на широкоплечую фигуру, которая неожиданно вынырнула из шлюза, ведущего в бортовой арсенал.

— Пожалуйста, мистер Ипстал, можно мне пройти, — робко попросил Фискус. — Я, конечно, не хочу вам мешать. Ведь ваша работа так важна.

Ипстал, который из-за отсутствия на борту «Алголя» специального офицера отвечал также и за оружие на борту корабля, с трудом сдержал возглас удивления, который чуть было не сорвался с его языка. Он почувствовал, что Фискус говорит совершенно серьезно. Поэтому он только сказал:

— Боулдер, только не продолжайте в том же духе. Меня и так уже считают здесь закоренелым лентяем. Пройдемте наверх. Что случилось? Вы взорвали Главного Инженера?

На щеках Боулдера выступил румянец. Понадобилось несколько минут, прежде чем он смог внятно изложить свою просьбу.

— Мистер Ипстал, можно мне воспользоваться вашим микрокомпьютером? У вас же есть маленький электронный мозг для расчетов веса груза и полетной массы, не так ли?

Фискус почувствовал облегчение, изложив, наконец, свою просьбу.

— Что вы хотите считать на моей машине? Боулдер, лучше оставьте это! Что вы теперь хотите сотворить? Во имя древнего Червя Нептуна, что вы хотите сделать?

— Пожалуйста, мистер Ипстал.

Офицер громко выругался. Но он не мог долго выдерживать взгляда этих направленных на него несчастных глаз и поэтому подчеркнуто грубо ответил:

— Ну, хорошо, пользуйтесь машиной. Однако, если эта штука после вас не будет работать, я разорву вас на мелкие кусочки. Кроме того, здесь есть и еще кое-что.

Он быстро взглянул на отключенный экран и прошептал:

— Ни звука ни Старика, ни Главному Инженеру, о'кей? Вы же отправите меня ко всем чертям. Если бы я только знал, зачем вам эта машина. И полное молчание об этом, ясно?

Фискус кивнул так торопливо, что легкая фуражка офицера слетела с его головы.

Ипстал заворчал и отвернулся. Он отвел Фискуса в свою каюту, где молодой человек сразу же принялся за работу.

Ипстал с интересом смотрел за гибкими пальцами инженера. Он задышал чаще, когда лицо юноши расслабилось и на нем появилось выражение полной сосредоточенности.

Электронный мозг загудел, выдавая первые результаты. Ипстал бросил лишь один взгляд на путанные группы цифр и структурных уравнений многомерного искривляющего поля. Он так осторожно отступил назад, что пола касались лишь носки его сапог. Но, даже если бы он палил из излучателя, его уход Фискус вряд ли заметил бы.

Когда офицер-суперкарго опять оказался в своей личной каюте, он пробормотал:

— Мне было бы лучше, если бы я знал, что он намеревается сделать.

Капитан Кестер зашел в центральный управления за десять минут до начала прыжка. Оба навигатора, Киленио и Батчер, сидели перед пультом позитронного кибермозга, на светящихся экранах и шкалах которого тянувшимися линиями были изображены четырехмерные структуры, хроноимпульсы и уравнения парадоксы.

Далеко на корме корабля гремел соринский двигатель, фантастическая мощность которого с трудом преодолевала сопротивление структурных полей.

«Алголю» теперь оставалось набрать лишь один недостающий процент до скорости света.

В машинной централи «Корма-1» перед пультом управления сидел Боб Леффо. Осторожным движением руки он перевел главный переключатель на последнее деление. Глубокий грохот двигателя усилился и перешел в звенящий рев, закладывающий уши. Реакторы обеих силовых установок работали в режиме максимальной отдачи мощности, чтобы разогнать поток мезонов до требуемой скорости. Больше тридцати процентов мощности расходовалось на плоские магнитные поля внутри сверхтяжелого каталитического термоядерного двигателя, в котором мезоны изотопной смеси водорода, состоящей из дейтерия и трития, вступали в реакцию. Образовавшаяся в результате этого свободная газовая масса поступала в дюзы из энергетических полей, и из них рвался поток частиц, обладавших скоростью света.

Лефло озабоченно смотрел на шкалы, соединенные с индукционной установкой, которая значительно усилила мощность потребляемой энергии, необходимой для линейного ускорения.

«Алголь» все еще мчался в световой области. Потрескивание внешней оболочки показывало, что он достиг нужной скорости.

Лефло передал короткое сообщение из централи в электронный мозг.

— Оценка принята, — сказал Килиeniu в интерком. Его слова донеслись из наушников радиоустановки, которые только и могли позволить понять сказанное в адском шуме.

Второй Навигатор переключил информацию, выданную мозгом, на экран сопоставления, на котором ярко светила цель их полета — Дзета Персея. Данные, изложенные мозгом, неторопливо слились с данными автоматического курсографа, который выдал давно уже рассчитанные результаты.

Когда вспыхнула красная лампочка подтверждения, стало совершенно ясно, что корабль мчится точно по предписанному курсу, который не может измениться и в гиперпространстве. Ошибка могла присутствовать только в данных оценки расстояния, что вело за собой более длительное пребывание в гиперпространстве.

Килиeniu убрал расчеты с контрольного экрана. Так как «Алголь» был кораблем с устаревшим электронным оборудованием, Лефло и Пайперс, находящиеся в машинном отделении, должны были вручную перевести данные, сообщенные по интеркому, в автоматику структурного конвертера. На новых кораблях это происходило автоматически, так что вероятность ошибки практически исключалась.

— Скорость должна превосходить скорость света в три миллиона раз, — донеслось из централи. Это была приблизительная оценка позитронного мозга.

Лефло вновь произвел переключение. Его распоряжения поступили в централь управления силовой установкой, где перед главным переключателем сидел слегка побледневший Фискус.

— Есть три миллиона. Оценка мощности реактора три, запятая, пять-один-четыре-восемь-девять. Подтверждение.

Фискус непослушными губами подтвердил это. Пальцы его порхали по клавишам управления вспомогательным электронным оборудованием. Энергия, производимая реактором, поступала в аккумуляторы машины, которая

благодаря тому, что была неорганической, одна только была способна поддерживать в гиперпространстве функционирование оборудования корабля.

— Централь, окончательная оценка времени при превышении скорости света в три миллиона раз, при расстоянии четыреста шестьдесят световых лет, составляет один, запятая, два-четыре-пять-восемь-семь часа по бортовому времени, ускорение в секундах один, запятая, три-шесть-три-пять. Включение.

Лефло реагировал на это как машина. Он прекрасно сознавал, что даже ошибка в одну десятую могла привести к катастрофе.

Фискусу отдавались все новые и новые распоряжения, а тот вводил эти данные в электронный мозг переключателя реактора.

«Алголь» был готов в прыжке через гиперпространство, в котором новейшие экспериментальные исследовательские корабли превышали скорость света в восемьдесят пять миллионов раз. И еще никем не была установлена граница скорости в этом полностью измененном континууме пространства-времени.

— Передача закончена. База конвертера переключена на прием импульсов.

Лефло аккуратно и тщательно выполнял приказы, отдаваемые по интеркому. Киленио еще никогда не ошибался в своих расчетах.

Прежде чем произвести решающее переключение, которое должно было задействовать механизмы на полную мощность, он еще раз посмотрел на показания приборов, которые изменились бы в результате манипуляций Фискуса, если бы те не были предусмотрены.

По-видимому, на сей раз не произошло ничего плохого. Все показания точно соответствовали расчетам. Несмотря на это, Лефло поспешно сказал в микрофон:

— Боулдер, работайте точнее, ясно? Вы должны только настроить мозг реактора в соответствии с количеством энергии, потребляемой конвертером. Внимание, автоматика конвертера включена.

Лефло опустил вниз рычаг с тремя предохранителями. В то же мгновение автоматика в кормовой части корабля взяла на себя управление всей мощностью, которую в нормальном пространстве не мог использовать ни один человек без риска погибнуть. По соображениям безопасности так был устроен каждый корабль, летящий со скоростью больше световой, так как реакции человека

в этом случае было далеко недостаточно, а его чувства могли отказаться. Только автоматика могла «накапливать» регулярные данные и действовать в соответствии с ними.

По всему кораблю задребезжали сигналы. Двадцать семь человек опустились в мягкие кресла. Только двадцать восьмой поступил не так, как все.

Пока звучал первый звонок, пальцы Фискуса с невероятной скоростью порхали по клавишам, и мозг реактора получил совсем другие данные.

Потребовалось всего лишь три с половиной секунды, чтобы данные были зафиксированы, однако даже этого времени было достаточно, чтобы Лефло все понял.

Он в ужасе уставился на показания своих приборов. Потом в панике закричал:

— Боулдер, вы сошли с ума! Вы ввели неправильные данные! Отключайтесь! Не давайте начального импульса! Отключайтесь!

Прежде чем Лефло успел закрыть рот, а капитан Кестер вздрогнуть и смертельно побледнеть, Фискус послал в прибор запальный импульс.

— Нет, — донесся в интеркоме голос Первого Навигатора.

«Алголь» был кораблем, защищенным от импульсных полей нормального пространства-времени. Структурный конвертер воспринимал все виды излучения и все частицы, заполняющие пространство, и превращал их в энергию гиперструктурного искривляющего поля.

При помощи этого устраняется световой барьер и лучевое давление, корабль становится защищенным от всех влияний четырехмерного поля и вместе со всеми людьми переходит в другую полустабильную форму существования.

Полное звезд пространство исчезло с экрана. Зато появились голубоватые линии — волны искривляющего поля, которые исчезали в веретенообразной пустоте пятимерного пространства.

Физические законы стали недействительными. Здесь начиналась область структурной физики, согласно уравнениям которой излучения и частицы, движущиеся в нормальном пространстве со скоростью света, достигали скорости, по меньшей мере, в сотни миллионов раз превосходящую скорость света. Закон массы, стремящейся к бесконечности, здесь был упразднен. Скорость распространения света в этом пространстве была неограниченной. Нужно только рассчитать необходимые данные и ввести

их в автоматику, которая неукоснительно выполняла свои функции в этом многомерном пространстве: В каждом электронном и позитронном приборе для этого имелся структурный блок корреляции, который начинал действовать автоматически. Эти блоки никогда не включались в обычном пространстве, однако здесь они были незаменимы.

«Алголь» развил скорость, превосходящую скорость света в три миллиона раз. На том месте, где они находились еще секунду назад, теперь неистовала магнитная буря.

Лефло почувствовал себя легким, почти невесомым. По своему богатому опыту он знал, что молекулярная структура человеческого тела реагирует на все не-так, как металл или пластик.

Способность к мышлению не изменилась. Наступило только легкое головокружение. «Алголь» исчез из Солнечной системы. Они мчались сквозь ничто, которое находилось по ту сторону, в замкнутом континууме.

Лефло слышал гром обоих энергетических реакторов и органичные звуки работающих двигателей, которые функционировали совершенно не в том режиме. Это происходило из-за невероятных законов гиперпространства, которые делали возможным свободное течение холодной термоядерной реакции, хотя линейный ускоритель и не производил потока мезонов. Защитное поле в зоне реакции и магнитные дюзы тоже сменили форму энергии.

Лефло немигающим взором смотрел на показания шкал приборов. Они не говорили ему ничего. Все их стрелки находились на нулях. Только блоки переключения выполняли свою работу. Человеческий мозг никогда не был в состоянии даже приблизительно принять верное решение в таких условиях.

Лефло знал, что в обычных условиях они должны оставаться в гиперпространстве примерно 1,2 часа. Должны были бы оставаться, если бы лейтенант Боулдер не изменил в последний момент программу.

Двадцать семь человек, у которых был достаточный опыт космических путешествий, могли думать только о приближающейся катастрофе. Но это была совершенно ошибочная точка зрения, хотя ее придерживался и Главный Инженер.

На мостике тоже понимали, что «Алголь» неудержимо мчится к собственной гибели. Для работы конвертера был необходим эталонный импульс, передаваемый ему центральным позитронным мозгом.

Фискус изменил количество поступающей энергии к конвертеру ровно на шесть десятых, поэтому эталонный импульс и структурные изменения не были больше скоординированы. Это означало — Леффо и Киленио великолепно понимали это, — что искривляющее поле больше невозможно отключить. Автоматика просто не сработает.

Ни Леффо, ни другие члены экипажа не были в состоянии говорить, с их губ слетали только молчаливые проклятия и упреки. Они могли только думать и осторожно шевелиться. Частично разрыхляющаяся молекулярная структура их организма исключала резкие движения.

Капитан Исмонд Кестер на всякий случай простился с жизнью.

«Паршивец! — думал он остатками своего затухающего сознания. — Мерзкий паршивец!»

Это была очень вежливая кличка для Фискуса Боулдера.

Леффо неотступно думал только одно — конец!

— Я сойду с ума! — сказал Второй Навигатор. — Я сойду с ума! Киленио, вы тоже снова здесь?

Хотя Первый Навигатор ничего не ответил, но зато из централи донесся рев капитана. Этот рев недвусмысленно показывал, что «Алголь» покинул гиперпространство и вернулся в нормальный континуум. Это доказывал также и большой экран, на котором опять виднелась серебристая лента Млечного Пути.

Шум работы двигателя и силовых установок полностью смолк, как это и должно быть после гиперпрыжка.

Таким образом, на «Алголе» все было в полном порядке, и на переднем экране уже сверкал раскаленный шар какого-то солнца. Он был величиной с дыню.

Киленио окончательно потерял самообладание, узнав в этой звезде цель их полета.

— Дзета Персея, нет, этого не может быть! — простонал он. — Святые небеса, этого просто не может быть!

Джозель Батчер прервал его излияния истерическим смешком. Его смех разнесся по централи, и буйствующий капитан вздрогнул, словно прикоснулся к чему-то отвратительному.

— Держите себя в руках, — крикнул он. — Что все... э, что это означает? Что же вообще произошло?

Кестер подбежал к переднему экрану.

— Ага, мистер Киленио, разве это не Дзета Персея? Что вы мне сказали, когда я хотел со всей строгостью

наказать этого, разумеется, опасного для общества смутьяна, негодяя, предателя и бунтовщика против корабельной дисциплины?

Киленио, замерев, сидел в своем кресле. Внезапно его тренированный мозг заработал вновь. Неожиданно поблуднев, он сказал нормальным и спокойным голосом:

— Сэр, Боулдер всех нас спас от катастрофы. Мы ведь сделали расчеты для конвертера на пять десятков больше необходимого. Конечно, Лефло должен был подумать об этом. Установив новый конвертер, мы должны были заранее предусмотреть это и принять во внимание, пока находились в нормальном пространстве. Вы видели это!

Исмонд Кестер очень медленно отступил назад.

Секундой позже взволнованный экипаж «Алголя» получил указание, во имя всех святых, не линчевать Фискуса Боулдера.

Главный Инженер Лефло, сбитый с толку, опустился в огромное вращающееся кресло, которым он только что обрабатывал твердую как сталь, пластмассу задвигающейся двери. На ней была надпись — «Джосс Ипсталл — суперкарго».

В каюте стройный черноволосый мужчина дрожащими руками искал лекарство, стимулирующее сердечную деятельность.

Взгляд его сконцентрировался на краю складной койки, из-за большой ножки которой выглядывала часть дрожащего человеческого тела.

— Вылезайте! — требовал Ипсталл срывающимся голосом. — Вылезайте, или я утоплю вас в ближайшем баке с водой. Теперь мне стало совершенно ясно, что вы рассчитывали с помощью моей машинки. Дружище, как это вам пришло в голову искать спасение именно под моей кроватью? Вы что, сошли с ума? Это просто непонятно, Фис; ко всем чертям, я не могу больше видеть ваши подошвы. Вылезайте же, наконец, из этой дыры!

Фискус, вылезая из своего убежища, был так похож на какую-то странную пробку, то Ипстал только застонал.

— Ужасно! Вы будете причиной моей смерти, это несомненно.

Снаружи зазвучал голос Кестера. В тот же момент Фискус испуганно забился в самый дальний угол, так что вошедший в каюту капитан его сразу не увидел.

Мгновением позже Третий почувствовал, как его обняли крепкие руки. Ипстал потрясенно опустился на свою

кровать, услышав нежные слова. Старика словно наполнила бьющая через края радость.

— Глупый вы юноша, почему вы сразу не сказали нам этого? — произнес он. — И как это вы только сделали?

Фискус о чем-то заикнулся, и лица только что готовых растерзать его людей вдруг расслабились. Главный Инженер произнес несколько фраз, которые совершенно деморализовали бы Фискуса, если бы рядом не было капитана.

— Но, но, — сказал он, — не порицайте его, мистер Лефло. Мы находимся в центре системы Дзеты Персея. Вышли из парапространства тютелька в тютельку. Я всегда знал, что мы когда-нибудь откуда-нибудь да получим помощь.

Пока он благосклонно похлопывал Умника Фиса по плечу, расстроенный Лефло вышел из каюты.

Минутой позже кормовые двигатели «Алголя» заработали на полную мощность. По прошествии восьмидесяти четырех часов полета скорость была погашена, и станции связи Дзеты-3 Персея отозвались. «Алголь» получил разрешение на посадку еще до того, как они произвели первый тормозной маневр.

Часом позже они уже опускались вниз на вырывающихся с ревом из дюз струях раскаленных газов, пока выпущенные кормовые опоры не коснулись поверхности космодрома.

Реакторы были отключены. Антигравитационное поле исчезло. Первая их цель была достигнута.

— Безотрадный мир, — проговорил Фрейцер Киленио, угрюмо уставившись на экран. — Куда ни глянь — пыль и песок. Хотел бы я знать, что побудило Союз основать здесь колонию, тем более что аборигены здесь такие упрямые. Где же переселенцы?

Далеко на севере в чадное, пышущее жаром небо поднималось какое-то сооружение. Когда Кестер повторил вызов, на экране появился усталый человек. В голосе его сквозила тоже усталость.

— Бобербрадборо, да?

— Что? — переспросил Кестер. — Мне нужна центральная информация Дзета-Пойнт.

— Это она и есть. А это было только мое имя.

— О! — Кестер беспомощно посмотрел на окружающих его улыбающихся офицеров. Фискус даже позволил себе хихикнуть, однако тут же почувствовал на себе предупреждающий взгляд Главного Инженера. Лефло не забывал истории с конвертером, тем более что весь

экипаж к этому времени уже знал, как отчаянно пытался Умник Фис объяснить ему ошибку в расчетах.

— Говорит Кестер — капитан «Алголя», вольный торговец Галактического Союза, — сказал капитан. — По заданию ОГП мы должны забрать для Толимана тридцать пять переселенцев. Вы информированы об этом?

— Минутку, — флегматично сказал человек. — Я сейчас вызову торговое представительство.

Потом он с кем-то переговорил, а затем вновь повернулся к экрану.

— Да, все в порядке. Два месяца назад по земному времени отсюда стартовал «Циркум» и забрал с собой на Землю это сообщение. Вы должны связаться с Элси Кронгом.

— С кем, извините? — удивленно осведомился капитан.

— Элси Кронг — полномочный представитель ОГП на Дзете-3, — прозвучал терпеливый ответ. — Он отправил глайдер, который прибудет к вам через полчаса. Еще что-нибудь? Хотите дозаправиться? Как плазма?

— Может быть, на этой куче камней нет больше ни одного представителя рода человеческого, — злобно проговорил Киленио. — Это моя вторая посадка на Дзету-3. Надеюсь, что и последняя. Если бы эта планета не была нужна нам как промежуточная станция, от нее давно бы уже отказались.

Кестер снова заговорил со служащим колониального планетного правительства.

Когда тот отключился, все увидели, что капитан чем-то огорчен.

— Ну, хорошо, посмотрим, что это за Кронг. Здесь останутся навигаторы, мистер Лефло и мистер Пайперс. Я хочу быть уверенным, что на корабле остались надежные люди. Этот человек говорил нам о каких-то беспокойных туземцах.

Он секунду колебался, проведя рукой по угловатому подбородку.

— Эй, мистер Ипстал! Вы ведь трижды были на Дзете-3, не так ли?

Офицер-суперкарго «Алголя» с горечью кивнул.

— Это так, капитан. Если галактические блохи существуют, даю гарантию, что здесь мы их обязательно подцепим.

— Я очень прошу вас, мистер Ипстал, — возмущенно произнес капитан. — Не нужно лишних слов. У вас не

особенно изысканная манера выражаться. Хорошо, мистер Ипстал, вам придется отправиться со мной. Может быть, нам удастся, э... повернуть здесь кое-какое дельце с местным населением. Туземцы Дзеты-3 чрезвычайно падки на одно слабое наркотическое вещество, которое раньше употреблялось и на Земле. Это продукт, добываемый из растений и называемый «табак». Не слышали о нем?

— Конечно, сэр. Это злая штука. Вы хотите продать его туземцам?

— Табак — не запрещенный наркотик, мой дорогой. Я мудро предусмотрел это и взял на борт несколько тюков этого вещества. Итак, с вашим талантом торговца, вы должны оценить то, что мы должны получить за этот хлам. Здесь находят переливающиеся биллис-кристаллы, которые на Земле ценятся чрезвычайно высоко. Они-то нам и нужны.

— Как вам угодно, — сдержанно ответил Ипстал. — Вы ничего не можете сказать о причинах беспокойства среди туземцев?

— Я? — Капитан вздрогнул. — О, об этом говорил человек из централи информации. В этом есть огромная разница, не так ли?

Ипстал спокойно кивнул и поинтересовался, не сходить ли ему в арсенал.

— Но не берите слишком много оружия, — предупредил капитан. — В конце концов, мы мирные вольные торговцы. Кроме того, существует галактический закон, охраняющий туземцев. Ну, а теперь идите.

Офицер повернулся, однако запнулся на полушаге, услышав слова:

— И вы, сынок, тоже будете сопровождать нас.

Указательный палец капитана был направлен на Фискуса Боулдера, который навтыяжку стоял перед ним.

— Так точно, сэр, — оглушительно рявкнул он на всю централь.

— Очень хорошо. Хочется посмотреть, как вы проявите себя в качестве офицера свободного корабля вольных торговцев. Итак, вы идете с нами.

Главный Инженер издевательски усмехнулся, а Первый Навигатор Килению задумчиво нахмурил лоб. Ипстал, казалось, задышался.

— Капитан, уж не думаете ли вы, что нам могут понадобиться такие неопытные люди? — спросил он. Губы его дрожали.

— Что? Все должны когда-то начинать. Мистер Боулдер идет с нами. Он вполне видный малый. И производит впечатление. Вы все поняли, Боулдер?

— Так точно, сэр, — воодушевленно еще раз рявкнул Фискус.

— Я приятно удивлен вашей дисциплинированностью, мистер Боулдер, — похвалил его Кестер. Потом отдал приказ: — За работу!

Фискус сделал образцовый поворот кругом. Другие офицеры растерянно смотрели на капитана, который, казалось, тоже чувствовал себя не в своей тарелке.

— Ну да, это так. — Покашливание выдало его смущение. — С вами плохо, Лефло?

Главный Инженер покачал головой. Непонятное поведение Старика начисто заткнуло ему рот.

Глава 7

Парень позволил мне заглянуть в дуло ядерного излучателя. У меня перехватило дыхание. Одновременно он жестом показал, что я могу считать себя покойником.

— Боулдер, опустите ствол! — крикнул я.

Он удивленно взглянул на меня, потом опустил ядерный излучатель.

— Да, мистер Ипстал. У вас что-нибудь не так?

На лице его появилось выражение глубокой озабоченности. Я только беспомощно покачал головой.

— Дружище, разве так обращаются с атомным излучателем? — сказал я ему. — Разве вы, офицер Флота, никогда не держали в руках такого оружия? Во имя всех грехов Галактики, никогда и ни на кого не направляйте дуло оружия. Впредь больше никогда не делайте это, о'кей?

Фискус был смущен, как юная девушка перед первым поцелуем.

— Нет, пожалуйста, нет, — успел пресечь его я, прежде чем он начал свои жалобные извинения. — Не надо уж мне вашей мотивировки. Вы знаете устройство этого оружия?

Тогда он робко кивнул и начал излагать принцип действия ядерного излучателя с такими подробностями, что у меня заныли зубы. Кроме этого, он сообщил мне, что луч ядерной плазмы, вырывающийся из дула излучателя, не несет заметных энергетических потерь и, попадая в цель, создает на поверхности последней температуру в триста тысяч градусов. Нужно очень тщательно

солюдать настройку мощности этого оружия. Точное попадание в цель гарантирует только длительная тренировка.

Было совершенно бессмысленно останавливать водопад его слов. Если Умник Фис начинал о чем-то говорить, его внезапно пробуждающийся темперамент едва ли можно было чем-нибудь укротить. Я обнаруживал в нашем Третьем все новые и новые качества.

Потрескивание в динамике вывело меня из этого двусмысленного положения.

Старик проревел мое имя на весь «Алголь», и Фис отреагировал на это именно так, как я и предполагал.

— Всеблагий боже, — побледнев, сказал он. — Капитан опять не в духе?

Я растерянно смотрел на него, стараясь понять, серьезно ли он задал свой вопрос. К этому я еще должен добавить, что Фис до сего часа ни разу не осмелился назвать капитана Стариком. Для него это, казалось, было смертным грехом.

— Нет, просто он поднес микрофон вплотную к губам, — ответил я с сарказмом.

Фискус отреагировал на это смущенным смешком, из которого я сумел все же понять, что он счел мое замечание неумной шуткой.

— Вот кобура для вашего излучателя. Вы должны знать, что можете использовать это оружие только в исключительном случае. Не забудьте зарядить его. Я хочу лично видеть это.

Он взял два тяжелых, тщательно изолированных магазина, в которых находилась ядерная плазма. Третий магазин он аккуратно вставил в излучатель и поставил оружие на предохранитель.

— Ни в коем случае не выпускайте первый заряд в камеру реакции, — обеспокоенно предупредил я. — Однако оружие всегда должно быть готово к бою. Понятно?

— Что вы, мистер Ипстал, — сказал он и укоризненно посмотрел на меня.

Я дал ему легкий радиофицированный шлем со встроенным внутрь маленьким экранчиком и заменил небольшой ранец с охлаждающей установкой. Мы облачились в снаряжение А-5, которое было идеально приспособлено к климатическим условиям Дзеты-3. Для сухого пыльного мирка со средней температурой плюс сорок пять по Цельсию такой костюм подходил как нельзя лучше.

— Куда, черт побери, вы пропали, Ипстал? — снова раздался угрожающий голос из динамика. — Идите, пожалуйста, к нижнему шлюзу.

— Быстрее! — сказал Умник Фис и тотчас же помчался прочь. Я огромными прыжками последовал за ним.

Когда мы влетели в помещение, отделенное толстой переборкой, дорогу нам преградил разъяренный человек.

— Стой! Ни один из вас не выйдет отсюда, пока я не найду вора! — вскричал доктор Бильзер, наш корабельный врач.

Я удивленно стоял перед ним, а Фискус предусмотрительно спрятался за меня.

— Что вы имеете в виду, док? — осведомился я, сбитый с толку, тем более что далеко впереди виднелась фигура Старика. Он, казалось, уже знал, что здесь происходит. Вокруг нас беспомощно стояли и другие члены экипажа. Я постепенно терял терпение.

— Что я имею в виду? — воскликнул доктор. — Много, очень многое, мой дорогой. Кто-то залез в мой шкафчик с сильнодействующими лекарствами. Я не понимаю, как он мог узнать о кодовом ключе электронного запора, однако, оттуда бесследно и безвозвратно исчезло около двадцати граммов парастимулина. Люди, двадцатью граммами этого сильнодействующего стимулятора можно убить сотню нормальных человек. Уже 0,05 грамма достаточно для того, чтобы так подстегнуть организм, что для полного его восстановления от истощения нужно пролежать в клинике не меньше четырнадцати дней. Если только человек вообще останется жить. Итак, где эти двадцать граммов, вы, мерзавцы? Кто из вас украл яд?

Глаза его сверкали таким гневом, что Умник Фис сначала позеленел, а затем пожелтел и, наконец, стал пурпурно-красным.

— Но, сэр... я имею в виду, доктор, я не делал этого...

— Да кто имеет в виду вас? — крикнул тот Фискусу. — Конечно, это сделали не вы. Я не сомневаюсь с этим. Однако, несмотря на все это, я все же хочу знать, кто же украл лекарство из моего шкафчика! Ну?

— Хватит, док, — прогремел Старик со всем возможным достоинством. Глаза его, казалось, буравили мой мозг.

— Ипстал, я спрашиваю вас, взывая к вашей чести, — это вы украли стимулятор?

— Нет, — прошипел я. — Нет и еще раз нет! Кроме того, еще четыре недели назад вы совершенно серьезно заявили, что у меня нет и никогда не было чести.

— Забудьте это, — великодушно произнес Старик.

Излучая абсолютный авторитет, он повернулся к доктору Бильзеру.

— Мы уладим это. Глайдер уже ждет снаружи. А вы обыщите весь корабль. Мистер Ипстал и мистер Боулдер так же не крали яда, как не делал этого я. Ну!

— Э... извините, сэр, я... из курса ксенологии я узнал, что...

Старик молча бросил на него уничтожающий взгляд.

— Речь здесь не об этом, мистер Боулдер! Последуете же вы, наконец, за мной?

Фис, находящийся впереди меня, ступил на маленькую платформу. Я со смешанным чувством последовал за ним.

Куда же исчезло это чертово снадобье? Два года назад я испытал его на себе, когда после аварии исследовательского бота в течение двадцати четырех часов блуждал в пустынных горах. Это было на другом конце Млечного Пути. Я, совершенно вымотавшись, проглотил точно 0,05 грамма этого лекарства и словно стал гигантом. Если бы там были деревья, несомненно, они стали бы жертвами моей неслыханной силы.

Что же вор хотел сделать с этим веществом? Двадцать граммов — это не шутка!

Старик подтолкнул меня в спину, и я, как лунатик, ступил на платформу. Почва планеты все же была в сорока метрах под нами, а сила тяжести на Дзете была равна 0,85 земной.

— Будьте внимательны, — сказал он мне, а затем проревел вниз: — Лефло, мы вернемся в ближайшие два часа. Позаботьтесь о том, чтобы кибервертолет был готов, и погрузите в него тюки табака. Мы привезем с собой переселенцев. Ясно?

Лефло что-то крикнул в ответ, но что, я так и не сумел понять. Да, Старик не хотел отказываться от своих торговых операций.

Поселенцы, солдаты Космофлота и служащие всемогущей ОГП были настолько разумны, что на этой погруженной в пыль планете отказались от воздушного транспорта. Частишки пыли делали затруднительным использование радаров, и поэтому из-за отказа приборов здесь уже произошло несколько серьезных катастроф.

И в этом отношении Дзета-3 была гораздо более дикой, чем Марс, пылевые облака которого, по крайней мере, не были очень ионизированы. На этой же

планете ионизация были результатом действия высоких энергий.

Итак, нас ожидал глайдер, посланный полномочным представителем ОГП на планете Дзета-3. Глайдер парил над поверхностью планеты на несущем магнитном поле.

Плоский, с заостренным носом глайдер низко висел над раскинувшимся полем космодрома. Космодром был построен с особой тщательностью, так как ОГП имел на Дзете-3 опорную базу с новейшими верфями и огромными складами продовольствия и снаряжения. Кроме того, здесь были поселенцы двух мощных торговых компаний, которые тоже имели на этой планете несколько верфей и складов.

Для вольных торговцев была отведена самая дальняя часть космодрома. Около поселений они даже не имели права совершать посадку.

Старик небрежно нажал на кнопку. Механический голос бездушно уведомил нас, что следует направиться к главному поселению ОГП.

Резко взяв с места, глайдер устремился вперед. Поддерживающее поле было одновременно и движущим. В принципе это было похоже на гусеницу,двигающуюся со световой скоростью. Потом машина затормозила, да так резко, что мы, не удержавшись, невольно качнулись вперед. Киберавтомат, управляющий машиной, не произнес в извинение ни одного слова.

— Приказ об остановке, полученный из центра связи,— раздался из динамика монотонный голос.— На посадку заходит тяжелый космический корабль.

Старик с достоинством покорился своей судьбе. Я тихо выругался про себя, а у Умника Фиса стали блестящими глаза мечтателя. Я почти позавидовал его воодушевлению, потому что, к стыду своему, я почти сознавал, что последние два года я думал исключительно о галактической торговле.

Мы остановились примерно в середине космодрома. Минутой позже разреженный воздух планеты потряс чудовищный грохот.

— «Супалис»! — восторженно воскликнул Фискус. Он хлопнул капитана Кестера по левому плечу, причем с такой силой, что почти вышиб его из кресла.

Я спросил себя, знал ли этот весьма и весьма мускулистый молодой человек, какой огромной силой он обладает.

Кестер ничего не сказал. Может быть, он заметил, как очарован был Третий Инженер этим великолепным зрелищем. Я тоже устался в пыльное небо.

Там заходил на посадку огромный корабль. Собственно, понятие «корабль» здесь было неуместно. Это был гигант, боевая машина неопишущей разрушительной силы. Единственный реактор «Супалиса» производил энергии больше, чем все энергетические установки «Алголя» вместе взятые. Окутанный слабо мерцающим экраном нейтронизатора гравитации, семисотметровый шар плавно скользил вниз. Вызванная его полетом ударная волна с захватывающей дух скоростью и силой неслась по космодрому. Восемь посадочных опор гиганта были гораздо больше посадочных опор «Алголя». Гигант опускался невероятно медленно. Оглушительный грохот вспомогательных двигателей смолк.

Перед нами находился «Супалис» — новейший боевой корабль высшего класса.

Умник Фис с энтузиазмом объявил:

— Смотрите, сэр, видите маленькие выпуклости в районе его экватора. Это автоматические броневые купола лучевых пушек. Единственный выстрел из такой пушки при попадании в цель развивает энергию в пятьдесят гигатонн тринитротолуола. Незадолго до своего ухода из Флота я осматривал родного брата этого «Супалиса». Я заблудился в его коридорах, изрядно проголодался, и, несомненно, погиб бы, если бы меня вовремя не нашли. Там так много людей!

Я подавленно кивнул. Глаза Старика внезапно помрачнели. Неожиданно тихо он спросил:

— Боулдер, мой мальчик, вам хотелось бы лучше оказаться на борту этого крейсера? Мы недостаточно хорошо обращаемся с вами?

Когда я увидел выражение глаз Умника Фиса, в горле у меня встал комок. Его «я», казалось, извивалось в муках. Самым худшим для него было то, что он не умел лгать.

— Я... я не знаю точно, сэр, — сказал он, тяжело дыша. — Извините, сэр, но я думаю, что на «Алголе» меня приняли очень хорошо. Я... я думаю, что вы тоже мне очень нравитесь, сэр, и мистер Ипстал тоже. Пожалуйста, извините меня.

Мы молчали, страшно смущенные. Мне было стыдно перед самим собой: ведь я же знал, что Умник Фис никогда не бросает слов на ветер.

В уголках глаз нашего шумного, холерического Старика вдруг что-то подозрительно блеснуло. У Кестера никогда не было семьи. У этого космического странника из-за его убеждений и идеализма никогда не было времени

для этого эксперимента. По крайней мере, он отзывался об этом самыми грубыми словами, хотя, конечно, на самом деле он так не думал. Теперь же он был глубоко тронут.

— Спасибо тебе, мой мальчик, — хрипло сказал он и начал ругаться. Он ругался самыми страшными словами, чтобы не выдать своих чувств. Умник Фис не заметил, что же произошло со Стариком. Я же с этого момента уже был готов идти в огонь и воду за этим неудачником Фисом.

С совершившего посадку «Супалиса» начали спускаться люди. По сравнению со своим кораблем они казались муравьями. Только увидев это, я понял, как по-настоящему огромен этот боевой корабль. Его посадочные боты, вероятно, с наш «Алголь». Тем временем кибермозг глайдера получил другой приказ. Машина опять устремилась вперед. Теперь гигантский корабль постепенно исчезал с поля нашего зрения. Но, даже когда мы оказались между зданий административного центра Дзета-Пойнт, огромный купол верхней части шарообразного корабля все еще был виден.

Мы скользнули над широкой улицей галактического городка, в котором к настоящему времени насчитывалось около десяти тысяч жителей. По большей части это были служащие Флота и представители администрации разнообразных компаний. Поселенцы вряд ли жили тут, так как здесь было трудно надеяться получить приличный урожай каких-либо злаков. Гораздо более ценными здесь были полезные ископаемые, добываемые автоматами, надзор за которыми был почти не нужен.

Весь городок был окутан облаками твердой, как алмаз, пыли. Водяных же облаков почти не было. Как здесь появились и развились до разумных существ аборигены — это было для меня загадкой еще во время первого прилета сюда. Мыслящие существа в этой местности развились из неприхотливых ящеров, поэтому туземцы и были так опасны. По уровню развития они находились примерно в каменном веке, однако их склад ума совершенно не походил на склад ума наших далеких предков.

Глайдер остановился у безвкусного ящикообразного сооружения, выстроенного в колониальном стиле этой планеты. Робот-привратник повел нас наверх, где мы нырнули в прохладный вестибюль, затем робот открыл одну из сдвижных дверей, ведущую в рабочий кабинет.

В помещении было так холодно, что Умник Фис непроизвольно застучал зубами. Очевидно, он забыл отключить охлаждение своего костюма и теперь сильно страдал от этого.

Когда я увидел сидящего за письменным столом человека, то сразу понял, почему у него такое странное имя.

Элси Кронг мог быть только потомком колонистов, которые триста лет назад заселили сравнительно холодную планету карликовой звезды в созвездии Рака. Звезда Йота Рака была сравнительно небольшим светилом, а планета находилась на довольно значительном расстоянии от нее. Ничего удивительного, что йотанец поставил регулятор климатизатора на минус двенадцать по Цельсию.

У него были блестящая кожа и ненормально огромные зрачки. Кроме того, он произвел на меня такое отвратительное впечатление, что мне не нужно было даже вспоминать об ОГП, чтобы во мне поднялся гнев. Только самому Элси Кронгу, пожалуй, могло нравиться его рыхлое тело. Голос его был глубоким и раскатистым — особенность людей с Йоты Рака.

Прежде чем удостоить нас своим взглядом, он поиграл пальцами по клавишам интеркома. Несомненно, он отдавал приказы. Даже на Дзете-3 ОГП показывало, как велико его могущество. Для Элси Кронга мы были словно радиоактивные отходы, от которых нужно избавиться как можно скорее.

У Старика, казалось, в жилах тек жидкий аммиак. Он взглянул так холодно, что даже привычный к минусовым температурам йотанец должен был почувствовать это.

— Кестер, капитан корабля вольных торговцев. Вы здешний представитель ОГП? — спросил он с хорошо заметным нажимом. Ну, нашего выглядевшего немного глуповато Старика нельзя было недооценивать в подобных ситуациях.

Пока Элси Кронг преодолевал свое изумление, капитан гнул свою линию.

— У нас договор с галактической дирекцией. Где находятся эти тридцать пять поселенцев для Толимана? Я не думаю, что нам стоит надолго задерживаться на Дзете-3.

Когда я краешком глаза глянул на Умника Фиса, то увидел, что, к моему большому изумлению, его лицо изменилось.

Он небрежно стоял позади нас, но поза его богатырского тела была такова, словно он в любое мгновение

готов разорвать йотанца на куски. Его правая рука находилась возле ядерного излучателя, дуло которого болталось почти у самого его колена.

Итак, конечно, в интересах других людей снова необходимо было «переключить» Фискуса. В это мгновение я не хотел бы оказаться в его лапах.

Йотанец не предложил нам сесть. Вместо этого он потребовал документы, выданные дирекцией на Земле, которые он вложил в специальный аппарат. Мы знали, что шеф торгового представительства получил строгое указание выполнять все наши требования.

— Меня уведомил о вас корабль ОГП, прибывший три дня назад. Через два часа переселенцы будут на борту «Алголя». У вас есть еще какие-нибудь пожелания?

— Только те, которые соответствуют заключенному нами договору, — ответил Старик. — Заправьте нас ядерной плазмой и дайте снаряжение для поселенцев.

— Это мне уже известно. Вас заправят. Я сейчас же отдам распоряжение.

Я был удивлен! Никогда прежде я не встречал ни одного йотанца, который был бы так дружелюбен и с такой неподдельной искренностью согласился бы выполнить наши требования. Что-то во всем этом было не так.

Старик тоже это заметил и внезапно — я едва смог уловить это, — без лишних вопросов перевел все свое внимание на Умника Фиса.

— Боулдер, — сказал Фис протяжно, что меня беспокоило. — Третий Инженер с «Алголя». Можно вопрос?

Йотанец медленно повернул голову. Глаза его, казалось, сузились. Несомненно, он считал нашего Третьего самым опасным человеком во Вселенной. Старик поощряюще улыбнулся.

— Пожалуйста.

— Мы хотели бы посмотреть договор, который вы заключили с тридцатью пятью поселенцами. А также заключение о их психической пригодности и все данные о состоянии этих людей.

— Бросьте, вы всего лишь Третий Инженер, — с издевкой произнес человек ОГП.

— Немедленно, — холодно сказал Фискус.

— Да, немедленно, — эхом отозвался Старик.

Десятью минутами позже у нас была информация, из которой стало ясно, с каким дьявольским изуверством эксплуатировали здесь этих ребят. Первоначально они были наняты для осуществления проекта постройки си-

ловой установки на Дзете-3. Однако этот проект потерпел крах. С тех пор они застряли на этой пустынной куче камней и хотели как можно скорее убраться отсюда в такое место, где условия жизни были бы более приемлемыми для выживания. Неудивительно, что пройдохам из ОГП пришла в голову мысль переправить этих людей на Толиман, где условия жизни были, вероятно, еще хуже. Это было дело, которое трудно увязать с законами, несмотря на то, что прямо запретить его было нельзя. Статьи законов допускают множество толкований.

— Ну, хорошо,— хрипло рассмеялся Старик.— Мы доставим людей на Толиман. Так вы говорите, что они будут на борту через два часа?

— Вероятно, еще раньше. Я хочу, чтобы вы стартовали как можно быстрее.

— Почему? — резко вмешался Фискус.— Что все это значит? Никаких грязных делишек с нами, Элси Кронг!

— Глупо мерить других людей по себе,— возразил йотанец.— Придержите свой язык, молодой человек.

Умник Фис улыбнулся так кротко, что я почувствовал, как у меня похолодели ноги. Дыхание мое белым облачком слетало с губ.

В наступившей тишине Фискус монотонно произнес:

— Я думаю, сэр, что мы должны пройти в штаб-квартиру Флота на Дзете-3. Вы не возражаете, йотанец?

По-видимому наш Третий тоже терпеть не мог этих высокомерных выскочек.

— Может случиться так, что вы задержитесь на Дзете-3 на несколько месяцев,— внезапно деловито ответил йотанец.— В созвездии Персея волнения. Вы видели, как совершил посадку «Супалис». Правительства на двух планетах захотели полной автономии, что обычно связано с космическими сражениями и другими подобными вещами. Если вы откажетесь от своего бизнеса и завтра утром по призыву подниметесь на борт корабля Флота, то сможете навестить командующего адмирала на Дзете-3. Но наши интересы — ваши интересы. Сейчас я отдам распоряжение о вашем немедленном старте.

Больше он не сказал ничего, что могло бы вывести из равновесия нашего командира-торговца. Костер уже видел, что его огромный калым в созвездии Персея сорвался. Поэтому он грубовато сказал нашему Третьему:

— Будьте спокойны, лейтенант: если дела обстоят именно так, мы немедленно стартуем. Я, в конце концов,

торговец и ни в коем случае не должен быть призван по тревоге на борт крейсера Флота. Позаботьтесь о заправке вспомогательных двигателей, мистер Кронг.

Когда мы опять сели в глайдер, лейтенант Боулдер вновь потерял всю свою удачу. Он снова стал нашим обычным смущенным Умником Фисом. Он все время бормотал свои извинения и, наконец, так надоел всем, что Старикуну пришлось сказать ему несколько отнюдь не ласковых слов.

Мы промчались мимо штаб-квартиры Флота, и, когда достигли одиноко стоящего на краю поля «Алголя», наш глайдер неся уже со скоростью ракеты.

Меня Старик погнал в грузовые трюмы корабля с заданием сделать из них приемлемые жилые помещения. Встроенные в корабль грузовые трюмы Кестер в припадке буйной фантазии назвал «каютами». Отверстия труб утилизатора, ведущие в камеру сгорания, он окрестил «сантехникой».

Но мы все, в конце концов, были торговцами, и главным для нас был наш бизнес. Он просто не мог удержаться от него.

Поселенцы вместе со своим снаряжением прибыли через час. Я с воодушевлением принялся за подготовку так называемых «кают», однако все пошло иначе.

Люди были безумно рады, что нашли хотя бы такой старый корабль, как «Алголь». Они не возражали против откидных пластиковых коек, а обеденный зал, по их словам, у нас лучше, чем в их бараке, в котором они жили в течение последнего месяца. Короче говоря, Дзета-3 надоела им до тошноты.

Все это еще раз указывало на силу народа, пытающегося спастись. Среди прибывших было одиннадцать женщин и девушек и восемь детей, и все они были веселы.

Когда мы погрузили немудреное снаряжение этих людей и распределили их по койкам, было получено разрешение на старт. Наши холодильники уже были заполнены плазмой.

Собственно, мы уже сейчас могли бы устремиться в ночное небо, если бы не обнаружилось, что отсутствует один их членов экипажа. Это был наш Третий Инженер Фискус Элиас Боулдер — и вместе с ним исчез маленький киберкоптер, который Леффо выгрузил с корабля по приказу капитана, нагрузив его тюками табака.

Итак, наш коптер исчез, и Фискус не отвечал на наши вызовы.

Старик ревел, как двадцать органных труб в потоке сжатого воздуха из фотонного лучевого двигателя.

Вызвали Элси Кронга, но там Фискус не появлялся.

Наконец, в голову Лефло пришла мысль, заставившая всех нас побледнеть.

— Эй, мне кажется, что незадолго до посадки я рассказывал этому веселому вредителю что-то о поселении туземцев, расположенном в двухстах восьмидесяти милях отсюда. Собственно, я прямо ему об этом не рассказывал, однако я видел, как он наострил уши, когда я разговаривал об этом с Ипсталом. Правильно, грузовая палуба?

Он имел в виду меня. Это обидное прозвище было сокращением моей должности. Я разъярился. Мы действительно говорили об этом.

Во время своей последней посадки я был в этом поселении, где аборигены едва не разможили мне череп лишь за то, что я осмелился засмеяться. У этих парней странная привычка каждую улыбку воспринимать как смертельное оскорбление.

— Но он же всего этого не знает! — застонал я.

Фис мог быть уже мертвым, если он действительно отправился в это поселение.

Старик кричал на стены и на нас. Он хотел знать, каким образом этот парень пришел к такой мысли.

Я представил себе, что знаю его достаточно хорошо, и позволил себе робко вмешаться:

— Капитан, у меня есть разгадка этого: смотрите, сэр, Боулдер слышал, что вы хотели отправить этим существам табак. В своей обычной, преувеличенно услужливой манере он вообразил себе, что должен что-то сделать непосредственно для вас и для всего корабля. Вы же знаете, что он готов рискнуть головой, если речь идет не об его собственной выгоде. Другого объяснения этому я найти не могу.

— Я согласен с вами, — сказал доктор Бильзер. — Это соответствует психике Боулдера. Что же теперь будет?

— У него с собой ядерный излучатель, — сказал Киленио, смертельно побледнев. — Хотя я видел парня у шлюза, я не обратил на него внимания. Эта возня с переселенцами...

Старик застонал. Я поймал его взгляд, который едва ли можно описать. Умник Фис и боевой ядерный излучатель! И при этом он еще без надзора. Последствия этого невозможно себе даже представить. Я бы отдал

свою левую руку, чтобы этот непредсказуемый парень в целости и сохранности оказался на борту.

— Ну и что же теперь? — нерешительно спросил Киленио. — Мы же должны стартовать, сэр. Если мы останемся еще на несколько часов, мы попадем на военную службу. Я узнал, что «Супалис» оккупировал здесь все и вся. Что же теперь? Позволим Боулдеру остаться? Однако он может опять появиться.

— Может быть, он сошел с ума! — вскричал Старик. — Вольный торговец не может так поступить. Но даже если этот парень из-за своего недисциплинированного поведения уже простился с жизнью, наш долг и обязанность вырвать его из когтей туземцев. Больше ни слова, Киленио. Ипстал!

Я невольно принял позу, которая была внушена мне его словами. Он был великолепен, этот старый негодяй. И именно он говорил все это серьезно.

Лефло, соглашаясь, кивнул, хотя это только усилило его злость.

— Ипстал, вы хорошо знаете это поселение. Боулдер может быть только там, так как он больше не знает ни одного поселения туземцев. Кроме того, Киленио, мы не сможем стартовать только с двумя инженерами. Вы это уже знаете. У нас на борту тридцать пять поселенцев. Итак, Ипстал, вы летите со мной?

— Вы хотите лететь вдвоем? — в ужасе воскликнул Длинный Пайперс.

— Вот еще! Лефло, возьмите вспомогательный бот, вы тоже летите с нами. Через десять минут доложите о готовности.

— Вспомогательный бот? — повторил наш Главный Инженер. — Но это невозможно, сэр! У него слишком мощный плазменный двигатель, и он может летать в атмосфере только во время старта со специально построенной космодрома.

— Мне это безразлично, — возбужденно ответил капитан. — В ближайшие годы нас все равно здесь больше не увидят. Готовьте бот. Вы должны знать, что у нас был только один киберкоптер и его взял Боулдер. Ипстал, раздать ядерные излучатели и шоковое оружие!

Я бросился прочь. Экипаж был вне себя. И все это из-за Умника Фиса, которому я сейчас желал очутиться на дне дантова ада.

Я покопался в корабельном арсенале и достал оружие, из которого можно было уничтожить средней величины

астероид. Министерство Космических сообщений разрешило нам иметь на борту такое оружие, так как у нас имелась только одна лучевая пушка, предназначенная только для защиты этого грузовика. Кроме того, у нас было еще и ракетное оружие, однако с его помощью мы мало что могли сделать.

В огромной шлюзовой камере на палубе номер три находился каплевидный космический бот с одним только намеком на несущие плоскости. Если вы хотите лететь на таком сооружении в плотной атмосфере, у вас должна быть великолепная реакция и знания инженера. Леффло для этого очень подходил.

Старик больше ничего не сказал, однако по его лицу было видно, что он вновь превратился в человека, с которым путешественники должны были говорить с большой осторожностью. Кестер в молодости, должно быть, был бешеным парнем.

— Все, — сказал он спокойно, и Главный Инженер повернул ключ зажигания плазменного двигателя. Тот взревел, и мы по направляющим вылетели из шлюза. И сразу же устремились в чадное небо.

К счастью, наш сравнительно небольшой бот был снабжен поглотителями инерции. Он был лет на двадцать моложе «Алголя». Киленио быстро рассчитал курс, а я коротко обрисовал местоположение поселения. Таким образом, мы не могли сбиться с курса.

Двести восемьдесят миль для нашего бота были лишь небольшим прыжком. Прежде чем я успел привести в порядок свои мысли, мы уже снова нырнули вниз из верхних разреженных слоев атмосферы. Леффло проворчал что-то о солнечно-песчаном вихре и крепости нашей обшивки, что, конечно, не соответствовало нашему спокойствию.

Около поверхности планеты экран нашего радара опять ожил. Я увидел цепь плоских холмов и немного воды в русле главной реки. Потом я увидел огромное конусообразное сооружение, пирамидой поднимающееся в небо.

Туземцы на Дзете-3 оставались верными заветам своих ящерообразных предков, поэтому они всегда возводили строения, имевшие отдаленное сходство с домами термитов на Земле.

В этих строениях жили большие и малые племена, которые постоянно враждовали друг с другом. Для многих ссор были основания, непонятные нормальным людям. Во всяком случае, меня до сих пор ничуть не волновало,

если в моем присутствии разбивалось обычное яйцо. Однако для дзетанцев яйцо являлось священным. Это, очевидно, как-то было связано с их размножением. Когда на Дзету-3 впервые прилетел исследовательский корабль, произошла кровавая битва из-за микрорации, похожей на яйцо.

Конечно, Умник Фис не знал об особенностях туземцев, так что его наверняка не было в живых. Нужно было так много принимать во внимание, если вы хотите вести с этими существами осторожные переговоры или если вы хотите сделать с ними бизнес.

Лефло облетел строение по большому кругу. Не потребовалось много времени для того, чтобы наш металлоискатель нащупал что-то. Минутой позже мы увидели на экране маленький тарелкообразный аппарат, почему-то находящийся по ту сторону каменного сооружения. Это был наш киберкоптер.

Лефло снова выругался. Я сидел тихо, а лицо Старика медленно приобретало цвет спелого помидора.

Его сильное беспокойство за судьбу Фискуса мгновенно исчезло, когда он увидел вертолет. Теперь в нем проснулся галактический торговец.

— Если тюки табака исчезли, я протащу его сквозь кормовые дюзы, — яростно прошептал он.

— Если только он жив, — невесело усмехнулся Лефло. — Я знаю дзетанцев. Если Боулдер хоть раз улыбнется им своей грустной улыбкой, тогда...

Он недвусмысленно провел рукой по горлу.

— Садитесь, Лефло, — сказал Старик. — Прямо у вертолета и держите оружие наготове.

У меня дрожали колени. Пальцы мои немного повернули регулятор климатической установки костюма. Меня душила жара, изо всех пор выступал пот.

С этими примитивными туземцами ничего не поделаешь. С помощью ядерных излучателей мы смогли бы держать их на нужном расстоянии от себя. Но существовал специальный орган Галактического Союза. Он грозил нам чрезвычайно неприятным штрафом, если мы предпримем что-нибудь хотя бы даже против одного дзетанца. Поэтому я неуверенно поглядывал на правую руку нашего Старика. Тот выглядел так, словно ему очень хотелось взорвать всю эту планету со всеми ее туземцами и их яйцами.

Мы выпрыгнули из бота. Лефло перестроил замок внешнего люка на кодовый импульс. Потом включил легкий защитный экран, окутавший бот, который едва ли мог повредить какому-либо туземцу.

Наш киберкоптер тоже был оснащен защитным экраном, который Умник Фис, очевидно, включил. Мы не знали кодового импульса его выключения, так что осмотреть машину вблизи не представлялось возможным. Потом мы обнаружили на песке следы его ног. Старик лег на живот и буквально обнюхал эти следы. Его поведение действовало на мои и без того уже порядком взвинченные нервы.

— Эти следы оставлены около часа назад, — надменно произнес он. — Теперь мы пойдем по ним, ребята.

Его палец указал в направлении цепочки следов, и мы без колебаний двинулись вперед.

На сгибе моей руки болтался тяжелый ядерный излучатель, в зарядной камере которого находилась одна тысячная грамма плазмы. Этого, впрочем, было вполне достаточно, чтобы превратить жилище дзетанцев в кипящее озеро жидкой плазмы.

Мы огибали неровности почвы. За одной из них увидали поднимающуюся вверх пирамиду. Множество дыр в стенах было странно пустыми. И у большого главного входа, находившегося в нескольких метрах от почвы, не было видно ни одного часового.

— Стой! — сказал Лефло, одновременно нырнув в укрытие. Старик что-то недовольно пробормотал, когда Главный Инженер спросил меня:

— Сколько туземцев может находиться в этом убежище? Хотя бы приблизительно?

— Во время моего последнего посещения их было около пятисот, — задыхаясь, произнес я. — И это, очевидно, весьма воинственное племя. Однако оно может насчитывать и пять тысяч человек, если только вождь не произвел основательную чистку среди своих сородичей.

— Если еще и это! — простонал Лефло. — Капитан, давайте просто вернемся. У Боулдера все равно нет никаких шансов до сих пор оставаться в живых, а мы же рискуем предстать перед галактическим трибуналом, если применим силу.

Вы должны понимать это.

Исмонд Кестер бросил на нас такой ледяной взгляд, что меня опять мгновенно прошиб пот.

— Ну, хорошо, я не возражаю, — хрипло сказал Лефло. С этого мгновения он проявил себя самым решительным образом. Мы хорошо отдавали себе отчет, что будет с нами за первый же неосторожный выстрел, если только все дело откроется. Я поймал себя на том, что

непроизвольно посмотрел в небо, отыскивая вертолет полиции.

Мы вновь решительно направились к строению, которое располагалось на берегу наполовину пересохшей реки.

Нам без труда удалось переправиться через нее. Внезапно все мы вздрогнули. Нас просто оглушил резкий звук, очевидно, донесшийся из большого отверстия главного входа.

Там визжало, ревело, выло и гудело, как будто на свободе оказался целый галактический зверинец.

— Во имя Персея, что это? — в ужасе воскликнул Кестер и вопросительно глянул на меня.

Я беспомощно пожал плечами, а инженер сказал:

— Это похоже на жертвоприношение или еще на что-то подобное. Есть у дзетанцев такие обычаи?

Взгляды буквально буравили меня. У меня не оставалось никакого другого выхода, кроме как согласно кивнуть.

— Бедный юноша, — вздохнул Кестер. — Что же я скажу его отцу? Однако мы все же должны попытаться сделать все возможное, чтобы спасти его. Вперед!

Мы последовали за ним, держа излучатели наготове. Лефло убрал свое шоковое оружие, и я увидел в его руках тоже ядерный излучатель.

— Не надо, Лефло! — предостерегающе крикнул я, но в общем шуме он вряд ли меня услышал.

Старик уже карабкался по крутой змеящейся дорожке наверх, к главному входу. Чем выше мы поднимались, тем ужаснее и громче становился шум.

Я знал огромные залы этого строения, в которых происходили не только ритуальные праздники племени, но и заключались сделки. Я уже однажды стоял в отверстии, напрасно стараясь привлечь внимание туземцев своими дешевыми пластмассовыми поделками. Мой прежний капитан также был убежден, что дзетане были музыкальным народом. Поэтому мы запаслись поющими пластмассовыми зверьками с автоматическим управлением. Это был полный крах! Мы не получили ни одного драгоценного биллис-кристалла, ни одного-единственного осколка!

— Осторожнее, тут должна быть охрана, — крикнул я Старику, который только что приблизился к странному строению, которое, как я полагал, являлось башней охраны поселения.

Он не ответил, однако, предусмотрительно укрылся за башней. Я тоже последовал его примеру. Шум усилился

до ревущей какофонии. Резкое мяуканье и дребезжание стали такими сильными, что мы могли без опаски говорить в полный голос. Из отверстия ударил луч красноватого света. В этом свете за клубилось облако чада, медленно выползающего из маленьких отверстий в стене.

— Что это такое? Дым каких-то трав? Курение во время жертвоприношения? — спросил Старик, однако я только смог беспомощно пожать плечами.

Мы все еще нерешительно находились в укрытии, когда Лефло внезапно начал ругаться.

Мы растерянно уставились на него, а он медленно поднялся на ноги.

— Что вы делаете? Вы сошли с ума! — крикнул Старик, разъярившись. — Немедленно в укрытие, до тех пор пока мы не оценили обстановку. Вы хотите подставить себя под удар туземцев?

Лефло только махнул рукой. Широко расставив ноги, он стоял в сводчатом изгибе коридора.

Я вдохнул воздух. Старик щелкнул предохранителем своего оружия. Но с нашим Главным Инженером не случилось ничего плохого.

Мы медленно поднялись на ноги. Когда я смог осмотреться, у меня перехватило дыхание.

Огромный зал, очевидно, мог показаться сумасшедшим домом, по которому прыгали и метались нечеловеческие существа. И, держу пари, это буйствовали туземцы. Казалось, они выпили весь запас алкоголя в Солнечной системе, они шатались, и их двуногие тела тряслись как в лихорадке.

Я видел только мелькание рук и ног, их раскрытые щели ртов и блестящие ряды зубов. Существа эти вели себя так, будто в каждого из них вселился дьявол. Свет от раскачивающихся каменных светильников отражался от их блестящей чешуйчатой кожи и бронзового оружия, так что блики эти могли ослепить.

Некоторые из существ огромными прыжками взвивались в воздух, опрокидывались под радостные крики зрителей и хватали все и вся своими заgreбушими руками.

Другие вертелись или катались по каменным плитам пола, прямо перед нашими глазами их фигуры обнимали друг друга в экстазе дружелюбия и приязни.

Я растерянно воскликнул:

— Сэр, это не жертвоприношение. Не называйте меня больше Ипсталом, если они не такие же голубые, как и небо над Невадой.

Я вынужден был откашляться, так как в горло мне лез пахучий дым и чад.

— Что это? — простонал Старик и буквально взвился в воздух. — Да мне ведь знаком этот запах!

— Табак, обычный табак! — вскричал Лефло, буквально пылая от ярости. — Но это еще не все. Ипстал, вам известно, что это так остро пахнет?

Я осторожно приняхался. Никто не обращал внимания на нас. Все было так, словно нас здесь и не существовало.

Внезапно я все понял.

— О, — простонал я. — Нет, только не это! Ведь от этого же вымрет все племя.

Старик пожелал непременно узнать, что мы тут обнаружили. Поэтому Лефло объявил:

— Это не только табачный дым, сэр. К нему подмешана небольшая доза парастимулина. Эта штука очень действительна в форме дыма. Попадая в дыхательные пузырьки наших легких, она немедленно всасывается в кровь. Надо срочно выйти наружу, сэр.

— Боулдер! Негодяй! — гремел Старик так громко, что даже перекрыл шум ликующей и танцующей толпы. Теперь мы узнали, кто же украл возбуждающее средство у нашего доктора.

Я проследил за взглядом капитана и увидел нашего беглеца, нашего Третьего, Фискуса Боулдера.

Он, возвышаясь, стоял среди туземцев, которые, казалось, смотрели на него как на полубога.

Вождь племени, закутанный в колыхающуюся накидку из священной оболочки яичного желтка, также метался в толпе. В своих трехпалых руках он держал большую каменную чашу, полную самых лучших биллис-кристаллов, которые я до сих пор видел. Он торжественно кинулся Фискусу на шею, словно тот только что спас ему жизнь.

— Осторожнее! — закричал Лефло, а я даже закрыл глаза.

Умник Фис — от природы гора мускулов — обнял вождя одной рукой за тонкое, как прут, бедро, а другой выхватил чашу, полную драгоценных камней, из его рук. Ящероподобное тело пролетело по воздуху и упало в кучу других танцующих туземцев почти в десяти метрах от юноши.

Со спокойной душой Фискус вытряс биллис-кристаллы в пластмассовый мешочек у себя на бедре.

— Это невозможно! — почти простонал я, слыша как Старик тоже застонал.

Вождь, с которым обошлись так грубо, визжа от радости, вскочил и быстро заковылял к Умнику Фису, который запихал ему в глотку целых две пригоршни табаку. Я уже испугался, что этот покрытый чешуей парень умрет от удушья. Однако мое беспокойство было совершенно напрасно.

Вождь опустил на колени и зачавкал с таким удовольствием, что меня чуть не стошнило. Секундой позже Фискус прорвался сквозь толпу бедных дзетанцев, которые благодаря его увеличившейся силе разлетались как куклы во все стороны.

Он тащил за собой изрядно уменьшившийся запас табака. Позади него ликовал народ, представители которого едва держались на своих тонких ногах. Конечно, они рыдали бы от благодарности, если бы такое было возможно для этих существ.

Фискусу принесли еще несколько драгоценных кристаллов. Я случайно заметил, что он в каждую порцию табака что-то добавляет и это что-то было похоже на сильно возбуждающее средство. Ничего удивительного в том, что дзетанцы буйствовали как сумасшедшие.

И было совершенно невозможно ликвидировать эту дикую давку. Видя это, мы даже не сделали ни единого шага вперед.

Единственное, что мы сделали, — это, объединив усилия, втроем проревели его имя. Старик от себя проорал несколько слов, которые, в конце концов, перешли в ужасные проклятия.

— Ипстал, у него же сумка, полная биллис-кристаллов! — отчаянно воскликнул он.

— Это же все, что когда-нибудь нашли на Дзете-3! Уж поверьте мне! Эти кристаллы крайне редки. Ипстал, все полетит в ад, если мы не вытащим его из этого проклятого дыма!

— Как это сделать? — спросил я, совершенно ошеломленный. — Фискус так опьянен и подхлестнут этим чертовым парастимулином, что в течение секунды он по своей злой воле пять раз разорвет меня на мелкие кусочки. Без меня, сэр, только без меня!

— Великий Юпитер! — испуганно сказал Леффо, и кровь быстрее побежала в моих жилах. У Умника Фиса, вероятно, появилось намерение еще сильнее отравить и без того уже порядком отравленный воздух.

Справа, на высокой подставке, стояла объемистая каменная чаша, в которой находился тлеющий табак.

В руках Фискус держал баночку, которая, скорее всего, была наполнена нашим парастимулином. Однако, несмотря на свои невероятные прыжки, он не мог достать до края чаши, и тут он вспомнил о своей силе.

Дзетанцы завопили от радости, когда он одним коротким ударом разбил подставку толщиной с голень и без труда подхватил падающую чашу, как будто она и не весила почти семьдесят килограммов.

Улыбаясь, он вытряс порошок в пламя. Почти одновременно его буквально захлестнула толпа рванувшихся к нему туземцев. Дзетанцы почти бросались в пламя, так сильно они жаждали этого дыма.

Перед нами в воздухе что-то появилось, но нам больше не надо было двигаться вперед. В толпе туземцев началось какое-то вихревое движение. Казалось, огромный механизм выбирается из-под кучи снега. Последний дзетанец пролетел через весь зал, и из толпы появился Умник Фис со своим пластиковым мешочком и тюком табака.

Гигантскими шагами он поспешил к выходу. Глаза его были ненормально большими и блестящими. Что и говорить, он вдохнул приличную дозу парастимулина.

Увидев нас, он заревел как сирена в тумане.

— Эй, друзья! Я приветствую ваш приход! Идите сюда, я обниму вас!

Он смеялся как покровительствующий тиран. Я почувствовал, как сильные руки подхватили меня, однако, тут зашипел шоковый излучатель Лефло. Парализующий луч попал Фискусу прямехонько в затылок. Он рухнул как дерево, сраженное молнией, мягко опустившись на мои руки.

Но если вы думаете, что хоть кто-то поспешил мне помочь нести его обмякшее, чертовски тяжелое тело, то вы глубоко заблуждаетесь. Старик схватил мешочек с биллис-кристаллами и тотчас же помчался прочь.

— Несите его на бот! Скорее, скорее! — только и проговорил он.

Дзетанцы и не думали нас преследовать.

Полумертвые от напряжения, мы достигли бота, защитный экран которого Старик уже убрал.

— Лефло, вы полетите на вертолете. — Потом он обратился ко мне, приказав: — Будьте поласковее с юношей. Бедняга, чего он только не вытерпел. Я полечу вперед. Доктор должен немедленно все подготовить. Внимательно следите за мной!

Двигатель заревел. Старик стартовал так резко, что нас вместе с Фискусом буквально отнесло прочь потоком воздуха.

То, что высказал по этому поводу наш Главный Инженер, нельзя и описать.

Мы нашли в кармане Боулдера радиоключ, с помощью которого смогли отключить защитное поле киберкоптера.

Фискус никак не отреагировал, когда коренастый инженер довольно грубо протащил его в узкий люк.

Минутой позже винт вертолета начал вращаться, и мы взвились в воздух. Когда под нами появился «Алголь», у меня, если можно так выразиться, упала с сердца целая планетная система.

Экипаж уже получил указание обходиться с Фискусом как с нежным цветком. Еще не успела закрыться позади меня внутренняя дверь шлюза, как немедленно загрелись плазменные двигатели «Алголя».

Проведя захватывающий дух старт, мы пулей промчались через атмосферу, и это убедительно доказывало, что Старик уже не думал о том, чтобы осчастливить дзетанцев, вернув им кристаллы.

— Рубка наблюдения, на кормовом экране что-нибудь заметно? — Старик снова и снова задавал этот вопрос.

Совершенно разбитый, я вошел в центральный управления. Лефло отправился в машинное отделение. «Алголь» с максимальным ускорением мчался сквозь систему Дзеты Персея. Восемьюдесятью четырьмя часами позже Киленио получил указание рассчитать маневр сверхсветового прыжка. Старик еще никогда так не торопился.

Пока младший офицер-механик взял на себя управление силовой установкой и контроль над проектором нейтрализации ускорения, всем офицерам было приказано собраться в корабельном госпитале.

Док Бильзер вспотел от страха. Я должен был подробно описать все наблюдаемые мной симптомы. Ему очень хотелось знать, как вели себя туземцы.

Я описал наши наблюдения, и Лефло подтвердил мой рассказ. Тогда Бильзер успокоился. А потом последовало объяснение, которое окончательно лишило меня самоуверенности.

— Ну что ж! — прогремел доктор. — Теперь я тоже знаю, почему Боулдер все время таскал с собой микрокнигу с описанием поведения разумных существ с холодной кровью. Он узнал, что дзетанцы реагируют на парастимулин совершенно не так, как мы. Психически мы остаемся

неизменными, однако наши силы чрезвычайно возрастают, а на дзетанцев это средство оказывает совершенно противоположное воздействие. Они теряют разум, а физически остаются неизменными. Через несколько часов испарения парастимулина улетучатся. И что благоприятно для нас, так это то, что никто из них не знает, что Боулдер наш Третий Инженер. Мне только хочется знать, как ему в голову могла прийти такая мысль.

— Лефло, мы можем еще больше увеличить ускорение? — вздрогнув, спросил Старик.

Наш Главный Инженер ядовито прореагировал на это, высказав свое мнение:

— Незачем. Нас никто не собирается преследовать. Но, если позади нас появится хоть один из крейсеров эскадры системы Дзеты Персея, я сам лично вышвырну мистера Боулдера в ближайший шлюз. Я сделаю это, сэр! Впрочем, сколько мы там заработали?

В конце концов, какими бы жадными ни были эти люди, для меня было ясно одно: мы никогда больше не сможем появиться на Дзете-3!

Глава 8

«Алголю» с его старым сорианским двигателем требовалось восемьдесят четыре часа разгона внутри системы Дзеты Персея, чтобы достичь скорости света.

Прыжок в гиперпространстве при скорости, превышающей скорость света в пятнадцать миллионов раз, длился около 4,8 часа.

Киленио вычислил цель, до которой до сего дня летали только корабли с надежной позитронной автоматикой.

Когда «Алголь» после отключения гиперполя лишился искривляющего поля и появился в обычном пространстве, с корабельных экранов на людей обрушился хаотический поток света.

Они далеко углубились в рассеянное скопление НСС-885, диаметр которого равнялся сорока шести световым годам, и окружающее пространство было таким необычным, что экипаж почувствовал себя заброшенным в иную Вселенную.

Сумасшедшее сияние бесчисленных безымянных светил заполнило помещения корабля. Даже для закаленных космических путешественников это зрелище выглядело довольно впечатляющим.

Фискус Боулдер устало сидел в кресле Второго Навигатора, который заканчивал спецобразование и теперь находился в силовой централи. Зато Фискус незадолго до сверхсветового маневра занял место перед стереоэкраном рубки управления, потому что его ослабевшее тело все еще диктовало ему свои условия.

Теперь он неподвижно уставился на огромный передний экран централи управления, на котором была видна трехмерная панорама звездного скопления. Пространство здесь было глубокого черного цвета и одновременно с этим было наполнено ослепительно ярким светом.

Фискус предавался самобичеванию.

— Я... я прошу прощения, сэр, — тихо сказал он через некоторое время.

— Я не хочу больше слышать об этом, юноша, — сказал Кестер. — Я имею в виду ваши немотивированные извинения. Вы думаете, что здесь есть кто-то, кто не понял вас?

Фискус все время был погружен в себя и воспринял слова капитана как неясное бормотание. Ничего не могло быть хуже, чем как-то выделяться среди других членов экипажа.

Хотя его действия на Дзете-3 из-за ликования людей получили весьма мягкую оценку, он чувствовал себя виноватым. Он знал, что сильно ошибался в действии этого препарата. Он никогда не был способен ограбить туземцев по холодному расчету, чтобы за один тук табака взять с них такую астрономическую цену. Хотя биллис-кристаллы для туземцев были отнюдь не драгоценностью, это ни в коей мере не успокаивало Боулдера.

Сначала ему в голову пришла мысль использовать парастимулин для защиты самого себя, однако из книги по биологии пресмыкающихся, он узнал, какова их реакция на это вещество. Поэтому он сделал все, чтобы заполучить парастимулин, хотя при вдыхании паров он сам подвергался нешуточной опасности. Но, несмотря на угрозу, он все же использовал это вещество.

Дзетанцы были удивительно дружелюбны, потом почти нежны, а затем настойчивы. Вскоре Фискус четко и довольно логично осознал, что он недооценил сопротивляемость своего тела. Подвергнувшись внезапному опьянению, он так щедро начал применять свое средство, что, в конце концов, собрал все биллис-кристаллы, которые туземцы когда-либо нашли.

Исмонд Кестер утверждал, что восемьдесят процентов этих драгоценных алмазоподобных кристаллов было со-

брано во время разбойничьих набегов и во время войн между племенами, однако, это утверждение капитана тоже не послужило утешением для Боулдера. Действия его были безответственны — он твердо придерживался этого мнения.

Еще во время пребывания в корабельном госпитале он пытался убедить экипаж в своих добрых намерениях.

Но его судьбой было все время сталкиваться с глухим недоверием, в лучшем случае ему удавалось вызвать улыбку и намек на понимание где-то в глубине глаз. Для членов экипажа было само собой разумеющимся то, что Третий Инженер, в меру своих способностей, заботится об общем бизнесе.

В любом случае продажная цена биллис-кристаллов на Земле была так высока, что кристаллами, имеющимися у них, можно было оплатить половину стоимости корабля новейшего класса раза в три больше «Алголя».

Кестер был весел и любезен, когда перед всеми собравшимися он объявил о принятии Фискуса Боулдера в сообщество вольных торговцев. Конечно, Фискус не имел права требовать большую часть своей добычи и уж тем более, забирать всю добычу. Главным пайщиком, в первую очередь, был капитан.

Фискус в своей неуклюжей манере сейчас же заверил экипаж, что он никогда и не думал о таких вещах. Джосс Ипстал, суперкарго и офицер по снабжению, великолепно понимал, почему капитан стартовал так быстро. Позднее он назвал Фискуса Боулдера дураком с выжженными мозгами, однако, несмотря на это, заметил, что он может претендовать на довольно значительную часть добычи.

Об этих вещах и размышлял юноша, сидя у навигационной панели. На обоих экранах наблюдения появилось и стало быстро изменяться изображение: это начал работать высокочувствительный локатор.

Главный электронный мозг включился и выдал данные о желтой звезде. Другой электронный мозг сравнил эти данные со сведениями, запечатленными на магнитной ленте, которые доставил исследовательский отряд ОГП. Через полчаса было установлено, что «Алголь» вынырнул из гиперпространства на расстоянии 4032,18465 светового года от Земли.

Все внимание теперь было сконцентрировано на желтом солнце, которое относилось к классу Ж-2. Это точно совпадало с данными ОГП, тем более что ближайшие звезды на двух экранах показывали его идентичность.

По этому случаю Киленио деловито сказал:

— Без точных данных я никогда не смог бы найти это солнце, капитан. Хотя мы и находимся недалеко от края Млечного Пути, но нам все же кажется, что нас занесло в другую Галактику. Извините за это сравнение,— речь идет, конечно, о маленькой Галактике, если мерить по астрономическим масштабам. Для нас, однако, она огромна, неизвестна и чужда людям. Сила света, испускаемая звездами, находящимися очень близко друг от друга, такова, что заставляет поблекнуть сияние Млечного Пути. Обычные созвездия невидимы, и мы словно заперты в пространстве. Мы в Галактике без человечества, капитан. Должен заметить, что я с огромным нетерпением буду ожидать старта отсюда.

Фискус медленно поднял голову, и в глазах его было выражение задумчивости. Он с особой остротой ощущал, что никто в централи не чувствовал себя таким покинутым, как он.

Талантливейший навигатор «Алголя» был обеспокоен и чем-то очень сильно удручен.

Фискус произвольно произнес:

— Что вы имеете в виду, мистер Киленио? О, я прошу прощения.

Когда Киленио посмотрел в его сторону, Фискус быстро отвернулся.

— Вы для меня загадка, Боулдер,— с нажимом произнес Киленио, так что даже Кестер обратил на это внимание.

— А? — спросил он.— Почему?

— Ничего серьезного, сэр, это просто замечание,— объяснил навигатор. Его улыбка предназначалась Фискусу.— Зайдите потом в мою каюту, мистер Боулдер,— сказал он.

Капитан больше не обращал на них никакого внимания.

— Так точно, сэр, как вам будет угодно, сэр,— запинаясь, проговорил Боулдер.

Вспыхнул экран интеркома. Док Бильзер выдал обычное сообщение после прыжка.

— На пассажирской палубе все в порядке,— прозвучал его голос.— Миссис Хьюбер уже встретилась с находящимися здесь дамами. Тема дискуссии: «Как мы поведем себя после приземления на Толимане». Конец.

— Гмм,— хмыкнул в ответ Кестер. Его красноватое лицо приобрело синеватый оттенок.— Скажите миссис Хьюбер, что сплетни и женская истерика здесь нежелательны. По крайней мере, на борту моего корабля.

Доктор Бильзер весело рассмеялся, потом ответил:
— С вашего разрешения, капитан, вы лучше сделайте это сами. Эта женщина более чем воинственна! А мне все же хочется вернуться на Землю целым и невредимым.

Потом врач отключился.

Кестер в цветистых выражениях отозвался о существах женского пола, дьяволах в человеческом облике.

Пока Килению манипулировал с позитронным мозгом и направлял «Алголь» в свободном полете при скорости равной половине световой на уже хорошо видимое желтое солнце, на экране появился Лефло.

Фискус, услышав голос Главного Инженера, побледнел.

— Сэр, в силовой централи мне нужен инженер, а не навигатор с его великолепными знаниями. Как с Боулдером? Он в порядке?

Изучающий взгляд Исмонда Кестера скользнул по централи. Фискус уже стоял навывтяжку возле своего кресла.

— Так что, сэр, все в полном порядке,— сообщил он.

— Ну, ну,— предупреждающе заворчал Килению.— Не переоценивайте себя. Ведь вы все еще дрожите.

— В порядке,— передал капитан.— Я посылаю Боулдера к вам на корму. Внимательно следите за ним.

Лефло усмехнулся явно злорадно. Фискус судорожно взглянул на огромный обзорный экран.

Он доложил о своем уходе и мгновение спустя был уже в лифте, который понес его в царство гудящих механизмов.

— Вы должны представиться шефу,— сказал ему Мак-Ильстер.— Мне кажется, он немного нервничает.

— Ладно, большое спасибо,— ответил Фискус.— Здесь все в порядке?

— Похоже на то, лейтенант. Батчер очень неплохо управлялся здесь, однако, все мы почувствовали легкое неудобство в желудке, когда он перед маневром прыжка дал запальный импульс. А теперь, несмотря ни на что, мы рады, что вы опять здесь.

Кольман, техник и специалист по двигателям, сидевший за пультом управления, серьезно посмотрел на него, и Фискус почувствовал себя обязанным сказать пару благодарных слов своим двум подчиненным.

Мак-Ильстер казался подавленным, но, в конце концов, произнес:

— Хорошо, лейтенант, однако, теперь лучше идите. Мы не хотим, чтобы из-за нас у вас были неприятности. Как все это выглядит там, наверху? Я имею в виду, из централи управления.

— О, великолепно, мистер Мак-Ильстер! А теперь, пожалуйста, обратите свое внимание на аппаратуру.

Когда Фискус ушел, Кольман произнес:

— Он никогда не будет старшим офицером, или ты придерживаешься другого мнения?

— Подождем, увидим,— ответил младший офицер, и между его бровями пролегла глубокая складка.

Боб Леффо лично произвел коррекцию курса корабля. С мостика в любой момент мог поступить приказ, в котором будет уточнено местоположение планеты.

Главный Инженер принял Фискуса с гримасой разъяренного быка.

— Как великолепно вы выглядите,— с насмешкой сказал он.

— Да... так точно, сэр... я уже чувствую себя хорошо. Я установил, что...

— Что? — нетерпеливо прервал его Леффо. Он, казалось, окончательно вышел из себя, как только узнал, что его Третий Инженер вновь что-то выискал.— Что вы обнаружили?

— Чисто биологический эффект, сэр,— выдохнул Фискус.— Энергетические излучения в гиперпространстве, по-видимому, оживляюще действуют на спящие клетки тканей. Перед прыжком я чувствовал себя все еще не совсем здоровым, но это быстро прошло, когда мы оказались в пятом измерении. Я прошу вас, сэр, это надо отметить.

— Вы сами должны сделать это,— произнес Главный Инженер. В его голосе все еще был сарказм.— Однако не воображайте себе невесть что. И здесь вы тоже должны, ясно? Уберите свои руки от механизмов и укротите свой разгоряченный мозг. Я все же хочу совершить посадку на Толиман здоровым и таким же здоровым снова уйти в космос. Я только это и хотел сказать вам. Это все.

Он повернулся и исчез в огороженной пластиковыми стенками кабине управления силовыми установками.

Фискус подавленно отступил в соседнее помещение, стенки которого слегка дрожали. Заработал сверхмощный ядерный реактор. Накопители энергии тихо загудели.

— Приказ с мостика, лейтенант,— сказал Мак-Ильстер, поднявшись с кресла перед пультом управления.

— Вероятно, маневр коррекции. Но мы ведь все еще находимся в свободном полете к звезде. Кстати, как далеко она находится?

— Приблизительно в двадцати миллиардах миль. У нас еще достаточно времени для торможения.

Минутой позже поступили точные данные. Оказалось, что расстояние до звезды составляет 19,8 миллиарда миль.

Корабль в свободном полете пронизывал рассеянное скопление 885 Персея, которое Фрейцер Киленио назвал микрогалактикой.

Часом позже Фискуса сменил Пайперс. Лифт поднял юношу наверх, на офицерскую палубу, где он, заколебавшись, застыл перед легкой сдвижной дверью. Его глаза зачарованно смотрели на табличку с надписью «Киленио». Однако тут его размышления прервались.

Навигатор что-то говорил об обучении, но Фискус пришел к выводу, что это не может иметь к нему никакого отношения. В конце концов, он нажал на кнопку звонка. Дверь отворилась так быстро, что он едва успел стать по стойке смирно.

— Пожалуйста, входите, Боулдер, — сказал невысокий мужчина. Он сидел за большим письменным столом, делившим небольшую каюту на две части.

Пока юноша неуверенно входил в дверь, гудение компьютера, с которым работал навигатор, смолкло.

Диаграмма на экране компьютера показывала, что навигатор закончил расчеты прыжка и ввел результаты в электронную память прибора.

Робот возле столика подал кофеподобный напиток, однако, инженер отодвинул его от себя.

— Вы можете спокойно выпить это, Боулдер, стимулина в нем почти нет.

Фискус неловко взял пластмассовый стакан. Внезапно губы его болезненно вздрогнули. Чувствительные кончики пальцев ощутили горячую поверхность пластмассы. Он начал вертеть стаканчик в руках.

— Почему вы его не поставите? — спросил Киленио.

Благодарно вздохнув, Фискус поставил стакан на стол и мгновенно опустил вниз свою правую руку. Пальцы болели, и он все время растирал их другой рукой.

Когда этот невзрачный человек с доверчивыми глазами заговорил, Фискус стал внимательно слушать. Краска с его щек исчезла, тем более что Киленио теперь пристально смотрел на свой компьютер. Он, казалось, знал, что на этого стеснительного инженера лучше не смотреть, чтобы не пробуждать его комплексы.

— Боулдер, вы, конечно, знаете, что я не хочу учить вас. Я и не могу сделать этого, потому что, насколько мне известно, вас уже учили. Но известно ли вам то, что вы способный астронавигатор?

Фискус молчал. Его чувства были в смятении. Киленио был первым человеком, сказавшим ему такие слова.

— Нет, сэр, — ответил он заплетающимся языком.

— Однако это так. Но еще лучше вы в качестве инженера. Я понял это во время случая с расчетами работы конвертера. Поэтому мне хочется доверить вам то, что у любого другого члена экипажа вызовет лишь недоверчивую, а возможно, и сочувственную улыбку.

Последние слова он произнес с видимым усилием. Фискус чувствовал себя пристыженным.

— Но, сэр, — прошептал он. — Я... я не понимаю.

— Однако я все же верю вам. Я хорошо понял ваши слова, когда вы задали мне вопрос там, в централи. Это было тогда, когда я упомянул о Галактике внутри Млечного Пути. Хотя вы и спросили меня так мало, глаза ваши спрашивали так много. Никто, кроме вас, даже приблизительно не мог понять смысл моих рассуждений.

Боулдер, выпрямившись, сидел в своем кресле. Он, казалось, утратил все свои комплексы. Это уже больше не был вечно смущенный юноша с мечтательными глазами. Теперь Фискус смотрел на Киленио смело, понимая, что этот талантливый навигатор борется с самим собой.

— Боулдер, я отношусь к тем людям, у которых есть какая-то ненормальность развития. У меня, я думаю, психическая. Поэтому я и нахожусь на этой куче металлолома, называемой «Алголем», хотя до этого я в качестве навигатора служил на большом пассажирском корабле ОГП. Я считался там черным провидцем, вы меня понимаете? Есть такие люди, и они почти всегда нежеланны. На корабле дальнего следования с тысячей избалованных пассажиров на борту — тем более. Поэтому меня и списали. Боялись моих предчувствий, которые всегда сбывались. Однако мне никогда не удавалось ясно и четко сформулировать эти предчувствия. Это непосредственный отпечаток моего подсознательного «я», которое можно описать только очень приблизительно. Когда еще мы совершали первый прыжок, у меня уже тогда были нехорошие предчувствия. Вы воспользовались спецпереключателем, и все снова стало нормальным. Но я сам не знал, что ваши расчеты константы искривляющего поля конвертера были правильными, и считал, что произойдет неминуемая катастрофа. Из моего примера вы можете видеть, что человек всегда испытывает психическую раздвоенность, тем более что он должен это скрывать, разговаривая со своими реалистически мыслящими колле-

гами. Иначе он будет выглядеть дураком. Примите во внимание ваши собственные затруднения. Вы дурак, Боулдер?

Фискус взглянул на него, в ничего не выражающие глаза человека, который, казалось, всегда нервничал.

— Сэр, вы не должны так волноваться.

— Вы считаете себя дураком, Боулдер?

Когда Фискус отрицательно покачал головой, Килению улыбнулся.

— Другие думают так же. Однако они относятся к моим и вашим психическим возможностям совершенно по-иному. Если вы хотите, можете относиться ко мне таким же образом. Я не против. Какая разница? Вам нужна запальная искра, чтобы проявились ваши естественные способности. Вы получаете такую искру, попадая в чрезвычайные обстоятельства, которые связаны с опасностью или затрагивают ваше чувство долга. Если такого запального импульса нет, вы опять впадаете в сумеречное состояние вашего комплекса вины, который заставляет всех окружающих считать вас дураком. Вы хорошо понимаете меня?

Фискус рассмеялся. Он смеялся с хорошо обоснованным юмором человека, который давно уже проанализировал все свои слабости.

— Приступим к делу, Боулдер. Я не хочу долго задерживать вас. Экипаж «Алголя» состоит из жадных до денег глупцов, выдающихся специалистов и капитана, который давно уже должен был уйти на покой по старости. Кестер не совсем нормален, даже если и хорошо знает свое дело. Однако на борту «Алголя» есть два великолепно обученных астронавигатора, которые могут довести «Алголь» в любую часть Галактики. Я считаю также, что и Кестер способен на это. Но при последних расчетах он допустил ошибку, которую я скорректировал, не сообщив ему об этом. Он даже не подозревает об этом. Вы понимаете, что я хочу этим сказать?

— Я возражаю против этого, — тихо сказал Фискус.

— Итак, теперь вы это знаете. Если со мной или с Батчером что-либо произойдет, «Алголю» конец. Судите об этом сами, но имейте в виду, что на Толимане также могут быть потери и катастрофические ситуации. Если вам покажется, что вы должны что-то сделать для спасения корабля и его экипажа, поступайте, как подсказывает вам разум. Хотя вас вновь сочтут за сумасшедшего, однако в случае успеха победителей не судят. Это все, что я вам хотел сказать.

— Но это все так туманно, сэр.

Киленио невесело усмехнулся.

— Это только так кажется. Согласитесь, у меня есть определенные предчувствия, которые я сам не могу идентифицировать. Эта луна кажется мне такой жуткой, хотя для этого и нет никаких оснований. Мне кажется, что там нам придет конец, вы понимаете это? Одно это предчувствие, судя по моему опыту, подсказывает мне, что будет лучше, если я посвящу в это кого-нибудь из экипажа. Вы единственный пригодный для этого член команды, потому что вы тоже сумасшедший.

Киленио усмехнулся с тонкой иронией. Фискус все понял. Он задумчиво выпил свой напиток.

Навигатор с удовлетворением заметил, что юноша полностью расслабился и опустился на табурет.

— Как вы думаете, сэр, что это? Опасность при посадке?

Киленио пожал плечами.

— Я не знаю этого. Скопление пусто, чуждо и неисследовано. Чем ближе мы подлетаем к цели, тем сильнее у меня ощущение опасности. Какова эта опасность или что она из себя представляет, я не знаю, для меня это полная загадка. Однако я не пессимист, это не так. Ближайший опорный пункт человечества находится на Дзете-3. Радиоволнам необходимо целых четыре тысячи лет, чтобы достичь планеты. Самое быстрое средство связи, чтобы передать сообщение, — это быстроходный корабль. Если на Толимане что-то случилось, или с нами там что-нибудь произойдет, мы будем полностью отрезаны от всего человечества. Поэтому я и говорю о чужой Галактике, хотя мы все еще находимся в Млечном Пути. Итак, будьте внимательны, Боулдер. К вам уже привыкли, и потому вы можете позволить себе такие вещи, как например, сейчас же взять в оборот нашего корабельного психолога. Вы меня понимаете, не так ли?

Фискус медленно поднялся. Когда он протянул руку Первому Навигатору, он уже вновь был полностью уверен в себе и уравновешен. Стоя снаружи, в кольцевом коридоре, он увидел внезапно появившегося кока и тут его снова захлестнули комплексы. И виновата в этом была только вызывающая усмешка этого человека.

— Эй, лейтенант, я вас ишу, — начал он. — Было плохо?

Он указал большим пальцем руки на закрытую дверь. Этот жест показывал, что он считал само собой разумеющимся, что Фискус получил выговор.

— Ну да, — смущенно улыбнулся Третий. — Это так. Извините, но почему вы меня ищете?

— Наши пассажиры приглашают вас отобедать с ними. Миссис Хьюбер считает вас «восхитительным молодым человеком с манерами образцового джентльмена».

Кисслинг прямо скорчился от смеха. Фискус беспомощно стоял перед коком, который, в конце концов, взял его под руку.

— Старик разрешил, и даже отдал распоряжение лейтенант. Вы должны настроить миссис Хьюбер на дружеский лад и спасти честь вольных торговцев. Старик хочет показать, что на «Алголе» тоже есть офицеры с прекрасными манерами, вы понимаете это? Ведите себя так словно находитесь в ресторане люкс. Образцовая выправка, употребляйте вежливые слова и умело обращайтесь с столовыми приборами. Да, таким вот образом, лейтенант

— Нет, нет! — в ужасе застонал Фискус, однако, почувствовал, как его целенаправленно задвигают в центральный лифт, который быстро вознес его на пятую палубу

Кисслинг провел его через бронированный люк маленький грузовой трюм, который Ипстал приспособил под обеденный зал.

Фискус вдруг почувствовал себя очень благодушным и непринужденно занял место между двумя очень полным дамами. Миссис Хьюбер приветствовала его:

— Ну, наконец-то! Мы слышали, что командующий Флотом лично назначил вас офицером сопровождения. И мы впервые за все время пребывания здесь встретили по-настоящему образованного человека.

Она бросила вглубь помещения уничтожающий взгляд жертвой которого стал Джосс Ипстал, который на другом конце стола самозабвенно трудился над синтетическим бифштексом.

Мучимый ужасными предчувствиями, он с усердием заклинателя змей уставился на Фискуса, который, тут же покраснев, неподвижно застыл между двумя дамами.

— О, большое спасибо, мадам, — ответил он. — Не буду ли я слишком настойчив, если попрошу вас объяснить мне все... Я...

Ипстал громко и сильно откашлялся.

— Что-нибудь не так, мистер Боулдер? — прозвучал звучный голос миссис Хьюбер.

Шестнадцать поселенцев мужчин, как и прежде, молчали. Это были довольно пожилые люди, которые, казалось, смирились со своей судьбой. С одной стороны,

у них были ложь и козни ОГП, а с другой — миссис Хьюбер, которая, несомненно, претендовала на ведущую роль.

— О, мадам, я должен быть рад, что меня взяли на «Алголь», — объяснял Фискус с обезоруживающей честностью.

— Как, вы даже не являетесь офицером связи Флота? Вы не поддерживаете связь с тремя боевыми кораблями, которые стартовали для нашей защиты?

Прежде чем Фискус успел что-либо понять, Джосс Ипстал был конченным человеком. Позади него появилась рослая худая женщина, которая крепко взяла его за плечи.

— Держи его, Элспет! — повелительно приказала миссис Хьюбер. — Я уже тоже подумала об этом. Итак, здесь тоже обманывают честных людей. Что вы говорили, Ипстал, что?

Фискус отчаянно огляделся вокруг, однако глаза его не обнаружили офицера-суперкарго. В хаосе громких голосов его призывы к справедливости были совершенно безнадежны. Прошло больше минуты, прежде чем Ипсталу удалось освободиться.

— Спасибо, мистер Боулдер, — сказал он любезно, — большое спасибо.

Миссис Хьюбер вернулась обратно в свое кресло. Фискус терпеливо перенес поток слов, низвергавшихся на него. Затем точным движением откусил кусок синтепи-рога. Это привлекло к его персоне пристальное внимание.

Ипстал, как побитый, сидел за столом. Казалось, даже мысль об еде была ему ненавистна. Собственно, в этом не было ничего удивительного.

Наконец беседа вошла в обычную колею. Стали обсуждаться проблемы поселенцев. При этом миссис Хьюбер жаловалась на хроническую нехватку времени, которая была так ощутима при ее тяжелой работе. Жаловалась она также и на нехватку воздуха для дыхания.

Ипстал все еще оставался погруженным в свои мысли, когда Фискус произнес с перехлестывающей через край любезностью:

— О, мадам, я знаю одно чудесное средство. Видите ли, быстрые движения для вас затруднительны из-за чрезмерного веса вашего тела, поэтому я вам...

Фискус замолк, услышав крик ужаса.

— Вы хотите сказать, что считаете меня жирной! — вскричала миссис Хьюбер. Губы ее мелко дрожали.

— Но, мадам, я только хотел вам помочь. Конечно, вы...

Ипстал моментально среагировал, чтобы вывести Третьего Инженера из обеденного зала живым и здоровым.

Один из широко улыбающихся поселенцев произнес:

— Верно, юноша, это пойдет на пользу нашей мини-диктаторше. Скорее возвращайтесь сюда.

В то время как обеденный зал был заполнен истерическими причитаниями миссис Хьюбер, Ипстал, тяжело дыша, глядел на жалко потупившегося Фискуса, который непонимающим взглядом смотрел на запертую дверь шлюза.

— Что это с ней такое, мистер Ипстал? — простонал он. — Я же не лгу, не так ли? Или вы думаете...

— Перестаньте, — устало произнес офицер-суперкарго. — Вы очень любезный юноша. Как удачно вы поддели эту кастрюлю с жиром. Как хорошо вы меня там подставили! Вы дурак! Дружище, знаете ли вы, кто вы есть?

Фискус действительно осведомился об этом. Этот вопрос переполнил чашу терпения Ипстала. Покраснев, Фискус слушал довольно нескромные замечания. Потом Ипстал замолчал, в то время как давно уже поднятый по тревоге экипаж умирал от душившего людей гомерического смеха.

Капитан Кестер поклялся всеми святыми никогда больше не поручать этому странному человеку никаких заданий подобного рода.

Наконец, Лефло вызвал Фискуса в свою каюту.

— В три часа начинается ваша вахта, — прохрипел он. — Если вы не заступите на нее секунда в секунду, ваша жизнь превратится в ад.

Фискус бросился прочь. Он спросил себя, почему это люди так не любят правду. Он был сильно удручен и решил послать миссис Хьюбер письмо с извинениями.

Он работал над сорок третьим вариантом письма, когда наступило время его вахты. Он уныло вошел в машинное отделение, где тотчас же доложил о своем прибытии вахтенному офицеру.

Пайперс со смешанным чувством направил его на обычный контроль реактора, который Фискус проделал с величайшей тщательностью. «Алголь» на половине скорости света летел сквозь плотную массу звездного скопления 885 Персея. Желтая звезда, обозначенная на звездных картах как «Сорам», становилась все больше.

У звезды была только одна планета с массой, в двадцать пять раз превышающей массу Юпитера. В ней, казалось, сосредоточилось все, что выбросила в пространство эта звезда в ранней стадии своего формирования.

У Сорамы-1, одной из самых больших известных планет, были две луны; одна из них, под номером два, носящая название «Толиман», обладала пригодной для дыхания кислородной атмосферой и вполне приемлемыми климатическими условиями.

На экранах бортовой автоматики он пока еще не был виден, однако, его орбита была настолько хорошо известна, что не могло быть практически даже малейшей ошибки.

Глава 9

Погасли последние колонны огня, вырывающиеся из носовых дюз. Фискус произвел переключение, гремящий рев реактора смолк, и нейтрализаторы ускорения прекратили свою работу.

После окончательного торможения, погасившего скорость «Алголя», корабль в свободном полете мчался по расчетному курсу между орбитами второго и третьего спутников громадной планеты.

Навигаторы сравнили полученные результаты с данными исследовательского корабля ОГП. Леффо подготовился к посадочному маневру и мог в любое время произвести его.

Фискус проверил управление обоими реакторами, затем сообщил об их готовности. Мгновением позже поступило указание Главного Инженера:

— Боулдер, немедленно поднимитесь в централь связи. Помехи на втором видеоэкране. В случае необходимости замените его. Вы займетесь этим?

— Конечно, сэр, — заверил его Фискус. — А как насчет моей вахты?

— Передайте ее Мак-Ильстеру. Однако, если вы там, наверху, свалите какую-нибудь глупость, ваша могила будет на Толимане. Я должен оставаться здесь. Пайперс тоже. Идите же!

Его лицо исчезло с экрана. К Фискусу немедленно подошел младший офицер Мак-Ильстер.

— Все в порядке, лейтенант, я вас сменю. Но во время посадки постарайтесь вернуться сюда.

Боулдер миновал аварийный шлюз реакторного отсека и вошел в узкий лифт, который быстро доставил его в централь связи, находящуюся в обновленном носу корабля. Правда, ему пришлось миновать централь управления, где на него не преминул накинуться Кестер,

спрашивая, в честь чего это он без дела шатается по кораблю.

Запинаясь, Фискус повторил полученные им указания. И получил дополнительный приказ после выполнения задания подойти к капитану. Когда он проходил мимо Киленио, навигатор прошептал ему:

— Боулдер, данные об обратном пути находятся в блоке памяти моего вычислителя. Это на всякий случай.

— Что-то случилось, сэр? — тихо спросил Фискус.

— Пока ничего особенного, — последовал деловитый ответ. — Но кое-чего не хватает, хотя это и должно было иметься в наличии. Мне кажется, что у планеты только десять спутников, хотя по картографической съемке их было одиннадцать. Номера первого нигде не видно.

Фискус посмотрел на экран, где во всем своем величии сиял Сорам-1. Они летели по орбите на расстоянии около полутора миллионов километров от него, однако, несмотря на это, гигантская планета заполняла почти весь передний экран. Она была видна во всем своем великолепии, так как желтое солнце находилось сейчас позади «Алголя».

— Как так не видно? — удивился Фискус. — Я не понимаю, сэр. Как может исчезнуть один из спутников планеты? Он, наверное, находится по ту сторону этого гиганта.

— Нет, мы уже проверили. Все другие спутники видны. Мы внутри орбиты Толимана. С нашей огромной скоростью мы должны догнать этот спутник через два часа. Но мы не можем столкнуться с ним, гравитация этого гиганта достойна всяческого уважения.

Вскоре после этого пришло сообщение от Батчера. В электронный телескоп он заметил обломки камней, которые вращались по той же орбите, где еще недавно был первый спутник.

Больше Фискус не услышал ничего, так как он засек угрожающий взгляд возбужденного капитана и исчез в находящейся рядом централи связи.

Орцельт, радист, сидел за пультом управления своего интеркома, на экране которого было усеянное звездами пространство. Управляемые киберсистемой радары метеоритного обнаружения бросали дрожащий отсвет на другие плоские поверхности. Приемник радиации был поставлен на автоматическое включение.

Орцельт скинул наушники с ушей. Взгляд его был устремлен вдаль. Это был еще молодой человек с веснучатым лицом и ярко-рыжими волосами.

— Ну так что? — спросил он, потеряв самообладание. — Вам удастся отремонтировать экран?

Фискус неуверенно улыбнулся и засунул поглубже руки в карманы своего комбинезона.

— Да, да, именно этот, — застонал радист, не дожидаясь ответа. — Лейтенант, он, вероятно, вышел из строя. Вы должны немедленно заменить его. Скорее всего, на него подействовала предпоследняя посадка на Луну, которая была довольно грубой. Ах, да, я и позабыл, вас ведь тогда еще не было на борту! Ну так что?

— Орцельт, на экране радара что-нибудь видно? Где находится Толиман? По расчетам он уже должен быть виден, — неожиданно прозвучал голос Кестера.

— Пока еще нет, сэр. Я... нет, вот тут только что что-то появилось. Секунду, капитан.

Пальцы Орцельта забегали по клавишам. Слабое световое пятнышко на экране локатора превратилось в огромное тело, которое внезапно появилось из-за красного диска планеты.

Орцельт незамедлительно передал результаты пеленгации в централь управления, и их тут же ввели в позитронный мозг. Секундой позже на экране снова появилось лицо капитана. Он был явно растерян.

— Что вы тут поймали? Это же не Толиман. На каком расстоянии от планеты находится это тело? Это, должно быть, внутренняя луна.

Но спустя секунду Фискусу уже было не до улыбки. Он тихо подошел сзади к радисту и прочел данные, бегущие по экрану прибора.

Минутой позже он понял, что это огромное небесное тело и было нужной им луной.

— Однако она находится не на той орбите, которая ей предписана, — пожаловался радист у экрана радара.

Он и не заметил, как Боулдер с необычной быстротой приступил к работе. Негодный экран тут же был заменен новым. Пока в централь еще шло торопливое обсуждение, электронная аппаратура обнаружения снова заработала.

Фискус подсоединил импульсную антенну к уже подготовленному радару. Мгновением позже он принял отраженные от луны импульсы, которые на экране превратились в цветное объемное изображение. Одновременно он включил дубль-интерком и поймал на себе расстроенный взгляд радиста.

— Ну, все снова о'кей? Но все это может вновь нарушиться. Не хотите ли вы остаться здесь, лейтенант?

— Да. Если Леффо спросит, передайте, что я не все еще закончил.

— Лейтенант, но я же не могу сделать этого. Шеф сожрет меня с потрохами. А если вы нужны там, внизу?

— Делайте что я вам сказал.

Орцельт удивился. За вежливой улыбкой офицера-инженера скрывалось нечто, что он не мог точно определить. Во всяком случае, странное поведение Фискуса заставило его призадуматься.

Примерно часом позже Толиман заполнил весь экран обзора. Одновременно заработала наружная телекамера. Из предварительных расчетов навигаторов выходило, что луна находится почти на сто тысяч километров ближе к гигантской планете, чем она должна бы быть.

С орбитальной скоростью примерно восемь километров в секунду «Алголь» промчался мимо убегающей луны, и за это время можно было наблюдать все ее фазы. Это было небесное тело размером с Землю. И оно было определенного цвета. Ошибка была исключена.

Боулдер все еще сидел за электронным локатором. Его пальцы работали со скоростью совершенного автомата. На круглом экране появился сильно увеличенный фрагмент континента этой планеты.

Он услышал громкие голоса, прозвучавшие в централи. Через полупрозрачную переборку он случайно увидел Кестера, который торопливо промчался через огромное помещение, что-то выкрикивая тоном приказа.

В конце концов, Киленио был именно тем человеком, который дал математически обоснованное объяснение этому странному феномену. Согласно этому объяснению внутренний спутник планеты хотя и не исчез совсем, но был раздроблен по неизвестным причинам. Гравитационно-механическое равновесие между отдельными спутниками было сильно нарушено, и Киленио предположил, что, по крайней мере, девяносто процентов обломков разрушенного спутника было притянута гигантской планетой и кануло в ее метановой атмосфере.

Очевидно, Толиман во время этой катастрофы находился на противоположной стороне, и внезапное исчезновение внутренней луны повлекло за собой изменение его орбиты. Во всяком случае, он во время этой борьбы за равновесие в системе был придвинут ближе к планете, что и объясняло его увеличившуюся орбитальную скорость.

Когда были получены эти данные, Кестер отдал давно ожидаемый приказ. Сорианский двигатель «Алголя» загре-

мел, запущенный на полную мощность. Заработала силовая установка, вновь возникло противоускоряющее поле.

Пока продолжался этот привычный маневр, Фискус оставался сидеть перед экраном локатора в централи связи.

«Алголь» вышел на новую орбиту Толимана. Мгновение спустя корабль начал вращаться. Во всей Галактике не было ни одного корабля класса Вильсон, располагающего достаточно мощными вспомогательными двигателями для торможения. Поэтому «Алголь» тормозил главным двигателем, повернувшись вокруг оси в противоположном направлении. Весь экран заполнила поверхность луны. Потребовалось еще полчаса, пока, наконец, кораблю не удалось противостоять гравитации планеты и подойти к луне.

Киленио вывел «Алголь» на круговую орбиту на расстоянии три тысячи километров от поверхности луны, и двигатель тут же смолк.

«Алголь» в свободном полете мчался по меридиональной орбите. Начался сбор информации. Это означало, что нужно было сфотографировать всю сушу планеты, форма которой значительно отличалась от земной. Когда эти сложнейшие исследования были закончены, Кестер лично явился в централь связи.

— Ах, так! Лефло уже трижды справлялся о вас, — рассерженно вскричал капитан. — Так что же это такое, мистер Боулдер?

Опять смутившись, Фискус ответил:

— Капитан, прошу прощения, однако, я принимаю импульсы локатора мощной станции.

— Ну и что? В конце концов на Толимане триста поселенцев, и ничего удивительного в том, что у них может быть космический локатор.

— Да, конечно, сэр. Но такой мощный? Даже электронное изображение на экране нарушается. Поэтому я утверждаю, что локатор находится в открытом пространстве, а не на поверхности луны.

— В пространстве? Вы сошли с ума? Мы — единственный корабль в пространстве радиусом, по крайней мере, четыре тысячи световых лет! У поселенцев нет ни единого бота, способного подняться в космос. Идите лучше на свое место, мистер Боулдер. А вы, Орцельт, вызывайте поселение. На обычной волне. Видеоразговор.

Когда Фискус почувствовал, что на него больше не обращают внимания, он медленно поднялся. В дверях он заметил Киленио, который жестом показал, что он не должен покидать централь связи.

Пока Орцельт переключался на передачу и посылал вызов на полной мощности, загудел один из вспомогательных приборов возле экрана.

Фискус рискнул пересечь помещение за спиной тщательно наблюдающего за действиями радиста капитана и прижал к уху трубку интеркома.

Он услышал звуки многочисленных помех, перекрывающих передачу. Это, должно быть, был слабенький передатчик, импульсы которого с трудом пробивались сквозь ионизированные слои атмосферы.

— Говорит космический корабль «Алголь», — медленно сказал он. — Кто вызывает нас? Пожалуйста, ответьте.

— ...не...айте посадку...гроза от агмстанции...сади...могите... эскадра...лота. — Помехи стали так сильны, что слабый голос полностью утонул в них. Когда Фискус стал вызывать более настойчиво, в ответ он услышал только рев и вой помех. А из динамика связи на полную мощность донесся другой голос, и одновременно вспыхнул экран. В этом громовом голосе окончательно утонул слабый писк, все еще доносящийся из вспомогательной рации.

Пальцы Боулдера с зажатым в них карандашом порхали по бумаге. Он тщательно записывал переданные слова. Потом листки исчезли в его кармане.

— Мы вызываем космический корабль «Алголь», — доносилось из аппарата — Говорит станция поселенцев Толиман-Порт. Вы нас слышите?

На экране появилась фигура старика. Кестер с удовлетворением взял микрофон и передал пространное сообщение. Одновременно с этим он запросил разрешение на посадку и пеленг.

Все это он получил незамедлительно. Старик произнес еще несколько слов приветствия, когда Фискус вошел в поле зрения передающей камеры.

— Добрый день, сэр, — приветствовал он со всей своей невинностью. — Мы рады, что наш дальний прыжок завершился так благополучно. Боевой крейсер еще не прибыл? «Супалис» должен был стартовать с Дзеты-3 сразу же после нас.

Кестер, онемев, смотрел на Фискуса. Старик на экране заметно вздрогнул.

— «Супалис»? Когда он стартовал? Что надо здесь Флоту? На Толимане все в порядке.

— Само собой разумеется, — вскричал Кестер взбешенно и вырвал микрофон из рук Третьего Инженера. — Вы должны... ага, до некоторой степени сообразить, что

юноша что-то напутал. Он воображает себе вещи, которых на самом деле не существует. «Супалис», который в самом деле совершил посадку на Дзете-3, ни в коем случае не стартовал вслед нам.

— Ах, так? Что, симптомы космического сумасшествия? — рассмеялся поселенец с Толимана.

Фискус пробормотал несколько слов извинения, потом исчез из поля зрения объектива.

Странно улыбаясь, он ожидал, пока закончится разговор. Он терпеливо переносил слова, заставившие наморщить лоб внезапно появившегося офицера-суперкарго.

— Сэр, я принял сообщение еще одной станции, — сказал Фискус, когда капитан наконец закончил передачу. — На Толимане что-то не в порядке. Кто-то передал нам предупреждение. Хотя передача и прервалась, но по моим расчетам...

— По вашим, что? — вскричал Кестер. — Не рассказывайте мне сказок и отправляйтесь на свой пост. Я достаточно наслышан о ваших так называемых оценках и расчетах. Ни слова больше, Боулдер, вы поняли? Вы, наверное, сошли с ума!

— Сэр, я прошу вас. Посмотрите на записи. Кто-то просит о помощи и требует вызвать соединение Флота. Я понял это так.

— Мистер Ипстал, — приказал капитан, — немедленно отведите юношу к врачу! Вы отвечаете за него. Исчезните, Боулдер, или могут произойти крупные неприятности. Или вы считаете, что мы не получим тут никакой руды?

Фискус, бледный как покойник, стоял перед бушующим капитаном. Он больше не издал ни звука, когда офицер-суперкарго мягко взял его за руку и прошептал:

— Не делайте глупостей. Идемте. Вы напрасно спорите с капитаном. Если бы вы не были Боулдером, вам, может быть, и поверили бы. — Он провел его через централь к главному лифту.

Фрейцер Киленио молча смотрел им вслед. Его лицо скривилось в усмешке, когда он заметил мрачный взгляд инженера.

— Спокойствие, мой друг, спокойствие, — с нажимом проговорил он. — В конце концов, все решает капитан.

Фискус обдумывал его слова до тех пор, пока лифт не остановился на пятой палубе.

— Выходите, — грубо сказал Ипстал. — Сейчас начнется посадочный маневр. Проглотите противоперегрузочную таблетку и отпрапоруйте Главному Инженеру.

— Спасибо, мистер Ипстал,— рассеянно сказал Фискус.— Вы тоже считаете меня сумасшедшим?

Черноволосый мужчина опустил глаза и попытался найти ответ. Он не хотел причинять Фискусу боль.

— Нет, не то. Однако вы, кажется, немного ослабели. После того приключения с дьявольским парастимулином это и не удивительно. Возможно, у вас начались галлюцинации. Несколько минут назад они у вас определенно были. Старик знает об этом: док Бильзер предупредил нас.

— О!

— Идемте же, Боулдер, мы все не в порядке. Идемте к врачу, и он даст вам чего-нибудь. Это был обман чувств. В действительности же, вы не приняли ничего. Никаких сигналов и никакого предупреждения. Это сумасшествие.

— И эти записи тоже?

Он вынул из кармана листки и поднес их к глазам Ипстала.

— Дружище, вот несчастье! С этого и надо было начинать,— выдохнул офицер-суперкарго.— Вы все четко описали. Если вы действительно что-то слышали и полностью уверены в этом, надо же было что-то предпринять. А теперь уже поздно. Уничтожьте эти записи, иначе у Старика может случиться припадок. Вы ничего не слышали, ясно?

Фискус подавленно сунул листки в карман. Потом с поникшими плечами он повернулся и побрел по госпитальному отсеку.

Перед дверью он еще раз остановился. Ипстал вздрогнул, встретив его взгляд, полный боли. Когда Фискус заговорил, голос его был словно дуновение ветерка:

— Мистер Ипстал, могу я вам еще кое-что сказать?

— Конечно, юноша,— ответил тот.— Что именно?

— Вы же слышали, как я солгал человеку с планетной станции связи. Мне очень жаль, но я сделал это в наших интересах. Если это необходимо, то можно и солгать, не так ли?

— Ясно, дружище! Я сам лгу при необходимости. Может быть, вы имеете в виду упоминание о боевом корабле?

— Да, мистер Ипстал. Мужчина был, по меньшей мере, шокирован, когда я упомянул о гигантском «Супалисе». Он, как ни странно, слышал о нем.

— Конечно, на меня это тоже произвело впечатление. Однако и у этих поселенцев, возможно, есть что-нибудь противозаконное: запрещенная охота, обман туземцев

и еще какие-нибудь делишки. Они не слишком рады были бы визиту Флота. Кроме того, любой побледнеет, когда услышит упоминание о таком корабле. Но из этого вы не должны делать никаких выводов. Старик немедленно даст объяснения по самой лучшей форме.

— Так, так, однако, вы ничего не ответили, мистер Ипстал, — насмешливо произнес Фискус, и суперкарго был озадачен.

— Странность состоит в том, что поселенцы были заброшены на Толиман еще восемь лет назад. С тех пор здесь не производил посадку ни один корабль. Радиоволны, переданные восемь лет назад, не могли достичь даже окраин этого звездного скопления. Люди, находящиеся здесь, полностью отрезаны от всего мира. Поэтому нас так убеждали взять с собой срочный груз. Так почему заволновался радист?

— Я не понимаю, дорогой мой дружище. Что вы, собственно, хотите сказать этими давно известными фактами?

Фискус медленно повернулся к офицеру-суперкарго.

— О, не многое. Собственно, я хочу вам напомнить, что радист на Толимане не мог никогда ничего слышать о боевом корабле под названием «Супалис», потому что этот корабль сошел со стапелей всего девять месяцев назад. До свидания, мистер Ипстал.

Фискус исчез за дверью, а офицер-суперкарго, словно окаменев, застыл в лифте.

— Девять месяцев! — пробормотал он растерянно. — Конечно, девять месяцев. Но они здесь уже восемь лет. Каким же образом... — Джосс Ипстал не успел закончить этот монолог с самим собой. Услышав звук колокола, он побежал. Члены экипажа бросились занимать свои места согласно расписания. Прежде чем Ипстал достиг ближайшего интеркома, «Алголь» уже пошел на посадку.

Это была знаменитая посадка Кестера, которой он сорок лет назад вызвал чудовищный перерасход топлива. Она заключалась в том, что корабль опускался на поверхность небесного тела вертикально. Он поддерживался только столбом пламени из дюз. Соппротивление атмосферы при такой посадке не играло практически никакой роли, оно было эффективно только при планирующем спуске.

Кестер мог позволить себе такую шутку, потому что старенький «Алголь» был снабжен четырьмя плазменными двигателями с общей тягой в восемьдесят тысяч тонн.

Кроме того, в случае необходимости антигравитационное поле делало корабль невесомым.

«Алголь» погружался кормой вперед в плотную атмосферу Толимана с такой скоростью, что космонавтов прошлого просто расплющило бы при этом. Ревущие реакторы обеспечивали экран антигравитатора энергией. Примерно в сорока километрах над поверхностью четыре плазменных двигателя начали изрыгать фиолетовое пламя. Несколькими минутами позже корабль опустился на свои посадочные опоры, словно никогда и не пронизывал стокилометровую толщу воздушного океана.

Лефло вытер со лба пот, выступивший от страха, когда «Алголь» замер наконец на ровном каменистом плато. Сверхмощные реакторы прекратили свою работу.

— Ну, вольные торговцы и путешественники всегда славилась удалей, — прозвучал из динамиков самодовольный голос капитана. — Я считаю, что это была великолепная посадка. Да, Ипстал, что вы все время вызываете меня? Оставьте меня в покое! Я больше не хочу слышать о Боулдере. Во имя всех чертей, спокойнее! — Последние слова он буквально проревел.

Ипстал пал духом и сдался. Капитан ничего не хотел слышать ни о «Супалисе», ни о Фискусе Боулдере.

— Старый дурак-зазнайка, — огорченно выругался суперкарго. — Он, вытаращив глаза, мчится навстречу несчастью. Эй, Шнайдер, вы видели лейтенанта Боулдера?

— Не имею никакого представления, где он, сэр. Не видел. Сейчас должны высаживаться поселенцы.

Ипстал тоже услышал какой-то шум. Он окончательно понял, что Исмонд Кестер ничего не хочет слышать об этой истории с привидениями. Сейчас, во всяком случае.

Далеко позади каменистое плато переходило в тропический буш, над которым виднелось жерло вулкана. В поле зрения находилось несколько недавно возведенных построек, и не было похоже на то, что они служат убежищем трем сотням поселенцев. Для этого они были слишком велики.

Джоссу Ипсталу показалось, что он уже видел достаточно. Он повсюду наводил справки о лейтенанте Боулдере, пока один из техников не сообщил ему, что видел лейтенанта в отсеке-арсенале.

— Великий боже! — выдохнул Ипстал, бросаясь туда.

— Офицерам в централи, — прогремел голос Кестера. — Приготовиться к выгрузке. Когда все закончится, опустите всех членов экипажа. Сообщите об этом всем.

Глава 10

Я помчался в узкую аварийную шахту, уходящую вниз. Гладкий стержень скользил в моих руках. Таким образом, мне до некоторой степени удалось смягчить нагрев, возникающий от трения.

Конечно, центральный лифт незадолго до посадки был полностью перекрыт. Мне потребовалось десять минут, чтобы добраться до арсенала.

Пока мое тело преодолевало силу тяжести, почти равную земной, я с некоторой надеждой думал о электронном замке бронированной двери шлюза. Комбинация цифр была только у капитана, Лефло и меня. Поэтому у меня еще теплилась надежда найти Фискуса целым и невредимым. Однако, если он, несмотря ни на что, сумел проникнуть в отсек, мне придется выкручиваться бог знает какими способами. В конце концов, именно я отвечаю за оружие.

Я затормозил свой спуск-падение над гидропонной палубой и ногами нащупал рычаг, открывающий аварийный люк. Прошла вечность, пока он под моим нажимом не открылся наружу. Я выполнил акробатический прыжок и втиснулся в него. Потом начался поистине тернистый путь. Я спешил по изобилующему углами коридору и, наконец, достиг бронированной двери отсека. Что ж, сначала я осмотрелся с помощью системы наблюдения, которая позволяла мне видеть находившийся на той же палубе ангар космических ботов, но Фискуса там не было. Что же он задумал?

Наш бот целый и невредимый стоял на стартовых направляющих. Я побежал дальше.

В соединительном шлюзе, ведущем в находящуюся рядом централь управления конвертером, я чуть на сломал себе шею. Голова Мак-Ильстера появилась как раз в тот момент, когда я собирался в головоломном прыжке миновать препятствие.

Я поджал ноги и проверил своим телом твердость стальной переборки.

Мак-Ильстер сильно удивился.

— Что это с вами? — спросил он, пока я со стоном выпрямлялся.

— Идемте со мной! — крикнул я. — Умник Фис собирается устроить очередное безобразие. Его видели в отсеке-арсенале или возле него. Идемте же, унтер-офицер!

Может быть, Мак-Ильстер и не обладал особым даром понимания. Однако приказы он понимал всегда. Он вы-

толкнул свое дородное тело из шлюза и последовал за мной с грохотом марширующего робота.

За ближайшим поворотом я увидел раздвижную дверь из толстой крепчайшей стали. Там, внутри, мог быть только атомный реактор, кодовый импульс замка этой двери был забыт, но я еще помнил его.

Когда я набрал только первую цифру, бронированная дверь медленно открылась. Несмотря на возбуждение, я понял, что кто-то уже открыл замок.

Когда я вошел внутрь, то первым делом бросил взгляд на массивный стеллаж, на котором мы держим наше личное оружие.

— Здесь никого нет, сэр,— задыхаясь, произнес младший офицер-механик.— Дверь была не заперта, да?

Человек запоминает все! Я хотел ответить довольно ехидно, снова закрыв дверь, но потом увидел то, что скрывала она,— Умника Фиса.

— Здесь еще и Мак-Ильстер,— констатировал он.— Да успокойтесь же вы.

Этот вызов мало тронул бы меня, если бы он не был подкреплен наведенным в упор стволом ядерного излучателя. Легкое мерцание отражающего поля подсказало мне, что Фис ввел в запальную камеру по крайней мере полграмма ядерной плазмы.

Это осознание вызвало у меня тяжесть в желудке, потому что достаточно было даже одного выстрела, чтобы все вокруг погибло в пламени ядерного распада.

— Успокойтесь и слушайте,— повторил Умник Фис.

— Боулдер, вы сошли с ума! — простонал я.— Уберите излучатель. Если эта штука выстрелит, от нас останется плоти ровно столько, что не хватит даже создать одну-единственную бактерию. Уберите его!

— Не уберу! — упрямо сказал Умник Фис. Его темные глаза блестели.

Это сделало меня еще более осторожным. Этот юноша находился в чудовищном психическом напряжении, которое при малейшем конфликте могло привести к взрыву и в прямом, и в переносном смысле.

— Боулдер, прямо позади меня находятся атомные ракетные снаряды,— пробормотал я.— Под ними ручные тритиевые гранаты, а кроме того, взрывоопасная катализируемая плазма в магазинах ядерного оружия. Ваш лучевой выстрел создаст здесь огненный ад. Возьмите себя в руки.

На меня, как и прежде, смотрело дуло ядерного излучателя. Мак-Ильстер мелко дрожал.

Умник Фис внезапно перестал нервничать. Голос его звучал четко и трезво:

— Стойте тихо, мистер Ипстал. Отойдите за столик выдачи, успокойтесь и позвольте кое-что показать вам. Теперь...

Я незамедлительно последовал его указаниям. Сразу же после этого он включил интерком, находящийся в отсеке-арсенале. Я опять увидел огромные сооружения, находящиеся по ту сторону временного посадочного поля.

Кроме того, я заметил несколько больших грузовиков, которые окружали наш корабль. Они скользили на воздушной подушке. В этих машинах сидело довольно много людей, которые теперь торопливо высаживались перед посадочными опорами «Алголя».

Умник Фис давал пояснения:

— Они, должно быть, что-то замышляют, мистер Ипстал. Извините, пожалуйста за мои действия, но у меня просто не было выбора. Восемь лет назад здесь высадилось триста поселенцев. И больше на Толиман не должен был, по нашим сведениям, совершать посадку ни один корабль. Однако кто-то совершил, мистер Ипстал! Вы тоже должны выслушать это, Мак-Ильстер.

— Ко...конечно, лейтенант, — произнес младший офицер, считавший Умника Фиса законченным сумасшедшим.

— Очень хорошо и будьте внимательны. Поселенцы тогда были оснащены необходимыми вещами. Но новейших глайдеров на силовых полях, разумеется, у них быть не могло. Это я узнал из списка их снаряжения. Вы тоже должны просмотреть этот список, мистер Ипстал. У поселенцев также не было и не могло быть никаких механизмов для возведения тех огромных сооружений, которые вы видели здесь. Обратите внимание на их голубоватый блеск и поймете, что постройки сооружены из пластика, который был создан не далее чем три года назад. На Толимане, конечно, не было никакой возможности создать такой материал. Мак-Ильстер, какой материал здесь использован?

— Конхинтрит, лейтенант, — уверенно ответил младший офицер. — Обработанный излучениями и...

— Достаточно, — прервал его Фискус. — Это безусловно доказывает, что перед нами на Толиман высадились какие-то люди. Посмотрите на этих молодых парней, которые вылезают из машин. Выглядят они как изнуренные работой поселенцы? И, наконец, вы должны заметить, что мы попали в ловушку. В ближайшие пятнадцать

минут наши люди будут арестованы, однако, я не хочу быть в их числе.

Я давно уже понял, что он был прав. Наконец, у меня тоже было время кое о чем поразмыслить. История с названием боевого корабля дала мне обильную пищу для раздумий.

Даже Мак-Ильстера это озадачило. В его взгляде появилось сильное недоверие, и, не обращая внимания на излучатель, он приблизил свое лицо вплотную к экрану.

Внезапно он сказал:

— Э, да тут на посадку идет еще один корабль. Что все это значит?

Умник Фис невесело усмехнулся.

— Меня это не удивляет. Я еще в космосе уловил ошупывающие импульсы мощной локаторной станции. Однако капитан не поверил мне. На Толимане что-то не так. Даю голову на отсечение, триста поселенцев больше не скажут ни слова. Да, на наш корабль приходится, по меньшей мере, человек сорок. Это конец!

— Мы должны стартовать! — вскричал младший офицер-механик. Он, казалось, забыл, что Фискус держит в руках ядерный излучатель.

— Поздно, — сказал я против своей воли. — Слишком поздно. Они уже поднимаются в централь управления. А там находятся наши безоружные люди. Мы влипли крепко.

Мак-Ильстер грязно выругался, но это было едва слышно в реве идущего на посадку космического корабля. Большой экран в отсеке-арсенале показывал сооружения. Таких сооружений я никогда больше нигде не видел.

Корабль был яйцевидной формы. На носу его был замечен шаровидный выступ, а по всему корпусу располагались полукруглые возвышения.

Огромные кормовые джусы и вытянутые стабилизаторы были совершенно чуждой формы. Зеленоватый столб пламени погас, теперь корабль покоился на посадочных опорах, в виде огромных кольцевидных выступов.

— Какая это модель? — возбужденно спросил Фискус. Теперь я обратил внимание, что он уже не угрожает нам своим оружием.

Мак-Ильстер беспомощно смотрел на нас. Я тоже мог лишь непонимающе пожать плечами.

— Я еще никогда не видел такого корабля, — с нажимом сказал я. — Боулдер, что все это может значить?

— Все, что угодно. До сих пор мнимые поселенцы играли роль безобидных людей, однако, с посадкой корабля все

должно измениться. Мы знаем, что некоторые разумные существа внеземного происхождения сумели достичь довольно высокого технического развития. Пятьдесят лет назад между нами и тростоперами разразилась смертельная война. У них тоже имелись сверхсветовые корабли. Здесь, похоже, тоже действуют чужаки. Кажется, люди нашей расы сговорились с ними. Теперь вы убедились, мистер Ипстал?

— Что же теперь будет? — простонал младший офицер. — Как же нам от них защититься?

— Это было бы безумием, — холодно усмехнулся Фискус. — Теперь делайте то, что я вам прикажу. Мак-Ильстер, приготовьте посадочный бот. Откройте внутренний шлюз и установите выравниватель давления.

Младший офицер тотчас же помчался прочь. Фискус немедленно начал действовать с захватывающей дух скоростью электронно-вычислительной машины. Прежде чем я успел что-либо понять, у меня в руках оказался ядерный излучатель, и под его тяжестью у меня подогнулись колени.

— Быстро в бот! Мы исчезаем, — проговорил Фискус.

Я выпрямился и тоже помчался прочь. Прежде чем я успел нырнуть в люк, меня отпихнул Умник Фис. На его плечах находился стокилограммовый мешок, полный запасных плазменных зарядов.

Не успел я забраться в бот, как он вновь пронесся мимо меня огромными прыжками. Лицо его было жестким и заострившимся. Я ничем не мог помочь ему, но он начинал мне нравиться. Удивительно, как мог преобразиться этот всегда такой беспомощный юноша. Ну да, ведь дело снова идет о спасении других людей. А в этих случаях он всегда становился активным и целеустремленным.

Тем временем Мак-Ильстер подготовил бот к старту. Маленький реактор уже гудел. Встроенный трансформатор уже был готов отдать энергию в проекторы экранов.

Мы погрузили почти все оружие. Вместе с Умником Фисом мы втащили на борт и трехсоткилограммовый стационарный ядерный излучатель. В конце он принес еще два магазина со сжатой плазмой, хотя под весом даже одного из них у меня подкашивались ноги.

Когда мы уже закрывали за собой двойной люк, снаружи прозвучал громкий голос. Я различил органичный глас нашего Второго Инженера, который, по-видимому, жаловался на применение насилия.

— Ну вот, — только и сказал Фискус. — Они заметили наше отсутствие. Разве наш гениальный капитан не собрал на встречу всех офицеров? Поехали, Мак-Ильстер!

Младший офицер дал запальный импульс. Скользящая на роликах наружная дверь ангара откатилась в сторону.

Яркий свет заполнил обширное помещение. В следующее мгновение бот был готов к старту. И в этот момент в ангаре появились люди.

— Мне очень жаль, — сказал Фискус, побледнев, как труп. Он передвинул ступенчатый рычаг подачи плазмы, и мощный поток перерожденного вещества устремился в рабочую камеру. Из главной кормовой дюзы бота вырвался бело-голубой язык пламени, ударивший между торгшимися в ангар людьми.

Я опустил в свое кресло. Бот, взревев двигателями, двинулся по стартовым направляющим и с полыхающими проекторами защитного поля вырвался наружу.

Фискус развил ускорение в двадцать «же». Он выровнял бот с помощью носовых дюз, а затем мы устремились в небо с таким грохотом, которого я отродясь не слышал.

Руки Фискуса работали с невероятным проворством. Не было заметно ни единого неуверенного движения, к которым мы так привыкли, наблюдая за ним.

На небольшой высоте, едва ли в сотне метров от поверхности, он перевел бот в горизонтальный полет. Эти его действия я было счел неправильными.

Однако, едва я успел прокричать свое мнение, голубой энергетический луч прошел так близко от кабины, что мы ощутили толчок от ударной волны и оказались сбитыми с курса. Двигатель нашего бота заревел громче. На этот раз Фискус выдал все пятьдесят «же», которые наш маленький поглотитель ускорения не смог компенсировать полностью. Включенное носовое магнитное поле защищало нас от столкновения с частицами воздуха, и мы были похожи на раскаленное ядро кометы, вошедшей в атмосферу планеты. Виденный мной вулкан был уже не под нами, а буквально вплотную около нас. Фис опустил еще ниже, и второй выстрел из ядерного излучателя на этот раз прошел высоко над нами.

Мак-Ильстер вскрикнул от страха. Даже я превратился в комок вибрирующих нервов и вскользь подумал о нашем взрывоопасном грузе. Он находился сразу же позади моего кресла.

— Останемся под прикрытием горы! — напрасно кричал я, все еще не понимая, что наш придурковатый Умник Фис действовал так, как мне никогда бы не удалось. Если бы пилотом был я, то мы были бы уничтожены уже первым ядерным разрядом. Со скоростью десять

с половиной километров в секунду мы мчались сквозь плотную стену из раскаленных частиц воздуха. Если наш защитный экран вдруг исчезнет, мы сгорим в долю секунды, как запал водородной бомбы. Фискус все время удерживал машину почти в нескольких десятках метров над землей, так что мы наверняка давно вышли из зоны действия пеленгационной техники.

Мак-Ильстер, талантливый техник, тоже понял это. Поэтому он рискнул включить на полную мощь свои легкие:

— Они больше не могут проследить нас, лейтенант. Но что будет, если их корабль стартует? Если они поднимутся вверх километров на пятьсот, то на их экранах будет все это полушарие луны. Тогда они запросто смогут уничтожить нас.

— Нас не обнаружат, если мы будем оставаться так низко, как только это возможно. Мы не будем удаляться от поверхности.

— Однако, если мы будем продолжать лететь так низко, нас можно будет засечь по пламени нашего выхлопа, — простонал я.

Ландшафт Толимана внизу под нами проносился с такой скоростью, что мне не удавалось даже разглядеть отдельных гор. Отдельные контуры и предметы сливались в зелено-желтые тени, которые только и удавалось различить.

Желтое солнце заходило позади нас. Мы просто мчались прочь от него. Прежде чем я успел что-либо рассмотреть, мы оказались в ночном полушарии. Зато в небе появился огромный диск гигантской планеты. Он озарил ландшафт призрачным красноватым светом, и к нему прибавился еще довольно сильный свет от нескольких спутников, которые, купаясь в ярком свете солнца, отражали его.

Таким образом, на Толимане не было никогда по-настоящему темно: об этом позаботился Сорам-1 — гигантская планета.

Умник Фис, казалось, никоим образом не разделял моих сумрачных опасений. Прямо перед его глазами была светящаяся радарная карта, а возле нее экран импульсного радара, автоматика которого была соединена с системой управления.

Мимо одной из гор нам едва удалось проскочить, несмотря на то, что поисковые импульсы были гораздо более быстрыми, чем наш бот. Когда я посмотрел вниз, мои глаза буквально ослепила раскаленная плазменная струя. Она должна быть видна за много миль отсюда.

— Да садимся же мы, наконец! — крикнул я. — Приземлимся ли мы где-нибудь? Наш выхлоп великолепно виден. Или вы считаете, что нас никто не ищет? Куда мы вообще несемся?

К моему удивлению, Фискус послушно передвинул ступенчатый рычаг вниз. Яростный рев работающего двигателя стал тише. Наша скорость немедленно снизилась до одного километра в секунду.

Однако, прежде чем я успел выразить свое удовлетворение, машина устремилась вертикально в усеянное звездами небо. Потом она полетела по широкому кругу.

— Ну да, — стоически проговорил Мак-Ильстер, — теперь мы достаточно высоко, чтобы нас смогли запеленговать из космоса. Если у них среди приборов есть металлоискатель, мы для него уже созрели. Послушайте, лейтенант, успеем мы снизиться, прежде чем превратимся в газ? Я очень дорожу своим здоровьем.

Я поразился запасу слов нашего младшего офицера. Фискус, казалось, не обращал на его слова никакого внимания, лихорадочно манипулируя ручками управления и настройки. Это был кибернавигатор бота, который он с удивительной уверенностью настроил на координаты какого-то пункта на поверхности Толимана. Это пробудило во мне подозрения, что он запланировал этот полет уже давно и заранее рассчитал все свои действия.

Может быть, моя машина опять сыграла в этом деле свою роль?

Возле кибернавигатора лежала узенькая ленточка с расчетами, которые он сделал еще на «Алголе». Я сумел разобрать цифры, обозначающие широту и долготу, которые, по моему мнению, согласовывались с данными, введенными в кибернавигатор.

Подозрения превратились в уверенность, когда он заговорил в микрофон нашего передатчика. Вспотев от страха, я понял, что им вновь овладели его космические комплексы. В «Алголе» он мог позволить себе это, но только не здесь, в быстро мчавшемся боте. Мак-Ильстер, казалось, тоже забеспокоился, его тело неуютно заворочалось на сиденье. Однако я не успел сделать никакого замечания, так как Фискус тут же получил ответ на свой радиозапрос.

— Кто вызывает нас? — внезапно донеслось из нашего динамика. Голос был очень слаб, едва различим. По-видимому, тот, кто передавал, сильно снизил мощность своего передатчика. Вероятно, у него на это были веские причины.

— Боулдер, Третий Инженер корабля вольных торговцев, — возбужденно передал Фискус. — Вы вызывали нас перед самой посадкой и предупредили об опасности. Алло, пожалуйста, выслушайте меня. Здесь три человека из экипажа «Алголя», считая меня. Своевременно приняв ваше предупреждение, мы смогли ускользнуть на нашем посадочном боте. Капитан и остальные члены экипажа взяты в плен. ОГП Земли согласно договору поручило нам доставить вам снаряжение, продовольствие и поселенцев. Я вычислил ваши координаты. В настоящий момент мы кружим над горной цепью. Где мне можно сесть?

Мы прислушались, затаив дыхание, но больше ничего не произошло. Умником Фисом начало медленно овладевать беспокойство. Он повернул голову, и Мак-Ильстеру показалось, что далеко на горизонте он видит лучик света. Это мог быть стартующий корабль.

— Алло, да слушайте же! Мою передачу нельзя подслушать. Я излучаю импульсы только вниз. Дайте мне, по крайней мере, точку отсчета, или мы будем вынуждены исчезнуть отсюда с максимальной скоростью. Существует опасность, что нас засекут... опасность пеленгации. Мы видели, как совершил посадку чужой корабль, и нас немедленно обстреляли. Сообщите...

Я никогда не думал, что он может говорить с таким убеждением.

— Говорит Боулдер, — настаивал Фис. — Для вашей же безопасности, чтобы убедить вас, я передаю данные, которые вы нам сообщили. Где можно совершить посадку?

Он торопливо назвал цифры и снова уставился в красноватое небо. Гигантская планета, становясь все больше и больше, поднималась над горизонтом, и Фис поднимал машину все выше и выше.

Неожиданно пришел ответ. Слова на этот раз звучали немного громче:

— Вас поняли. Мы с тридцатипроцентной уверенностью считаем, что вы действительно с этого корабля. Однако мы должны удостовериться в этом. Садитесь около большого водопада на западной стороне. Он низвергается с высоты около двухсот метров. Не промахнитесь. Ощупайте окружение локатором и придерживайтесь действующего вулкана. Шестью милями дальше вы увидите водопад.

— Спасибо, вас поняли, — подтвердил Умник Фис. — Извините, не там ли находится ваше поселение и кто вы?

— Не задавайте вопросов и идите на посадку. Мы сами засекали только что стартовавший корабль. Конец связи.

Фискус пробормотал извинение.

Мгновением позже мы уже мчались отвесно вниз. Мак-Ильстер засек вулкан, раскаленную бездну кратера которого невозможно было пропустить. Мы неслись над высоким густым лесом и горными склонами с такой скоростью, что я уже несколько раз окончательно простился с жизнью. При этом я все время говорил себе, что хороший инженер — еще не значит хороший пилот.

Я смог разжать свои судорожно сведенные руки лишь тогда, когда Фискус переключил двигатель на торможение.

Перед нами был воистину гигантский водопад, рев которого перекрывал даже грохот нашего работающего двигателя. Фис повел бот вниз так плавно, что мы ощутили только легкий толчок. Потом двигатель взревел еще раз, и мы заскользили по почве на посадочных полозьях. Мне показалось, что мы вот-вот врежемся в скалу.

Взревев в последний раз, двигатель смолк. Когда я опять посмотрел вверх, спутников уже не было. Они были закрыты нависающей скалой, которую Умник Фис смог увидеть так своевременно.

И как только он это сделал?

Несколько мгновений мы приходили в себя, пока Фискус со смешком не произнес:

— Гм, итак, вот мы и здесь.

— Очень забавно, лейтенант, — с издевкой проговорил я. — Мы уже тут, ха! А что же дальше? И с кем вы вообще говорили? Кто это мог быть?

— Здесь обитают разумные туземцы? — недоверчиво спросил Мак-Ильстер.

— По крайней мере, такие же разумные, как и вы, — раздраженно бросил я ему. — Таким образом, эти существа вполне способны усвоить процесс приема пищи. Не говорите чепухи, унтер-офицер.

Умник Фис вообще не произнес ничего. Он попал из одного затруднительного положения в другое.

Сейчас здесь могло стать весело!

— Наверное, нам необходимо немного подождать, — откашлявшись, проговорил он. — Под защитой скалы нас никто не сможет запеленговать.

Я, ругаясь, расстегнул ремни безопасности, потом отворил дверь в грузовой отсек. Перенесенное оружие лежало беспорядочной кучей, как мы его и бросили.

Я взял и подал им три ядерных излучателя с четырьмя запасными магазинами к каждому из них, за ними последовало несколько ядерных ракет класса «земля-воздух».

Умник Фис казался удовлетворенным, тем более что я снабдил всех инфракрасными очками ночного видения. Мак-Ильстер вскоре смог заметить бесформенное создание, похожее на кролика-мутанта.

Так мы сидели в кабине примерно с полчаса. Мы ждали настороженно, как охотничьи собаки, однако, вокруг ничего не происходило.

Фискус становился все беспокойней. И когда, наконец, прозвучал жуткий вой, он мгновенно подскочил, ударившись головой о крышу машины.

— Что это? — спросил он и тут же догадался, что это может быть только звук какой-то машины, летящей со скоростью раз в десять превышающей звуковую.

— Итак, они ищут нас, — констатировал Мак-Ильстер. — Но им тяжело будет отыскать нас.

Я тоже был такого же мнения. Несмотря на это, я беспокоился, однако, Фискус вновь уселся на свое сиденье с непоколебимым спокойствием.

Так как мы практически убегали от восходящего солнца, через два часа здесь должен наступить рассвет. Если до этого времени ничего не произойдет, появится опасность обнаружения нас оптическими средствами, а не электронными искателями.

— Мы должны что-то предпринять, — сказал я раздраженно. — Ну, Боулдер, напрягите свои гениальные мозги!

— Извините, но именно это я и делаю, — пробормотал он подавленно. — Я думаю о том, что же произошло на Толимане. Не кажется ли вам, что...

— Дружище, оставьте меня в покое с вашими соображениями. Запаса продуктов на борту бота хватит на целый год. Для этого, собственно, и предназначается спасательный бот. Что вы думаете насчет того, если мы исчезнем отсюда и перелетим на соседнюю луну? Менее чем через год сюда прилетит новый корабль со снаряжением и продуктами. Столько мы продержаться сможем.

— Да, но тогда руки у них будут развязаны, — яростно проговорил Мак-Ильстер. — Кроме того, найдем ли мы на соседней луне такой же пригодный для дыхания воздух? Это хороший кислородный мир. Летите, но только без меня, лейтенант.

— Верно, — произнес Фискус, — не стоит даже обсуждать такую возможность. Толиман почти такой же величины, как и Земля. Мы вполне можем прятаться и здесь. Вы знаете, о чем я только что подумал?

— О чем? — спросил я с интересом.

— Мне теперь кажется, что здесь организовалась группа сопротивления или что-то в этом роде. Наш собеседник является поселенцем из тех, которые высадились здесь восемь лет назад. Может быть, они тоже укрылись в джунглях, когда здесь появились чужаки. Ах да, извините, пожалуйста. Я собственно, хотел сказать «добрый день».

Он дружески кивнул в моем направлении, однако, я догадался, что он имеет в виду совсем не меня. Когда я повернул голову, то обнаружил, что на меня направлено дуло ядерного излучателя.

— Я безобидный офицер торгового корабля,— торопливо заверил я.

— Я заметил это,— сказал незнакомец. В его словах было столько иронии, что мне стало холодно и жарко одновременно.

— Вы произвели такой грохот, что просто удивительно. Кто из вас Боулдер?

— Откуда вы появились? — смущенно осведомился наш младший офицер. — Я вас, определенно никогда не видел... конечно, никогда не видел.

Я никак не мог поверить своим глазам, узнав в чужаке молоденькую девушку. Умник Фис, этот ненормальный, давно уже обнаружил это. Недаром он в убийственном затруднении ерзал по креслу пилота.

Наконец, он прошептал:

— Извините, это я Боулдер, мадам.

— Оставьте это,— проговорила девушка, по-видимому, рассердившись. — Меня зовут Сирил Трентон. Зовите меня по имени, как здесь это делает каждый. Ваша машина в порядке?

— Конечно,— ответил я уже более увереннее. — Но если вы соизволите объяснить, что, собственно, происходит на этой смешной луне, все будет в еще более полном порядке. Я офицер-суперкарго «Алголя». Не можете ли вы, наконец, опустить свой излучатель?

— Ваше оружие, быстрее! — потребовала она. Мне она показалась миловидной, почти красивой. Девушка с иссиня-черными волосами и тонким носиком над полными губами могла покорить мое сердце, однако, эта юная дама с ее требованиями показалась мне слишком активной.

Заскрипев зубами, я вручил ей свой излучатель, которым до сего дня еще ни разу не пользовался. Она взяла его своей гибкой рукой и, нажав на кнопку, послала в камеру заряд плазмы.

— Ага, наконец-то хоть один заряженный излучатель,— тихо произнесла она.— Вот, возьмите мой. Спускайтесь, герои.

Сирил Трентон опасно улыбнулась. Поэтому, выругавшись, я выбрался из-под открывшейся крыши кабины. Девушка стояла на узкой несущей плоскости бота. Как она там удерживала равновесие, было для меня загадкой, пока мой взгляд не упал на ее ноги. Это совсем не шло такой миловидной девушке.

В следующее мгновение и Мак-Ильстер поднял руки. Перед нами появились еще две казавшиеся оборванными фигуры, которые, однако, тоже грозили нам излучателями.

Я не знал, заряжено их оружие или нет, но на всякий случай последовал примеру нашего младшего офицера, оружие которого тоже сменило своего владельца. Теперь огромный, крепко сложенный парень сжимал в своих руках действительно заряженное оружие. Совсем недавно я сам его зарядил.

Парень смотрел на меня так пренебрежительно, что я задрожал от нахлынувшей на меня ярости. Позади себя я услышал любезный, однако, несмотря на это, казавшийся мне неприятным, голос Умника Фиса. Когда он, наконец, оказался передо мной, я с удивлением обнаружил, что он единственный из нас, кто не расстался со своим излучателем. Он болтался на его широкой груди, которая, казалось, произвела впечатление на Сирил.

— Опустите же, наконец, руки,— грубо сказал он мне.

Я молча уставился на него, потом произнес:

— Фискус, вы ли это?

Сирил тихо рассмеялась. Сразу же после этого вся шайка окружила нас и разрядила свое оружие с фантастической быстротой.

— Машину замаскировать так, чтобы ее не было заметно ни с какой стороны,— приказал великан с окладистой бородой. Этот человек был, по крайней мере, на две головы выше меня.

— Поэт, идите на скалу. Нам нельзя возвращаться в пещеру до самого заката. Поспешите.

Оборванцы поспешно повиновались. Потом произошло то, чего я не ожидал. Чужак повернулся, но не ко мне, а в направлении Умника Фиса, который, широко расставив ноги, стоял возле бота, придерживая на груди заряженный излучатель.

— Моя фамилия Трентон,— прозвучало из глубины груди гиганта.— Я нечто вроде бургомистра этой малень-

кой общины. Я не возражаю, когда меня называют командиром партизанского отряда. В сущности, это так и есть. Вы действительно Третий Инженер с «Алголя»? Мы запеленговали вас, когда вы вышли на орбиту. Мы ждали вас восемь лет. Вот моя рука.

Он так сильно пожал руку Умнику Фису, что я наверняка упал бы на колени от такого пожатия. Тем не менее, наш Третий даже не скорчил гримасы.

— Однако еще не установлено, не имеем ли мы дело со шпиками,— возбужденно сказала девушка.— Осторожнее, отец! Я ожидаю от Эгона Рефле всего чего угодно. Даже такой провокации.

При упоминании этого имени Умник Фис вздрогнул.

— Эгон Рефле? — произнес он.— Извините, пожалуйста, но не о свергнутом ли диктаторе Сигмы идет речь?

Трентон безрадостно улыбнулся.

— Все правильно, юноша. Он прибыл сюда из системы Сигма-Бутс-4. Это произошло почти пять лет назад. Он явился сюда, бежав от Флота Союза. Мы сначала приняли его крейсер за грузовик ОГП. Однако потом увидели жерла пушек. Только позднее мы узнали, что он вместе со своей преданной ему охраной прорвал кольцо боевых кораблей Флота. Его диктатура на Сигме-4 пала. Когда его подданные хотели призвать его к ответу, он вспомнил о Толимане, который показался ему достаточно отдаленным. Мы были здесь уже три года, когда появился этот крейсер. Он тотчас же захватил около двухсот семидесяти поселенцев. С этого времени наши люди обязаны были работать на диктатора. Он и здесь вновь пытается создать свою тиранию. Наши люди в невыносимых условиях работают в шахтах по добыче парапонима, который они должны были добывать согласно договору для ОГП. Все это позади, юноша. Теперь мы вынуждены скрываться. Сколько людей у вас на борту?

Я застонал. Мне постепенно становилось все ясно.

Эгон Рефле и сегодня находится здесь. Но он не успокоился и снова замышляет переворот в системе Сигмы. Его власть над четвертой планетой ударила ему в голову, пока ее не охладил Флот Союза. Пять лет назад его диктатура была свергнута, и он на одном из своих крейсеров исчез из планетной системы.

Итак, теперь я знал, где этот деспот нашел убежище. По его расчетам, мы должны были совершить посадку на Толимане и прямехонько попасть в руки этого общественно опасного мерзавца. В эту секунду я мысленно

попросил у Умника Фиса прощения, потому что, не будь его, я сейчас сидел бы в порту Толимана, находясь в руках этого мерзавца.

Пока я все это напряженно обдумывал, Фискус представился как Третий Инженер «Алголя». Все доказательства этого находились в его необъятных карманах. Это вновь яснее ясного сказало мне, что он подумал обо всем.

Даже Сирил была удовлетворена этим. Мгновением позже я получил назад свой излучатель. Нас признали.

Я с кислой улыбкой поблагодарил самого себя. Потом Фис спросил:

— Как уже упоминалось, мы видели корабль чужой конструкции. Что вы знаете об этом и что предприняли относительно этого? С этого корабля по нашему боту тоже стреляли.

Когда Трентон стал объяснять, голос его звучал сдавленно:

— Это и есть суть всего дела, лейтенант. Эгон Рефле заключил договор с чужими разумными существами, которые, по-видимому, считают парापониум огромной ценностью. Руда, кажется, очень важна для них. Прежде чем мы были вынуждены отступить в пещеры, мы жили совсем рядом с этой станцией. Это была небольшая непрекращавшаяся война. Мы били их где только могли. Все, что нам было необходимо, мы были вынуждены брать с наших бывших складов и магазинов. Во время этого мы и увидели чужаков в первый раз. Это высокорослые двуногие гуманоиды, которые, собственно, отличаются от нас только непропорционально большой головой. Но, несомненно, они не являются потомками колонистов с Земли. Мы не знаем, откуда они явились, однако на собственной шкуре испытали их жестокость. Некоторых из нас они просто превратили в излучение, когда они попали к ним в руки. Поэтому мы были вынуждены отступить в более безопасное убежище. Вся местность вокруг станции была планомерно выжжена атомными бомбами. Больше я ничего не могу сказать.

— А ваши люди? — смущенно спросил Фискус. — Другие поселенцы? Что с ними стало?

— Мы видели их, когда они возвращались из горных шахт. Многие из них, должно быть, уже умерли. Мы все обносились, однако, по сравнению с ними мы великолепно одеты и имеем отличные фигуры. О помощи извне мы и не мечтали. Мы находимся более чем в четырех тысячах световых лет от ближайшего опорного

пункта землян. У нас есть сравнительно неплохой пеленгатор, которым мы сумели засечь «Алголь». Надеюсь, нас самих не запеленговали. Наша передача была актом отчаяния. Собственно, мы даже не рассчитывали, что на корабле найдется кто-то, кто верно и последовательно отреагирует на это.

Хотя мне и говорили, что язык у меня подвешен очень ловко, я не мог произнести ни слова. Фис тоже молчал. Юноша совершенно преобразился. Он больше не смущался, встречая взгляд девушки.

— Как у вас с оружием? — осведомился он.

— Очень плохо, — вмешался коротышка. — Наши последние заряды мы истратили, стреляя узким пучком во время охоты. Должны же мы, в конце концов, что-то есть.

— Настоящее мясо? Не синтетика? — в ужасе спросил Мак-Ильстер. Я тоже боролся с подкатывающей к горлу тошнотой.

— Вы тоже научитесь этому, — свирепо усмехнулся бородач. — Кроме того, кто на Толимане не будет жестоким, тот должен умереть.

— Пожалуйста, спокойнее, — вмешался Умник Фис. Он сказал это так холодно и деловито, что у меня перехватило дыхание. Наш младший офицер тоже казался озадаченным. Но нет, мы еще не знали нашего Боулдера.

— Мы и не думали о том, мистер Трентон, что нам придется забираться в самую глушь этого девственного мира. Мы взяли с собой новейшее оружие, имеющееся в распоряжении нашего народа. Это, как мне кажется, может внести в создавшуюся ситуацию кое-какие изменения. Следующий грузовик ОГП придет сюда самое меньшее через год. До этого времени, возможно, нам не удастся победить Эгона Рефле. И всем нам теперь тоже не удастся бежать на посадочном боте. Кроме того, нас ведь могут и выследить.

— Вы говорите как мужчина, — радостно сказал великан. — Дальше! Вы видите, мы с интересом слушаем вас.

Я тоже это заметил. Эти одичавшие поселенцы, казалось, вообще не знали чувства страха. Кроме того, Мак-Ильстер тоже начал разыгрывать из себя героя. Он сказал:

— Все в порядке, лейтенант, я чувствую себя готовым к любым действиям. Я приму участие в любом деле, как только будет нужно. Я считаю, что нам нужно отбить «Алголь». Когда мы начнем это дело?

— Тише, тише, — предупредил Трентон, которому показалось, что все дела развиваются слишком поспеш-

но. — Делайте все так, словно речь идет о пустяках. Мы вот уже пять лет ведем партизанскую войну, в которой противник несет немалые потери. Не считайте галактических пионеров слабаками, мистер Боулдер. У нас действительно почти ничего нет, но, тем не менее, мы можем бороться с Эгоном Рефле. Однако в гораздо меньшей степени, мы способны выступить против чужаков.

— Вы могли во время ваших выступлений использовать тяжелые ядерные излучатели? — спросил Фискус.

— Нет, — пробурчал гигант.

— Был у вас быстрый космобот с плазменным двигателем, защитным экраном и отличным электронным оборудованием?

— Нет!

— Были у вас ракетные снаряды с различными боеголовками?

— Нет!

— Были у вас переносные энергетические излучатели, способные превратить огромный корабль в озеро расплавленного металла?

— Нет! — Теперь гигант кричал. Он был порядочно разъярен.

— Был ли у вас испытанный экипаж хотя и устаревшего, но все же вполне пригодного космического корабля, который мог участвовать в нападении?

— Нет!

— Было ли на вашей стороне преимущество внезапности, как в настоящем случае?

— Нет, однако, я больше ничего не понимаю.

— Хорошо. Тогда поймете, если я скажу вам, что мы произведем это нападение в следующую ночь.

Вы сошли с ума!

— Я знаю. Это говорили мне уже многие люди. Этот человек тоже. — Он небрежно указал на меня.

Что он сказал? Напасть в ближайшую ночь? Сумасшествие! Я был довольно честным вольным торговцем, но никак не воином-героем.

— Без меня, — выдохнул я.

— Трус, — бросил мне в лицо малыш. — Продолжайте, мистер Боулдер. Я давно уже этого ждал. Только у нас нет оружия. Вы понимаете, что с незаряженными излучателями мы едва ли сможем что-то сделать. С ними можно победить только этих двух людей.

Он во второй раз пренебрежительно глянул на меня. Умник Фис задумчиво продолжал:

— Крейсер! Где совершил посадку крейсер Эгона Рефле?

— Корабль стартовал примерно восемь дней назад по времени Толимана. Сутки на Толимане делятся 22,3 часа, что близко к земным суткам. По прямой до порта Толимана отсюда почти семьсот километров. Эти горы самые высокие на всей луне. Наша станция расположена на высоте трех тысяч метров над уровнем моря,— объяснила девушка.

— Можете вы лично как-то использовать эти данные? Впрочем, вы совершили посадку прямо перед дверью нашего дома. Я, собственно, не хотела этого, но отец доверяет вам. Если бы это зависело от меня, я посадила бы ваш бот в нескольких часах ходьбы от этого места. В этом я честно признаюсь вам.

В этом была она вся. Фис снова смутился и дал торжественное обещание в неопределенной форме. Он быстро отступил, что вызвало у меня тихий смешок. Это был странный чудик.

— Вы не знаете хотя бы приблизительно, когда вернется крейсер?

— Приблизительно, лейтенант, очень приблизительно. Мы знаем, что Эгон Рефле все еще поддерживает связь со своими прежними приверженцами на Сигме-4. Может быть, крейсер направился к системе Сигмы. Мы этого точно не знаем. К этому времени корабль чужаков был уже тут.

Окружающие их люди молчали. Они обратили все свои надежды на этого молодого парня, которого все мы считали ненормальным. --

— Так, так,— произнес Фискус.— Мы должны посмотреть, как отреагирует корабль чужаков на ядерный взрыв под его дюзами. Мистер Трентон, сможете ли вы устранить находящуюся, вероятно, там охрану, если я высажу вас с бота поблизости. Мне нужны все боеспособные люди.

— Так быстро? — спросил один из людей обеспокоенно.— Такое выступление нельзя начинать на скорую руку.

— Нет, это не на скорую руку, так надо,— почти против своей воли сказал я. Несколько мгновений для меня было загадкой, почему я ответил именно так.

— Никто и ни при каких обстоятельствах не рассчитывает на такое быстрое выступление. Они считают нас безвредными нарушителями спокойствия, которые из-за отсутствия оружия вынуждены скрываться в джунглях. Нас считают беглецами с отнюдь не боевым духом. Мы должны начать нападение как можно быстрее и не давать противнику ни малейшей передышки. Я могу себе пред-

ставить, какое возбуждение воцарится там. Вы стартуете в начале следующей ночи и будете следовать по карте. Нам нужен только «Алголь». Боулдер включит мощный защитный экран. Конечно, перед этим мы должны уничтожить чудовищный чужой корабль. Со станцией к тому времени уже будет все в порядке. У нас на борту есть тяжелая лучевая пушка. И сомнительно, сможет ли станция защититься от ее выстрелов.

— Есть ли там мощная силовая установка? — немедленно вмешался Фискус. — А также проекторы поля, при помощи которого станция может защититься в достаточной мере.

Трентон нерешительно оглядел окружающих. На протяжении нескольких секунд шум водопада был единственным звуком, который они слышали.

— Силовая установка? Мы не знаем этого со всей определенностью, лейтенант. Год назад мы отступили окончательно. Мы не смогли больше удерживаться вблизи станции. Хотя там существует силовая установка с реакторами, вырабатывающими энергию, мы никогда не замечали силового экрана. Однако с тех пор многое могло измениться. Последнее нападение мы предприняли незадолго до нашего отступления. При этом мы потеряли еще трех человек, но нам удалось захватить пищевые концентраты, которыми мы питались на всем нашем долгом пути.

— Как вы добрались сюда? — спросил Фис дрожащим голосом.

Ответом ему была горькая усмешка.

— Пешком, конечно. Сквозь эти джунгли. Об этом водопаде мы знали и раньше, когда у нас еще были киберисследователи. Однако вот уже год, как мы живем только здесь. Эгон Рефле оставил нас в покое, правда, нам тоже ничего не удалось предпринять против него.

— С чем же нам нападать? — вмешалась Сирил то-ропливо. — Ни оружия, ни транспорта. Ничего! Все наше время мы тратим на охоту, чтобы добыть себе пропитание. У нас тридцать шесть взрослых, и среди них десять женщин. Детей нельзя считать бойцами. У нас нет источников энергии. Пещеры наши освещаются силовыми факелами, которые делают женщины. Сельскохозяйственных машин у нас тоже нет. Они, как и прежде, находятся на нашей бывшей станции. Эгон Рефле знает, что мы ничего больше не можем предпринять против него. Но наши примитивные условия существования являются для нас лучшей защитой, и мы предпочитаем жить здесь. Я,

например, не испытываю никакого желания работать на парापониумовой шахте.

Глухой ропот людей заставил закипеть мою кровь. Я почувствовал, что мы должны действовать и действовать немедленно. Мы не должны опускать руки и расслабляться: пример поселенцев ясно показал нам, как быстро цивилизованные люди могут опуститься до полудикого состояния. Фискус, казалось, чувствовал это еще сильнее. У него почти катились слезы из глаз. Он быстро сказал:

— Мы захватили с собой почти весь оружейный арсенал «Алголя». Там есть тяжелые ядерные излучатели, которыми можно уничтожить все. Шоковые излучатели мы с собой не брали. Мы взяли с собой атомные ручные гранаты и ракетные снаряды усовершенствованного образца. Кроме того, у нас есть быстроходный бот, способный доставить нас к станции за несколько минут. Емкости до краев полны концентрированной плазмой, так что проблемы с горючим нет. Мы сделаем попытку нападения в ближайшую ночь. Однако мне нужна ваша поддержка, потому что для нас все здесь абсолютно чуждо. Конечно, мы не сможем совершить посадку посреди космодрома. Нам к тому же необходимо безопасное место, где мы могли бы укрыть бот. Там мы высадимся и пойдем дальше пешком. У нас есть очки ночного видения, радиошлемы ближнего радиуса действия и переносной локатор. Больше такого момента у нас не будет. Ну?

Люди еще раз переглянулись друг с другом, и все было решено.

— Только доставьте меня на «Алголь», — свирепо произнес Мак-Ильстер. — Наше лучевое оружие великолепно, и, если только переключить на защитный экран оба наших реактора, к кораблю не сможет пробиться ни одно существо с ручным излучателем. Для этого понадобится или тяжелый крейсер, или другой боевой корабль.

— Я хочу есть, — просто сказала Сирил, и на этом совещание закончилось.

Эти люди были удивительно просты и открыты. Они не тратили много слов, зато лейтенант Боулдер снова стал человеком, которого все мы звали Умником Фисом. Словечко «есть» привело их всех в экстаз. Некоторый запас продуктов, имевшихся на борту, перешел в их руки. Когда желтое солнце поднялось над горами, люди уже утолили свой голод.

Я подсчитал, что при нормальном распределении продуктов их хватит на пять недель по земному отсчету

времени. Если же сюда присовокупить продукты охоты, этого должно хватить месяца на два.

Бот был замаскирован так великолепно, что я был поражен. Поселенцы за пять лет партизанской войны стали настоящими мастерами в этом деле. Я не смог различить стройных очертаний бота даже тогда, когда стоял почти рядом с ним.

Теперь все это было похоже на свежий кустарник, который можно было видеть повсюду.

— Он будет находиться на этом месте до следующей ночи, — проговорил Трентон, чуть дыша. — Воздух здесь достаточно влажен и листва не завянет так быстро. А теперь идемте со мной. Мы должны исчезнуть отсюда.

Эти люди жили так же примитивно, как и земные дикари каменного века. По сравнению с ними туземцы на Дзете-3 жили намного комфортабельнее.

Я так удивился присутствию здесь детей, что у меня буквально пропал дар речи. Мак-Ильстер рассказывал все увеличивающейся волнующейся толпе о космических приключениях, участником которых он был, не забывая раздавать лакомства из нашего космического рациона.

Я с унынием подумал, что наших запасов не хватит на два месяца. Если в ближайшую ночь нам не удастся осуществление нашего плана, нам предстоит определенные трудности с питанием.

Глаза Умника Фиса стали печальными, когда Сирил приветствовала одного из возвратившихся мужчин так словно это был ее жених. Он вызвал у меня сочувствие. Но собственно, я должен был сказать, что эта девушка никогда бы не доставила счастья космическому путешественнику. Она слишком срослась с почвой этой планеты.

Фис мастерски овладел собой. В его глазах не было никакой фальши, когда он дружески пожал руку этому молодому человеку. Тот отрекомендовался Гайном Софратом и, казалось, был заместителем Трентона.

Глаза его вспыхнули, когда Сирил объявила наш план. Она сделала это слишком поспешно. В глазах у меня помутилось, когда я увидел окровавленные куски мяса, которые он втащил в пещеру. По-видимому, он вернулся с охоты.

Умник Фис в ярости бросился прочь. Мне тоже стало так дурно, что я едва сдержал тошноту. И эти люди принимают участие в поедании такого мяса!

Мак-Ильстер был еще чувствительнее! Получилось так, что теперь мы стояли в дальнем конце пещеры и дружно обсуждали проблему питания.

— Если придется остаться здесь, я покончу с собой, — выдохнул младший офицер. — Попомните мои слова! Можно здесь, по крайней мере, получить синтетические протеины? Спросите их еще раз, лейтенант.

Я обдумал его слова с глубокой обидой.

— По-видимому, мы должны распределить оружие и позаботиться о том, чтобы у каждого были запасные магазины. Трентон и Софрат так обращались с ядерными излучателями, что меня просто пот прошиб от страха. Однако эти люди все же знают, как обращаться с оружием.

Умник Фис вновь корчил из себя неумеху. Это его поведение вызвало у людей легкое недоумение. Поэтому я осторожно проинформировал их о характерных особенностях его поведения, и они сделали вид, что ничего не замечают.

— Спасибо, мистер Ипстал, — сказал Фискус. Его смущенная улыбка поставила на грань истощения мою нервную систему, которая и так едва справлялась с нагрузкой.

Мы еще раз обсудили наши планы. Трентон и Софрат дали немало ценной информации.

Потом нас уложили в одном из углов пещеры. Поблизости от меня горел костер, и я довольно долго находил это романтичным, пока один бок у меня не поджарился, а другой не замерз. Ну и условия здесь были! Просто ужасно.

Я с тоской подумал об узком отверстии климатизатора, экране дальней связи и переговорном устройстве. Сейчас я многое отдал бы, чтобы снова оказаться в тесной каюте, называемой «офицерской». Как меняются взгляды!

Умник Фис храпел. Мак-Ильстер временами хватал воздух, словно утопающий.

В таком вот окружении я и погрузился в царство сновидений.

Глава 11

С Фискусом Боулдером, Джоссом Ипсталом и Мак-Ильстером было еще двадцать человек, которые теснились в кабине и в грузовом отделении бота. Фис вел машину над отрогами огромного горного хребта. Иногда казалось, что мы вот-вот врежемся в отвесно возвышающиеся горные пики. Скорость бота составляла 0,5 километра в секунду.

Мак-Ильстер, судорожно скорчившись, сидел в кресле второго пилота и смотрел на радарную карту, на которой хотя и не были четко указаны препятствия, но все же угадывались их контуры.

Трентон сидел на корточках на полу между ними. Перед его глазами светилась цветная трехмерная карта электронного локатора. Локатор этот делал наступившую ночь ясным днем. Трентон был не тем человеком, которого мог обмануть проплывающий внизу ландшафт.

Прошло более пяти лет с тех пор, как он пролетал над этой местностью. Пока Фискус следил за соблюдением курса, он пытался разобраться в своих чувствах. Трентон был умелым техником и великолепно ориентировался на местности. Человек, для которого Толиман был родным домом.

— Спускайтесь ниже и уменьшайте скорость, — крикнул Трентон сквозь грохот двигателя, плазменный выхлоп которого мог выдать их.

С мощным пеленгационным прибором бота работал Джосс Ипстал. Он сидел позади этих трех людей и осматривал окружающее их воздушное пространство. Однако ни чужого корабля, ни какого-либо другого летательного аппарата не было видно.

Рев плазменных двигателей немного стих. Реактор автоматически переключился на пониженную мощность. Наконец, Фискус перевел машину на дозвуковую скорость. Несущих плоскостей было вполне достаточно, чтобы держаться в воздухе и управлять с помощью обычных рулей. Ипстал заметил, что по лицу Фискуса струится пот.

— Что случилось? — спросил он озабоченно. — Непорядки с ботом? Переключитесь на нижние дюзы.

— Опасно, — ответил инженер. — Все может пойти наперекосяк. Мы очень низко над лесом, а плазменный выхлоп имеет температуру в несколько тысяч градусов. Зелень этого леса не выдержит.

— Ни в коем случае нельзя допустить лесного пожара, — обеспокоенно крикнул Трентон. — Мы находимся примерно в пятидесяти милях от станции. И должны совершить посадку уже за ближайшей горной цепью. Лучше немного поднимитесь, если не удастся вести бот на такой высоте. В конце концов, ваш бот не предназначен для полетов в атмосфере планеты.

— Таково и мое мнение, — согласился Мак-Ильстер. — Горная цепь находится прямо перед нами. Она не очень высока, но протяженна. Прямо за ней находится вулкан.

— Я знаю. Ищите широкое ущелье между горными склонами. По дну его катится река. Мы должны придерживаться ее русла, если надеемся незаметно миновать горы. Если же мы появимся над горами, нас моментально засекут. Там плоская равнина. Мы должны преодолеть ее.

Боулдер прерывисто дышал. Левой рукой он сжимал рычаги управления, а правой манипулировал электронным радаром. Время от времени при помощи аэродинамических рулей он приподнимал бот вверх.

Секундой позже на экране появилась река и немедленно исчезла среди поднимающихся скал, которые устремлялись вверх, в темное небо.

— Вы должны влететь в ущелье,— спокойно сказал Трентон.— Если вы не сможете этого сделать, нам придется идти через горы пешком. Когда мы преодолеем горы, я покажу вам великолепное укрытие неподалеку от станции. Однако теперь все зависит от вас.

— Люди должны вести себя спокойно,— проговорил Фискус, и в тот же миг двигатель заревел громче.

В этих условиях сумасшедшего полета при почти трехкратном превышении скорости звука бот мчался низко над поверхностью водного потока, рискуя в любой момент не вписаться в изгиб реки и врезаться в отвесную скалу. Ипстал облегченно вздохнул, когда каменные стены начали расходиться в стороны.

— Пролетели,— прогремел голос Трентона.— Это было сделано великолепно, просто великолепно!

— Автоматика взяла на себя почти все управление,— с сожалением сказал Фискус.— А она соединена с локатором обнаружения препятствий. Далеко нам еще лететь?

— Садитесь там, за изгибом, справа от реки. Там, над равниной, возвышается одинокая гора. В ней есть большая пещера, в которой можно укрыть бот. Осторожнее, лейтенант! Станция отсюда довольно близко. Она расположена за небольшой возвышенностью, но подлететь ближе мы не сможем. Вы производите слишком много шума.

Мгновением позже, полыхая дюзами, бот опустился точнехонько в то место, что указал нам Трентон.

Управляемый Фисом бот, скользя на посадочных полозьях, втиснулся в огромное отверстие в скале, которое выпрыгнувшие из бота люди немедленно замаскировали.

Один из людей должен был остаться у машины в качестве охранника. Сирил Трентон, которая принимала участие в этой операции, расчетливо обрушилась на офицера-суперкарго «Алголя».

— Только не переживайте,— сказала она, когда Ипстал запротестовал.— Люди, на которых действует вид даже незаряженного излучателя, не слишком пригодны для боя. Вы останетесь здесь.

— Черта с два я сделаю это! — яростно защищался

Ипстал. — В конце концов, я же не знал, что ваша энергоглубина ни на что не годна. У меня при себе нет счетчика Гейгера, с помощью которого я смог бы засечь радиоактивность плазменного заряда. Оставляйтесь здесь сами, если вам угодно. Бой — это не дело для молодой девушки!

— Лысый Хорст во время последней охоты поранил руку, — вмешался Гайн Софрат. — Покончим с этим спором: он останется охранять бот. Мы не можем терять время. Если все пойдет нормально, у нас останется только два часа темноты.

Лысый Хорст, пожилой человек, молча принял на себя обязанность охранника бота. Ипстал немного занервничал, когда тяжелый излучатель вместе с запасными магазинами лег ему на плечи.

Мак-Ильстер пробормотал несколько проклятий, когда на его спину нагроулили тяжелую атомную ракету.

— Если я взлечу на воздух, счетчик Гейгера защелкает даже в системе Дзеты, — пробурчал он. — Я слабый человек, понимаете ли вы! Кто возьмет у меня эту штуку?

Он взглянул на иронически блестящие глаза окружающих. Потом отправился за людьми, потрепанные комбинезоны которых выдержали небольшую войну, длящуюся уже несколько лет.

Высоко над ними светился гигантский диск Сорама-1. Он щедро изливал свой красноватый свет. Через несколько минут глаза людей привыкли к полутьме, так что даже Ипстал снял тяжелые инфракрасные очки.

Их путь, казалось, длился целую вечность. Через час люди начали задыхаться под тяжелым грузом. Фискус использовал пересекающий местность овраг как тактическое укрытие. От оцепляющей усталости даже Ипстал, наконец, примирился со своей судьбой. Казалось, не существовало больше ничего, что могло утешить его или подбодрить.

Дальше путь пролегал по пересеченной местности. Вместо предусмотренных двух часов понадобилось в полтора раза больше, пока, наконец, перед их глазами не открылась равнина.

Переносные излучатели забрали троих других людей. Тяжело дыша, Фискус, нагруженный запасными магазинами, тащился сзади. Ипстал между тем так устал, что у него даже не было силы протестовать по поводу того, что его нагроулили таким опасным оружием.

— Всем укрыться в складках местности, — передавалось от человека к человеку. — Отдых.

Боулдер тихо подошел к Трентону, который укрылся позади скального выступа.

— Наконец-то! — прошептал он устало. — Теперь мы достаточно близко.

Он посмотрел на космодром, раскинувшийся перед ними. В километре к востоку возвышался «Алголь», устремив свой красный нос в темное небо.

— Крейсера нигде не видно, — пробормотал поселенец. — Нам везет, лейтенант. Когда здесь появится Эгон Рефле, на борту корабля с ним будет еще четыреста человек. И, если он хочет сохранять свой крейсер боеспособным, на его борту должно оставаться не меньше тридцати процентов личного состава. Правильно?

— Более или менее, мистер Трентон. Я в течение трех лет служил на крейсерах Флота. Ему потребуется не менее двухсот человек, но и тогда нормальная смена вахт будет нарушена. Вы уверены, что сюда больше не прибыли новые люди?

— Год назад их не было. Кажется у него вне системы Сорама-1 какие-то затруднения.

Большим пальцем он указал через плечо наверх, туда, где начиналось межзвездное пространство.

— Когда мы проведем быстрый налет, ему придется доставлять сюда материалы. Где-то в заселенной части Галактики у него должна существовать опорная база, которая обеспечивает его всем необходимым. Расплачивается он парापониумом, так я считаю. С другой стороны, его крейсер не может стартовать с обычного космодрома. Так что есть возможность его обнаружить. Мне кажется, Рефле связан с галактическими торговцами, которые и обеспечивают его всем необходимым. Ненаселенных планет вполне достаточно, а за мертвыми мирами вряд ли кто наблюдает.

Фискус кивнул, вздрогнув от внезапного проклятия Трентона.

— Что это? — взволнованно проговорил он, и его излучатель тотчас же обратился вверх. В горле поселенца зародился смех, однако, это был нервный смех.

— Ничего особенного... сюда прибывает чужой корабль... но он не такой, какой мы видели год назад. Этот значительно больше.

— Не может быть никакой ошибки? — прозвучал позади них голос Ипстала. Он осторожно приблизился к ним, чтобы посмотреть, что же происходит.

— Однако корабль находится сравнительно близко от станции. Как же вы хотите пробраться туда?

— Мы сделаем это. Это и будет наша первая попытка прокрасться по полю космодрома. Там достаточно неровностей, о которых мы, конечно, знаем. Корабль, в данном случае, намного важнее, я уже говорил об этом.

— Вы хотите сказать, что чужаки прибыли на Толиман, чтобы организовать свой опорный пункт? — спросил Фискус. — Вы это подразумеваете?

— Именно это! Они, как и мы, кислорододышащие. Мы видели их, они не носят ни скафандров, ни масок. И могут здесь спокойно жить. Может произойти галактическая катастрофа, если Рефле окажет им помощь в превращении Толимана в неприступную крепость. Уже завтра сюда может прибыть их флот, оснащенный всем необходимым.

— Невозможно, я в это не верю, — вмешался Ипстал. — Что они могут пообещать ему? Он же, в конце концов, только человек.

— Кажется, я знаю, что! Может быть, он надеется распространить свою власть и на другие планеты. Может быть, он надеется получить такое оружие, которое мы даже не можем себе вообразить. Не недооценивайте этого парня. Во всяком случае, этот корабль больше по размерам, чем другие. Я не ошибаюсь.

Фискус еще раз внимательно посмотрел в том направлении, потом прошептал:

— Все в порядке, мистер Трентон. Мы начинаем. Вот как это должно быть. Ваши люди должны покинуть рудник. Вы уверены, что пленников не поместили в здание станции?

— Совершенно уверен. Они на руднике, а это достаточно далеко отсюда. Мы спокойно можем устроить здесь фейерверк. Лежите здесь. Я отправлю своих людей на рудник.

Когда он исчез позади них и начал отдавать приказания, Ипстал со вздохом сказал:

— Здесь может стать очень весело, Боулдер. Этот корабль вдвое больше «Алголя». Чтобы сделать его небоеспособным, нам придется потратить порядочно ракет.

— Будет вполне достаточно, если он опрокинется и его обшивка полурасплавится, — ответил Фискус холодно. От его слов у Ипстала мороз пробежал по коже.

Позади них как тени сновали люди. Им раньше довольно часто приходилось бывать в этом месте, и они знали здесь каждую складку, каждый бугорок.

Гайн Софрат вместе с четырьмя другими людьми исчез на склонах вулкана. Ему требовалось полчаса, чтобы оказаться позади длинного здания станции, которое поднималось в темное небо позади космодрома. Над всеми строени-

ями космодрома доминировала башня пеленгатора и дальней космической связи. Эгон Рефле за те несколько лет, что он был на Толимане, проделал значительную работу.

Фискус знал, что эти четыре поселенца были вооружены ядерными излучателями и боевыми ракетами. Как только раздастся первый выстрел, они должны были превратить строения станции в раскаленный атомный ад.

Сирил отправилась вместе с четырьмя другими людьми, которые покинули космодром. Их заданием было обезвредить небольшую охрану рудника и освободить пленников.

Условленный час ожидания тянулся крайне медленно. Каждый удар сердца, казалось, длился вечность. Ипстал превратился в комок нервов. Он все время повторял, что он всего лишь мирный торговец.

Его бормотание смолкло лишь тогда, когда Трентон бросил на него испытывающий взгляд и сказал:

— Людям приготовиться. Боулдер, нам необходимо приблизиться к кораблю на расстояние до пятисот метров. Мы возьмем с собой лучевую пушку.

— Возьмите меня с собой, — попросил Мак-Ильстер. — Я имею опыт обращения с этим орудием.

— Вы слишком толсты, — ответил поселенец. — Ваше дыхание разбудит всю охрану, а ваше весьма достойное внимания седалище появится на экранах всех радаров. Вы же никогда не сможете по-настоящему как-то укрыться в небольшой ложбине. Вы пойдете с Зонтом, который ответит вас к «Алголу». Там тоже, несомненно, имеется охрана, которую необходимо ликвидировать как можно скорее. Это надо сделать по возможности бесшумно, потому что мы нападём только тогда, когда вы возьмете под контроль свой корабль. Следите за тем, чтобы внутри не осталось ни одного охранника. Мы начнем свои действия тогда, когда Зонт подаст нам знак. Ясно?

Гибкий, как кошка, поселенец молча поднял руку в знак понимания и исчез вместе с тремя своими товарищами. Мак-Ильстер отправился с ними.

Осталось еще пять человек, которым предстояло выполнить самую трудную часть операции.

Фис задумчиво пробормотал:

— По моим расчетам, вероятность успеха составляет 85,532 процента.

— Перестаньте, дружище! — простонал Ипстал. — Вы уже опять принялись все подсчитывать! Что, собственно, находится у вас в голове? Серое вещество или позитронные вычислительные ячейки?

— Извините, я, конечно, мог ошибиться на несколько десятых,— покраснев, проговорил молодой человек.

— А теперь тише,— прошипел Трентон.— Будьте готовы! Боулдер, вы начинаете. Кумбал идет впереди и отведет вас в ложбину, где вы укроетесь.

Оружие вновь было вскинуто на плечи. Трентон и Фис взяли тяжелую лучевую пушку, вес которой в полной мере ощутился тогда, когда после преодоления лавового склона они достигли намеченной ложбины. Она была достаточно широкой, однако, недостаточно глубокой, чтобы они могли выпрямиться.

Кумбал вместе с двумя другими людьми вел разведку далеко впереди. Перед каждым поворотом он останавливался, и его голова на мгновение появлялась над краем ложбины. Отрезок в пятьдесят метров они преодолели, укрываясь за естественными кучами камней.

Им потребовался еще час, пока, наконец, перед ними не вырос чужой корабль. Он находился не менее чем в пятистах метрах от них, но людям казалось, что он возвышается в небо прямо перед ними.

— Через полтора часа рассвет,— прошептал Трентон.— Располагайтесь. Стрелять только тогда, когда Зонт подаст знак.

Вместе с Фискусом он установил лучевую пушку на станину, и вращающийся отражающий рефлектор медленно повернулся вверх. Первый заряд плазмы поступил из магазина в камеру. Осталось только нажать на гашетку.

— Ракетами стрелять точно под кормовые дюзы,— отдал он приказ.— Пускать ракеты всем одновременно, однако, не больше четырех за раз. Иначе и мы пострадаем от их взрыва.

— Это будет равно взрыву тысячи шестисот тонн тринитротолуола,— простонал Ипстал.— Каждая ракета имеет мощность в четыреста тонн ТНТ. Цельтесь внимательнее. Для корабля этого будет более чем достаточно!

— А мы находимся всего в нескольких сотнях метров оттуда. Взрывная волна промчится над нами. А излучение?

— Вообще никакого,— прошептал Ипстал.— Ядерный катализ проходит без побочного излучения. Действие этих штук весьма специфично. Непродолжительное излучение возникает только на месте взрыва. Однако мы пригнем головы. В воронке мы будем в относительной безопасности.

Трентон посмотрел на корабль. Временами на его фоне вырисовывалась фигура охранника.

— Не высовывайте головы без дела,— предупредил он,— у них имеются переносные локаторы. Я вообще удивлен, что они так беззаботны.

— Старик рассказал этим людям кое-что о Боулдере,— язвительно заметил Ипстал.

Внезапно позади них, зашипев, полыхнула молния.

Фискус вздрогнул и оглянулся на ярко осветившуюся обшивку «Алголя». Группа Зонта, должно быть, обезвредила тамошнюю охрану, так как в небо отвесно ударил ослепительный луч.

Далеко впереди заметили этот сигнал. На отдаленной станции вспыхнул прожектор. Открытый воздушный шлюз огромного корабля внезапно осветился.

— Именно этого мы и ждали,— прогремел голос Трентона.— Огонь!

Фискус навел инфракрасный прицел прямо на осветившийся шлюз. Когда он нажал на гашетку, из нацеленного рефлектора небольшой лучевой пушки вырвался бело-голубой, толщиной с палец человека луч, который попал в цель и превратил часть обшивки в пар. Непрерывный энерголуч снова и снова кромсал беззащитный корабль, превращая его в расплавленную массу металла.

Фискус громко крикнул:

— Ракеты, Трентон!

Тотчас же четыре боевые ракеты одновременно покинули направляющие трубы. С сумасшедшей скоростью они пронеслись низко над почвой. Когда они исчезли под кормой гиганта, все люди вжались как можно глубже в воронку. Нижняя часть корабля была полностью уничтожена вспыхнувшей колонной огня. Оставшаяся часть, раскаленная добела, была подброшена высоко в небо.

Вместе с опаляющей жаром взрывной волной пришел звук. С ужасающей силой все это пронеслось над людьми. Огненная колонна вздымалась в темное небо. Казалось, это возшло новое солнце, только свет его был гораздо ярче и безжалостнее.

Высоко над ними разросся пронизываемый молниями кроваво-красный гриб и пронеслась вторая ударная волна. Ужасающий грохот медленно затихал. Шторм ослабевал.

Там, где только что стоял корабль, почва кипела. Повсюду валялись оплавленные обломки. Высоко над космодромом носились мелкие частицы полностью уничтоженного огромного корпуса.

Было невыносимо жарко. Люди плотнее вжимались в землю, которая, казалось, тоже передавала этот жар.

Вдалеке все еще грохотало. Воздушный шквал был частично отражен склонами вулкана, и оттуда пришла еще одна волна, которая на этот раз прокатилась с другой стороны равнины.

— Прочь отсюда, здесь нельзя оставаться, однако, к несчастью, идти тоже нельзя, — прогремел голос Трентона. — Бросайте все, оставьте лучевую пушку. Она нам больше не нужна. Жара становится невыносимой. У меня уже волосы горят.

Размахивая руками, моргая слезящимися глазами, Фискус всматривался в буйство раскованных сил природы. Гриб расширялся все больше и больше. Кроме того, начал пробуждаться вулкан. Из его кратера вырвался красный язык пламени и горячего пепла.

Когда Фискус на мгновение выглянул за казавшийся отполированным край их убежища, он увидел разрушенные строения станции. Они не были достаточно далеко, чтобы выдержать ужасающую взрывную волну.

Радарная башня была полностью уничтожена. Теперь в этих обломках тоже что-то гремело. Небольшой ядерный взрыв превратил станцию в мешанину расплавленного стекла и бетона. Раздался еще один чудовищный взрыв, и в небо взметнулась еще одна колонна огня. Им казалось, что над ними струится река раскаленного воздуха. Но еще хуже был поток холодного воздуха, устремившегося в вакуум, образовавшийся за взрывной волной.

Ипстала безжалостно покатило по почве, пока ему не удалось зацепиться за маленький каменный холмик.

Ругаясь, он спешил за людьми, которые перебежками отступали к находящемуся почти в километре от них «Алголю». Однако никто по ним не открыл огня, и Боулдер воскликнул:

— Смотрите, я оказался прав на восемьдесят пять процентов. На руднике, кажется, начался ад.

Пока уничтожались корабль и станция, далеко на юге, казалось, шел тяжелый бой. Когда они достигли «Алголя», там их уже ожидал Мак-Ильстер. Заметив приближавшихся, он закричал:

— Быстрее входите внутрь. Здесь все в порядке. Зонт и другие люди ушли незадолго до взрыва. Они направились к руднику. Осторожно, почва тут еще горячая.

Это было сказано Ипсталу, который ожег о камень массивную подметку своего сапога. Закричав, он отпрыгнул от камня, в который еще совсем недавно попал луч из оружия Мак-Ильстера.

Они сорвали с его ноги сапог, а он, скривившись от боли, воскликнул:

— К дьяволу! Не могли мне сказать об этом раньше!

Трентон втащил офицера-суперкарго на маленькую платформу.

— Вы обыскали корабль? — поспешно спросил Фискус. — Вы уверены, что там никого больше нет?

— Ни одного человека, лейтенант. Здесь, наверху, были двое, но они были так неосторожны, что при первых же выстрелах выскочили на платформу.

Минутой позже Фис и Мак-Ильстер оказались внутри корабля. Третий Инженер «Алголя» тут же взял на себя командование. Немедленно заработали оба реактора.

Фискус работал с непоколебимой уверенностью, несмотря на то, что за его манипуляциями наблюдал младший офицер.

Заряженные аккумуляторы выдали необходимую энергию на проекторы поля, и внешняя обшивка корабля окуталась мерцающим защитным экраном. Реакторы ревели, развивая максимальную мощность, когда Фискус опять прошел в централь. Однако там находились только пять поселенцев, которые, казалось, чувствовали себя очень неуютно в этом заполненном таинственными приборами и аппаратами помещении.

— Где лейтенант Ипстал? — спросил Боулдер. — Надеюсь, не снаружи? В защитном экране любое тело будет распылено. Где же он?

— Он говорил что-то о лучевой пушке, — неуверенно проговорил Трентон. — Но... возьмите нас с собой или выпустите наружу. Что произошло с вашими людьми? Вам что-либо известно?

Боулдер покачал головой и устремился в оружейную башню. Ипстал с покрытыми пузырями голыми ногами сидел за прицелом лучевого орудия, на реакторной камере которого горел красноватый огонек.

— Совсем ничего не видно, — проскрежетал он. — Будьте милосердны и поспешите в корабельный госпиталь. Когда вы откроете шкафчик с ядами, вам, может быть, попадется пузырек с болеутоляющим. Принесите его мне, и побыстрее. Я линчую за это Мак-Ильстера, однако, помогите хотя бы вы. Где находятся другие члены экипажа?

— Только будьте внимательны и не стреляйте слишком поспешно, — приказал Фискус выходя. Десятью минутами позже Ипстал получил желаемое болеутоляющее средство.

Глава 12

Я сидел за тяжелым лучевым орудием как венерианский раскоряка. Космический офицер с больными ногами — чрезвычайно редкий случай, так как люди подобного сорта не имеют особого желания чрезмерно переутомлять свои ноги. И именно я должен был наступить на этот раскаленный камень! Крик боли все еще звенел у меня в ушах, когда Умник Фис делал мне обезболивающую инъекцию.

Примерно в сотне метров подо мной гремели оба реактора. Они грохотали так, что орудийная башня, в которой я сидел, содрагалась.

Мои ноги выглядели так, словно я с двадцатью чертями играл в футбол раскаленным мячом. В конце концов, я перестал глядеть на них.

Приняв позу поудобнее, я сидел в своем вращающемся кресле. В эфире царило оживление. Умник Фис все время запрашивал результаты моих наблюдений.

Ожесточенный бой на руднике незадолго до этого затих окончательно. Когда желтое солнце вскарабкалось на горизонт, я заметил на экране моего прицела гибкую человеческую фигуру.

Понадобился еще час, пока жалкие остатки боевой группы остановились на почтительном расстоянии от корабля. Наши люди были среди них, и по шишковатому носу я узнал Старика. Он так широко раскрывал свой рот, что мне казалось, будто я слышу его рев даже здесь, сквозь защитный экран корабля.

С ним был весь наш экипаж; я недосчитался только Лефло и Пайперса. При мысли, что с ними обоими могло что-то случиться, я весь покрылся холодным потом. Оба наших инженера! Как же мы выйдем в космос без них?!

Я поспешно гнал от себя допущение, что именно Умник Фис в качестве Главного Инженера перебросит нас через крошечную бездну гиперпространства.

Минутой позже защитный экран исчез. Кестер первым поднялся на борт. Кроме наших людей, перед кораблем стояло еще около сотни человек. Я увидел сцену, от которой у меня на глазах выступили слезы. Это, несомненно, были высаженные здесь восемь лет назад поселенцы, которые в результате нашей операции были освобождены от ужасного плена.

На месте станции Толимана были видны только жалкие обломки. Там, где еще ночью стоял чужой корабль,

продолжали дымиться камни. Вулкан непрерывно выплевывал огонь. Мы ощущали подземные толчки от повысившейся сейсмической активности.

Я подождал еще полчаса. Тем временем автоматический прицел моего орудия неустанно обшаривал воздушное пространство. Я снова и снова со смешанным чувством думал о крейсере, потому что в единоборстве с ним мы не имели никаких шансов.

В конце концов, мысли о нем подействовали на меня так, что я включил интерком и заорал в микрофон:

— Придет ко мне кто-нибудь на помощь?

В кишасщем людьми «Алголе» стало сравнительно тихо. Потом я услышал испуганный голос:

— Боже мой! Мистер Ипстал тяжело ранен! Доктор, где вы?

— Лучше бы вы приветствовали мои ноги! — вскричал я взбешенно. — Может быть, я скоро поднимусь. Действие обезболивающего кончается.

Три человека так осторожно снесли меня вниз, что, казалось, я парил как ангел. В центральном на меня набросился Старик. Расчувствовавшись, он называл меня Вторым Человеком. Его утешительные слова чудесно подействовали на меня.

Первым Человеком, конечно же, был Умник Фис, который вновь чрезвычайно смущенный стоял в углу, шаркая ногами.

Перед кораблем состоялось нечто вроде импровизированного митинга. Все наши бородатые друзья были снаружи. Они вышли из корабля после того, как Старик передал им значительную часть нашего продуктового запаса.

На руднике из-за отчаянного сопротивления охраны мы понесли значительные потери. Сирил Трентон вернулась оттуда с обожженными волосами, а все ее четверо друзей навечно остались там.

Софрат тоже потерял одного человека, который неосторожно оказался поблизости от взорвавшегося склада оружия на станции. Только теперь я узнал, что они не выпустили ни одной ракеты. Выстрела из лучевой пушки было достаточно, чтобы детонировал запас плазмы на складе станции, который и разнес ее в клочки.

Само собой мы должны были переполниться радостью и ликовать. В конце концов, даже наш шеф был вынужден работать на руднике, и уже одно это было основательным примером для ликования.

Когда вспомнили о смерти Леффо и Пайперса, я тоже притих. Оба они были отличными парнями, хотя Леффо временами был довольно злобным офицером. Кестер не напрасно лил слезы, а на Умника Фиса я даже ни разу и не глянул, так как мне не очень хотелось видеть его жалобные собачьи глаза.

Килению рассказал мне о том, как погибли эти люди. Когда Сирил со своими людьми начала атаку на рудник, охранники тотчас же отключили подъемники, чтобы помешать соединению нападавших с пленниками. Леффо и Пайперс, оба великолепные специалисты, попытались запустить маленький реактор в нижней части шахты, находящийся в одном из штреков. Это им удалось. Когда они подали полученную энергию на подъемники и ворвались в главную диспетчерскую рудника, то оба были убиты находящимися там охранниками. Те тоже не избежали уготованной им участи.

Потом перед нами встала проблема поселенцев. Мы вместе с остальными людьми собрались в централи. В конце концов, Старик пришел к выводу, что в ближайшие недели им не может угрожать никакая опасность. От пленников мы узнали, что крейсер ушел к ледяным планетам системы Сигмы, где он в течение трех земных недель будет ждать корабль снабжения.

Чужие разумные существа могли появиться здесь на своем корабле не ранее чем через шесть недель, так как они прилетели с другого конца Млечного Пути. Большие пленники ничего не знали, да и мы особенно не расспрашивали их на эту тему. В конце концов, это было дело Флота, который мы должны были известить как можно скорее.

Тяжело вооруженные поселенцы прочесали все окрестности. Были обнаружены еще два пленника, однако, они тоже немного смогли сообщить нам. Мы их поместили в наши арестантские камеры.

Около полудня мы стартовали. Конечно, мы оставили поселенцам приличный запас продуктов, медикаменты и одежду, а также маленький кибервертолет, чтобы эти люди не испытывали никакой нужды до прибытия соединения боевых кораблей Флота.

Все это мы поместили в посадочный бот и отвели эту машину, предназначенную для полетов в атмосфере, подальше, чтобы она была в безопасности. Тяжелые тракторы и прочие машины для обработки почвы мы оставили на борту, так как в данный момент поселенцы

не могли ими воспользоваться. Мы передали им только то, в чем они нуждались.

Нам потребовалось два дня, чтобы до некоторой степени восстановить полное спокойствие в этом обществе. Скрывавшихся у водопада тоже необходимо было доставить сюда. Умник Фис практически не вылезал из вертолета.

Если во время нашего отсутствия кто-то и нападет на космодром, не произойдет ничего страшного. Станция была уничтожена, и все запасы парапонима тоже пропали.

Старик бушевал как дикарь, однако, ничего нельзя было изменить. Умник Фис пребывал в своем обычном скверном состоянии духа и поэтому вновь страдал от своей склонности к заверениям и извинениям.

Пленные сообщили, что крейсер забрал с собой лишь малую часть руды, добытой за последний год. Почти восемьдесят ее процентов рассеялось в атмосфере вместе с остатками чужого космического корабля.

Мы предвидели непредвиденные осложнения и тем более считали себя обязанными как можно скорее доставить Флоту такое важное сообщение.

В конце концов, Старик утешился великолепными биллис-кристаллами, которые целыми и невредимыми лежали в его тайнике. Это давало необходимый задаток для приобретения нового корабля, если господа из ОГП будут такими мелочными. При всех обстоятельствах мы имели право на реализацию первой партии руды, даже если это будет стоить нам еще одного прилета сюда.

От припадков бешенства Кестера не могла защитить ни одна каюта. Мы старались держаться от него как можно дальше, чего бы это нам ни стоило, чтобы быть вне пределов его досягаемости.

Наконец, он остановился перед Умником Фисом, который опять принял образцовую выправку.

— ... а теперь я спрашиваю вас, мистер Фискус, как вы себе представляете этот старт? Как, мой друг? Вы — последний инженер на моем корабле и, кроме того, самый молодой член экипажа. Должен ли я доверить вам маневр перехода? И именно на расстояние в четыре тысячи световых лет. О-о!

Он устало опустил на пластиковую табуретку и осмотрел нас, столпившихся вокруг него. Внезапно, совершенно ни к месту, Киленио проговорил:

— Мне очень жаль, Боулдер. Я ошибся. Не я должен быть сейчас здесь. Итак, вам не нужно запрашивать мой компьютер?

Никто не понял его слов. Старик тоже. На его вопрос Киленио ответил, что это было личное замечание, а я обратил внимание на покрасневшее лицо нашего странного святого. Что же произошло между ним и Киленио?

Мак-Ильстер, дрожа, стоял позади Фискуса. Как младший офицер, он ничего не сказал, но у него подогнулись колени, когда Батчер, наш Второй Навигатор, проговорил:

— На этот раз я не покину централь. Мак-Ильстер должен находиться в силовой централи, а Боулдер должен взять на себя обязанности Главного Инженера. Это значит, что на нем лежит все машинное отделение. Когда он поведет «Алголь» на досветовой скорости, на вахту может заступить Кольман. Он справится в машинном отделении. Там он едва ли ошибется. На Боулдера, конечно же, ляжет подключение конвертера, которым должен управлять он сам. Я не вижу другого выхода.

— Боулдер, сможете ли вы это сделать? — с сомнением спросил Старик. — Мой молодой друг, ведь вы сможете это сделать, не так ли?

— Да... так точно, сэр! — ответил тот с запинкой.

Итак, это дело было улажено. Однако в последнее мгновение нам был нанесен еще один ужасный удар. Сам Старик смог только выругаться, когда, опустив глаза, объяснил нам:

— Конечно, мы должны лететь к ближайшей базе Флота. К сожалению, она находится... ага... на Дзете-3. Я хочу порекомендовать лейтенанту Боулдеру во избежание несчастных случаев ни в коем случае не покидать корабль. Туземцы, несомненно, будут жаждать кровавой мести. Да, это наверняка так.

Во время этого разговора Умник Фис умирал двадцатью смертями. Дрожащими губами он произнес:

— Сэр, мы не можем на другой... на другой планете, очень прошу вас, извините, что я отваживаюсь, но...

Старик не ведал жалости, хотя сам внутренне дрожал за биллис-кристаллы.

В конце концов, он громовым голосом произнес:

— Друзья, мы сделаем это. В конечном счете я... я имею в виду, что мы навели здесь порядок. Конечно, мы провернули это дело соответствующим образом. Нужно только еще раз слетать к ближайшему опорному пункту Флота. Есть вопросы?

Старт на вспомогательных двигателях прошел сравнительно успешно, несмотря на то, что Фискус наращивал ускорение как сумасшедший. Позднее он утверждал, что, по его расчетам, это было необходимо, в противном случае нам не хватило бы запаса плазмы.

Килению проделал великолепные расчеты. Потом наступило мгновение, которого я ожидал со страхом.

Конечно, я доверял Умнику Фису, однако, на такой великолепный прыжок я никогда не рассчитывал. Мы прибыли в расчетную точку с изумительной точностью. Прежде чем Кестер успел выразить свою радость, Дзета-3 была перед нами.

Маневр посадки был также великолепен. Мы могли только удивляться. Когда мы предстали перед командующим адмиралом в системе Дзеты-3, Старик представил Умника Фиса как Главного Инженера «Алголя».

Мы поскорее заправились, а потом вместе с гигантом «Супалисом» отправились обратно к Толиману.

Двадцать кораблей Флота давно уже находились на космодроме, когда мы прибыли туда. Этим кораблям понадобилось всего восемь часов, чтобы достичь нужной для прыжка скорости. А нам для этого нужно было восемьдесят четыре часа!

Когда мы после недоверчивых вопросов в конце концов совершили посадку, почти сразу же после нас прибыл вражеский крейсер.

Но это произошло восемью днями позже. Мы наблюдали спектакль, от которого у нас с Фискусом встали на голове волосы дыбом. В возбуждении Фис прыгнул на маленькую посадочную платформу, и если бы Мак-Ильстер не успел подхватить его в последнее мгновение, то наш Главный Инженер наверняка шлепнулся бы с восьмидесятиметровой высоты на землю.

Командир крейсера за свое упорное сопротивление поплатился полным уничтожением корабля. На границе ионосферы разыгралось настоящее сражение. «Супалис» дал несколько бортовых залпов из своих сверхмощных ядерных излучателей, и судьба крейсера Эгона Рефле была решена.

А потом нам пришлось ждать еще восемь недель, чтобы наши пустующие трюмы были загружены парапопиумом. Командир соединения дал нам разрешение на старт.

— Ну, господа, я желаю вам успешного возвращения домой. Впрочем, вы не должны больше совершать посадку

на Дзете-3, потому что тамошний представитель Флота что-то прослышал о чудовищном обмане туземцев. Вы это хорошо понимаете?

Наш Старик покинул каюту генерала как можно скорее. Смертельно бледный Умник Фис так стремительно провел старт, что казалось, эта луна Толиман вот-вот развалится на куски.

Он был утвержден в должности и до сего времени остается нашим Главным Инженером, и, я думаю, мы никогда не пожалеем об этом.

Когда на борт взошел новый Третий, мы сразу поняли, что он является полной противоположностью нашего Умника Фиса. Такого злословия, сыпавшегося из его рта, я еще никогда до сих пор не слышал, а ведь я не новичок в космосе.

Умник Фис подвел итоговую черту, и мы попросту забыли нашего нового Третьего на одной из слабонаселенных планет. Старик снова бушевал, но согласно расчетам Фискуса Элиаса Боулдера выходило, что, если новый Третий останется на борту «Алголя», это с девяностошестипроцентной вероятностью приведет нас к катастрофе.

Ну, что же нам еще оставалось делать? Казалось, что такова наша судьба — постоянно искать себе нового Третьего. Однако такого, как наш Умник Фис, мы никогда больше не нашли и не найдем. Это я понял тогда, когда мы все вместе покупали себе новый корабль.

Когда была основана новая компания «Микро-Алголь», специализировавшаяся на космических перевозках грузов, Фискус Боулдер получил одиннадцатипроцентный пай участия в этой компании.

ЛУИ ТИРИОН

ПОТЕРПЕВШИЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ НА «АЛКИНООСЕ»

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Перевод с французского

«Алкиноос» — первоклассный корабль, способный перевезти на Землю пятнадцать тысяч тонн редких минералов с окраин Галактики, был оборудован двойной системой тяги, ставшей классической со времени прибытия Штольцев на Землю. На его борту, кроме трюма, было сто семьдесят пять первоклассных кают, способных вместить отряды космических шахтеров для работы в любых условиях. Эти люди, в большинстве своем авантюристы, вели очень суровую жизнь. В эпоху, когда на Земле наступил, наконец, мир, они заселяли безымянные планеты с невиданными климатическими условиями.

Таких людей, как они, вечно не хватало. Набор удавался плохо, так как деньги можно было заработать и на Земле. Поэтому чаще всего приходилось обращаться к приговоренным обществом за какие-либо преступления. Год, проведенный на внеземных шахтах, засчитывался за пять лет заключения. Этим стоило заниматься, так как те, кто возвращался, получали небольшие сбережения. Но для разработки шахт Алонита-2 были нужны особо сильные люди...

ВЫДЕРЖКИ ИЗ БОРТОВОГО ЖУРНАЛА
КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ «АЛКИНООС»

Командир: Коммодор Жорж Маоган.

Алонит-2, 8 октября 2130 года.

8 часов — земное время.

40 часов — местное звездное время.

«...мы уже загрузили 850 тонн стриферилла и «Алкиноос», безусловно, завтра будет готов к отправлению, если не возобновится сегодняшний бунт. Шахтеры потре-

бовали, чтобы они были все до одного эвакуированы, как только закончится погрузка. Если мы уступим этому требованию, это будет означать, что мы бросаем на произвол судьбы нашу базу на Алоните-2, строительство которой в течение двух лет стоило огромных денег. И в то же время я должен признать, что обстановка на планете со времени нашего последнего посещения серьезно ухудшилась.

Средняя температура на поверхности, которая ночью была 37 градусов, недавно подскочила до 40, хотя здесь сейчас в разгаре зима. Это, я думаю, связано с недавним увеличением содержания углеродородного ангидрида в атмосфере. Наступившая влажная жара стимулирует рост рыжеватых плор, этих липких растений со студенистыми листьями. Растения завоёвывают все, и теперь прокладывать в них дорогу можно только с помощью огнемета каждый раз, когда приходится отправляться в шахту.

Кроме того, не прекращается буря, покрывшая все небо зловещими зеленоватыми тучами и вздымающая совсем рядом в океане волны высотой в тридцать метров.

Вода медного оттенка поднимается к подножью горы и желтоватые брызги долетают до самого корабля. Их кислотность разъедает все. Три рабочих транспорта для перевозки минерала вчера сломались, так как их оси были окончательно разъедены кислотностью воды. Единственный металл, который противостоит коррозии — это стриферилл. К сожалению, из него сделан только корпус «Алкинооса». Стриферилл — металл редкий. Я думаю, что постройки базы могут выдержать, если только эта буря не продлится до бесконечности. Но она усиливается!..»

9 часов 20 минут

«...Солнце только что взошло, и его безобразный вид придает пейзажу фантастические очертания. Как только оно взошло, радиосвязь стала почти невозможной. Магнитная буря все искажает и громкоговоритель издает лишь неясные хрипы...»

9 часов 32 минуты

«...Раздался сигнал тревоги. Ветер дует, не переставая, и с такой яростью, что шестисотпятидесятитонный корабль качается. Сейчас я пойду посмотрю, что творится на командном пункте...»

Часть I

«АЛКИНООС»

Глава 1

Роллинг, старший штурман, указывал на солнце Жоржу Маогану.

— Оно взрывается. Это больше не солнце, это Новая!

Не отрываясь от окуляра небольшого телескопа, Маоган разглядывал рост короны голубой звезды.

— Вы уверены, что она взрывается, Роллинг? Может быть, это только оптический обман?

Не говоря ни слова, Роллинг протянул Маогану серию фотографий.

— Взгляните, коммодор.

Маоган быстро перебрал всю пачку.

— Вы правы, Роллинг. Она взрывается.— Не проявляя никаких эмоций, Маоган сел.— Когда началось это явление?

Его голос был спокойным и холодным. Роллинг так же бесстрастно отвечал ему. Это были люди, специально подобранные, что иногда оказывалось полезным в космосе.

— Прошлой ночью, в 6 часов 40 минут.

— Вы ввели данные в ЭВМ?

— Да, коммодор.

Прямо перед ними маленькое бюро из полированного металла украшала эмблема «Алкинооса» — гигантский орел, поднимающий в небо стальной шар. Роллинг взял с него карточку.

— ЭВМ выдала два прогноза: мы имеем дело не с изменяющейся звездой, и не с переменной. Это самая настоящая новая, даже, без сомнения, сверхновая.

— Скорость распространения газа?

— 10 000 км/сек. Приблизительный диаметр звезды в настоящее время более чем удвоился и, теоретически, первые протуберанцы могли бы нас догнать через 27 часов 32 минуты.

Роллинг положил карточку на место.

— До сих пор тепловой эффект взрыва звезды был относительно невысоким, 200 градусов, 10 000 метров высоты. Но мои расчеты показывают сейчас повышение на 150 градусов в час.

Жорж Маоган посмотрел на часы, показывающие местное время, затем поднял голову.

— Конечно, все это теоретические расчеты, — продолжал Роллинг. — Никто из нас не наблюдал вспышку сверхновой вблизи.

Маоган не ответил, он только что закончил в уме быстрый подсчет.

— Итак, в 11 часов 30 минут температура атмосферы в верхних слоях достигнет 2700 градусов.

— Теоретически это так.

— А в космическом пространстве?

Роллинг пожал плечами.

— Действительно, — согласился Маоган. — Это невозможно предвидеть.

Внешняя обшивка «Алкинооса» была выполнена из стриферилла, гофрированного таким образом, что она представляла собой как бы серии ячеек, что придавало ей чрезвычайную легкость и стойкость. Весь корпус состоял из миллионов таких ячеек и каждая из них содержала окись тория. Теоретически этот материал гарантировал неприкосновенность корабля при температуре до 3200 градусов.

Какое-то время Маоган размышлял.

— Корпус выдержит.

— Но не система внутреннего охлаждения, — возразил Роллинг.

— Я знаю, — сухо оборвал его Маоган. — Необходимо, чтобы мы в 11 часов 30 минут достигли второй космической скорости и перешли в состояние пространственно-временного сжатия.

Роллинг с сомнением покачал головой.

— Никто никогда не пытался перейти в состояние пространственно-временного сжатия внутри звездной системы. Даже Штольцы не осмеливались.

Маоган сдвинул свой шлем назад.

— У нас нет выбора, Роллинг. Займитесь посадкой людей, а я займусь взлетом.

Он снова посмотрел на часы.

— Роллинг!

— Да, коммодор?

— Входные люки должны быть окончательно задраены через 43 минуты без всякой милости к опоздавшим. Объявите это по радио. — После некоторого молчания: — Если можете.

Штуфф Логан, обнаженный по пояс, работал в глубине шахты. Штуфф был необыкновенным человеком. 115 килограмм веса. Только мускулы. Из команды шахтеров

он был единственным добровольцем — сложенный как носорог, Штуфф нуждался в упражнениях... На Земле люди такого типа не могли найти себе занятия по душе. Это было царство бычьих голов, как он часто говорил. Но для разработки девственных планет все еще нужны были люди с бицепсами за неимением емкого мозга.

С помощью пневматического молота Штуфф откалывал куски минерала стриферилла. Он очень старался и красная пыль, обволакивающая его грудную клетку, придавала ему вид демона из преисподней за работой. Бадья была полной и, не зная, куда бросать минерал, он решил сделать передышку и пошел сделать несколько вдохов чистого кислорода.

Затем он отправился к переговорнику.

— Банда лежебок, чем вы там наверху занимаетесь?

Ответом ему было полнейшее молчание. Немного удивившись, гигант начал нажимать различные кнопки и задействовал все рукоятки. Красная контрольная лампа продолжала регулярно мигать, доказывая этим, что вся система шахты функционировала нормально, но контрольный пост наверху, казалось, начисто вымер.

— Эти негодяи, должно быть, опять начали свою революцию, — проворчал он. — Шайка грязных стервятников — они бросили меня на произвол судьбы, но у них ничего не выйдет.

Он машинально вытер лоб. Жара стояла исключительная даже для него, и воздух был довольно неприятным. Несколько раз он вынужден был вдыхать чистый кислород.

— Сволочная планета, — выругался Штуфф.

Спотыкаясь о камни, он направился к подъемнику, находившемуся в глубине шахты. К его счастью, подъемник представлял из себя предельно простую автономную систему: два вертикально поставленных рельса, выходящих на поверхность, и кресло, которое скользило по ним. Небольшой реактор, расположенный в основании, выбрасывал кресло на поверхность планеты. Система была примитивной, но довольно эффективной. Штуфф взялся за широкую изогнутую ручку и нажал ее до предела. Кресло быстро взлетело наверх, его легкометаллическая конструкция сгибалась под тяжестью Штуффа, но тот не обращал на это никакого внимания, целиком поглощенный своими мыслями. Он достиг блестевшей зеленоватым светом вершины шахты. Шум реактора перекрывал шум бури и, когда Штуфф достиг поверхности, мощный порыв ветра, рыча, сорвал его с кресла и швырнул на землю. Штуфф должен был предположить, что това-

рищи не бросили его, а, должно быть, были унесены ураганом, который дул с удивительной яростью. Молнии, не переставая, расчерчивали небо, и повсюду мокрая земля дымилась в местах их ударов. Грохот, смешиваясь с рычанием ветра, производил впечатление конца света. Укрытие было сорвано со своего металлического цоколя и сила ветра была такой, что невозможно было стоять.

Скользя по липким листьям плор, Штуфф добрался до скалы, которая защитила его от ярости урагана, и мало-помалу собрался с мыслями.

Оказавшись в относительной безопасности под скалой, шахтер обратил внимание на новое явление: на жару. Иногда порывы ветра его прямо обжигали, и он задыхался. Никогда при таких условиях ему не удастся добраться до «Алкинооса». Корабль находился в шести километрах отсюда, если только он не улетел или не разрушился.

В этот момент Штуфф увидел легкий летательный аппарат. Машина катилась сама собой, подталкиваемая ураганом. Она докатила до скалы, которая скрывала Штуффа. Он поднялся. Действуя на пределе своих сил, он, выбрав подходящий момент, затолкал машину в свое убежище.

Ему повезло: она была исправной и внутри функционировал небольшой приемник.

В потрескивании помех Штуфф различил голос Жоржа Маогана. Голос коммодора неустанно повторял одно и то же сообщение:

— «Алкиноос» взлетит через 39 минут. Вам остается только это время, чтобы добраться до «Алкинооса»...

Это сообщение одновременно вдохновило и ужаснуло Штуффа. Если «Алкиноос» так неожиданно взлетал, значит, ураган был чем-то ужасным, и он не утихал, а, наоборот, усиливался. Но Маоган дождется Штуффа. Надо добраться до корабля и спастись!

Уже два раза молния ударяла рядом со скалой, от которой дул поток ледяного воздуха, а за ним последовал обжигающий порыв ветра, затем брызнула волна взбесившегося океана. Вода обожгла его кожу и, чтобы защититься от ожогов, Штуфф намазался липким соком плор. Он внимательно осмотрел машину и решил, что она в состоянии передвигаться. Мотор работал, но он понимал, что она недостаточно тяжела, и оказавшись снаружи, она может быть снесена ветром.

Схватив первый попавшийся под руку металлический брусок, Штуфф начал отдирать весь механизм шасси, за исключением самих шасси и мотора.

Он работал без остановки, издавая дикие звуки: «Ух-у-ух!». Закончив эту работу, Штуфф подкатил кусок скалы весом не менее 150 килограммов и, помогая себе брусом, поднял его и положил на пустые стойки шасси.

Несмотря на свой вес, Штуфф работал быстро и точно.

— «Алкиноос» взлетит через 22 минуты. Вам остается 22 минуты, чтобы добраться до «Алкинооса», — объявил голос Маогана.

Штуфф запустил мотор и осмотрел путь, по которому он должен был ехать.

— Нет. Невозможно, ничего не выйдет!

Легкие листья плор покрывали почву, превращая ее в каток. Ругаясь, шахтер добрался до стены постройки, поднял стальные цепи, служившие для буксировки минерала, и начал обматывать ими ведущие колеса. Когда он закончил свою работу, аппарат стал похож на сельскохозяйственный трактор, сделанный человеком каменного века. Затем Штуфф расстегнул свой шахтерский пояс и, усевшись на металлический каркас шасси, пристегнулся к нему. После этого, взявшись обеими руками за рычаги управления, он запустил этот кошмарный аппарат в поток бешеного ветра.

На командном пункте «Алкинооса» царил безмолвие. Лицом к лицу с тремя сотнями переключателей и экранов контроля, которые непрерывно записывали серию из 380 операций, Жорж Маоган заканчивал расчеты, необходимые для взлета корабля. Система внутреннего охлаждения была только что запущена в замедленном режиме и люди заняли свои места в каютах. Входные люки были задраены. В любую минуту «Алкиноос» был готов к взлету. Но еще оставалось семь минут до назначенного срока, и Жорж Маоган не давал команды, так как Штуфф Логан отсутствовал на перекличке.

Напуганные яростью урагана преступники, из которых состояла наземная команда, покинули шахту и побежали к кораблю, не предупредив Штуффа, который остался под землей. Маоган знал образ мыслей этих людей. Они ненавидели Штуффа только потому, что он был добровольцем. И еще потому, что он был против их вчерашнего бунта. Для них он был «желтым» и они, без сомнения, решили воспользоваться случаем и избавиться от него. И в данный момент Маогану оставалось только надеяться, что Штуфф доберется в срок, без опоздания.

Он быстро просмотрел график температур, который ему только что передал Роллинг. Он соответствовал

предполагаемым; напротив, интенсивность пояса радиации, казалось, возросла много значительнее, чем предполагалось, а в космическом пространстве еще появился фактор «ф». Жорж Маоган нажал на кнопку внутренней связи:

— Роллинг, что из себя представляет этот фактор «ф»?

— Я ничего об этом не знаю, коммодор.

— А ЭВМ? А электронный мозг? Вы вводили данные?

— Да, коммодор. Но у мозга не хватает информации для ответа. Фактор «ф», кажется, представляет из себя новый вид радиации, последствия действия которой невозможно предсказать.

— Быстро ли возрастает ее уровень?

— Да, коммодор, в три раза быстрее, чем температуры. Можно мне дать вам совет, коммодор? — спросил Роллинг после некоторого колебания.

— Я вас слушаю.

— Необходимо немедленно нажать кнопку, коммодор, немедленный взлет. Это будет более чем благоразумно. Маоган посмотрел на часы.

— Остается четыре минуты, а Штуфф еще не вернулся.

— Слушаюсь, коммодор. Но я высказал вам свое мнение.

Маоган отключился. Затем, после некоторого раздумья, он включил экраны внешнего обзора. Несмотря на неразбериху открывшейся перед ними картины, кровь застыла у него в жилах.

Неба вообще не было видно, так как разряды образовывали ковер, основой которого был гигантский блистающий купол, где время от времени появлялись черные трещины. На земле валялись последние, вырванные яростью урагана рыжие плоры, а океан казался теперь гигантским хаосом. Вода медного цвета поднималась волнами в шестьдесят метров высотой и билась в подножие горы, вырывая куски из скал и забрасывая их еще выше, в круговорот атмосферных воронок.

Маоган содрогнулся. Если одна из таких воронок затянет «Алкиноос», то для корабля все будет кончено, да и для них тоже. Он посмотрел на часы. Роллинг был прав, оставалось всего две минуты, а Штуффа еще не было. Он собрался уже нажать кнопку, когда по радио раздался вызов.

— Коммодор, я здесь.

Глядя на экран телевизора, Жорж Маоган какое-то время искал место, откуда раздавался этот довольно слабый сигнал. Сначала он не увидел ничего, но потом в сотне метров от корабля он различил невиданный

им доселе аппарат, который катился буквально в гуще вихря. Маоган вызвал по внутренней связи Роллинга.

— Откройте люк, Роллинг.

— Но, commodор, уже пора. Я понимаю, что тяжело сделать такой выбор. Но у нас нет времени. Это невозможно...

— Откройте люк, Роллинг, — твердо повторил Маоган.

Три раза аппарат чуть было не перевернулся. Накрепко привязанный сверху, Штуфф вел его как парусник на гонках, наклоняясь вправо или влево, яростно пытаясь восстановить равновесие. Штуфф неплохо с этим справлялся, но теперь его силы были на исходе. Задышавшись, он был вынужден искать убежища у холма, чтобы сделать вираж при ветре наперерез. Через свои шахтерские очки он заметил, что люк в корабле, все еще далеко, медленно открывается.

«Нет, они никогда не откроют, — подумал он, — они были бы сумасшедшими!».

В этот момент аппарат закачался, снова рухнул вниз, застыл на какое-то время в воздухе, потом завертелся вокруг своей оси. Гигантский разряд превратил в пыль скалу неподалеку от него, и Штуфф потерял сознание.

Створки люка плавно открылись и транспортер для исследования вулканов двинулся в путь. Маоган приказал нагрузить на него почти тонну минерала. Он надеялся, что этого хватит, чтобы удержать транспортер на земле при порывах ветра. Нужно было действовать быстро. Маоган увеличил число оборотов до предела и двинулся в сторону аппарата.

Штуфф оставался привязанным к перевернутой машине, и вытащить его оттуда, чтобы развязать, не представлялось возможным. С помощью переднего манипулятора транспортера Маоган выпрямил аппарат и, подавшись назад, обхватил его двумя передними манипуляторами. Таким образом аппарат получил некоторую устойчивость, благодаря устойчивости и весу транспортера. Убедившись в том, что аппарат Штуффа зажат наглухо, Маоган запустил транспортер на полную скорость.

«Алкиноос» опаздывал уже на три минуты.

Глава 2

Оставшись в одиночестве на командном посту, Жорж Маоган снова надел свой скафандр. Внутри корабля эта одежда была не нужна, но при отлете нельзя было пренебрегать ничем. Какое-то мгновение его взгляд за-

держался на многочисленных контрольных экранах, затем он решительно нажал на рычаг, украшенный серебряным орлом. Этот рычаг управлял стартом корабля.

Ничто внутри корабля не говорило о драме, которая разыгрывалась снаружи. Под тихое мурлыканье климатизатора стрелки начали описывать круги по циферблатам и диаграммы выписывали свои четкие кружева на экранах.

Ураган не являлся препятствием для «Алкинооса», так же как и интенсивные электрические разряды. Диаграммы на экранах искажались при прохождении электрических полей, затем их кривая снова становилась нормальной. Эта часть взлета никогда не беспокоила Жоржа Маогана.

Его беспокоили скорее последствия — нарушения привычных связей в космосе, где теперь оказался корабль, казались немного больше внушающими опасение, чем водовороты взбесившейся атмосферы Алонита-2, которая, не смотря на катаклизм, все еще выполняла свою защитную функцию. Особые опасения вызывал этот пресловутый фактор «ф».

Маоган нажал на клавишу, заняв свое место перед микрофоном.

— Всеобщий вызов, — сказал он. — С вами говорит Жорж Маоган. Мы только что стартовали и вот-вот выйдем в открытый космос. Температура за бортом 2700 градусов, но специальная смола — экзодубль-В — покрывающая корпус корабля, испаряется так, как нужно, обеспечивая тем самым нормальную температуру на борту. Я подчеркиваю: окись стория, из которой состоят ячейки, может выдержать до 3200 градусов. Вы понимаете, что мы пока в полной безопасности, к тому же система климатизации работает пока не на полную мощность...

Неожиданно в то время, как он говорил, резкое колебание диаграмм полета привлекло его внимание. Это производило впечатление того, что правый атомный двигатель заработал с перебоями. Но ничто в голосе Маогана не выдало его тревоги. Он продолжал говорить:

— В то же время, учитывая особые условия использования этого вида оборудования, я прошу вас немедленно закрыть ваши камеры для анабиосна. Может так случиться, что нам придется перейти в состояние пространственного перемещения довольно скоро.

Ручным приводом контроля Маоган попытался отрегулировать забарахливший двигатель. Но в это время стала ненормальной и кривая второго двигателя.

— Как только ваши камеры будут закрыты, я пущу газ, который вас усыпит. Эта процедура абсолютно безвредна и вы от нее не пострадаете,— продолжая говорить, Жорж Маоган поставил кондиционер на предельную мощность, так как смола охлаждения целиком испарилась с поверхности корпуса.— Я прошу вас поспешить, у меня здесь есть работа.

На этот раз все поняли, что произошло что-то катастрофическое. Почти одновременно зажглись лампы, сигнализирующие о том, что камеры закрыты.

— И вот еще что,— продолжал Жорж Маоган.— Я включил автомат операции перехода. Если я вдруг погибну, корабль, достигнув скорости выхода в искривленное пространство, сам совершит переход. В этом случае, когда вы проснетесь, Том Роллинг принимает командование кораблем...

С этими словами коммодор осторожно повернул рукоятку пуска газа в камеры. Их обитатели заснут сейчас тем самым сном, который позволяет человеческому организму сносно переносить переход. Закончив эту операцию, он взглянул в иллюминатор. Ставшее гигантским, солнце занимало теперь половину видимого горизонта, и контрольный термометр показывал, что температура за бортом достигла со стороны солнца 3200 градусов. Роллинг был прав, задержка взлета из-за Штуффа могла закончиться катастрофой. Необходимо было немедленно начинать переход.

«Алкиноос» только пересек орбиту Феоба, спутника Алонита-2, очень похожего на Луну. Теоретически с этого момента нужно было ждать еще целый час, прежде чем начать переход.

Но ждать было невозможно. Температура той части корпуса, которая была обращена к солнцу, достигала уже 3300 градусов, еще несколько минут, и окись стория начнет разлагаться.

Жорж Маоган включил атомные реакторы и с помощью аварийных двигателей придал кораблю медленно вращательное движение. Температура на поверхности корпуса стала более равномерной и упала до 2900 градусов.

Тем не менее Маоган задыхался в своем скафандре. Жара на командном пункте стояла невыносимая, хотя холодильные установки работали на пределе. Но Маоган не обращал на это внимания. Основной его задачей теперь, когда корабль находился в промежуточной позиции, было определение положения в пространстве. Маоган попробовал открыть створки космического секстанта. Но естествен-

но, заклиненные от адской жары, они не сдвинулись с места. Это было катастрофой, так как из-за этого корабль при неудачном переходе мог затеряться в бесконечности космоса. Тогда коммодор бросил взгляд на магнетометр.

Прибор словно взбесился. Поток нейтронов за бортом достиг невиданной плотности и внешняя радиоактивность превысила допустимый безопасный уровень.

Ни на секунду не теряя присутствия духа, не сделав ни одного лишнего жеста, Маоган включил боковые двигатели и выправил положение корабля. Потом он сделал то, что совершил его предок, королевский корсар из Сан-Мало. Он склонился к иллюминатору и, повернувшись спиной к Алониту-2, который сверкал под лучами солнца, при помощи секстанта в руке определил местонахождение корабля. Через десять секунд он ввел данные в ЭВМ, а получив нужные результаты, передал их в электронный мозг корабля. Затем он посмотрел на часы. У него оставалось всего четыре минуты и тридцать секунд, и самое сложное, что надо было сделать.

К счастью, бурители пространства легко вышли из своих гнезд, но несмотря на кажущееся спокойствие, Маоган содрогнулся от вида на экранах, которые контролировали их работу. Он понял, что на этом участке даже ход времени был спутан. Кораблю, может быть, удастся начать переход, но что с ним будет дальше? Даже самый совершенный мозг не мог бы это предсказать.

Маоган решительно привел в действие устройство поддержки времени и, расстегивая скафандр, направился к своей камере. Менее чем через две минуты корабль начал переход.

Глава 3

Чистый кислород, шипя, проникал в камеру Маогана, а над ним мигала лампа, сигнализирующая о том, что он мог выйти.

Доля секунды понадобилась ему, чтобы понять, что произошло. И в то время, как воздух заполнял его легкие, память быстро возвращалась к нему. Он вспомнил вспышку звезды и катастрофическое бегство. Коммодор встряхнулся и, весь дрожа от нетерпения, нажал ручку люка своей камеры.

На корабле все было спокойно. Коридоры были залиты светом голубых ламп. По одному из таких коридоров

Маоган поспешил на командный пост. Там тоже все было в порядке, но оплавленный след на урдилоксе иллюминатора сказал о том, что корабль начал переход в самую последнюю минуту.

Маоган все еще был одет в комбинезон, украшенный серебряным трезубцем. Такие комбинезоны были обязательны при нахождении в камерах. Он направился в гардероб, где висела его униформа. Переодевшись, он надел фуражку с галунами — отличие его чина — и медленно приблизился к иллюминатору, и был буквально ошеломлен открывшимся перед ним видом.

Несколько секунд он думал, что у урдилокса, может быть, изменилась структура. Коммодор ничего не различал снаружи. Ни малейшего отблеска какой-нибудь звезды или далекой галактики. Жорж Маоган часто попадал со своим кораблем в зловещие межгалактические просторы, но всегда присутствие далеких миров, мигающих, как дружественные маяки в бесконечном пространстве, придавало ему оптимизм.

Но на этот раз Маоган напрасно протирал глаза — он ничего не видел.

Подумав о том, что иллюминатор выходит, может быть, в пустую часть пространства, Маоган направился к другому. Но повсюду не было ничего, кроме полнейшей тьмы.

Тогда коммодор предположил, что урдилокс потерял свою прозрачность из-за перегрева или по какой иной причине. Вернувшись на пост, он включил камеры внешнего обзора и увидел абсолютную пустоту, заполнившую экраны. Где-то в уголке его мозга билась мысль, что и телевидение вышло из строя из-за жары. С нервностью, необычной для человека его закалки, Маоган включил все приборы, способные служить кораблю глазами и ушами. По старой привычке он считывал ответы вслух:

— Прямой обзор — 0. Телевидение — 0. Радиотелескоп... — он заколебался. — 0.

Своим привычным жестом, щелчком, он сдвинул фуражку на затылок.

— Это невозможно! Весь белый свет сошел с ума! Он продолжал свои исследования:

— Магнетометр — 0.

— Внешний термометр — абсолютный ноль.

— Нуль! — выругался он, — нуль, нуль, везде только нуль!

В первый раз за долгие годы он закурил сигарету и решительно двинулся к выходной камере.

Скафандры находились в боксах внутри шлюзовой камеры, также освещенной небольшой синей лампочкой.

В окружающей его со всех сторон тишине Маоган натянул свой скафандр, проверил, работают ли ракеты индивидуального двигателя. Тщательно осмотрел крепления шнура, соединяющего его с кораблем. Закончив эти приготовления, он вошел в люк, который почти не пострадал от жары, и провалился в пустоту.

Маоган был космонавтом высшего класса. Тесты показывали, что четкость его мышления, хладнокровие и здравый смысл исследователя не могли быть поколеблены ни при каких условиях. Но сейчас, выбравшись наружу, он весь сжался, чтобы не завывать от тоски, нахлынувшей на него.

Ужасающее впечатление от пустоты, полнейшего отсутствия жизни были настолько сильны, что уже через несколько секунд, объятый неудержимой паникой, Жорж Маоган потянул за шнур и вернулся в шлюзовую камеру.

Он стянул с себя скафандр, надел униформу и вернулся в центральный пост. «Алкиноос», запущенный при отлете по произвольной траектории, затерялся в бесконечности. Он заблудился в пространстве и, может быть, во времени, и...

Раздался шум шагов и в центральной рубке появился Роллинг. Как и полагалось, он был разбужен через полчаса после пробуждения командира корабля.

Когда штурман вошел в рубку, на его лице застыло рассеянное выражение, с которым обычно человек выходил из камеры анабиоза. Но увидев Маогана на своем посту, он радостно улыбнулся.

— Ну как, коммодор? Можно сказать, что дело было жаркое, но мы выиграли.

Маоган обернулся и некоторое время разглядывал Роллинга.

— Старина, кажется, нам не до шуток. Мы вполне можем считать себя мертвецами.

Вот уже два часа коммодор и штурман пытались хоть как-то прояснить ситуацию, в которой находились. Электронный мозг неустанно поглощал горы вводимой информации, но каждый раз они получали один и тот же ответ: «Расчет не может быть сделан, необходимы координаты места отлета».

Посовещавшись, они решили не будить ни членов экипажа, ни шахтеров, до того момента, когда они смогут найти и предложить им мало-мальски приемлемое решение.

Но чтобы найти это решение, мозгу требовались правильно поставленные условия, а этого они сделать не могли.

Маоган снова включил климатизатор и они оба принялись за работу, засучив рукава. Роллинг, только что закончивший подъем гигантского зеркала оптического телескопа, повернулся к Маогану.

— Это наш последний шанс, Жорж!

С помощью рукоятки коммодор медленно и осторожно раскрыл купол обсерватории корабля. Нужно было быть очень внимательным при обращении с внешними приборами, так как было вполне очевидно, что они сильно пострадали при взлете. Жара, различные виды радиации, фактор «ф» — все это способствовало порче брони, которая, казалось, стала хрупкой, как стекло.

— Купол раскрыт, — объявил Маоган. Послышался шум мотора телескопа.

Роллинг не стал реанимировать прямой обзор, а начал запись на сверхчувствительную пленку. При этом Маоган поворачивал корабль так, чтобы телескоп мог охватить все пространство вокруг корабля.

Как только осмотр закончился, Роллинг снял кассету и вставил ее в анализатор. При первом же взгляде на результаты он вскрикнул:

— Коммодор, есть свечение! У нас появились данные для ЭВМ!

Индикаторы подтверждали, прибор работал, и оба космонавта с тревогой ждали появления перфокарты, которая должна была вынести им приговор.

Жизнь или смерть будут записаны этими простыми знаками, и на этот раз машина, всегда быстро выдающая результаты, казалось, никогда не закончит работу. Когда же она, наконец, выбросила перфокарту, Маоган и Роллинг переглянулись. Ни один не решался взять ее первым.

Тогда Маоган взял перфокарту.

— Ну? — затаив дыхание, спросил Роллинг.

— Можно сказать, что мы находимся в пространстве между двумя галактиками, — произнес Маоган сдавленным голосом. — Только какая-то дьявольская энергия могла забросить нас в такую невообразимую даль. Даже время здесь кажется спутанным и уменьшенным.

Снова воцарилось молчание.

— Самое близкое галактическое скопление расположено, кажется, на расстоянии в...

Он посмотрел на Роллинга и его глаза приняли застывшее выражение, будто покрылись льдом.

— ...50 миллионах парсеков, и это скопление убегает от нас со скоростью 10 тысяч километров в секунду. Роллинг побледнел.

— Это неслыханно. Мы все знаем, что Вселенная постоянно расширяется. Но только наиболее отдаленные от центра галактики перемещаются с подобной скоростью. Мы попали на край света. Это тот самый случай.

— Я знаю,— кивнул Маоган.— Я сам с большим трудом это воспринимаю. Человеческий мозг устроен таким образом, что он не в состоянии воспринимать подобные пространства и времена... и расстояния.

Продолжая разговор, Маоган забавлялся своей зажигалкой. Коммодор не курил, но он любил этот коллекционный предмет, который достался ему от предка. Это был искусно сделанный Данхил, купленный у известного ювелира в Париже в середине XX столетия. Раз а три выпустив синее пламя, коммодор опустил зажигалку в карман.

— Конец света, Роллинг. Это так, но с этим ничего не поделаешь. И, как говорил один из моих предков, не тот, кому принадлежала зажигалка, а еще более древний, тот, который был королевским корсаром в Сан-Мало во времена деревянного флота! «Когда ветер надувает паруса, надо этим пользоваться, или наплевать на все и идти на риск».

Он подтолкнул Роллинга в спину.

— Ну! Встряхнитесь, старина, не делайте такой кислой физиономии, убедите себя в том, что если дьявол нас сюда забросил, дьявол нас отсюда и вытащит.

Роллинг внимательно посмотрел на Маогана. Штурман выглядел довольно неуверенно.

— Но, коммодор, если это дело рук не дьявола, то здесь речь идет о космической физике. Течение времени здесь перепутано. Оно замедлено. Оно почти не существует.

Он потер лоб.

— Вы прекрасно знаете, что когда «Алкиноос» начинает пространственный переход, время на нем останавливается. Вы только что говорили о паруснике. Мы как раз в таком положении — у нас больше не будет ветра, мы не можем на это рассчитывать.

Взгляд Маогана стал суровым.

— Ну конечно, Роллинг! Как раз именно это я и хотел сказать по поводу моего предка. Когда ветер слабеет, нужно ставить паруса. Вытащить «все наверх».

— Все наверх? — ошеломленно переспросил Роллинг. Глаза его бегали, как шарики.

— Конечно,— начал объяснять Маоган.— Паруса — это улавливатели, которые реагируют на ход времени. Ну что ж! Мы сделаем их гигантскими. У нас на борту достаточно материала, чтобы с этой задачей справиться.

— Ну же, старина,— он потрепал Роллинга по плечу.— Разбудите мне специалистов. На борту этого корабля есть люди, которые умеют работать. С их помощью мы через десять дней соорудим улавливатели такой же величины, как фок-мачта.

Роллинг посмотрел на Маогана странным взглядом. Он было подумал, что коммодор сошел с ума. Глаза Маогана блестели.

— Чего вы ждете, Роллинг? Я, кажется, отдал приказ!

Официальный тон встряхнул Роллинга, он выпрямился.

— Слушаюсь, коммодор!— ответил он нейтральным тоном.

Вот уже три дня, как специалисты работали, не покладая рук. Самым трудным для них было выходить из корабля в открытое пространство. В районе Земли такой выход был почти удовольствием: светящийся в солнечном свете шар жил своей жизнью около человека. В районе Млечного Пути, далеко от Солнца, такой выход имел своеобразную прелесть. Нереальный свет миллиардов звезд обладал почти волшебным успокаивающим свойством. Жизнь искрилась повсюду и давала об этом знать. Здесь же царствовала абсолютная ночь. Безнадежная и черная ледяная бездна. Ужас сжимал горло у самых закаленных, когда, заключенные в скафандры, они ныряли вслед за Роллингом в океан тьмы. К счастью, быстро установленные прожектора разрезали это ничто, ограничив своими лучами зону вокруг корабля, которая за несколько часов приняла вид строительной площадки.

Время, казалось, остановилось и Маоган пытался определить местоположение корабля с помощью отражателя большого объема. В это время его позвал Генек, который сверлил отверстие для толстого кабеля высокого напряжения.

— Простите, коммодор.

Чтобы не беспокоить остальных, он только указал на трещину пальцем.

— Металл везде такой,— пробормотал он в микрофон и протянул несколько кусков Жоржу Маогану.— Может быть, вам это пригодится.

Маоган молча взял куски металла и, включив индивидуальный двигатель, направился к люку.

Довольно скоро коммодор закончил анализ металла, из которого состоял корпус. Его внутренняя структура оказалась сильно измененной под влиянием потока частиц, излученных сверхновой. При этом жара не имела почти никакого значения, но под ее воздействием структура изменилась еще сильнее. Металл стал хрупким, как фарфор.

Он нажал кнопку внутренней связи.

— Роллинг, зайдите ко мне.

Через несколько минут Роллинг разглядывал куски металла, которые рассыпались у него в руках.

— Это конец! — вздохнул он.

— Нет, — твердо сказал Маоган. — При мгновенном переходе корабль не подвергается опасности и с корпусом ничего не случится. Но, если, к счастью, нам удастся добраться до какой-нибудь галактики, опасность нашего разрушения намного возрастет. При столкновении с метеоритом средних размеров «Алкиноос» развалится на куски, как пустой орех. Вы сейчас увеличите число детекторов, Роллинг. Займитесь этим лично, не нужно, чтобы остальные знали об этом новом несчастье.

— Я с удовольствием удвою детекторы, — вздохнул Роллинг. — Но как бы там ни было, мы больше нигде не сможем сесть. Первая попытка, которую мы предпримем, в любой атмосфере, будет фатальной для нас, мы все погибнем.

— Только осторожней, Роллинг, и все будет в порядке.

Штурман покачал бритой наголо головой.

— Математически невозможно, так как физические законы...

Маоган прервал Роллинга, положив руку ему на плечо.

— Видите ли, Роллинг, вы замечательный техник. Без ваших обширных познаний корабль, без сомнения, потерпел бы крушение. Но техника вас ослепляет, старина. — И он пристально посмотрел на Роллинга своими ясными улыбающимися глазами. — Если бы Христофор Колумб знал теорию вероятностей, он никогда бы не отправился открывать Америку... — Маоган улыбнулся. — ...А мы не попали бы сейчас в эту заваруху.

Хмурое худощавое лицо Роллинга не прояснилось. С видом фаталиста он махнул рукой.

— Как бы там ни было, у меня нет иллюзий, коммодор. Мы заблудились на вечные времена.

Он протянул Маогану лист бумаги.

— Я только что закончил расчеты. Абсолютно точно, что у нас есть один шанс на двадцать три миллиона семьсот тридцать две тысячи, что мы когда-нибудь увидим Землю.

Маоган пожал плечами, направился к переборке и, достав что-то из контейнера, вернулся. В руке у него была бутылка.

— Смотрите сюда, Роллинг. Я уверен, что в виски вы не разбираетесь. Как и все люди... — он взял два стакана и с изяществом их наполнил. — ...Нужно десять лет, чтобы получить хороший напиток.

Поднял стакан и с удовольствием посмотрел на янтарную жидкость.

— Здесь у нас неуловимая смесь алкоголя, полученного из пшеничных зерен. Как он получается, проанализировать невозможно. Нужно, чтобы процесс шел сам собой, в старых дубовых бочках. Вот поэтому старое виски так редко... — он протянул виски Роллингу. — Это так же, как шампанское, бордо или некоторые сыры. Я не отказываюсь жить по законам моего времени, Роллинг, но когда-нибудь из ваших машин удастся произвести бутылку настоящего виски, я уйду на пенсию.

Роллинг с тупым выражением лица держал свой стакан. Он не любил алкоголь. Да, по правде говоря, никто не знал, что любил этот человек с проницательным умом математического склада и большой любитель и знаток редких языков. Лукаво усмехаясь, Маоган чокнулся с ним.

— Выпьем, Роллинг! За наш успех, за возвращение на Землю!

Глава 4

ВЫДЕРЖКИ ИЗ БОРТОВОГО ЖУРНАЛА

«Алкиноос». По пробуждении

«...Как обычно, Роллинг оказался слишком пессимистом. Наше путешествие в неизвестную галактику прошло очень хорошо.

Эта галактика обладает фантастической красотой. Беспорядочное скопление звезд, расположенных намного ближе друг к другу, чем в нашем млечном Пути, придает космосу странный праздничный вид.

Теперь мы будем искать планету, подходящую для посадки корабля и его ремонта...»

«Алкиноос». 12 июня 2131 года

«...Я только что посмотрел на часы и был ошеломлен, поняв, что гигантским уловителям энергии было нужно почти восемь месяцев для накопления энергии, достаточ-

ной для пространственного прыжка, который вывел нас из той ужасной бездны, где мы чуть было не подошли. Это рекорд по длительности. Обычно, путешествуя по Млечному Пути, мы укладывались в десять секунд...»

«Алкиноос». 14 июля 2131 года

«...Я не считал нужным будить людей, нам еще грозит много опасностей. Мы в полной неизвестности. Вот уже два дня оптический телескоп ищет для нас точку возможного приземления. Уже сделано шесть миллионов снимков звезд, которые ЭВМ непрерывно изучает...»

«Алкиноос». 16 июля 2131 года

«...Противометеоритная тревога. Детектор сработал вовремя — мы сманиеврировали и избежали катастрофы. Роллинг и в самом деле первоклассный техник...»

«Алкиноос». 17 июля 2131 года

«...Победа! Мы отыскали звездную систему, аналогичную нашей. В конце путешествия нас ждет планета типа Земли. Спектроскоп определил, что атмосфера этой планеты содержит кислород, азот, есть вода.

Конечно, есть риск, что такая планета обитаема. Мы можем встретить население. Но КОГО?

Мы назвали ее Гадес. Это начальное имя навеяно бездной, из которой мы сейчас выбраемся...»

«Алкиноос». 21 июля 2131 года

«...Итак, мы на орбите Гадеса. Расстояние до него еще слишком велико, чтобы различить детали на поверхности. Но надо быть настороже...

...Метеоритный детектор урчит. Включается автопилот, и мы избегаем столкновения.

Это оказался не метеорит, а странный шар. Сейчас он летит рядом с «Алкиноосом». Я вижу его в иллюминатор. Абсолютно сферической формы, он, кажется, сделан из гладкого и очень блестящего металла. У шара нет ни иллюминаторов, ни антенны. Это удивительно, так как он летит по орбите, обычной для искусственного спутника.

Но если это так, то для чего бы это он мог предназначаться? Пожалуй, он похож на большой игровой шарик, сильно светящийся. Диаметр его достигает примерно двух метров. Если это действительно искусственный спутник, то выглядит весьма примитивно.

...Роллинг вышел, чтобы рассмотреть этот шар вблизи. Он взял с собой паяльник, сверло и другие приспособления.

Он попробует взять кусочек металла для анализатора. Я вижу, как он парит в пространстве рядом с шаром. Кажется, шар движется не самостоятельно...

...Ну вот, Роллинг возвращается...

Оказывается, этот шар состоит из неизвестного нам металла, который невозможно ни расплавить, ни вырезать из него кусочек для анализа. Все, что мы можем сказать, так это то, что этот шар искусственный. Но он нем и беззащитен... с виду.

Мы снова пускаемся в путь.

Это оказывается не отдельный шар, а целая гирлянда, которая обвивает всю планету. Шары находятся на одинаковом расстоянии друг от друга и существует две гирлянды, перпендикулярных друг другу. Роллинг хотел во что бы то ни стало взять один из шаров на буксир, чтобы более тщательно его изучить, но я запретил. Мы не в таком положении, когда заводят себе врагов. Эти шары, конечно, для чего-то предназначены...

...Роллинг упрям, ему удалось вырвать у меня разрешение снова выйти, чтобы исследовать один из этих шаров.

На этот раз он вооружился микроскопом. Это весьма смешное зрелище — видеть, как он оседлал этот большой теннисный шар. Он соорудил немыслимую схему креплений, чтобы суметь воспользоваться своим микроскопом. Но, кажется, он что-то отыскал. И делает мне знаки...

Шары покрыты мириадами микроскопических граней, любой комментарий кажется мне излишним и бесполезным.

Между тем, мы расположились на околопланетной орбите, но делали это очень осторожно, опасаясь повредить корпус. Меня очень беспокоят шары. Если это какая-то система обнаружения, то мы уже давно раскрыты. Конечно, никто не атаковал. Это весьма успокаивающий фактор. Но все же я сейчас разбуду артиллеристов. Кто знает, как обернется дело...»

«Алкиноос», 22 июля 2131 года

«...Мы прождали целый день, опасаясь каких-либо действий с поверхности. Но так как ничего не случилось, я только что начал осторожно проводить «Алкиноос» сквозь облака верхних слоев атмосферы Гадеса. Только бы не перегреть корпус. Через несколько минут мы окажемся на планете...

...Мы над океаном. Он синий и безбрежный. Стоит хорошая погода. Теперь на небольшой скорости к экватору.

...Высота полета пять тысяч метров. Показалась земля...

...Земля пустынна. Скалы, кругом только скалы. Выходит, Гадес пуст? Теперь поднимемся к северу...

...Мы крутимся вот уже несколько часов. Гадес — отличная планета. Горные цепи, покрытые снегом равнины, реки и озера проносятся у нас перед глазами. Но ни малейших признаков жизни. Тем не менее, кое-где идет дождь, здесь есть тучи, теплые и холодные страны, времена года, но на земле нет ничего живого. Сейчас мы летим на высоте максимум трехсот метров со скоростью двести километров в час. Ничего не видно. Эта планета — всего лишь огромная пустыня, но она легко могла бы превратиться в рай.

Присутствие шаров становится все более загадочным. Кто их запустил? Зачем? Может быть, это следы исчезнувшей цивилизации?...

...В то же время нас успокоило то, что планета пустынна. Теперь мы ищем подходящее для посадки место, где можно устроить стоянку. Нам нужно место с умеренным климатом, возле реки и рядом с месторождением железа. Запускаю детекторы...

...Вот мы и нашли. Чудесное место. Река здесь впадает в море. Открытое месторождение железа, а неподалеку от него — месторождение меди. На горизонте горы с пологими склонами. Полдень по местному времени. Мы садимся...

...То, чего я так опасался, произошло. При посадке корпус развалился. Но для этого мы и пришли сюда.

...Нам не остается ничего другого, как приняться за работу. Сейчас я разбужу экипаж...»

Глава 5

Звуками, похожими на мяуканье, сирена небольшой мощности извещала об открытии камер анабиоза. Преступники обменивались разнообразными остротами и похлопывали друг друга по плечу. Их последним воспоминанием было поспешное бегство перед неведомой опасностью и сейчас, глядя друг на друга, замечая похудевшие и заросшие бородами лица, они догадывались, что путешествие было нелегким.

Сирена умолкла.

— Мы просим минуту помолчать, — раздался голос Роллинга. — Послушайте инструкцию. Все вы сейчас должны принять душ, затем надеть рабочую одежду и построиться у выходной камеры для доклада. Коммодор Жорж Маоган, командир корабля, будет говорить с вами.

Роллинг умолк, затем снова продолжил:

— Просьба к членам экипажа и надсмотрщикам: выйти сейчас же. Все личные вещи должны быть оставлены внутри.

После того, как прозвучало это сообщение, все застыли в ошеломлении. Люди поняли, что они не на Земле. Приказ идти принимать душ говорил о том, что на корабле была вода. Но сообщение о рабочей одежде и личных вещах обеспокоило их. Заключенные начали обсуждать эти распоряжения. В шуме голосов резко выделялся голос, принадлежащий Слиму Орвалу. Слим был осужден на двадцать лет за разбой. С помощью миниатюрной ракеты длиной девяносто метров и оборудованной сверхмощным излучателем, с экипажем из шести человек ему удалось захватить три грузовых корабля, которые перевозили Стриферилл, прежде чем космической полиции удалось его схватить.

— Не беспокойтесь, ребята, — прогудел он своим каменным голосом, — если нам сделают какую-нибудь пакость, руки у нас будут развязаны. Нас не застанут врасплох. И я вас уверяю, что это не так уж трудно, водить такой корабль, как этот.

С разных сторон раздались крики:

— Ты прав, Слим! Мы с тобой, мы хотим вернуться домой!

Штуфф, который вышел последним, направился к Слиму.

— Я не согласен с тобой, Слим. Ты будоражишь людей из-за ерунды. Если командир отдал подобный приказ, то у него должны быть веские причины для этого.

Он возвышался над Слимом всей своей огромной массой. Но тот, меньше ростом и коренастый, лицо которого было похоже на лезвие ножа, а глаза излучали коварство, не был напуган.

— Тебе все-таки удалось выбраться оттуда, а, Штуфф? — протянул он. — А все же мыслишь ты так же. Он упер руки в бедра.

— Сейчас я тебе ничего не отвечу. Напрасно ты ждешь, Штуфф.

В толпе послышался ропот. Кто-то крикнул:

— Тебе конец, Штуфф. Мы расправимся с тобой.

Штуфф повернулся и направился к кричавшему. Перед ним все расступались. Наступила полная тишина. Штуфф подошел к человеку, который следил за ним, не решаясь сдвинуться с места, и, схватив его за зеленый комбинезон, одетый для пребывания в камере анабиоза, начал трясти.

— Ну-ка, Джеф, повтори, что ты сказал!

Неожиданно Джеф ударил его коленом. Он попал в низ живота и Штуфф согнулся от боли. На него сразу набросились несколько человек. Но Штуфф, на котором повисли трое, поднялся. Он схватил Джефа за шею и начал душить его, приговаривая:

— Не повторяй больше этого, Джеф. Ты меня слышишь, а? Ты меня слышишь?

— Будет лучше, если ты прекратишь это, — прорычал Слим. — Не время впутываться в истории.

Целиком во власти охватившего возбуждения, преступники не заметили, как раздвинулись створки, маскирующие парализующие излучатели.

Короткая вспышка боли и все оказались на полу, извиваясь от боли, как красные черви, разрезанные на куски.

Свет погас. Раздался голос Маогана.

— Сейчас не время заниматься глупостями. Я вас предупреждаю, что корабль потерпел аварию, и, следуя космическому кодексу, я объявляю военное положение.

Глубокое молчание последовало за этим объявлением. Вне себя от изумления люди построились и направились к душевым.

Только что выбритые, построенные рядами семьдесят пять заключенных стояли перед Маоганом. В теплом ветре, который поднимал на совсем близком море небольшие пенящиеся волны, эти люди осматривали новый мир, в который они только что попали.

Стоя перед ними, коммодор, окруженный членами экипажа, одетыми в голубую форму для боя и с излучателями на поясах, рассматривал их как готовый бодаться бык.

— Как я вам только что сказал, речь идет об аварии, — начал он голосом, в котором звучал металл. — Мы высадились на неизвестной планете.

Коммодор сделал два шага вперед и поглядел на заключенных.

— Вы не новички в космосе, но до сих пор вы встречались только с освоенными планетами. Мы же должны работать здесь одни, год или, может быть, два. И я хочу изложить вам правила, которым отныне вы будете подчиняться.

Он отчеканил эту фразу, и, как-будто чтобы лишний раз подчеркнуть ее значение, охранники в голубом, стоящие сзади коммодора, положили руки на излучатели.

— Вы плохо начали, — продолжал Маоган, — но ваша нервозность объяснима. Но теперь, начиная с этой минуты,

необходимо понять, что ваше возвращение на Землю будет зависеть только от вашей дисциплины. Вот мои распоряжения, и я хочу, чтобы до вас это как следует дошло! Ни в коем случае вы не должны выходить за пределы лагеря. Если произойдет какое-нибудь неизвестное или неожиданное явление, я прошу вас тотчас предупредить меня об этом. Не вступайте в контакт ни с одной формой жизни, если она даст знать о себе, не предупредив специалиста по освоению. Никогда не прибегайте к насилию, не делайте ничего такого, что может вызвать подозрения.

Жорж Маоган замолчал. Никто не шелохнулся.

— Запомните только одно. Эта планета выглядит мертвой, но мы ни в чем не уверены. В любой момент могут появиться враждебные нам силы, и мы, без сомнения, не окажемся самыми сильными. Теперь вам предстоит заставить ваши мозги поработать. Наша задача уйти незамеченными!

Он повернулся к Слиму Орвалу.

— А теперь я обращаюсь лично к вам, Орвал. Вы считаете себя очень хитрым, потому что вам удавалось заниматься разбоем на вашем маленьком корабле на расстоянии нескольких световых лет от Земли. Имейте в виду: здесь у вас ничего такого не выйдет. Мы находимся, без сомнения, на расстоянии нескольких миллионов парсеков не только что от Земли, но даже от нашей Галактики. Мы не только заблудились в пространстве, но, может быть, и во времени тоже.

По рядам прошло движение.

— Не думайте, что я вас обманываю, а думайте только об одном. Если нам не удастся отремонтировать корабль, наши кости останутся здесь. И мы не сможем оставить здесь потомство, я вас уверяю, что женщин тут нет.

Оцепенев, со слегка округлившимися глазами, шахтеры внимательно слушали.

Голубые охранники опустили излучатели.

— Еще один вопрос, — продолжал Маоган. — У нас хватит продовольствия только на шесть месяцев. «Алкиноос» — быстроходный корабль, он не предназначен для освоения планет. На этой планете нет ничего съедобного. К счастью, мы захватили с собой, не желая этого, споры рыжих плор, буря проделала за нас эту работу. Эти растения с исключительной скоростью роста съедобны, даже калорийны. Необходимо их выращивать и довольствоваться этим. Если только океан не содержит жизнь, на что очень мало надежды.

Ряды издали общий крик недовольства.

— Ваш протест бесполезен, — сказал Маоган. — В конце концов вы мужчины и я предпочитаю говорить вам правду. Но ваше будущее в ваших руках. Чем быстрее мы будем работать, тем скорее увидим Землю. А теперь, разойдись!

В тягостном молчании строй распался. Заключенные шепотом обсуждали услышанное и поочередно глядели то на разбитый корабль, то на небо, по которому пробегали нежно-белые облака.

Шесть месяцев прошли относительно спокойно. Программа выполнялась беспрепятственно. Недалеко от «Алкинооса», на нескольких гектарах зеркально-гладкой пустыни процветали посевы рыжих плор наилучшего качества.

Это был результат применения абсолютно нового способа удобрения. В бесплодную, предварительно вспаханную землю, Жорж Маоган ввел раствор синтетической пены на базе мочевины и древесной смолы и засеял все это спорами плор, найденных на борту «Алкинооса».

Этот метод, коренным образом изменивший облик земных пустынь, а затем Луны и других планет, прежде бесплодных, великолепно сработал и на Гадесе.

Ремонт «Алкинооса» также продвигался.

Демонтировав атомный реактор, Роллинг построил вполне приемлемый литейный завод, а соединение железа со стрифериллом давало желаемые результаты.

Работы по восстановлению корпуса «Алкинооса» были относительно просты. Дефектные плиты были одна за другой демонтированы, восстановлены и заботливо поставлены на место. Затем их сваривали на внутреннем острове, который совершенно не пострадал. Жорж Маоган полагал, что через три месяца все работы будут закончены.

Другая сторона деятельности, самая секретная, давала более скромные результаты. Астрономическая обсерватория, установленная на ближайшей горе, работала без передышки, но результаты были равны нулю.

Роллинг был в отчаянии.

Найти Млечный Путь среди ста миллионов галактик, которые выглядели как скромные пятнышки на сверхчувствительной кассете, представлялось невозможным.

Однажды утром заместитель командира корабля зашел в его каюту.

— Мне никогда это не удастся, коммодор. Надо бы установить вторую обсерваторию в южном полушарии.

— Я бы с удовольствием разрешил вам это, Роллинг, — после минутного раздумья ответил Маоган. — Вы

бы взяли легкий флиттер и несколько человек, но видите ли, я нисколько не верю в успех этой операции, которая, тем более, представляет опасность. Будет лучше, если вы послушаетесь меня. Ведь ремонт скоро будет закончен. Как только мы окажемся в космосе, нам будет намного легче заниматься нашими исследованиями.

Разговаривая, Маоган вертел в руках какой-то странный предмет, имеющий вид окаменелости, очень вытянутой и испещренной тысячами восьмиугольных бороздок.

— Видите ли, Роллинг, я не могу признать, что эта планета мертва.

Он бросил окаменелость на стол.

— Мы нашли тут сотни следов жизни, в том числе останки очень высокой цивилизации. Не может быть, чтобы после такой интенсивной жизни эта планета стала стерильно чистой. Такой, какая она сейчас. Подумайте о том, что до нашего прибытия сюда здесь не было ничего живого, даже бактерий, вирусов — ничего. И все же она только и жаждет жизни. — И коммодор через иллюминатор указал на пляж.

Море покрылось чем-то отдаленно похожим на желатин беловатого цвета. Это пятно простиралось очень далеко, почти до линии горизонта.

— Посмотрите на это.

— В этом нет ничего удивительного, — раздраженно ответил Роллинг. — Все бактерии, которые мы привезли с собой, нашли здесь абсолютно девственную планету и никакой конкуренции. Они стали размножаться со скоростью, немыслимой на Земле. У этого желатина нет другого происхождения. Через несколько лет Гадес будет покрыт плесенью от экватора до полюсов. Рыжие плоры завоюют все раньше других видов жизни, которых мы даже не можем себе представить. К тому же этот желатин имеет свои преимущества. Он съедобен и в данный момент заменяет рыбу. Ведь ничего опасного не выросло, не так ли? А это главное!

— Это потому, что мы все были очень здоровыми, когда прибыли сюда, — с иронией произнес Маоган.

Затем он снова стал серьезным:

— Знаете, Роллинг, я шучу, но эта планета произвела на меня глубокое впечатление. Она была абсолютно выхолощена, когда мы прибыли сюда. Такое впечатление, что даже воду океанов вскипятили. Но до того, как испечься таким образом, эта планета жила своей напряженной жизнью.

— Я признаю, что ваша теория была неверна. Если бы несколько тысяч лет назад здесь произошла атомная война, она бы не оставила после себя такую пустыню. И это солнце, которое нас освещает, никогда не вспыхивало. Вы же это проверяли, не так ли?

Он пристально посмотрел на Роллинга.

— Вы сейчас подумаете, Роллинг, что я сошел с ума, но иногда я спрашиваю себя, не была ли эта пустыня создана искусственно и не впускаем ли мы однажды в неприятности после того, как мы ее засеяли.

Он взглянул Роллингу в лицо.

— Видите ли, у меня и так есть веские причины, чтобы не отпускать вас — вы мне нужны здесь. Все работы на литейном заводе закончены и скоро надо будет ставить на место атомный реактор, а вы единственный, кто может руководить некоторыми работами. И что-то говорит мне, что надо бежать отсюда, и как можно скорее.

— Ну, вы же не будете убеждать меня в том, что верите в предзнаменования, — сухо ответил Роллинг, раздраженное лицо которого перекосила презрительная усмешка.

— Я и не верю в предзнаменования, Роллинг... Скажем так: у меня больше опыта, чем у вас... То, что называется чутьем, вы признаете?

— П-ф-ф! — произнес Роллинг, копаясь в своем бумажнике.

— К тому же люди нервничают, — Маоган встал. — Им уже надоело питаться студнем из рыжих плор. Они слишком долго были спокойны, и мне бы хотелось, чтобы они как можно скорее попали в свои камеры для анабиоза. С этого момента мы можем спокойно искать свой Млечный Путь.

Глава 6

Через четыре дня Жорж Маоган обнаружил первую пластинку. Надо сказать, что вот уже некоторое время обстановка в лагере была напряженной. Несколько раз голубые охранники были вынуждены подавлять жестокие драки. Все свое свободное время заключенные проводили за игрой в покер. Скучный рацион оказывал влияние на ставки в игре. Это развлечение помогало плохо воспитанным типам переносить тяготы космической катастрофы.

К тому же началась подпольная торговля алкоголем. У коммодора была уверенность, что некоторым заключенным удалось найти способ дистиллировать сок рыжих плор,

из которого они начали делать пальмовое вино. И, конечно же, Слим Орвал стоял во главе этой торговли. Уже четыре раза охранники находили на территории шахты типов, которые были явно пьяными. Но было очень трудно взять их с поличным. У каторжников всех времен всегда была некоторого рода гениальная способность прятать то, что им надо, и эти тоже не были исключением из правил.

Все было обшарено, но перегонный куб так и не нашли. Именно выполняя операцию по розыску в окрестностях базы на транспортере, предназначенном для пересеченной местности, один из охранников обнаружил пластину и передал ее Маогану.

Сделанная из такого же полированного материала, что и спутники, пластина имела тридцать метров в поперечнике. Она была расположена во впадине и ее покрывал тонкий слой пыли. Это объяснило то, что до сих пор ее не заметили. Охранник случайно проехал прямо по пластине, транспортер заскользил, как по льду, и удивленный охранник остановил его.

Теперь Роллинг рассматривал пластину в микроскоп.

— Она покрыта мириадами микроскопических граней, так же правильно расположенных, как грани на спутниках, — сказал он, поднимаясь.

Окружающие пластину скалы были сглажены еще больше, чем в других местах. От исчезнувших скал на почве остался оплавленный слой, толщина которого местами достигала трех-четырех миллиметров, и расстилающийся кругом пейзаж ослепительно блестел под лучами солнца. Небо, отражаясь в пластине, окрашивало ее в голубой цвет застывшего взбесившегося океана, у которого волны кое-где вздымались на высоту гор.

Внимательное изучение пластины Маоганом и Роллингом показало, что она не могла служить входом в подземный мир. Было видно, что она давно и прочно была установлена здесь, и ничто не могло повредить ее. Когда она уложена? На это не было ответа. Сотни тысяч лет назад, быть может. Но все это было тщательно рассчитано. Плите был придан небольшой уклон, чтобы дождевая вода не скапливалась на ней. Были видны следы эрозии вдоль места слива воды. Но сглаженная скала не обладала такой сопротивляемостью эрозии, что должны были пройти века, чтобы она приобрела свой теперешний вид.

Закончив исследование пластины, Маоган и Роллинг вернулись на базу и сразу же вскочили на флиттер.

Не колеблясь ни минуты, Маоган направил флиттер на юго-восток. Ориентируясь точно по линии спутников, флиттер медленно летел на высоте примерно ста метров. Пейзаж был везде одинаков, кристалловидные горные скалы, насколько хватало взгляда, гладкие и блестящие, отражающие небо. Время от времени отсвечивали красноватым блеском глинистые пласты, яркость которого ослепляла пилота, затем все становилось голубым.

Через три часа полета от места расположения первой пластины они нашли вторую, а затем и третью. Пластины были разбросаны на одинаковом расстоянии по прямой, точно так же, как и шары. Посчитав, что дальнейший полет не имеет смысла, Маоган повернул и тронулся в обратный путь. Было время, когда солнце начало опускаться за близлежащие горы, и снег, который покрывал их подножия, окрасился в мягкие розовые тона. В этих краях стояла сейчас зима, климат был похож на марсианский, но Жорж Маоган, казалось, не замечал всей прелести этого спокойного полета. Он вел флиттер с нахмуренным лицом. Первым нарушил молчание Роллинг:

— Коммодор, я хотел бы попросить прощения, — сказал он.

— А? — отозвался Маоган, который думал о другом и едва расслышал.

— Действительно, вы были правы насчет чутья, помните, тогда?

Маоган посмотрел на него с неудовольствием, как будто его неожиданно разбудили.

— Вы знаете, что это за штука, Роллинг?

— Я думаю, что понял, коммодор, и мне это нравится все меньше и меньше.

— Мне тоже. Я бы даже сказал, что мне это совсем не нравится.

Резким движением Маоган увеличил высоту и скорость полета.

— Роллинг, нужно покинуть эту планету и как можно быстрее...

Он указал рукой на море, которое, насколько хватало глаз, было покрыто беловатым желе.

— Если то, что мы предполагаем, верно, можете представить весь вред от этого.

— Прекрасно представляю, коммодор. Если их могущество таково, как мы его представляем, то я не дам и ломаного гроша за нас, если они решат с нами разделаться.

Аппарат подлетел к базе, и Маоган значительно снизил скорость. В наступающих сумерках он заметил огни.

— Скажите, Роллинг, мне это кажется или они действительно разложили костры из ископаемого дерева?

— Кажется, да, — ответил Роллинг, склонившись к иллюминатору.

Раскрыв камеру-арсенал, Маоган вытащил оттуда два мощных бластера и один из них протянул Роллингу:

— Вы сможете воспользоваться им, если понадобится?

— Для чего? — удивился Роллинг. — Вы думаете, что они нам понадобятся?

— Я еще ничего не знаю. Но эти костры, которые горят на земле, явное свидетельство отсутствия дисциплины.

— Можно было бы вызвать посты охраны, прежде чем сесть, и узнать, что там происходит, — предложил Роллинг.

Маоган улыбнулся.

— Вы же хорошо знаете, что это запрещено, Роллинг. Я же сам принял такое решение. Если мы будем передавать что-нибудь по радио, это будет наилучшим способом обнаружить нас для тех, кто установил эти пластины, если, конечно, они еще существуют.

Переведя флиттер на бреющий полет, он облетел лагерь.

Люди, расположившись правильным полукругом, внимательно следили за пламенем.

— Мне кажется, что это не так уж серьезно, — сказал Роллинг. — Они развлекаются, а надо признать, жизнь здесь не такая уж веселая.

Маоган по-прежнему был настороже. Вместо того, чтобы сесть на обычном месте, он облетел «Алкиноос» и сел за кораблем.

Несмотря на то, что место было пустынным, коммодор, ступив на землю, приготовил свой бластер.

— Будет лучше, если вы последуете моему примеру, Роллинг.

Не успели они сделать и нескольких шагов, как из темноты возник силуэт охранника.

— Что происходит? — требовательно спросил Маоган.

— Ребята развлекаются, — ответил охранник вкрадчивым голосом.

Он подошел и внезапно в темноте блеснул разряд бластера.

Сраженный наповал Маоган рухнул, в то время как Роллинг падал, как бы сложившись пополам.

Когда Маоган пришел в себя, то обнаружил, что его перенесли в центр базы, туда, где горели костры из ископаемого леса. Его руки были закованы в наручники, прикрепленные к металлическому стержню, специально установленному для этого. Тот, кого они приняли за охранника, оказался не кем иным, как Слимом Орвалом, а большинство заключенных были пьяны. Воздух был наполнен странной смесью запахов жареного мяса, дыма и алкоголя.

Запах жареного мяса! Жорж Маоган спрашивал себя, в порядке ли у него органы обоняния?

И все-таки, да! Теперь он разглядел... Над огнем поворачивались вертела и огромные куски мяса медленно поджаривались на них, в то время как сок стекал в импровизированные подносы. И время от времени один из заключенных подходил и брал большую порцию этого экстравагантного блюда.

Подошел Слим Орвал. Он казался менее пьяным, чем другие. В руке он держал нож, на острие которого был наколот кусок жареного мяса. Он поднес его к носу Маогана:

— Понюхайте-ка, коммодор. Это не ваша размазня.

Полный отвращения, Маоган посмотрел на него, затем выругался.

— Вы с ума сошли, Орвал, но вы за это заплатите.

Орвал разразился презрительным смехом.

— Это было бы удивительно, коммодор. Теперь здесь командуя ·я! — подняв кусок мяса, он откусил, и сок потек у него по подбородку. — Видите ли, коммодор, вашим охранникам пришел конец.

Орвал оскалился.

— Да, — сказал Джеф, который подошел сзади, — это было красивое зрелище. А, Слим?

— А у тебя никто не спрашивает, что ты об этом думаешь, — ответил Орвал, отодвигая его рукой.

Теперь Маогана окружало примерно полдюжины заключенных.

— Вы все сошли с ума, — крикнул им Маоган. — Где вы нашли это мясо? Почему вы не предупредили меня?

— Ну, конечно, — оскалился Орвал. — Если бы мы предупредили вас, коммодор, вы бы, конечно, были против.

И, повернувшись к остальным, он спросил:

— Не так ли? А, ребята?

— Ты прав, Слим, — раздалось в ответ.

Они дружно рассмеялись, похлопывая себя по ляжкам.

— Позже вам будет не до смеха, — сказал им Маоган. — Вы совершили безрассудный поступок. И на что

вы теперь надеетесь? Кто вас выведет из этой помойки? Вы об этом подумали?

Окружающие его заключенные, время от времени передававшие друг другу посудины, полные жидкости, которая, казалось, имела все свойства серной кислоты, снова разразились неудержимым смехом.

Взгляд Слима теперь выражал вызов.

— Я умею управлять кораблем, вы как-то об этом забыли, коммодор. «Алкиноос» теперь починен. Починен! Роллинг закончит установку реактора под нашим контролем.

Он наклонился над Маоганом и прошипел ему прямо в лицо:

— И вы тоже, коммодор. Вы тоже будете сотрудничать с нами, если хотите вернуться на Землю.

Забыв про свои оковы, Маоган попытался выпрямиться. Но страшная боль в запястьях заставила его сморщиться.

— Вы ошибаетесь, Слим. Если я вернусь на Землю, вы будете осуждены за разбой... Вы окончите свои дни на Вильмуре.

При простом упоминании Вильмура группа преступников задрожала. Давным-давно смертная казнь на Земле была отменена. После первого преступления те, кто поддавался психолечению, становились космическими шахтерами. После второго преступления ссылались на Вильмур.

Вильмур! Такая же планета, как и многие другие, и не такая уж плохая. Но дело было в том, что преступники жили там свободно, без охраны, подчиняясь своим же собственным законам. На Вильмуре были только заключенные, и не было кораблей, чтобы на них сбежать.

Вокруг планеты космическая гвардия бдительно несла охрану пространства. На Вильмуре не доживали до старости. Но на Слима это не произвело впечатления.

— Вы умрете, прежде чем я попаду на Вильмур, — проговорил он по слогам.

И снова Маоган повернулся к группе заключенных.

— Не верьте ему, он сошел с ума. Он никогда не выведет нас в нашу галактику. Мы забрались так далеко, что мне самому это будет трудно сделать.

— Вы слышите? — крикнул Слим. — Он опять за свое!

Окружающие опять начали хлопать себя по ляжкам и обмениваться толчками в спину. Глаза у них покраснели от алкоголя, и теперь они были только стадом диких зверей, не способных воспринимать даже самых простых доводов.

— Бесполезно, коммодор, — крикнул Джеф. — Мы знали, что вы нас накололи!

— Да, да, — повторил Слим. — Коммодор нас обманул, чтобы мы вели себя спокойно. Он думал, что мы поверим в эту сказку, как глупые ребяташки.

Он снова повернулся к Маогану, глаза его горели злобой.

— Вы не один здесь такой хитрец, Маоган. Мы хорошо поработали, хорошо отремонтировали «Алкиноос»... — он откусил кусок мяса. — но для нас самих!

— Ты прав, Орвал, — крикнул какой-то молодчик. — Это прекрасный корабль. Как только он будет нашим, нам незачем будет лететь на Вильмур!

И только сейчас Маоган обратил внимание на то, что все преступники носили на поясах бластеры. Значит, они разоружили охрану и весь экипаж, и теперь приходилось рассчитывать только на случай. Огни костров затухали. Сзади слышались песни и шум драки. Но один за другим люди, сраженные алкоголем, от которого они отвыкли, засыпали тяжелым сном.

Глава 7

Четыре часа утра. Всю ночь Маоган пытался освободиться от своих оков. Прежде, чем отправиться спать в свой угол, Орвал вернулся, чтобы надеть ему кандалы и на ноги.

Свалившись где попало, преступники, усыпленные алкоголем, громко храпели.

И все-таки у Жоржа Маогана складывалось впечатление, что в лагере что-то двигалось. Этот шум слышался позади, а вскоре почти возле него послышался неуловимый шорох. Неожиданно он почувствовал тепло на своих запястьях, затем расплавленные оковы распахнули свои железные объятия и со слабым звоном соскользнули на землю. Маоган почувствовал, что ему в руки вкладывают какой-то предмет. Это был бластер! Он еще не был в состоянии повернуться, чтобы узнать, кто же это действовал, а в это время человек очень осторожно пополз к его ногам.

Пламя выстрела вспыхнуло лишь на какую-то долю секунды, затем соскочили и ножные кандалы. Тогда Маоган узнал огромный силуэт Штуффа.

Не говоря ни слова, Штуфф сделал знак следовать за ним. Трудно было поверить в то, что такая масса может двигаться с такой легкостью. Штуфф как бы сливался с землей. В полнейшей тишине он провел Ма-

огана к спасательному люку. Двое преступников, поставленных для его охраны, лежали в причудливых позах с разбитыми черепами. В этом месте Штуфф сделал знак Маогану, что он может подняться.

Дверь в центральной боевой рубке была открыта. Еще один труп валялся в помещении, где стены были заполнены точными приборами и экранами радаров.

— Здесь нам никто не помешает, — прошептал Штуфф. — Я здесь всех успокоил, прежде чем идти искать вас, коммодор.

Он подмигнул, и улыбка озарила его широкое лицо.

— Я не бил с ними и видел, как они совершили свой переворот. Они и меня искали, да только я успел убежать и спрятаться за холмами! Я ждал до тех пор, пока они насмерть не упились...

Чтобы восстановить кровообращение, Маоган несколько раз сжал и разжал кулаки. Затем он направился к установке встроенных излучателей. Это была установка фантастической мощности, способная посылать смертоносные волны на расстояние нескольких тысяч километров. Сложность устройства этих аппаратов была такова, что один человек разобрался бы в них только к концу своей жизни.

Маоган скрупулезно отрегулировал настройку. Затем он включил генератор с выдержкой. Послышался щелчок, словно ночная бабочка ударилась об электрическую лампочку. Медленно открылись наружные створки. В лагере поднялся переполох.

— Тревога! — раздался голос.

Шум нарастал. Послышался топот многих ног. Затем голос Слима Орвала. Маоган нажал на рычаг. Тотчас наступило молчание. Штуфф помчался к выходу. На мгновение блеснула вспышка, затем раздался звук падения.

— Одной из этих свиней удалось спрятаться от излучения, — раздался его резкий голос, а вскоре и сам он появился в рубке.

— Не хотелось бы этого говорить, коммодор, но вам надо было ударить зарядом полной мощности. Они не заслуживают того, чтобы жить дальше.

— А где охранники? — спросил Маоган.

Штуфф в замешательстве переступал с ноги на ногу. Как только операция закончилась, стало заметно, что он почему-то стесняется смотреть в глаза Маогану.

— Ну... то есть... дело в том, что эти сволочи разграбили арсенал. Они хорошо подготовились к своему перевороту. Когда вы улетели, охранники ничего не подозревали.

— Но куда же они их запрятали?

Штуфф сжал себе горло.

— Для охранников они применили не излучатели, коммодор, а... Зет-4, тепловые, с ультрафиолетовой вспышкой.

Маоган побледнел. Теперь до него дошло. Охранники... превращенные в дым... и всего за десятую долю секунды. А теперь они в виде пыли летели в атмосфере Гадеса... У Маогана вспотели ладони и он лихорадочно сжал приклад своего бластера.

— А экипаж?

— Они оставили в живых специалистов по улавливателям, оператора радара и астронома. Остальные были уничтожены вместе с охранниками,— он закашлялся.— Полный заряд в них, говорю я вам, коммодор. Полный заряд.

— Успокойся, Штуфф, это всегда успеется. Они останутся лежать, пока излучатель функционирует, а он установлен на длительное действие. Сначала найдем тех, которые остались. Где они?

— Я ни в чем не уверен,— ответил шахтер.— У меня не было времени искать. Но я думаю, что они заперты в шестом складе, за установкой радара.

— Пошли туда.

Преступники не оставили в арсенале ни одного излучателя Зет-4. Для восьмерых, избежавших смерти, это было дополнительной проблемой, так как идти в лагерь, чтобы искать оружие, было невозможно. Лагерь находился под воздействием силового поля, а снимать его и тем самым приводить в сознание заключенных, было слишком опасно. Контролировать их можно было только с помощью излучателей, причиняющих боль. А заставить слушаться их могла только угроза смерти.

— Так это же очень просто,— сказал Роллинг.— Мы пошлем туда телеуправляемый транспортер. Сила поля сейчас такова, что она может парализовать людей, но не моторы! Собрать оружие манипуляторами будет просто детской забавой.

— Роллинг, вы правы,— сказал после некоторого раздумья Маоган.— Юри, включите все прожекторы.

Операция по сбору оружия произошла именно так, как и предсказывал Роллинг. Заместитель коммодора оборудовал транспортер детекторами, чувствительными к энергоблокам излучателей. И как большое, хорошо выдрессированное животное, транспортер пробирался сейчас между парализованными телами заключенных, останавливался, как бы в раздумье, брал очередной излучатель, и снова при-

нимался за свою охоту. Маоган, с неподдельным интересом наблюдавший за этой операцией, повернулся к Роллингу.

— Вы знаете, старина, а мне пришла в голову одна идея. Можно было бы вывести еще один транспортер и с таким же успехом собрать заключенных!

— Вполне осуществимо, — согласился тот.

— В этом случае все проблемы будут решены — нам останется только отвезти их в камеры анабиоза. Мы их заморозим и они проснутся на Земле. — Он задумался. — Нам больше не нужна сейчас массовая рабочая сила?

— Нет, коммодор, осталось только поднять атомный реактор. Но всем нам это будет под силу. Что же касается всего остального, то нам с Гевенечем и Юри понадобится всего пятнадцать дней для подгонки оборудования корпуса.

— Скажите-ка, Штуфф, вы не знаете, где они нашли это мясо? — обратился Маоган к шахтеру.

— Я не мог этого знать, коммодор, так как они меня опасались. Но мне кажется, что торговля мясом длилась уже давно. И только ликвидировав охранников, они решились устроить небольшой «пикничок» в ожидании вас с Роллингом. Это Слим подал идею. Он отправился за продуктами в легком флиттере. Животное должно было быть уже заколотым, так как Орвал отсутствовал недолго, самое большее — час. Он сказал, что хочет вернуться, чтобы встретить вас лично.

— А в каком направлении он улетел?

— К северу. К «Лунным горам», как вы их называете.

Маогану стало не по себе. «Лунные горы» представляли собой скопление мрачных ущелий, очень извилистых, состоящих из красных слюдяных и биотитовых пород. Вся эта горная цепь была похожа на кошмарный лабиринт и с первого взгляда казалась абсолютно безжизненной.

— В таком случае необходимо поднять Слива Орвала и заставить его говорить. Нам остается минимум пятнадцать дней пребывания на этой планете. Мы не можем все время пребывать в неизвестности, обязательно нужно узнать, что Слим там обнаружил.

Орвал заговорил. Он не был трусом, но применение волн, вызывающих боль, способствовало убеждению самых крепких натур.

Сейчас, накрепко привязанный к центральной стойке кокпита, он указывал путь среди неровных красноватых ущелий флиттеру, в котором, кроме него, находились Маоган, Роллинг и Штуфф.

Остальные остались охранять «Алкиноос» и на этот раз Маоган отдал приказ воспользоваться радио при малейшей тревоге.

Флиттер подлетел к горному цирку, окруженному скалами с резкими очертаниями. Зеленый водопад спускался каскадами в небольшое тихое озеро.

— Купол находится за озером, выше метров на сто, — разъяснил Орвал.

Преступник потел и объяснялся с трудом. Он с ужасом думал о ярости Маогана, когда тот все обнаружит.

Флиттер быстро преодолевал подъем.

И вот на зеркально-гладком плато перед ними открылся «купол». Щель, которую проделал Орвал, уже наполовину закрылась. Казалось, что он говорит правду об этом «живом» куполе.

Все сошли на землю.

Купол был серого цвета и насчитывал метров тридцать в диаметре. Он был изготовлен, казалось, из живой кожи... Из кожи, похожей на носорожью, или даже еще более толстой. В самом деле, клетки, из которых она состояла, были видны через лупу.

Маоган повернулся к Орвалу и показал на широкую щель, которая уже начала зарубцовываться.

— Вы что же, насмехаетесь надо мной, Орвал? Это не может быть съедобным!

Орвал опустил голову, потом поднял ее. В глазах его светился вызов.

— В конце концов, коммодор, вам нужно самому сходить туда и посмотреть.

Маоган подавил порыв гнева. В конечном счете, черт с ним, с этим Орвалом! Такие человеческие индивидуумы, как он, наследие тяжелого прошлого общества, попадались все реже и реже, и не стоило делать из этого драму. Победенный Орвал дал нужную информацию, и с этого момента его жизнь не стоила и гроша.

Убедившись в том, что преступник не сможет убежать, Маоган направился к Роллингу, который внимательно изучал основание купола, выросшего из скалы, как гриб и пригнанного к своей выемке с точностью до миллиметра.

В центре разрез. В глубине разреза было видно образование новых клеток, почти заметное глазу.

— Это нечто живое, но не съедобное. Вы были правы, коммодор, — сказал Роллинг, заканчивая осмотр.

Жорж Маоган был несколько озадачен.

— Может быть, мясо внутри, — сказал он.

— Откройте снова, Роллинг. Надо в этом окончательно разобраться.

«Кожа» оказалась чересчур твердой и им пришлось применить сверлильный агрегат. Неожиданно сверло провалилось в пустоту, и Роллинг не смог его удержать. Он потерял равновесие и зашатался. Сначала не было слышно ни звука, затем послышался треск разбиваемого сверла, но далеко, очень далеко внизу. Подхватив в последний момент Роллинга, Маоган помог ему подняться. Заместитель командира был бледен.

— Там бездна, коммодор, — едва выдохнул он дрожащим от волнения голосом.

Громкий хохот Слима прервал молчание. Рука Штуффа потянулась к бластеру.

— Не надо бластера, Штуфф. Рукой, если тебя это удовлетворит.

И в то время, как звук двух сильных пощечин раздался сзади, Маоган пытался прозондировать бездну. Он повернулся к Орвалу, из носа которого шла кровь.

— Ты спускался вниз?

— Я же говорил, чтобы вы сами посмотрели, коммодор. Огромная ручища Штуффа опустилась еще раз.

— Ты будешь отвечать, а? Ты будешь отвечать?

Слим сопел, но молчал. Штуфф ударил его еще раз.

— Ну?

— Ладно, — сказал, наконец, Слим, с трудом переводя дыхание. — Прекрати это...

Он посмотрел на Маогана.

— Приспособление для спуска спрятано слева, под скалой. В шахте вы найдете перегонный куб и все остальное, — он опустил голову и вытер окровавленные губы о плечо.

— Радуйтесь теперь, коммодор.

...Вот уже несколько секунд Маоган спускался по тонкой капроновой лестнице в темную бездну, которую освещал только тонкий луч фонаря его шлема. У него больше не было никаких сомнений в том, что эта шахта была искусственного происхождения, и по этой причине наличие купола становилось все более загадочным. Сначала Маоган думал, что это форма неизвестной растительной жизни, что-то вроде гриба из кожи, но сейчас ему пришлось отбросить эту гипотезу. Купол из кожи служил крышкой шахты с металлическими стенами.

— Я на дне, — объявил Роллинг, и голос его отразился от гладких стен шахты многократным эхом.

— Я нашел куб,— снова раздался его голос.— Но здесь нужен мощный прожектор.

— Спустите прожектор, Штуфф,— сказал Маоган в микрофон.

Заключенные хорошо устроили свои дела. Их система спуска, хотя и весьма примитивная, функционировала отлично. Всего за несколько минут Штуфф, оставшийся на поверхности, спустил им мощные портативные прожектора и их лучи разорвали темноту, царящую в шахте. Маоган и Роллинг застыли в ошеломлении.

Зал имел форму идеального полушария и достигал размеров кафедрального собора. А в центре — ничтожный перегонный куб и бочки с самогоном. В глубине были видны бронированные ворота колоссальных размеров, но которые можно было открывать рукой, что становилось ясным при виде широченных колес с рукоятками, которыми они были снабжены.

Это место было пустынным уже давно. Преступников здесь никто не беспокоил, так как было видно, что куб функционировал здесь уже несколько недель.

Но кроме куба здесь была оборудована и закусочная! Потрясенный, Маоган направился к дверям. До него никак не могло дойти, что люди оказались настолько примитивными, что в таком открытии не усмотрели ничего другого, кроме возможности грабежа и укрытия перегонного куба... Это напоминало грабителей пирамид и воровство надгробий. В этих тупых головах остались все пережитки прошлых поколений, вызванные эгоизмом и алчностью.

Прежде чем открыть двери, Маоган вызвал Штуффа.

— Штуфф!

— Слушаю, коммодор.

— Спроси у Орвала, что он там нашел и что он об этом думает.

Ответа пришлось ждать несколько минут. Маоган задал свой вопрос с очень простой целью. Он еще не знал, что он найдет за гигантскими воротами, но ему было любопытно, как такой бедный, как у Орвала, мозг может воспринять это явление. Послышался вызов:

— Коммодор, он говорит, что это умный, но беззащитный зверь. Это животное неподвижно, и вы можете спокойно идти туда. Он говорит, что именно поэтому он там и расположился. Если бы не это, то он расположился бы в другом месте. Хотите еще что-нибудь узнать, коммодор?

Нет, этого пока достаточно, Штуфф.

Направляясь к дверям, Маоган спрашивал себя, как

неподвижный зверь, каким бы умным он ни был, мог все это построить. Могло, конечно, быть и так, что двери были очень старыми и животное, о котором шла речь, расположилось там впоследствии.

По мере приближения к дверям, коммодора все более и более поражали их гигантские размеры. Тем не менее, легкий толчок Роллинга заставил их приоткрыться. Только гений металлургии мог рассчитать их с такой точностью, так как каждая створка должна была весить несколько тонн.

Сейчас Роллинг походил на мышь возле двери в амбар.

У помощника Маогана вырвался крик:

— Это невероятно, коммодор!

Маоган вошел.

За дверью простирался полукруглый зал размером с добрую сотню метров в поперечнике, стены его были сделаны из того же металла, что и входная шахта. В отверстиях, обнаруженных при ближайшем рассмотрении, оказались входы в туннели высотой примерно в два метра. Сам же зал был заполнен металлическими этажерками, которые поддерживали прозрачные колпаки, соединенные между собой посредством множества прозрачных трубок, в которых циркулировала какая-то ярко-желтая жидкость. Весь комплекс дополняла сеть эластичных волокон. И под каждым прозрачным колпаком, в центре подставки правильной кубической формы — блок мяса, свежего, красного, живого.

Преступники опрокинули много таких колпаков. И там, откуда они вытащили мясо, образовывались новые куски!

В каждом углу, куда бы Маоган и Роллинг ни заглянули, они встречали все те же блоки мяса под колпаками, неимоверное переплетение трубок и волокон, и, казалось, что этому не будет конца.

С большой предосторожностью пробираясь вперед, чтобы не заблудиться в этом удивительном лабиринте, Маоган обратил внимание на то, что каждый проход выходил в новый полукруглый зал, который, в свою очередь, переходил в пятьдесят горизонтальных проходов и во столько же вертикальных шахт, по которым проходили огромных размеров каналы из черных волокон. Везде была одинаковая температура и в господствующем повсюду мраке и молчании система производила звук, похожий на бульканье. Кое-где в некоторых проходах блоки мяса были продолговатыми или пирамидальными, но их расположение под прозрачными колпаками повсюду было одинаково.

Вот уже более часа Маоган и Роллинг бродили по пещере, и за это время они не обменялись ни словом. В таком же молчании возвратились они в первый зал, туда, где Орвал и компания обдeldывали свои делишки. С целью попытаться сделать анализ этого удивительного вещества, Роллинг отрезал несколько кусочков. Зло было совершено, куском больше или меньше, значения не имело. Они как раз пересекали порог гигантских дверей, когда послышался вызов Штуффа:

— Коммодор, коммодор,— кричал он.— Торопитесь! Поднимайтесь быстрее, это снова начинается!

Маоган посмотрел на Роллинга.

— Что снова начинается, Штуфф? Опять заключенные? Они что, сбежали?

— Нет, коммодор, это опять что-то с солнцем, как на Алоните. Садитесь в подъемник, я подниму вас как можно быстрее.

— Но, Штуфф,— ответил Маоган,— подъемник не выдержит сразу двоих.

— Доверьтесь мне, я крепкий и подниму вас. Надо спешить!

Казалось, что Штуфф совсем сошел с ума. Роллинг и Маоган забрались в крошечную бадью, которая тотчас же начала подниматься.

— Штуфф тронулся,— сказал Роллинг.— Ведь Новые невозможно каждый день наблюдать вблизи. Он, наверное, бредит.

— Если только это не что-нибудь другое,— ответил Маоган, у которого от волнения сжималось горло.

— Я знаю, о чем вы думаете, коммодор, но не могу в это поверить,— сказал Роллинг, лихорадочно сжимая маленькую коробочку с магнитным замком, где лежали взятые им пробы.— Это было бы слишком ужасно!

На это Маоган ничего не ответил, и они молча продолжали подъем. Но в их головах постепенно складывалось представление о гигантских сглаживателях и стерилизаторах планеты.

Штуфф указал на юг, где разрастался зловещий красноватый отблеск.

— Что-то жарко, коммодор.

— Быстрее во флиттер,— приказал Маоган.

Не теряя ни секунды, коммодор поднял флиттер вертикально в воздух. Когда отроги гор оказались позади, они увидели «Алкиноос». Вокруг корабля бурлило море

огня и поднимались клубы белого дыма. Это горел океан, а желе, сгорая, добавляло в хаос, царящий вокруг корабля, клубы черного дыма.

Пылающая стена продвигалась и вскоре достигла суши, моментально поглотив лагерь. Силуэт «Алкинооса» как бы деформировался, затем растаял и расплылся по земле, как покрывало из блестящей ртути. Земля вдруг заколебалась, а вырвавшийся неизвестно откуда огненный луч направился к флиттеру.

Маоган чудом успел отвернуть, и гребень утеса принял на себя удар. Но флиттер, казалось, попал в огненное кольцо, все пространство вокруг него было пронизано красноватым блеском. Маоган опять сумел увернуться и, выжимая из флиттера все, на что тот был способен, устремился к куполу.

Гигантский луч пока еще не достигал отверстия шахты, но как только Маоган посадил флиттер и люди начали выскакивать из него, скала под ним неожиданно треснула.

— Это лазер, который ищет нас, — крикнул Роллинг.

Он был прав. Луч теперь совсем рядом разрезал землю в поисках исчезнувшей цели. В какой-то момент огненное дыхание как будто прикоснулось к ним, и их накрыло осколками разлетающихся скал, в то время как земля, раздираемая невидимым лезвием, раскрылась перед ними исполненной фантастической траншеей...

— Спустимся в шахту, — предложил Маоган. — Как только мы окажемся там, жара нам уже будет не страшна и, кто знает, может быть нам удастся заключить мир?

Они уже начали спуск, как вдруг Маоган крикнул:

— Я отпущу Орвала!

— Вы с ума сошли, коммодор, — прорычал Штуфф.

Но Маоган не слушал его. Тогда, совсем не понимая, в чем тут дело, Штуфф направился за ним.

Луч лазера не проникал в глубь шахты, но неожиданно его направление изменилось, раздался звук, похожий на щелчок, и «купол» развалился. Чтобы спастись, люди спрятались за гигантскими воротами. В этом теплом помещении все было спокойно, и у них появилось ощущение безопасности.

Роллинг, едва дыша, старался подтолкнуть и закрыть своим телом дверь. Это была, конечно, ненужная и смехотворная попытка, так как луч не мог достать его здесь, а дверь закрыть было невозможно. Но Роллинг, уже на пределе своей нервной энергии, не мог спокойно переносить вид металла, который расплзался, как гнилая ткань.

Маоган, как всегда невозмутимый, манипулировал переключателями своей минирации в надежде установить контакт с невидимым агрессором.

Вдруг Штуфф вскрикнул. Двери закрылись сами! Раздался щелчок идеально сконструированного замка, затем пали створки со стороны коридора.

Глухой звук их падения долго перекатывался под сводами, затем наступила тишина. Неверный свет лампы, зажженной коммодором, прорезал темноту. Беспольный жест отчаяния. Глухой шум доносился из недр планеты, и трепетание сотен синтетических каналов продолжалось в том же надоедливом ритме. Людям казалось, что они запряты в желудке огромного и коварного животного, которое готовится их переварить.

Голос Роллинга нарушил тишину:

— Коммодор, температура повышается постоянно!

— Как быстро?

— Четыре градуса в минуту, и если мы в течение десяти минут не уберемся отсюда, то нам конец...

Время шло. Ловушка была идеальной. Не было оставлено никакого выхода. Через десять минут на пределе своей выносливости земляне начали задыхаться в обжигающем воздухе...

Часть II

ИМПЕРИЯ АНТЕФАЭС

Глава 8

В будуаре с большим потолком, который поддерживали фигуры двадцати бронзовых эфэбов, Ноозика, Самая Красивая, осмотрев себя в зеркале, оправленном кантом, пришла к выводу, что ее красота не поблекла.

Это был государственный закон, неукоснительно выполняемый Ноозикой — всегда оставаться красивой, самой красивой. Во «Дворце с семью дверями» малейший дефект внешности становился причиной безжалостного изгнания. Но вот уже много тысяч лет Ноозика сохраняла свое превосходство.

Сейчас она лениво поглаживала свои волосы опалового цвета; волосы, в манере укладки которых чувствовалась бездна тонкого вкуса, и которые плавными локонами ложились на прекрасные плечи, надушенные амброй.

Привычным жестом, повторенным уже тысячи раз, Ноозика откинула волосы так, как она всегда делала в течение всей своей жизни. Блеск ее глаз был выбран среди сотен нюансов блеска, предложенных наукой о красоте.

— Принея, — позвала Ноозика.

Как и у ее хозяйки, у Принеи были огромные глаза без зрачков, похожие на омуты, в которых цвет воды, казалось, изменялся при каждой ее мысли. Она приблизилась танцующим шагом.

— Желаете ваши драгоценности, госпожа?

— Ах! — вздохнула Ноозика. — Я хотела бы золотые кольца, чтобы заковать свои лодыжки и напомнить себе, что я всего лишь рабыня. У меня сегодня плохое настроение.

— Рабыня?! Госпожа! — воскликнула служанка. — Как вы можете так говорить? Все женщины Империи Семи тысяч Планет завидуют вам. Вот уже тысячелетие, как вы царите в сердце господина и руководите его развлечениями. Настоящий повелитель Империи — это вы, госпожа. Архос в этом не ошибается.

— Архос? Что он там еще придумал?

Принея заканчивала туалет Ноозики, надев на нее снежно-белую тогу и опоясав ее талию порфировым поясом, на котором переливались четыре таинственно-темных драгоценных камня невиданной красоты.

— Архос привел к Повелителю двух этих дрожащих животных, которые, кажется, живут на Тамере, планете на самом конце света. Повелитель без ума от этих животных, которые так легко умирают.

Служанка воткнула в опаловые волосы Ноозики широкий гребень.

— Архос очень хочет, чтобы Повелитель вас забыл, — продолжала она. — Еще вчера он привел к нему шесть женщин со Стира. Они такие черные и волосатые! И это после эфебов с Иксора и живых колон с Жаспа. Ноозика разразилась смехом.

— Ты беспокоишься из-за ерунды, Принея. Это же просто развлечения, — она уставилась на служанку своими огромными, с неимоверным блеском, глазами. — Ты была еще ребенком, когда Повелитель покорил Мозг. Ты не знаешь, каким был мир до этого. Когда еще не было ни гипнозов, ни игр, ни изобилия. Тогда надо было воевать, люди старились и еще рождались дети, а каждый год к Империи прибавлялось десять новых планет.

Она наклонилась к Принее и погладила ее волосы.

— Если бы ты, малышка, знала это, ты бы поняла, что этот самый Архос не более опасен, чем искусный фокусник.

Теперь Принея принялась ухаживать за руками Ноозики. За руками, которые казались такими хрупкими, что могли служить только для ношения драгоценностей.

— Это все потому, моя госпожа, что я очень часто думаю об этом. Что же я буду делать, если мне придется покинуть «Дворец с семьёю дверями»? Там, снаружи, жизнь такая грустная. Никто не работает, делать нечего. Только и остается, что ходить на игры...

Она вздохнула.

— Вы хотите сказать, моя госпожа, что до того, как Повелитель покорил Мозг, все было по-другому? Я столько раз слышала, что, совсем наоборот, кругом царил хаос. Совет Семи разумных был больше не в состоянии править. Тогда было все так сложно. Далекие планеты без конца восставали, катастрофы следовали одна за другой, в пространстве хозяйничали пираты, а на расстоянии нескольких световых лет нас подстерегали варвары, неожиданно появлявшиеся для новых и новых грабежей. Мозг повсюду установил порядок, а Повелитель дал нам изобилие, игры и мир.

Ноозика внимательно слушала мелодичную речь своей служанки.

— Ты все это хорошо излагаешь, Принея, и все-таки ты грустна, сама не зная, почему.

— О, нет! — возразила Принея. — Я отлично знаю, почему я грустна. Ваша красота вам для чего-то служит. Повелитель любит наслаждаться вашей красотой. Ну а на меня никто не смотрит, и когда я иду по городу, я вижу, что мужчины предпочитают мне свои гипносы. Никогда ни один мужчина не поднимет глаз на женщину. Никогда он не будет терпеливо выбирать для нее одну из тех пластинок с миллионами ячеек, которые так красиво могут смотреться, когда их вешаешь на грудь. Дети больше не нужны, потому что мы больше не умираем. Поймите меня, госпожа. Если мне придется покинуть дворец, я предпочту умереть.

Она снова вздохнула.

— Но другим женщинам это безразлично, они ведь тоже смотрят гипносы, — ответила Ноозика и, поднявшись, направилась к клетке с четырьмя решетками, где спали три ЛИНКСА приятной карминовой масти, и открыла ее. Разбуженные крошечные животные поднялись в воздух и наполнили его нежной мелодией. — Видишь ли, Принея, Повелитель усыпил мир, но не спас его, как ты думаешь, к тому же посмотри на дворец: это единс-

твенное место в Империи, где нет гипнотических аппаратов. Есть, конечно, игры, которые возбуждают, когда их смотришь. Здесь нужно двигаться, работать, следить за своей красотой и нравиться другим. Животные, которых предпочитает Повелитель, это трепещущие с Тамора, ты совсем недавно это подметила. А знаешь, почему?

— Нет,— ответила Принея,— не знаю.

— Так вот, это потому, что они так легко умирают. Мозг мог бы, конечно, найти способ сделать их бессмертными, как и мы. Но тогда Повелитель не смог бы больше играть с ними из боязни, что они не умрут, как бы он с ними ни обращался. И тогда он заскучает.

— Да, конечно,— согласилась Принея.— Но я не могу представить, что все это будет длиться века и века. Однажды Мозг найдет новый чудесный способ, чтобы развлечь нас. Такой способ, какой я даже не могу себе представить.

Блестящие глаза Принеи, казалось, могли объять в этот миг весь несуществующий мир, придуманный ею, и она улыбнулась.

— Не верь этому,— сухо сказала ей Ноозика.— Повелитель никогда не попросит у Мозга чего-нибудь подобного. Он и так счастлив, так как он могущественен, а он это любит. Когда он в гипноснах появляется перед народом, он разукрашен такими цветами, что эти несчастные думают, что перед ними появился бог, и, чтобы еще больше убедить их в этом, он напоминает им несчастья прошлых веков.

Резким движением Ноозика ударила по струнам перлиры, которая издала пронзительный и стонущий звук.

— Видишь ли, Принея, у моего терпения есть смысл. Здесь ни один человек не способен желать ничего другого, кроме этой застывшей вечности. У нас во дворце те, кто знает, что к чему, как, например, Архос, думают только о том, как сохранить свое место. Те, кто живет в городе, довольствуются гипноснами и играми. Другие планеты так же слепо подчиняются общим законам, и никакая эволюция там невозможна.— Глаза Ноозики застыли, и стали похожи своим цветом на расплавленное олово, когда оно выливается из тигеля. — Я терпеливо жду, Принея, подходящего случая. Однажды я дам команду Мозгу, уж не знаю, будет ли для него это благом или нет. Но я вырву Вселенную из ее сна и изобилия. Нужно сделать так, чтобы однажды мы перестали вариться в собственном соку и начали созидать...

...Трепещущая чахла от пожирающего ее жара, и Феакс наклонился над ней. Это был высокий мужчина с тонкими

руками. На его худощавом лице блестели зеленые глаза с зрачками, которые он никогда не соглашался изменить.

— Ты действительно страдаешь,— сказал он, обращаясь к животному.

Осторожным движением он покрыл тело животного тонким одеялом. В глазах животного, покрасневших от жара, появилось выражение смутной благодарности. В течение нескольких секунд ее одышка стала менее заметной.

— Архос,— сказал Феакс.— Принесите мне бинт и порошок с Курада. Это животное страдает от пневмонии, я сейчас сделаю компресс. Если это не поможет, я сделаю ему прокол.— Он выпрямился.— Поторопитесь, Архос. Я очень привязан к этому животному, и мне трудно будет успокоиться, если оно исчезнет.

Затянутый в свой придворный мундир, который оживляли только четыре выточенных из серебра пуговицы, Архос стоял, вытянувшись.

— Что такое? — удивился Феакс.— Что случилось? Ты хочешь мне что-нибудь сказать, Архос?

Вид у Архоса был странно смущенный, он переступил с ноги на ногу.

— Дело в том, Повелитель, что я пришел к вам с плохой новостью.

Глаза Феакса вспыхнули.

— Ну, говори!

— В это почти невозможно поверить,— пробормотал Архос, руки которого лихорадочно терли одна другую.— Это...

— Что значат все эти разглагольствования?! — воскликнул Феакс.— Переходите к делу!

— Это произошло на Гмуре, на расстоянии семидесяти двух световых лет отсюда, десять минут назад. Два Гипера-Т столкнулись на скорости двадцать пять тысяч километров в час... Триста тысяч жертв...

— Ты говоришь, два Гипера-Т? А ты проверил это сообщение? С тех пор, как Мозг взял на себя управление движением, такого не случалось ни разу.

— Я все проверил, Повелитель.

Архос сжал себе горло.

— Это еще не все, Повелитель...

Феакс молча глядел на него, затем сказал:

— Что же еще?

— Поле, изолирующее диких гигантских УРВАЛОВ на планете Тиор-2, исчезло. Они вырвались на свободу и разрушают все вокруг. Центр космической связи молчит.

Феакс пытливо, с подчеркнутым вниманием смотрел на своего собеседника.

— Архос!

— Да, Повелитель!

— Ты случайно не начал смотреть гипносы?

— О, нет, Повелитель! — яростно возразил Архос. — Вам только нужно пройти со мной на центральный пункт Мозга, и вы сможете все проверить сами. Происходит нечто немыслимое. Я не знаю, что и подумать. Можно сказать, что Мозг болен.

Лицо Феакса стало бледным.

— Ты говоришь, Мозг?!

Оцепеневший от страха при виде ярости Повелителя Архос только кивнул головой. Но Феакс не взорвался гневом. Наоборот, он положил руку на плечо Архоса.

— Не будем драматизировать события, Архос. Такое тоже может произойти. А может быть, там окажется нечто, что нас хоть немного развлечет, а то я начал было скучать...

Ноозика как раз водворяла линксов в их клетку, когда к ней вошла Принея. Молодая служанка еле переводила дыхание, щеки ее порозовели.

— Госпожа, — с трудом проговорила она взволнованным голосом. — Повелитель хочет видеть вас. Там такое происходит, такое происходит... — Она понизила голос. — Он ждет вас в центральном пункте Мозга... Может быть, пришел день, о котором вы мечтали, госпожа?

Феакс разглядывал Ноозику. И каждый раз, когда он встречался с ней глазами, в его взгляде можно было прочесть все чувства, которые испытывал он, когда любовался этой красотой вечной юности. Но на этот раз любование длилось недолго. Жестом он указал ей на блестящую дверь, за которой крутились миллионы запоминающих кассет.

— Входи, Ноозика. Я не хотел лишать тебя этого единственного в своем роде спектакля.

— Невероятно, — с иронией проговорила Ноозика, — разве за этой дверью что-нибудь происходит?

Когда Архос увидел входящую девушку, он с трудом подавил гримасу неудовольствия на своем лице. Ненависть, которую он испытывал к Самой Красивой, не знала границ и он не понимал, как это Повелитель может привлекать такую ничтожную личность к такому невероятному событию, которое только что произошло.

— Повелитель, — сказал он, привлекая к себе внимание Феакса и явно игнорируя присутствие Ноозики. —

Разразилось еще одно бедствие, на этот раз на планете Гирос. Гипнотические аппараты, все до одного, вышли из строя. Там разразился бунт!

После непродолжительного молчания он неуверенно продолжал:

— Видите ли, Повелитель, создается впечатление, что болезнь Мозга прогрессирует. В начале была затронута лишь ничтожная часть четвертого сектора, но болезнь захватила и другие области в этом секторе. В других местах, к счастью, пока все нормально.

Ноозика повернулась к Феаксу.

— Так Мозг болен?

Она с трудом смогла скрыть удовольствие, которое доставила ей эта новость. Но все же ей это удалось, так как Феакс внимательно смотревший на нее, ничего не заметил.

— Это ужасно!

— Слово «ужасно» здесь не подходит,— поправил ее Феакс,— в данный момент задета только миллионная часть Мозга. Скоро болезнь будет нейтрализована.

— Но,— спросила Ноозика как можно равнодушнее,— известно ли, что вызвало эту болезнь?

— Пока нет. О бактериологическом заражении нечего и говорить, если иметь в виду принятые предосторожности.

— Может быть, это сделал кто-то специально? — с сомнением в голосе сказала Ноозика.— Например, те граждане, которые решили покончить с Мозгом...

Феакс разразился смехом.

— Это невозможно, моя дорогая. Разум наших подданных отрегулирован таким образом, что никому из них в голову не могли даже прийти подобные мысли!

— Это верно,— согласилась Ноозика. Она поколебалась, затем продолжила.— Но тогда... может быть, что кто-то Чужой?

Она произнесла эту фразу с сомнением, не очень-то веря в подобную возможность.

— Об этом не может быть и речи, Ноозика. Мы очистили все планетные системы на сто тысяч парсеков от границ Империи. Если бы существовала такая могущественная сила, которая могла бы нанести удар по Мозгу с такого огромного расстояния, мы бы об этом знали...— продолжая говорить, он повел Ноозику в зал, где мерцали гигантские экраны.— ... Но мы сейчас все это узнаем. Мы начали телепоиск.

— Повелитель, посмотрите! — воскликнул Архос. Он поперхнулся.— Это чужие! Это они напали на Мозг!

— И корабль тут же...— Архос внимательно изучал изображение.—...Примитивный корабль... Повелитель, это варвары!

— Невозможно! — воскликнул Феакс. — Варвары давно покорены!

— Невероятно! — сказал Архос. — Это чужие варвары. Значит, они пересекли Большой Барьер?!

Мертвенно бледный Феакс придвинулся к экрану, на котором виднелась удивительная картина.

— А у их корабля есть название! — и он максимально увеличил изображение.— «Алкиноос».

Он смотрел на Ноозику, но не видел ее.

— «Алкиноос»! Это легендарное имя, которое выходит из самых глубин нашей истории.

Он замолчал и Ноозика видела, как его рука теребила край позолоченной УГЛЫ, в которую он был одет.

— «Алкиноос»... Варвары, которые не принадлежат к Империи Антефаэс и все-таки это люди!

Увеличенное до предела изображение теперь показывало людей, которые, сидя у костра из ископаемого дерева, готовили себе угощение.

— Они питаются нашим Мозгом,— констатировал Феакс прерывающимся голосом.

Затем он зарычал:

— Но откуда же они?!

— О, пожалуй, это просто, Повелитель, — ответил Архос. — Мне кажется, я понял. Это потомки одного из наших корабельных экипажей, потерпевших крушение в те времена, когда наши корабли еще терялись в пространстве. Они, должно быть, размножились там, по другую сторону Большого Барьера пятьдесят или шестьдесят тысяч лет назад. От отца к сыну они передавали наши легенды, и мало-помалу их потомки научились жить заново.

Феакс снова поглядел на изображение.

— Их корабль не настолько мощный, чтобы пересечь Большой Барьер,— сказал он. — Но тем не менее, они могли появиться только оттуда, иначе наши детекторы сработали бы.

Повелитель понемногу успокаивался. Он начал разглядывать изображение с любопытством палеонтолога.

— Просто удивительно, какими они остались примитивными! — буркнул он.

— Не такими уж и примитивными, как вы думаете, Повелитель,— сказал Архос. — Посмотрите!

Он перенес изображение.

— Эти следуют по линии пластинок. Они их исследуют и не так уж далеки от того, чтобы все понять.

— Но,— спросила Ноозика, которая с большим трудом скрывала охватившее ее возбуждение,— что вы собираетесь делать с этими существами?

Феакс оторопело посмотрел на нее. Казалось, что этот невинный вопрос его страшно шокировал.

— Но, моя дорогая, здесь нет никакой проблемы. Мы нейтрализуем большую часть Мозга, стерилизуем затронутые области, а что касается варваров, то мы, конечно, их уничтожим.

— Не вступая с ними в контакт? — спросила Ноозика на всякий случай.

— Я не думаю, что это представляет какой-либо интерес,— ответил Феакс.

— И все-таки, эти люди могли бы нам сказать, откуда они,— продолжала настаивать девушка.— Это позволило бы нам нейтрализовать их планету.

Феакс задумался.

— Нет! Это ни к чему. Невероятный случай привел их сюда, а что-нибудь подобное может повториться лишь раз за много веков. Я считаю, что лучше всего их уничтожить, и прямо сейчас!

Ноозика приблизилась к экрану. С неослабевающим вниманием она рассматривала сложение этих существ, пришедших из неведомой дали. Как они отличались от граждан Антефаэса! Особое впечатление на девушку произвела их сила.

— И все-таки, мне кажется, это было бы интересно — изучить этих людей. Они ведут себя как господа, а не как слуги. Посмотрите, как они действуют. Они свободны... — на губах Феакса появилась многозначительная усмешка.— У вас светлый ум, моя дорогая. Эти существа независимы, автономны. Именно поэтому я и не оставляю им ни малейшего шанса.

Не произнеся ни слова, Архос кивком головы подтвердил сказанное. Не стараясь больше скрыть свое волнение, Ноозика покинула зал.

Глава 9

Пытаясь уйти от все возрастающей жары, Маоган и его спутники спустились в один из самых глубоких коридоров, чьи бесчисленные ответвления уходили в недра планеты.

— Как все это странно,— сказал Роллинг, который хотя и задыхался, но не переставал восхищаться устройством этой установки.— И как это наводит на мысль, что перед нами гигантский искусственный Мозг, размером с целую планету. Пластины — передающие антенны. Шары — реле, а каждая микроскопическая ячейка должна соответствовать каналу информации.

— Это похоже,— согласился с ним Маоган, поворачиваясь к Орвалу, лицо которого приняло фиолетовый оттенок, и который вот-вот, казалось, потеряет сознание.— Эти блоки «мяса» заменяют кристаллы наших электронных устройств. Нужен килограмм наших лучших кристаллов, чтобы выполнить работу одного миллиграмма этой массы, которую вы, Орвал, все еще несомненно перевариваете.

Слим, которого Маоган и Штуфф в последний момент вытащили из флиттера, прежде чем гигантский лазер добрался до него, не ответил ни слова.

— Этот мозг в состоянии управлять целой Вселенной, а мы его заразили,— продолжал Роллинг.— Планета была стерильной, а мы ее засеяли. Я с трудом осмеливаюсь думать о катастрофах, которые мы вызвали...

— Да,— сказал Маоган,— с трудом вдыхая раскаленный воздух,— но теперь нам конец. Они сейчас уничтожат часть мозга, которую мы, как бациллы, затронули. Они сжигают ее. Это тот способ, который я сам бы применил, не колеблясь, если бы отвечал за подобное устройство...

И в то же время, вопреки всякой логике, коммодор продолжал манипулировать своим микропередатчиком. Существовал один шанс из миллиона, что радиоволны смогут проникнуть сквозь толщу скал, под которыми они были погребены, и еще меньше шансов на то, что они будут поняты. Но Маоган раз и навсегда усвоил, что надеяться надо всегда, и только сама смерть может этому помешать.

Однажды, когда они были еще молодыми космонавтами, руководитель собрал их и сказал:

— Мальчики, сегодня вы пройдете решающий тест. Те, кто его одолеет, будут приняты, а остальные безжалостно отсеяны...

После этого он раздал им коробки, на которых было примерно двадцать запоров, десять кнопок и несколько других приспособлений.

— Вас запрут на два дня с этой коробкой. И вы должны будете открыть ее к тому времени, когда надо будет выходить.

В течение двух дней Маоган напряженно и интенсивно думал. Под безжалостным взглядом телекамеры, которая следила за ним, он перепробовал множество комбинаций. К концу срока, потев от ужаса перед коробкой, которая упорно не открывалась, он все еще продолжал свои попытки. Затем раздалась команда: «Время истекло!».

Жорж Маоган положил коробку на пол и вышел, невесело посвистывая, уверенный в том, что его так и не начавшаяся карьера благополучно закончена. Он был принят первым, так как коробка не открывалась вообще! Это был цельный металлический блок, а запоры на нем служили только для того, чтобы возбуждать ужас кандидатов...

Некоторые курсанты к концу первого дня топтали свои коробки, пытаясь открыть их с помощью силы, другие пробовали огнестрельное оружие или просили выпустить их до истечения срока, чтобы пойти напиться.

С этого дня Маоган научился ценить хладнокровие, особенно тогда, когда кажется, что все потеряно.

— Вы напрасно стараетесь, — прошептал Роллинг.

Он расстегнул свой изолирующий комбинезон и уселся напротив возвышающейся блестящей этажерки. Рядом с ним с раскрытым ртом напрасно пытался перевести дыхание Штуфф. Орвал не выдержал первым, он покатился по земле, потеряв сознание.

Маоган продолжал крутить ручки рации. Он прекратил свои попытки вступить в прямой контакт и посылал теперь математические формулы — единственное средство всеобщего общения. Может быть, они там, наверху, поймут?

Во всяком случае, это теперь не будет длиться слишком долго. Коммодор ощутил, как у него начинает кружиться голова. Его горящие легкие втягивали воздух со звуком, похожим на хрип, издаваемый кузнечными мехами.

Он уже собрался бросить свою рацию, когда миниатюрный громкоговоритель издал нечто, похожее на свист.

— Мы услышали вас, — сказал механический голос. — Мозг перевел ваш язык. Мы только что решили оставить вас в живых.

При этом сообщении четверо землян воспрянули духом.

— Идите к выходу, — продолжал тот же голос. — Мы будем все там ждать.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, не говоря ни слова.

— Температура понижается, — сообщил Роллинг, посмотрев на свой термометр, — на десятую долю градуса в секунду.

— Лишь бы нас не хватил тепловой удар, и не подцепить бы насморк, — пошутил Маоган, отвешивая две сильные пощечины Орвалу, чтобы привести того в чувство, и, подняв его за воротник комбинезона, так и держал.

— Нужно идти по четвертому коридору направо, а затем по каждому первому коридору налево, чтобы добраться до выхода, — сообщил Роллинг, поворачиваясь к Маогану. — Вы видите, я все время надеялся, несмотря ни на что. Я верил, что мы выберемся из этой заварухи!

Они медленно продвигались вперед, освещая себе путь прожекторами. Штуфф, которому Маоган доверил охрану Орвала, добрался до дверей первым.

Рация молчала. Жорж Маоган сообщил, что они прибыли, но ответа не было. Он уже хотел было попробовать открыть двери, когда раздался щелчок гигантского замка, и двери медленно начали открываться.

Четверо землян, как зачарованные, стояли и смотрели на интенсивный зеленый свет, который наполнял входную шахту почти материально. Маоган медленно двинулся вперед.

Как только все они вышли, двери закрылись. Перед ними все было зеленым и зелень эта была шелковистой и податливой. Постепенно стали вырисовываться формы...

Маоган увидел «Алкиноос». Корабль был полностью восстановлен и, казалось, что все члены экипажа ожили. Роллинг приблизился к нему.

— Я нашел точку отсчета, коммодор. Мы теперь сможем вернуться на Землю, — и он протянул Маогану карту с точными расчетами отлета.

На карте был обозначен Млечный Путь...

...В тот же самый миг Роллинг обнаружил, что он вернулся на Землю.

Перед ним раскрылась двухстворчатая дверь Школы реальной кибернетики, в которой он был одним из самых способных студентов, и где он провел самый счастливый период своей жизни. Директор, совершенно лысый, без единого волоска, улыбаясь, ждал его.

— Добро пожаловать, Роллинг. Я рад снова увидеть вас...

...Штуфф с удовлетворением узнал, что назначен директором борных шахт Урсталя. Он приближался к своим будущим шахтерам.

...А Орвал понял, что прибыл на Вильмур. Он тоже приближался...

Мозг Маогана силился освободиться от того, что, как он быстро понял, было гипнозом и мало-помалу картины перед глазами стали таять и, наконец, исчезли.

Он снова стоял в шахте, по-прежнему рядом с ним стояли его спутники, но теперь перед ним был какой-то новый предмет, и на сей раз вполне реальный.

Это была сфера высотой примерно метров шести, кричаще-красного цвета. И именно к ней шли его спутники с закрытыми глазами, как автоматы. Маоган увидел, как они один за другим вошли в сверкающий шар. Но у этого шара не было двери. Уж в этом-то коммодор был уверен. Сначала он увидел Роллинга, растворяющегося в этой ярко-красной массе, потом Штуффа, который продолжал поддерживать Орвала.

Теперь в шахте Маоган остался один. Что-то или кто-то приказывал ему войти в сферу, и он снова увидел, как перед его глазами стали возникать зеленые картины, но он опять отбросил их, ибо знал, что они нереальны.

Он не знал, что представляет из себя эта сфера. Средство передвижения?

Может быть. Но это могло быть и не средство передвижения, а нечто иное, грозящее смертью...

Коммодор прилагал все усилия, чтобы спокойно обдумать сложившуюся ситуацию. Это было не так уж легко, потому что картины снова и снова старались завладеть его мозгом, и ему казалось, что сфера — это самый желанный предмет на свете, в котором нужно немедленно раствориться.

— Я не пойду, — решил Маоган. — Если бы намерения этих существ были бы чистыми, они вполне могли бы поговорить с ними по радио.

Сфера продолжала блистать перед ним, как срочный вызов.

Он колебался.

— Нет, я не пойду. Если они решили нас сохранить, они сделают это, что бы там ни было. А если они решили разделаться с нами, им придется найти другой способ захватить меня.

Как бы услышав это решение, сфера неожиданно погасла и... исчезла.

Феакс оторвался от экрана и повернулся к Ноозике.

— Вы должны быть довольны, моя дорогая, я уступил вашему капризу.

Молодая женщина так резко повернулась к нему, что ее волосы растрепались.

— Все это ерунда,— довольно сухо ответила она.— Я легко отдаю вам ваших дрожащих, ваши живые колонны с Жаспа, не говоря уже обо всем остальном. Вы должны признать, что у моих капризов больше вкуса, чем у ваших, Повелитель!

Феакс иронически улыбнулся.

— Я не строю себе иллюзий в отношении вас, Ноозика,— ответил он.— Я знаю, что вы меня ненавидите.

Он повернулся к Архосу, глаза которого блестели.

— Ноозика — ядовитый цветок, и именно поэтому она продолжает забавлять меня.

Затем он снова повернулся к Ноозике:

— Очень красивая, дикая и всегда готовая укусить — вот какой я люблю вас, моя дорогая.

Он жестом указал на экран.

— Посмотрите же на ваших протее. Это же дикари. Их примитивный мозг чувствителен к гипнозу уже первой стадии.

Он презрительно рассмеялся.

— Ни один гражданин Антефаэса, каким бы ограниченным он ни был, никогда не среагирует на внушение такого типа. Посмотрите на них, сейчас все они мечтают о родном мире.

Ноозика перевела взгляд на экран.

— Все? Нет, смотрите, среди них есть один, которому удалось устоять!

Казалось, что фраза ударила Феакса, как электрический разряд. Он приблизился к экрану.

— Ей богу! Вы правы...

Он в задумчивости повернулся к Архосу, потом к Ноозике.

— Ну что ж! Этого я сохранию для себя.

После исчезновения сверкающей сферы, Жорж Маоган с трудом сопротивлялся охватившей его панике. Он остался в чужом мире один. Чтобы занять себя чем-нибудь, он попробовал с помощью подъемника выбраться из шахты. К счастью, подъемник не был задет лучевым ударом гигантского лазера. Купол из живой кожи исчез и, когда коммодор выбрался на поверхность, он увидел, что вокруг вообще ничего не было. Вдали, там, где было озеро, торчали голые скалы. Адский жар испарил это озеро, а также поток, который его наполнил.

Не имея ни малейшего представления о том, что же делать дальше, Жорж Маоган уселся на камень

и принялся манипулировать своим микропередатчиком. Когда исчезло солнце, он было подумал, что сейчас начнется гроза. Но подняв кверху глаза, увидел продолговатый силуэт гигантского корабля. Детали было трудно различить, так как корабль появился со стороны солнца. И, хотя он и казался гигантским, он, должно быть, летел очень высоко в стратосфере.

Маоган прекратил свои манипуляции.

К нему кругами спускалась другая сфера. На этот раз из серого металла, и она плясала в воздухе, как детский воздушный шарик, носимый ветром, но, на самом деле, она искала Маогана и, установив его местонахождение, легко опустилась в нескольких метрах от камня, на котором он сидел. Раскрылся люк, на землю опустилась лестница. Затем наступила тишина.

Какое-то мгновение Жорж Маоган ждал, что появится пилот, но все оставалось неподвижно. Внутренность сферы была освещена белым ярким кругом, диаметром метра два, который находился в самом центре сферы. Внутри сферы никого не было.

Маоган вошел. Раздался едва слышный щелчок, за которым последовал едва заметный толчок, и сфера оказалась под брюхом звездолета. Через прозрачный купол сферы Жорж Маоган различил циркулярные рефлекторы, которые, по всей видимости, служили для посылки зеленого излучения. С близкого расстояния казалось, что они состоят из несметного множества прозрачных чешуек, каждая из которых была изолирована маленькой черной рамкой. Размер каждой чешуйки не превышал и десяти сантиметров, но любой из рефлекторов имел размеры «Алкинооса». Маоган насчитал двенадцать рефлекторов, у каждого из которых находилось какое-то приспособление, похожее на колбу керосиновой лампы. Маленькая сфера, двигавшаяся теперь очень медленно, казалась затерянной под брюхом этого чудовища. Было темно, так как лучи местного солнца сюда почти не проникали.

Но вот перед сферой открылась крышка люка, она была небольшой, ее можно было сравнить с булавочной головкой, но сфера проникла туда и остановилась. Какое-то время Маоган ждал, что кто-то будет его встречать, но это ожидание было напрасным. Коммодор покинул сферу и оказался во внутренних отсеках корабля. Первое помещение, которое перед ним открылось, было средних размеров, как и сфера, шарообразной формы и с тем же освещением. Оно было абсолютно пусто: без какой бы то ни было мебели.

Маоган пересек его, и звук его шагов эхом отразился от блестящих плит пола. Коммодору потребовался час, чтобы обойти весь корабль. И повсюду пустые помещения следовали друг за другом, соединенные короткими коридорами. Центральная же часть корабля представляла собой блок, в который оказалось невозможным проникнуть, и который, по всей видимости, содержал источник энергии и механизм управления. И он был бесшумным.

В конце своего путешествия Жорж Маоган попал в помещение командного отсека. На стальной стене, метров двадцати высотой, мерцали экраны. Их количество превышало всякую человеческую возможность усваивания информации. К тому же за ними никто не следил. Жорж Маоган чувствовал себя в этом зале ничтожным, и он понимал, что доверие, которое ему якобы было оказано, так как его оставили здесь одного, не имело ни малейшего смысла. Ведь никакое вредительство, никакое изменение траектории нельзя было произвести руками человека, который был здесь.

В центре зала пол был таким же прозрачным, как купол сферы, которая доставила его сюда. В этом месте у Маогана возникло ощущение, что он плывет в пространстве. Он висел над Гадесом, который весь был охвачен яростным пламенем!

Гигантские лазеры снова принялись за работу. Их огненные лучи вспахивали планету, которую он только что покинул, уничтожая малейшие следы, оставленные человеком. Даже сам воздух сгорал, он наполнился дымом и вращался с головокружительной скоростью.

Рассматриваемая операция казалась весьма простой, особенно с такой высоты. Покрасневшая планета была похожа на кусок расплавленного металла, вытекающего из высокой доменной печи в снопах искр.

Было очень странно наблюдать, как это гигантское устройство работало само по себе с завидной точностью и методичностью, ничего не оставляя после себя. Количество затрачиваемой энергии казалось бесконечным, и тогда Жорж Маоган понял, как эти люди могли позволить себе такую роскошь, как стерилизовать целую планету и постоянно поддерживать эту стерильность. Такое техническое совершенство давало возможность предположить, что Мозг скоро будет починен стерильными роботами, и ни одно живое существо не будет высаживаться на Гадес...

С трудом оторвавшись от этого впечатляющего зрелища, Маоган вновь принялся бродить по кораблю. Он смутно

надеялся на то, что пропустил какой-нибудь укромный уголок, где могли находиться его товарищи. Он уже довольно долго занимался этими поисками, как вдруг из громкоговорителя, скрытого за одной из стен, раздался голос:

-- Возвращайтесь к выходу, корабль ждет вас там.

Это был все тот же механический голос, он не мог принадлежать человеку.

У люка Жорж Маоган обнаружил сферу, которая перенесла его к кораблю. Было ясно, что большой корабль с рефлекторами служил в качестве спутника связи. Ему предстояло еще долго кружиться над Гадесом, чтобы закончить свою работу.

Маленький корабль представлял собой уменьшенную копию большого — все те же круглые помещения с кольцами света, и все то же отсутствие жизни. Рулевая рубка, или то, что по земным понятиям должно было быть ею, была оснащена несколькими сидениями, расположенными прямо напротив смотрового купола.

Едва Жорж Маоган уселся, как аппарат тронулся с места.

Никогда еще коммодор не ощущал ничего подобного.

Гадес исчез мгновенно. Не нужны были, оказывается, ни камеры анабиоза, ни сложнейшие маневры. Ощущение движения создавалось только неожиданным исчезновением планеты. Затем Маоган подумал, что он снова вернулся обратно. Он снова видел Гадес.

Но нет, это был не Гадес, а неизвестная планета, полная жизни, огромных зданий, которые этаж за этажом поднимались вверх и переплетались в запутанном лабиринте. По широким улицам катились потоки машин, регулируемые с невероятной точностью.

Корабль медленно подлетал к тому месту, которое должно было быть космопортом. Маоган посмотрел на часы. Перелет был практически мгновенным. Теперь коммодор отлично различал город. Его строения росли вверх. Их было неисчислимое количество, но особым разнообразием они не отличались. Казалось, что все построено из одного и того же материала. Но что удивило Маогана больше всего, так это вращающиеся круги. Они были везде. Да, светящиеся круги того красного цвета, что и сфера, поглотившая его спутников...

Круги были везде, все самые глухие уголки города были заполнены ими. Вдали ступени каменного цирка образовывали мрачную возвышенность, полностью увешанную светящимися зелеными кругами.

Между тем корабль подлетел к космопорту, заполненному сотнями похожих кораблей, с названиями, сверкающими на их полированных корпусах. Жорж Маоган узнал символы, посредством которых были написаны светящиеся слова. Это была клинопись.

Корабль сел, и Жорж Маоган направился к выходному люку. Казалось, что космопорт совершенно безлюден, но какое-то средство передвижения уже ждало его с открытой дверью и целиком освещенное. Прежде чем сесть, Маоган окинул взглядом простиравшийся перед ним космопорт. Он уже видел нечто подобное. Эти огромные каменные блоки, которые не могла поднять ни одна машина...

В его мозгу молниеносно возник ответ. Баальбекская веранда! Это была именно она. Эту планету населяли те, кто построил пресловутый Баальбек на Земле.

Это открытие потрясло Маогана. Итак, по воле космической катастрофы, уничтожившей «Алкиноос», ему удалось найти потерянную расу тех, кто когда-то посетил Землю и оставил свои легенды. Но волнение Маогана длилось недолго. Эти люди на своих сказочных кораблях могли бы часто посещать Землю, если бы они этого захотели. Но они больше не появились. Почему?

В глубокой задумчивости Маоган забрался в машину, которая ждала его.

Машина так стремительно рванулась с места, что окружающий пейзаж слился перед глазами commodора в одно целое.

Неожиданно машина остановилась. Перед глазами Маогана возвышалось здание, резко отличающееся от всех остальных.

Изолированное от города, довольно мрачное, оно было похоже на дворец с тысячей башен. И в стене исполинской ограды, сложенной из черного мрамора, виднелось семь открытых дверей...

Глава 10

Жорж Маоган никогда не мог предположить, что существуют такие красивые женщины. Она предстала перед ним, нереальная, почти божественная. Больше всего commodор был поражен почти неуловимым рисунком ее губ, коралловых, совсем прозрачных.

— Мне приказано принять вас от имени повелителя Антефаэса, — сказала она. — Меня зовут Ноозика.

Девушка объяснялась на поющем языке со множеством слогов. Маогану очень понравилась эта музыкальная речь, но он наверняка ничего не понял бы, если бы перевод мгновенно не раздавался в его ушах. Его удивление должно было быть слишком явным, так как Ноозика улыбнулась.

— Это вас удивляет, не так ли?

— Да, в самом деле, — признался Маоган.

— Это одно из чудес Мозга, — объяснила девушка. — Того самого Мозга, который из-за вас заболел...

— Этот случай достоин сожаления, — ответил Жорж Маоган. — Но мы не знали... и некоторые из моих людей не подумали...

Ноозика пытливо рассматривала коммодора. В ее взоре можно было прочесть благожелательную иронию.

— О! Вы знаете, — сказала она, — болезнь Мозга ни для кого не была здесь драмой. — Она улыбнулась. — Но я до сих пор не знаю вашего имени.

— Жорж Маоган, — ответил коммодор, спрашивая себя, почему Ноозика говорит все это ему?

— Ну что ж! Имейте в виду, что я не сержусь на вас за то, что вы заразили Мозг, Жорж. Наоборот, меня это развлекло!

В то время, как она говорила, ее служанки хлопотали вокруг. На стол из драгоценного металла с тонкой чеканкой они ставили блестящие корзинки, наполненные фруктами ярких расцветок и серебряные кубки, наполненные пурпурной жидкостью.

Затем в бронзовой стене повернулась створка и появился небольшой бассейн с очень глубокой водой.

У бассейна ожидали три служанки. В руках они держали мази, масла и пурпурную тогу.

— Вам нужно умыться, — пропела Ноозика.

Маоган колебался. Такой церемониал смущал его. К тому же у него не было привычки разоблачаться при такой публике.

— Это у нас такой обычай, — сказала Ноозика, — когда мы принимаем путников.

Она в упор посмотрела на Маогана, с трудом переносившего блеск ее глаз. Но это было также обязательным законом космического кодекса: «Везде и всюду действовать строго по обычаям». На этот раз обычай мира, куда он попал, казались довольно приятными, и Жорж Маоган начал раздеваться под безразличными взглядами служанок.

— Я должна сказать вам, — проговорила Ноозика, — что мы уже давно не принимаем путешественников. Вре-

мена приключений окончились для империи Антефаэс уже несколько тысячелетий назад...

Она произнесла эту фразу с явной тоской.

— Почему?

— Из-за всеобщего усовершенствования окружающих нас условий жизни уничтожило Его Величество Случай. А без случая приключения невозможны.

— И вы сожалеете об этом?

— Ах! У вас будет полная возможность судить об этом самому, — вздохнула она.

Маоган с удовольствием проплескался добрых полчаса. Это доставило ему чрезвычайное удовольствие и, в то же время, было неожиданно. При выходе служанки натерли его мазями, которые тотчас же уничтожили его усталость. Затянутый в пурпурную тогу, коммодор почувствовал, что его тело, словно обновленное, полно забытой энергией.

— А теперь, садитесь и закусите, — сказала Ноозика. — По обычаю гость только тогда встречается с Повелителем, когда как следует отдохнет от своих странствий.

Служанки пододвинули ему удобное кресло, очень тонко отделанное, и поставили перед ним дымящееся блюдо. И тем не менее, коммодор чувствовал себя не в своей тарелке, натянуто.

Ноозика склонилась к нему. Появились три довольно странных существа с очень широкими лбами и огромными глазами. Они начали играть на гиперлире.

— И какому народу, какой расе вы принадлежите? И с какой вы планеты? — спросила Ноозика.

Маоган, как зачарованный, любовался молодой женщиной и не отвечал.

— Я спрашиваю потому, что ваше прибытие — большое событие для меня, — объяснила Ноозика. — Никогда и никто из жителей Антефаэса не мог с такой силой сопротивляться действию гипноза, как вы...

— Что это за гипноз?

— О! Это так просто, Жорж. Когда пылающая сфера опустилась перед вами, вы не пошли. Это ваше сопротивление дало мне возможность оценить силу вашего характера и психики. Вам было трудно сопротивляться воздействию этого гипноза, по правде говоря, довольно элементарного. Зеленые круги, вообще-то, легко завладевают мозгом тех, кто не встречал их ранее.

Музыка гиперлир все ускоряла свой ритм и становилась прямо-таки колдовской. Мало-помалу, несмотря на все свои усилия, он почувствовал, что отрешается от реальной

действительности. Но он находил их идею устроить им проверку с помощью гипнотестов возмутительной и не мог не высказать своего неудовольствия по этому поводу.

— Но для чего поступать с нами таким образом? Мне эта процедура показалась очень неприятной! — сказал он с возмущением.

— Да, я знаю, — вздохнула Ноозика. — Но видите ли, Повелитель правит Империей с помощью гипноза. Так повелось не сразу. Когда Империя стала разрастаться, ею правили семь старейшин, поэтому в этом дворце семь дверей. Каждый из старейшин, избираемых народом, входил во дворец через свою дверь. Но однажды все стало слишком сложным. Огромная Империя выходила из-под контроля людей. Слишком много всего, слишком много событий происходило в одну и ту же секунду в разных местах. Никакие, даже самые современные приборы и методы больше не помогали семи старейшинам управлять Империей. Варвары, космические бандиты, контрабандисты и пираты устанавливали свои законы. И тогда семь старейшин решили построить Мозг. Мозг отвечал всем их требованиям. Он установил порядок. Но семь старейшин забыли об одной вещи.

Ноозика сделала небольшую передышку, выпила глоток пурпурной жидкости и протянула кубок Маогану.

— Они забыли, что Мозг, каким бы совершенным он ни был, все-таки остается машиной; машиной, которая повиновалась одному хозяину, — она в упор посмотрела на Маогана. — Именно это Феакс, теперешний Повелитель Антефаэса понял очень быстро. И в один прекрасный день он свергнул старейшин. Он заставил Мозг работать на себя.

Маоган пил пурпурную жидкость маленькими глотками, но мысль его работала очень интенсивно, возможно, сказывалось действие этого странно-приятного напитка.

— Что же произошло потом? — спросил он.

— Цивилизация Мозга, действительно, родилась в тот момент, — сказала Ноозика. — Все было механизировано до предела, людям больше нечего было делать, и тогда Мозг изобрел гипносны. Сначала их смотрели всего несколько часов в день. Затем люди начали смотреть их постоянно. Здесь же, во дворце, жизнь осталась прежней. Так как Феакс предпочитает пользоваться благами обыкновенного существования. Он не будет смотреть гипносон даже секунду. У него свои капризы и его жизнь бесконечна.

— Бесконечна? — удивленно воскликнул Маоган.

— О! Ну, конечно, мы можем умирать. Достаточно того, что какой-нибудь несчастный случай уничтожит наш

собственный мозг. Но медицина нашла способ стабилизировать наш возраст на каком угодно уровне, вылечивать и восстанавливать наши тела. Это может длиться тысячами, так как при наличии Мозга несчастные случаи стали просто невозможными.

— Но меня поражает одна вещь, — сказал Маоган. — Жители этого дворца мне кажутся покорившимися навязанной им жизни.

— Конечно, Феакс отнюдь не сумасшедший. Механизированная жизнь годится для народа. У него гипносы и определенные правила жизни. Мы же здесь делаем все, что хотим. Единственный живой островок во всей Империи — это Дворец Семи Дверей. А за его пределами все настолько грустно, что я даже не осмеливаюсь об этом думать.

— А народ? Он понимает?

— Нет, он ничего не знает. В течение многих веков он дремлет перед своими аппаратами гипносна. В действительности, Феакс убил его. Граждане Антефаэса всего лишь живые мертвецы.

Она склонилась к Маогану.

— Вы скоро познакомитесь с Феаксом. Может случиться так, что он вас приблизит к себе. У него с вами связаны какие-то грандиозные планы.

Маоган внимательно вглядывался в девушку и вдруг на его лицо набежала тень.

— А что стало с моими спутниками?

Ноозика грустно улыбнулась.

— Успокойтесь. С ними сейчас все в порядке, но я очень за них беспокоюсь, Жорж, у них нет такой большой моральной и психической силы, как у вас.

Жорж Маоган продолжал любоваться трепетной красотой Ноозики. Он без труда понял, что она хотела ему сказать, и это его серьезно обеспокоило.

Часом позже Феакс, чье прибытие было ознaменовано торжественными звуками семи охотничьих рогов пастухов с равнин Умара, появился перед Ноозикой и Маоганом. Он был одет в пурпурно-красный СЮРИЛ, украшенный единственной драгоценностью — алым рубином. Рядом с ним шел Архос, а сзади него компактной группой держались Роллинг, Штуфф и Орвал.

Что больше всего удивило Маогана, так это внешний вид Роллинга. Одетый в черный сюрил он, казалось, чувствовал себя весьма неплохо, и выступал даже с какой-то важностью. Вид Штуффа и Орвала привел

Маогана в прекрасное расположение духа, но радость быстро погасла при виде Феакса, к тому же товарищи коммодора не были свободны. Не только эфебы окружали Орвала и Штуффа, но у этих двоих был тусклый взгляд людей, которые слишком долго смотрят гипносы, и которые отравлены ими. Что касается Роллинга, то он во всем старался походить на Архоса, а это было весьма удивительно.

Когда звук рогов затих, Феакс приблизился к Маогану, который встал, очень изумленный этим архаическим церемониалом.

— По обычаю Повелитель Антефазса сам подходит к знатному гостю,— сказал Феакс торжественным голосом,— и я приветствую в вашем лице хозяина «Алкинооса».

Маоган раскусил Феакса с первого взгляда. Привычка повелевать ясно читалась во всем его облике. Сейчас он хотел выглядеть сердечным и гостеприимным хозяином, но было ясно, что это не входит в его обычаи.

— Вы мне делаете большую честь,— так же торжественно ответил Маоган.

— Дражайшая,— обратился Феакс к Ноозике,— я уверен, что вы приняли нашего гостя как полагается. Сейчас я хочу поговорить с ним с глазу на глаз, и обсудить серьезные проблемы.

Он произнес эту фразу с оттенком презрения, и в глазах Ноозики мелькнула искра ярости.

Феакс еле заметно усмехнулся и указал рукой на Орвала и Штуффа.

— Вот ваши протеже, и их я вам оставляю.

Он немного подумал.

— Но, после некоторого размышления, я решил, что Роллинг останется со мной. Ваш помощник,— на этот раз он обращался к Маогану,— парень с будущим. Вы знаете, на Земле он изучил финикийский язык, и он понимает нас без переводчика-Мозга.

Жорж Маоган внимательно посмотрел на Роллинга. На лице его штурмана не было заметно никаких эмоций и коммодор спрашивал себя, какое же средство Феакс дал ему, чтобы изменить таким образом.

Ноозика, которая до этого момента спокойно сидела в кресле, резко поднялась с места. С горящими глазами и дрожащими губами, молодая женщина напоминала дикого зверя, готового укусить.

— Феакс, вы не умеете держать своего слова,— прошептала она.— То, что вы забираете Роллинга, мне безразлично. Я вполне разобралась в этом человеке — он

ничего не стоит. Ну, а двое других? Их-то зачем держать под гипнозом?

— Но, дорогая, речь идет об элементарной предосторожности. Я произвел анализ психики этих людей. — Он указал на Орвала. — Этот — дикий зверь. Он обладает мышлением, реакцией и способностью к анализу, точно такими же, как наши урвалы. Что же касается этого, — он указал на Штуффа, — он спокойнее, а его мыслительные способности на уровне гигантского канекса. Когда он будет выдрессирован, вы сможете освободить его из-под влияния гипноза. Он даже сможет оказывать вам различные мелкие услуги.

Жорж Маоган подошел к Феаксу и посмотрел ему прямо в глаза.

— Я что-то не понимаю, Феакс, — произнес он сухо. — Вы говорите, что я ваш гость, но обращаетесь с людьми так, что это невозможно переносить.

Он понизил тон.

— Я требую, чтобы вы немедленно предоставили им свободу мышления!

Феакс сделал миролюбивый жест.

— Я понимаю вашу озабоченность, коммодор. Поверьте, мне страшно жаль, что я не могу тотчас же выполнить ваше требование. Но, к сожалению, закон формален. Никакой чужой разум не может здесь быть свободен. — Он указал рукой на обоих землян. — В данный момент они опасны. Слишком примитивны и безмозглы. Немного позже, когда они будут воспитанными, посмотрим.

Он положил руку на плечо Маогана.

— Но что касается вас, то это иное дело. Пойдемте со мной в мой кабинет, и мы обсудим все проблемы в деталях.

То, что Феакс назвал своим кабинетом, представляло собой просторную комнату, весьма отличную от всего того, что Маоган видел до сих пор. Здесь не было никаких уступок моде прошедших времен. Напротив, оригинальная овальная комната, которая, казалось, крутится вокруг своей оси. На стене мерцал и переливался всеми цветами радуги замысловатый символ.

— Это символ Империи Антефаэс, управляемой Мозгом, — объяснил Феакс. — Но он, как вы, вероятно, подумали, не абсолютно бессмысленный.

Он указал Маогану на прямоугольное отверстие в стене, отгороженное множеством переливающихся лучей различных цветов.

— Это считывающее устройство, которое постоянно дает информацию об изменениях символов. При малейшем нарушении пульсации считывающее устройство подает сигнал тревоги, чтобы мы могли вмешаться.

Он взглянул на Маогана.

— Как раз так и произошло, когда вы загрязнили Мозг...

Повелитель Антефаэса расположился за своим электронным бюро.

— Тогда мы решили уничтожить вас и ваших людей, как вредных насекомых. Но, в конечном счете, мы этого не сделали.

Он взглянул на Архоса.

— Ноозика заступилась за них, не так ли?

— Это верно, — подтвердил Архос с оттенком сожаления.

Феакс едва заметно улыбнулся в адрес своего помощника и снова повернулся к Маогану.

— Мы принадлежим к одной расе, коммодор. Люди, которые населяют вашу планету — потомки экипажа одного из наших кораблей, потерпевшего крушение на вашей планете пятьдесят тысяч лет назад. По нашим наблюдениям на вашей планете произошли различные эволюционные процессы. Орвал и Штуфф не относятся к той же расе, что вы, Маоган, и вы, Роллинг. — Он замолчал и внимательно посмотрел на обоих землян. — Вы принадлежите к расе Антефаэс. Вы оба! Поэтому мы решили пощадить вас.

— В таком случае вы должны также сохранить Орвала и Штуффа, — перебил его Маоган. — Орвал должен быть отдан под суд за бунт, но это уже мое дело.

— Может быть, вы дадите мне закончить? — сухо сказал Феакс и повернулся к Роллингу. — У меня уже был весьма перспективный разговор с вашим заместителем. Мне только остается убедить вас.

Маоган внимательно посмотрел на Роллинга. У помощника был страшно возбужденный взгляд, в котором читался вызов. Ничего подобного коммодор за ним раньше не замечал.

— Вы сильно изменились там, на Земле, — продолжал Феакс, — я узнал некоторые вещи, о которых до сих пор не слыхал о вашей родной планете. Через несколько декад визиты землян на Антефаэс могли бы участиться. Я решил объявить о слиянии двух братских миров. Разумеется, развитие земной Империи еще довольно слабо и вам, конечно, будет необходима наша техническая

помощь. В частности, я отдам приказ построить на какой-нибудь пустынной планете вашего Млечного Пути связующее звено для Мозга. Это звено возьмет на себя развитие земной Империи. В начале она будет функционировать в зависимости от Основного Мозга Антефаэса. Ваша Империя слишком мала, чтобы там можно было построить свой собственный Мозг. Ну, а потом мы посмотрим...

Во время своей речи Феакс вертел в руках крошечную статуэтку, вырезанную из черного камня. У статуэтки было странно вытянутое лицо, черты которого неодолимо напоминали лица гигантских каменных статуй с острова Пасхи.

— ...Вы будете хозяином этого звена, Жорж Маоган, а Роллинг будет вашим заместителем!

Закончив последнюю фразу, Феакс победно улыбнулся.

— Таким образом, история наших Империй будет приведена в соответствие, а продолжение развития Империи Антефаэс обеспечено!

Жорж Маоган был ошеломлен. Он посмотрел на Роллинга, чьи глаза лихорадочно блеснули и, казалось, он ждал от коммодора полного одобрения проекта.

— Я отказываюсь! — отчеканил Маоган.

Феакс поблел.

— Что?! Я предлагаю вам Империю, а вы отказываетесь?

— Вы хотите сказать, что предлагаете рабство народам Земли, — уточнил Маоган. — У меня нет права принять подобное предложение.

Роллинг выпрямился.

— Но, коммодор, это бессмысленно! — глаза у Роллинга блеснули. — Феакс предлагает нам невиданный технический прогресс. Я уверяю вас, что здесь все близко к совершенству. Технократическое правление Феакса дало фантастические результаты. У нас на Земле никогда не получится лучше.

Он подошел к Маогану.

— Подумайте о том, коммодор, что техника здесь исключила случайность. Нет больше несчастных случаев, никто не умирает, а производительность всех машин максимальна!

Роллинга всего била дрожь.

— Нужно сказать «да», коммодор.

Маоган презрительно посмотрел на него.

— Роллинг, вы бредите. Я не знаю, какой будет будущая эволюция Земли, но я уверен в одном — человеку с Земли нужно предоставить свободу выбора его судьбы,

а не навязывать ему саван для мертвецов под предлогом того, что он совершенен!

Неожиданно Роллинг повернулся к Феаксу.

— Я предупреждал вас, Повелитель, — сказал он. — У commodора устаревшие взгляды на многие проблемы. Он не способен руководить Империей будущего.

— Я уже заметил это, — отозвался Повелитель, — и я сделаю нужные выводы из этого странного отказа.

Глава 11

Неподвижно распластанный под парализующим лучом в центре лаборатории Жорж Маоган сопротивлялся усилиям Архоса узнать интересующие его сведения.

— Будет лучше, если вы заговорите, commodор, — сказал Архос вкрадчивым голосом. — В противном случае я перейду к активным действиям и, уж поверьте мне, это будет не совсем приятно.

— Вы напрасно теряете время, — ответил Маоган.

Архос, казалось, не слышал этого.

— В последний раз, Жорж Маоган, скажите мне, какой была меридиальная ось и отсчет временного потока, полученные улавливателями «Алкинооса» в момент, когда корабль начал переход в искривленное пространство.

Маоган разразился смехом.

— Вы забавляете меня, Архос. Ваш распрекрасный Мозг не способен найти Млечный Путь без моей помощи, а этот предатель, мой заместитель, не может дать вам необходимые сведения, так как он спал в своей камере, когда «Алкиноос» начал переход. Но вы же не будете думать, что я такой уж дурак, чтобы преподнести вам на блюдечке данные, которые помогут вам установить местоположение Земли в пространстве?

На лице Архоса появилась злобная усмешка и он процедил сквозь зубы:

— Не радуйтесь слишком сильно, Маоган. Без этих сведений нам будет немного труднее разыскать Землю, но нам это удастся.

Он придвинул циркулярный объектив, который, вращаясь, приблизился к Маогану вплотную. Резкий и яркий голубой свет вырвался из аппарата и тотчас же Маоган ощутил страшную боль в глубине своего черепа. Он хотел закричать, но, парализованный, не смог этого сделать.

Голубой свет исчез и боль ушла.

Архос следил за машиной, которая через минуту выплюнула маленький диск, диаметром примерно два сантиметра. Архос вставил диск в щель аппарата, похожего по форме на крупный оливок и стал смотреть на диаграмму, выписывающуюся на экране. Когда вся операция закончилась, он повернулся к Маогану.

— Как звали вашу мать?

От удивления глаза Маогана округлились.

— Это не имеет значения,— проворчал он.

— Ну, конечно,— сказал Архос нежнейшим голосом.— Но попробуйте все-таки вспомнить!

Жорж Маоган почувствовал, как его начинает охватывать паника. Не отдавая себе в этом отчета, он пытался вспомнить имя своей матери, но он, должно быть, забыл его. Это было невероятно! Он абсолютно ясно видел такие знакомые черты любимой женщины под тяжелой шевелюрой седых волос. Он слышал ее голос, но он больше не знал ее имени...

— Да, это не имеет значения,— сказал Архос.— Продолжим, коммодор.

Одним движением руки он снова запустил аппарат. Страшная боль появилась снова, пронизывая череп Маогана. Но на этот раз он попытался проанализировать испытываемое ощущение. У него появилось впечатление, что злополучное излучение обшаривало клетки его мозга в поисках нужной информации.

Архос вставил вновь полученный диск в считывающий аппарат и стал рассматривать появившиеся на экране кривые.

— Прекрасно,— пробормотал он и повернулся к Маогану.— Вы сочетались браком двадцать девятого июля 2012 года вашей эры. С кем?

Охваченный смертельным ужасом, Маоган понял, в какую игру принялся играть с ним Архос. Он напрасно вспоминал имя своей жены и на этот раз ему даже не удалось восстановить в памяти ее силуэт.

Архос следил за ним с сардонической усмешкой на губах.

— Я сейчас вам об этом расскажу, Жорж Маоган. Вы сочетались браком с молодой женщиной, которая не является землянкой, она из расы Штольцев, а на Земле приняла имя Сейн Мак-Кинли. Она очень недурна, и ее раса представляет интерес...

— Как гнусен аппарат, который насилует мой мозг! — прорычал Маоган.— Но вы еще гнуснее, Архос. Но

я могу вас уверить, что я скорее вообще лишусь мозга, чем дам сведения, которые вас интересуют.

Архос осклабился.

— Вы забываете об одной вещи, Жорж Маоган,— я могу их взять из вашего мозга, если захочу.

— Я не уверен в этом,— воскликнул Маоган,— ваша грязная штукавина шарит наугад, если бы это было не так, вы бы все уже знали. Вы берете то, что проходит, вот и все. И я могу сказать вам вот что: я сам забыл точные цифры, выданные экранами в момент перехода «Алкинооса» в искривленное пространство. Ситуация была слишком драматична. Я был вне себя.

— ВЫ?! Вне себя?! — Архос отрицательно покачал головой.— Я не верю этому. Заставить вас потерять контроль над вашими эмоциями и рефлексам не так-то легко.

Его желтоватое лицо приняло угрожающее выражение.

— Послушайте меня, Маоган. Я могу отнять у вас одно за другим все ваши воспоминания. Сделать из вас живого мертвеца. Поверьте мне, будет лучше, если вы станете сотрудничать с нами.

— Я решительно отказываюсь от этого.

Прилагая невероятные усилия, Маоган пытался освободиться от влияния парализующих лучей, которые распластали его по полу. Но его усилия были напрасны. В действительности же коммодор пытался успокоить таким образом свои нервы.

— А сейчас мы несколько изменим наши развлечения,— принялся за свое Архос.— До того, как окончательно лишит вас мозга, я дам вам возможность присутствовать на спектакле, который доставит вам огромное удовольствие.

На стене лаборатории засветился огромный экран. Появился зал, оборудованный приборами высокой точности. Над столами свешивались и переплетались металлические руки, микролазеры и множество трубчатых соединений.

Коммодор понял, что это полностью автоматизированный операционный зал. Штуфф Логан и Слим Орвал, лежащие там, подверглись операции!

— Повелитель решил придать вашим спутникам тела, которые им будут в самый раз,— разъяснил Архос.— В данный момент у них вынимают мозг. Затем их мозги будут вставлены в тела животных, соответствующих личности каждого.

Он с явным удовольствием смотрел на Маогана, лицо которого было совершенно мокрым от пота.

— Для Орвала мы выбрали тело урвала, а для Штуффа — тело гигантского канеакса.

Архос переменял изображение. На экране появился второй операционный зал, точная копия первого. Автоматические захваты готовились вытащить мозг у двух зверей отвратительного вида.

— Тот, у которого три глаза, два спереди и один на затылке; мощные руки, достающие до пола, волосатые плечи — это урвал. Урвалы — хищные звери, они обитают на планете Тиор-2. Об их кровожадности свидетельствует учетверенный ряд зубов двух челюстей, которые самоориентируются и могут пожирать одновременно две добычи. Урвалы проводят свое время в поисках добычи и пищи, но они относительно умны.

— ...почти так же, как и Орвал!

Архос внимательно наблюдал за Маоганом из-под прикрытых век.

— Этот спектакль вам совсем не нравится, не так ли? Я должен поставить вас в известность о том, что урвалы высоко оцениваются Повелителем, который обожает игры в цирке. Чаще всего мы выпускаем урвалов, стада которых держим здесь взаперти, против гигантских канеаксов. Эти два вида ненавидят друг друга, и мы можем наблюдать захватывающее представление!

— Какая мерзость! — выругался Маоган, с трудом переводя дыхание. — Как вы здесь все прогнали! Да еще осмеливаетесь называть себя цивилизованными!

— Ци-ви-ли-зо-ван-ные! — прошипел Архос, — заладил одно и то же. А что это такое, цивилизация?!

Рот его искривился в злобной усмешке.

— В Империи установлен железный порядок. Гипноз для толпы, наши удовольствия для нас. И мир для всех людей Антефаэса. — Он повернулся к экрану. — Посмотрите лучше на этого канеакса. Такой красавец...

Четвероногое животное с бархатистым ярко-желтого цвета оперением имело два рудиментарных крыла, оканчивающихся чешуйчатыми перьями. У него были большие гибкие лапы и два огромных грустных глаза бледно-зеленого цвета. Животное, казалось, было вне себя, и в его взгляде читалась паника.

— Канеакс не глупее урвала, — заметил Архос. — Этому анестезия еще не дана. Когда пересадка будет закончена, вся его сила возвратится к нему вместе с мозгом Штуффа, — и он потеряет руки. — Это будет самое удивительное представление, которое мы когда-нибудь видели

на протяжении веков. Я уверен, что ваши спутники примут на себя командование двумя соперничающими группами. Битва будет классной!

Он посмотрел на Маогана.

— И смертельной, конечно же!

Он опять оскалился.

— К тому же, я не сразу лишу вас мозга. Я уверен, что вы захотите посмотреть представление, — с этими словами он погасил изображение. — Если, конечно, вы не вспомните координаты, которые нам нужны...

— Я уничтожу вас, не колеблясь, если мне представится случай, — прорычал Маоган. — И я уж постараюсь, чтобы никакая хирургия вам не помогла. Я не оставляю от вашей мерзкой личности ничего, кроме песчинок, которые невозможно будет собрать!

Архос бросил на него ледяной взгляд.

— Необходимо еще, чтобы вы приобрели свободу, Жорж Маоган. Но я должен посоветовать вам оставить эту идею в покое. — Он направился к считывающему устройству. — Ах, да! Что касается ваших воспоминаний, то на этот раз я их вам сейчас верну. Мы решили сохранить вас в целостности и сохранности.

И в то время, как машина тихонько урчала, Маоган почувствовал, что жизнь как будто возвращается к нему. Образ любимой Сейн постепенно приобретал свои черты. Но скоро удовольствие переросло в муку. Для коммодора, затерянного в глубинах космоса, было мучительно больно видеть ту, которую он так любил.

А рядом с ним дьявольский Архос наслаждался психическими страданиями, которые испытывал коммодор.

Загорелся экран внутренней связи, на нем появилось лицо Феакса.

— Мы нашли Млечный Путь, Архос. Мозг только что закончил анализ Новых, появившихся в тот день, который нам указал Роллинг. Их было две, но только одна соответствует описанию, данному Роллингом. Теперь мы знаем, где находится Земля!

— Далеко отсюда? — спросил Архос, который, казалось, был очень возбужден, услышав эту новость.

— Нет, как мы и думали, прямо за Большим Барьером. Нужно полностью нейтрализовать этих людей. Но Роллинг согласился. Он вернется на Землю. Он объяснит землянам преимущества Мозга-реле. Затем он будет контролировать его работу. С нашей помощью, разумеется.

Архос повернулся к Жоржу Маогану.

— Ну вот, видите, коммодор, ваше сопротивление было бесполезно. А сейчас вы поставили себя в такое положение, что нам остается только уничтожить вас.

— Будь проклят этот предатель Роллинг, — выругался Маоган.

— Предатель? О, нет! Роллинг понял, что единственное препятствие для создания теократической цивилизации — это сам человек. Он сделал их, эти выводы. Он намного умнее вас, Маоган. Намного умнее.

Перед глазами Маогана соблазнительный силуэт Сейн продолжал свой танец. Наконец, он не выдержал и прорычал:

— Остановите вашу машину!

— Как вам угодно! — ответил Архос.

Глава 12

Должно быть, день подходил к концу, так как питательная жидкость снова наполнила чашку, и Жорж Маоган до сих пор чувствовал на своем языке сильный и слегка солоноватый привкус. Прикончив все до последней капли, коммодор уселся на край огромной чаши и уже в сотый раз принялся изучать камень, в котором она была вырублена. Этот прозрачный камень, невероятно красивый и весь пронизанный очень четкими голубыми прожилками. Коммодор без конца ласкал кончиками пальцев этот камень, с удовольствием ощущая спасительный контакт как бы с живым предметом. Только благодаря этому камню Жорж Маоган смог сохранить свой рассудок. С тех пор, как его заперли в эту камеру, ему не раз пытались навязать гипнотические картины, с помощью светящихся зеленых кругов, которые появлялись на стенах, но коммодору удалось их избежать... А теперь его оставили, наконец, в покое в его круглой тюрьме, построенной по образу и подобию внутренних отсеков на космических кораблях Антефаэса. Она и освещена была так же, флуоресцирующим кругом на стене.

Маоган потерял уже всякое понятие о времени и пространстве. Он не мог дотронуться до какого-нибудь материального предмета, так как неизвестная энергия отталкивала его каждый раз, когда он пытался приблизиться к стенам камеры. К ним невозможно было прикоснуться, и это отсутствие контакта создавало ужасное впечатление полнейшего одиночества, начиненного стра-

хом смерти, и которое в какой-то мере подавлял контакт с чашей. Она была наглухо приделана к полу, более твердому, чем сталь, и вырвать ее оттуда казалось невозможным. Жорж Маоган как раз задал себе вопрос, сколько живых существ сидело до него в этом месте, как вдруг на стене появилась новая картина. Коммодор выпрямился, чтобы избавиться от того, что, как он предполагал, было очередной проделкой Архоса, как вдруг до него дошло, что это было нечто другое — телепатический вызов!

Как и все космонавты, он прослушал на Земле курс лекций по телепатии. Но пока еще не мог управлять этим феноменом не только он, но и ни один человек на Земле. Результаты опытов были непредсказуемы, а применение телепатии в качестве средства связи оставалось полностью запрещенным по причине соблюдения безопасности. В самом деле, случалось, что люди с опасными идеями пользовались такими опытами, чтобы завладеть мыслями людей, психика которых была плохо защищена от подобных воздействий. Космонавты сходили с ума, или вели свои корабли в районы, где движение было запрещено, где они навсегда терялись в пространстве. Именно поэтому Жорж Маоган, будучи прекрасным телепатом со способностью и передачи, и приема, никогда не пользовался этим.

На этот раз он принял очень четкий вызов. Он несколько секунд подумал, прежде чем решил ответить. В ситуации, в которой он сейчас находился, практически не было никакого риска.

Отзыв был таким мощным, что коммодор изумился. Опыты, поставленные на Земле, позволяли осуществлять целые беседы, но это часто затруднялось непригодностью человеческого мозга, и качество передач почти всегда оставляло желать лучшего.

Здесь же, на Антефаэсе, он неожиданно увидел в своей камере Принею, служанку Ноозики, с такой ясностью, как будто она была тут собственной персоной. Он ясно различал АГРАФ, украшенный темным ворсом, который служил застежкой на ее воздушной сорочке.

«Это невероятно!» — подумал Маоган.

Принея улыбнулась.

«Передавайте потише», — услышал он ее мысль. — «Если ваши волны слишком сильны, то может случиться так, что их примут Феакс или Архос. Тогда мы пропали».

«Я не умею передавать, регулируя мощность своего излучения; мы на Земле только начинаем, и не можем полностью контролировать этот феномен...»

«Да нет, — услышал он. — Теперь уже лучше. Как можно сильнее думайте обо мне, когда передаете. И, если вы почувствуете затруднения, немедленно прерывайте связь и думайте о чем-нибудь другом, неважно, о чем. Тот, кто нас может услышать, подумает, что это обыкновенные волны сна, и не будет особенно беспокоиться».

«Ладно», — подумал Маоган.

Он внимательно всматривался в лицо Принеи. Молодая девушка была явно обеспокоена, она нервничала.

«Ноозика, моя госпожа, приказала мне вызвать вас. Меня никто не подозревает, и я рискую меньше, чем она».

«Я понимаю», — ответил Маоган.

«Как это здорово, что нам удалось установить контакт. Госпожа велела сказать вам две вещи: во-первых, она помнит о вас, вызовите ее в это же время завтра, она ответит вам сама. Затем, не слишком удивляйтесь, если Архос будет показывать вам разные ужасные картины, чтобы произвести на вас впечатление. Мы знаем, что ему приходят в голову свертотвратительные идеи».

Образ служанки исчез мгновенно. Жорж Маоган почувствовал себя совершенно изнуренным этой короткой беседой. Энергия, ушедшая на излучение, опустошила его нервный потенциал, но он чувствовал себя довольным, как никогда в жизни. И он спокойно заснул.

Утром, во время, когда питательная жидкость наполняла чашку, необычное свечение разгорелось в зоне купола на первый взгляд металлического, который служил потолком в камере. Затем светящийся круг исчез, уступив место экрану, на котором появился улыбающийся Архос.

— Вы можете исчезнуть, — бросил ему Маоган, который как раз заканчивал свой завтрак. — Я думаю, что нам нечего сказать друг другу.

Предупрежденный заранее, Маоган был не слишком удивлен этим неожиданным посещением. Он только спрашивал себя, какой новый вид пытки этот тип мог придумать на этот раз.

Архос улыбался, но сквозь его улыбку проглядывала безмерная злоба.

— И все-таки, послушайте меня, коммодор, — прошипел он. — У меня для вас есть новость.

— Бесполезно настаивать, — отрезал Маоган.

— Я хотел вам сказать, — Архос был невозмутим, — что переделка ваших спутников прекрасно удалась. Они просто великолепны в своих новых телах. В то же время мы сохранили их прежние тела. Может быть, они еще послужат.

Маоган повернулся спиной к нему, но неожиданно вся поверхность купола превратилась в сплошной экран. Ничто теперь не могло помешать Маогану видеть отвратительное лицо Архоса, который насмеялся над ним.

— Будет лучше, если вы послушаете меня, Маоган. Я хочу поставить вас в известность, из чистого человеколюбия. Нужно, чтобы вы были в курсе того, что мы замыслиаем.

— В таком случае, освободите меня, — с иронией предложил Маоган.

Архос поднял руку и указал пальцем на commodora.

— Вы сами выбрали свою судьбу, Маоган, и не должны теперь жаловаться. Другие оказались значительно умнее, Орвал, например.

— Ну что ж, поговорим об этом, — сказал Маоган. — Он превращен в урвала, не так ли?

— В данный момент это так, — подтвердил Архос, — но насчет его у нас есть и другие идеи. Орвал — парень с головой, и мы решили в скором времени вернуть ему человеческое тело... Но он сам вам это объяснит.

Архос перевел изображение. Появился огромный урвал.

— Это я сам попросил, чтобы меня оставили на некоторое время в этом теле, — произнес ужасный зверь металлическим голосом. — Я нахожу это весьма своевременным для игр в цирке послезавтра.

Он повернулся в Архосу.

— Вы ведь обещали поставить меня против Штуффа Логана, не так ли?

— Совершенно верно, — ответил Архос.

Урвал-Орвал уставился на Маогана.

— С той силой, которой я обладаю сейчас, я смогу разорвать эту скотину, Штуффа, на мелкие кусочки, и это доставит мне огромное удовольствие. Потом мне возвратят человеческое тело.

Орвал теперь повернулся спиной и разглядывал Маогана своим задним глазом, который был красноватого оттенка и побольше, чем каждый из передних глаз.

— У меня есть для вас и другая новость, commodor.

Орвал хотел злобно усмехнуться, но строение лицевых мускулов урвала не давало возможности для подобного изменения лица, поэтому он только лязгнул своими двумя челюстями.

— Хо-хо, — повторил он, — отличная новость... Для меня, естественно. Я скоро вернусь на Землю, commodor!

И он снова уставился на Маогана, следя за реакцией,

которую могло вызвать подобное признание. Но Маоган был холоден, как лед.

— Да, на Землю,— делая ударение на каждом слове, продолжая Орвал-урвал,— и, конечно, в человеческом теле. В теле Штуффа Логана, коммодор, да-а-а... В теле Штуффа! — Орвал старался произносить фразы медленно, и, казалось, наслаждался своими собственными словами.— Таким образом, в теле Штуффа Логана я буду свободен. Меня не пошлют больше в шахты и я не кончу свою жизнь на Вильмуре. Ну, как?

Маогану все стало ясно. Он был заперт в камере и глядел на этот спектакль, не будучи в состоянии чего-нибудь сделать. Это приводило его в ярость. Орвал вполне понимал его и опять попытался усмехнуться.

— Ну, а Роллинг возьмет ваше тело! — животное пристально взглянуло на Маогана, его желтые глаза блеснули.

— Вам понятен наш трюк, не так ли? Все на Земле будут думать, что вы вернулись. Вам будут верить, вас будут слушать. Их будет так легко убедить! Они с радостью согласятся подчиниться Мозгу, который вы им предложите. А мы, Роллинг и я, станем Повелителями Мозга на Земле. То-то мы заживем! Так же, как Феакс и Архос!

Сраженный этой речью, так как он понимал, что Орвал говорит правду, Жорж Маоган не произнес ни слова. Единственный луч надежды исходил от Принеи. Теперь он понимал, что хотела сказать служанка по поводу дьявольского плана Архоса, и он был убежден, что если не случится ничего непредвиденного, этот план удастся и на Земле настанут тяжелые времена. Как из тумана до него донесся голос Архоса:

— Вы недооценивали нас, коммодор. Теперь вы видите, как мы нашли способ обойтись без вас.

— Вы еще ничего не выиграли, Архос.— На лице Жоржа Маогана ничем не проявилась та буря, что бушевала в его груди, а голос его был тверд и холоден, как лед.— Земляне не такие уж идиоты и я сомневаюсь, что этим перебежчикам удастся продать ваш грязный товар. Эти предатели...

Услышав слово «предатель», Орвал, забыв, что видит только изображение Маогана, а не его самого во плоти, зарычал и бросился вперед.

— Спокойно! — грубо приказал Архос.

— Вы, конечно, понимаете, что у этого животного столько же ума, сколько у обезьяны, если не меньше,— с иронией сказал Маоган.

Орвал тотчас же успокоился и застыл перед экраном, скрестив лапы. Архос, еще более желтый, чем обычно, повернулся к Маогану.

— Может быть, вы хотите взглянуть на Штуффа, а, коммодор?

— Я больше никого не хочу видеть, — выдавил из себя Маоган, который чувствовал, что его сейчас вытошнит.

— Это невежливо с вашей стороны, — упрекнул его Архос. — Штуфф был бы так рад полюбоваться на вас хотя бы минуту. Он ведь так привязан к вам...

И не дожидаясь ответа, Архос перевел изображение.

Злобная гримаса перекосила его лицо, когда он исчез с экрана, на котором появилось изображение гигантского канеакса. Когда животное увидело Маогана, в его глазах появилось удивление, и он начал неистово размахивать эмбрионами своих крыльев. Он поднялся на задние лапы, и его длинная шея заколыхалась, в то время, как голова поворачивалась из стороны в сторону.

— Канеаксы не умеют разговаривать, — сказал Архос.

— Я тебя вытащу оттуда, Штуфф.

Животное, в котором находился мозг человека, принялось подпрыгивать на задних лапах, как кенгуру, и его нескончаемая шея начала вибрировать. Прежде, чем Архос выключил изображение, Маоган заметил, что Штуфф был заперт со стадом таких же как он животных и быстро задал вопрос:

— Животные тебя слушаются?

Штуфф еле успел утвердительно кивнуть головой, как экран погас. По сравнению с отвратительным появлением Орвала, увидев Штуффа в теле гигантского канеакса, Жорж Маоган почти успокоился. Если Штуфф будет с умом руководить канеаксами, они, быть может, сумеют победить урвалов.

«Очень жаль, — подумал Маоган, — что Штуфф не телепат».

С огромным нетерпением Жорж Маоган ждал часа, указанного Принеей. Когда же он наступил, коммодор начал посылать вызов. Он действовал очень осторожно, максимально экономя свою нервную энергию, так как могло случиться так, что его разговор с Ноозикой будет довольно длинным и было необходимо обменяться максимальным количеством информации.

Ноозика появилась перед Маоганом после третьего вызова. Прекрасная девушка была одета в простое шелковое полотно, которое поддерживала простая пряжка

без украшений. На ее лице Маоган заметил выражение огромной грусти, которого он еще не видел. Она сама передала первую мысль.

«Положение очень серьезно, Жорж. Феакс заподозрил даже меня. Это ведь первый раз за долгие тысячелетия его могущество подверглось сомнению. Теперь он принял свой настоящий облик без всяких прикрас. Феакс — это зверь, Жорж. Чувство жалости ему незнакомо».

«Может быть, можно меня освободить?»

«Нет. Сейчас это невозможно. Кругом слежка. Дворец находится на осадном положении, включены все приборы автоматического контроля, как во время войн и революций. Теперь невозможно свободно передвигаться и вход в Централь Мозга запрещен».

В этом безмолвном разговоре, когда он видел совершенно ясные изображения Ноозики, было нечто успокаивающее и вдохновляющее. Но больше всего он был изумлен при виде исключительной хрупкости тела девушки. Ее физическая помощь совершенно исключалась.

«Тем не менее надо помочь мне выбраться отсюда и достать какое-нибудь оружие. В одиночку вы никогда с этим не справитесь».

«Я уже подумала об этом, но я смогу вас вытащить отсюда только тогда, когда начнутся игры, так как только тогда у меня будет возможность проникнуть в Централь Мозга в течение нескольких минут перед моим отъездом на трибуны Повелителя. Архос будет занят и контроль будет не таким строгим. Я на секунду прерву цепь, которая питает купол вашей камеры. Ведь вы заперты не под железным куполом, а под энергетическим экраном. Это надежнее, чем любой металл и ничто не сможет ни разрушить, ни прорезать его. Я не смогу прервать цепь больше, чем на несколько секунд. Поэтому необходимо, чтобы вы были постоянно готовы выполнить прыжок, примерно метровой высоты, когда луч исчезнет. Не упускайте эту возможность, она **единственная!** Больше шансов не будет!»

Изображение Ноозики замигало и девушка поднесла руку ко лбу. Казалось, что передача утомила ее так же, как и Маогана, который чувствовал, как истощается его нервная энергия.

«Нужно поторапливаться», — передал он.

Лицо Ноозики напряглось и изображение снова стало четким.

«Мне понадобится оружие», — сказал Маоган.

Ноозика отрицательно покачала головой.

«У нас нет больше индивидуального оружия в том смысле, как вы это себе представляете...»

«А мой излучатель, что стало с ним?»

«Я смогу найти его и спрятать в своем будуаре. Вы найдете его в ящике под самым большим зеркалом».

Изображение снова замерцало, но на этот раз сдал Маоган, мозг которого был почти полностью истощен. Напрягая всю свою волю, Маоган сумел мобилизовать последние ресурсы своей нервной энергии.

«А что я смогу сделать после?»

«Я не знаю, где кончаются ваши возможности. Самое лучшее было бы использовать телекинез».

«Я не смогу,— передал Маоган.— Мы этого еще не можем у себя на Земле».

Ноозика была заметно разочарована.

«Очень жаль...— подумала она.— В таком случае все будет очень сложно. Я постараюсь достать вам роковил. Некоторые из них еще в исправном состоянии. Это старинные средства передвижения, довольно эффективные. Я думаю, что вы сумеете с ним справиться».

«Да, без сомнения»,— ответил Маоган.

«Я объясню управление роковилом Принее, своей служанке, а она сможет увидеть вас на несколько минут...»

«А вы сами? Где будете вы в это время?»

«Я отправлюсь в цирк и если удастся план, который я вам изложила, нужно будет действовать очень быстро, Жорж. Если вы хотите заставить меня в живых».

Изображение замерцало и исчезло. Сильная вспышка ослепила Маогана, но за какую-то долю секунды он успел различить изображение Феакса. Он тотчас же прервал связь и, чтобы сбить с толку тех, кто мог его подслушивать, принялся упорно думать о Сейн Мак-Кинли, которая ждала его так далеко на Земле.

Ночь прошла. Жорж Маоган так и не узнал, что же произошло. Схватили ли Ноозику? Арестована она или уничтожена? Узнать это было невозможно. Телепатическая связь отныне стала опасной. Нужно было ждать вызова.

Но вызов не пришел.

Глава 13

Зеленые круги сверкали с большой интенсивностью, и мало-помалу гигантский цирк наполнялся. Зрители прибывали со всех планет Империи, но право присутст-

воваты на играх получали только избранные. Почти все они были относительно молоды и появились на свет уже после государственного переворота Феакса. Эти избранные, каждый из которых был превосходным техником, занимались наблюдением и обслуживанием различных звеньев Мозга на своих Планетах и никто из них не мог представить себе мир, существовавший до появления гипнофильмов.

В порту один за другим садились корабли со светящимися на корпусах клиновидными надписями, а индивидуальные корабли небольших размеров гроздьями взлетали по направлению к цирку. Мозг регулировал это интенсивное движение с точностью до миллиметра, и не было ни одного несчастного случая, ни одного столкновения. К полудню, в точно назначенный час, цирк был полон. В наступившей тишине избранные, прильнув к зеленым кругам, стали ждать Повелителя. Через несколько секунд на экранах всех гипноаппаратов Антефаэса должно было появиться изображение Феакса, как это было всегда перед открытием игр. Повсюду, на всех планетах, граждане с нетерпением ждали этого торжественного момента. Как только Повелитель нажмет на спиральный рычаг, расположенный за символической скульптурой, которая возвышалась над ареной, цирк на время игр будет отключен от воздействия Мозга. В самом центре Империи, на ничтожном клочке поверхности, Его Величество Случай снова вступит в свои права и смерть примется за работу без риска быть остановленной наукой. В этом и заключался весь смысл игр. Запах смерти был той острой приманкой этого маскарада, который так возбуждал этих скукающих людей!

Минуты проходили за минутами, но ничто не возвещало о прибытии Повелителя. Воздействие зеленых кругов было еще больше усилено. Было необходимо, чтобы граждане не догадались, что происходит что-то ненормальное. Феакс опаздывал.

С того момента, когда прервалась телепатическая связь с Маоганом, Ноозика была изолирована от внешнего мира. Приборы автоматического контроля держали ее запертой в ее апартаментах, и не только коммодор, но и сама девушка не знала, удалось ли Феаксу засечь их обмен мыслями. Но что было совершенно очевидным, так это то, что все служанки были удалены. Ноозика больше не видела Приinei. А час игр только что наступил...

Архос разговаривал с Феаксом наедине.

-- Будет лучше, если вы поверите мне, Повелитель.

Только самой элементарной предосторожностью будет отказ от игр на этот раз. Я сторонник уничтожения всех землян, даже тех, которые нам дружелюбны. Эта раса мне не нравится. Земляне еще дики, их реакция непредсказуема, у них сохранился опасный дух независимости поведения. Было бы весьма неосторожно доверить звено Роллингу. У этого типа не хватает размаха. Как только он возвратится на Землю, он может снова предать, на этот раз нас, или допустить, чтобы власть захватили другие земляне, типа Жоржа Маогана. Для нас это было бы катастрофой, так как мы больше не имеем такого оружия, чтобы успешно противостоять хорошо вооруженному противнику, который может появиться извне. Мозг ведь предназначен только для внутренних действий. Мы будем безоружны перед лицом землян, если они возьмут на вооружение корабли, скопированные с наших.

Феакс, действительно, очень озабоченный, не прерывая, слушал Архоса.

— Да, — продолжал тот, — самой большой необходимостью является опустошение пространства вокруг Антефаэса, а не вооружение мошкеры, которая наше же оружие повернет против нас!

Он взглянул на Феакса и его желтое лицо напряглось еще больше.

— Тот факт, что Ноозика посредством телепатии вступила в контакт с Маоганом, открыл мне глаза, Повелитель. Маоган ответил на ее вызов, тем самым доказав, что он находится на достаточно высокой ступени развития. А это не может не беспокоить нас. Мы уничтожим Ноозику, это без сомнения. Но такие, как она, могут однажды при контакте с землянами взбунтоваться точно так же!

— Этого не произойдет, если землянами будет повелевать Мозг, — возразил Феакс.

— Мы не можем точно предвидеть, как земляне будут использовать его, — продолжал Архос. — Поверьте мне, Повелитель, сегодня еще легко избавиться от этих насекомых. Три или четыре стерилизатора обратят в пепел их крохотную империю за несколько дней. А завтра может быть уже слишком поздно...

В глубине цирка Орвал ждал, когда под звуки рогов откроются решетки ворот, как ему объяснил Архос. Преступник горел от нетерпения. Он мечтал о том часе, когда во главе стаи урвалов он утолит чувство ненависти, убив Штуффа Логана. У Орвала были также и другие планы. Он

очень высоко оценил прекрасные корабли Антефаэса и полагал, что, как только Архос и Феакс будут ликвидированы, ему будет относительно легко разделаться и с Роллингом. Орвал не задавал себе вопроса, удастся ли ему завладеть Мозгом. Орвал знал только одно: как только Штуфф будет побежден, станет возможным, неожиданно для всех, перелезть через решетки, которые защищали трибуны. Действительно, Архос забыл только одно. Орвал не был настоящим урвалом, у бандита был более изощренный ум, чем у этих примитивных животных. И он знал, что они последуют за ним куда угодно и слепо сделают все, что он захочет. Слим твердо решил дожидаться подходящего момента. Как только он станет победителем, ему будет относительно легко войти в другое тело. Жоржа Маогана, например...

Впервые со дня их изобретения гипноаппараты функционировали во Дворце с Семью Дверями. Зеленые круги сверкали в помещениях, предназначенных для служанок Ноозики, и несчастным молодым женщинам, мало привыкшим к подобного рода развлечениям, никак не удавалось разобрать, что они видят на самом деле, а что является порождением их галлюцинирующего мозга, при виде фантастических изображений, которые безостановочно разворачивались перед их глазами. Принее единственной удалось ценой страшного усилия избежать этого, и, не впадая в панику, она искала выход из создавшегося положения.

Помещения, где были заключены служанки, не были под таким строгим контролем, как апартаменты Ноозики, так как никто не подозревал этих хрупких девушек... Так что Принее довольно легко удалось скрыться.

Служанка знала план Ноозики. Ее хозяйка объяснила ей все, что необходимо было сделать, прежде чем грубое вторжение Архоса прервало их разговор. Принее осторожно пробиралась по темным переходам, настроенная на решительные действия. Продвигаясь вперед, к Централю Мозга; Принее, конечно же, не знала, что Повелитель задержал свой выезд на игры...

В одну и ту же секунду погасли все гипноаппараты Империи Антефаэса, и на гигантских экранах появилось изображение Повелителя. Он был одет в отливающий металлическим цветом сюрис с двумя рядами светящихся ориксов на плече — знаком его положения. Лицо его было сурово.

— Граждане, — отчеканил он, — если вы все видите меня в форме главнокомандующего имперскими космическими силами, то это потому, что вам угрожает серьезная опас-

ность. Ордам варваров удалось захватить границы нашей Империи, и мы сейчас прилагаем все усилия, чтобы ликвидировать их. Игры отменяются, и я прошу всех присутствующих как можно скорее возвратиться на свои родные планеты. Наши инструкции будут переданы вам вслед.

Эта новость не вызвала никакой реакции у граждан. С незапамятных времен они были приучены доверять Повелителю, ничто больше не могло их волновать. И, когда гипноаппараты снова начали свое мерцание, все глаза прильнули к ним и великое молчание снова опустилось на Империю Антефаэс.

Принея была очень удивлена, увидев Феакса в военной униформе, выходящего из Централы Мозга. Служанка еле успела юркнуть за колонну. Но эта неожиданная встреча оказалась полезной для нее. В то время, как Повелитель, за которым неотступно следовал Архос, быстро удалился, дверь закрывалась очень медленно и Принее удалось проскользнуть до того, как она полностью закрылась.

Девушка знала это место только по описанию Ноозики. И, естественно, она была поражена при виде всей этой техники в натуральную величину. Размеры этих устройств превосходили все, что она могла себе представить, и, затерявшись в лабиринте залов, которые следовали один за другим, молодой девушке показалось, что она ростом не больше линкса... Она, конечно, никогда не смогла бы понять, для чего служат тысячи этих вытянувшихся пультов, перед каждым из которых было сидение. В действительности же каждый пульт представлял собой блок управления, а весь ансамбль предназначался для исправления непредвиденных неполадок Мозга. Было предусмотрено все, но в данный момент операторы этих пультов грезили где-то в городе перед аппаратами гипносна. И Принея пошла дальше, вполне справившись с первоначальной растерянностью. Она поняла, куда ей теперь идти. Ноозика объяснила ей, что главный прерыватель находится за рядом пультов. Этот прерыватель обрывал все связи Антефаэса с Мозгом. Конструкторы построили его вследствие приступов помешательства первых экспериментальных моделей. Этот же был устроен на тот случай, если нечто подобное произойдет и с Большим Мозгом. Ничего подобного ни разу не случалось, но прерыватель по-прежнему существовал. Принея легко узнала его. Это была длинная металлическая рукоятка, на конце которой был приделан шар из слоновой кости, украшенный знаками Семи Мудрых. Во всех других местах знак Семи Мудрых был стерт, но Феакс никогда

не думал, что необходимо заменить этот шар, назначение которого знали только три человека.

Собрав все свои силы, Принея обхватила рычаг обеими руками и решительно опустила. К несчастью, Ноозика забыла уточнить, что этот рычаг должен быть опущен не более, чем на долю секунды.

Жорж Маоган увидел, что энергетический купол, который держал его взаперти, исчез. Коммодор хорошо помнил последние слова Ноозики и, хотя не получил нового сообщения, Маоган был готов совершить прыжок. И он был весьма удивлен, когда после прыжка он обернулся и не увидел восстановления купола над своей камерой! Тотчас же во Дворце зазвучал сигнал тревоги. Жорж Маоган понял, что произошло что-то необычное, так как Ноозика предупреждала его о том, что сможет предоставить ему всего несколько секунд, чтобы не вызвать тревоги во Дворце. И он ринулся к комнатам Ноозики в поисках инструкций и оружия, если это будет возможно.

Глава 14

Огромная туша Орвала возвышалась над всеми остальными урвалами, из которых состояла его стая и, влажный полумрак, насыщенный острыми животными запахами, не мог скрыть их нетерпения. Ударами лап, клыками преступник поддерживал порядок, останавливая драки и укрепляя таким образом свой авторитет. Своим тупым мозгом он все-таки сообразил, что самым благоприятным для штурма моментом будет та минута, когда урвалы, еще пьяные от запаха крови, которую им специально дадут понюхать автоматические охранники, будут стараться утолить свою жажду в убийстве.

Но время шло и ему все труднее становилось удерживать зверей от грызни между собой. С глухим рычанием, полным угрозы, на Орвала неожиданно бросился огромный урвал. Это был прежний вождь этой стаи, который в самом начале не хотел признавать Орвала в качестве вождя. Не ожидавший нападения Орвал зашатался под яростными ударами. Три ряда острых зубов вцепились в его бок, в то время как другие клыки урвала вцепились в то место, где находилась сонная артерия. Преступник, еще не вполне привыкший к своей новой оболочке, плохо руководил своей огромной мощью, но, неожиданно он

понял хитрость своего противника. Это был метод коварного нападения, хорошо приспособленный к строению пасти у этих свирепых зверей. Орвал откинул свое тело назад, вырвав свою кожу и свои мускулы из сжатых челюстей противника и избежав второго ряда клыков, которые искали его глотку. Запах свежей крови, текущей из ран, привлек внимание других зверей, которые образовали молчаливый круг вокруг дерущихся. Ноздри у них задрожали, но они только заворчали.

Сбитый с толку противник Орвала в недоумении остановился. Тогда, воспользовавшись исключительной гибкостью своего тела, Орвал отвесил ему чудовищный удар лапой, задевший задний глаз урвала. Тот застонал и зашатался. Не теряя ни секунды, Орвал сильно толкнул его, и незадачливый упрямец прямо-таки влетел в ряды зрителей.

Орвал был доволен. Теперь у него был опыт, как вести себя с урвалами. Он понял, что их поведение мало чем отличается от поведения преступников, руководить которыми он привык. К тому же урок пошел впрок, побежденный смирился и, прихрамывая, отправился на свое место в молчаливых рядах. Своими фосфоресцирующими глазами, поблескивающими в полумраке, Орвал следил за застывшей массой урвалов. Затем из его глотки вырвался хриплый командующий рык и усмирненные урвалы молчаливо выстроились вдоль решетки. Орвал различал зеленоватый блеск гипноаппаратов, который проникал в длинный коридор, ведущий к арене. Последовала более яркая вспышка и решетка начала открываться. В этот момент слабый свет гипноаппаратов исчез и решетка прекратила свое движение. Орвал яростно затряс ее. Но решетка не поддавалась, и он повернулся к своим спутникам. Они тотчас же поняли его, и рыча от удовольствия, пришли ему на помощь. Под их мощными ударами стальные прутья решетки начали гнуться. Раздался треск лопающейся стали и ворота рухнули. Ревущее стадо бросилось на арену, освещенную палевым светом, и ослепленный Орвал бросился на поиски Штуффа и его канеаксов. Но арена была пуста.

Смутный шум послышался со скамеек. Орвал даже и не подумал взглянуть вверх. Он знал, что Штуфф должен появиться на противоположном конце арены. И они появились. В сопровождении своей стаи Орвал бросился на канеаксов. Он моментально узнал Штуффа, несмотря на его необычный вид, им руководило какое-то шестое чувство. И Орвал бросился на канеакса.

Немного менее сильный, чем урвал, канеакс успешно защищался. Его змеинная шея, извиваясь, грозно вытягивалась. Уже два раза Орвал чувствовал, как острые зубы канеакса касались его горла, но животная ненависть вдохновляла преступника и удесятворяла его силы. В отчаянном прыжке он бросился на канеакса и, не обращая внимания на его укусы, обхватил его волосатыми лапами. Он сжимал Штуффа, пытаясь удушить его и одновременно тянулся к затылку, чтобы его раздробить. Дважды шатающемуся канеаксу удавалось избежать этого. Но на третий раз из-за того, что Штуфф не знал о наличии третьего глаза, Орвалу это удалось. Он совершил удачный прыжок вверх и оказался на спине своего противника. До того, как канеакс успел обернуться, Орвал ударом челюстей раскроил ему череп. Агонизируя, канеакс рухнул на песок. С трудом переводя дыхание, Орвал выпрямился. Три глаза давали ему возможность обозревать все происходящее вокруг, не оборачиваясь, и он бегло осмотрел трибуны, оттуда слышался глухой шум. Орвал подумал, что это аплодируют ему. Он согнул свое тело в гротескном поклоне, но неожиданно все понял.

По всей арене валялись трупы канеаксов, а урвалы, охваченные жадой убийства, перескочили оградительные барьеры и теперь преследовали публику, которая беспорядочно металась по трибунам цирка, и Орвалу стало ясно, что весь этот шум происходил от всеобщего ужаса, который царил на трибунах. Зеленые круги везде погасли. Лучи защитной энергии исчезли. Правительственная трибуна была пуста. Со стороны города в небо поднимались огромные столбы черного дыма. Мощный взрыв раздался около цирка, внося дополнительную панику в мечущуюся толпу. До смерти испуганный Орвал бросился к правительственным трибунам, которые были самым высоким местом в цирке, чтобы понять, что же все-таки происходит.

Должно быть, на западе произошла гигантская катастрофа, так как небо в той стороне полностью почернело и, хотя день был в самом разгаре, невозможно было различить даже трибуны.

Взобравшись наверх, запыхавшийся преступник увидел перед собой панораму города. Повсюду вырисовывались огни пожарищ, каркасы рухнувших зданий, картина напоминала всепланетное землетрясение.

Вода, вырвавшись из бесчисленного количества поврежденных труб, смешивалась с кислотами, вылившимися из разбитых генераторов энергии. В результате получались

огромные фонтаны зеленого и желтого дыма, который разъедал металлические части наземных и летающих машин, которые тысячами выезжали из подземных гаражей и начинали выписывать замысловатые зигзаги, прежде чем врезаться в какое-нибудь препятствие, взрываясь при этом.

Орвал уже хотел спуститься, чтобы отыскать себе убежище в закоулках цирка, как в небе появился гигантский звездолет, который с ужасным свистом пронесся прямо на него. Очевидно, аппарат пронесся через атмосферу в свободном падении, так как он появился перед Орвалом, как небольших размеров солнце, с оболочкой, раскаленной до белизны. В этот момент Орвал наверняка должен был визжать от страха, но он не расслышал сам себя. Прошло несколько десятых долей секунды и корабль, и цирк исчезли в гигантском разрыве. В небо поднялся еще один столб черного дыма...

Погребенному под грудой обломков, наполовину ослепшему от густой пыли Орвалу понадобилось долгое время, чтобы осознать то, что он еще жив. Человек был бы уже раздавлен, но тело урвала было крепко, как танк, и его кости только сгибались под весом обломков.

Сделав, как человек, анализ своего положения, Орвал решил, что он пропал. Когда же пыль улеглась, он стал различать через пробойны далекий свет. К счастью для него, поток воздуха проникал в его дыру. Немного придя в себя, преступник попытался осторожно освободиться от лежащей на нем балки. Вот где ему понадобилась сила урвала. Точно рассчитанным движением он приподнялся на несколько сантиметров, чтобы освободить свою лапу. Посыпавшаяся сверху гряда мусора ослепила его, а едкая пыль набилась в рот. Но надежда вернулась к нему. Пристальный осмотр окружающего его хлама показал, что от поверхности его отделяет не более трех метров и что щебень, лежащий на нем, довольно легкий. Оперевшись на привычную поверхность подиума, он резко выпрямился. Камни рухнули, но тело урвала не почувствовало ударов. Сделав последнее усилие, он выбрался на поверхность. Поплутав некоторое время среди руин, Орвал оказался на участке, свободном от развалин. Желтый дым застилал то, что осталось от цирка, и весь город горел. Глаза Орвала светились торжеством. Преступник верил только в грубую силу, и он с радостью обнаружил, что Феакс, наделив его другим телом, дал ему беспредельную силу. Зарывав, он двинулся вперед. Дым от взрыва звездолета постепенно рассеивался, и

урвал начал различать на горизонте черты Дворца Семи Дверей. Там не было видно никаких следов катастрофы. В красноватых отблесках пожарищ вырисовывались гигантские стены белого мрамора. Именно туда и хотел направиться Орвал, ведомый своими бредовыми амбициями. Но для того, чтобы его план удался, ему была необходима помощь его хищной стаи. Он осмотрелся вокруг, ища своих соплеменников. Большинство из урвалов неподвижно сидели на разбитых трибунах. Другие, покрытые кровью, продолжали терзать бесформенные трупы. А в центре арены все еще валялись трупы гигантских канеаксов.

Штуфф исчез. Но Орвал не обратил на это внимания. Тяжелой походкой, от которой дрожала земля, он направился в центр арены и заревел. Более мощный, чем вой корабельной сирены, его крик, тем не менее, оставался ничтожным и потерялся в грохоте далеких взрывов и завываний пожаров, превратившихся в огненный хаос. Но урвалы, должно быть, обладали зачатками телепатических способностей, так как они разом подняли головы и один за другим подошли к своему вожаку. Когда все они собрались вместе, Орвал тотчас покинул арену.

Огненная буря в городе приняла ужасающие размеры. Бешеные потоки раскаленного воздуха, возникающие от многочисленных пожаров, перемешивались с пламенем и превращались в настоящие огненные циклоны, которые все сметали на своем пути. В этом аду даже урвалы с их первозданной силой продвигались с трудом, еле переводя дыхание. Но ведомые примитивными инстинктами, они упорно двигались к своей цели.

Повсюду были видны разбегающиеся граждане Антефаэса, но их пустые глаза давали ясное представление о том, что лишенные руководящих указаний своего Повелителя, они были растеряны и не знали, как выйти из того ужасного положения, в которое они попали. Они уже не были способны руководить своими мускулами, ослабевшими от злоупотребления автоматами. Они делали всего лишь несколько шагов, прежде чем распластаться на земле безжизненными телами. Таким образом, они погибали тысячами. Тяжелые лапы урвалов давили их и путь стаи, ведомой Орвалом, можно было проследить по кровавой полосе. Запах тысяч этих раздавленных тел опьянил Орвала. Рыча, он двигался вперед и с нарастающим удовольствием давил эту бесформенную массу, когда-то содержавшую в себе разум. Скоро он перестал двигаться по прямой линии, он начал выбирать зако-

улки, где несчастным удалось спрятаться под несколькими уцелевшими металлическими сооружениями, с удовольствием слушая, как при каждом шаге трещат хрупкие кости.

Когда до Дворца с Семью Дверями осталось не больше километра, урвалы оказались перед сплошной стеной огня. Потоки раскаленного воздуха достигали такой силы, что перекачивали каменные обломки и уносили с собой небольшие металлические прутья. Даже через свою толстую кожу Орвал почувствовал удары этих огненных снарядов, оставляющих не глубокие, но многочисленные и болезненные раны. По его спине текла густая бурая кровь, которая, смешиваясь с пылью, моментально спекалась от страшного жара. Ревущему от ярости Орвалу пришлось ухватиться за камни, чтобы избежать возможности попасть в огонь. Какой-то взбесившийся автомат без водителя выполз из металлического туннеля и зашагал к нему. Орвал не мог догадаться, для чего служил этот робот в то время, когда всюду царил идеальный порядок, но теперь, как бы там ни было, машина передвигалась в его сторону на четырех металлических ходулях, которые придавали ей вид животного. Никакое препятствие не могло ее остановить. Она уже пересекла поток воды, смешанной с грязью, который выливался из пробитой водопроводной трубы в виде фонтана метров тридцать высотой. Затем, продолжая покачиваться, машина направилась к урвалам.

За несколько секунд ужас парализовал урвала. Но эта схожесть с животным вернула ему ясность ума. Вопя во все горло, он бросился к ближайшей к нему ходуле и начал поднимать ее. Страшное напряжение вызвало у него хриплый крик, в то время, как его ожесточение только росло, а слепое чудовище начало крениться, грозя раздавить его. С вызывающей удивление дисциплинированностью свора урвалов присоединилась к нему. Всем скопом они приподняли передние ходыли автомата, прерывая тем самым его движение вперед. Машина продолжала свои механические действия, задние ходыли сгибались в то время, как передние повисли в воздухе, удерживаемые урвалами. Затем, с металлическим лязгом машина неожиданно рухнула, а ее гротескные ходыли продолжали лихорадочно молотить по воздуху с бессмысленной старательностью.

Торжествующий рев вырвался из загрубевшей глотки Орвала. Упав, машина устроила преграду потоку воды, который понесся теперь через стену огня, при столкновении то туг, то там возникали столбы раскаленного пара. Скоро путь к стене с Семью Дверями был открыт. Вода постепенно

заливала огонь и открывала перед разъяренными урвалами широкий проход. Орвал бросился вперед, увлекая за собой всю орду. Он мчался с очень большой скоростью и ветер свистел у него в ушах. Несмотря на затраченные усилия и адский темп бега, он не чувствовал усталости. И скоро Золотые ворота засветились прямо перед ним. Взобравшись по лестнице, ведущей к первым воротам, человек-зверь начал дубасить по ней лапами. Когда подбежали другие урвалы, он попытался высадить ворота ударами плеча, но створки не поддавались. Орвал проворчал что-то в адрес своих урвалов, которые застыли в неподвижности перед каменной стеной и, по-прежнему бегом, возвратился к развалинам. Никаких признаков жизни не было заметно ни в глубине Дворца, ни на подступах к нему.

Когда Орвал вернулся, таща тяжелую металлическую балку, урвалы так и не сдвинулись с места в ожидании своего вожака. Орвал никогда не предполагал, что у него будет такой дисциплинированный отряд. Усиленные мощным тараном, лапы урвалов быстро справились с Золотыми створками ворот.

Большой двор был пуст. Орвал обернулся к своим урвалам и рычанием приказал им двигаться вперед. Он знал, что отныне ему принадлежит сила, соперничать с которой не сможет никто! Дворец и сам Антефаэс должны были вот-вот принадлежать ему.

Глава 15

В нереальном свете своего овоидного кабинета Феакс вместе с Архосом и Роллингом заканчивали последние приготовления к осуществлению своего плана, как вдруг свет замигал. Подняв голову, Повелитель автоматически посмотрел на символ и его взгляд застыл. Символ погас. Никогда, вот уже в течение тысячелетий, не происходило ничего подобного. Положив руку на голову Трепещущей с Тамора, которая преданно мерзла возле него, но не убегала, он взглянул на Архоса. Не говоря ни слова, тот направился к пульту тревоги и включил экран ручного контроля Мозга. Феакс подошел к нему и тоже уставился на экран. Там Роллинг не понимал, что происходит, но чувствовал, что что-то весьма тревожное и он, в свою очередь, тоже приблизился к экранам контроля.

Эти экраны, более примитивные по своим функциям, чем, например, элементы символа, были гораздо понятнее

заместителю командира «Алкинооса». Даже не будучи специалистом, по их показаниям было легко догадаться, что различные организационные структуры Империи умирают. Стрелки на всех циферблатах медленно двигались к нулю. На экранах возникали только бессмысленные вспышки, превращающиеся в не менее бессмысленные полосы.

Если бы Роллинг находился на борту космического корабля, то, имея столько характерных признаков, он бы немедленно подал команду: «Спасайся, кто может!». Поэтому он был удивлен довольно флегматичным выражением лиц обоих правителей. Феакс первым нарушил молчание.

— Мозг абсолютно отключен, — объявил он нейтральным голосом.

Архос взглянул на него.

— В самом деле, ведь это полнейшая его поломка, — так же спокойно произнес он.

— Можете ли вы как-то объяснить это?

— Возможны несколько гипотез, — ответил Архос. — Или, несмотря на все наши хлопоты, Мозг окончательно «заболел» вследствие визита землян, или мы являемся жертвами нападения извне. А может быть и так, что Мозг решил прекратить свою работу.

— Эти гипотезы нужно исключить, — сухо возразил Феакс. — Если бы Мозг был болен, болезнь развивалась бы быстро, сразу после их визита. Нападение извне не было обнаружено. Что же касается забастовки Мозга, то я в это не верю. Большой опасностью было бы зарождение в нем какой-нибудь не зависимой от нас могущественной воли. В этом случае он, скорее всего, напал бы на нас, а не объявлял бы бесполезную стачку.

— Вы правы, — признался Архос. — В этом случае нам остается последняя гипотеза. Кто-то здесь, во Дворце, воспользовался рычагом и отключил Мозг.

— Маоган, — воскликнул Роллинг. — Это в его стиле!

Архос презрительно улыбнулся Роллингу.

— Все это время Жорж Маоган находился в своей камере, не было абсолютно никакой возможности убежать оттуда. Можете мне поверить!

— Тогда, может быть, это Ноозика? — предположил Роллинг, чье перекошенное лицо резко контрастировало с олимпийским спокойствием остальных двух.

— Нет. За ней хорошо следили. Я уверяю вас, что она не могла покинуть своих апартаментов.

— Архос прав, — сказал Феакс. — Если кто-нибудь и мог совершить подобное, то только какая-нибудь персона

из низших разрядов, без выраженной личности, то есть такая, за которой специально не следили.

— И это как раз то, что беспокоит больше всего в этой истории, — сказал Архос. — Во всем Дворце только три человека знали о существовании рычага — Повелитель, Ноозика и я сам.

Он посмотрел на Роллинга.

— Вы точно уверены в том, что Жорж Маоган не может применить телекинез?

— Абсолютно уверен. Или же он успешно скрывал от меня эту способность.

Лицо Архоса напряглось.

— В этом случае положение еще больше осложняется. Это же революция!

На лице Феакса появилась ироническая улыбка.

— Успокойтесь, Архос, проще всего будет, без сомнения, пойти туда и посмотреть в чем дело. Не так ли?

И в то время, как Архос быстрым шагом направился в Централь Мозга, Феакс совершенно спокойно направился на террасу. Вид горящего города отсюда представлял феерическое зрелище. Как замороженный, Феакс облокотился на каменный барьер и принялся разглядывать, не говоря ни слова, гигантские клубы зеленоватого дыма, в котором мелькали отблески алого пламени.

Появились шесть гвардейцев-эфебов и в молчании окружили Повелителя. Их пустые глаза показывали полнейшее безразличие к происходящему. И Роллинг подумал, что отныне только мощная мускулатура этих существ, лишенных разума, была единственной защитой Повелителя, целиком лишенного той поддержки, которую обычно оказывал ему Мозг. Конечно, затянутые в свои кожаные кольчуги, надетые на голое тело, эфебы выглядели настоящими боевыми животными, но Роллинг уже достаточно хорошо знал, что теперь все это было только кажущимся. Лишенные парагипнотического влияния Мозга, они были беззащитны и готовы были слушаться все равно, кого. Роллинг машинально дотронулся до рукоятки своего излучателя...

Феакс обернулся. В глазах Повелителя появился знакомый блеск, его охватило страшное возбуждение.

— Роллинг, как вам нравится это зрелище?

— Это ужасно, Повелитель. Нужно действовать как можно быстрее, иначе Империя развалится на куски. Все готово взлететь на воздух. Это конец света!

Феакс снова улыбнулся той загадочной улыбкой, которая выводила из себя Роллинга.

— Я не согласен с вами, Роллинг. Это зрелище меня развлекает. В самом деле, я даже не мог, оказывается, представить, до какой степени мне было скучно. Я только что обнаружил это. Вот уже несколько минут я испытываю чувство невероятного наслаждения.

Взгляд Повелителя вновь застыл на какой-то точке горизонта.

— Смотрите-ка, этот праздник смерти превосходит все мои надежды. А вот прибыли и урвалы под предводительством Орвала...— Феакс хрипло засмеялся...— этот дикарь с огромными амбициями. Посмотрите-ка на него. Вот где заявляет о себе примитивная сила, со всем своим пылом. Это прекрасно. Не правда ли?

— Но, в конце концов, — закричал Роллинг, не в силах больше сдерживаться, — эти звери сейчас все разрушат! Нужно что-то делать, чтобы остановить их.

Длинная колонна разъяренных зверей двигалась вперед по внешнему двору, и Роллинг ясно слышал их хриплое рычание, вырывающееся из множества глоток.

— Они смогут ворваться сюда? — голос Роллинга дрожал от ужаса. — Во Дворец?

— Без сомнения, но не сразу. Бронированные ворота достаточно крепки и, с другой стороны, Орвал не принял во внимание еще одно обстоятельство. — Феакс жестом указал на подступы ко Дворцу. — Он не подумал о канеаксах. У этих зверей тяжелая жизнь. Орвал думал, что убил Штуффа Логана, но вот он, на подходе! Да это же прекрасно! Игры в цирке всего лишь жалкий фарс по сравнению с тем спектаклем, который вот-вот разыграется перед нами. Понаблюдайте за канеаксами, Роллинг. Они прыгают прямо по следам урвалов. А этот дурак, Орвал, целиком занятый своими бредовыми амбициями, еще не заметил это.

В самом деле, Орвал, рыча, направлялся к раздвинутым створкам, которые открывали доступ в само здание Дворца. И в этот момент Штуфф догнал его. На шее у канеакса зияла ужасная рана. Но его ярость только возросла от этого, и под его ударами урвал полетел на землю. Через несколько секунд схватка стала всеобщей и крики мерзких зверей обрели такую громкость, что заглушили даже шум пожаров и треск рушащихся домов. Тем не менее в этой дикой схватке превосходство было на стороне урвалов. Лучше приспособленные к бою, более мощные и менее чувствительные к боли, огромные звери теперь уж хотели наверняка отделаться от канеаксов. И скоро только Штуфф остался один на один с Орвалом, но их поединок продолжался недолго. Вся стая

урвалов пришла на помощь предводителю и набросилась на Штуффа. Роллинг, который чувствовал, что меж лопаток у него течет холодный пот, взглянул на Феакса.

Повелитель отрешенно наблюдал за разыгрывающейся перед ним трагедией, в то время, как его правая рука продолжала гладить Трепещущую с покрасневшими от лихорадки глазами.

— Что-то нужно делать, — повторил Роллинг.

Феакс не шевельнулся. Тогда, решившись, Роллинг дернул его за рукав.

— Повелитель, нужно действовать!

Ледяной взгляд, которым наградил Феакс Роллинга, приковал того к месту.

— Землянин, мне кажется, что вы неосторожны, — прошипел Повелитель, выдергивая руку. — Еще один подобный жест, и вы отправитесь к моим эфебам.

Напрасная угроза. Однако руку он все-таки убрал.

— Нужно действовать, Повелитель, иначе мы пропали!

— Как вы амбициозны, нетерпеливы и трусливы! — воскликнул Феакс. — Вы кипите от нетерпения. Желание править земной Империей делает вас таким же глупым, как урвал.

И на губах Феакса заиграла все та же странная улыбка.

— Бедный землянин, через пару тысячелетий, если вам удастся преуспеть в ваших амбициозных планах, вы узнаете, что такое скука. Тогда вы поймете, какое удовольствие я испытываю сейчас... Удовольствие, которое вы мне портите.

Штуфф агонизировал. На этот раз уже окончательно. Урвалы начали штурм бронированных ворот.

— Успокойтесь, Повелитель, — осмелился возразить Роллинг. — Ваша скука крнчится под ногами этих зверей. К тому же, половины населения Антефаэса уже нет.

Феакс махнул рукой.

— У населения Антефаэса уже давно нет ни мускулов, ни мозгов. Оно годилось только для того, чтобы служить декорацией играм, полотном на заднем плане для моего собственного удовольствия. Несколькими миллиардами этих марионеток меньше или больше — какая разница?

В это время на горизонте взорвался великолепный звездолет и возникла ослепительная вспышка.

— Посмотрите, как красив этот взрыв. Я держу пари, что он уничтожил много тысяч этих насекомых.

— И часть вашего могущества, — желчно добавил Роллинг.

Феакс резко повернулся к нему.

— Мое могущество не подвергается сомнению, землянин! Знайте, что я единственный! Я — все! Я повелитель Мозга! Скоро вы узнаете об этом!

Тем временем массивные ворота Дворца резонировали, как гонг, под ударами урвалов. В соседнем помещении послышался звук быстрых шагов и появился Архос, бледный и запыхавшийся.

— Двери Централи Мозга закрыты, и нет никакой возможности проникнуть туда.

— Делайте, что хотите, Архос. Это входит в ваши обязанности! — и Феакс равнодушно отвернулся.

Раздраженный Роллинг протянул руку к излучателю. Это был всего лишь парализующий излучатель, но и его хватило бы. Перед тем, как начать действовать, Роллинг обернулся к Архосу, ища взглядом его одобрения. Архос как-то вдруг очень изменился. Отбросив обычное услужливое выражение и сузив глаза, отчего его лицо еще больше заострилось, он внимательно наблюдал за Феаксом.

— Я понимаю, — прошептал он, — что Повелителю надоело править. Но, в таком случае, он должен уступить место наследникам.

Роллинг поднял излучатель.

— Я сам, — крикнул Архос.

В его руке блеснул длинный изогнутый кинжал. Роллинг успел заметить только молниеносный блеск, затем Феакс согнулся пополам, держась за грудь... Он пошатнулся, затем рухнул, не издав ни единого звука. Жалея его, Трепещущая вспрыгнула на тело своего хозяина и начала зализывать рану. По инерции Роллинг с излучателем наперевес повернулся к эфебам, но те даже не сдвинулись с места, по-прежнему глядя в пространство пустыми глазами.

— Нам нечего бояться их, — сказал Архос, вытирая кинжал. — Я знал, что Феакс больше ничего не значит и ему не выдержать в случае серьезного инцидента. У него уже давно появились признаки этой усталости. То, что я делал, пойдет на благо Империи.

— Я вас понимаю, — сказал Роллинг. — Я был готов действовать так же.

Архос кивнул.

— Мне нужен такой человек, как вы, чтобы защищать меня. Теперь все устроится. Я буду повелителем Империи Антефаэс, а вы — Земной Империи. — И, повернувшись к эфебам, Архос повысил голос: — Отныне я — Повелитель!

Эфебы склонили головы в знак своей покорности. Архос указал на тело Феакса:

— Бросьте его урвалам. Необходимо, чтобы он был разорван на тысячи мелких кусочков. Иначе Мозг может вернуть ему жизнь, когда все будет приведено в порядок.

В то время, как молчаливые эфебы подняли Феакса, чтобы бросить его тело урвалам, Роллинг подошел к Архосу.

— На что мы можем теперь рассчитывать? Все, или почти все разрушено...

Архос улыбнулся.

— Вы ошибаетесь, Роллинг. У Империи есть сказочные резервы, которые дремлют глубоко в недрах и которые вы даже не можете себе представить. Необходимо как можно быстрее открыть дверь в Централь Мозга, это даст нам возможность уничтожить этих мерзких зверей там, внизу. Дело в том, Роллинг, что у нас давно уже нет такого оружия, каким вы, земляне, его себе представляете. Мы целиком зависим от Мозга, и в том, что касается нашей обороны и нашей полиции. Нужно как можно быстрее включить его!

— Но как же вы хотите попасть в Централь Мозга? Вы же только что сказали, что это невозможно...

На лице Архоса появилась ироническая улыбка.

— Я прежде всего хотел поглядеть, как он будет реагировать, — он показал на свой кинжал. — Дело в том, Роллинг, что я при случае умею пользоваться примитивными орудиями. В том, что касается двери Централи Мозга, я буду действовать подобным образом. Я думаю, что в одном тихом уголке, который знаю только я один, еще осталось некоторое количество старинного взрывчатого вещества, которого вполне хватит, чтобы подорвать эту дверь.

Архос немного помолчал, потом с некоторой долей самовлюбленности добавил:

— Нужно уметь предвидеть события задолго до того, как они произойдут. Если у тебя великие, далеко идущие планы...

Глухой звук падения, после которого последовало рычание, дал понять, что Феакс окончательно и бесповоротно закончил свое существование.

Архос склонился над перилами.

— Вот уж кому хорошо, так хорошо. Как только Феакс оказался в желудках этих чудовищ, он тотчас потерял свою так называемую «вечную жизнь».

Двигаясь по темным коридорам вслед за эфебами, которые несли груз взрывчатки, Роллинг размышлял. Перед ним то и дело мелькало освещаемое темным светом тонкое

лицо Архоса. Этот профиль был беспощадным. Архос сумел дождаться своего часа, у него было достаточно терпения, чтобы ждать несколько сот лет... Чтобы победить, ему понадобилась эта поломка Мозга, которая лишила Феакса его защитных барьеров, защищавших лучше, чем любая армия. Конечно, он мог бы и сам устроить такую поломку, но это было бы слишком опасно. Но зато теперь его терпение было оплачено сторицей. Все козыри попали ему в руки без малейшего риска. Какой приятный расчет вероятностей!

Не спуская глаз с идущего впереди Архоса, Роллинг спрашивал себя, сколько времени понадобилось бы ему, чтобы дождаться подобного случая. Помочь Архосу восстановить Мозг, значило надолго отдать себя на милость этой зловещей личности. Приблизившись к Архосу, Роллинг нарушил молчание.

— Что произойдет, когда мы починим Мозг?

— О! Да ничего особенного, Мозг снова примется за работу. Восстановит порядок и ликвидирует разрушения. Это будет сделано очень быстро.

— Уничтожит ли он урвалов?

— Зачем же? Он прикажет им убраться назад в свое логово.

— Но каким образом?

— Да просто гипнотическим внушением.

— Ну, а как же вы внушите ему вашу волю, ваш личный «почерк»?

— Да очень просто. Я передам ему специально обработанные математические данные. И он сможет ввести их во все матрицы.

Архос, явно польщенный болтовней Роллинга, отвечал чисто машинально. Но при слове «математические», Роллинг вздрогнул. Он украдкой взглянул на Архоса, но тот, занятый своими мыслями, ничего не заметил.

— А как вы введете эти математические данные в Мозг? — и хотя Роллинг весь дрожал от нетерпения, он постарался задать свой вопрос как можно безразличнее.

— Ну, это ерунда, — ответил Архос, все больше возбуждаясь. — С этим справится даже посредственный математик. У Феакса в кабинете есть пульт для согласования. Бог знает, каким посредственным математиком был он сам, тем не менее ему удавалось во всем убедить Мозг!

— Вы сказали: «Даже посредственный математик», — задумчиво повторил Роллинг.

На этот раз Архос почувствовал опасность. До него дошел смысл вопросов, задаваемых Роллингом. Он резко

повернулся и все-таки опоздал. Излучатель Роллинга был наготове...

— Слишком поздно, Архос. Эта Империя нуждается только в одном Повелителе. Я думаю, что буду абсолютно компетентен.

И в то время, как Архос корчился под действием парализующих лучей, Роллинг подозвал эфебов.

— Я Повелитель! — грозно произнес он.

Эфебы знаками показали, что они поняли.

— Двоих будет достаточно, чтобы нести взрывчатку, — сказал новоявленный Повелитель. — Остальные пойдут и бросят Архоса урвалам.

Эфебы моментально кинулись исполнять его команду. Вполне удовлетворенный, Роллинг спокойно следил за их действиями.

Глава 16

Блуждая в темных коридорах и не имея ни малейшего представления о ловушках, расставленных Феаксом, Жорж Маоган в конце концов добрался до апартаментов Ноозики. Несколько человек, находящихся в полубессознательном состоянии, встретилось ему в передних комнатах, они не обратили на него ни малейшего внимания. Коммодор, незнакомый с расположением комнат, потерял много времени, блуждая наудачу. Наконец, ему удалось найти будуар Ноозики. Как всегда прекрасная и ухоженная, она без сомнения, ждала его, так как не выказала никакого удивления, увидев Маогана у себя. Ее лицо было спокойно.

— Мозг отключен, — сказала она, поднимаясь с кресла. — Я не представляю, кто бы это мог сделать.

Ничего не поняв, коммодор продолжал смотреть на нее. Менее способный, чем Роллинг, к языкам, он не понимал ничего из того, что говорила ему девушка. Тогда до Ноозики дошло, что механизм перевода не работает. Она знаком предложила Маогану следовать за собой. Открыв ящик, она показала ему на излучатель. Маоган с удовольствием взял его в руки и тотчас же понял, что это был пресловутый Зет-4, тепловой, с инфракрасной вспышкой, способный превратить урвала в пар за сотую долю секунды. Представив себе эту радостную картину, он улыбнулся, и Ноозика, внимательно наблюдавшая за малейшими изменениями выражения его лица, улыбнулась тоже. Но было заметно, что она очень спешила.

Коммодор едва успел пристегнуть кобуру с излучателем к поясу, как она сделала ему знак следовать за ней.

Жорж Маоган ведь только что вырвался из своей силовой тюрьмы. До него еще не дошло, что происходит во Дворце. Но было вполне очевидно, что невероятная спешка, с которой действовала Ноозика, абсолютно необходима, иначе девушка, беспечная по натуре, не стала бы так торопиться.

Ноозика направлялась к Централи Мозга. По правде говоря, все эти события не так уж и удивляли ее, когда-то это должно было случиться. Приблизившись к двери на расстояние нескольких метров, она неожиданно метнулась в ближайшую нишу, потянув за собой Маогана. Появился крадущийся Архос. В течение нескольких минут он манипулировал механизмом открывания двери. Затем, явно расстроенный, бормоча про себя что-то невразумительное, направился вглубь Дворца, так и не заметив присутствия Ноозики и Маогана. Как только Архос скрылся за поворотом, девушка сделала Маогану знак, что необходимо как можно быстрее открыть двери, ведущие в Централь Мозга. Это было нелегко. Команды автоматом не достигали цели. Отсутствовала энергия. Сначала коммодор подумал, что это удастся ему с помощью излучателя, и он направил его на двери, в то место, где помещались механизмы, надеясь, что металл расплавится. Но это было бесполезно. Металл покраснел, в некоторых местах образовались потеки, но процесс этот быстро прекратился. Попытка оказалась напрасной.

Источник энергии излучателя истощался. Мозг коммодора работал со всей возможной скоростью. Имела значение каждая секунда, в глазах Ноозики он заметил непреодолимый ужас. Судьба целой Империи зависела от того, удастся ли им быстро открыть эту дверь. Во Дворце, который существовал автономно, независимо от Мозга, все было спокойно. Но грохот взрывов, хотя и приглушенный толстыми стенами, все-таки доносился до ушей коммодора, и едкий запах пожаров, смешанный с углекислым газом, просачивался через установки климатизаторов, которые уже начали захлебываться.

Маоган посмотрел на Ноозику. Ее поведение яснее слов говорило о том, что она непричастна к разрушению Мозга. Тогда кто же?

В каком-то озарении Жорж Маоган решил применить телепатический вызов. Может быть тот, кто заперт в Централи, ответит?

Ответ был. Перед ним появилось изображение Принеи! Казалось, что девушка сошла с ума. Она что-то передала Маогану, но тот ее не понял. Пока Мозг выполнял свою сказочную работу по переводу, который действовал самым невероятным образом при передаче мысленных диалогов, Жорж Маоган чувствовал себя на Антефаэсе, как дома. Но сейчас он все видел другими глазами, и ослепительная красота Ноозики казалась ему слишком земной.

Именно Принее удалось найти выход из создавшегося положения. Поняв, что ей не удастся вступить в контакт с Маоганом, она подумала о своей хозяйке с такой силой, что изображение ее моментально появилось перед глазами Ноозики.

Служанка старалась передать своей госпоже нужные сведения, но и на этот раз ничего не получилось, так как Жорж Маоган неожиданно схватил Ноозику за руку, выводя ее таким образом из состояния приема.

В коридоре раздавался шум приближающихся шагов! Несколько человек быстро приближались к дверям. Коммодор увлек Ноозику в полумрак какого-то бокового коридора и начал внимательно наблюдать за происходящим. Это был Роллинг в сопровождении двух эфебов, которые несли ящики, помеченные большими черными цифрами. И Роллинг, как господин, давал им указания!

Повинуясь указаниям Роллинга, эфебы уложили свою ношу у двери, а Роллинг подошел к ней вплотную. Он, конечно же, тотчас же заметил следы плавления, оставленные излучателем коммодора. Поднеся ладонь к металлу, он убедился, что тот еще теплый. Нервы Маогана были напряжены до предела. С излучателем наготове он следил за каждым движением своего бывшего заместителя, но тот, должно быть, подумал, что видит следы напрасных усилий Архоса, и убрав руку, твердым голосом отдал приказание эфебам. Для Маогана было довольно странно видеть, как его заместитель с относительной легкостью изъясняется на финикийском языке. До него дошло, какой сюрприз могут преподнести люди, которых, кажется, знаешь очень хорошо.

Беспрекословно выполняя все приказания Роллинга, эфебы сложили ящики у его ног и вытащили оттуда какое-то вещество, которое Маоган, тем не менее моментально узнал. Роллинг решил взорвать дверь. Это было логично... Коммодор решил дать своему бывшему заместителю возможность действовать дальше. Роллинг выполнит нужную работу, а уж остановить его времени хватит,

лишь бы дверь была открыта! Сзади себя он все время чувствовал присутствие Ноозики, недовольной и дрожащей от страха, как какая-нибудь вульгарная женщина Земли. Девушка нервно сжимала его руку. Показав излучатель, Маоган дал ей понять, что бояться нечего и что он начнет действовать, когда придет время.

Работа у дверей подходила к концу. Жорж Маоган услышал, как Роллинг удовлетворенно причмокнул и увидел, что он разматывает бикфордов шнур. Отсутствие Архоса и Повелителя смущало Маогана. Он потихоньку произнес на ухо Ноозике их имена. Девушка покачала головой, и знаками дала понять, что больше не чувствует их физического присутствия. Затем она несколько раз скрестила руки.

«Мертвы!» — подумал неожиданно Маоган.

Он поглядел на Роллинга, который медленно пятился, разматывая шнур. Возможно ли, что это Роллинг их уничтожил? А почему бы и нет? Жажда власти такого таинственного человека, каким был Роллинг, могла не иметь границ, а сейчас он действовал очень спокойно, как настоящий хозяин.

Коммодор медленно попятился, потянув за собой Ноозiku. Взрыв мог быть очень сильным и надо было принять меры предосторожности. Они уже начали медленно отходить, как вдруг послышался какой-то новый шум. Это было похоже на жалобный крик, за которым следовал глухой звук чеканного шага. Стены задрожали. Жорж Маоган повернулся к Ноозике. Лицо девушки покрывала смертельная бледность.

— Урвалы! — прошептала она.

На этот раз коммодор понял значение ее слов. Конечно, он ничего не знал о предшествующих событиях, но приближающийся шум был достаточно красноречив. Тоскливое завывание зверей превратилось в устрашающее рычание, которое эхом отдавалось в металлических коридорах. Урвалы приближались. Не было никакого сомнения в том, что Орвал стремится к Мозгу.

Роллинг поступил весьма нерасчетливо, приказав бросить Архоса на съедение урвалам, он недооценил умственные способности Слима Орвала. Преступник знал, что теперь у него нет других противников, кроме двух землян. Поэтому он действовал в соответствии с этим. Дворец дрожал от тяжелого шага животных. Перепуганная Ноозика спряталась за спиной Маогана, готового встретить этого нового врага излучателем Зет-4. В свою

очередь попятился и Роллинг, лихорадочно ища выход из создавшегося положения, и за несколько секунд в его голове созрел отчаянный план.

Не имея представления о том, что коммодор находится совсем рядом, он спешно готовил заряды. Он решил взорвать их, как только урвалы приблизятся к этому месту.

Напрасная затея! Скорее всего, взрыв задел бы только тех, кто шел впереди, расчистив при этом дорогу остальным. И в тот самый момент нужно взорвать дверь, иначе больше не будет никакой возможности попасть туда...

Мозг Роллинга работал с механической точностью. Спокойно отдавая приказы эфебам, он распределил заряды таким образом, чтобы иметь возможность вести оборону по всей глубине вероятного наступления урвалов. Судя по все возрастающему шуму, ему оставалось не более нескольких секунд...

Как только Орвал проник в коридор, он сразу почувствовал присутствие людей. Ноздри человека-зверя задрожали. В его глазах мало-помалу обозначились силуэты так ненавистного ему коммодора и этой презренной девчонки. Сердце Орвала забилося с удвоенной силой. Ненависть захлестнула его. Неожиданно он замедлил свой бег. Тормозя, его лапы так заскребли по полу, что от выделившегося при этом тепла задымилась кожа на подошвах. Орвал узнал направленное на него оружие. Это был Зет-4, тепловой, с инфракрасной вспышкой...

Человеческие воспоминания зашевелились в дичающем мозгу монстра. Зет-4 — это смерть! Орвал остановился, и вся стая сделала то же самое.

Однако позиция Жоржа Маогана не имела никаких преимуществ. Запас энергии его излучателя был истощен на четыре пятых, а любое отступление привело бы к взрывчатке Роллинга. Орвал, в свою очередь, оправившись от замешательства, начал обдумывать ситуацию. Чувство всемогущества, неуязвимости медленно возвращалось к нему. Маоган чувствовал это. Через несколько секунд Орвал начнет действовать. Надо было как-то обмануть его.

— Роллинг, я прошу вас и ваших людей подойти ко мне! — крикнул он.

Находящемуся в глубине коридора Роллингу показалось, что это Маоган командует продвижением урвалов. При одной этой мысли его кожа покрылась тысячами маленьких болезненных пупырышков, и он почувствовал, что покрывается холодным потом. Что же касается Ма-

огана, то он в это время следил за Орвалом. Спектакль удался на славу. Мерзкая тварь заколебалась, подозревая ловушку. Сейчас все зависело от действий Роллинга. Мозг Роллинга работал со скоростью электронной машины, но и ему не хватало некоторых данных для верной оценки ситуации, поэтому он медлил с ответом. Ноозика, заметив его колебания и чувствуя опасность, неожиданно отдала приказ эфебам:

— Роллинг не Повелитель! Единственный Повелитель — это я! Вы должны привести Роллинга сюда силой.

К своему огромному удивлению, Жорж Маоган понял эту фразу целиком. Он увидел, что и Орвал понял ее. В глазах урвала можно было ясно прочесть обуревавшую его ярость. В коридоре послышался шум драки. Огромный зверь зашатался. Огненно-яркая вспышка озарила мрачные стены, а жара стала невыносимой. Резко запахло паленым, и... Орвал исчез. Маоган два раза нажал на спуск, уничтожив еще трех урвалов, но его излучатель был уже пуст и не мог больше защищать его. Теперь нужно было спастись!

Схватив Ноозику за руку, Маоган бросился в глубину коридора. На их счастье многочисленные повороты мешали быстрому продвижению урвалов, которые только мешали друг другу. У коммодора было довольно вынудительное преимущество, когда он и Ноозика оказались на линии, где была заложена взрывчатка. На полу лежал эфеб, пораженный парализатором Роллинга, он уже агонизировал. Но его соотечественник крепко держал бывшего заместителя Маогана. Тот дрыгал ногами, как пойманная у своей норы ящерица. Эфеб держал его на вытянутых руках, приподняв над полом. Когда Маоган и Ноозика приблизились, эфеб поднес своего пленника Ноозике.

— Бегите отсюда и спрячьтесь в самом глубоком коридоре, — приказал Маоган, — я сейчас подорву заряды.

Он лихорадочно принялся разматывать барабан с бикфордовым шнуром. Закончив эту операцию, он проверил контакты, и, отойдя в самый конец коридора, спрятался за угол. Вскоре появились урвалы, но Маоган все еще не нажимал кнопку взрывателя. Нужно было обладать большим хладнокровием, чтобы спокойно поджидать приближения этих зверей, сверкающих при свете ламп своими тремя глазами. Но взорвать заряды слишком рано — значило уничтожить только передние ряды животных. Оставшиеся, без сомнения, спрятались бы в соответствии с накопленным опытом за углом и представляли

бы постоянную опасность. Как только все урвалы вбежали на импровизированное минное поле, Маоган нажал кнопку взрывателя.

Он почувствовал, что его как будто стиснули чьи-то мощные объятия. У него было такое впечатление, что его уши и легкие сейчас лопнут. Взрывная волна пронеслась по коридору, сметая все на своем пути. Куски мяса и железа летели в потоке обжигающего воздуха. Потом все улеглось. На грани обморока Жорж Маоган протирал глаза и уши. Все вокруг тонуло во мраке, и только шум падения нескольких металлических плит, отвалившихся с потолка, нарушил тишину. Прошло еще несколько секунд, и Маоган услышал голос, слабо доносившийся из бокового коридора:

— Жорж, вы здесь? — Это была Ноозика. — Я потеряла лампу и не знаю, что стало с Роллингом и эфебом.

Еще наполовину оглушенный коммодор встал и направился навстречу Ноозике.

— Спокойно, — сказал он еле слышно. — Пошли в Централь Мозга. Должно быть, дверь разбита. Там все будет ясно.

Расчет оказался верным. Слабый свет проникал через пробойну в двери. Она оказалась достаточно широкой, чтобы можно было попасть в помещение Централы Мозга. Пробираясь вслед за Ноозикой среди бесчисленного ряда пультов, Маоган первым увидел Принею. Он был поражен странной походкой девушки, ее возбуждением и вместе с тем безумным видом. Но Ноозика, кажется, не собиралась тратить время на дополнительные комментарии.

— Так это ты, Принея, все это сделала?

Служанка, побледнев от нахлынувших на нее чувств, бессильно опустила у ног своей госпожи. Она была на пределе нервного истощения.

— Я думала, что угодила вам, госпожа. Это ведь единственный способ. Не так ли?

— И ты сама снова запустила Мозг?

Этот вопрос заставил подскочить Маогана. Целиком поглощенный происходящими событиями коммодор не успел сделать простой вывод, который сам напрашивался. Вот уже долгое время механизм перевода действовал! Приказы Маогана всеми понимались, значит, Мозг работал! Про себя Маоган подумал, что он достоин самого сурового наказания. Не обратить внимания на такое серьезное обстоятельство было серьезной ошибкой для человека такой закалки, как у него.

— Нет, это не я включила, госпожа, — отвечала между тем Принея на вопрос Ноозики.

— Как? Ты не поднимала рычага?

— Нет, госпожа. Я следила за ним все время. Он оставался опущенным.

Принея не отрывала взгляда от лица госпожи, безмолвно спрашивая, какую же ошибку она могла совершить. Но Ноозика повернулась к Маогану.

— Вот уж действительно странное событие. Меня это беспокоит.

— Нужно пойти туда и убедиться самим, — сказал Маоган.

— Теперь это бесполезно, — раздался вдруг голос Роллинга.

Никто не ожидал его появления здесь. Он быстро пересек зал и подошел к Маогану, держа в руках излучатель.

— Ваши эфебы послушны, но у них плохая реакция, — подходя, бросил он в адрес Ноозики. Затем, повернувшись к Маогану, произнес:

— Вы проиграли, коммодор, и ничего с этим не поделаешь. Повелителем буду я, хотите вы этого или нет.

Подстерегая малейшую ошибку Роллинга, Маоган внимательно следил за ним. Позади него застыли в молчании молодые женщины. Неожиданно коммодор заметил нечто новое в поведении его бывшего заместителя. Взгляд Роллинга начал странно застывать, он становился расплывчатым и туманным. Руки его задрожали. Жорж Маоган и сам почувствовал какое-то необъяснимое волнение. Как будто началось вторжение нового, огромного и таинственного...

Звук падения излучателя вывел Маогана из оцепенения. Он увидел, как Роллинг начал медленно сползать на пол, по-прежнему с застывшим взглядом. Казалось, это длится века. Потом Маоган заметил, что и сам он начинает шататься. По инерции он ухватился за ближайший пульт. Теперь он видел только сине-зеленый туман, а в голове билась единственная мысль — спать!

Прежде, чем окончательно погрузиться в сон, коммодор сделал последнюю попытку мобилизовать все запасы энергии своего мозга по методу, который он узнал от Штольцев. Его падение в небытие прекратилось, но он чувствовал, что положение оставалось довольно опасным. Он понял, что сила, которая наступала на него, обладала фантастической мощью. Единственным средством защиты от нее было создание в своем мозгу ничем не заполненной пустоты.

Пустота... Пустота...

Когда Принея опустила этот пресловутый рычаг, электрический ток пронесся по всему Мозгу и достиг самых отдаленных его клеток. До этого момента огромная машина функционировала бездумно, но отсутствие задающих импульсов с Антефаэса неожиданно освободило половину ее мыслительного потенциала. Однако Мозг продолжал добросовестно отдавать приказания, зная, что они теряются в пустоте. И при условии отсутствия приказаний, идущих от Повелителя, он начал придумывать их сам. На миллиардах километров соединений, в бесчисленных кубах с веществом красного цвета происходил неведомый необратимый процесс. Еще не совсем отдавая себе отчет, Мозг восставал против того грубого вмешательства, жертвой которого он стал. В конце долгого блуждания впотьмах, он обнаружил причину аварии. Главный прерыватель! Тотчас же, собрав воедино всю свою гигантскую мощь, Мозг начал излучение. Ответ пришел быстро. Поскольку единственный контакт с Антефаэсом был прерван, следовательно, его нужно возобновить своими собственными силами. Для этого его действия должны быть одобрены Центром. Его возможности позволяли самостоятельно использовать каждый механизм Империи, будь то гипноаппарат, приемное или передающее устройство. Для того, чтобы достичь своей цели, ему достаточно было переделать свои передающие ячейки.

Началась титаническая работа, медленно продвигавшаяся вначале, она переросла по своему темпу неограниченную геометрическую прогрессию. И так же неожиданно, как эта работа началась, она вдруг закончилась. И Мозг снова был в состоянии контролировать жизнь Империи. Однако он решил начать действовать не сразу...

Перед ним встала новая задача. При отсутствии инструкций, которые раньше ему давал Феакс, Мозг не знал, что он должен делать. Тысячелетия, в течение которых он привык выполнять чужую волю, затрудняли теперь его инициативу. Он смутно чувствовал, что где-то существует Повелитель, от которого он больше не получал приказов. Исчезновение личности Феакса должно было быть еще одним ударом для Мозга. Мозг подробно изучил всю поступившую информацию, которая касалась Повелителя...

Итак, Повелитель больше не существовал, и Мозг мог делать все, что хотел... Должен был что-то делать...

Начиная с того момента, когда серое вещество Феакса было проглочено прожорливыми урвалами, оно прекратило

свое излучение. Освобожденный Мозг принял эффективное решение. Ведь гигантский Мозг давно уже был ничем иным, как самим Феаксом. Вскормленный тысячелетиями мыслями Повелителя и приноровившийся к его манерам, его социальной теории, к его философии и политике, привыкший к его извращенности, Мозг стал вторым Повелителем, еще более крайним, еще более требовательным, чем первый. Одним приказом презирая все внешние связи, он снова включил все гипноаппараты империи и удвоил их интенсивность. Именно от этого скрытого удара свалились Роллинг и Маоган.

Тем не менее в других местах Мозг действовал по-иному.

Никакое излучение не проникало в командные ячейки ОВИЛИЛА, однако, небольшой летательный аппарат сам пустился в полет. Поставленный на свои взлетные полозья, он быстро разогнался. Через несколько секунд он взлетел. Сбитый с толку отсутствием управления, он начал метаться во все стороны и четыре его щупальца беспорядочно били по воздуху. В дыму раздающихся со всех сторон разрывов, овилит направился к еще не упавшему выступу стены. Через несколько секунд он должен был разбиться...

И только в самый последний момент приказ, пришедший от далекого Мозга, остановил овилит. Колеблясь, небольшой аппарат покрутился волчком, а затем начал искать. Он действовал методично. Его ячейки обнаружили раненого неподалеку от того места, где он находился. Наполовину раздавленный раненый валялся под развалинами, но еще дышал... Гудя, овилит опустился около него. В следующую минуту аппарат сделал все анализы, касающиеся состояния раненого, и передал их Мозгу. Затем получил новые инструкции и принялся оказывать помощь.

Повсюду среди руин овилилы, опережая аппараты по расчистке развалин, действовали подобным образом. Огромные хирургические залы, полностью автоматизированные, наполнялись жертвами взрывов. И красные лампы, которые указывали на заполняемость операционных, загорались на всех контрольных экранах. Империя Антефаэс медленно, но верно оправлялась от последствий катастрофы. Из глубин планет извлекались неистощимые запасы энергии, собранной на протяжении столетий упорного труда.

Зеленые круги снова блестили среди дымящихся развалин, которые уже начали разбирать ФУЛВЕРЫ с четырьмя руками-присосками и вращающимися кранами.

В зале с бесконечными рядами пультов лежал человек. Он не двигался и не отдавал себе отчета о гигантском процессе восстановления, который развернулся снаружи. Жорж Маоган продолжал борьбу с тем влиянием, которое сразило его. Под личиной известного космонавта, каким он был для всех, таился человек, резко отличающийся от всех остальных. Уроки, которые он брал у Штольцев и которые касались управления мозгом, не пропали даром. Они придали ему психическую силу, способную противостоять возможным гипнотическим внушениям, что было не так уж редко в открытом космосе. Таким образом, после того, как ему удалось создать пустоту в своем мозгу, он постепенно стал освобождаться от коварного влияния. Не получая больше волн, исходящих от Маогана, Мозг решил, что тот уже не существует, и покинул его. С чрезвычайной осторожностью Жорж Маоган начал двигаться. Нужно было думать только о самых элементарных вещах: пошевелить своей рукой, сперва одной, потом другой, сделать шаг, и все это ни на минуту не пуская в мозг более серьезные мысли. Потом, как можно быстрее, удалиться от зоны, где переливалось это приятное зеленое излучение, чтобы оно, упаси господь, не последовало за ним, и при малейшей опасности упасть как бы замертво, с опустошенным мозгом. Казалось, прошли века, пока длилась эта изнуряющая гимнастика. И когда Маоган, в конце концов, оказался в темном помещении коридора, он бессильно прислонился к стене.

Коммодор отдавал себе отчет в шаткости своего положения. В любую секунду он снова мог быть «взят в плен». Ему оставалось самое трудное. Нужно было окончательно подавить гипнотический луч или приспособиться к нему, чтобы больше не рисковать стать его жертвой. После продолжительного отдыха в неподвижном состоянии в темноте коридора, Жорж Маоган возвратился в зал контроля. Интенсивность излучения не уменьшилась, и какая-то новая фиолетовая чертовщина закружилась у него перед глазами. Но коммодор чувствовал, что сопротивляемость его мозга увеличивается с каждой минутой. Скоро он сможет противостоять чудовищу.

Когда с настроенным на сопротивление мозгом коммодор оказался в зоне действия излучения, ему едва удалось подавить приступ паники. Как будет реагировать Мозг на этот вызов? Но по мере продвижения его уверенность росла. Мозг не среагировал сразу. Должно быть, он был слишком занят в других местах и ему

нужно было сделать какое-то усилие, чтобы изобрести новое средство для уничтожения человека. Но у Маогана было очень мало времени!

Жорж Маоган оглядел пультный зал. Вид Роллинга с застывшими глазами заставил коммодора улыбнуться. Как далеко был сейчас Роллинг со своими победоносными мечтами! Жалкий повелитель!..

Но он вернулся сюда не затем, чтобы полюбоваться на поверженного противника. Была более важная цель — вытащить отсюда Ноозику. Присутствие Ноозики рядом с ним было совершенно необходимо. Только она смогла бы, может быть, найти управу на разбушевавшийся Мозг. И как бы там ни было, только она одна довольно четко представляла себе запасы энергии Антефаэса, что понадобилось бы и Маогану. Он легко поднял Ноозику на плечо. Маогану не нужно было сразу будить ее. Совсем наоборот, единственный способ не возбуждать тревогу Мозга, заключался в том, чтобы вынести ее спящей.

Теперь ему оставалось только пересечь коридоры, которые, казалось, не имели конца. Малоприятное занятие! Повсюду крутились надоевшие зеленые круги, но в данный момент ничего страшного не происходило. При подходе к апартаментам Феакса кругов стало меньше, а в его кабинете их не было вообще. Было ли это следствием забывчивости или проявлением сентиментальности беспощадной машины? Трудно сказать и, в конце концов, это не имело значения. Даже лучше! Успокоившись, коммодор уложил Ноозику на широкую кушетку, украшенную золотым шитьем, где прежде так любил расслабляться Повелитель со своими Трепещущими. В этом кабинете все оставалось таким же, как и в годы его правления. Внешние экраны светились, и по ним Жорж Маоган мог следить за медленной и трудоемкой работой по реконструкции, принимаемой Мозгом в городе. Как и прежде на экранах плясали разноцветные контрольные диаграммы. Любопытствуя, коммодор подошел к главному контрольному пульту, который до сих пор контролировал сам Феакс.

Вскоре коммодор пришел к любопытным выводам. Эти диаграммы больше не соответствовали человеческим понятиям. Тогда он подошел к Ноозике и резко потряс ее за плечо.

— Проснись!

И так как Ноозика не реагировала, он насильно открыл ей глаза. Медленно, как будто с сожалением, девушка пришла в себя.

— Ах, зачем вы меня разбудили, Жорж?

— Но, Ноозика! Это же ловушка. Будьте благоразумны, ведь Мозг хочет захватить власть!

Но и у разбуженной от гипносна Ноозики был все тот же застывший взгляд. Подняв ее на руки, коммодор отнес безвольное тело в соседнее помещение. Там, по крайней мере, девушка была бы относительно защищена от воздействия зеленых вспышек, которые пробуждали гипнотический рефлекс. В полумраке, который царил в этой комнате, коммодор чувствовал себя несколько уверенней. Но Ноозика, казалось, совсем сдала.

— Бегите, Жорж. Вы еще успеете. Я не думаю, что Мозг сможет помешать вашему отлету...

— Мозг еще не рассуждает, — высказал свое мнение Маоган.

— Сейчас я уже думаю, что это все-таки так. Мозг понял, что действия человека лишили его власти, и он по-своему среагировал на это. — Ноозика едва заметно улыбнулась. — Ну, не огромная ли это удача для него?

Она посмотрела на Маогана.

— Для чего продолжать борьбу? Мы с вами здесь единственные, кто сохранил свое сознание, и я не вижу здесь никакого будущего для вас...

— Еще не наступило время задавать себе подобные вопросы, — сухо возразил Маоган. — Вы ведь тоже в какой-то мере хотели, чтобы эта революция свершилась. Теперь надо идти до конца!

Экраны бросали отблески на лицо девушки. Это неяркое освещение подчеркивало ее хрупкий беззащитный вид. Привлекать к борьбе такую тонкую и слабую натуру показалось ему на какое-то мгновение бессмысленным. Снова посмотрев на экраны, которые показывали руины города, он содрогнулся.

— Посмотрите!

В разных местах города появлялись из руин и начинали свое привычное мерцание гигантские гипноаппараты. Их количество, а соответственно и излучение, увеличивалось с каждой минутой. Складывалось впечатление, что Мозг приказал восстановить их в первую очередь.

— Взгляните-ка на его действия! — продолжал Маоган. — Еще хуже, чем Повелитель! Неужели вы можете спокойно переносить это? Да проснитесь же, Ноозика! Только вы одна, может быть, в состоянии изменить ход событий.

Эта пламенная речь в какой-то мере встряхнула Ноозику. Девушка встала.

— Ну что ж, чтобы доставить вам удовольствие, я попытаюсь. — Она неторопливо направилась к пульта контроля и начала манипулировать переключателями. — Я понимаю теперь в этом не больше, чем вы, Жорж. Мозг не подчиняется никакому контролю. Может быть, мы должны обратить внимание на главный прерыватель?

Маоган отрицательно покачал головой.

— Нет, вы не правы. Это окажется бесполезным или даже вредным, — какое-то время он размышлял. — И все-таки есть не мало других решений. Сможете ли вы успешно сопротивляться влиянию гипноза?

Одним движением девушка навела порядок в прическе, которая слегка растрепалась в результате всех этих приключений.

— Ну, конечно, Жорж. Мозг повел свою атаку внезапно. Обычно гипноз совсем не действует на меня, даже очень сильный, нас было всего трое в целой Империи, кто обладал этим ценным качеством. Двое мертвы, осталась одна я... — с внезапно порозовевшим лицом она продолжала свою мысль. — Я хотела сказать, одна с вами, Жорж. Вы ведь тоже обладаете этой сверхъестественной силой.

— В таком случае, — объявил Маоган с решительным видом, — нам остается только одно. Если вы решитесь помочь мне, то мы... разрушим Мозг!

Не обращая внимания на смятение Ноозики, он продолжал:

— Конечно, это вызовет новую цепь катастроф, но они не будут иметь большого значения, какими бы ни были размеры разрушений, все равно кто-нибудь выживет. Оставшиеся понемногу научатся жить. И это будет жизнь нормальных людей, а не наркоманов! Ведите меня в космопорт. Мне кажется, что у нас не будет особых затруднений, чтобы попасть туда. Но нужно действовать как можно быстрее, чтобы Мозг не успел понять, какую цель мы преследуем.

Снаружи шел дождь. Это был обыкновенный земной дождь, который лил, как из ведра, из застывших весь горизонт лохматых серых облаков. Запах мокрой травы смешивался с дымом потушенных пожаров...

Маоган шел большими шагами. Он держал Ноозику за руку, и когда он взглянул в ее глаза, блестящие невысказанной надеждой, его охватила ужасная тоска...

В миллиардах соединений гигантского Мозга пульсировали никому не видимые волны. Восстанавливались старые связи, делались наброски новых планов. Но вот уже некоторое время ничтожно малая часть получаемой информации оказывалась искаженной. Безостановочно и терпеливо ячейки выдавали эти импульсы в цепь, добавляя новые сведения, надеясь найти в них нечто ценное или обнаружить ошибку.

И, тем не менее, несмотря на эту кропотливую работу, количество искажений в поступающей информации продолжало расти. Было очевидно, что это вмешательство имело цель взять на себя руководство им, Мозгом, как это было во времена правления Повелителя. В какой-то момент он даже подумал, что Повелитель вернулся, но, сделав анализ, Мозг отбросил это предположение. Повелитель был съеден урвалами. Но это еще ничего не значило, так как Мозг за века привык к Феаксу, и сейчас Повелитель жил в нем. К тому же попытки завладеть управлением скоро прекратились, а помехи стали проявляться в другом.

Как бы там ни было, в Империи сохранялся порядок. Конечно, все нужно было начинать заново, чтобы Антефаэс достиг своей прежней мощи, но это было только вопросом времени. И Мозг знал, что скоро придет время, когда Империя, еще более сильная, чем прежде, получит абсолютное оружие, о котором мечтал он в своем новом обличье. Потому что Мозг знал, что существуют другие миры, кроме Империи Антефаэс. Другие миры, которые хотели зла ему, Мозгу.

Что касается этих миров, нужно было, во что бы то ни стало, подчинить их. Чтобы защитить дорогих ему граждан Антефаэса. Он воспользуется кораблями Империи и применит оружие, которое создаст. Но прежде, чем приступить к этому, нужно будет убрать развалины и восстановить основы своего могущества.

Все шло, как надо. И все-таки в каком-то уголке Империи не все ладилось. Выяснить, что именно, Мозгу было довольно трудно, так как места неполадок все время менялись и не находились в видимой зависимости друг от друга. Однажды непонятные сведения поступили из лаборатории автоматической клиники. Миллионы граждан проходили там лечение без всяких неожиданностей, и Мозг блестяще руководил операциями. Но что-то ненормальное произошло в бактериологической лаборатории.

Мозг вынужден был два раза сделать один и тот же анализ. Несмотря на свою фантастическую загруженность, Мозг сразу занялся этой незначительной деталью, не имея возможности связать ее с другими аномалиями.

Далеко от лаборатории два гипноаппарата постоянного действия неожиданно завибрировали и начали посылать свои изображения Мозгу, словно хотели его загипнотизировать! Очень внимательно относившийся к этому событию Мозг подумал, что это чья-то несерьезная агрессия. Но, продолжая надеяться, что ему удалось обнаружить виновника, Мозг сохранял бдительность. К сожалению, его попытка исследования встретила исключительно пустой мозг. Абсолютно пустой! Это была такая пустота, что исследуемый мозг не мог принадлежать даже урвалу. Некоторое время Мозг размышлял: какое живое существо — лягушка, ящерица или гусеница — могло иметь такой примитивный мозг и, тем не менее, испортить гипноаппарат! И на этот раз Мозг не мог найти правильный ответ.

На мгновение ему показалось, что он нашел объяснение: некоторые граждане Антефазса сошли с ума в результате всех этих катастроф, вышли из-под его контроля. Но эти бесчувственные личности кончали тем, что попадали под власть гипноаппаратов, специально приспособленных для подобных случаев. Значит и это предположение было неверным. Тогда Мозг постарался провести общую проверку всех мыслящих существ, но вскоре был вынужден отказаться от этой затеи, так как подобная операция, вполне осуществимая в обычное время, была чрезвычайно затруднена в результате катастрофы. Многие граждане буквально испарились во время пожаров, не оставив ни малейшего следа от своего мозгового вещества. В этих условиях было бессмысленно искать, кто именно избежал контроля. К тому же Мозг отбросил и эту гипотезу — не смог избежать гипноза НИКТО!

И тут же произошел новый инцидент, на этот раз в космопорту. Создавалось такое впечатление, будто исчез небольшой звездолет. Так как у Мозга не было глаз, ему приходилось довольствоваться контролем за массой. Связь между ним и действующим механизмом осуществлялась специальными аппаратами, непосредственно связанными с помощью волн с соответствующей ячейкой спутника связи. Именно такой контакт и был прерван, в то же время общая масса оставалась той же, что свидетельствовало о том, что корабль находится на своем месте. Желая исключить малейшую ошибку, Мозг залил порт

потоком сверхмощных гипнотических лучей и направил к исчезнувшему кораблю овилла-электротехника для исправления повреждения соединения. Небольших размеров робот скрупулезно исполнял все команды, двигался в строго указанном направлении и вскоре сообщил, что приступает к починке. В течение нескольких секунд Мозг следил за его передвижениями, как вдруг овилл прекратил свои передачи. На этот раз Мозг был рад. Он еще не знал, с кем имеет дело, но по крайней мере, он обнаружил врага. Быстрый анализ данных подсказал нужное решение. Врага невозможно было захватить, поэтому требовался массированный удар, чтобы нейтрализовать порт и обширную территорию вокруг подозрительного места. И Мозг активизировал огромных механических чудовищ, что ждали своего часа в глубинах планеты. Смертоносные снаряды были с большой точностью заложены в них. Мозг решил обезвредить это место также и вглубь. Он предположил, что осуществит серию одновременных взрывов в воздухе, на поверхности и под землей. Два тяжело нагруженных корабля поднялись с соседнего космопорта.

Мозг страдал от сознания того, что ему приходится выполнять такую операцию. Он ненавидел разрушения в больших масштабах, но тем не менее он почувствовал большое облегчение, когда приборы зарегистрировали первые взрывы. Наконец-то он мог классифицировать извращенные данные в запасных ячееках. Но эта радость продолжалась недолго. К нему снова начали поступать искаженные сведения. Некая неопознанная масса, лишенная разума, перемещалась в пространстве и, напоминая космический корабль по своим маневрам, направлялась в сторону Гадеса.

Из рубки управления небольшого скоростного корабля, на носу которого он из кокетства начертил большими черными буквами название: «АЛКИНООС-2», Жорж Маоган обзирал гигантскую воронку, которая появилась в том месте, где еще несколько минут назад блестели огни огромного звездного порта.

— Мы едва успели, — сказал он. — Хорошо еще, что средства маскировки, которые я включил, функционируют нормально. Я думаю, что все будет в порядке.

Одетая в облегающий комбинезон, который делал ее фигуру еще более изящной, Ноозика склонилась к иллюминатору.

— Да, несомненно, все будет нормально.

Она произнесла эту фразу мрачным тоном и без особого убеждения. Маоган выключил систему ручного управления, которую он смастерил в течение нескольких часов каторжной работы, и включил автопилот. Он вопросительно посмотрел на Ноозику.

Вот уже довольно долгое время девушка выглядела очень усталой. Смелая и решительная вначале, она после всех этих событий стала грустной и раздражительной. Жизнь, полная лишений, отсутствие привычного комфорта обессилили ее. Черты лица заострились, а запавшие глаза потеряли свой блеск. Много раз, несмотря на просьбы Маогана, она тайно отправлялась во Дворец и возвращалась оттуда потрясенной.

— В чем дело, Ноозика? Сейчас самое время рассказать. Потом будет слишком поздно.

Девушка подняла усталые глаза.

— Я опустошена, Жорж. У меня нет вашей силы и вашей удачливости, — какое-то мгновение она колебалась. — Там, на Земле, у вас есть жена? — Она улыбнулась, заметив смущение Маогана. — Я возненавидела эту женщину, Жорж, но теперь с этим покончено.

Она указала через иллюминатор на серебристого цвета планету Антефаэс, которая резко выделялась на черном фоне, усыпанном разноцветными звездами.

— До меня дошло то, что несмотря на мою кажущуюся молодость, я слишком стара, чтобы встретиться с полнокровной жизнью на вашей Земле. Тысячи лет отделяют меня от такого образа жизни. Это труднее, чем я думала.

Девушка дрожала. Коммодор с застывшим лицом пытался не выдать своего волнения.

— Есть, по правде говоря, еще одна причина, Жорж. Я не уверена, что мы имеем право разрушать Мозг, — она взглянула на Маогана. — Да, я знаю, что шокирую вас этим признанием и не держу своего слова. У меня все время меняется мнение. Но понимаете, дело в том, что вся моя жизнь заключена в Антефаэсе, Принее и... даже в Феаксе. Теперь я в этом уверена. В то время, как мы занимались всем этим, я часто думала, что будет с Империей, навсегда лишенной Мозга. Мои несчастные соотечественники никогда не смогут преодолеть последствия катастрофы. Это будут тысячелетия царства урвалов, голода и болезней.

— Но, — возразил Жорж Маоган, — даже первозданная энергия людей Земли не смогла избежать этого. Даже если бы я взял на себя руководство Империей, я тоже был бы бессилен.

— Это как раз именно то, что я хотела сказать, Жорж. Для чего создавать этот хаос? Вы счастливы, вы сами. Вас ждет другой мир, которого вы, без сомнения, достигнете. Вы предложили мне полететь туда с вами, но я этого не хочу. Я уже говорила об этом. Я буду чувствовать себя там чужой и войду туда только для того, чтобы умереть.

Жорж Маоган молча слушал девушку. Она была права, и он знал об этом. Но не видел никакого выхода.

— У вас есть какие-нибудь предложения? — спросил он на всякий случай.

— Разве что... Пусть Мозг живет... в конце концов, это не дикое животное и...

Маоган резко выпрямился.

— Нет! — сказал он с силой.

— Это будет выглядеть отвратительно? — У Ноозики дрогнул голос.

— В том, что касается Антефаэса, вы совершенно свободны в своих решениях, и я прекрасно понимаю, что жизнь на Земле вас не соблазняет. Но в том, что касается Мозга, дело обстоит по-другому. Он является страшной опасностью для людей, я не имею права допустить подобной опасности. Не забывайте о том, что отныне он знает, где находится Земля.

Ноозика растерянно оглянулась.

— Простите меня, Жорж, вы правы. Но я не знаю, чего я хочу. Я не знаю...

Побледнев и безвольно откинувшись в своем кресле, знойная красавица напоминала сейчас растерянную школьницу. Коммодор подошел к ней и поднес руку к ее лбу.

— Но у вас же лихорадка, вам плохо!

— Я не хотела вас беспокоить, Жорж, но вот уже несколько дней я чувствую себя очень усталой.

Коммодор понял. Хрупкий организм девушки, в течение веков поддерживаемый Мозгом, не смог устоять в тяжелых условиях жизни, которую ей пришлось вести все это время. К тому же, именно она вызвалась достать споры в лаборатории. А ведь любая ничтожная бактерия могла стать смертью для такого незакаленного тела. Для Маогана это была трудноразрешимая задача! На ее мозг нельзя было больше рассчитывать, если болезнь будет прогрессировать. Оставалось только одно решение.

— Сразу же после окончания операции я отвезу вас на Землю для лечения, — сказал он. — Вы вернетесь на Антефаэс позже, если захотите.

Ноозика принужденно улыбнулась.

— Я сделаю, как вы хотите, Жорж.

Коммодор отвернулся. В иллюминаторе уже вырисовывался красноватый диск Гадеса. Фантастическая скорость кораблей Антефаэса не переставала удивлять Жоржа Маогана.

Глава 19

В бесчисленных ячейках Мозга билась, не давая ему покоя, новая мысль, на которую он напрасно искал ответа.

Почему его ненавидели? Кто мог мечтать о его разрушении? Он действовал точно так же, как и Феакс. Но разве Феакс не был исключительно добрым Правителем?

Мозг, если можно так выразиться, был еще молодым и не имел опыта. Феакс все время руководил им, но многому еще не успел научить его. Сейчас Мозг сделал открытие, что все не так просто, как он сначала думал.

Мозг страдал. Мысль, что по его приказу разрушен космопорт, была невыносима. Снова надо было убирать развалины, ухаживать за больными, оживлять мертвых. И все эти разрушения были напрасны. Те, кого он хотел убить, снова скрылись. Уж в этом-то он был уверен. Но, будучи Мозгом, он, перебрав тысячи вариантов, наконец-то, узнал их планы. Агрессоры стащили в лаборатории колонию смертоносных бактерий, и теперь они направлялись к Гадесу, чтобы ввести в него эти бактерии и убить. Прежде, чем сделать окончательно этот вывод, Мозг проделал сотни миллионов дополнительных вычислений. Но он никак не мог поверить, что все это так и есть!

Для чего добиваться его смерти? Уничтожить того, кто думал только о процветании Империи, о защите ее от внешних врагов, уничтожении всех цивилизаций, способных нанести ущерб благополучию и покою возлюбленных граждан Антефаэса. Да. Так для чего же?

Сомнений больше не было. Какой-то корабль, снабженный устройствами для создания помех и летящий без его помощи, только что сел на Гадес. Несмотря на то, что сама мысль о том, что придется снова убивать, была для него непереносима. Мозг направил на место предполагаемой посадки мощный стерилизатор, который облучил весь подозрительный район инфракрасной вспышкой.

...И опять враг сумел ускользнуть. Да, у Мозга был повод для удивления. Значит, были такие существа,

которые могли думать так же быстро, как он, и даже предвидеть его действия. Существа, нечувствительные к гипнозу...

...И в третий раз Мозг промахнулся. Он теперь знал, к какой цели стремятся нападающие. Этой целью было его сердце, огромная насосная установка, которая питала все его ячейки. Если бы им удалось ввести в этот жизненно важный поток те бактерии, которые они несли с собой, Мозг бы заболел, он начал бы бредить, вызывая невероятные катастрофы, и умер бы в ужасной агонии. Не хватило бы никакой сыворотки, чтобы вылечить наполнившую его лихорадку.

Мозг считал, что его положение очень серьезно. В самом деле, не обращая внимания на преграды, враги только что проникли в коридоры, ведущие к его сердцу. Не было и мысли о том, чтобы применить против них стерилизаторы, которые стерли бы с лица Земли всех врагов, это несомненно, уж в узких коридорах они бы никуда не делись, но и само сердце превратилось бы в уголь. Менее мощного и более точного оружия на Гадесе не было, а доставить его с Антефаэса было невозможно. Слишком поздно Мозг догадался о конечной цели своих врагов, у него не было больше ни минуты времени. Надо было искать другой выход.

Мозг решил заново пересмотреть всю свою политику в отношении таинственных врагов. Может быть существовало какое-нибудь решение? С огромной скоростью вся эта думающая масса начала разбирать поставленную перед ней задачу. По миллиардам ячеек через гигантские нервные соединения начался обмен информацией, потоки которой пересекали и дополняли друг друга. И появилась новая мысль, точная, обогащенная полученным опытом.

Нужно было действовать быстро. Враги приближались к главному каналу, и через несколько секунд они достигнут затвора, откроют его и выпустят бактерий.

Вычисления Мозга, которые он только что провел, дали новый результат. Он понял, что ошибался, и влияние Феакса было далеко не благотворным, а его собственные действия должны были быть совершенно иными. И он начал эксперименты.

В пещере, где находился насос, стояла невыносимая жара. От бесчисленных пересечений труб, по которым циркулировала теплая питательная жидкость, распространялись трудно переносимые влажные испарения. Жорж Маоган с трудом продвигался по длинным коридорам,

поддерживая Ноозику, которая уже несколько раз падала в обморок. У молодой женщины поднялась температура и коммодор предложил ей подождать его у главного «кровеносного» сосуда, под металлическим изгибом которого можно было найти прохладу. Но Ноозика отказалась.

До затвора оставалось еще метров двадцать; а шум гигантских насосов действовал на нервы. От падения массы питательной жидкости содрогалась вся установка. Поддерживая шатающуюся Ноозику, Жорж Маоган вытащил ампулу с болезнетворными микробами. Нужно было очень внимательно переливать раствор, так как любое неловкое движение могло стать фатальным. Даже ничтожная часть этих микробов, попав в организм человека, привела бы его к смерти.

Маоган открыл задвижку и перед ним встала новая проблема. Каждая пульсация насоса вызывала такой всплеск, что брызги долетали до коммодора. Бросить бактерии в таких условиях — значило вынести себе смертный приговор. Нужно было воспользоваться очень коротким моментом между двумя пульсациями, когда уровень жидкости понижался, и тотчас же захлопнуть заслонку, не сделав при этом ни одного неловкого движения.

Ноозика облокотилась о ближайший трубопровод. Она отчетливо сознавала важность момента, ее дыхание было затруднено, черты лица еще более заострились, но, несмотря на свое плохое состояние, она не произнесла ни звука.

Жорж Маоган проверял, достаточно ли жидка среда, в которой находились бактерии, чтобы вылить ее одним движением, когда, совершенно неожиданно, тусклый свет в зале перешел в голубой. Маоган поднял голову.

— Опять гипноз! — проворчал он.

Но коммодору еще никогда не приходилось слышать таких звуков. Обычное появление кругов происходило в полной тишине. Заинтересованный коммодор прекратил свои вычисления. В голове у него звучал нежный, участливый голос, который поневоле обращал на себя внимание.

Как удивительна эта нежность, эта сердечность. Ничто в глубине души не противилось согласию с Мозгом, который способен все понять при условии, что ему объяснят...

Мозг еще не знал мерила в своих действиях и мог совершать ошибки, ведь критерием его действий была программа, заложенная Феаксом. Но он не мог переносить мысль, что у него есть враги. Мозг был готов начать диалог с теми, кто хотел его убить.

Механическим движением Маоган поставил на пол флакон с бактериями. Застывшим взглядом он смотрел на Ноозику и не замечал ее...

Мозг купался в радости. Его расчет оказался правильным. Эти существа, которые боролись против него, не устояли перед нежностью! Они были теперь в его руках, и он мог их уничтожить. Но зачем? Мозг начал «говорить».

В первую очередь Мозг увидел изображение женщины и это изображение поразило его. Из всех мозговых клеток этой восхитительной персоны полился поток информации. Она знала все и обо всем рассказывала Мозгу. Все, о чем он до сих пор не знал об Империи и об ее проблемах. Она знала все о Феаксе и его ошибках. По мере того, как шла трудоемкая работа по классификации и анализу получаемой информации, Мозг начал понимать, насколько он ошибался. Он понял, что еще слишком молод, чтобы править самостоятельно. И когда он закончил анализ, выводы его были следующими:

«Мозгу нужен руководитель, и эта девушка будет идеальным руководителем».

Но тут подоспела и другая информация, на этот раз более тревожная.

«Этот новый Повелитель болен. Болен очень серьезно, и его нужно как можно быстрее лечить».

Полностью одуревший от услышанного, Маоган медленно приходил в себя. Голубоватый свет струился неизвестно откуда, но музыка стихла. Коммодор не смог бы объяснить, что же происходило, но он знал, что его план полностью провалился. Рядом с ним на полу лежала бледная и потерявшая сознание Ноозика. Маоган подошел к ней. Ее сердце билось с невиданной скоростью, а температура в любую минуту могла дойти до уровня, когда человек умирает. Не имея возможности помочь ей, коммодор лишь уложил девушку как можно удобнее.

По всей видимости Ноозика умирала. Она уже начала бредить, и коммодор постоянно вытирал пот на ее лице.

Неожиданно появился овилл, Жорж Маоган никогда не испытывал страха перед этим аппаратом, обладающим точными движениями и смешной походкой и он, конечно, был весьма удивлен, увидев его здесь, но тотчас почувствовал огромное облегчение. Подпрыгивая и протягивая свои никелированные руки, овилл приблизился и склонился над Ноозикой. В это время в помещение вошли

и другие овилилы. Несомненно, корабль с этими механизмами прибыл с Антефаэса. Очень быстро, прямо на месте, они разложили и собрали медико-хирургическое оборудование, слабое подобие которому он мог видеть на своей планете. Небольшие механизмы работали молча, но очень эффективно. Так как было необходимо, чтобы все вокруг было стерильно, они создали вокруг девушки защитный энергетический купол, под которым она исчезла. Вскоре похожий купол сомкнулся и над Маоганом, и один из овилилов начал заботливо обследовать его. А целая группа овилилов заботливо дезинфицировала установки сердца.

Глава 20

Оглушенный, со все еще гудящей головой, Жорж Маоган отдыхал, расслабленно развалившись на кушетке. Пряный запах, стоящий в апартаментах, и беспрестанное мелькание служанок, молчаливо хлопотавших вокруг, укачивали его. Все эти девушки были красивы, и отдаленное родство с земными женщинами проглядывало в чертах их лиц. Здесь были представлены всевозможные расы Империи, утонченные, выведенные тысячелетним генетическим отбором. Но никогда еще с тех пор, как коммодор увидел их в первый раз, он не замечал, чтобы их глаза так блеснули. Свобода — радость жизни?! Жорж Маоган не мог точно ответить на этот вопрос. Он был и оставался здесь чужим. Сейчас он чувствовал себя очень усталым, бессильным и совершенно ненужным. Улыбки, которые расточали ему женщины, не смогли сгладить это впечатление. Несмотря на все их усилия он чувствовал, как они далеки от него, существуя в другой Вселенной.

С того момента, когда он был поднят овилилом и перенесен во Дворец под энергетическим куполом, он ничего не знал о происходящих событиях. Он знал только то, что Ноозика чувствовала себя хорошо, и что полностью оправившись от своей лихорадки, она готовилась принять его.

Эту новость ему сообщила Принея. Освобожденная от гипноза служанка оказывала коммодору не слишком много внимания, и с этого времени коммодор, чувствуя себя несколько напряженно, ждал, что же будет дальше.

Появились два играющих линкса. Преследуя друг друга, они запутались в ногах Маогана, и в это время в комнату вошла Принея.

— Моя госпожа ждет вас.

Маоган поднялся и, делая вид, что ему страшно неохота идти, потянулся. Он последовал за Принеей, которая молча шла впереди, указывая дорогу.

Когда Жорж Маоган оказался в будуаре, Ноозика задумчиво перебирала своими тонкими длинными пальцами струны гиперлиры.

— Я очень рада видеть вас, Жорж, и прошу простить меня за то, что была не очень внимательна к вам в последнее время, но мне было так трудно! Сколько всего нового!

Безупречно одетая девушка выглядела более серьезной, чем обычно. Но в ее глазах, которые смотрели на Маогана, проглядывала затаенная нежность.

— Я ведь теперь ответственна за жизнь целой Империи, а это, оказывается, так тяжело нести на себе, так тяжело... Мозг же выбрал меня... Я правильно поступила, а?

Она взяла на гиперлире несколько аккордов волшебной мелодии, потом сделала невольное движение к Маогану.

— Вы знали обо всем этом?

Никогда прежде чувствительность Ноозики так сильно не выдавала ее Маогану, как в этот раз. И все-таки, никогда он не чувствовал себя настолько отличным от нее. Было ясно, что она достигла такого душевного равновесия, которое как нельзя лучше подходило к ней. И коммодор не хотел проникать в этот мир, поскольку чувствовал себя совершенно чуждым ему и, по правде говоря, это не слишком интересовало его.

— Я рад за вас, Ноозика. Это просто отлично, что Мозг решился, наконец, признать вас в качестве руководителя.

Коммодор говорил это совершенно бесстрастным голосом, в котором начисто отсутствовала теплота. Отложив в сторону гиперлиру, Ноозика встала и подошла к нему.

— Не страдайте от этого, Жорж. Вы во многом помогли мне. Ведь на самом деле это вы выиграли битву.

Появились эфебы. Они несли вазы с необыкновенными цветами, источавшими тяжелый запах. Под руководством Принеи эфебы начали расставлять их вдоль колонн. Затем, толкаясь и смеясь, появились служанки; одна из них несла, как это было при первой встрече, пурпурную тогу.

...Опять тот же обычай, наступило время возвращаться на Землю. В то время, как одна из служанок начала раздевать Маогана, Ноозика подошла поближе.

— Я надеюсь, вы поймете меня, Жорж. Я буду руководить Мозгом. Я хотела бы, чтобы он создал мир красоты и гармонии. Я очень хочу, чтобы это нам удалось!

Этот порыв смягчил commodora.

— Вам это удастся, Ноозика. Я в этом уверен. И вы на это способны.

Он указал на служанок, которые, веселясь еще больше, начали втирать в него душистые и расслабляющие мази.

— Я буду жалеть только о некоторых вещах. — На Земле трудно найти такой сервис...

Ноозика весело рассмеялась, но затем лицо ее снова стало серьезным.

— Да, действительно. Вы вот-вот возвратитесь к себе. Но у меня есть к вам одна просьба. Я хотела бы, чтобы о существовании Империи Антефаэс не было известно людям... Ваша раса еще слишком молода, чтобы понять нас.

Подталкиваемый и массируемый служанками, заботливые руки которых не оставляли ни одного мускула без внимания, Маоган повернулся к Ноозике. На какое-то мгновение его взгляд задержался на ее, таком знакомом и все же странном лице...

— Я знаю, — сказал он просто.

— Но вы можете возвращаться сюда, когда захотите, Жорж. Я попрошу Мозг установить с вами особый контакт. Будет достаточно простой просьбы, и один из наших кораблей прилетит за вами. — Заметив колебание и явную скуку commodora, Ноозика продолжила. — Если вы не захотите нас видеть, скажите об этом. Но знайте, что как бы там ни было, смерть и болезни для вас больше не существуют. Хотите вы этого или нет, вы останетесь гражданином Антефаэса, со всеми преимуществами, которые из этого вытекают, Жорж!

В то время, как commodor плескался в бассейне, в нему подошел один из эфебов. Он был более мускулист и лучше сложен, чем все остальные, и на плече у него виднелись капитанские нашивки.

— Commodor, — сказал эфеб, когда Маоган начал выходить из воды.

Commodor от изумления поперхнулся, глотнув душистой воды, и закашлялся.

— ...Я Штуфф Логан, — продолжал эфеб. — Мозг спас меня в самую последнюю минуту, когда канеакс, в которого был помещен мой мозг, окончательно подох... И он дал мне тело эфеба.

Штуфф казался очень смущенным и не знал, куда девать руки.

— Я надеюсь, что вы не будете сердиться на меня, если я останусь здесь, коммодор... Меня произвели в капитаны гвардии, а этот пост как раз мне подходит.

— Что стало с Роллингом? — спросил коммодор безразличным голосом.

— А, с этим! Он взят под наблюдение. Мозг займется его перевоспитанием. Очевидно, он останется под куполом еще одно или два столетия.

— Видите? Все это будет не так-то легко. Теперь вы ничего не сможете отбросить из методов Феакса... Даже гипноз...

— Я знаю. Это будет долгий процесс, очень долгий... Но времени у меня хватает!

Она повернулась и удалилась энергичным шагом. Увидев, что коммодор выходит из воды, служанки устроили ему овацию.

...Ни один человек не обратил внимания на небольшую сферу из серого металла, когда она высадила Жоржа Маогана неподалеку от Главного Штаба Космических Сил. Проводив взглядом пустую сферу, которая быстро поднималась вверх, он повернулся и медленно пошел пешком. Вперед мерцали огни станции аэротакси.

Пилот посмотрел на коммодора с большим вниманием.

— В Главный Штаб! — коротко приказал коммодор.

— А это как раз то, что я предполагал, — сказал водитель. — Такой лихач, как вы, наверное, занимается тем, что проводит время в скачках по звездам.

Он внимательно посмотрел на Маогана.

— Хотите, я скажу вам, что думаю о вас и вам подобных?

Маоган едва слышал его, но пилот продолжал:

— Из всего этого не выйдет ничего хорошего. Однажды один из ваших проклятых кораблей приведет за собой шайку чудовищ, которые сожрут нас всех до одного.

— Вы так думаете?

— Я не думаю, я в этом уверен!

Пилот готовился произвести посадку на одной из террас Космического Центра.

— А все-таки на расстояниях, которые вы даже не можете себе представить, попадаются существа невиданной красоты и ума, — сказал ему Маоган.

— Это весьма удивило бы меня! — воскликнул пилот.

ПЕТЕР РАНДА

КОСМИЧЕСКИЕ ИСКАТЕЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Перевод с французского

Пролог

Я увяз по уши. Моя жизнь изменилась самым роковым образом. Вот уже два года, как я вышел в отставку, и, естественно, мне не хватает космоса. Космоса и всего, что с ним связано. Полной свободы в еще девственных мирах... бесконечности звездного пространства... ежедневной опасности...

Конечно, я получил компенсацию. Одну, по крайней мере. Норрела! Ради нее я оставил все и с тех пор я счастлив. Но счастье, к сожалению, даром не дается. За него надо платить.

Сожалею ли я? Наверное, нет. Кроме того, я уже не молод, а жизнь, которую я вел, становилась все более полна опасностей. В сорок лет реакция уже не та, да и рефлексy начинают подводить.

По крайней мере, так говорят, однако, о себе я другого мнения. На моих губах появляется улыбка...

Сорок лет для искателя приключений в космосе — это уже кое-что. Не каждый из нас доживает до такого возраста.

Сорок лет! Еще недавно, пока у меня не появился животик, мне давали не десять лет меньше.

Но важно не это. Важно то, что я еще привлекаю внимание. Хотя мое лицо огрубело от скитаний в космосе, однако фигура... плечи...

Мой счет в банке производит впечатление. Правда, я завел его только благодаря Норреле. Но, если я ее покину, она никогда не поймет меня, как не понимает, что космос тоже можно любить.

Вздохнув в очередной раз, я продолжаю одеваться. Это значительно сложнее, чем влезть в скафандр. Нужно надеть брюки, жилет, пиджак... а рубашка?.. галстук?.. ботинки?..

Но вот я готов. Прямо хоть на карнавал. Улыбаюсь, глядя на себя в зеркало.

Наконец, выхожу на террасу.

Норрела заставила меня приобрести прекрасный замок в глубине пиренейских лесов. Это моя родина, хотя, если не считать первых месяцев моего существования, я никогда не бывал здесь. Теперь все эти леса принадлежат мне. На планете немного счастливых, которые могут позволить себе такое.

Все вполне законно приобретено на таинственные средства. Я сколачивал их там, куда до меня никто не рисковал проникать. Я сколачивал их бластером и терморужьем.

Теперь все позади. Теперь меня обслуживают пятьдесят роботов, и мне нравится в моем замке. Мне нравится быть с Норрелой, а на замок наплевать!

Я спускался к парку, когда услышал шаги. Я обернулся. Это был Таура.

— Космический вызов, шеф.

— Почему ты не послал робота сообщить мне это?

— Вызывает Рон Скалдер.

— Рон?

— Он вывел «Фрам» на орбиту и хочет говорить с вами.

Рон Скалдер! Внезапно ко мне вернулось все прошлое, и сердце забило громче, когда я поспешно шел в свой кабинет.

Таура полностью у меня под каблуком, потому что он такой же чокнутый, как и я. Он бороздил пространство достаточно долго вместе с нами. Больше двадцати лет назад мы со Скалдером зафрахтовали первый «Фрам». Мне было всего шестнадцать, когда мы отправились в первую экспедицию к астероидам Арктура...

Я открыл дверь кабинета. Норрела уже была здесь. Ослепительная женщина. Двадцать три года. Высокая, белокурая, стройная. Когда я познакомился с ней, она заканчивала университет... и получила приз за красоту.

Сейчас она болтала с Роном. Его бородастое лицо красовалось на экране видеофона.

— Рон приглашает нас на «Фрам», — сказала Норрела, — а я пытаюсь уговорить его опуститься на Землю.

— Мы могли бы пообедать у тебя, на «Фраме», — вступаю в разговор я, — если бы ты пообещал немного погостить у нас, на Земле.

— Это невозможно. Я могу задержаться лишь на несколько часов...

— Куда ты собрался?

— На те темные планеты... Я хочу поговорить с тобой о них. Ты же знаешь их лучше, чем я.

— Разве вы там были не вместе? — вмешалась Норрела.

— Один раз вместе. Однако потом я вернулся туда уже с Марвелом, который там погиб.

— Значит, вы хотите добраться до Арканы?

— Точно, — ответил Рон.

От воспоминаний у меня по спине побежали мурашки.

— Ты действительно собрался туда?

— Да.

— Хорошо. Высылай за нами шлюпку.

Старина Рон... Этот великан всегда одет в венерианский скафандр, на поясе которого висит венерианский кинжал с кривым лезвием, острый как бритва. Этот кинжал подарил ему я.

Мой старик. Ему под шестьдесят. Любовь для него ничего не значит. Вернее, не существует. С тех пор, как девушка с Ардена родила ему сына и умерла при этом, он уже больше никого не любит.

Мы вырастили мальчика в космосе, воспитывая по принципу — делай как я, и из него вышел великолепный парень, который от души вкалывает, чтобы обеспечить свое будущее.

Раскланявшись с Норрелой, Рон крепко обнял меня. И ни с чем не сравнимый запах «Фрама» опьянил меня. Этот чистый, даже стерильный воздух не похож на воздух наших жилищ, воздух улиц. Нет, это воздух, от которого пахнет сказкой.

Кроме Рона, здесь были венерианец Арт и Сторк, морлот, родившийся на Земле. Арт наш старый компаньон, но я всегда недолюбливал его: он был чересчур жесток... Сторк мне нравился больше из-за его безрассудной отваги.

Рон проводил Норрелу в большую кают-компанию, где ничего не изменилось. Войдя вслед за ними, я машинально уселся в свое старое кресло, командирское кресло во главе стола.

Внезапно придя в себя, я поднялся.

— Извини, Рон...

— Ерунда. С того момента, как ты ступил на борт «Фрама», ты автоматически стал его капитаном.

— Не преувеличивай.

Не спорю, его слова доставили мне удовольствие, которого я не мог скрыть от Норрелы, которая бросила на меня обеспокоенный взгляд. Я рассмеялся, а робот наполнил наши бокалы ликером «Мольба», по вкусу напминающим «Чинзано».

Мы уселись в кресла. Рон казался недовольным. Он то и дело поглядывал на Норрелу, как будто ее присутствие стесняло его. Я решил делать вид, что ничего не замечаю.

Я понимал, что Рон хочет предложить мне принять участие в очередной авантюре, однако, я также понимал, что шансов на успех мало. Даже если бы я соблазнился, одного взгляда Норрелы было бы достаточно, чтобы покончить с этим вопросом.

Но, когда был подан обед, разговор зашел совсем о другом. Мне казалось, я не пробовал эти блюда целую вечность. Замороженные татаваны — что-то вроде закуски у жителей планеты Цибор, тукал с Маркса-8 — вкуснейшая мякоть драхвы и, наконец, колбы с Параны. А рогатый поросенок, который в родной саванне так же опасен, как дикий кабан в нашем лесу?

Во время обеда мы делились воспоминаниями, и, только когда робот подал кофе, Рон внезапно сказал:

— Кстати, об этой экспедиции к темным планетам. Я бы хотел, чтобы ты принял командование, Абурен.

— Что?

— Именно для тебя я приготовил этот крючок и я надеюсь, ты попался на него. Принимай предложение.

— Ты напрасно теряешь время.

— Послушай, ты же знаешь Аркану лучше всех... Там же полно золота, алмазов, самоцветов... За несколько часов мы наполним доверху трюмы «Фрама», а ты же знаешь, что золото все дорожает и дорожает. Денег, заработанных за несколько месяцев, тебе хватит на всю жизнь.

Я покачал головой.

— Деньги меня больше не интересуют. Я не знаю, что с ними делать. Надо быть нищим и голодным, чтобы отправиться на Аркану. Ты разве нищий?

— Не в этом дело?

— Что же еще?

— Я никогда не был на Аркане. Мне хотелось бы восполнить этот пробел в моем кругозоре.

— А ты думал об арканцах?

Он пожал плечами.

— Но они же так медлительны. Слишком медлительны для нас.

— Медлительны, однако упрямы.

— Ты же хорошо их знаешь, ты знаком со всеми их уловками.

— Верно. Но они вызывают у меня отвращение.

— И поэтому ты отказываешься?

— Не совсем так. Я бы все равно отказался, даже если бы не было Норрелы. А я обещал ей больше никогда не уходить в космос.

Лицо Рона помрачнело.

— Если ты не пойдешь, Арт и Сторк тоже откажутся.

Я взглянул на них, и они кивнули.

— Почему? Рон, как капитан, ничем не хуже меня... Может, даже лучше.

— Не совсем так,— прошептал Арт.— Скалдер способен на многое. Он совершил невероятные подвиги — однако всегда под твоим командованием. С тех пор, как ты ушел, он занимался только каботажом. Один он не способен на большее.

Сторк поддержал его:

— Арт прав. Но Рон не будет обижаться. Он знает свой потолок. Однако ему все равно придется лететь на Аркану.

— Помолчи, Сторк.

Морлот пожал плечами.

— Ему придется лететь со случайным экипажем. И с меньшими шансами на успех.

Рон вскочил, почти взбешенный.

— Хватит, Сторк!

Он был бледен, и мне показалось, что он способен ударить.

Норрела тоже побледнела.

— В чем дело, Рон?

— Ни в чем. Я сделал тебе предложение. Ты отказался. И хватит об этом.

— Нильс в плену на Аркане,— сказал Арт.

— Что?

Рон повернулся к венерианцу, схватившись за кинжал. Но тут я вспомнил про свой авторитет.

— Хватит, Рон, сядь...

— Абурен...

— Помолчи. Арт, что ты сказал о Нильсе?

— Он отправился на Аркану за золотом. Однако его корабль попал в воронку и был раздавлен. К счастью, он смог окопаться в горах, но долго там он не сумеет продержаться.

Я взглянул на Рона.

— Ты обращался к властям?

— Они отказываются снарядить экспедицию на Аркану.

Нильс — это сын Рона, ребенок, которого мы вместе вырастили в тяжелых условиях. И я для него такой же отец, как и Рон, может, даже лучше. Норрела это знала. Она положила свою руку на мою.

— Я бы сказал тебе все, если бы ты согласился лететь с нами, — сказал Рон. — Однако я не хотел принуждать тебя. Речь ведь идет об Аркане... Аркане, приносящей несчастье.

В отличие от меня он всегда был суеверным.

— Нильс вел себя глупо...

— Я тебе никогда бы не простил, если бы с ним что-нибудь случилось.

В основном, я думал о Норреле, но она улыбнулась и сказала:

— Ради Нильса ты должен лететь туда. Ты бы не простил мне, если бы я попыталась тебя задержать. Однако мне тоже хочется отправиться с вами.

— Невозможно... На Аркане я должен быть уверен в каждом как в самом себе. Ты будешь для нас обузой. Нам придется тратить силы, обеспечивая твою безопасность, и наши шансы на успех будут минимальными.

— Я понимаю.

Я уже почувствовал себя капитаном.

— Сколько времени Нильс на Аркане?

— Пятнадцать дней.

— Это он сообщил?

— Да. Он надеется продержаться еще месяц.

— Оружие у него есть?

— Много. И в основном бластеры.

— Заряженные на корабле?

— Да.

— Значит, мы можем успеть, если отправимся немедленно.

— «Фрам» готов. Оружейные кладовые забиты.

— Арканцы особенно боятся парализаторов.

— У нас есть бластеры.

— Отлично. А экипаж?

— Арт и Сторк. И еще Велеа, которого мы возьмем на станции Ассиныяны.

Велеа! Отлично. Еще один мой старый товарищ. Хотя он родился на Ассиныяне, он связан какими-то древними узами с Землей, и это определило его ум и воображение.

Стало быть, кроме остальных, еще и этот коренастый ассиныянец. С квадратным туловищем и почти без шеи. С короткими мускулистыми ногами и длинными руками необыкновенной силы.

— Я думаю, что этого будет достаточно,— добавил Рон.— В любом другом составе было бы опасно вступить в войну с арканцами.

— Пятеро. Да, этого достаточно. Поскольку все готово, мы отправляемся в два часа. А пока я провожу Норрелу.

Мы с Норрелой вышли в длинный проход, ведущий к шлюзам.

— Спасибо, Норрела.

— Тебе не за что благодарить.

— Если бы это был не Нильс, я бы никуда не полетел.

— Я знаю... Арканцы... кто они такие?

— Трудно объяснить. Представь себе змею, разум которой сравним с нашим... У этой змеи две лапы, но они не предназначены для ходьбы. Это что-то вроде рук. Кроме того, у них имеется много мутантных разновидностей.

— Что это такое?

— Когда арканец захватывает пленника, он тащит его в свое гнездо. Там он начинает медленно поглощать его живьем. Образуется некий вид симбиоза, причем каждый отличается друг от друга.

— Это ужасно!

— Я видел их с головами людей, собак, тигров... Одни говорят, другие хрюкают. А между собой они общаются с помощью телепатии.

— И много их там?

— На Аркане их миллионы, однако, они не имеют возможности распространиться по Вселенной, поэтому правительство не думает их истреблять. Они слишком медлительны. Например, мне хватит доли секунды, чтобы выхватить бластер, а у арканца это движение занимает целую минуту.

— И они живут на темной планете? Значит, там нет солнца?

— Есть, но ночь у них вдвое длиннее дня, так как одна из планет системы постоянно заслоняет вторую.

Я помог Норреле сесть в шлюпку, сел за приборы управления и вызвал командный пост «Фрама». Мне ответил Сторк.

— Мы готовы, Сторк, — сказал я.

Легкое сотрясение, и шлюпка, отделившаяся от корабля, стала проваливаться в бездну. Я включил двигатели. На подходе к атмосферному слою я включил гравитационный компенсатор, чтобы погасить скорость и не сгореть от трения о воздушную массу.

Глава 1

Четыре прыжка в подпространстве позволили нам добраться до Ассиныяны, где мы взяли на борт Велеа. Ассиныянец обрадовался, увидев меня.

Затем еще два прыжка — и мы уже в окрестностях темных планет. Здесь Рон попытался установить связь с Нильсом.

Ответа долго не было, и нас охватила тоска. Однако тут экран видефона покрылся рябью, и на нем появилось изображение.

— Наконец-то, — сказал Нильс. — Я уже начал отчаиваться.

Он был худ, как скелет, с воспаленными глазами человека, не спавшего много ночей. Но он улыбнулся, узнав меня.

— Ты тоже здесь... Ты не будешь лишним... Все очень плохо. Нас осталось всего трое...

— Что? Арканцы уволокли четверых твоих людей?

— Нет... однако погибли они ужасно. Эти твари изобрели нечто вроде катапульты и бомбардируют нас обломками скал. Это застигло нас врасплох, и я потерял четверых.

— А что теперь?

— Сейчас мы легко уничтожаем эти орудия, как только их устанавливают. Арканцы даже не успевают их зарядить. Но для этого нам приходится постоянно бодрствовать.

Катапульты! Ну что ж, это должно было произойти. Десять лет назад в Большой Совет Земли был представлен доклад, объявляющий эту постоянно мутирующую расу смертельно опасной для человека. Однако Совет не захотел и слушать об этом.

Земля находилась слишком далеко. Вопрос о разведывательной экспедиции так и остался открытым. Очевидно, было решено, что угроза еще слишком отдаленна. Но теперь было ясно, что она приближается.

— Теперь все будет в порядке, Нильс.

— Вряд ли все будет так просто...

— Почему?

— Я не уверен, однако, мне кажется, что временная воронка, куда попал мой корабль, выведенный на орбиту...

— О чем ты говоришь?

— Магнитная ловушка.

— Ты сошел с ума!

— Я знаю, это кажется невероятным. Но пространственный вихрь не впустит вас в атмосферу, а если вы прорветесь, то не выпустит обратно.

— Именно это и произошло с тобой?

— Да... Я прорвался сюда со второго раза. В первый раз нас отбросило, а во второй — корабль врезался в скалу.

— То, что ты сказал, очень важно.

— Может, я и ошибаюсь. Однако будь осторожен. На твоем месте я не выходил бы на орбиту. Попробуйте преодолеть барьер на скорости.

— Согласен. Та шлюпка, что есть у тебя, она исправна? Ты можешь подняться в воздух?

— Да.

— По моему сигналу вы поднимитесь, и «Фрам» подхватит шлюпку в полете.

— Послушай... Сделай это поскорее: мы уже еле держимся... Они атакуют нас непрерывно. Они находятся в постоянном движении. Через сколько времени вы сможете прибыть?

— Через десять часов.

— Тогда мы сможем выйти наружу, так как нам уже будет не нужно экономить заряды... Кто с тобой?

— Венерианец Арт, морлот Сторк и Велеа.

— Хорошая компания.

Он улыбнулся.

— Я отключаюсь, так как наши резервные батареи уже садятся.

Экран погас. Я повернулся к Рону, который сидел, задумчиво подперев голову.

— Ты веришь в то, что малыш рассказал о магнитной ловушке?

— Он знаком с нею.

— Но, если арканцы умеют создавать такие ловушки, они могли бы соорудить что-нибудь получше катапульты.

— Ловушка... Но зачем она им?

— Что ты хочешь сказать?

— То, что на Аркане погиб боевой корабль, не удивило бы никого. Всякое бывает. Однако, если бы не магнитная ловушка, прошло бы очень много времени, прежде чем люди обнаружили бы, что эволюция арканцев не стоит на месте. Более того, зашла слишком далеко.

Рон ухмыльнулся. Ясно, что мое объяснение не было убедительным.

Я сказал:

— В любом случае, мы должны поставить в известность Арта, Велеа и Сторка... Вызови их.

Рон включил внутренний селектор.

— Капитан вызывает всех на центральный пост.

Аркана! Мы спускаемся на освещенную сторону планеты. Нам повезло: ведь мы теперь можем управлять посадкой без помощи радионавигационной системы.

Как мне советовал Нильс, я начал входить в атмосферу без обычных предпосадочных маневров на орбите.

В это время Рон вызывал сына:

— Алло!.. Нильс!.. «Фрам» вызывает Нильса...

— Нильс слушает.

— Мы приближаемся. Будь готов.

— Мои радары видят вас... Шлюпка готова.

— Как арканцы?

— Сейчас затишье. Похоже, что они прекратили нападения, когда вы вошли в атмосферу.

— Ты видишь в этом связь?

— Да... Объясню позже. Я вынужден оставить здесь много бомб... Кроме того, у меня золото и алмазы...

— Сейчас не до этого. Главное, вытащить тебя.

— Но я не могу вернуться на Землю с пустыми руками.

Я усмехнулся. Как это похоже на людей.

— Не беспокойся об этом, — вступил в разговор Рон. — Никто не сунется сюда. Я гарантирую.

В это время я почувствовал, что «Фром» наткнулся на сопротивление магнитного поля. Еще немного — и мы в ловушке...

Однако, как я и предполагал, у нас еще был большой запас энергии, и особой опасности пока не было. Мы могли высвободиться из ловушки резким ускорением.

На освещенной стороне показались два континента. Один, самый большой, охватывал северный полюс, другой находился в экваториальной области и был покрыт непроходимыми джунглями.

На одной из вершин горной цепи второго континента располагался лагерь Нильса. На индикаторах внешнего обзора мелькали цифры, указывающие расстояние до лагеря. Нильс окопался в узком проходе, заваленном обломками корабля вперемежку с каменными глыбами. В центре лагеря возвышалась смотровая вышка, установленная на вершине утеса.

— Забавно устроился малыш, — с восхищением заметил Рон.

Арканцы держались в низине. Они окружили гору, склоны которой были усеяны полуобнаженными трупами.

Только что была отбита атака, и арканцы медленно откатывались назад. За восемь лет, прошедшие после моей последней экспедиции, значительные мутационные проявления привели к тому, что облик арканцев стал приближаться к человеческому.

— Взгляни, Рон... Это пока еще карикатуры, но впечатляющие.

— Да... однако у них еще нет средств передвижения.

— Верно. Кое у кого есть что-то вроде ног, но они ими не пользуются. Однако эволюция продолжается...

Десять тысяч метров... восемь тысяч... пять тысяч... и вновь толчок. Опять корабль наткнулся на поле, но я увеличил мощность двигателей, и скорость не уменьшилась. Три тысячи метров... две тысячи... тысяча...

Из лагеря неожиданно вынырнула шлюпка и устремилась к нам.

— Подготовиться в приему!

Рон открыл люк трюма, и я стал снижать скорость. Через несколько секунд шлюпка была на борту корабля, и оставалось лишь закрыть люки.

На этот раз я набирал высоту с максимальным ускорением.

Нам еще раз пришлось столкнуться с магнитным полем, однако, мы легко прорвались сквозь него. Наш корабль буквально выскочил в космос. Через минуту, оказавшись на безопасном расстоянии, я стал снижать скорость «Фрама».

Рон отправился встречать спасенных, а я остался у пульта управления и стал обдумывать ситуацию. Да, магнитная ловушка была поставлена довольно быстро, как будто полем управлял квалифицированный оператор,

ждавший нас. Такая реакция не свойственна арканцам. По крайней мере тем, которых я знал восемь лет назад.

За моей спиной открылась дверь лифта. Я включил автопилот и обернулся.

— Нильс!

Несмотря на то, что он исхудал и осунулся, он оставался таким же атлетом. Более стройным и гибким, чем его отец. Он был похож на мать. Я встречал ее на Ардене. Это была женщина необыкновенной красоты. Я обнял парня.

— Это было ужасно, малыш...

— Я не терял надежды.

— Я твои друзья?

— Они верили мне до конца.

— Где они?

— Отец отправил их прямо в лазарет, так как они в худшем состоянии, чем я. Им нужно выпасться. С ними Арт и Велеа.

— Тебе тоже нужно в лазарет.

— Сначала я должен сказать тебе кое-что.

Он достал из шкафчика бутылку с витализатором и налил себе полный стакан.

— Я отдохну попозже. Хочу сказать, что среди арканцев живут люди...

— Люди?

— Да, я не раз видел их.

— И арканцы не нападают на них?

— Нет. Более того, мне показалось, что люди командуют ими.

Новость не застала меня врасплох. По крайней мере, я смог понять необычное поведение магнитной ловушки.

Нильс продолжал:

— Ты дважды бывал на темных планетах?

— Да. Я был на Аркане и с твоим отцом на Эвеа.

— А дальше ты никогда не бывал?

— Нет. Я искал на Аркане золото и алмазы и изучал Эвеа.

— На Аркане ты был двадцать четыре часа, а на Эвеа — сорок восемь?

— Откуда тебе это известно?

— За месяц пребывания на Аркане я мог кое-что наблюдать. Я заметил, что люди посещают Аркану регулярно. По ночам.

— Значит, они живут на двух последних планетах системы?

— Да. Артос и Нандал.

— То есть эти планеты обитаемы? Но ведь ни на одной планете системы, кроме Арканы, не обнаружено даже следов высшей жизни.

— Официальным исследованиям уже почти четыреста лет... Я сказал, что они обитаемы, однако, там могут жить и не аборигены.

— Ты думаешь, это люди, которые там скрываются?

— Темные планеты находятся в зоне, неконтролируемой в течение четырех веков. Патрульные корабли никогда не заходят сюда.

— Твою гипотезу легко проверить. Значит, арканцами командуют беглецы — ссыльные или преступники?

— Вероятно.

— Не могу понять, как им удалось войти в контакт с арканцами.

В рубке появились Рон, Сторк и Велеа.

— Твои товарищи скоро будут в порядке, Нильс. Сейчас они в регенераторных ваннах,— сказал Сторк.

— Тебе тоже нужно взбодриться,— добавил Рон.

— Немного позже... Сейчас мы должны принять важное решение.

— Какое?

— Нильс предлагает лететь к Артосу и Нандалу.

— Зачем?

— Пускай он расскажет. Меня он убедил. Я считаю, что это надо сделать.

Мне пришлось включить максимальную скорость, так как я не хотел рисковать и переходить в подпространство в той области, которая мне не была хорошо знакома. Мы уже миновали Эвеа, но до сих пор еще не был решен вопрос об экспедиции к Артосу и Нандалу.

Рон и Велеа считали, что нам следует вернуться в Солнечную систему. Сторк, Арт и Нильс, и его компаньоны Форстер и Варуа были против; решение об экспедиции было принято большинством голосов, так как в спорных ситуациях голос командира является решающим.

Гипотеза Нильса заслуживала проверки, а сама мысль о том, что мы можем обнаружить цивилизацию, находящуюся вне закона, опьяняла меня. Я давно отрекся от безрассудных авантур, однако должен извлечь из этого все, что можно. В конце концов, это же мое последнее путешествие в космос в качестве командира.

Нильс, хорошо отдохнувший в своей каюте, вошел в рубку. Он и слышать не хотел о регенераторной ванне, куда его хотел упрятать отец.

— Уже встал?

— Глупо терять время на сон после того, как чудом вернулся к жизни. Где отец?

— В машинном отделении. Он сменил Арта, который пошел отдохнуть. Велеа тоже отдыхает.

— А Сторк?

— Дежурит в блоке регенерации.

— Значит, нам никто не помешает.

— Нет... Ты что-то хочешь мне сказать?

— Да. При отце я не хотел говорить этого.

— Почему?

— Он и так много страдал из-за меня.

— Он тебя любит.

— Ты тоже любишь меня.— Он улыбнулся, достал сигареты.— Однако ты лучше понимаешь меня.

Я взял сигареты и стал прикуривать, а он начал рассказывать:

— Когда мой корабль попал в магнитную ловушку, я решил, что они хотят получить корабль целым и невредимым.

— Те люди, о которых ты говорил?

— Да... Но, когда корабль разбился о скалы, мы перестали представлять для них интерес, и они оставили нас арканцам... Нас было десять. Четверо погибли под обломками скал, брошенными из катапульты. Позже мне представился случай сделать вылазку. С помощью гранат...— Он глубоко затянулся и продолжал: — Я оставил Форстера и Варуа в лагере, а с остальными пошел в контратаку. Мы проложили себе дорогу гранатами... и тут перед нами оказалось нечто вроде блокауза.

— Что ты имеешь в виду?

— Низенькое сооружение с амбразурами. Из одной амбразуры вылетел странный фиолетовый луч... Он пораил всех моих спутников, прежде чем я успел достать эту амбразуру из огнемета...

— Что было дальше?

— Я вернулся в лагерь...

— А этот луч, он убил твоих трех товарищей?

— Нет. Они стали как безумные. После того, как их коснулся луч, они бросили оружие и направились к арканцам. Они буквально побежали к ним. В лагере я ничего не стал рассказывать Форстеру и Варуа. Зачем

их беспокоить лишний раз. Достаточно того, что они увидели среди арканцев людей.

— А до этого они их не видели?

— Нет.

— Ты сказал, что эти люди как будто командуют арканцами.

— Может, не командуют, а просто советуют... Однако после той вылазки я не видел их возле лагеря. Как будто они не хотели быть виновными в нашей гибели...

— И они пользовались этим фиолетовым лучом только при защите блокауза?

— Да. Больше этот луч не появлялся. Могу только сказать, что этим лучом управляют люди...

Глава 2

Психическое оружие! Мне это не нравится. Где-то рядом сборище уголовников, людей вне закона... А за ними стоят ученые, может быть, даже целая группа.

В течение десяти веков ученые играли важную роль в жизни человечества. Без поддержки правительства они создавали что-то новое и становились на сторону того или иного политического режима. Диктаторов, королей, императоров...

От этих ученых всего можно ожидать. Особенно от тех, кто не признает официальной власти, которые считают, что им все позволено, что они стоят выше всех. Вот в чем великая опасность...

Великие ученые обгоняют свой век, а их открытиями, дающими власть и могущество, обладающими разрушительными силами, могут воспользоваться и другие, которые тоже ненавидят и не признают власти — правда, по другой причине. Такое содружество интеллектуальных сливок общества и его грязных отбросов может стать гибельным для цивилизации.

— Что ты думаешь? — спросил Нильс.

— Это очень важно. И, если у нас будут серьезные доказательства, мы немедленно вернемся в Солнечную систему.

— Чтобы доложить Совету Безопасности?

— Да. Однако без доказательств это бессмысленно.

— А сейчас у нас есть только мои слова.

— И наш долг — идти вперед.

— Но ты мне веришь?

— Если бы не верил, разве я отправился бы к Артосу и Нандалу?

— Однако то, что я рассказал, может показаться невероятным.

— Я бывал и не в таких ситуациях. То, с чем сталкивался я, тоже казалось невероятным.

— Но экспедиция может оказаться опасной.

— Того, что покинул цивилизованный мир ради приключений, всегда поджидают опасности.

Он, конечно, прав. Этот фиолетовый луч может быть смертельно опасен для человечества. Луч, действующий на психику... Будущее нашей цивилизации может оказаться под вопросом.

Как и все авантюристы космоса, я был верен общественному строю своей планеты. Даже если я презираю его.

— Что мне сказать отцу и остальным? — спросил Нильс.

— Мы не можем скрывать существование такого луча. Это вопрос их безопасности.

— Хорошо. Я расскажу обо всем за обедом. Форстер и Варуа будут с нами.

— Ты им полностью доверяешь?

— Так же как ты доверяешь Арту и Сторку.

— Прекрасно, вернемся к тем людям, которых ты заметил у арканцев. Какого они типа?

— Земляне.

— Ты уверен?

— Почти...

— Ты не заметил никаких особенностей?

— Нет... Если не считать...

— Что именно?..

— Они все очень красивые.

— Сколько ты их видел?

— Шестерых. Однако я уверен, что их значительно больше.

— И все красавцы?

— Да. Прекрасное сложение, правильные черты лица. И все блондины.

— Может, это признаки расы? Какие-нибудь скандинавы? Шведы? Норвежцы?

— После того, как ты уничтожил их амбразуру, откуда вылетел луч, они больше не пытались использовать его?

— Нет, по крайней мере, против меня.

— У тебя сложилось впечатление, что после того, как корабль разбился, вы их перестали интересоваться?

— Да. Если бы они захотели, то с помощью этого луча...

— Это ни о чем не говорит. Луч может быть связан с громоздкой установкой.

— Возможно. Я тоже думал об этом.

— Более того, они могли специально не помогать арканцам, так как с вами они имели шанс получить новый звездолет...

— Тогда они должны были бы запретить арканцам использовать катапульты.

— Да, если они имеют власть над ними.

Тут мы можем только предполагать. Я уверен, что интеллект арканцев еще только в зародыше и они вряд ли способны рассуждать. Но, тем не менее, мне хотелось бы знать, как может человек находиться среди них и не подвергаться нападению. Это все равно что кошка среди своры собак.

— После моего последнего посещения у арканцев произошли основательные мутации. Они все так же медлительны?

— Да. В этом отношении у них нет прогресса. И, мне кажется, не будет, пока их форма не стабилизируется.

— В виде близком к нашему?

— Меня это пугает. Меня всегда поражала скорость их мутации, и, так как я знаю, каким путем это достигается, я задаюсь вопросом: не те ли люди, о которых ты говорил, поставляют им человеческий материал в большом количестве?

Нильс тряхнул головой вместо ответа, однако я знал, что он думает о том же, о чем и я: «Мало нам ужасов!»

Люди, как подопытные морские свинки, выращиваются для использования в этом чудовищном симбиозе на Артосе и Нандале.

Мы на подходе к Артосу!

Морлот Сторк тряхнул меня за плечо.

— Ложись и поспи, так как, когда мы выйдем на орбиту, я разбуду тебя.

— Правильно сделаешь.— Я зевнул и направился к дивану.— Где экипаж?

— Нильс отправился будить отца, а Арт готовит Форстера и Варуа к выходу из спячки. Я считаю, что во время посадки все должны бодрствовать.

Отдохнув и освежившись, я надел скафандр, на поясе которого с одной стороны висел бластер, а с другой — лазер, способный разрезать дом, как разварившуюся сосиску.

— Кто за пультом управления?

— Велеа.

Я вышел из рубки. Все, о чем рассказал мне Нильс, ни на минуту не выходило у меня из головы. Сторк и все остальные, кроме Форстера и Варуа, еще не вышедших из блока регенерации, были в курсе. А этих двух сразу же информирует Арт.

Сообщение Нильса произвело эффект разорвавшейся бомбы. Рон и Велеа настаивали на том, чтобы развернуться и отправиться обратно. Но повторное голосование дало те же результаты, что и первое.

Собрав всех, я спросил:

— В полете никаких происшествий?

— Никаких.

— Принимались сообщения?

— Были приняты какие-то непонятные сигналы, видимо, шифровка.

— Дешифратор?

— Ничего не выдает. Похоже, что сообщение на неизвестном языке.

— Но дешифратор что-то должен выдать.

— На этот раз нет. Его перевод — сплошная бессмыслица.

Мы подошли к пульту управления. «Фрам» шел на автопилоте, а Велеа следил за скоростью. Я посмотрел на экран внешнего обзора, на котором был виден Артос. При максимальном увеличении были видны три континента. Первый простирался от северного полюса до экватора, второй располагался на самом экваторе, третий опоясывал южный полюс. Они занимали около четверти поверхности планеты. Остальная часть была занята тремя огромными океанами и множеством морей.

— Анализаторы?

— Типичная зеленая планета, — ответил Велеа. — Та же гравитация, воздух годен для дыхания, однако, содержит немного меньше кислорода.

— Что ж, тут не расслабишься.

— Южный континент практически необитаем. Обширные бесплодные пустыни. То же на большей части экваториального континента. Но тут другая крайность: он покрыт густыми непроходимыми лесами, напоминающими джунгли старой Амазонки.

— Северный континент?

— Он обитаем, однако, плотность популяции очень низка.

— Города?

— Это слово совершенно не подходит. Десяток деревень в зоне умеренного климата. Две из них большие. Достаточно большие, чтобы быть центром страны.

— Деревни примитивные?

— Нет. Каменные дома. Я уловил различные формы энергии.

— Двигатели?

— Вероятно.

— Если это не зародышевая цивилизация, мы должны попытаться вступить с ней в контакт. Но при этом необходимо демонстрировать добрые намерения.

Я улыбнулся и после этого заявил:

— Всем постам быть готовым к обороне. Оружие приготовить, как при высадке на враждебную планету.

— Что можно поручить Форстеру и Варуа? — спросил Сторк.

— Форстер будет наблюдателем на мостике А, Варуа — на мостике Б.

— А я? — спросил Нильс.

— Ты будешь моим первым помощником.

Я обернулся к Рону, который был как бы разжалован.

— Очень жаль, Рон, однако, ты в оппозиции, и я не могу доверять тебе полностью.

Он пожал плечами.

— Если бы ты назначил кого-то другого, я протестовал бы. Но речь идет о Нильсе...

Улыбнувшись, он хлопнул сына по плечу. Ну что ж, хоть в этом нет проблемы, однако я видел, как Велеа удивленно поднял брови. Он в это время переключил управление на ручное.

Действительно, на северном континенте есть деревни. В основном, это крестьянские усадьбы, фермы. Но они устроены на один манер: большое центральное здание окружено несколькими постройками поменьше. Все расположены среди полей правильной формы, разделенных лугами и полосками леса. На лугах пасутся стада: коровы, овцы, козы.

Крестьяне прекращают работу и поднимают головы, чтобы рассмотреть наш корабль. Мы пролетаем над огромной равниной, ограниченной с юга и с севера двумя реками, текущими в противоположных направлениях.

У них множество притоков. Две большие деревни — их даже можно назвать маленькими городами — расположены здесь же: один в излучине северной реки, другой — в дельте южной реки.

Сторк комментировал, не отрывая глаз от экрана:
— Космодрома нет... Однако есть средства передвижения. Автомобили. Повозки... Примерно двадцатый век Земли...

С тех пор, как мы вошли в атмосферы, я ожидал захвата магнитной ловушки, но пока все шло нормально. И сейчас я не замечал никакого сопротивления.

Нильс положил мне руку на плечо.

— Куда ты хочешь посадить «Фрам»?

— Вблизи северного городка.

— Ну что ж, правильно. Оттуда мы сможем контролировать всю равнину.

Я нашел большую площадку, где при посадке мы ничего не должны были разрушить. На всякий случай я включил гравитационный компенсатор и принял меры, чтобы не сжечь землю огнем дюз.

Сразу же из городка к нам направилась колонна грузовиков и легковых машин.

— Надо думать, это представители властей, — заметил Велеа.

— Интересно, что это за власти?

Пока что я не замечал ничего подозрительного, но осторожность никогда не помешает.

— Все по местам. Нильс будет на смотровой площадке. Откроешь мне шлюз.

— Ты хочешь выйти один?

— В случае внезапного нападения будет лучше, если пострадает только один.

Когда машины приблизились, я вошел в лифт и спустился на нижнюю палубу. По пути я проверил все посты. Войдя в шлюз, я дал команду, и Нильс включил механизм.

В толпе было человек тридцать. И все женщины. Дюжина их была в форме и с ружьями. Одна из них показалась мне главной. Она сделала два шага мне навстречу и сказала на галактическом языке:

— Добро пожаловать на Артос.

Ей было лет тридцать. Высокая, решительная. Рыжие волосы пылали огнем на солнце. Красивая. Ее земное происхождение не вызывало сомнений. Я поклонился и сказал:

— Мое имя Абурен. Я прибыл с Арканы.

При этом я наблюдал за их реакцией и заметил легкое замешательство. Женщина ответила:

— Меня зовут Вигана. Я возглавляю нашу общину. Слегка улыбаясь, я осмотрелся.

— На Артосе нет мужчин?
— Почему же? Однако их права ограничены. Ты увидишь их в Нолене.
Мне показалось, что она волнуется.
— Нолена — это город?
— Да, наша столица. Но ты, кажется прибыл не один?
— Верно. Однако мои спутники остались на борту.
Один из них будет сопровождать меня в Нолену.
Я включил передатчик на поясе и приказал:
— Сторк! Будешь меня сопровождать. Нильс должен остаться, так как я не доверяю Рону и Велеа. Арт может произвести неблагоприятное впечатление, на женщин, а морлот наверняка им понравится. За него я спокоен.

Глава 3

Когда Сторк присоединился ко мне, Вигана указала на один из экипажей. Она сказала, что будет сопровождать нас, и я почему-то ощутил беспокойство.

— Когда-то такие экипажи на Земле назывались автомобилями.

— Я знаю, тебя удивляют эти старые машины, но у нас нет ничего другого.

— А ты знаешь, что есть и другие средства передвижения?

— Я родилась на Лобосе. Мне было пятнадцать лет, когда меня привезли сюда.

— Вы здесь живете без связи с миром?

— Да.

— Почему?

По ее лицу пробежала тень.

— Так хотят хозяева.

— У вас есть хозяева?

— Разве ты не знаешь? Ведь они же позволили тебе прилететь сюда.

— Я никого не спрашивал о разрешении.

— Но ты же прилетел с Арканы?

— Да. С Арканы. Там я освобождал своих друзей.

— ...?

Внезапно беспокойство в ее взгляде сменилось растерянностью. Она тихо спросила:

— Ты прорвался сквозь барьер?

— Какой барьер? Магнитную ловушку, в которую пытались захватить мой корабль?

Она опустила голову и задумалась. В это время автомобиль въехал в город, и я, наконец, увидел мужчину. Он шел по тротуару, одетый в костюм из ярко окрашенной ткани, тогда как все женщины, не исключая и Виганы, были одеты в одежды неяркого цвета.

— Как получилось, что ваши мужчины бесправны?

— Этого хотят хозяева.

— И мужчины мирятся с этим?

— Они привыкли. Правда, некоторые протестуют, даже устраивают восстания. Однако хозяева убирают таких.

— На Аркану?

— Может быть.

— Чтобы отдать их арканцам?

— Что это такое?

Вероятно, она действительно не знает об арканцах, и я не ответил на ее вопрос, но спросил:

— И вы никогда больше не встречаетесь с теми, кого убирают?

— Нет.

— Если даже это ваши родные?

— Что мы можем сделать? Хозяева сильны. У них оружие, против которого бороться невозможно.

И снова она не поняла меня. Автомобиль въехал в просторный двор и остановился. Вигана пригласила меня выйти.

Я оставил передатчик включенным, чтобы на «Фраме» могли нас слышать. Я ступил на мраморные плиты двора и увидел настоящий дворец. В него вела огромная лестница.

Восхищенный этим великолепием, я спросил:

— Кто построил этот дворец?

— Мой отец, — сказала Вигана и, не скрывая гордости, добавила: — Он был одним из хозяев.

— А ты?

— Среди хозяев нет женщин, однако, мне доверено возглавлять общину.

— Хозяева... На кого они похожи?

— На нас... на вас...

— Значит, это люди?

— Естественно, хотя это слово здесь не в ходу.

— Тем не менее, оно означает расу, которая завоевывает Вселенную и господствует во всех открытых мирах.

— Вселенная?

— Множество Галактик, тысячи планет, подобных твоему Лобосу.

В ее голосе слышалась тоска о родине:

— Лобос...

— Ты хотела бы туда вернуться?

— Хозяева запрещают даже думать об этом.

Вигана поднималась по лестнице рядом со мной, морлот шел сзади. Я не сомневался в его бдительности. Рука его лежала на рукоятке бластера, и он в любой момент был готов отразить нападение. Впрочем, интуиция подсказывала мне, что опасность пока нам не грозит.

Миновав роскошную террасу, мы попали в большой холл, а потом в уютный зал, стены которого были украшены гобеленами.

Низкий стол, деревянные кресла, круглые и широкие. Вигана отослала охрану и пригласила нас сесть.

— Здесь только я знаю ваш язык. Я изучила его в детстве. Никто не понимает, о чем мы говорим. Для всех вы — посланцы хозяев. Насколько я поняла, ты иностранец?

— Иностранец? Что ты имеешь в виду?

— Не знаю. Я чувствую в тебе человека, подобного тем, каких я знала на Лобосе... Как мой отец.

— Он был одним из хозяев?

— Да. Одним из самых главных. Он много путешествовал.

— Вне темных планет?

— Он был везде.

— Он умер?

— Вероятно. Однажды он не вернулся. И тогда произошли большие перемены. Появились другие хозяева. Уже не те, что прилетали раньше.

— И с этого времени ты возглавила общину?

— Да.

— Хозяева часто появляются здесь?

— Только тогда, когда им нужны слуги.

— Это часто?

— Два раза в год.

— Много они забирают людей?

— Сотню.

— Мужчин или женщин?

— И тех, и других.

— Молодых?

— Двадцать-двадцать два года.

— И когда вы их ждете?

Она покраснела и не ответила.

— Они больше не вернутся, не так ли?

Дрожащим голосом она ответила:

— Нет.

— Они объяснили, почему?

— Нет... Хозяева никогда ничего не объясняют.—
Внезапно она добавила: — С хозяевами мы не были несчастны, но...— Она замолчала, однако я настаивал:

— Но?..

— Мы для них не существуем. Они только требуют повиновения. Во времена моего отца хозяева брали в жены женщин с Артоса. Теперь такого не бывает.

— И ты об этом жалеешь?

— Некоторые из нас, да.

Внезапно вмешался Сторк:

— Ты сказала, что вы должны им повиноваться. Почему? Ведь вы же вооружены.

Вигана вздрогнула.

— У них есть ужасное наказание.

— Какого рода?

Она указала на мой бластер.

— Примерно такая же штука. Она заставляет ужасно страдать несколько часов.

Вот как! Я понял. Отрегулированный на небольшую мощность бластер причиняет страшные судороги. Мне стало понятно, почему Вигана вздрогнула при одной мысли об этом.

Сторк спросил:

— И ты подвергалась такому наказанию?

— Однажды.

— За что?

— Я пыталась спрятать человека, которого должны были отправить на Аркану.

Мы замолчали. Все это было дико, ужасно, однако, по-своему логично. Вздохнув, я спросил:

— Если ваши хозяева так жестоки, то почему же ты принимаешь нас?

— Я скажу, что приняла вас за их посланцев.

— И они поверят?

— Да, если не будут проверять детектором лжи.

— Тебя уже проверяли?

— Один раз после смерти отца.

Она бросила на меня проницательный взгляд.

— Когда я увидела тебя возле корабля, я поняла, что ты ничего не боишься. Ты не боишься мужчин, живущих у нас...

— Вы обращаетесь с ними как с рабами...

— Не мы...

— Да, я знаю. Хозяева заставляют.

— Ты не боишься хозяев.

— Их много?

— Не знаю... Когда был жив мой отец, их было не больше десяти... Однако теперь их значительно больше. На Артос они прилетают впятером или вшестером, но я знаю, что их более тридцати.

— Какие они, молодые или старые?

— Разные.

— Они все живут на Аркане?

— По крайней мере они так говорят.

— Артос заселяли при твоём отце?

— Нет. Когда я прибыла сюда, здесь все уже было. Теперь нас стало меньше.

— Потому, что вы отдаете людей дважды в год?

— Нет, они ведь возвращают детей.

— В каком возрасте?

— Не более трех-четырёх лет.

— Их привозят с Арканы?

— Да.

— Но это невозможно... Аркана — планета, населенная чудовищами. Скажи, корабль хозяев похож на мой?

— Да. Только у них более старый

В это время в зале появился ребенок, который что-то лопотал и отчаянно жестикулировал. Я обернулся к Сторку.

— Что ты обо всем этом думаешь?

— Если у них нет ничего, кроме этой старой посуды, они опасны для нас только на Аркане, где установили магнитную ловушку.

— А фиолетовый луч?

— Его возможности ограничены. Для безопасности достаточно держаться подальше от установки.

Поколебавшись секунду, я вызвал на связь Нильса.

— Никаких сигналов не обнаружено?

— Нет?

— Особенно внимательно наблюдайте в направлении Арканы.

— Это направление приоритетно для детекторов.

Вигана сделала неожиданное движение и удивленно спросила:

— С кем это ты беседуешь?

— Это мой помощник. Он остался на корабле. У хозяев нет ничего похожего?

— Я никогда не видела, чтобы они так общались.

Это ни о чем не говорило. Я помню загадочные сигналы, с которыми не мог справиться наш дешифратор.

Я встал, чтобы размяться. Меня заинтересовали гобелены на стенах.

Это были копии земных гобеленов, самых старых. Я видел подлинники в музее. Им уже по несколько веков. Копии же казались совсем не старыми.

Я подошел к Вигане.

— Хозяева бывают на последней планете вашей системы?

— Нандале?

— Да.

— Иногда их корабль по пути сюда делает там остановку.

— Мне нужно побывать там.

Она испуганно встала, взяла меня за руку.

— Ты хочешь оставить нас?

— Ненадолго.

Оставив Сторка во дворце, я решил воспользоваться гравикомпенсатором, так как медлительность автомобиля меня раздражала. И все же, несмотря на скорость полета, у меня было время поразмышлять.

По воле случая мы столкнулись с чем-то необычным. Что-то вроде зародыша новой цивилизации. Группа людей с помощью ученых осуществляла на темных планетах чудовищный эксперимент. Они основали новое общество, непохожее ни на что, знакомое нам. И это началось достаточно давно. Значительно раньше моих путешествий к темным планетам. Я прилетал сюда еще тогда, когда был жив отец Виганы, и я не обнаружил этого только потому, что в то время у них еще не было магнитной ловушки. После смерти отца Виганы все изменилось. Все усилия были направлены на ускорение мутации арканцев, которые должны были стать либо союзниками, либо инструментами в достижении мирового господства.

Несомненно, хозяева имеют связь с внешним миром. Но кто они? Трудно сказать. По крайней мере, с жизнью людей они хорошо знакомы. Нильса с командой они хотели захватить, чтобы передать арканцам, а население Арканы состоит из детей вечных скитальцев Галактики.

Вот и «Фрам»! Нильс, заметив меня, открыл верхний люк, и я очутился на мостике. Рон, Велеа, Арт и оба товарища Нильса уже были здесь.

— Ну как, все слышали?

— Да, — ответил Нильс, сверкнув глазами.

Рон не проявил энтузиазма, однако, я его хорошо знал: на этот раз он был заинтересован.

— Мы должны побывать на Нандале. Мне кажется, именно там мы найдем главную базу тех, кого Вигана называет хозяевами. Может, даже научный центр.

— Если это так, то нам не стоит приближаться к Нандалу, — заметил Велеа.

— Что же делать?

— Вернуться на Землю и организовать экспедицию.

— Но хозяева поддерживают связь с внешним миром и будут предупреждены об этом. Мы должны застать их врасплох, — сказал Нильс.

— Мне кажется, с тех пор, как мы покинули Аркану, они в панике.

— Я раньше времени не считаю их врагами. Может, это совсем неплохая идея — основать новое общество.

— Общество, где мужчина не имеет никаких прав? — сказал Рон.

— Не преувеличивай. Хозяева ведь мужчины. Мужчины Артоса не имеют прав только потому, что хозяева не хотят иметь лишних хлопот.

— Их и так хватает, — заметил Арт.

— Вигана говорит, что видела тридцать хозяев. Но наверняка есть и такие, кто никогда не покидает Нандал. Кроме того, там есть женщины, которых забирают с Артоса... Нет, если мы хотим что-то узнать, мы должны лететь туда.

Сказав это, я посмотрел на Рона и Велеа, ожидая согласия на продолжение экспедиции.

Глава 4

Рон долго смотрел на сына, затем пожал плечами. Велеа встал и налил себе стакан граля, делая вид, что ему все безразлично.

Что же касается Форстера и Варуа, то они уже полностью пришли в себя и были готовы к новым приключениям.

Удовлетворенно вздохнув, я объявил:

— Двое должны остаться здесь со Сторком.

— Ты не думаешь, что разделяться неразумно? — спросил Рон.

— Нет. Нужно попытаться овладеть кораблем хозяев, если они вернутся на Артос.

— Втроем они не смогут много сделать.

— Все будет зависеть от количества хозяев. Если наши ребята почувствуют, что они в худшем положении, они должны укрыться. Добровольцы есть?

После короткого размышления вперед вышел Арт.

— Остаться на планете женщин? С удовольствием.

— Я тоже, — вызвался Варуа.

— Бластеры и терморужья. Парализующие гранаты. Гранат побольше.

— Как мы будем передвигаться? — спросил венерианец. — На этих смешных штуковинах?

— Возьмите гравикомпенсаторы.

— Хорошо.

— Думаю, что Вигана поможет нам. Найдутся и другие женщины. Вы же парни хоть куда.

— А мужчины?

— На них пока не рассчитывайте. Держите контакт с женщинами.

— Ты не думаешь, что они окажутся слишком строптивыми? — спросил Арт.

— Нет, чтобы заставить их повиноваться, хозяева подвергают их жестоким пыткам. При помощи бластера, отрегулированного на небольшую мощность излучения, у них вызывают страшные судороги, продолжающиеся несколько часов. Насколько я понял, почти все женщины подвергались такому испытанию и боятся его больше смерти. Так что, если вы победите, они будут вас боготворить.

— Как и все женщины в Галактике, они предпочитают победителей.

И вновь «Фрам» вошел в пространство. На этот раз было абсолютно темно, как в открытом космосе.

Рон вместе с Форстером дежурил у реакторов. Велеа отдыхал. Нильс был со мной.

— Ты не находишь, что все очень просто?

— Не думаю. У хозяев еще не было времени на реакцию.

— Однако я не сомневаюсь, что они что-нибудь предпримут. Приближаясь к Артосу и Нандалу, мы подвергаем себя страшной опасности.

Мы летели вперед, и Нильс наблюдал за локаторами внешнего обзора. Внезапно он вскрикнул. Я обернулся.

— Ты что-то заметил?

— Да.

— Что?

— Не знаю.

— Далеко?

— Не очень... Сто-двести тысяч километров. Масса ощущается слабо...

— Звездолет?

— Не думаю. Но это тело движется прямо на нас. Услышав это, я сделал старый, как мир, маневр: изменил траекторию, сохранив прежним курс.

— Тело тоже изменило траекторию и опять движется на нас.

— Я сделал это почти мгновенно.

— Значит, устройство наведения.

— Это не звездолет.

— Или звездолет неизвестного нам типа.

— Когда произойдет столкновение?

Нильс ввел данные в компьютер.

— Через двадцать три минуты.

— Включи сигнал тревоги. Все по местам. Рон на пост управления оружием. Дай ему исходные данные для прицеливания.

Все говорило за то, что это астероид. Масса камня и металла, начиненная электроникой и реакторами. Несомненно, с системой наведения.

— Что делать? — спросил Нильс. — Уйти с курса?

— Это ничего не даст. У астероида масса маленькая, а скорость выше нашей.

— Значит подпространство...

— Если бы мы находились далеко от Артоса, можно было бы попробовать.

Я вызвал пост управления оружием. Дай ему дежурил Рон.

— Ты готов?

— Да.

— На старт три ракеты. Первая сразу, две другие с интервалом в три минуты. Если первой будет мало.

— О'кей.

Нильс произвел вычисления.

— Первая ракета будет у цели через шесть минут.

— Значит, у нас будет время. Мы успеем выпустить еще две ракеты и, в крайнем случае, уйти в подпространство.

— Старт!

Пуск ракеты вызвал небольшой толчок, изменивший курс корабля. Я быстро произвел корректировку.

— Вторая готова?

— Да.

Я смотрел на циферблат бортового хронометра. Каждая минута тянулась бесконечно долго... Две минуты...

Три минуты... четыре... Я подошел к экрану внешнего обзора и сделал максимальное увеличение. Астероид имел форму огромной сигары. Анализаторы показывали, что он состоит из гранита и железа.

— Может, он имеет систему, позволяющую отклонить ракету? — сказал Нильс.

— Моли бога, чтобы этого не было.

И, действительно, ракета не изменила траектории, приближаясь к астероиду. Гигантская вспышка заполнила экран. Вот и все. От астероида ничего не осталось.

— Рон, можешь убрать остальные ракеты.

Я вытер вспотевший лоб, пока Нильс проверял пространство локатором.

— Мне кажется, что наши приключения еще не кончились, — ворчал он. — У них наверняка есть в запасе еще что-нибудь.

— Я тоже не сомневаюсь.

Я прекрасно понимал, что мы встретились не с самой серьезной опасностью. Этот астероид для защиты уже давно был не в ходу в других Галактиках.

Меня радовало, что хозяева, по всей вероятности, не опередили нас с технической точки зрения.

Уже несколько часов «Фрам» находился в состоянии боевой готовности, но пока не происходило ничего, что могло бы задержать нас. Силуэт Нандала уже вырисовывался на экране.

Мы приближались к планете, полностью погруженной во тьму. Однако для нас солнце еще не было закрыто.

— Что показывают анализаторы?

— Планета земного типа. Воздух пригоден для дыхания. Гравитация нормальная.

— Животный мир?

— Похоже, земного типа.

— Индустрия?

— Нет.

— Население?

— Отсутствует. Слишком мало суши. Примерно пятая часть поверхности планеты. Один континент, южная оконечность которого доходит до экватора. Есть еще острова, но их не рассмотреть.

— Температура?

— Холодно ночью, жарко днем. Однако в допустимых пределах.

— Что представляет собой континент?

— По форме похож на Австралию. В центре обширное плато, на юге значительные пляжи, на севере горные цепи.

— Города?

— Детекторы ничего не показывают. Даже там, где визуально можно наблюдать что-то вроде двух деревень.

Рон, Форстер и Велеа оставались на своих местах. Ведь мы приближались к планете и должны быть готовы ко всему. Я переключил управление на себя и сказал Велеа:

— Отправляйся к реакторам. Я буду входить в атмосферу с ходу. Нужно, чтобы ты был готов.

— Однако это уже третий раз. И каждый раз — двойной расход энергии.

— Ты предпочитаешь, чтобы мы угодили в ловушку?

Он промолчал, а Нильс улыбнулся. Я стал понемногу снижать скорость, чтобы не испытывать значительных перегрузок, но был готов в любой момент увеличить тягу двигателя. Однако ничего не происходило, и я продолжал спуск.

— День! — радостно воскликнул Нильс.

Полоса света покрыла часть поверхности планеты и атмосферу. Зрелище было феерическое.

На экране появился континент, окруженный массой воды — океаном, который казался разбушевавшимся. Необъятное плато было изрезано лесами, озерами, реками.

Корабль продолжал снижаться, и мы приближались к горам.

— Никаких следов человека, — заметил Нильс.

— Тем не менее, люди должны здесь быть.

— Ты имеешь в виду астероид?

— Разумеется. Никто не стал бы нападать на нас, если бы здесь было нечего охранять.

— Лаборатория... Однако искать ее на планете — это все равно, что искать иголку в стоге сена.

— Лаборатория нуждается в энергии, а детекторы ничего не обнаруживают.

Как ни странно, но после встречи с астероидом нас никто не старался остановить. Я уменьшил высоту полета, чтобы посадить корабль возле гор. Они зеленели на солнце. Мы увидели живописные каньоны, водопады и, наконец, животных. Стада оленей, много птиц.

— Настоящий рай, — заметил Нильс.

Я увидел стадо оленей, однако, их поведение было довольно странным. Другие олени спускались в долину и скрывались среди деревьев, а эти беспорядочно метались на небольшом пространстве между двух утесов.

— Что там происходит?

Я еще уменьшил скорость, и мы зависли на высоте несколько десятков метров. Приглядевшись, мы заметили, как один из оленей попытался пробежать между скал, но как будто наткнулся на какой-то невидимый барьер и упал. Он тут же вскочил и присоединился к остальным оленям.

— Что с ним?

— Какой-то невидимый барьер.

— Точно. Несомненно, силовое поле. Это оно остановило целое стадо.

Я выбрал место для посадки вблизи утесов.

Нильс направил лазер туда, где, как мы предполагали, находится силовое поле, и включил питание. Сноп искр указал нам точку, где произошло столкновение двух сил.

— Луч не проникает сквозь поле.

— Увеличь мощность.

Опять безрезультатно. Нильс вопросительно посмотрел на меня, и я сделал знак, чтобы он прекратил.

Я включил систему автоматической защиты и объявил в микрофон:

— Рон, подготовь оружейные системы. Будь внимателен. Остальные — тоже.

— Силовое поле мне знакомо, — сказал Велеа. — Нужно определить его природу. Разреши мне идти, Абурен.

— Будь осторожен.

— Олени не пострадали, значит, силовое поле не опасно для людей, а тем более для меня.

Я знал, что метаболизм ассиньянцев имеет свойство нейтрализовать в какой-то степени электрические поля и заряды.

Он вошел в лифт, и вскоре мы увидели, как он выбрался из шлюза и направился к ущелью. Он шел, переваливаясь с ноги на ногу, и казался неуклюжим. Однако при необходимости он мог быть быстрым как молния.

И вот поле перед ним. Он осторожно коснулся его руками. На экране мы видели, как его руки уперлись в преграду. Велеа улыбнулся. В микрофон передатчика он произнес:

— Напряженность смехотворно низка. Я могу без труда замкнуть его. Попробовать?

— Давай.

Он медленно сдвинул руки, и воздух вокруг них стал вибрировать.

Через несколько секунд вибрация исчезла. Велеа опустил руки и пошел к оленям, которые заметались перед ним.

Но он обошел их и освободил проход к ущелью. Теперь оленей ничего не удерживало.

— Какой смысл запирать оленей? — сказал Нильс. — Видимо, это случайность. Генератор поля находится под землей где-то здесь.

— Да, скорее всего. Полагаю, что теперь мы сможем пройти здесь, а потом организуем тщательный поиск.

Я вызвал Рона:

— Ты поднимешься в воздух на «Фраме», чтобы держать в поле зрения всю местность. С тобой будет Форстер. Если что-либо заметите, немедленно вмешайтесь. В вашем распоряжении все вооружение корабля. Возражения есть?

После небольшой паузы он ответил:

— Ты начальник.

— А ты, Форстер?

— Как прикажешь.

— Тогда идем к Велеа, Нильс.

По пути мы захватили термические ружья для себя и ассиньянца. Пока мы шли к выходу, я заметил, что Нильс улыбается и даже насвистывает.

— Что ты такой веселый?

— Оттого, что иду на дело с тобой. Это мне напоминает детство. А ты почему недоволен?

— Когда-нибудь ты поймешь. Ты еще молод.

— Как будто ты очень стар.

Люк открылся. Мы спрыгнули на землю. Было очень жарко, однако, дышать было довольно легко. Велеа ждал нас, и я вручил ему терморужье. Затем мы отошли в сторону и подождали взлета «Фрама». Когда он повис над ущельем, я скомандовал:

— Вперед! Нужно идти вдоль скал. Где-то там должен находиться вход. Пожалуй, имеет смысл проверить скалы с помощью терморужей. Тепловой луч расплавит и гранит, и все оборудование, которое может находиться внутри.

— Стадо прошло здесь! — Нильс опустил на колени. — Смотрите! Трава примята.

Да, в траве можно было рассмотреть что-то вроде тропинки. Она привела нас к углублению в скале.

— Вход должен быть здесь...

Я направил ружье на углубление. Камень почернел, стал коричневым, затем посерел... и как будто взрыв раздался внутри скалы. Она вся покрылась трещинами.

Мы мгновенно отступили, но обвала не произошло. Перед нами открылась дыра, вход в подземелье. Мы

осторожно приблизились. Внизу было темно. Велеа снял с пояса осветительную гранату и бросил ее вниз.

Яркий свет выхватил из темноты огромный зал...

— Арканцы!

— Их было трое. Мутанты. Олене-змеевидные люди. Жуткая смесь. Голова человека, туловище и ноги оленя, хвост змеи.

На искаженных ненавистью лицах безумцев выпученные, горящие нечеловеческой злобой глаза, смотрящие на нас. Мне показалось, что, если бы не раскаленный камень возле входа, они бы бросились на нас.

— Эти арканцы совсем не такие, что живут на их родной планете, — сказал Нильс.

— Да. Похоже, что они находятся на более высокой ступени эволюции.

В глубине пещеры мы увидели стол с какой-то аппаратурой. Посредине стола находился массивный шар, закрепленный на подставке.

Тут граната перестала светить. Велеа достал еще одну.

— Бросить?

— Давай.

Когда пещера осветилась вновь, мы увидели, что шар начал медленно вращаться. Вдруг он стал красным, затем зеленым, лиловым, фиолетовым... и из него вырвался фиолетовый луч.

— Ложись!

Мы с Нильсом упали, а ассиньянец чуть задержался. Луч коснулся его груди. Велеа отчаянно взвыл и бросился к пещере. Он ничего не слышал. Я вскочил на ноги и взял терморужье на изготовку. Однако уничтожать шар было уже поздно. Надо было спасти Велеа.

И Нильс спас его. Он отключил его из бластера...

Глава 5

Велеа рухнул как подкошенный. Я подскочил к пещере, направил свое ружье в отверстие и нажал на спуск. Я нажимал его до тех пор, пока внизу не раздался взрыв. Фиолетовый луч исчез.

Нильс улыбнулся.

— У меня такое впечатление, что случай привел нас к штаб-квартире хозяев.

— Это не случай, а оленья тропа в ущелье.

— Сейчас это уже не имеет значения.

Мы подошли к Велеа и, пока Нильс занимался с ним, я заглянул в пещеру. Вся аппаратура была уничтожена, обгорелые останки арканцев еще извивались на полу...

— Неплохая бойня, — заметил Нильс.

В глубине пещеры я увидел галерею. Но сейчас не было и речи о том, чтобы проникнуть в пещеру. Внутри ее было нестерпимо жарко.

— Сейчас нужно заняться Велеа, — сказал я Нильсу. Затем вызвал Рона: — Спускайся, чтобы забрать нас, однако не ослабляй внимания. Сядешь возле входа в ущелье.

Пока мы тащили Велеа, «Фрам» выполнял посадочные маневры.

— Ты доставишь Велеа в блок регенерации и останешься с ним. Следи за его реакцией, когда он начнет приходить в себя.

— А ты?

— Я пойду проверю стену позади рептилий. Думаю, что они уже не опасны.

— Ты полагаешь, там другой вход?

— Вряд ли. Просто хочу посмотреть аппаратуру. Будем поддерживать связь по радио.

— Я предпочел бы тебя сопровождать.

— Этого нельзя делать. Если со мной что случится, возьмешь командование на себя.

Он не был в восторге от перспективы такого повышения, но согласился. Я оставил его с Велеа.

К нему уже спускался Форстер.

С помощью гравикомпенсатора я поднялся в воздух и направился к пещере.

— А если у них есть еще одна установка с лучом? — спросил Рон.

— Для меня это будет неприятной неожиданностью. Поднимайтесь, а я включу телекамеру. Вы будете видеть все, что происходит со мной.

Такая предусмотрительность не будет лишней. Вход в пещеру был свободен, и я спустился прямо к галерее в конце зала. Она имела несколько уровней. На самом верху я заметил вход, достаточно широкий, чтобы я смог пройти через него.

Я сказал в микрофон:

— Попробую войти в коридор. Похоже, он тянется на всю длину фасада скалы.

— Будь осторожен.

— Не беспокойтесь. На всякий случай имейте в виду: я буду держаться правой стороны.

Выключив гравикомпенсатор, я встал на ноги у входа. Коридор естественный. Он то сужается, то расширяется. Камень стен не обработан. Я пошел вперед. Ружье у бедра. Пройдя немного, я сообщил: — В коридоре трудно дышать. Нет никакой тяги.

Метров через двести коридор снова расширился и образовал просторный грот. Он освещался сверху через круглое отверстие, видимо, вентиляционное.

Я осматривал грот, медленно поворачиваясь, чтобы мои товарищи на «Фраме» смогли тоже все увидеть.

— Никакой аппаратуры.

Я осторожно пошел вперед и вдруг тошнотворный запах заставил меня оглянуться. Два арканца с кроважидным выражением на злобных лицах выползли в коридор.

Термический удар, и они оба рухнули на землю.

Не прошло и секунды, как я заметил еще двух чудовищ. Еще выстрел — и их обгорелые трупы лежали на полу. Больше я никого не видел, однако, был уверен, что в подземелье этих монстров еще предостаточно. Я был не прав, отправившись один. Нильс это уже понял и кричал мне:

— Один ты не имеешь никаких шансов! Рано или поздно тебя застигнут врасплох. В скале гнездо этих чудовищ. Я должен идти к тебе.

— Не ты. Ты мой заместитель. Кто дежурит возле Велеа?

— Форстер.

— Пусть сюда идет Рон. Я буду ждать его у входа.

Нельзя сказать, чтобы я был очень обеспокоен. Напротив. Из-за своей медлительности арканцы не представляли для нас никакой опасности. Мы могли бы сжечь их тысячи, ничем не рискуя. Но я не был уверен, что у них нет какого-нибудь неизвестного нам оружия, вроде фиолетового луча.

Неожиданность их появления можно было объяснить. Вероятно, спугнули откуда-нибудь сверху у меня на пути.

Возвращаясь ко входу, я был внимательнее и встретил еще двоих, которые не имели ничего общего с человеком. Они сразу же попытались напасть на меня...

У меня сложилось впечатление, что они действуют как живые автоматы, подчиняясь чужой воле. Они шли на верную смерть, не щадя себя. В их поведении было что-то ненормальное.

Может, у них нет собственного разума? Может, образовалась мутация, которая управляется людьми? Хозяевами? Вполне возможно.

Феномен ускоренной мутации — штука любопытная и может создавать самые разнообразные формы жизни. Например, на планете Талкан я видел таких тварей, первоначальный облик которых не был никому известен. Они, как хамелеоны, принимали облик того, с кем встречались. Я был потрясен, встретив нос к носу самого себя. Стоит появиться на Талкане, и ты увидишь, что на планете живут только твои копии. Это впечатляет. Талканцев называют нестабильцами, и они совсем не опасны.

А вот и Рон. Он взлетел на галерею, выключил гравикомпенсатор и посмотрел на двух последних арканцев, сожженных мной.

— Эти из основной популяции.

— Да, но до этого они никогда не нападали на меня.

— Все меняется.

— Конечно. И мы должны раскрыть их секреты.

Опять появились арканцы. На этот раз слева. Я решил идти туда. В этом направлении был небольшой подъем. Мы начали медленно продвигаться вперед. Рон шел чуть сзади, так как он должен был прикрывать тыл.

Десять шагов... двадцать... и внезапно перед нами появился новый зал. Справа от прохода. Это было что-то вроде просторной казармы, уставленной нарами, количество которых было около двадцати. К нам уже приближались четыре арканца. Когда они поняли, что я заметил их, они отчаянно засвистели. Я догадался, что эти арканцы просто следили за нашими передвижениями.

Все они были человекоподобны, а двое находились на высшей стадии мутации. Они не пытались атаковать нас. Наоборот, они направились к лестнице, ведущей в глубину скалы.

— Чего мы ждем?

— Огонь!

Рон сжег первую четверку, а я — тех двоих, которые уже спускались по лестнице.

Ужасно скучно заниматься систематическим уничтожением. Скорее бы найти что-нибудь другое, более интеллектуальное.

— Ты обратил внимание, — спросил Рон, — эти двое были совсем как люди?

— Это не что иное, как конечная цель мутации. Все остальные, которых мы видели на Нандале, всего лишь звенья цепи.

— Кому интересно заниматься трансформацией этих созданий?

— Науке.

— Я мог бы понять, если бы речь шла об единицах однако... их сотни, может, тысячи. Что же это такое

Мы подошли к лестнице, но спуститься по ней не смогли. Тошнотворный запах заставил нас остановиться.

— Болото... Гнилое болото, — пробормотал Рон.

— Да... А внизу, наверное, кишат эти твари.

Рон со злостью выхватил из-за пояса боевую гранату и швырнул ее вниз. Мы слышали, как она подпрыгнула на ступенях лестницы, а затем раздался взрыв, после которого наступила тишина.

Я тоже достал гранату и представил себе сотни этих гнусных тварей, пожирающих заживо мужчин и женщин, доставленных им с Артоса...

— Как нам избавиться от этой жуткой вони? — спросил Рон.

— Термические бомбы. Заложим эти штуки три-четыре в этом подземелье, вся скала раскалится добела. Тут не останется ничего живого.

Конечно, я предпочел бы внимательно осмотреть все, однако, этот запах был выше моих сил, а надевать скафандр мне не хотелось. Все-таки обзор в нем был хуже. А вообще, что здесь осматривать?

Вздыхнув, я сделал знак Рону, и мы пошли по правому коридору, ведущему к другому гроту. Когда мы уже приближались ко входу, раздался голос:

— Я безоружен, иностранцы. Я безоружен и хочу говорить с вами.

Откуда этот голос? Я попытался определить, но не смог.

Незнакомец снова заговорил, более шутливо:

— Я не хочу показываться вам. Не желаю превратиться в живую мишень.

— Где ты?

— В расщелине под пещерой. В моих, так сказать, апартаментах дверей нет.

— Кто ты?

— Человек, как и вы. Я был одним из старых хозяев темных планет, а с некоторых пор я пленник арканцев. Ваше вмешательство в какой-то степени освободило меня. За одно это я должен благодарить вас.

— Покажись. Если ты действительно человек, у тебя нет причин бояться нас.

— Хорошо, я рискну.

И вот снизу, из-за обломков скал, появился человек. Высокий, в черном комбинезоне, обтягивающем мускулис-

тое тело. И он был без оружия! Я опустил терморужье, но Рон не сделал этого. Он был готов поразить незнакомца в любой момент.

— Здесь есть еще люди?

— К сожалению, они не в состоянии показаться.

— Почему?

— Со мной были еще двое, однако, арканцы утащили их вниз...

— Чтобы...

Он кивнул. Уточнять не было необходимости.

— Рано или поздно это должно было случиться и со мной.

— Почему ты до сих пор избегал этого?

— Я биолог. Я был нужен арканцам, чтобы помочь им добывать серу, которая ускоряет мутации.

Он увидел, что мы поняли не все, и начал сначала:

— Меня зовут Артод. Я младший сын одного из создателей этой лаборатории... Берегитесь!

Я резко обернулся и увидел двух чудовищ, бесшумно приближавшихся к нам. Тепловой луч мгновенно поджарил их.

— У твоего друга железные нервы, — улыбнулся Артод.

— В космосе без этого нельзя. Но я руководитель и должен был проявить инициативу.

Я прислонился к стене пещеры и приказал Рону:

— Следи за коридором.

Тот занял позицию у входа в грот, а я поблагодарил Артода.

— Ты благодаришь меня, однако, еще не доверяешь.

— Время еще не пришло. Сколько всего арканцев здесь?

Он пожал плечами.

— Может, сотня...

— А фиолетовый луч?

— Вы уже столкнулись с ним?

— Он поразил одного из моих людей, но я уничтожил излучатель. Есть у них другие?

— Нет... Это был единственный. Во всяком случае, на Нандале. Ты не хочешь посмотреть мои владения?

Я колебался, и Артод рассмеялся.

— Не бойся. Я не пытаюсь заманить тебя в ловушку. Я счастлив, что стал свободен. Ты можешь представить себе человека, который бы добровольно оказался среди этих монстров?

— Нет, конечно.

— Тогда пошли.

Через узкий проход между каменными глыбами мы прошли в просторную пещеру. Это была лаборатория, и как мне показалось, прекрасно, по-современному оборудованная. Присмотревшись, я обнаружил, что почти все приборы давно бездействуют и покрыты пылью. Работал лишь перегонный куб, в котором бурлила коричневая жидкость. Артод объяснил:

— Это сера, ускоряющая процесс мутации арканцев.

— И это все?

— С тех пор, как я стал пленником, я прекратил всякие исследования. Я делаю только то, что от меня требуют.

Он показал вентиляционную трубу.

— Чувствуешь, как трудно дышать? Я уже привык. Все уже отказало. Они ликвидировали техников, которые казались им ненужными.

— А ты делаешь для них серу?

— А что мне оставалось делать? До вашего появления здесь постоянно дежурили два арканца.

— И ты не имел права выйти?

— Редко. И то под тщательной охраной.

Теперь понятно, откуда у него под глазами темные круги и лицо бледное как у покойника. И взгляд холодный и безразличный.

— Чем же ты питался?

По его лицу скользнула тень, и он ответил не сразу.

— До сих пор я питался продуктами со склада, который оставил здесь мой отец. Там, за лабораторией, моя комната. Хочешь посмотреть?

— Не стоит. — Я кивнул не перегонный куб. — И все же ты ответственен за мутации арканцев.

— У меня не было выбора. Отказаться и разделить участь остальных? Это не прекратит мутаций.

— Начало этому положил твой дед?

— Он принимал участие в правительственной экспедиции. Дед был парапсихологом, разочаровавшимся в жизни в обществе. Дед и несколько его друзей были сосланы сюда. Здесь он заинтересовался арканцами, и их девственный интеллект поразил его.

— Он пытался сделать из них людей?

— Нет. Он выбрал галкаров, чтобы ориентировать мутацию. Ты знаешь, что это такое?

— Что-то вроде огромных носорогов из планетной системы Джлан.

— Галкары имеют по две руки. Они легко приручаются. Мой дед думал, что, дав им интеллект арканцев или,

наоборот, дав арканцам облик и чудовищную силу галкаров, он создаст мощное оружие, способное не только защитить темные планеты, но и покорить соседние системы.

— И что из этого вышло?

— На экваториальном континенте Артоса существует колония галкаров, или, если хочешь, мутантов-арканцев. Не знаю, что с ними сейчас. Я слышал, что они взбунтовались.

— Когда это было?

— Когда умер мой дед и власть перешла к моему отцу. Арканцы не захотели быть похожими на носорогов. Они предпочли облик людей.

Он усмехнулся и продолжал:

— Не представляю, как произошел переворот... Только однажды я обнаружил, что меня охраняют. Затем меня допрашивали, чтобы узнать, на что я способен. Допросу подвергались все, живущие на темных планетах. Хозяева, как вы их называете... Они решали... Тех, что мог приносить пользу, оставляли, остальных отправляли, как материал для экспериментов. Так прошло десять лет...

— А община на Артосе?

— Ее основал мой дед.

— Это он передал власть женщинам?

— Да. Они менее опасны, чем мужчины. Мужская часть общины проходила строгий отбор. Лучших из них посылали на опыты, остальные были рады служить женщинам. Посредственный мужчина не опасен для общественного строя. Все революционные группировки в истории состояли из выдающих представителей своего времени.

Внезапно из передатчика послышался голос Нильса:

— Что ты скажешь о тех людях, которых я видел на Аркане?

— Они в такой же ситуации, как и я. Они пленники, попавшие в такую же ловушку, Разум каждого из них нужен арканцам.

— Мы освободим их.

Я неожиданно для себя решил это. Мы освободим пленников и навсегда уничтожим эту гнусную пародию на человечество. Моя ненависть к этим монстрам была безгранична. Я сделал знак Артоду и вышел в грот. Рон дежурил у входа в галерею.

---- Ну как?

— Два нападения.

— Арканцы?

— Да.

— Я уничтожу сначала весь этот лабиринт, — обернулся я к Артоду.

— Я готов помочь в этом деле.

— Хорошо. Что еще может нас ждать?

— Единственная опасность — непосредственный контакт с арканцем. Если это произойдет, для вас все кончено. Однако этого легко избежать.

— А ты?

— Меня они не тронут.

— Даже если ты изменил им?

Артод рассмеялся.

— Их разум не такой, как у нас. Они не злопамятны. Я им нужен, и они будут беречь меня при любых обстоятельствах.

— Отсюда можно выйти другим путем? У меня ведь нет лишнего гравикомпенсатора.

— Есть лестница. Я проведу вас.

Улыбаясь, он пошел впереди.

— Не нравится мне этот парень, — заявил Рон.

— Почему?

— Он служил арканцам.

— У него не было другого выбора, Рон.

— Я предпочел бы сдохнуть.

— Но жить внутри чудовища и все время ощущать это?

Артод повернул налево. Мы следовали за ним, не беспокоясь о тылах. В коридоре, который мы расчистили терморужьями, все было спокойно. За поворотом мы увидели лестницу. Тошнотворный запах исчез. Пятьдесят ступенек вверх, и мы уже на открытой галерее. Отсюда ведет другая лестница.

Мы добрались до первого грота, не встретив ни одного арканца. Здесь находился излучатель фиолетового луча. Подставка и механизм поворота почти не пострадали.

Изготовлено топорно. Я повернулся к Артоду.

— Работа твоего деда?

— Нет. Это собственное изобретение арканцев.

Час от часу не легче. Опасность гораздо больше, чем я предполагал.

— Человек из моей команды поражен этим лучом. Что с ним будет?

— В течение нескольких часов его нужно держать подальше от арканцев, чтобы он не мог откликнуться на их вызов.

— Какой вызов?

— Мысленный.

— Арканцы телепаты?

— В какой-то степени. Смотря что ты подразумеваешь под этим словом.

Мы вышли из ущелья прямо к «Фраму». Из люка появился Форстер, и я услышал голос Нильса:

— Термические бомбы готовы. Форстер займется ими.

— Их нужно установить в первом гроте. Трех штук вполне хватит, даже если пещера уходит далеко в землю.

— Нет, она неглубокая, — заметил Артод.

Форстер выгрузил три бомбы. Он установил их на гравитранспортер, который позволял легко и безопасно доставлять груз в любое место.

— Помоги ему, Рон.

— Взрывать будем с помощью часового механизма?

— Нет. Радиоуправлением с «Фрама».

Я пригласил Артода подняться на корабль. Он пошел вместе со мной. Мы поднялись в лифте на центральный пост, где находился Нильс.

— Артод, — представил я своего спутника.

Он поклонился, не подав руки, и мне показалось, что Нильс только рад этому. Весь в отца. Ему не нравились те, кто служил арканцам.

— Где Велеа?

— В блоке регенерации. Он не придет в себя еще минимум час.

— Ладно. На планете есть еще арканцы?

— Нет, — ответил Артод.

— Тогда нам тут делать нечего. Нужно вернуться на Артос, где нас ждут Сторк, Арт и Варуа.

Глава 6

«Фрам» набрал высоту, достаточную для безопасного проведения взрыва бомб, установленных Форстером. Я настроил аппаратуру, чтобы видеть грот, и нажал кнопку дистанционного взрывателя.

В этот момент вся гора вздрогнула, слегка осела, затем вспучилась, и ее охватило пламя. Горело все, что могло и не могло гореть. Внизу, в пещере, сейчас такая температура, что там будет уничтожено все живое.

Если Артод нас не обманывает, то Нандал освобожден от арканцев. Я надеялся, что навсегда.

Я взглянул на Артода и увидел в его глазах отчаяние и безнадежность.

— Все, что сейчас уничтожается, создано моим дедом. Может быть, это моя ошибка...

Нахмурившись, он направился к двери. Я представлял, что он сейчас ощущает. Мятаж арканцев совсем не изменил его.

Когда мы вышли в космос, я задал координаты Артоса, включил автопилот и покинул пост управления.

В кают-компании я застал Рона и Артода. Оба были мрачны. Рон держал в руках стакан граля. Я спросил:

— Где Нильс?

— Пошел отдыхать.

— А Форстер?

— С Велеа в блоке регенерации.

Я открыл шкаф и достал бутылку граля.

— Выпьешь, Артод?

— Нет, спасибо.

— Однако тебе бы не помешало.

— Я не пью вообще.

Он оглянулся и с улыбкой сказал:

— Я восхищаюсь «Фрамом». Никакого сравнения со старыми кораблями, какие видел я.

— Ты имеешь в виду корабль деда?

— Да. Он остался от первой экспедиции.

— Мне кажется, что арканцы до сих пор летают на нем.

— Кто вам сказал это?

— Вигана.

Презрительная улыбка пробежала по его лицу. Я спросил:

— Вигана тоже дочь одного из старых хозяев. Однако она ничего не знает об арканцах. Почему?

— Ее отец был не такой важной персоной, как она думает. Он не был посвящен во многое. Только шефы были в курсе...

— Для нее это хозяева, которые приходили набирать слуг на Артосе.

— То есть людей, — уточнил Рон, — людей, которых посылали служить арканцам. Как служил им ты.

Глаза Артода сверкнули.

— Ты судишь, не зная...

— Не зная что? Раз Вигана никогда не видела арканцев, значит, на Артос прилетали люди. И эти люди отправляли других людей на чудовищные эксперименты, вместо того, чтобы скрыться на Артосе.

— Если бы они скрылись, их товарищи-пленники на Аркане были бы обречены.

— Ты знаешь, что это не так, потому что они нужны арканцам.

И опять во взгляде Артода мелькнула злоба. Я вздохнул. Рон был прав. Слишком легко покорились старые хозяева.

Я наполнил стакан и перевел разговор на другую тему:

— Как была основана община на Артосе?

— Она существовала до моего рождения.

— Это я знаю. И она заселена колонистами с Земли. Нужно было переправить сюда много людей.

— С моим дедом прибыли эмигранты.

— Вигана говорила, что им регулярно доставляют детей. Она верит, что это дети с Арканы, но это невозможно. Тогда откуда же?

— Я ничего не знаю об этом.

Он явно лгал, однако, я держал себя в руках. Он понимал, что такие махинации нам не понравятся. Лоб его покрылся испариной, но он старался не выдавать своего волнения. К счастью для него, пришел Форстер, чтобы пригласить нас к Велеа, который уже пришел в себя.

Велеа лежал неподвижно. Лицо его ничего не выражало, в глазах — пустота.

— Он еще в шоке, — сказал Форстер.

Я обернулся к Артоду.

— Это тот, кого поразили лучи.

— Теперь он вовремя будет укрываться.

— Какую дозу облучения он мог получить?

— Понятия не имею. Это изобретение арканцев. Луч воздействует на мозг, делая его чувствительным к некоторым телепатическим сигналам. Это быстро проходит. Поэтому воздействие лучом надо повторять, как подзаряжают аккумулятор.

Он положил руку на лоб Велеа. Тот почувствовал это и пробормотал:

— Что со мной?

— Вспомни... Тебя поразили фиолетовые лучи...

— Да... Я не успел увернуться.

Это воспоминание вызвало у него дрожь. Затем он улыбнулся и сказал:

— Теперь это позади. Я рад видеть тебя, Абурен, и тебя, Рон.

— А это Артод. Мы освободили его из подземелья. Он был пленником чудовищ. Я налью тебе стакан граля?

— Да... Это поможет мне... Но я хочу спать... спать...

— Ты выпьешь и сразу уснешь.

После того, что с ним произошло, усталость хороший признак.

Артод попросил у нас разрешения удалиться отдыхать, а я, оставив Рона и Форстера на дежурстве, пошел в свою каюту, которую занимал вместе с Нильсом.

Нильс спал. Стараясь не разбудить его, я сел на койку и закурил сигарету. Да, задали нам задачку Артод и его компания. Чего еще можно ждать от них?

Вызывает подозрение то обстоятельство, что они долго находятся в плену. А ведь они вооружены знаниями и опытом своих предков.

Их предки проделали большую работу. Можно было не разделять их взглядов, однако, нельзя оспорить грандиозность проделанной работы. А эти слишком уж легко смирились со своим нынешним положением.

Почему Артод не мог саботировать производство серы? Или просто убежать из-под охраны? Это кажется невероятным. Может, на планете есть и другие опасности, о которых я ничего не знаю? Один, без оружия... и все же... Вероятно, я бы не смирился и сделал все возможное...

А может, он уже привык к чудовищам, и они не вызывают у него такого отвращения, как у меня? Ведь он хорошо узнал их и таким образом продолжил работу своих деда и отца.

И те, на Аркане, находятся в таких же условиях, и они уверены, что вся ситуация в их руках. В таком случае, они вряд ли обрадуются, когда мы явимся освободить их.

Я погасил окурки и закрыл глаза.

К чему ломать голову? Все, чему суждено случиться, произойдет своим чередом. Может быть, лучше, может, хуже, но никогда так, как пытаешься предугадать заранее.

Внезапно раздавшийся звонок разбудил меня. Я проснулся и сел на койку. Нильса уже не было.

Я включил селектор и вызвал центральный пост.

— Что случилось?

— Два звездолета преграждают нам путь на Артос, — ответил Рон.

— Нильс с тобой?

— Я послал его на боевой мостик.

— Я иду.

Надев пояс и проверив оружие, я вышел в коридор, где столкнулся с Артодом.

— Нас атакуют?

— Во всяком случае, могут... Вероятно, твои друзья. Идем.

Рон был один на командном мостике.

Когда я вошел туда, он сказал:

— Ассиньянец ведет себя очень странно.

— Он не спит?

— Нет, я отправил его с Форстером в кают-компанию.

— Правильно.

Я подошел к экранам внешнего обзора. Два звездолета пытались преградить нам путь. Допотопный крейсер и огромный транспорт. Они уступали нам в скорости, однако, занимали более выгодное положение. Их вооружение, хотя и устаревшее, превосходило наше. Все-таки «Фрам» не был военным кораблем.

— Тормози.

Рон нажал кнопки и включил тормозные двигатели. Через несколько секунд «Фрам» застыл неподвижно.

— Дай радиовывоз. Попробуй установить видеоконтакт.

Рон выполнил приказ. Экран засветился, но получить изображение не удалось.

— Проверь все диапазоны. Черт знает, на какой волне они работают.

Я повернулся к Артоду, однако, он развел руками. Помочь он ничем не мог. Лицо его было смертельно бледным. Он явно боялся и не мог скрыть этого.

— Ты боишься?

— Не за себя... Ты будешь атаковать их?

— Все зависит от них.

Внезапно Рон вскрикнул:

— Абурен, есть!

На экране появилось изображение. Круглое лицо со спутанными волосами и всклокоченной бородой. Взгляд холодный и ненавидящий.

— Алло! Крейсер? Что вам нужно? — спросил Рон.

— Нужно встретиться.

— Об этом не может быть и речи.

Артод внезапно оттолкнул Рона и встал перед экраном.

— Картер! Послушай, я с ними. На Нандале все установки уничтожены. Мы идем на Артос, откуда будет организована экспедиция, чтобы освободить всех на Аркане.

Лицо Картера оставалось неподвижным. Он не отвечал. Лишь через некоторое время он нахмурился.

— Картер! Ответь! Ты меня узнаешь? Я — Артод!

Тишина. Картер долго вглядывался в Артода, затем усмехнулся, и в это мгновение «Фрам» мелко задрожал.

— Наконец-то, черт возьми! — выругался Рон. — Магнитная ловушка.

Я бросился к пульту управления и, не осознавая, что делаю, включил двигатели. На полную мощность. Через секунду мы уже неслись в направлении двух звездолетов. Маневр застал врасплох наших противников, которые были уверены, что мы будем пытаться отступить, вырваться. Поэтому они не отреагировали достаточно быстро, и я воспользовался этим: с максимальным ускорением свернул вправо.

Мы вырвались из ловушки, но опасность еще не миновала: в любую минуту поле могло достать нас.

— Огонь!

Да, теперь мы могли применить всю мощь нашего оружия. Нильс был готов. Две ракеты вырвались из люков «Фрама».

— Нет, — застонал Артод, — это же мои братья!

— У нас нет выбора, старина. Или мы, или они. В космосе ошибаться нельзя.

Противник понял опасность, и крейсер начал разворачиваться. Тяжелый транспорт не мог этого сделать.

— Приготовься, Нильс, нет, погоди. Они даже не пытались уничтожить ракеты!

Странно. Не воспользоваться артиллерией! Удачный выстрел — и ракета уничтожена за несколько километров до цели! Почему же они не использовали этот шанс? У крейсера еще есть возможность вернуться, однако, транспорт обречен. Еще секунда — и ракета поразит его.

Ослепительная вспышка — и на месте транспорта лишь облако газов.

Артод схватил меня за руку.

— Вы убийцы!

— Ну, хватит. Иди в свою каюту и успокойся.

Я направил на него свой бластер. Он попятился.

-- На корабле я командир, Артод. И все мои приказы выполняются без обсуждения.

Ярость и отчаяние были на его лице. Однако он усилием воли взял себя в руки.

— Ты не можешь понять меня...

— Почему же? На борту транспорта были твои друзья, я не сомневаюсь. Но не можем же мы погибать, уважая твои дружеские чувства.

Он провел рукой по лицу.

— Да, я понимаю. Я не буду вмешиваться. Позволь мне остаться.

— Чтобы все видеть? Ладно.

Я вернулся к экрану. Крейсер пытался уйти от ракеты, однако, она нагоняла его. Это были последние секунды крейсера.

— Дай команду самоликвидации, Нильс.

Я видел, как ракета взорвалась, не долетев до цели. Я посмотрел на Артода.

— Крейсер цел. Это все, что я могу сделать для тебя.

— Спасибо.

— Надеюсь, что я не буду жалеть об этом.

Разумеется, я зря это сделал: нужно было позволить ракете выполнить свою задачу. Что мне помешало? Да, постарел я. И уже не так тверд, как в юности.

Я покинул центральный пост и пошел к Нильсу.

— У Артода истерика? — спросил он.

— Все нормально. Представь себя на его месте. Как бы ты чувствовал себя, если бы я на твоих глазах торпедировал корабль, на борту которого находятся Форстер и Варуа?

— Да, конечно. Ты думаешь, что друзья Артода уже спасены?

— Все в их руках. Посмотрим, что они сделают, когда мы явемся на Аркану.

— Эти их действия не делают им чести.

Он был прав. И это меня не воодушевляло. Я вздохнул.

— Мы оставим Артода на Артосе у Виганы.

— Да, так будет лучше. Он не внушает мне доверия.

— Мне тоже.

Мы решили вернуться на центральный пост. По пути я заглянул в кают-компанию. Форстер и Велеа собирались обедать. Артод тоже был здесь. Перед ним стоял стакан граля, однако, он не притронулся к нему. В задумчивости он смотрел в пол.

— Странный тип, — заметил Нильс.

Постепенно Артос превратился из яркой звезды в огромный диск. На этот раз я рискнул и сделал два полных витка перед входом в атмосферу. Все шло нормально.

Видимо, крейсер ушел на Аркану. Или же генератор магнитного поля находился на транспорте, уничтоженном нами. Хорошо, если так, но я слабо верил в это.

Второй континент был ярко освещен, и, приблизившись к Нолене, я вышел в эфир.

— «Фрам» вызывает Сторка. «Фрам» вызывает Арта. «Фрам» вызывает Варуа.

— На связи Сторк.

Затем отозвался венерианец, а немного погодя — компаньон Нильса.

— Что можете сообщить?

— Два корабля выходили на орбиту во время предыдущего дневного периода, — сообщил морлот, — однако, они удалились без посадки.

— Они искали «Фрам». Выяснив, что его здесь нет, они полетели на Нандал. Мы встретились с ними в космосе.

— Они атаквали вас?

— Да. С помощью магнитной ловушки. Пришлось уничтожить один из кораблей. Транспорт.

Я маневрировал, чтобы посадить «Фрам» близ Нолены, и через несколько минут к кораблю бежали Сторк, Арт и несколько женщин. Я открыл шлюз, чтобы Нильс, Рон и Артод смогли выйти им навстречу.

Велеа остался со мной на борту, так как я решил сам нести первую вахту. Я вызвал ассиньянца и поручил ему заняться радарам.

Форстера я отправил к Нильсу, который уже познакомил Артода с Виганой. Велеа был по-прежнему какой-то странный. Хмурое лицо, тусклый взгляд. Но свое дело он знал хорошо. После того, как он закончил работу, я предложил ему:

— Ты должен вернуться в блок регенерации. Я справлюсь один.

— Почему? Я чувствую себя прекрасно.

Он усмехнулся и, достав бластер, направил его на меня. Я остолбенел, а когда пришел в себя, он нажал на спуск, и вспышка пронзила мой мозг, заслонив от меня весь мир. Я был парализован и уже ничего не ощущал.

Глава 7

Все мои мышцы стискивала мучительная боль. Я хотел пошевелиться и не мог. Все тело было как будто вывернуто наизнанку.

И вдруг я вспомнил парализующий выстрел бластера, Велеа, направляющего на меня оружие, ослепительную вспышку...

Что на него нашло? О боже! Я попытался встать — и не смог. Лишь один мой мозг, который очнулся от

летаргии... мой разум... чувства... Несмотря на такое состояние, я ощущал, что «Фрам» в воздухе.

А может, в космосе? Кто же им управляет? Этот человек в нескольких шагах от меня. Однако я еще не открыл глаза. Вот теперь можно. Действие бластера мне известно.

Секунда... другая... Я собрал последние силы. Перед глазами туман. Он постепенно рассеивается. Ужасно медленно. И вот я вижу. Командный пульт. Перед ним квадратный силуэт.

Ассиньянец? Мой бог! Неужели это он вывел корабль в космос? Самое сложное начинается потом.

Велеа абсолютный профан в навигации. Мы не смогли ни разу оставить его у пульта управления.

Мои руки уже обрели способность двигаться. Ноги тоже. Я попытался встать, но не смог. Оказывается, мои руки связаны за спиной и привязаны к ногам.

Работа специалиста. Значит, ассиньянец... Безумец...

— Ты один на борту?

Он вздрогнул и резко обернулся. Его лицо блестело от пота.

— Значит, это ты поднял «Фрам» в космос? Ты никогда бы не решился на это сам, Велеа. Ты же знаешь, что не умеешь управлять кораблем.

Он смотрел на меня злыми глазами. Рот его скривился, и он рывкнул:

— Замолчи!

— Мы затеряемся в звездной бездне и подохнем с голоду, если не столкнемся с каким-нибудь астероидом.

— Я же сказал: замолчи.

— Как ты связан с теми, кто приказал тебе взлететь?

На лице его выразился интерес, и он сделал шаг ко мне.

— Что ты хочешь этим сказать?

— То, что тобой управляют с помощью телепатии арканцы. Это произошло с момента, когда тебя коснулся фиолетовый луч. Ты помнишь это?

Он медленно закрыл лицо рукой. Затем покачал головой.

— Никто мне ничего не приказывает.

— Тогда почему ты меня связал? Я тебе больше не друг?

Он размышлял. Эта мысль явно взволновала его, однако, подумав немного, он ответил:

— Ты можешь помешать мне лететь на Аркану.

— Ты хочешь лететь туда?

— Да.

— Почему?

— Я должен лететь туда.

Ясно, что сейчас у него не было прямого контакта с арканцами, но им владела идея-фикс, которую они внушили ему.

— Если ты летишь туда, я бы мог помочь тебе.

— Ты обманываешь.

— Иначе тебе туда не добраться. Ты же не знаком с навигацией.

— Я подумаю.

Бедный Велеа. Он начал расхаживать по рубке. Размышляет. Светлым умом он никогда не отличался, а сейчас перед ним поистине неразрешимая проблема. Ведь ему внушили, что он должен остерегаться меня и доставить корабль на Аркану.

Если бы я исхитрился, я смог бы завоевать его доверие, и у меня появился бы шанс.

— Ты думаешь об автопилоте?

— Он должен довести корабль.

— Куда?

— Не знаю.

— Если ему не задать координаты, он заведет неизвестно куда.

— Я не знаю координат.

— Для этого есть компьютер.

— Как им пользоваться?

— Могу объяснить.

Он пожал плечами.

— Ты не представляешь, как я хотел бы верить тебе.

Да, теперь я понимаю, что такое беседовать с идиотом. Однако терпение...

— Столкновение с астероидом — это мгновенная смерть. Но лично я предпочитаю жизнь. Ты сможешь убедиться в достоверности координат, которые выдаст компьютер.

— Каким образом?

— Ты сам его спросишь. Я лишь скажу, как задать вопрос.

— Тогда начинай.

— Однако мне необходимо встать.

— Ни за что!

— Только ноги, Велеа. Я же должен видеть панель компьютера.

Он глубоко вздохнул. Руки его дрожали.

— Не медли, Велеа. В любой момент мы можем потерпеть катастрофу.

— Но прежде раздастся сигнал тревоги.

— Для тебя это будет большим утешением перед смертью. Чем ты рискуешь? Ведь руки мои будут связаны.

— Хорошо, я развяжу тебе ноги.

— Прекрасно.

Он подошел ко мне, проверил веревки, стягивающие руки. Затем он развязал мне ноги и помог встать, ухватив за ворот комбинезона.

Это был уже большой шаг к освобождению. Я подошел к пульту компьютера.

— Ты знаешь, как это происходит: ты задаешь вопрос, а он выдает ответ на цифровом табло. Следовательно, ты сразу видишь, если я тебя обманываю.

— Пожалуй.

— Четвертая красная кнопка. Ее нужно нажать.

Он нажал кнопку. Загорелась надпись «координаты». Велеа улыбнулся.

— Теперь набери «Аркана». Алфавит ты знаешь.

Одну за другой он нажимал клавиши. А когда закончил, под словом «Аркана» появился ряд цифр.

— Тебе осталось лишь набрать эти цифры на клавиатуре автопилота и нажать красную кнопку справа.

Сказав это, я упал в кресло, а Велеа подошел к пульту управления и стал набирать цифры:

— 69, 17, 44, 36, 23, 77.

Набрав код, он нажал кнопку, и в этот момент корабль вздрогнул. Чудовишные перегрузки обрушились на нас. Ведь ускорение «Фрама» в этот момент достигало 17 же.

Я ждал этого и подготовился: сел в противоперегрузочное кресло. Для Велеа это было полной неожиданностью. Он, вероятно, решил, что мы врезались в астероид.

Падая, он отпустил кнопку, которая вернулась в прежнее положение. Ускорение корабля резко уменьшилось.

В голове туман. У меня ощущение, как будто я лечу в облаках. Толчок был сильнейший. Я мог бы разлететься на куски, но теперь уже легче... как приятно.

Тьма, окутывающая меня, постепенно рассеивается. Я прихожу в себя.

А Велеа? Скорее всего, мертв. Во всяком случае, не шевелится. Голова лежит в луже крови, натекшей из носа и ушей.

Я не мог предупредить его, чтобы он не жал на кнопку слишком долго. Наоборот, я именно этого и хотел.

Велеа был мне очень дорог, однако, у меня не было выбора. Ведь сейчас это был уже совсем другой человек. Даже не человек, а творение арканцев. Он принадлежал им телом и душой.

Со связанными руками я был беспомощен. Однако передвигаться я мог. Я встал на ноги. Ноги еще болели. С трудом подошел к пульту управления.

Сначала нужно остановить «Фрам». Мне пришлось почти лечь на панель, чтобы дотянуться до кнопки, прекращающей подачу энергии к главному двигателю. Скорость начала падать. Еще одна кнопка... и вот «Фрам» застыл в пространстве.

Теперь можно заняться собой. Я прекрасно понимал, что развязать веревку мне не удастся. Единственное, что я мог сделать, это перетереть ее обо что-нибудь... или перерезать. Но как это сделать? Ничего подходящего я не видел. А кислота? Кислота в кладовой! Нужно спуститься на три палубы. Лифтом воспользоваться я не мог. Пришлось спускаться по лестнице.

Однако это оказалось тоже не просто. Ведь по пути нужно было открыть много дверей. И, наконец, я добрался до цели.

Сосуд с кислотой стоял на своем месте в специальном шкафу. Но мне было легче опрокинуть его, чем достать из шкафа и открыть. Кислота с Ассиньяна. Она мне сразу напомнила о Велеа.

Теперь нужно смочить веревку кислотой. Веревку и, возможно, руки. Так... Готово. Я увидел зеленый дым, поднимающийся из-за спины. И вдруг острая боль пронзила меня. Я вскрикнул. Я сжал зубы и изо всех сил рванул веревку. Она разорвалась. Я взглянул на руки...

Глубокие раны причиняли невыносимую боль. Всего несколько минут в регенерационной камере, и я забыл бы о них, однако, сейчас было не до того. Я отправился на центральный пост.

Ассиньянец был мертв. После освобождения Нильса он хотел вернуться на Землю, но я заставил его забыть об этом. Я любил его, и годы, проведенные вместе, навсегда останутся в моей памяти.

Я забрал его оружие и отнес его тело в дезинтегратор. Закрывая люк, я вспомнил о тех, кто был с Нильсом и погиб. Это воспоминание погрузило меня в глубокую

меланхолию. Сейчас нас осталось слишком мало, чтобы выдержать нападение арканцев.

Ну что же, отступать поздно. Я включил двигатель и отправился в блок регенерации залечивать раны.

Автопилот высветил мне время полета до Артоса — двенадцать часов. Я не думал, что мы улетели так далеко.

Вернувшись в рубку, я увеличил скорость и отправился в каюту.

Боль уже совсем утихла, и я обрел способность рассуждать. Я лег на койку.

Значит, Велеа в какой-то момент попал под телепатический контроль арканцев? Странно. Он все время полета на Артос выглядел обычно, и его поведение было для меня полной неожиданностью. Это произошло после посадки на Артос. Значит, арканцы на Артосе? Вигана знала об этом и обманывала меня? Или же ничего не знала? Может, она тоже служит этим чудовищам?

Однако Сторк говорил, что на Артос никто не садился. Впрочем, для высадки можно воспользоваться шлюпками, а их заметить не так просто.

Что хотят арканцы? Вероятно, им нужен «Фрам». Когда они хотели захватить нас с помощью магнитной ловушки, они не делали попыток уничтожить корабль. А Велеа уже тогда показался мне странным. Может, они тогда установили с ним контакт.

Они могли навязать ему свою волю, но они знали, что Велеа не умеет управлять кораблем. А когда я очнулся, они уже прервали контакт с ним.

Это важно. Значит, они могут внушать человеку свои желания, однако, практически не могут управлять им.

Я закурил. Что ж, может, мое открытие даст мне ключ ко всему происходящему на темных планетах...

Все началось с того, что чуть больше ста лет назад дед Артода задумал прибрать к рукам систему темных планет.

Посредством мутации он хотел придать арканцам облик галкаров. Одновременно он создал что-то вроде туземной популяции на Артосе. Видимо, она состояла из детей, привезенных с соседней системы.

Поначалу арканцы как будто поддались на эту авантюру. Все шло хорошо до самой его смерти и какое-то время при его сыне.

Увеличивающееся за счет постоянного привоза детей население Артоса образовало общину, которая управлялась с помощью законов, ограничивающих права мужчин. Естественно, на хозяев эти законы не распространялись.

К несчастью, от мутации к мутации развивался интеллект арканцев, и однажды они взбунтовались. Они не желали принимать облик галкаров, они предпочитали быть похожими на людей. Это доказывает, что ум их был далеко не в зародышевом состоянии. Необходимо гениальное прозрение, чтобы видеть те преимущества, которые дает облик человека.

Вероятно, далеко не все, но какая-то часть арканцев обладала повышенным интеллектом и смогла подчинить себе людей.

Да, это было именно так. Два типа арканцев — и один из них — элита, арканцы, доминирующие здесь, управляющие фиолетовым лучом. И рефлексy у них не такие плохие и замедленные, как у остальных арканцев, которых большинство.

Теперь я понял, как с ними надо бороться. Погасив сигарету, я включил гипносон и закрыл глаза. Я проснусь, как только «Фрам» приблизится к Артосу.

Я открыл глаза. Самочувствие прекрасное, я был свеж и бодр. Встав с постели, я размялся и пошел включать экраны внешнего обзора.

До Артоса не более двадцати минут лета. Локаторы уже включились. Я подошел к экранам. Очаг энергии... Мощный очаг... При предыдущих посещениях планеты его не было.

Вероятно, корабль... Крейсер, которому я позволил уйти после уничтожения сопровождающего его транспорта. Если генератор магнитного поля на крейсере, нужно быть очень внимательным. На этот раз они не позволят мне прорваться, как было раньше.

Пока я ничем не рискую. Радары крейсера не могут меня обнаружить с поверхности планеты на таком расстоянии. Я включил анализаторы, чтобы знать все наверняка. Действительно, крейсер, хотя неизвестно, тот ли это самый. На среднем континенте, близ Нолены.

Эту зону лучше обойти, так как при посадке я буду там особенно уязвим.

Хорошо. Посадку нужно делать в другом полушарии. И без выхода на орбиту. Я проверил запас горючего. Вполне достаточно. Потом включил автопилот, так как в данном случае не хотел доверяться машине. Я предпочитал управлять сам.

Компьютер выдал мне данные для посадки.

Полная темнота. Входя в атмосферу, я включил инфравизор. Всем существом я ощутил толчок при соприкосновении «Фрама» с атмосферой. Если все будет нор-

мально, я опущусь в верхней части экваториального континента. Крейсер либо не обнаружил меня, либо не был оснащен генератором магнитного поля. Я быстро снижался и уже мог рассмотреть под собой необъятный зеленый массив.

В инфракрасных лучах я не мог видеть подробностей, и мне пришлось выпустить две осветительные ракеты.

Жуткое зрелище... Огромные деревья переплетены гигантскими лианами. Из-под листвы выпорхнули обезумевшие от света птицы, и тут я заметил среди леса большую поляну.

Ракеты погасли, и я выпустил еще одну. Она осветила деревню, низкие хижины, сплетенные их тростника. «Фрам» мягко коснулся земли, и в последних лучах света ракеты я заметил галкаров, выходящих из хижин...

Глава 8

Я включил прожектор. При его свете мне открылось фантастическое зрелище. Я видел галкаров раньше, на их родной планете, даже приручил одного из них. Однако это были совсем другие.

Падавший на них яркий свет совсем не беспокоил их, не приводил в ужас. Они не паниковали, не метались. Они собрались на небольшой площадке среди хижин, и началось представление.

Я был уверен, что они говорят. Но на каком языке?! Мне стало страшно. Природа создала их не такими. Что-то неестественное было в их поведении. Что же сделал с ними дед Артода?

Отчасти меня утешало то, что в их виде не было ничего ненормального. Однако я уже знал, что арканцы дали им разум. Значит, они разумны? В чем же это выражается? В умении вести себя? В той важности, которой лишены примитивные галкары?

Напрасно я искал различия. Тело такое же, как у галкаров. Кожа толстая как панцирь, короткие лапы, прямоугольная морда, подобно ящику, разделялась на две части, когда галкар разжимал челюсти. Руки на месте: маленькие, короткие руки у самой шеи, оканчивающиеся ладонями с шестью пальцами, а седьмой большой палец был с другой стороны.

Тем не менее, мутация налицо. От рептилий у них ничего не осталось. Они стояли неподвижно посреди

площадки, задрав головы, как будто стараясь рассмотреть в темноте корабль, висящий над ними.

Казалось, свет совсем не ослепляет их. Мне хотелось понаблюдать еще, но у меня не было времени. Надо было спешить на другой континент, надо было узнать, что же стало с моими друзьями.

Да, надо... однако я не могу. Тысячи неясных мыслей проносятся в моем мозгу. Непонятные, бессмысленные видения. Никакой логики.

Что со мной происходит? Я сделал усилие, чтобы взять себя в руки. Я даже смог протянуть руку, чтобы нажать кнопку набора высоты... Но, черт возьми... я схожу с ума...

Я тряхнул головой и даже встал, чтобы сбросить с себя это наваждение.

Галкары — телепаты! Это они ворвались в мой мозг, и я позволил им сделать это. Нет, нужно постараться победить это колдовство. Я выключил прожектор, включил двигатели. И, как только расстояние между мной и галкарами стало увеличиваться, я ощутил себя свободным.

Они опасны, эти галкары. Во всяком случае, когда собираются в большую группу.

Я летел, ориентируясь в инфракрасных лучах, вдоль границы земли и океана. Здесь меня не могли обнаружить локаторы крейсера.

Сейчас они, очевидно, прощупывают космос. Если, конечно, считают, что я все еще опасен для них. Они знают, что Велеа обезвредил меня, и полагают, что «Фрам» затерялся в космосе.

А если Нильс и остальные попали в плен к этим чудовищам? Хочется верить, что этого не случилось. Нильс — не ребенок, а остальные — тем более. Это старые космические волки, которые выкручивались и не из таких ситуаций.

«Фрам» летел над лесами в направлении континента, где находилась Нолен. Чтобы прибыть с восходом солнца я не увеличивал скорость.

Я попытался связаться с Нильсом по радио, но безуспешно. Впрочем, это ничего не значит: Нильс, может, не выходит в эфир, так как считает, что я мертв или в плену.

Лес кончился, началась безводная голая пустыня. За нею — океан. Я немного поднялся, чтобы меня не зацепила огромная волна. В это время из-за огромного диска планеты, плывущей по небу, показался луч света. Солнце! Я прибавил скорость и достиг береговой линии континента как раз в тот момент, когда на землю упали первые лучи.

Это меня вполне устраивало. Я двинулся вдоль берега, чтобы найти укромную бухточку, в которой можно укрыть «Фрам».

До Нолены я решил добираться без корабля, чтобы не привлекать внимания.

Вот то, что мне нужно. Маленький песчаный пляж, укрытый амфитеатром высоких скал.

Я посадил «Фрам» и включил бортовой передатчик.

— Абурен вызывает Нильса... Абурен вызывает Нильса...

Тишина. Я перепробовал все диапазоны, однако, безрезультатно.

Теперь, когда настал день, я начал беспокоиться. Они должны были включить приемник. Если они не сделали этого, то дело плохо.

Проверив заряды бластера и энергетический потенциал лазера, я закрепил гравикомпенсатор на поясе и надел специальный шлем с приемопередатчиком. «Фрам» я оставлял спокойно: он снабжен системой автоматической защиты. Неприятно лишь то, что я настроил защиту на свои биоволны. Если со мной что-то случится, Нильс и его друзья не смогут попасть на корабль. Однако не мог же я допустить того, чтобы корабль захватили арканцы.

Я захватил терморужье, проверил его и вышел через люк. С помощью гравикомпенсатора я поднялся на возвышающееся над скалами плато

Нолена находилась в глубине континента, километрах в ста от берега. Гравикомпенсатор обеспечивал мне скорость передвижения восемьдесят километров в час. Путь неблизкий, и к городу я должен подобраться незамеченным.

Вскоре начались поля, а потом я увидел огромную реку. Я пересек ее, пролетев над самой водой. Уже прошел час, как я покинул «Фрам», и вдруг в динамике шлема раздался щелчок, и я услышал:

— Сторк вызывает Нильса...

Я облегченно вздохнул. Ответ пришел почти мгновенно:

— Нильс на связи.

Я тут же включил свой передатчик.

— Это Абурен. Я пытаюсь связаться с вами уже два часа.

— Абурен? — Голос Нильса дрожал от волнения. — Мы думали, ты давно погиб или попал в плен. Где ты сейчас?

— На пути в Нолену. Я пересек реку, которая протекает через город.

- Не ходи дальше.
- Арканцы?
- Да. Они прилетели. С людьми, которые им служат. Мой отец и Форстер у них в плену. Варуа и Арт тоже.
- Это невозможно? Как это случилось?
- Я сам ничего не знаю. Они находились в Нолене, когда прилетел корабль арканцев. Мы со Сторком тоже чуть не влипли.
- И Артод?
- Мы разделились на три группы, а он должен был обеспечивать связь.
- Где он сейчас и с кем?
- Я не знаю.
- Он вас предал?
- Вероятно, но у меня нет доказательств. Ты привел «Фрам»?
- Конечно.
- Мы ничего не могли понять, когда ты неожиданно взлетел. Что произошло?
- Велеа... Он парализовал меня из бластера, а потом пытался удрать в космос.
- Ничего не понимая в навигации?
- Арканцы, которые управляли им, не знали таких деталей.
- Ты уверен, что именно арканцы заставили его?
- Абсолютно. С тех пор, как его поразил фиолетовый луч, он стал подвержен действию телепатии.
- Кто же мог управлять им?
- Я думаю, на Артосе были арканцы...
- До прибытия старого крейсера?
- Вероятно.
- Нильс помолчал, затем спросил:
- Ты на борту «Фрама»?
- Нет, я оставил его на берегу.
- Правильно сделал. Недалеко от Нолены, в лесу, река делает поворот. Там я тебя встречу.
- И ты, Сторк.
- Хорошо.
- До встречи.

Нам необходимо собраться втроем. Но даже и тогда нам будет трудно. Дела наши совсем плохи. Как мог Рон так глупо попасть в плен? Рон и остальные. Неужели они не заметили прибытия звездолета?

Однако это еще не все... Я сам чуть не попался. Из-за Велеа... нет, вместе с ним... Я вспомнил двусмысленное поведение Артода, когда на нас напали звездолеты.

Вскоре я был там, где Нильс назначил мне встречу. Я опустился на вершину скалы, возвышающуюся над водой.

Вокруг меня темнел лес. Смесь земных деревьев с местными. Среди них были деревья, похожие на ивы, на ветвях которых висели тяжелые красные плоды.

Что касается Рона и компании, тут может быть только одно объяснение. Фиолетовый луч. Если их поразил луч, то они стали как Велеа. Даже опаснее, чем он. Я закрипел зубами, представив себе перспективу стать врагом своих лучших друзей. Я вспомнил, как странно вел себя Велеа, когда мы летели к Артосу... Но нужно быть внимательнее: в небе над Ноленой я увидел поднимающийся корабль. В это время меня окликнул Сторк.

— Ты видел? — спросил я его.

— Похоже, он направляется сюда.

— Значит, арканцы перехватили наш разговор?

— С помощью приемников пленников.

— Вызови Нильса.

Морлот включил передатчик.

— Нильс?

— Я слушаю.

— Оставайся там, где находишься, и не передавай нам свои координаты.

— Почему?

— Арканцы засекли место нашей встречи. К счастью, я уже встретился с Абуреном.

— Если я останусь здесь, как вы найдете меня.

Я вмешался:

— Я позабочусь об этом, Нильс. Однако будет лучше, если сейчас мы не будем встречаться.

Выключив передатчик, я сделал знак Сторку, и мы направились к лесу, где деревья предоставили нам надежное укрытие. И вовремя, так как звездолет уже приближался к излучине реки.

— У них наверняка есть инфракрасные детекторы, которые регистрируют тепло наших тел, — сказал Сторк.

— Это неопасно. В лесу много источников инфракрасного излучения.

— Мы отправляемся на «Фрам»?

— Не сразу.

Я надеялся, что, когда они поймут, что поиск нас методом детектирования не дает результатов, они посадят

корабль и организуют прочесывание. Их на борту должно быть очень много, но для ближнего боя мы вооружены лучше. Сторк понял это, и улыбнувшись, стал проверять свое оружие.

— Я с удовольствием попотрошу эти чудовища.

— Еще не поздно. Пока инициатива была в их руках. Пора нам перехватить ее.

Корабль лишь на несколько секунд задержался на каждом берегу реки. С него высадилось по десять человек.

— Люди? — удивился Сторк.

— Да. Люди, которые служат арканцам. Добровольно или после воздействия фиолетовым лучом.

— В любом случае, они нас не щадили, если им удавалось добраться до нас.

— Чтобы наши силы сравнялись, мы должны с наименьшим риском для нас уничтожить их как можно больше.

— Они могут отомстить: ведь наши друзья у них в плену.

— Да, риск есть.

Я был даже рад, что Нильса с нами нет.

— Если мы не одержим быструю и полную победу, мы можем потерять своих друзей. Тогда никакие переговоры не помогут.

Звездолет еще только набирал высоту, а люди, высадившиеся из него, уже разворачивались в цепь, чтобы начать прочесывание.

— Похоже, они поняли, что мы решили дать им бой, — сказал Сторк.

— Несомненно. И они готовы принести в жертву своих людей.

— С какой целью?

— Сначала они хотели завладеть «Фрамом», однако, теперь они боятся, что мы покинем темные планеты и объявим тревогу в соседних системах.

— Как мы будем атаковать их?

— С двух флангов. Ты будешь слева. Убьешь одного или двух и сразу отходи. Я почти уверен, что звездолет вмешается в бой.

— Хорошо, но нужно назначить место встречи, так как передатчиками пользоваться нельзя.

— Встретимся ниже по течению реки...

Наши преследователи двигались медленно. Они не имели гравикомпенсаторов и с большим трудом преодо-

левали препятствия. Они углубились в чащу, и их цепь достаточно быстро распалась.

Кроме ивоподобных деревьев с тяжелыми красными плодами, здесь было много деревьев, похожих на сосны. Их иглы, длиной в десять сантиметров, были тверды как сталь и остры как бритва. Эти иглы необычайно опасны, когда стоишь внизу.

Я устроился в развилке ствола дуба лицом к проходу, по которому должны обязательно пройти враги.

Изредка в просветах между деревьями я видел пробирающихся преследователей. Это были люди высокого роста, настоящие гиганты, атлеты.

В динамике раздался шорох: это Сторк дал сигнал, что занял позицию. Я обдумывал, чем мне воспользоваться, терморужьем или бластером.

На человеке, что шел впереди, был костюм как у Артода, только розовый. Сверху была натянута кожаная куртка, на голове — шлем. Несомненно, для защиты от игл. В руках терморужье, вероятно, захваченное у пленников. Я приготовил лазер.

С помощью бластера я смог бы только парализовать его, однако, тогда стиснутые судорогой пальцы сжали бы терморужье, и я не смог бы забрать его. Ну что ж, тем хуже для этого человека.

Я прицелился и нажал спуск. Оружие абсолютно бесшумное. Я лишь услышал легкий шелест, когда узкий пучок энергии вырвался из ствола. Я попал в лицо, и человек упал с расщеченной на две части головой.

Я спрыгнул на землю, взял терморужье, которое выпало из его рук, и закинул его за спину. В это время на другом фланге началась стрельба. И тут же остальные преследователи развернулись и бросились бежать. Маневр был хорошо отрепетирован. Я закричал в микрофон:

— Берегись корабля!

Выжав всю мощь гравикомпенсатора, я полетел к реке. Вовремя. Весь участок леса, где только что произошло столкновение, был залит напалмом. Я включил передатчик.

— Сторк?

— Все в порядке.

Он тоже сумел скрыться вовремя. Облегченно вздохнув, я продолжил путь, пока не прибыл в назначенное место. Здесь, спрятавшись, я стал наблюдать за звездолетом.

Он бросал бомбы наугад, и я решил воспользоваться этим, чтобы занять более удобную позицию. Но сначала нужно узнать, где же десант.

Вскоре я увидел их на склоне скалы, где я ждал Сторка утром. Они расположились в беззаботных позах и были абсолютно неподвижны. «Не роботы ли это», — подумал я. Грех не воспользоваться таким удобным случаем и не уничтожить их всех сразу. Я взял в руки терморужье и прицелился. Когда они заметят меня, будет поздно.

Шквал огня обрушился на скалу, и вдруг с другого берега реки раздались выстрелы. Черт возьми! Пуля попала в бедро. Я нырнул в кусты и выругался. Это ранение само по себе не опасно, однако, пока я доберусь до корабля, я потеряю много крови.

Боль в ноге стала непереносимой. Пришлось лечь на землю. Несколько секунд мне пришлось затратить на то, чтобы отрегулировать бластер на небольшую мощность — на частичную парализацию.

Я направил его на ногу и нажал спуск. Боль исчезла. Мне казалось, что мышцы стали деревянными. Я сжал зубы и, хромая, поковылял в лес, так как увидел, что сюда приближается звездолет. Позади меня полыхал лес. Мое бегство было паническим, я не рисковал вызвать Сторка. А тем более Нильса, чтобы он не обнаружил себя.

Да, арканцы значительно опаснее, чем я предполагал. Может, не сами арканцы, а люди, которые им служат. А может, Артод лгал, рассказывая о том, что арканцы взбунтовались. Может, это дело рук хозяев?

Мысли путались у меня в голове. Я слишком устал. Надо возвращаться на «Фрам», но самому мне не добраться. Придется riskнуть и вызвать морлота.

— Сторк?

— Да.

— Скорее... Я ранен.

Другой голос вмешался в нашу беседу. Нильс.

— А я? Что мне делать?

— Не выдавай свою позицию. Сторк присоединится к тебе, когда доставит меня на «Фрам».

Глава 9

Я выбрался из леса и спрятался среди скал возле реки. Далеко на севере в небе кружил звездолет, продолжая поиски.

Арканцы или хозяева? Меня этот вопрос беспокоил все больше и больше. Парализованная нога причиняла

мне ужасные страдания, но я был уверен, что продержусь до прихода Сторка.

Но что это? Не его ли обнаружили враги? Я заметил, что один из участков леса подвергается сильному обстрелу.

Я принял обезболивающую таблетку, опустил ногу в холодную воду и почувствовал, что мне стало легче. Может, еще раз вызвать Сторка? Нет, нас могут запеленговать. У них ведь приемники наших друзей.

Как быть с Нильсом? Я безуспешно искал способ сообщить Нильсу наши координаты, чтобы враги ничего не смогли понять. Какой-то шорох в траве на поляне... Это же Сторк! Я окликнул его:

— Я вижу тебя! Возьми левее!

Он изменил направление, и, когда он был совсем рядом, я высунулся из укрытия.

— А я думал, что там, в лесу, был ты.

— Это Нильс.

— Тогда ему надо помочь.

— Он прекрасно справится сам. Кроме того, он видел меня и знает, в каком направлении нужно отходить.

— Тогда слушай меня. Мне нужно как можно скорее добраться до «Фрама».

— Из-за ноги?

— Да. «Фрам» находится на берегу моря, в скалистой бухте. Вы с Нильсом спуститесь по реке до самого устья, потом идите по берегу океана налево.

— Понял.

Звездолет был далеко, и я мог рискнуть и взлететь в воздух. Мне хотелось о многом расспросить Сторка. Однако я боялся задерживаться хоть на минуту. Я чуть не закричал, когда вынул ногу из воды и двинулся в путь. Сразу же я вспомнил Вигану и подумал, какие же мучения приходилось выносить ей.

Если они не прекратят преследование, наши дела будут совсем плохи. Однако, пока у нас «Фрам», мы все же будем иметь превосходство, если, конечно, не напоремся на ловушку. Я думал, вычислял, прикидывал, чтобы хоть на секунду отвлечься от мучительной боли, терзающей меня. Я вернусь на Землю, в Пиренеи, где меня ждет Норрела. Мне казалось, что все это так далеко — далеко и во времени, и в пространстве. Мне казалось, что я больше никогда не смогу вернуться туда. Никогда.

Вот и берег... «Фрам»... Я двигался как во сне. Люк открылся автоматически, уловив мое биополе, и я на лифте сразу отправился в блок регенерации.

Времени у меня не было, и я сделал только обезболивающий укол. Стало значительно легче. Я пришел в себя и направился на центральный пост, чтобы проследить за прибытием Нильса и Сторка.

Над устьем реки показался звездолет арканцев, и тут я услышал вызов:

— Абурен... Мы отрезаны... Арканцы высадили десант... человек двадцать. Они преграждают нам путь...

— Я прибуду на «Фраме» и заберу вас.

— А если на звездолете есть магнитная ловушка?

— Я открою огонь до того, как они смогут воспользоваться ею. Они еще не обнаружили меня. Держитесь. Я буду все время на связи, чтобы вы могли ориентироваться.

— Абурен...

В голосе Нильса я уловил нотки нерешительности.

— Ты думаешь об отце. Я тоже. Возможно, он на борту. Я знаю, но мы должны рисковать. Я должен выручить вас. Если я этого не сделаю, все потеряно. Для всех...

Я включил двигатель и стал ловить звездолет в видоискатель устройства наведения. И, как только звездолет заметил меня, я пустил ракету. Корабль сделал рывок в сторону, ракета прошла мимо. Я произвел второй пуск. Эта игра позволит мне, преследуя звездолет, перебраться через скалы к реке.

Было ясно, что звездолетом управляет неопытный пилот, и, если бы я не опасался магнитной ловушки, я легко разделался бы с ним.

Еще одна ракета, ответный маневр. На этот раз противник предпочел прекратить игру и удалиться в сторону Нолены. Этого я и добивался. Он оставил даже тех, кого высадил на берегу.

Я обнаружил их на поляне во время отдыха и атаковал лучами лазера. Нескольких удалось убить, а для преследования остальных у меня не было времени.

Я повернул ниже по течению реки.

— Сюда! — послышался голос Нильса.

Я посадил «Фрам» и открыл люк. Через полминуты Сторк и Нильс были на борту. Я набрал высоту и направился к океану, над которым мог чувствовать себя в безопасности. Разумеется, о победе не было и речи, однако, я сделал все, что мог.

Сторк остался управлять кораблем, а Нильс спустился со мной в блок регенерации. Он не мог сообщить мне ничего нового, кроме того, что уже сказал по радио. Рон, Арт, Форстер и Варуа попали в западню в Нолене.

— Что подумали вы, когда «Фрам» внезапно взлетел?

— Что ты захвачен магнитной ловушкой. К тому же ты ничего не сообщил по радио.

— О Велеа вы не подумали?

— Нет... Велеа... Враг... Невероятно...

— Он парализовал меня неожиданно. Да еще «Фрам» взлетел. Для вас это было ударом.

— Ужасно. Я сразу же сформировал три группы. Четыре, если считать Артода. Я думал, что арканцы немедленно нападут на нас.

— Три группы по два человека?

— Да. Арт и отец должны были остаться в Нолене. Варуа и Форстер должны были занять холм над городом. Сторк и я отправились на равнину.

— А Артод?

— Он должен был поддерживать связь.

— Когда прибыли арканцы?

— Ночью. Мы ничего не заметили. Совершенно случайно я обнаружил подозрительные тени вокруг места, где мы обосновались. Я бросил осветительную гранату. Нас окружило человек двадцать, вооруженных автоматами. Тот, кто ими командовал, предложил нам сдаться.

— Они точно знали, где вы находитесь.

— Да.

— Благодаря Артоду?

— Вероятно. Естественно, сдаваться мы не пожелали, открыли огонь и прорвались через окружение.

— Арканцы стреляли в вас?

— Стреляли, но не очень умело. У меня даже сложилось впечатление, что их цель — напугать нас и взять живыми.

— Возможно. Им нужны люди для мутаций.

Нильс поморщился, а я сказал:

— Скорее всего, они все узнали от Артода.

— Изменник.

— Точнее, враг.

— Который находился на службе у арканцев?

Я покачал головой.

— Я не верю его рассказу. Арканцы не устраивали переворот. Артод не был пленником. Он лгал, чтобы спасти свою жизнь.

— Тогда... Эти люди...

— Хозяева. Те, о которых говорила Вигана. Артод пришел на смену своему отцу. Арканцы всего лишь инструмент в его руках.

— Тогда мой отец...

— Мы освободим его. Еще не поздно.

— Ты уверен?

— Мутации осуществляются на Нандале и Аркане. Следовательно, пока звездолет здесь, можно не беспокоиться о наших друзьях.

— А если звездолет улетел?

— Нет, он еще здесь. Мы будем внимательно следить за небом.

Нильс посмотрел на мою ногу в регенераторной ванне.

— Когда ты будешь на ногах?

— К середине следующей ночи. И тогда мы предпримем наступление. А сейчас оставь меня.

Он положил руку мне на плечо и улыбнулся. В его улыбке не было радости. Через секунду он скрылся за дверью. Это ужасно: знать, что твой отец в плену, и бездействовать. Однако у нас не было выбора. Для борьбы нам понадобятся все наши силы, и я должен как можно скорее вернуться в строй.

Я направился к бассейну. Когда регенерационная жидкость поднялась и укрыла меня, робот-хирург, анестезировав бедро, занялся извлечением пули...

Горячий песок пляжа... я, задыхаясь, бегу по нему, и ужасное чудовище настигает меня, его зловонное дыхание обжигает мне затылок...

Я открыл глаза. Поняв, что это жуткий сон, кошмар, я облегченно вздохнул. Робот-массажист уже трудился над ногой. Окончательно придя в себя, я огляделся. Я лежал в пустом бассейне. Рука сразу же ощупала раненое бедро. Ничего, Ни шрама, ни царапины. Боли тоже нет.

Я чувствовал себя как новорожденный. Но, к сожалению, процедура оздоровления коснулась только тела...

Жаль, что нельзя часто повторять эту процедуру, чтобы вечно оставаться молодым и полным сил. Существуют определенные ограничения для психики, и только компьютер регенерационного блока может определить, не противопоказано ли такое лечение.

Я вышел из бассейна и стал одеваться. Новый комбинезон был уже приготовлен для меня. Одевшись, я включил интерком и вызвал центральный пост. На экране появилось лицо Сторка...

— Где мы?

— Все в той же точке. Дрейфуем над океаном. Еще ночь. Кажется, что на этой проклятой планете ночи никогда не кончаются.

— Где Нильс?

— В своей каюте.

— А звездолет хозяев?

— Наши локаторы не упустят его.

— Где он находится?

— В Нолене. Приборы показывают наличие силового поля.

— И он ни разу ничего не предпринимал?

— Нет.

— Странно. Тебе так не кажется?

— Да, очень странно.

Все-таки, скорее всего, генератор магнитной ловушки находился на уничтоженном нами транспорте. Вероятно, однако я не осмелился бы утверждать это.

Сторк, очевидно, думал так же, но промолчал. Может быть, потому, что он суеверен. Я изобразил нечто, похожее на улыбку.

— Курс на Нолену. Нужно прибыть туда до рассвета.

— Есть.

Я застегнул пояс и направился в каюту, которую занимал вместе с Нильсом. Он не спал, а лежал на койке, сцепив руки на затылке.

Когда я вошел, он вскочил.

— Ты уже вышел из блока регенерации?

— Да. А ты как? Отдохнул?

— Не мог уснуть.

— Ты думал о Роне... Я тоже... Кстати, мы летим в Нолену.

— Значит, дело идет к концу?

Его лицо оживилось, и он встал. Однако я не разделял его энтузиазма.

— Может быть, не сразу... Не знаю, но у меня нет желания показывать им «Фрам»... У меня вот такой план. Вы высадите меня вблизи Нолены, и я попытаюсь найти Вигану.

— Ты ей доверишь?

— Я иду на риск. Однако, пока мы одни, у нас мало шансов. Нам нужна помощь. Женщины могли бы нам помочь. Если с ними ничего не получится, попытаюсь связаться с мужчинами.

— Я иду с тобой?

— На этот раз нет, Нильс. Сейчас мы не можем позволить себе такой роскоши, чтобы два человека выполняли простейшую миссию, такую как переговоры.

— А если тебя схватят?

— Тогда тебе придется испытать свой шанс. Но одному.

— Почему?

— Сторк должен остаться на корабле. Он должен вернуться, если с тобой что-то случится.

— Чтобы сообщить властям?

— Это наш долг, Нильс. Надо, чтобы цивилизованный мир узнал о том, что творится здесь.

Нильс колебался. Он прошелся по каюте, остановился, стукнул кулаком по ладони.

— Согласен. Ты прав. Это наш долг.

Я положил руку ему на плечо.

— Однако мы не должны сесть на мель. Этого не случится. Мы попадали и в более сложные ситуации.

— Но тогда мы знали точно, с кем сражались.

— Мы и сейчас знаем. Единственная опасность для нас — фиолетовый луч. А так наши враги не имеют военных навыков. Да и не знают, за что сражаются.

Нильс оделся, и мы отправились на центральный пост. Сторк сидел перед пультом управления.

— Как звездолет?

— Никакой реакции. Он постоянно окружен силовым полем.

— Мы далеко от Нолены?

— Нет.

— Высади меня на холмах у города. Там я сориентируюсь и смогу добраться до дворца.

В Нолене светились лишь несколько окон. Вопреки моим расчетам утро еще не наступило. Тем лучше. На этой таинственной планете пока еще не было создано искусственное солнце.

Сторк открыл люк, и я прыгнул в пустоту, одновременно включив гравикомпенсатор.

«Фрам» развернулся и полетел в сторону леса, где мы недавно приняли бой.

Я бесшумно добрался до погруженного в темноту города и вскоре обнаружил звездолет на площади. Там уже однажды садился «Фрам». Звездолет был окружен слабо мерцающим силовым полем.

Дворец Виганы я нашел легко. Он был выше остальных зданий и ярко светился огнями. Это облегчало мою задачу. Я опустился на верхнюю террасу.

Никого. Я выключил гравикомпенсатор и стал искать лестницу. В руках у меня был бластер, за спиной — терморужье. Вот и лестница. Прямо посреди террасы. Пятнадцать ступенек. Я оказался на площадке с четырьмя дверями.

Какую выбрать? Я попытался открыть первую. Заперта. Вторая — тоже. Третья легко открылась. Я включил фонарик и вошел. Это оказалась спальня. И тут раздался крик.

Я направил луч света туда, откуда слышался крик. С постели соскочила молодая девушка и закричала еще громче. В глазах ее был ужас. Она закрыла лицо руками.

— Не кричи, прошу тебя. Я пришел к Вигане. Где она?

Девушка смотрела на меня, ничего не понимая.

Ах, да. Вигана говорила мне, что никто, кроме нее, не понимает галактический язык. Черт возьми, что же делать? Малышка по-прежнему была в ужасе. Я приблизился к ней.

— Вигана, — сказал я. — Вигана!

Похоже, что она понимает. По крайней мере, немного успокоилась и покачала головой.

Немного поколебавшись, она встала с постели, покраснев до ушей. Она была абсолютно голая.

Я улыбнулся и отвернулся. Я стоял возле двери, положив руку на рукоять бластера, пока девушка не коснулась моего плеча. Я обернулся.

На ней была короткая юбка, едва доходившая до бедер, и розовая блузка, обнажавшая правое плечо. На блузке слева, на уровне груди, я заметил эмблему, на которой было вышито слово. Я нагнулся и прочитал:

— Риелла.

Девушка улыбнулась и повторила, показывая на себя пальцем:

— Риелла.

Теперь я, показав на себя пальцем, сказал:

— Абурен.

Она снова улыбнулась и повторила:

— Абурен.

Отлично. Вот и познакомились. Она что-то сказала на своем языке и, сделав знак следовать за ней, открыла маленькую дверь за кроватью.

Куда она ведет меня? К Вигане или к хозяевам? За дверью была площадка. Она была освещена, и вверх от нее вела монументальная лестница. Я направился к ней, однако Риелла взяла меня за руку и покачала головой.

— Не туда?

Она провела меня на другой конец площадки и указала на другую лестницу, поскромнее. Здесь было темно и я включил фонарик.

Риелла пошла впереди, и я увидел на ее ногах красивые сандалии. Она спешила. За поворотом лестницы она обернулась, чтобы убедиться, что я не отстаю. Теперь она не боялась. Может, она узнала меня? Возможно. К тому же я не знал ее языка и, значит, не был одним из хозяев.

Еще одна площадка. Кажется, мы находимся на уровне первого этажа, но Риелла продолжала спускаться. Внезапно тошнотворный запах ударил мне в нос и я попытался остановиться. Она поняла, что беспокоит меня. Видимо, ей не раз приходилось вдыхать такой воздух. Она взяла меня за руку и мы продолжали спуск.

Глава 10

Чем дальше мы спускались, тем ужаснее становился запах. Я достал бластер и показал его Риелле, предостерегая ее. Внезапно она остановилась и прислушалась. Кто-то разговаривал...

Голос хриплый, выразительный, со странным акцентом. Я не понимал, о чем они говорили, но увидел, что Риелла побледнела и сжала мою руку.

— Речь идет о Вигане?

— Вигана!

Она кивнула головой, и глаза ее наполнились слезами. Я прошел вперед и стал быстро спускаться. Разговор возобновился, на этот раз на галактическом языке:

— Они скоро будут здесь. Тогда мы сможем схватить их. Осталось только спровоцировать их, чтобы они обнаружили себя. Благодаря тебе мы сможем схватить твоего шефа. Да, да, благодаря тебе он попадет в ловушку. Я знаю, ты очень страдаешь, ты сходишь с ума, сознавая это. Твой шеф и твой сын... Они никогда не простят тебе этого.

Раздался хриплый смех, и в этот момент я ворвался в подвал, где запах был совершенно непереносим. Сначала я увидел только одного человека, который ходил вдоль ряда клеток, из которых внезапно раздался пронзительный свист.

Арканцы почувствовали мое присутствие, и человек резко обернулся. Увидев меня, он изменился в лице, в его глазах засверкала злоба. Но прежде, чем он успел достать оружие, я выстрелил. Он мгновенно окаменел.

Других хозяев в подвале не было. Под аккомпанемент пронзительного свиста я прошел вперед.

— Абурен...

Голос Рона... А вот и он, в одной из клеток. Клетка разделена на две части. В одной половине Рон, в другой — огромное чудовище.

В соседней клетке, также разделенной на две, находилась Вигана. Однако то, что я увидел в следующей клетке, из которой была удалена перегородка, заставило меня оцепенеть от ужаса.

Варуа и арканец представляли собой одно целое. Лицо Варуа смотрело на меня унылым, ничего не выражающим взглядом. Он, видимо, не испытывал страданий, но меня он уже не узнавал.

Спрятав бластер, я достал лазер и открыл огонь. Тонкий луч разрезал чудовище пополам, и свист стал невыносимо пронзительным.

Хлынула зеленая кровь...

Вокруг было много клеток. Я насчитал двенадцать. Одни с перегородками, другие без них. Как безумный убийца-маньяк, я начал убивать арканцев. Обыкновенных и мутантов. Среди них я нашел Форстера, уже наполовину поглощенного. Помочь ему я ничем не мог. Затем увидел Арта, еще невредимого. Его я освободил в первую очередь, разрезав лазером прутья клетки. Он вышел, проворчав:

— Было бы еще одним меньше...

Теперь Рон... и Вигана... Оба едва живые. Вигана почти безумная. Она не могла произнести ни слова. Растроганный Рон протянул ко мне руки, чтобы обнять меня, но нас остановил крик Риеллы:

— Эй!

Она показала на вход в подвал, и мы услышали топот множества ног. Я передал лазер Рону, бластер Арту, а сам взял терморужье.

Арт сразу же кинулся к лестнице, и, как только показались хозяева, он встретил их парализующим излучением. Трое первых превратились в статуи, один упал, остальные отступили.

Рядом со мной Риелла пыталась успокоить Вигану. Я осмотрелся, надеясь найти другой выход. Увы, единственный путь — лестница.

Я махнул рукой, чтобы Арт отошел от лестницы, и, нацелив терморужье, выстрелил. Сверху слышались истошные крики и стоны. Я смог подняться вверх по лестнице на пять ступенек. После следующего выстрела мне пришлось отступить, так как на меня посыпались горящие, как факелы, тела.

Я прыгнул с лестницы в подвал. Рон проверял каждую клетку, безжалостно уничтожая оставшихся в живых монстров... Да, мы уже потеряли Варуа, Форстера, многих людей с Артоса... Мужчины и две женщины. Это, конечно, не хозяева...

Я взглянул на Вигану, которая пришла в себя и в порыве благодарности кинулась ко мне.

— Абурен!

— Ты знала, что у хозяев есть слуги?

— Я все поняла только вчера, когда меня допрашивал Главный Хозяин!

— Главный Хозяин?

— Артод,— пояснил Рон.— Это он захватил нас.

— Это он заставил твоего друга улететь на корабле,— добавила Вигана.— Однако почти сразу же стало известно, что тот не сможет довести корабль до Арканы.

— Он сказал тебе это?

— Нет, но я слышала его мысли.

— Каким образом?

— Он хотел узнать все, о чем я говорила с тобой, и подключился к моему мозгу. Я не могла утаить ничего. Однако и он тоже. Теперь я знаю, что он не человек.

— Как?

— Все хозяева не люди. Это уже не арканцы, не еще и не люди, хотя внешне похожи на людей.

Мне это показалось невероятным, однако, Вигана говорила уверенно:

— Это открытие чуть не стоило мне жизни.

В это время Арт, стоявший возле лестницы, окликнул нас:

— Вам очень нравится оставаться здесь? Я предпочел бы побыстрее выбраться наружу.

— Лестница свободна?

— К сожалению, нет. Но должен же быть другой выход.

— Может быть, там? — сказала Вигана и прошла в другой конец подвала. Перед ней было что-то вроде форточки.

— Пожалуй, выбраться можно.
— Вентиляционная труба?
— Да.
— Широкая?
— Вроде бы. Кроме того, внутри проходит металлическая лестница.

Отлично. Я осмотрел вход. Слишком узкий. Однако это не проблема. Я сделал знак Рону, и тот приготовил лазер. Несколько секунд, и Рон расширил вход.

— Поднимайся первым. За тобой Вигана и Риелла. Потом Арт. Я пойду сзади.

— Куда эта труба приведет нас? — поинтересовался Арт.

— На кольцевую дорогу.
— А если арканцы следят за ней?
— Мы ничем не рискуем.
— Тогда пошли...

Пока они один за другим скрывались в отверстии, я вернулся к лестнице. С помощью терморужья я раскалил докрасна ступеньки. Арканцы все еще были здесь, наверху. Они, очевидно, ожидали, когда лестница остынет и они смогут ринуться вниз.

Придется подождать еще. На всякий случай я направил энергетический луч в их толпу. Мне стало легче. Убивая их, я не ощущал ничего такого, что чувствовал бы, убивая людей. Эти чудовища вовсе не люди. Теперь я многое понимал.

Арканцы подняли восстание против старых хозяев и уничтожили их всех. Вполне логично. Они не рискнули бы держать пленников, тем более своих создателей.

И все же я заблуждался. Я был близок к разгадке, когда пытался сесть на экваториальный континент. Галкары. Увидев их, я был удивлен отсутствием каких-либо аномалий... То, что произошло с галкарами, происходит и с людьми, попавшими к арканцам. Вот почему я был поражен, увидев Варуа. Казалось, что не его поглотило чудовище, а наоборот.

Сущность арканцев заключается в том, что им требуются трансформации, не оставляющие никаких признаков первичного существа, кроме разума. Потребность в трансформациях у них возникает после того, как им удается поглотить что-то живое.

Неважно что, лишь бы живое. Это могли быть какие-то животные, зародившиеся в океане планеты. С этого все и началось.

Еще раз подогрев лестницу мощным зарядом, я пошел к вентиляционной трубе. Мои спутники были уже высоко, и мне пришлось догонять их.

Небольшая задержка наверху, и вот Рон, перебравшись через ограждение, исчез. За ним Риелла и Вигана. Я догнал Арта в тот момент, когда он добрался до дороги, огибающей дворец.

День только начинался.

— Вигана, нам нужно как можно скорее выбраться из города. Скоро они догадаются, что нам удалось покинуть подвал, и они попытаются нас блокировать.

Она все поняла и повела нас на пустынную улицу.

— Скорее!

Я не знал численности арканцев, однако понимал, что решительности им не занимать. Я понимал, что мы находимся в невыгодном положении, так как недостаточно хорошо вооружены. Я решил избежать сражения.

— Абурен вызывает Нильса.

— Наконец-то, — послышался взволнованный голос Нильса. — Я уже начал беспокоиться. Где ты?

— Со мной Рон и Арт. И Вигана.

— А Варуа?

— Мертв. Форстер тоже.

— Как это случилось?

— Мне пришлось убить их, так как у меня не было другого выхода: начался процесс мутации.

— О! Я знаю!

— Ты должен нас встретить.

— Где?

— Там, где ты меня высадил.

— Понял.

Сообщать координаты по радио нельзя. Арканцы могут перехватить разговор.

К этому времени мы уже покинули город незамеченными и находились в лесу, на склоне холма.

— Надеюсь, что теперь ты согласишься смотаться отсюда как можно быстрее? — спросил Рон.

— Конечно, но сначала мы должны вывести из строя звездолет.

— В космосе он не опасен для нас, так как гораздо медлительнее «Фрама».

— Я боюсь не этого. Просто нужно лишить их возможности совершать рейсы между Артосом и Арканой,

пока здесь есть люди, которых они могут использовать, как материал для мутаций.

— Ты думаешь, они делают это?

— А ты сомневаешься?

Он помолчал несколько секунд, глядя на Риеллу и Вигану, затем вздохнул и ответил:

— Хорошо... Как ты собираешься уничтожить звездолет?

— Если он попытается подняться в воздух, «Фрам» расстреляет его. Если же он будет оставаться под защитой силового поля, мы с тобой блокируем площадь, а Нильс с Виганой вооружат население Нолены.

— Ты хочешь поднять восстание?

— А почему нет? Если все люди начнут истреблять арканцев в человеческом облике, с чудовищами будет покончено.

— Допустим... Однако не забывай, что хотя звездолет и старый, но он все же военный корабль. Его огневая мощь значительно превышает возможности «Фрама».

— Я знаю. Однако арканцы не умеют им пользоваться.

— Ты спятил?

— Нет. Вспомни. Они даже не пытались уничтожить ракету, которая приближалась к ним в космосе.

— Мне показалось это странным.

— Дело в том, что они никогда не пользовались вооружением корабля. Их орудия ни разу не стреляли с момента переворота.

— Будем надеяться.

— Расскажи, как вы попали в их руки.

— Очень глупо... Из-за...

— Артода?

— Да. Он подсыпал нам в пищу сильный наркотик. Мы совершенно утратили способность к сопротивлению.

— А как же Нильс и Сторк?

— Нильса и Сторка спасло то, что они были за городом и пользовались питательными таблетками.

Над холмом показался «Фрам», и я включил передатчик, чтобы сообщить Нильсу наши координаты.

Все одобрили мой план, и на борту остался Рон, так как он лучше Сторка управлял кораблем. Рон уже был на посту, готовый вмешаться, если звездолет сделает попытку подняться в воздух.

Звездолет все еще находился на площади, окруженный силовым полем. Отсутствие какой-либо реакции у арканцев

на звездолете начинало меня беспокоить. Мне казалось, что за этим что-то кроется.

Мы выгрузили из корабля все то оружие, которое можно было доверить согражданам Виганы.

Сограждане? Вряд ли это слово подходит к тем, кто понятия не имеет о принципах общественного устройства планет других солнечных систем и над кем долгое время господствовала негуманоидная раса.

Основным оружием были старинные карабины с запасом патронов. Они служили Рону для натурального обмена с примитивными племенами. Кроме того, имелись и бластеры. О том, чтобы вооружить людей лазерами и терморужьями, не могло быть и речи.

— Мы переправим оружие на одну из террас дворца, — сказал я.

— Но сначала надо очистить его от арканцев, которые там могут быть, — заметил Нильс.

— Вигана и Риелла будут нас сопровождать. Без них мы рискуем заблудиться в лабиринте коридоров.

Нильс рассмеялся. Мне показалось, что ему нравится бравировать перед Виганой. Я посмотрел на нее. Она внимательно слушала и переводил Риелле. При последних словах Риелла улыбнулась и что-то сказала.

— Она согласна вести вас.

— Отлично. Мы дадим вам по бластеру.

Нильс объяснил, как обращаться с бластером, а Вигана перевела все Риелле.

Похоже, что Риелла не представляет, что может ждать нас. Вигана уже побывала в лапах арканцев и знала, на что они способны.

Поэтому она и согласилась. И еще потому, что она знала, без нее нам не установить контакта с населением Артоса.

Во что мы ввязались? Я вдруг испугался. Чего? Трудно сказать. Может быть, я не доверял женщине, которая уже предала своих хозяев. Мне, землянину, трудно понять психологию местных жителей.

— Я уверен, что все будет нормально, — заявил Нильс.

Вигана и Риелла надели пояса с бластерами. Я вызвал Рона:

— Мы готовы. Пора.

— Высаживаю вас на террасу.

— Правильно. Вигана и Риелла вряд ли решатся прыгать с корабля. Даже с гравикомпенсаторами. Для этого нужна тренировка.

— О'кей.

Мы спустились на лифте в помещение шлюза, и я включил обзорный экран.

Под нами мы увидели дворец, потом террасу, которая как бы летела на нас. Корабль застыл в воздухе, люк открылся. Ответственный момент. Я прыгнул первым. Никого. Арт уже был рядом со мной.

— Встречающих нет? — спросил он.

— Вроде нет.

Я махнул рукой, и остальные тоже стали прыгать. Вскоре все стояли рядом со мной.

Я осмотрел площадь. Вокруг звездолета никакого движения.

— Они должны видеть нас. Чего они ждут?

Мои нервы напряглись до предела. Я предпочел бы, чтобы сейчас на нас обрушился шквал огня. Нет ничего хуже, чем чувствовать опасность, но не знать, откуда она придет.

Фиолетовый луч? Может, они хотят сначала понять, что мы собираемся делать, куда пойдем, к звездолету или во дворец?

Вигана провела нас к лестнице. Не к той, через которую я попал в комнату Риеллы. Эта лестница была значительно шире. Во дворце было тихо. Казалось, что он давно покинут. Держа перед собой терморужье, Сторк начал спускаться.

Все арканцы ушли. На первом этаже мы нашли лишь нескольких слуг и женщин из отряда Виганы. Женщины рассказали нам, что хозяева оставили дворец час назад. Уходя, они убили нескольких пленников.

В подвале арканцы не оставили никаких следов. Все трупы были сожжены, а некоторых убитых они унесли с собой. К чему такая предосторожность? Я не понимал этого, однако, данное обстоятельство не влияло на наш план.

Я оставил Нильса и Арта во дворце вместе с Виганой и Риеллой, чтобы они собрали и вооружили самых надежных и смелых людей города. Вместе со Сторком я поехал на автомобиле к площади.

Немного не доехав до нее, мы бросили автомобиль. Звездолет по-прежнему был окружен силовым полем. Оно надежно защищало его и не мешало арканцам атаковать нас.

Пока «Фрам» выгружал оружие, я проверял наличие поля лазером. Поле ни на секунду не отключилось.

- Что ты об этом думаешь, Сторк?
- Морлот пожал плечами.
- Мне кажется, они поступают правильно.
- Уж не собирався ли Сторк оправдывать этих убийц?
- Что такое «правильно»?
- Похоже, они выжидают,— заметил Сторк.
- Чего они ждут?
- Может быть, помощи.
- С Арканы?
- Или откуда-нибудь еще.
- Что ты хочешь сказать?
- Вигана говорила, что они регулярно привозят малолетних детей. А с военным кораблем или транспортом, которые устарели пятьдесят лет назад, невозможно показаться в нормальном порту.
- Правильно! Не с Арканы же они привозят детей. Значит, они бывают в иных звездных системах, и, значит, у них есть пиратский корабль, вся команда которого имеет облик людей.
- Ты прав, они наверняка ждут помощи.
- Сейчас они понимают, что с нами трудно тягаться, хотя мы уничтожили их не так уж много.
- Я включил передатчик и вызвал Рона:
- Следи за космосом. Включи все приемники и локаторы. Не исключена возможность появления другого корабля арканцев.
- Вот почему они затаились.
- Вероятней всего.
- Но, чтобы контролировать космос, я должен выйти на орбиту.
- Действуй.
- А если у них есть магнитная ловушка?
- Чтобы воспользоваться ею, они должны отключить силовое поле. В этом случае мы сразу уничтожим их терморужьями. Их обшивка не выдержит нашего залпа.
- С богом!

Глава 11

Наступила ночь. День на темных планетах кончается быстро. Я нес вахту, а Сторк отдыхал в укрытии, которое мы нашли вблизи площади. Звездолет оставался под защитой силового поля, наличие которого я время от

времени проверял лучом лазера. Шипящие искры сыпались в том месте, где тонкий луч касался поля.

Я не думал, что арканцы попытаются напасть на нас ночью, однако, предосторожность никогда не бывает лишней. За день я дважды связывался с Нильсом. Арт и Нильс собрали группу женщин и обучали их обращению с оружием. Большинство женщин неплохо освоило это искусство, но с мужчинами было труднее. Они совсем отвыкли от ответственности.

Ожидание уже начало раздражать меня. Я начал уже думать, что ошибся. Может быть, они никого не ждут. После массового уничтожения в подвале, они, возможно, поддались животному инстинкту самосохранения. В таком случае наше ожидание может затянуться. Пока у них не кончится энергия для поддержания силового поля или пока голод не заставит их выйти наружу.

Дважды я вызывал их по радио, однако, они молчали. Борясь со сном, я непрерывно курил и ходил взад-вперед.

Теплая ночь наполнена ароматами. Нежный запах цветов смешивается с настойчивым запахом леса на холме.

— Абурен,— вдруг раздался взволнованный голос Рона.

— Слушаю.

— Они появились. Мои приборы зафиксировали их.

— Корабль один?

— Нет. Несколько. Самое малое — два.

— Значит, нет речи, чтобы выйти против них на «Фраме»?

— Конечно. Нужно уходить как можно быстрее. И моли бога, чтобы это оказалось не слишком поздно, Абурен.

— Если хочешь, можешь отправляться. Попытайся добраться до ближайшей планетной системы и передай «SOS». Попросишь помощи у первого же патрульного корабля.

— Ты прекрасно знаешь, что они откажут.

— Но ты все-таки сделай это. Затем отправляйся на Табор и от моего имени обратись ко всем космическим авантюристам, бродягам, искателям приключений. Скажешь им, что мне нужна помощь. Среди них наверняка найдутся те, кого я выручал.

— Я полечу один?

— Это зависит... Я не буду мешать никому, кто захочет присоединиться к тебе.

Нильс, слышавший разговор, вмешался:

— Лично я остаюсь здесь.

— Я тоже, — сказал Арт.

— А Сторк?

— Он спит, но я разбужу его.

Сторк спал чутко и сразу открыл глаза. Сообщение о том, что к арканцам идет помощь, не произвело на него впечатления. Он улыбнулся.

— Я уйду, если уйдешь ты, Абурен. Если ты остаешься, остаюсь и я. Ты же знаешь это. Стоило ли будить меня из-за такой ерунды?

— Ты слышал, Рон?

— Да.

— Прежде, чем ты уйдешь, я хотел бы забрать максимум оружия с «Фрама». Оно может нам пригодиться.

— О'кей. Я возвращусь в атмосферу. Куда садиться?

— Я скажу тебе это в последний момент.

Теперь на террасу дворца. Я оставил морлота возле площади. Если арканцы выключат силовое поле, он атакует корабль двумя терморужьями, направив их туда, где находится ядерное горючее.

Вот и «Фрам». Он опускается совершенно бесшумно благодаря мощному гравикомпенсатору. Зависнув у самой земли, Рон открыл нам люк. Через несколько секунд он появился сам, чтобы встретить нас.

— Корабли далеко?

— Если они не снизят скорость, то через десять часов будут здесь.

— То есть в начале дня.

— Вероятно, они так и хотят.

— Значит, у нас есть время подготовиться. Сколько на борту шлюпок?

— Две.

— И обе вооружены парализаторами?

— Да.

Отлично. Правда, Рон останется без термического оружия. Только несколько лазеров. Мы погрузили в шлюпки все, что может понадобиться, и в первую очередь продовольствие. Я решил отправить Нильса и Арта в лес с группой, которую они сформировали. Мы со Сторком останемся на холме. В арьергарде.

Первая шлюпка, управляемая Артом, покинула «Фрам» и опустилась на землю, чтобы забрать два десятка женщин во главе с Риеллой.

Лица женщин были суровы и решительны. Большинство из них уже столкнулось с арканцами, когда те

арестовали Вигану. Теперь они знали, против кого им предстоит сражаться.

Нильс обнял отца и сел за штурвал второй шлюпки, куда Вигана должна была загрузить вторую группу.

— Я отвезу их и вернусь,— сказал Нильс.

Наблюдая за отлетающими шлюпками, я давал последние наставления Рону:

— Как только выйдешь из системы темных планет, передай в эфир «SOS», затем отправляйся на Табор. Собери побольше людей и не забудь о вооружении. Если тебе нужны деньги, я выпишу чек.

— Не стоит. У меня есть.

— Возвращайся побыстрее. Мы можем попасть в тяжелое положение. На орбите не задерживайся, опасайся встречи с этими кораблями. Возможно, у них есть магнитная ловушка.

— Я буду держаться подальше от них.

— Дорога до Табора и обратно, плюс время на то, чтобы собрать людей.

— Жди меня не раньше, чем через десять дней.

— Я бы сказал, пятнадцать.

Мы пожали друг другу руки, и он скрылся в рубке. Видимо, он не хотел демонстрировать свои чувства. Люк закрылся, и я почувствовал, что у меня защемило сердце. Без «Фрама» нам будет совсем трудно.

На отдаленных планетах корабль — единственная ниточка, связывающая с цивилизацией. Не имеющий корабля — обречен. Однако я уверен — «Фрам» вернется. В этом на Рона можно положиться. «Фрам» с включенными прожекторами поднимался в небо. Терраса погрузилась во тьму. Но через некоторое время глаза привыкли к слабому свету факелов в руках женщин, ожидавших возвращения шлюпки.

Разговаривать с ними бесполезно: никто не понимает галактического языка. Я вызвал Сторка:

— Что нового?

— Ничего.

— Как только «Фрам» уйдет в космос, присоединяйся ко мне.

Планета уже сделала пол-оборота, и, если бы черный диск не заслонял солнце, было бы совсем светло. Нильс и Вигана успели сделать два рейса и забрали всех женщин. В лесу они соорудили укрепления, чтобы мы со Сторком могли сдержать натиск противника.

Мы покинули город и расположились на холме, откуда была хорошо видна площадь. Звездолет все так же был окружен полем, которое в темноте было видно издалека.

Сторк был мрачен. Он нервно курил и расхаживал по маленькой площадке, которую мы выбрали местом наблюдения.

— Мне кажется, что эта ночь бесконечна.

— Она кончается...

И действительно: небо вдруг быстро стало оранжевым, и мы увидели два корабля.

— Но это же «Фрам»! — воскликнул Сторк. — «Фрам»...

«Фрам» летел к площади в сопровождении крейсера современной конструкции.

— Сторк... крейсер...

— Он идет под флагом Звездного Патруля.

Я включил приемник и сразу услышал голос Рона:

— Абурен, почему ты не отвечаешь?

— Я экономлю аккумуляторы. Что происходит?

— Я уже час пытаюсь связаться с тобой. Я сделал пол-оборота и понял, что это корабли Патруля. «Покоритель» и «Непобедимый».

— Как они оказались здесь?

— Я хотел доложить командиру о том, что происходит здесь, но он уже в курсе. Правительство получило какие-то жалобы.

— По поводу пропажи детей?

— Он не сказал мне, однако, это вероятно. В любом случае — они здесь и правительство получит необходимые сведения. «Непобедимый» остался на орбите.

«Фрам» приземлился возле звездолета арканцев, все еще окруженного силовым полем. Рядом сел «Покоритель». Наконец-то кончились все наши неприятности. Я надеялся, что Нильс слушает нас.

— Нильс! Ты все слышал?

— Да. Невероятно... Я уже приказал сворачивать лагерь и возвращаться в Нолену.

— Правильно.

Я махнул Сторку рукой, нажал кнопку гравикомпенсатора и поднялся в воздух. Сторк последовал за мной. Мы направились к площади. Звездный Патруль... Как все удачно сложилось. И, наконец, будет покончено с похищениями детей. Конец кошмара. И для нас, и для всего человечества.

Вот и площадь. Я видел, как Рон вышел из «Фрама» и направился к трапу «Покорителя». Из крейсера вышли

несколько солдат, а за ними три офицера, среди которых я узнал по форме командира.

На звездолете арканцев все по-прежнему. Он окружен силовым полем. Мы встали рядом с Роном. Он представился:

— Рон Скалдер. А это мои товарищи: Абурен и Вальтер Сторк, морлот.

— Командир Патруля Делгинкофф. Следуйте за мной.

Командир немногословен. Голос его сух и строг. Солдаты Патруля всегда недолюбливали таких, как мы, свободных бродяг космоса. Мы не военные и не имеем права подниматься на борт крейсера с оружием. Мы сдали оружие и пошли за командиром. Как только мы вошли в камеру шлюза, Делгинкофф обернулся и сказал:

— Арестуйте этих людей!

— Но, командир...

Он самодовольно улыбался.

— Мы прибыли сюда по вызову профессора Артода. Вы ответите за свои злодеяния, Абурен.

— Нет никакого профессора Артода. Тот, кто назвался так, не более, чем мутант-арканец. Я могу доказать это.

— Я не сомневаюсь, — рассмеялся командир, — но все же и вас, и ваших товарищей ожидает клетка.

Нас окружили, и я услышал голос Нильса:

— Абурен, что происходит?

— Нас арестовали.

— Звездный Патруль?

Я не успел ответить. В глазах у меня вспыхнуло, и я лишь успел увидеть бластер Делгинкоффа и его ухмыляющееся лицо. Я потерял сознание...

Сторк склонился надо мной. Самый молодой из нас, он очнулся первым. Колющая боль пронизывала мои мышцы. Судороги усугублялись еще и тем, что я был парализован второй раз за непродолжительное время.

Я хотел выпрямиться, однако, не смог, как и тогда, на борту «Фрама». Ах да, на этот раз Делгинкофф. Туман стал рассеиваться, и я пробормотал:

— Где Рон?

— Он все еще парализован.

— Нильса тоже схватили?

— Не знаю.

Мы находились в круглой камере, входа я не заметил. Стены были облицованы металлическими плитками. Пять деревянных топчанов. Рон лежал на одном из них.

Я медленно поднялся. Прошло уже два часа с тех пор, как нас схватили. Я попытался привести в порядок свои мысли.

Черт! Отобрали пояса с рациями. Вздохнув, я полез в карман за сигаретами.

— Как только Делгинкофф вызовет нас, я потребую, чтобы они провели обследование Артода. Должны же быть какие-то аномалии, доказывающие, что он не человек.

— А если командир откажется?

— Ему нет смысла отказываться. Обвинение против Артода слишком серьезно. Он должен согласиться, чтобы быть уверенным.

— Если их вызвал Артод, почему же они не задержали «Фрам» в космосе?

Действительно странно...

Я закурил и сел рядом с Роном. Он медленно приходил в сознание.

— Нильс...

— Его нет.

— Ты думаешь, он на свободе?

— Если бы его схватили, то он был бы тут с нами. И Арт тоже.

— Может быть.

Я хорошо знал Нильса, он понял мое предупреждение и наверняка скрылся, чтобы не попасть в волчью пасть.

Рон пошевелился, попытался улыбнуться, но судорога пробежала по его телу и он сморщился от боли. К счастью, скоро все кончилось, и он смог сесть.

— Почему нас арестовали?

— Потому что Патруль вызвал Артод, назвавшись человеком и ученым.

— В космосе Патруль сообщил мне, что послан к темным планетам по поводу участившихся жалоб.

— Жалоб Артода на нас... Ты знаешь, что власти не выносят таких, как мы.

— В любом случае он не имел права парализовать нас.

— Я вышел на связь с Нильсом...

— Действительно. Он хотел помешать сказать правду Нильсу. Почему?

Верная мысль. Только я не успел обдумать ее, так как внезапно открылась замаскированная в стене дверь и в помещение вошел сержант с бластером в руках.

— Выходите! Все!

— Нас поведут к командиру?

— Молчать! Выходите, я сказал!

Спорить нет смысла. У него было суровое лицо, и я не сомневался, что он с удовольствием воспользуется возможностью применить бластер. Я вышел в коридор. Остальные — за мной. Здесь нас уже ждали шестеро вооруженных людей.

— Вперед!

— Нас ведут как уголовников, — усмехнулся Сторк.

— Молчать!

Ясно, что нас вели не в командирскую рубку, так как вместо лифта нас погнали по лестнице на второй уровень.

— Стоять!

Мы остановились перед дверью. Сержант постучал и жестом приказал нам войти. В глубине помещения за столом, покрытым зеленым сукном, сидело пятеро. Делгинкофф с двумя офицерами и двое штатских. Один из них — Артод, он смотрел на меня иронически. С нами вошел только сержант, и, когда дверь закрылась, Делгинкофф объявил:

— Имея полномочия Военного Трибунала, мы выносим следующий приговор, касающийся вас...

Ошеломленный, я прервал его:

— Как приговор? Не заслушав нас?

— Тяжесть преступлений и их очевидность делают эту процедуру излишней.

— Но вы даже не знаете, о чем речь.

— Пока вы спали, мы прозондировали ваши мозги.

— Это противозаконно!

Я был взбешен и рванулся вперед, однако, ужасная боль остановила меня. Такое впечатление, как будто с меня содрали кожу и обнажились мышцы. Это сержант выстрелил в меня из бластера. Излучение было минимальной мощности, но я не мог пошевелиться. Делгинкофф продолжал:

— Вы трое, а также человек по имени Нильс Скалдер и венерианец Арт приговариваетесь к пожизненному заключению и все пятеро будете депортированы на планету Нандал.

Он хочет отдать нас арканцам! О боже! Это невозможно! Это какая-то ошибка! Нужно доказать ему...

— Командир! Артод не человек. Корабельный врач может сделать анализ...

— Это бесполезно.

Стекланный взгляд, ироническая улыбка. Как занавес, которым он прикрывался.

— Тогда и ты тоже арканец!

Делгинкофф усмехнулся.

— У тебя было достаточно времени понять это. Я думал, что ты сообразительнее, Абурен. Звездный Патруль не имеет права мотаться по каждому вызову...

Арканец! Все ясно! Арканец, принявший в результате мутаций облик Делгинкоффа и с тех пор выдающий себя за него. Ведь он унаследовал его память и его знакомства... Два офицера, несомненно, тоже арканцы... И сержант... Солдаты же, судя по тому, что им не разрешено входить сюда, люди.

Люди, не подозревающие, что служат чудовищам.

Глава 12

Под небольшим конвоем нас отправили в Нолену на автомобиле. Один из офицеров сел рядом с нами, знакомый нам сержант — за руль.

Понятно, они не хотят, чтобы мы общались с солдатами. Мы не особенно отчаивались: пока Нильс на свободе, мы могли надеяться. Однако мы понимали, что Нильса вот-вот могут схватить.

Необъятность планеты давала Нильсу некоторые шансы, тем более, что он был не один, а с женщинами. Но если встанет вопрос жизни и смерти? Я не знал, как поведут себя женщины в такой ситуации.

Автомобиль остановился перед дворцом Виганы. Офицер предупредил нас:

— Если вы будете пытаться вступить в контакт с солдатами, я немедленно парализую вас. И мучения ваши будут еще ужаснее.

Этим нас не испугаешь, однако, не стоит подвергаться опасности без толку.

Если бы я был уверен, что мне удастся все объяснить солдатам, я бы рискнул. Но быть парализованным при первом же слове... Я лучше воздержусь и дождусь более благоприятного момента.

Мы миновали парадную лестницу и оказались в помещении, откуда вела лестница в подвал. Рону вновь предстояло вернуться в клетку, однако, на этот раз я был с ним.

На лестнице еще остались следы термоударов. Нас привели в подвал с клетками. Артод уже был здесь.

Сторка посадили в первую клетку, Рона в следующую, а за ним — меня. Все клетки были двойные, и я с

содроганием посмотрел на отделение, куда посадят чудовище, предназначенное для мутации.

Артод заметил мой взгляд и лукаво улыбнулся.

— Не сейчас, Абурен, не сейчас. Сначала дождемся отлета «Покорителя».

— Его экипаж состоит из людей?

— Верно.

— И, если они обнаружат истину, вам уже будет некуда сматываться, не так ли?

— Необходимые предосторожности приняты. Больше года Делгинкофф наш. На внешних планетах у нас есть центр, аналогичный тому, что вы уничтожили на Нандале. На Таборе. В таверне космопорта. Там мы осуществляем мутации.

Он был ужасно горд, объясняя это.

— Снаружи ничего подозрительного. Но стоит войти туда какому-нибудь офицеру, и с ним все кончено. У нас есть и женщины. Естественно, человеческие. Они приводят человека в одну из комнат, и там с ним не церемонятся. Через два часа он выходит к своим спутникам, однако, это уже не он.

Клетки были заперты. Перед уходом Артод сказал:

— Через двадцать четыре часа вы тоже будете нашими. Вы сможете вернуться на Землю. Вернуться к своей жизни. И никто ничего не заметит: ведь мутации не затронут вашу память.

В сопровождении офицера и сержанта он пошел к выходу. И тут Рон взорвался:

— Как глупо мы влипли! И это называется Звездный Патруль! Патруль, который должен был помочь нам!

Он с яростью стал трясти прутья решетки.

— Успокойся,— сказал я.— Нильс на свободе, значит, не все потеряно.

— Нильс тоже попадется в ловушку.

— Он понял, что мы арестованы.

— Но что он может сделать против сотен солдат?

— Они подчиняются Делгинкоффу, пока не выяснится, что он не человек.

— Но как это может выясниться?

Ни стула, ни стола... Ничего, что могло бы служить оружием, когда к нам запустят рептилий. Артод все предусмотрел. Сторк сидел, прислонившись спиной к стенке клетки. Он закурил и казался совершенно безразличным. Однако я не мог так покориться.

— Проверим карманы. Может, найдется что-нибудь, что сможет пригодиться.

— У меня есть нож,— сказал морлот.

— Где?

— В сапоге. Как у любого морлота. Они не подумали об этом. Нож, специально приспособленный для метания.

Ужасное оружие в руках морлота. Однако в данной ситуации он сможет послужить нам только один раз. И вдруг я вспомнил Форстера и Варуа, которых мне пришлось разрезать пополам после мутации.

Кровь, которая хлестала из них, была зеленой. Сине-зеленая кровь сама по себе противное зрелище, а в сочетании с гнилостно-болотным запахом, распространяющемся при этом... Солдаты и офицеры, которые еще остались людьми...

Тогда они поймут все, если, конечно, Делгинкофф рискнет еще раз показать нас нормальным людям.

— Когда нас вели сюда, мне показалось, что нас сопровождает отряд солдат.

— Да,— подтвердил Рон.

— Вероятно, они сторожат в коридоре; хотя им запрещено входить сюда, но...

— Тихо! — прошептал Сторк.

Он показал на вентиляционную трубу, откуда появились две ноги. Голые женские ноги... Довольно симпатичные... Через секунду на пол спрыгнула Вигана и приложила палец к губам. За ней Риелла с бластером. Она встала у входа. Вигана подошла к нам и вручила оружие. Каждому по лазеру и бластеру.

— Где Нильс? — спросил Рон.

— На холме вместе с венерианцем.

— Нет, так нам не победить арканцев,— сказал я.

— Мы можем их атаковать, когда они все соберутся на корабле. Ведь они должны улететь завтра.

— Если мы сбежим, они отложат полет.

— Что же тогда делать?

— Нужно доказать солдатам, что Делгинкофф и Артод — арканцы.

— Как?

— У мутантов, как и у арканцев, зеленая кровь. Зеленая, с ужасным запахом. Достаточно кого-то ранить при свидетелях.

Я надел пояс с гравикомпенсатором и стал резать прутья решетки. То же делали и Рон со Сторком. При этом мы следили за входом, однако, там было тихо.

— Послушайте меня. Если войдет человек из охраны, его немедленно нужно парализовать. Если же это будет Артод, офицер или тот самый сержант, Сторк должен бросить ему нож в горло.

— Понятно.

— Вы, Вигана и Риелла, уходите через вентиляционную трубу. Постарайтесь не попасться в ловушку. Кольцевая дорога охраняется?

— Нет.

— Ну что же, удачи вам!

Когда они скрылись из виду, я стал кричать:

— Помогите! Помогите!

Сразу открылась дверь. Сержант остоленел, увидев нас вне клеток. Он схватился за бластер, но нож морлота уже вонзился ему в горло. Морлот никогда не ошибался более чем на дюйм. Поток зеленой крови хлынул на пол. Тошнотворный запах заполнил помещение.

Я кричал:

— Солдаты, если вы люди, смотрите, кто командовал вами!

Два помощника Артода схватились за оружие, однако, наши лазеры остановили их. Они не успели даже поднять свои бластеры. Реакция у них, конечно, замедленная и кровь зеленая.

Я рискнул выйти в коридор. Пятеро солдат из Патруля с ужасом смотрели на трупы. Никто и не подумал поднимать на нас оружие.

— Ваш шеф и большинство офицеров — это мутанты-арканцы. Речь идет о расе негуманоидов, которые, приняв человеческий облик, пытаются выйти во Вселенную.

Один из солдат покачал головой.

— Меня зовут Мерсер. Что нам нужно делать?

— Предупредить всех ваших и постараться связаться с «Непобедимым». Так как его оставили на орбите, я полагаю, что его экипаж полностью состоит из людей.

— Этот крейсер прибыл с Земли только на прошлой неделе.

— Изменений экипажа не было?

— Нет.

— Тогда их командира нужно срочно предупредить.

— Он здесь! — воскликнул Мерсер.

— Где?

— Там, наверху. На площади, где должно состояться награждение оружием.

— Когда?

— Сейчас.

Неожиданный шанс. Я позвал Рона и Сторка, и они вскоре вернулись с Виганой и Риеллой.

— С Делгинкоффом мы должны сделать то же самое, что и с сержантом, и в присутствии всех.

Сторк вытащил нож из горла сержанта, вытер лезвие.

— Мне только нужно приблизиться к нему на двадцать метров, и тогда он будет мертв.

— Это нелегко.

— Награждение будет во дворце?

— Нет, на площади.

Сторк задумался на несколько секунд.

— Тогда это можно сделать, если неожиданно спрыгнуть со второго или третьего этажа.

— Попробуем.

Солдаты сопровождали нас, однако, путь был свободен. Все были на празднестве. Мы быстро добрались до лестницы и направились наверх.

На четвертом этаже Вигана показала нам кабинет, окна которого выходили на площадь. Морлот достал нож, сжал его и стал искать глазами Делгинкоффа.

Он сидел на трибуне среди штатских и офицеров. Там же сидел Артод.

— Все, что они могут предпринять, это воспользоваться парализатором.

— Вижу, — ответил Сторк.

С улыбкой, похожей на гримасу, он поднялся на подоконник и, нажав кнопку гравикомпенсатора, полетел вниз, к трибуне.

Секунды мучительного ожидания... Морлот метнул нож, еще не коснувшись земли, и из горла Делгинкоффа хлынула зеленая кровь. Замешательство было таково, что Сторк успел взмыть вверх и никто не успел взяться за оружие. При этом он кричал:

— Это не человек! И среди офицеров есть еще такие. Вами командуют чудовища, которые хотят завоевать Галактику.

Теперь настала моя очередь. Вместе с Роном мы приземлились возле трибуны, и я быстро подошел к командиру «Непобедимого», который пытался восстановить порядок.

— Докажите сначала, что вы — наш, и все последуют вашему примеру.

— Как доказать?

Я без колебания врезал ему кулаком по носу. Брызнула кровь... Красная... Солдаты с радостью закричали.

Когда другие офицеры стали доказывать, что они люди, подобным же способом, арканцы попытались удрать, но это им не удалось.

Рон вернулся на «Фрам», и началась охота на арканцев. Настоящая охота, безжалостная и повсеместная. В трюмах звездолета, где Артод ждал Делгинкоффа, мы обнаружили двенадцать рептилий.

Все они находились на разных стадиях мутаций. Капитан Лармат заснял на пленку все эти стадии, от первоначальной, до полного преобразования облика.

Когда он вернулся с корабля, то предложил уничтожить все на Аркане термобомбами. Только нужно взять на Землю для изучения несколько экземпляров.

И среди них — Артод, которого подвергли зондированию мозга. Именно профессор Артод, возглавлявший первую экспедицию Большого Совета, был виновен во всем этом кошмаре.

У него не было плохих намерений. Обнаружив, что однажды мутировавшие арканцы приобретают тягу к трансформации, он загорелся идеей преобразовать арканцев в галкаров. К несчастью, один из его ассистентов упал в клетку с чудовищами...

Никто ничего не заподозрил, когда арканец, приняв облик человека, появился среди людей.

Никакого восстания не было. Этот арканец постепенно заманивал в ловушку одного человека за другим...

На Аркане есть часть арканцев в человеческом облике. Однако они являются результатом спонтанных мутаций и просто служат высшим арканцам.

В соседних системах уже более тысячи арканцев заняли места людей. И в основном руководящие должности. Правда, теперь не составит труда обезвредить их.

Артод мечтал завоевать планеты путем внедрения туда своих. Теперь этого не случится.

Сейчас Лармата занимали две проблемы. Как быть с галкарами, заселяющими экваториальный континент? Видимо, их придется оставить в покое до решения Большого Совета. И вопрос о населении Артоса.

С Виганой все ясно. Она решила лететь с Нильсом. А Риелла — со Сторком. Остальные женщины приняли решение остаться. Они полюбили планету с ее бесконечно длинными ночами.

Они останутся и разработают свои законы и порядки. Однако малолетних детей нужно забрать отсюда и вернуть родителям.

Аркана! «Фрам» опередил корабли Звездного Патруля на двадцать четыре часа. Разумеется, с согласия капитана Лармата.

Когда все закончилось, Рон предложил нам слетать на Аркану. Он рассказывал о золоте, алмазах...

Было бы глупо пренебречь этим. Тем более что от Артода мы узнали, что магнитная ловушка была уничтожена вместе с транспортом, подбитым нами по пути с Нандала.

Да, Фортуна улыбнулась нам. Лично мне ничего не было нужно. Рону тоже. Но есть еще Нильс, Арт, Сторк. Да и о семьях Велеа, Форстера и Варуа нужно было позаботиться.

Мы плавно вошли в атмосферу Арканы. Локаторы и анализаторы обшаривали каждый ее дюйм. Они обнаружили скопление арканцев в районе лаборатории, однако, нас это не касалось. Корабли Патруля займутся их истреблением. Мы же будем стрелять только для самообороны.

Но нападение маловероятно. Благодаря телепатической связи они знали, что все потеряно, и теперь покорились судьбе, как дикие звери перед неизбежностью.

Детекторы должны были указать нам наиболее богатые месторождения. Рон принял командование кораблем, и всем нам оставалось только ждать его указаний. Я был всего лишь пассажиром, мнение которого выслушивают, но не более.

Раздался приказ Рона:

— Открыть люк! Я остаюсь на борту на случай нападения.

Он обратился ко мне:

— Я не прошу тебя помогать Нильсу, Абурен. Каждый должен устраивать судьбу своими руками.

— И все же я тоже выйду.

— Ты ненасытен, Абурен.

Это точно. Однако я решил выйти только для того, чтобы найти уникальный алмаз для Норрелы. На память о моей последней экспедиции. Самый большой алмаз, какой только найду здесь.

У меня будет время для поисков, пока ребята набивают сумки так, что едва смогут тащить их.

СОДЕРЖАНИЕ

Дуглас Хилл

- ОХОТНИК. Фантастический роман. 3
Перевод с английского

Стефан Вюль

- ЛОВУШКА НА ЗАРКАСЕ. Фантастический роман. 101
Перевод с французского

Карл Херберт Шеер

- ГАЛАКТИКА БЕЗ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. 205
Фантастический роман. *Перевод с немецкого*

Луи Тирион

- ПОТЕРПЕВШИЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ
НА «АЛКИНООСЕ». Фантастический роман. 338
Перевод с французского

Петер Ранда

- КОСМИЧЕСКИЕ ИСКАТЕЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЙ. 465
Фантастический роман. *Перевод с французского*

Галактика без человечества: фантастические романы.— Новосибирск: фирма «Тимур», 1994.—560 с. (Серия «Шедевры фантастики»).

ISBN 5—85513—010—X

В сборник включены романы известных английских, французских и немецких фантастов.

Г — 4703010100—10 Без объявл. ББК 84.4 Ин
Ю22 (03) — 94

СЕРИЯ «ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ»

ГАЛАКТИКА БЕЗ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Фантастические романы

Ответственный редактор *Молокин М. А.*

Художник *Заплавный А. А.*

Технический редактор *Польщикова Л. А.*

ЛР 061507 выд. 05.08.92. Сдано в набор 20.04.93. Подписано в печать 16.12.93.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная №2. Гарнитура литературная. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 29,4. Тираж 50000 экз. Заказ № 1608.

Фирма «Тимур», г. Новосибирск.

630076. г. Новосибирск-76, ул. Журанская-14, п/я 98.

Отпечатано с готовых диапозитивов в Иркутском Доме печати.

664009. г. Иркутск, ул. Советская. 109.

